Н. В.
ГОГОЛЬ

III

ИЗДАТЕЛЬСТВО
АКАДЕМИИ НАУК
СССР

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ЛИТЕРАТУРЫ (ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

Н. В. ГОГОЛЬ

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
1938

Н. В. ГОГОЛЬ

ТОМ ТРЕТИЙ

ПОВЕСТИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
1938

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР
Чл.-корресп. АН СССР
Н. Л. МЕЩЕРЯКОВ

РЕДАКЦИЯ ИЗДАНИЯ:
В. В. ГИППИУС, (зам. главного редактора)
В. А. ДЕСНИЦКИЙ В. Я, КИРПОТИН, Н. Л. МЕЩЕРЯКОВ, Н. К. ПИКСАНОВ, Б. М. ЭЙХЕНБАУМ

РЕДАКТОР III ТОМА
В. Л. КОМАРОВИЧ

РЕДАКТОРЫ ОТДЕЛЬНЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ТРЕТЬЕГО ТОМА:

„Невский проспект", „Рим" и отрывки „Страшная рука" и „Фонарь умирал" — *Б. М. Энгельгардт*
„Нос" и „Коляска" — *Н. Л. Степанов*
„Портрет" — *Н. И. Мордовченко*
„Шинель", „Записки сумасшедшего", отрывки „Ночи на вилле", „Дождь был продолжительный", „Рудокопов", „Семен Семенович Батюшек" и „Девицы Чабловы" — *В. Л. Комарович*
Две главы повести „Страшный кабан" и отрывки романа „Гетьман" — *И. Я. Айзеншток*
Введение к комментариям — *В. Л. Комарович*

Н. В. ГОГОЛЬ

Карандаш Э. А. Дмитриева-Мамонова 1839 г.
Институт литературы (Ленинград).

ПОВЕСТИ

НЕВСКИЙ ПРОСПЕКТ

Нет ничего лучше Невского проспекта, по крайней мере в Петербурге; для него он составляет всё. Чем не блестит эта улица — красавица нашей столицы! Я знаю, что ни один из бледных и чиновных ее жителей не променяет на все блага Невского проспекта. Не только кто имеет двадцать пять лет от роду, прекрасные усы и удивительно сшитый сюртук, но даже тот, у кого на подбородке выскакивают белые волоса и голова гладка, как серебряное блюдо, и тот в восторге от Невского проспекта. А дамы! — О, дамам еще больше приятен Невский проспект. Да и кому же он не приятен? Едва только взойдешь на Невский проспект, как уже пахнет одним гуляньем. Хотя бы имел какое-нибудь нужное, необходимое дело, но, взошедши на него, верно, позабудешь о всяком деле. Здесь единственное место, где показываются люди не по необходимости, куда не загнала их надобность и меркантильный интерес, объемлющий весь Петербург. Кажется, человек, встреченный на Невском проспекте, менее эгоист, нежели в Морской, Гороховой, Литейной, Мещанской и других улицах, где жадность, и корысть, и надобность выражаются на идущих и летящих в каретах и на дрожках. Невский проспект есть всеобщая коммуникация Петербурга. Здесь житель Петербургской, или Выборгской части, несколько

лет не бывавший у своего приятеля на Песках или у Московской заставы, может быть уверен, что встретится с ним непременно. Никакой адрес-календарь и справочное место не доставят такого верного известия, как Невский проспект. Всемогущий Невский проспект! Единственное развлечение бедного на гулянье Петербурга! Как чисто подметены его тротуары и, боже, сколько ног оставило на нем следы свои! И неуклюжий грязный сапог отставного солдата, под тяжестью которого, кажется, трескается самый гранит, и миниатюрный, легкий как дым, башмачек молоденькой дамы, оборачивающей свою головку к блестящим окнам магазина, как подсолнечник к солнцу, и гремящая сабля исполненного надежд прапорщика, проводящая на нем резкую царапину, — всё вымещает на нем могущество силы или могущество слабости. Какая быстрая совершается на нем фантасмагория в течение одного только дня! Сколько вытерпит он перемен в течение одних суток! Начнем с самого раннего утра, когда весь Петербург пахнет горячими только что выпеченными хлебами и наполнен старухами в изодранных платьях и салопах, совершающими свои наезды на церкви и на сострадательных прохожих. Тогда Невский проспект пуст: плотные содержатели магазинов и их комми еще спят в своих голландских рубашках, или мылят свою благородную щеку и пьют кофий; нищие собираются у дверей кондитерских, где сонный ганимед, летавший вчера как муха с шеколадом, вылезает с метлой в руке без галстуха и швыряет им черствые пироги и объедки. По улицам плетется нужный народ: иногда переходят ее русские мужики, спешащие на работу, в сапогах, запачканных известью, которых и Екатерининский канал, известный своею чистотою, не в состоянии бы был обмыть. В это время обыкновенно неприлично ходить дамам, потому что русской народ любит изъясняться такими резкими выражениями, каких они, верно, не услышат даже в театре. Иногда сонный чиновник проплетется с портфелем под мышкою, если через Невский проспект лежит ему дорога в департамент. Можно сказать решительно, что в это вре-

мя, то есть до 12 часов, Невский проспект не составляет ни для кого цели, он служит только средством: он постепенно наполняется лицами, имеющими свои занятия, свои заботы, свои досады, но вовсе не думающими о нем. Русской мужик говорит о гривне, или о семи грошах меди, старики и старухи размахивают руками или говорят сами с собою, иногда с довольно разительными жестами, но никто их не слушает и не смеется над ними, выключая только разве мальчишек в пестрядевых халатах с пустыми штофами, или готовыми сапогами в руках, бегущих молниями по Невскому проспекту. В это время что бы вы на себя ни надели, хотя бы даже вместо шляпы картуз был у вас на голове, хотя бы воротнички слишком далеко высунулись из вашего галстуха, — никто этого не заметит.

В 12 часов на Невский проспект делают набеги гувернеры всех наций с своими питомцами в батистовых воротничках. Английские Джонсы и французские Коки идут под руку с вверенными их родительскому попечению питомцами и с приличною солидностию изъясняют им, что вывески над магазинами делаются для того, чтобы можно было посредством их узнать, что находится в самых магазинах. Гувернантки, бледные миссы и розовые славянки, идут величаво позади своих легеньких вертлявых девчонок, приказывая им поднимать несколько выше плечо и держаться прямее; короче сказать, в это время Невский проспект — педагогический Невский проспект. Но чем ближе к двум часам, тем уменьшается число гувернеров, педагогов и детей: они наконец вытесняются нежными их родителями, идущими под руку с своими пестрыми, разноцветными, слабонервными подругами. Мало-помалу присоединяются к их обществу все, окончившие довольно важные домашние занятия, как-то поговорившие с своим доктором о погоде и о небольшом прыщике, вскочившем на носу, узнавшие о здоровьи лошадей и детей своих, впрочем, показывающих большие дарования, прочитавшие афишу и важную статью в газетах о приезжающих и отъезжающих, наконец, выпивших чашку кофию и чаю;

к ним присоединяются и те, которых завидная судьба наделила благословенным званием чиновников по особенным поручениям. К ним присоединяются и те, которые служат в иностранной коллегии и отличаются благородством своих занятий и привычек. Боже, какие есть прекрасные должности и службы! как они возвышают и услаждают душу! Но, увы! я не служу и лишен удовольствия видеть тонкое обращение с собою начальников. Всё, что вы ни встретите на Невском проспекте, всё исполнено приличия: мужчины в длинных сюртуках с заложенными в карманы руками, дамы в розовых, белых и бледноголубых атласных рединготах и шляпках. Вы здесь встретите бакенбарды единственные, пропущенные с необыкновенным и изумительным искусством под галстух, бакенбарды бархатные, атласные, черные как соболь или уголь, но, увы, принадлежащие только одной иностранной коллегии. Служащим в других департаментах провидение отказало в черных бакенбардах, они должны, к величайшей неприятности своей, носить рыжие. Здесь вы встретите усы чудные, никаким пером, никакою кистью неизобразимые; усы, которым посвящена лучшая половина жизни, — предмет долгих бдений во время дня и ночи, усы, на которые излились восхитительнейшие духи и ароматы и которых умастили все драгоценнейшие и редчайшие сорты помад, усы, которые заворачиваются на ночь тонкою веленевою бумагою, усы, к которым дышет самая трогательная привязанность их прссесоров и которым завидуют проходящие. Тысячи сортов шляпок, платьев, платков пестрых, легких, к которым иногда в течение целых двух дней сохраняется привязанность их владетельниц, ослепят хоть кого на Невском проспекте. Кажется, как будто целое море мотыльков поднялось вдруг со стеблей и волнуется блестящею тучею над черными жуками мужеского пола. Здесь вы встретите такие талии, какие даже вам не снились никогда: тоненькие, узенькие талии никак не толще бутылочной шейки, встретясь с которыми вы почтительно отойдете к сторонке, чтобы как-нибудь неосторожно не толкнуть невежливым локтем; сердцем вашим

овладеет робость и страх, чтобы как-нибудь от неосторожного даже дыхания вашего не переломилось прелестнейшее произведение природы и искусства. А какие встретите вы дамские рукава на Невском проспекте! Ах, какая прелесть! Они несколько похожи на два воздухоплавательные шара, так что дама вдруг бы поднялась на воздух, если бы не поддерживал ее мужчина; потому что даму так же легко и приятно поднять на воздух, как подносимый ко рту бокал, наполненный шампанским. Нигде при взаимной встрече не раскланиваются так благородно и непринужденно, как на Невском проспекте. Здесь вы встретите улыбку единственную, улыбку верх искусства, иногда такую, что можно растаять от удовольствия, иногда такую, что увидите себя вдруг ниже травы и потупите голову, иногда такую, что почувствуете себя выше Адмиралтейского шпица и поднимете ее вверх. Здесь вы встретите разговаривающих о концерте или о погоде с необыкновенным благородством и чувством собственного достоинства. Тут вы встретите тысячу непостижимых характеров и явлений. Создатель! какие странные характеры встречаются на Невском проспекте! Есть множество таких людей, которые, встретившись с вами, непременно посмотрят на сапоги ваши, и если вы пройдете, они оборотятся назад, чтобы посмотреть на ваши фалды. Я до сих пор не могу понять, отчего это бывает. Сначала я думал, что они сапожники, но однакоже ничуть не бывало: они большею частию служат в разных департаментах, многие из них превосходным образом могут написать отношение из одного казенного места в другое; или же люди, занимающиеся прогулками, чтением газет по кондитерским, словом, большею частию всё порядочные люди. В это благословенное время от 2-х до 3-х часов пополудни, которое может назваться движущеюся столицею Невского проспекта, происходит главная выставка всех лучших произведений человека. Один показывает щегольской сюртук с лучшим бобром, другой — греческой прекрасный нос, третий несет превосходные бакенбарды, четвертая — пару хорошеньких глазок и удивительную шляпку,

пятый — перстень с талисманом на щегольском мизинце, шестая — ножку в очаровательном башмачке, седьмой — галстух, возбуждающий удивление, осьмой — усы, повергающие в изумление. Но бьет три часа, и выставка оканчивается, толпа редеет... В три часа — новая перемена. На Невском проспекте вдруг настает весна: он покрывается весь чиновниками в зеленых виц-мундирах. Голодные титулярные, надворные и прочие советники стараются всеми силами ускорить свой ход. Молодые коллежские регистраторы, губернские и коллежские секретари спешат еще воспользоваться временем и пройтиться по Невскому проспекту с осанкою, показывающею, что они вовсе не сидели 6 часов в присутствии. Но старые коллежские секретари, титулярные и надворные советники идут скоро, потупивши голову: им не до того, чтобы заниматься рассматриванием прохожих; они еще не вполне оторвались от забот своих; в их голове ералаш и целый архив начатых и неоконченных дел; им долго вместо вывески показывается картонка с бумагами, или полное лицо правителя канцелярии.

С четырех часов Невский проспект пуст, и вряд ли вы встретите на нем хотя одного чиновника. Какая-нибудь швея из магазина перебежит через Невский проспект с коробкою в руках, какая-нибудь жалкая добыча человеколюбивого повытчика, пущенная по миру во фризовой шинели, какой-нибудь заезжий чудак, которому все часы равны, какая-нибудь длинная высокая англичанка с ридикюлем и книжкою в руках, какой-нибудь артельщик, русской человек в демикотоновом сюртуке с талией на спине, с узенькою бородою, живущий всю жизнь на живую нитку, в котором всё шевелится: спина, и руки, и ноги, и голова, когда он учтиво проходит по тротуару, иногда низкой ремесленник; больше никого не встретите вы на Невском проспекте.

Но как только сумерки упадут на домы и улицы и будошник, накрывшись рогожею, вскарабкается на лестницу зажигать фонарь, а из низеньких окошек магазинов выглянут те эстампы, которые не смеют показаться среди дня,

тогда Невский проспект опять оживает и начинает шевелиться. Тогда настает то таинственное время, когда лампы дают всему какой-то заманчивый, чудесный свет. Вы встретите очень много молодых людей, большею частию холостых, в теплых сюртуках и шинелях. В это время чувствуется какая-то цель, или лучше что-то похожее на цель. Что-то чрезвычайно безотчетное, шаги всех ускоряются и становятся вообще очень неровны. Длинные тени мелькают по стенам и мостовой и чуть не достигают головами Полицейского моста. Молодые губернские регистраторы, губернские и коллежские секретари очень долго прохаживаются; но старые коллежские регистраторы, титулярные и надворные советники большею частию сидят дома, или потому, что это народ женатый, или потому, что им очень хорошо готовят кушанье живущие у них в домах кухарки-немки. Здесь вы встретите почтенных стариков, которые с такою важностью и с таким удивительным благородством прогуливались в два часа по Невскому проспекту. Вы их увидите бегущими так же, как молодые коллежские регистраторы, с тем, чтобы заглянуть под шляпку издали завиденной дамы, которой толстые губы и щеки, нащекатуренные румянами, так нравятся многим гуляющим, а более всего сидельцам, артельщикам, купцам, всегда в немецких сюртуках гуляющим целою толпою и обыкновенно под руку.

„Стой!“ закричал в это время поручик Пирогов, дернув шедшего с ним молодого человека во фраке и плаще. „Видел?“

„Видел, чудная, совершенно Перуджинова Бианка.“

„Да ты о ком говоришь?“

„Об ней, о той, что с темными волосами. И какие глаза! боже, какие глаза! всё положение и контура, и оклад лица — чудеса!“

„Я говорю тебе о блондинке, что прошла за ней в ту сторону. Что ж ты не идешь за брюнеткою, когда она так тебе понравилась?“

„О, как можно!“ воскликнул, закрасневшись, молодой человек во фраке: „Как будто она из тех, которые ходят

ввечеру по Невскому проспекту; это должна быть очень знатная дама", продолжал он, вздохнувши: „один плащ на ней стоит рублей восемьдесят!"

„Простак!" закричал Пирогов, насильно толкнувши его в ту сторону, где развевался яркий плащ ее: „ступай, простофиля, прозеваешь! а я пойду за блондинкою."

Оба приятеля разошлись.

„Знаем мы вас всех", думал про себя с самодовольною и самонадеянною улыбкою Пирогов, уверенный, что нет красоты, могшей бы ему противиться.

Молодой человек во фраке и плаще робким и трепетным шагом пошел в ту сторону, где развевался вдали пестрый плащ, то окидывавшийся ярким блеском по мере приближения к свету фонаря, то мгновенно покрывавшийся тьмою по удалении от него. Сердце его билось и он невольно ускорял шаг свой. Он не смел и думать о том, чтобы получить какое-нибудь право на внимание улетавшей вдали красавицы, тем более допустить такую черную мысль, о какой намекал ему поручик Пирогов; но ему хотелось только видеть дом, заметить, где имеет жилище это прелестное существо, которое, казалось, слетело с неба прямо на Невский проспект и, верно, улетит неизвестно куда. Он летел так скоро, что сталкивал беспрестанно с тротуара солидных господ с седыми бакенбардами. Этот молодой человек принадлежал к тому классу, который составляет у нас довольно странное явление и столько же принадлежит к гражданам Петербурга, сколько лицо, являющееся нам в сновидении, принадлежит к существенному миру. Это исключительное сословие очень необыкновенно в том городе, где все или чиновники, или купцы, или мастеровые немцы. Это был художник. Не правда ли, странное явление? Художник петербургский! Художник в земле снегов, художник в стране финнов, где всё мокро, гладко, ровно, бледно, серо, туманно. Эти художники вовсе не похожи на художников итальянских, гордых, горячих, как Италия и ее небо; напротив того, это большею частию добрый, кроткий народ, застенчивый, беспечный, любящий

тихо свое искусство, пьющий чай с двумя приятелями своими в маленькой комнате, скромно толкующий о любимом предмете и вовсе небрегущий об излишнем. Он вечно зазовет к себе какую-нибудь нищую старуху и заставит ее просидеть битых часов шесть с тем, чтобы перевести на полотно ее жалкую, бесчувственную мину. Он рисует перспективу своей комнаты, в которой является всякой художественный вздор: гипсовые руки и ноги, сделавшиеся кофейными от времени и пыли, изломанные живописные станки, опрокинутая палитра, приятель, играющий на гитаре, стены, запачканные красками, с растворенным окном, сквозь которое мелькает бледная Нева и бедные рыбаки в красных рубашках. У них всегда почти на всем серинькой мутный колорит, — неизгладимая печать севера. При всем том они с истинным наслаждением трудятся над своею работою. Они часто питают в себе истинный талант, и если бы только дунул на них свежий воздух Италии, он бы, верно, развился так же вольно, широко и ярко, как растение, которое выносят наконец из комнаты на чистый воздух. Они вообще очень робки; звезда и толстый эполет приводят их в такое замешательство, что они невольно понижают цену своих произведений. Они любят иногда пощеголять, но щегольство это всегда кажется на них слишком резким и несколько походит на заплату. На них встретите вы иногда отличный фрак и запачканный плащ, дорогой бархатный жилет и сюртук весь в красках. Таким же самым образом, как на неоконченном их пейзаже увидите вы иногда нарисованную вниз головою нимфу, которую он, не найдя другого места, набросал на запачканном грунте прежнего своего произведения, когда-то писанного им с наслаждением. Он никогда не глядит вам прямо в глаза; если же глядит, то как-то мутно, неопределенно; он не вонзает в вас ястребиного взора наблюдателя или соколиного взгляда кавалерийского офицера. Это происходит оттого, что он в одно и то же время видит и ваши черты, и черты какого-нибудь гипсового Геркулеса, стоящего в его комнате; или ему представляется его же собственная картина,

которую он еще думает произвесть. От этого он отвечает часто несвязно, иногда невпопад, и мешающиеся в его голове предметы еще более увеличивают его робость. К такому роду принадлежал описанный нами молодой человек, художник Пискарев, застенчивый, робкий, но в душе своей носивший искры чувства, готовые при удобном случае превратиться в пламя. С тайным трепетом спешил он за своим предметом, так сильно его поразившим, и, казалось, дивился сам своей дерзости. Незнакомое существо, к которому так прильнули его глаза, мысли и чувства, вдруг поворотило голову и взглянуло на него. Боже, какие божественные черты! Ослепительной белизны прелестнейший лоб осенен был прекрасными как агат волосами. Они вились, эти чудные локоны, и часть их, падая из-под шляпки, касалась щеки, тронутой тонким свежим румянцем, проступившим от вечернего холода. Уста были замкнуты целым роем прелестнейших грез. Всё, что остается от воспоминания о детстве, что дает мечтание и тихое вдохновение при светящейся лампаде, — всё это, казалось, совокупилось, слилось и отразилось в ее гармонических устах. Она взглянула на Пискарева, и при этом взгляде затрепетало его сердце; она взглянула сурово, чувство негодования проступило у ней на лице при виде такого наглого преследования; но на этом прекрасном лице и самый гнев был обворожителен. Постигнутый стыдом и робостью, он остановился, потупив глаза; но как утерять это божество и не узнать даже той святыни, где оно опустилось гостить? Такие мысли пришли в голову молодому мечтателю, и он решился преследовать. Но чтобы не дать этого заметить, он отдалился на дальнее расстояние, беспечно глядел по сторонам и рассматривал вывески, а между тем не упускал из виду ни одного шага незнакомки. Проходящие реже начали мелькать, улица становилась тише; красавица оглянулась и ему показалось, как будто легкая улыбка сверкнула на губах ее. Он весь задрожал и не верил своим глазам. Нет, это фонарь обманчивым светом своим выразил на лице ее подобие улыбки, нет, это собственные мечты

смеются над ним. Но дыхание занялось в его груди, всё в нем обратилось в неопределенный трепет, все чувства его горели и всё перед ним окинулось каким-то туманом. Тротуар несся под ним, кареты со скачущими лошадьми казались недвижимы, мост растягивался и ломался на своей арке, дом стоял крышею вниз, будка валилась к нему навстречу и алебарда часового вместе с золотыми словами вывески и нарисованными ножницами блестела, казалось, на самой реснице его глаз. И всё это произвел один взгляд, один поворот хорошенькой головки. Не слыша, не видя, не внимая, он несся по легким следам прекрасных ножек, стараясь сам умерить быстроту своего шага, летевшего под такт сердца. Иногда овладевало им сомнение: точно ли выражение лица ее было так благосклонно, — и тогда он на минуту останавливался; но сердечное биение, непреодолимая сила и тревога всех чувств стремила его вперед. Он даже не заметил, как вдруг возвысился перед ним четырехэтажный дом, все четыре ряда окон, светившиеся огнем, глянули на него разом и перилы у подъезда противупоставили ему железный толчек свой. Он видел, как незнакомка летела по лестнице, оглянулась, положила на губы палец и дала знак следовать за собою. Колени его дрожали; чувства, мысли горели; молния радости нестерпимым острием вонзилась в его сердце. Нет, это уже не мечта! боже, столько счастия в один миг! такая чудесная жизнь в двух минутах!

Но не во сне ли это всё? ужели та, за один небесный взгляд которой он готов бы был отдать всю жизнь, приблизиться к жилищу которой уже он почитал за неизъяснимое блаженство, ужели та была сейчас так благосклонна и внимательна к нему? Он взлетел на лестницу. Он не чувствовал никакой земной мысли; он не был разогрет пламенем земной страсти, нет, он был в эту минуту чист и непорочен, как девственный юноша, еще дышущий неопределенною духовною потребностью любви. И то, что возбудило бы в развратном человеке дерзкие помышления, то самое, напротив, еще более освятило их. Это доверие,

которое оказало ему слабое прекрасное существо, это доверие наложило на него обет строгости рыцарской, обет рабски исполнять все повеления ее. Он только желал, чтоб эти веления были как можно более трудны и неудобоисполняемы, чтобы с бо̀льшим напряжением сил лететь преодолевать их. Он не сомневался, что какое-нибудь тайное и вместе важное происшествие заставило незнакомку ему ввериться; что от него, верно, будут требоваться значительные услуги, и он чувствовал уже в себе силу и решимость на всё.

Лестница вилась и вместе с нею вились его быстрые мечты. „Идите осторожнее!“ зазвучал, как арфа, голос и наполнил все жилы его новым трепетом. В темной вышине четвертого этажа незнакомка постучала в дверь — она отворилась и они вошли вместе. Женщина довольно недурной наружности встретила их со свечею в руке, но так странно и нагло посмотрела на Пискарева, что он опустил невольно свои глаза. Они вошли в комнату. Три женские фигуры в разных углах представились его глазам. Одна раскладывала карты; другая сидела за фортепианом и играла двумя пальцами какое-то жалкое подобие старинного полонеза; третья сидела перед зеркалом, расчесывая гребнем свои длинные волосы, и вовсе не думала оставить туалета своего при входе незнакомого лица. Какой-то неприятный беспорядок, который можно встретить только в беспечной комнате холостяка, царствовал во всем. Мебели довольно хорошие были покрыты пылью; паук застилал своею паутиною лепной карниз; сквозь непритворенную дверь другой комнаты блестел сапог со шпорой и краснела выпушка мундира; громкий мужской голос и женский смех раздавались без всякого принуждения.

Боже, куда зашел он! Сначала он не хотел верить и начал пристальнее всматриваться в предметы, наполнявшие комнату; но голые стены и окна без занавес не показывали никакого присутствия заботливой хозяйки; изношенные лица этих жалких созданий, из которых одна села почти перед его носом и так же спокойно его рассма-

тривала, как пятно на чужом платье, всё это уверило его, что он зашел в тот отвратительный приют, где основал свое жилище жалкий разврат, порожденный мишурною образованностью и страшным многолюдством столицы. Тот приют, где человек святотатственно подавил и посмеялся над всем чистым и святым, украшающим жизнь, где женщина, эта красавица мира, венец творения, обратилась в какое-то странное, двусмысленное существо, где она вместе с чистотою души лишилась всего женского и отвратительно присвоила себе ухватки и наглости мужчины и уже перестала быть тем слабым, тем прекрасным и так отличным от нас существом. Пискарев мерял ее с ног до головы изумленными глазами, как бы еще желая увериться, та ли это, которая так околдовала и унесла его на Невском проспекте. Но она стояла перед ним так же хороша; волосы ее были так же прекрасны; глаза ее казались всё еще небесными. Она была свежа; ей было только 17 лет; видно было, что еще недавно настигнул ее ужасный разврат; он еще не смел коснуться к ее щекам, они были свежи и легко оттенены тонким румянцем — она была прекрасна.

Он неподвижно стоял перед нею и уже готов был так же простодушно позабыться, как позабылся прежде. Но красавица наскучила таким долгим молчанием и значительно улыбнулась, глядя ему прямо в глаза. Но эта улыбка была исполнена какой-то жалкой наглости: она так была странна и так же шла к ее лицу, как идет выражение набожности роже взяточника или бухгалтерская книга поэту. — Он содрогнулся. Она раскрыла свои хорошенькие уста и стала говорить что-то, но всё это было так глупо, так пошло... Как будто вместе с непорочностию оставляет и ум человека. Он уже ничего не хотел слышать. Он был чрезвычайно смешон и прост как дитя. Вместо того, чтобы воспользоваться такою благосклонностью, вместо того чтобы обрадоваться такому случаю, какому, без сомнения, обрадовался бы на его месте всякий другой, он бросился со всех ног, как дикая коза, и выбежал на улицу.

Повесивши голову и опустивши руки, сидел он в своей комнате, как бедняк, нашедший бесценную жемчужину и тут же выронивший ее в море. „Такая красавица, такие божественные черты и где же? в каком месте!..“ Вот всё, что он мог выговорить.

В самом деле, никогда жалость так сильно не овладевает нами, как при виде красоты, тронутой тлетворным дыханием разврата. Пусть бы еще безобразие дружилось с ним, но красота, красота нежная... она только с одной непорочностью и чистотой сливается в наших мыслях. Красавица, так околдовавшая бедного Пискарева, была, действительно, чудесное, необыкновенное явление. Ее пребывание в этом презренном кругу еще более казалось необыкновенным. Все черты ее были так чисто образованы, всё выражение прекрасного лица ее было означено таким благородством, что никак бы нельзя было думать, чтобы разврат распустил над нею страшные свои когти. Она бы составила неоцененный перл, весь мир, весь рай, всё богатство страстного супруга; она была бы прекрасной тихой звездой в незаметном семейном кругу и одним движением прекрасных уст своих давала бы сладкие приказания. Она бы составила божество в многолюдном зале, на светлом паркете, при блеске свечей, при безмолвном благоговении толпы поверженных у ног ее поклонников; — но, увы! она была какою-то ужасною волею адского духа, жаждущего разрушить гармонию жизни, брошена с хохотом в его пучину.

Проникнутый разрывающею жалостью, сидел он перед нагоревшею свечею. Уже и полночь давно минула, колокол башни бил половину первого, а он сидел неподвижный, без сна, без деятельного бдения. Дремота, воспользовавшись его неподвижностью, уже было начала тихонько одолевать его, уже комната начала исчезать, один только огонь свечи просвечивал сквозь одолевавшие его грезы, как вдруг стук у дверей заставил его вздрогнуть и очнуться. Дверь отворилась и вошел лакей в богатой ливрее. В его уединенную комнату никогда не заглядывала

богатая ливрея, при том в такое необыкновенное время... Он недоумевал и с нетерпеливым любопытством смотрел на пришедшего лакея.

„Та барыня“, произнес с учтивым поклоном лакей, „у которой вы изволили за несколько часов пред сим быть, приказала просить вас к себе и прислала за вами карету.“

Пискарев стоял в безмолвном удивлении: карету, лакей в ливрее... Нет, здесь, верно, есть какая-нибудь ошибка... „Послушайте, любезный“, произнес он с робостью: „вы, верно, не туда изволили зайти. Вас барыня, без сомнения, прислала за кем-нибудь другим, а не за мною.“

„Нет, сударь, я не ошибся. Ведь вы изволили проводить барыню пешком к дому, что в Литейной, в комнату четвертого этажа?“

„Я.“

„Ну, так пожалуйте поскорее, барыня непременно желает видеть вас и просит вас уже пожаловать прямо к ним на дом.“

Пискарев сбежал с лестницы. На дворе, точно, стояла карета. Он сел в нее, дверцы хлопнули, камни мостовой загремели под колесами и копытами — и освещенная перспектива домов с яркими вывесками понеслась мимо каретных окон. Пискарев думал во всю дорогу и не знал как разрешить это приключение. Собственный дом, карета, лакей в богатой ливрее... всё это он никак не мог согласить с комнатою в четвертом этаже, пыльными окнами и расстроенным фортепианом. Карета остановилась перед ярко освещенным подъездом и его разом поразили: ряд экипажей, говор кучеров, ярко освещенные окна и звуки музыки. Лакей в богатой ливрее высадил его из кареты и почтительно проводил в сени с мраморными колоннами, с облитым золотом швейцаром, с разбросанными плащами и шубами, с яркою лампою. Воздушная лестница с блестящими перилами, надушенная ароматами, неслась вверх. Он уже был на ней, уже взошел в первую залу, испугавшись и попятившись с первым шагом от ужасного многолюдства. Необыкновенная пестрота лиц привела его в совершенное

замешательство; ему казалось, что какой-то демон искрошил весь мир на множество разных кусков и все эти куски без смысла, без толку смешал вместе. Сверкающие дамские плечи и черные фраки, люстры, лампы, воздушные летящие газы, эфирные ленты и толстый контрабас, выглядывавший из-за перил великолепных хоров, — всё было для него блистательно. Он увидел за одним разом столько почтенных стариков и полустариков с звездами на фраках, дам, так легко, гордо и грациозно выступавших по паркету, или сидевших рядами, он услышал столько слов французских и английских, к тому же молодые люди в черных фраках были исполнены такого благородства, с таким достоинством говорили и молчали, так не умели сказать ничего лишнего, так величаво шутили, так почтительно улыбались, такие превосходные носили бакенбарды, так искусно умели показывать отличные руки, поправляя галстух, дамы так были воздушны, так погружены в совершенное самодовольство и упоение, так очаровательно потупляли глаза, что... но один уже смиренный вид Пискарева, прислонившегося с боязнию к колонне, показывал, что он растерялся вовсе. В это время толпа обступила танцующую группу. Они неслись, увитые прозрачным созданием Парижа, в платьях, сотканных из самого воздуха; небрежно касались они блестящими ножками паркета и были более эфирны, нежели если бы вовсе его не касались. Но одна между ими всех лучше, всех роскошнее и блистательнее одета. Невыразимое, самое тонкое сочетание вкуса разлилось во всем ее уборе и при всем том она, казалось, вовсе о нем не заботилась и оно вылилось невольно само собою. Она и глядела, и не глядела на обступившую толпу зрителей, прекрасные длинные ресницы опустились равнодушно и сверкающая белизна лица ее еще ослепительнее бросилась в глаза, когда легкая тень осенила при наклоне головы очаровательный лоб ее.

Пискарев употребил все усилия, чтобы раздвинуть толпу и рассмотреть ее; но, к величайшей досаде, какая-то огромная голова с темными курчавыми волосами заслоняла

ее беспрестанно; притом толпа его притиснула так, что он не смел податься вперед, не смел попятиться назад, опасаясь толкнуть каким-нибудь образом какого-нибудь тайного советника. Но вот он продрался-таки вперед и взглянул на свое платье, желая прилично оправиться. Творец небесный, что это! на нем был сюртук и весь запачканный красками: спеша ехать, он позабыл даже переодеться в пристойное платье. Он покраснел до ушей и, потупив голову, хотел провалиться, но провалиться решительно было некуда: камер-юнкеры в блестящем костюме сдвинулись позади его совершенною стеною. Он уже желал быть как можно подалее от красавицы с прекрасным лбом и ресницами. Со страхом поднял глаза посмотреть, не глядит ли она на него: боже! она стоит перед ним... Но что это? что это? „Это она!“ вскрикнул он почти во весь голос. В самом деле, это была она, та самая, которую встретил он на Невском и которую проводил к ее жилищу.

Она подняла между тем свои ресницы и глянула на всех своим ясным взглядом. „Ай, ай, ай, как хороша!..“ мог только выговорить он с захватившимся дыханием. Она обвела своими глазами весь круг, наперерыв жаждавший остановить ее внимание, но с каким-то утомлением и невниманием она скоро отвратила их и встретилась с глазами Пискарева. О, какое небо! какой рай! дай силы, создатель, перенести это! жизнь не вместит его, он разрушит и унесет душу! Она подала знак, но не рукою, не наклонением головы, — нет: в ее сокрушительных глазах выразился этот знак, таким тонким незаметным выражением, что никто не мог его видеть, но он видел, он понял его. Танец длился долго; утомленная музыка, казалось, вовсе погасала и замирала и опять вырывалась, визжала и гремела; наконец — конец! — Она села, грудь ее воздымалась под тонким дымом газа; рука ее (создатель, какая чудесная рука!) упала на колени, сжала под собою ее воздушное платье, и платье под нею, казалось, стало дышать музыкою, и тонкий сиреневый цвет его еще виднее означил яркую белизну этой прекрасной руки. Коснуться бы

только ее — и ничего больше! Никаких других желаний — они все дерзки... Он стоял у ней за стулом, не смея говорить, не смея дышать. „Вам было скучно?“ произнесла она: „я также скучала. Я замечаю, что вы меня ненавидите...“ прибавила она, потупив свои длинные ресницы.

„Вас ненавидеть! мне? я...“ хотел было произнесть совершенно потерявшийся Пискарев и наговорил бы, верно, кучу самых несвязных слов, но в это время подошел камергер с острыми и приятными замечаниями, с прекрасным завитым на голове хохлом. Он довольно приятно показывал ряд довольно недурных зубов и каждою остротою своею вбивал острый гвоздь в его сердце. Наконец кто-то из посторонних, к счастию, обратился к камергеру с каким-то вопросом.

„Как это несносно!“ сказала она, подняв на него свои небесные глаза. „Я сяду на другом конце зала; будьте там!“ Она проскользнула между толпою и исчезла. Он, как помешанный, растолкал толпу и был уже там.

Так, это она; она сидела, как царица, всех лучше, всех прекраснее и искала его глазами.

„Вы здесь“, произнесла она тихо. „Я буду откровенна перед вами: вам, верно, странными показались обстоятельства нашей встречи. Неужели вы думаете, что я могу принадлежать к тому презренному классу творений, в котором вы встретили меня? Вам кажутся странными мои поступки, но я вам открою тайну: будете ли вы в состоянии“ — произнесла она, устремив пристально на его глаза свои, — „никогда не изменить ей?“

„О, буду! буду! буду!“...

Но в это время подошел довольно пожилой человек, заговорил с ней на каком-то непонятном для Пискарева языке и подал ей руку. Она умоляющим взглядом посмотрела на Пискарева и дала знак остаться на своем месте и ожидать ее прихода, но в припадке нетерпения он не в силах был слушать никаких приказаний даже из ее уст. Он отправился вслед за нею; но толпа разделила их. Он уже не видел сиреневого платья; с беспокойством прохо-

дил он из комнаты в комнату и толкал без милосердия всех встречных, но во всех комнатах всё сидели тузы за вистом, погруженные в мертвое молчание. В одном углу комнаты спорило несколько пожилых людей о преимуществе военной службы перед статскою; в другом люди в превосходных фраках бросали легкие замечания о многотомных трудах поэта-труженика. Пискарев чувствовал, что один пожилой человек с почтенною наружностью схватил за пуговицу его фрака и представлял на его суждение одно весьма справедливое свое замечание, но он грубо оттолкнул его, даже не заметивши, что у него на шее был довольно значительный орден. Он перебежал в другую комнату — и там нет ее. В третью — тоже нет. „Где же она? дайте ее мне! о, я не могу жить, не взглянувши на нее! мне хочется выслушать, что она хотела сказать.“ Но все поиски его оставались тщетными. Беспокойный, утомленный он прижался к углу и смотрел на толпу; но напряженные глаза его начали ему представлять всё в каком-то неясном виде. Наконец, ему начали явственно показываться стены его комнаты. Он поднял глаза; перед ним стоял подсвечник с огнем, почти потухавшим в глубине его; вся свеча истаяла; сало было налито на столе его.

Так это он спал! Боже, какой сон! И зачем было просыпаться? Зачем было одной минуты не подождать: она бы, верно, опять явилась! Досадный свет неприятным своим тусклым сиянием глядел в его окна. Комната в таком сером, таком мутном беспорядке... О, как отвратительна действительность! Что она против мечты? Он разделся наскоро и лег в постель, закутавшись одеялом, желая на миг призвать улетевшее сновидение. Сон, точно, не замедлил к нему явиться, но представлял ему вовсе не то, что бы желал он видеть: то поручик Пирогов являлся с трубкою, то академический сторож, то действительный статский советник, то голова чухонки, с которой он когда-то рисовал портрет, и тому подобная чепуха.

До самого полудня пролежал он в постеле, желая заснуть; но она не являлась. Хотя бы на минуту показала

прекрасные черты свои, хотя бы на минуту зашумела ее легкая походка, хотя бы ее обнаженная, яркая, как заоблачный снег, рука, мелькнула перед ним.

Всё откинувши, всё позабывши, сидел он с сокрушенным, с безнадежным видом, полный только одного сновидения. Ни к чему не думал он притронуться; глаза его без всякого участия, без всякой жизни, глядели в окно, обращенное в двор, где грязный водовоз лил воду, мерзнувшую на воздухе, и козлиный голос разносчика дребезжал: *старого платья продать.* Вседневное и действительное странно поражало его слух. Так просидел он до самого вечера и с жадностью бросился в постель. Долго боролся он с бессонницею, наконец, пересилил ее. Опять какой-то сон, какой-то пошлый, гадкой сон. Боже, умилосердись: хотя на минуту, хотя на одну минуту покажи ее! Он опять ожидал вечера, опять заснул, опять снился какой-то чиновник, который был вместе и чиновник, и фагот; о, это нестерпимо! Наконец, она явилась! ее головка и локоны... она глядит... О, как ненадолго! Опять туман, опять какое-то глупое сновидение.

Наконец, сновидения сделались его жизнию и с этого времени вся жизнь его приняла странный оборот: он, можно сказать, спал наяву и бодрствовал во сне. Если бы его кто-нибудь видел сидящим безмолвно перед пустым столом или шедшим по улице, то верно бы принял его за лунатика или разрушенного крепкими напитками; взгляд его был вовсе без всякого значения, природная рассеянность наконец развилась и властительно изгоняла на лице его все чувства, все движения. Он оживлялся только при наступлении ночи.

Такое состояние расстроило его силы, и самым ужасным мучением было для него то, что, наконец, сон начал его оставлять вовсе. Желая спасти это единственное свое богатство, он употреблял все средства восстановить его. Он слышал, что есть средство восстановить сон, для этого нужно принять только опиум. Но где достать этого опиума? Он вспомнил про одного персиянина, содержавшего

магазин шалей, который всегда почти, когда ни встречал его, просил нарисовать ему красавицу. Он решился отправиться к нему, предполагая, что у него, без сомнения, есть этот опиум. Персиянин принял его сидя на диване и поджавши под себя ноги. „На что тебе опиум?“ спросил он его. Пискарев рассказал ему про свою бессонницу. „Хорошо, я дам тебе опиуму, только нарисуй мне красавицу. Чтоб хорошая была красавица. Чтобы брови были черные и очи большие, как маслины; а я сама чтобы лежала возле нее и курила трубку, — слышишь? чтобы хорошая была! чтобы была красавица!“ Пискарев обещал всё. Персиянин на минуту вышел и возвратился с баночкою, наполненною темною жидкостью, бережно отлил часть ее в другую баночку и дал Пискареву с наставлением употреблять не больше как по семи капель в воде. С жадностью схватил он эту драгоценную баночку, которую не отдал бы за груду золота, и опрометью побежал домой.

Пришедши домой, он отлил несколько капель в стакан с водою и, проглотив, завалился спать.

Боже, какая радость! Она! опять она! Но уже совершенно в другом виде. О, как хорошо сидит она у окна деревенского светлого домика! Наряд ее дышит такою простотою, в какую только облекается мысль поэта. Прическа на голове ее... Создатель, как проста эта прическа и как она идет к ней! Коротенькая косынка была слегка накинута на стройной ее шейке; всё в ней скромно, всё в ней — тайное неизъяснимое чувство вкуса. Как мила ее грациозная походка! Как музыкален шум ее шагов и простенького платья! Как хороша рука ее, стиснутая волосяным браслетом! Она говорит ему со слезою на глазах: „Не презирайте меня: я вовсе не та, за которую вы принимаете меня. Взгляните на меня, взгляните пристальнее и скажите: разве я способна к тому, что вы думаете? О! нет, нет! пусть тот, кто осмелится подумать, пусть тот...“ Но он проснулся! растроганный, растерзанный, с слезами на глазах.. „Лучше бы ты вовсе не существовала! не жила в мире, а была бы создание вдохновенного художника! Я бы не отходил от

холста, я бы вечно глядел на тебя и целовал бы тебя. Я бы жил и дышал тобою, как прекраснейшею мечтою и я бы был тогда счастлив. Никаких бы желаний не простирал далее. Я бы призывал тебя как ангела-хранителя пред сном и бдением и тебя бы ждал я, когда бы случилось изобразить божественное и святое. Но теперь... какая ужасная жизнь! что пользы в том, что она живет? Разве жизнь сумасшедшего приятна его родственникам и друзьям, некогда его любившим? Боже, что за жизнь наша! вечный раздор мечты с существенностью!" Почти такие мысли занимали его беспрестанно. Ни о чем он не думал, даже почти ничего не ел и с нетерпением, со страстию любовника ожидал вечера и желанного видения. Беспрестанное устремление мыслей к одному, наконец, взяло такую власть над всем бытием его и воображением, что желанный образ являлся ему почти каждый день всегда в положении противуположном действительности, потому что мысли его были совершенно чисты, как мысли ребенка. Чрез эти сновидения самый предмет как-то более делался чистым и вовсе преображался.

Приемы опиума еще более раскалили его мысли, и если был когда-нибудь влюбленный до последнего градуса безумия, стремительно, ужасно, разрушительно, мятежно, то этот несчастный был он.

Из всех сновидений одно было радостнее для него всех: ему представилась его мастерская, он так был весел, с таким наслаждением сидел с палитрою в руках! И она тут же. Она была уже его женою. Она сидела возле него, облокотившись прелестным локотком своим на спинку его стула, и смотрела на его работу. В ее глазах, томных, усталых, написано было бремя блаженства: всё в комнате его дышало раем; было так светло, так убрано. Создатель! она склонила к нему на грудь прелестную свою головку... Лучшего сна он еще никогда не видывал. Он встал после него как-то свежее и менее рассеянный, нежели прежде. В голове его родились странные мысли: может быть, думал он, она вовлечена каким-нибудь невольным ужасным случаем

в разврат; может быть, движения души ее склонны к раскаянию; может быть, она желала бы сама вырваться из ужасного состояния своего. И неужели равнодушно допустить ее гибель и притом тогда, когда только стóит подать руку, чтобы спасти ее от потопления? Мысли его простирались еще далее. „Меня никто не знает“, говорил он сам себе, „да и кому какое до меня дело, да и мне тоже нет до них дела. Если она изъявит чистое раскаяние и переменит жизнь свою, я женюсь тогда на ней. Я должен на ней жениться и, верно, сделаю гораздо лучше, нежели многие, которые женятся на своих ключницах и даже часто на самых презренных тварях. Но мой подвиг будет бескорыстен и может быть даже великим. Я возвращу миру прекраснейшее его украшение.“

Составивши такой легкомысленный план, он почувствовал краску, вспыхнувшую на его лице; он подошел к зеркалу и испугался сам впалых щек и бледности своего лица. Тщательно начал он принаряжаться; приумылся, пригладил волоса, надел новый фрак, щегольской жилет, набросил плащ и вышел на улицу. Он дохнул свежим воздухом и почувствовал свежесть на сердце, как выздоравливающий, решившийся выйти в первый раз после продолжительной болезни. Сердце его билось, когда он подходил к той улице, на которой нога его не была со времени роковой встречи.

Долго он искал дома; казалось, память ему изменила. Он два раза прошел улицу и не знал, перед которым остановиться. Наконец один показался ему похожим. Он быстро взбежал на лестницу, постучал в дверь: дверь отворилась и кто же вышел к нему навстречу? Его идеал, его таинственный образ, оригинал мечтательных картин, та, которою он жил, так ужасно, так страдательно, так сладко жил. Она сама стояла перед ним. Он затрепетал; он едва мог удержаться на ногах от слабости, охваченный порывом радости. Она стояла перед ним так же прекрасна, хотя глаза ее были заспаны, хотя бледность кралась на лице ее, уже не так свежем, но она всё была прекрасна.

„А!“ вскрикнула она, увидевши Пискарева и протирая глаза свои. Тогда было уже два часа. „Зачем вы убежали тогда от нас?“

Он в изнеможении сел на стул и глядел на нее.

„А я только что теперь проснулась; меня привезли в семь часов утра. Я была совсем пьяна“, прибавила она с улыбкою.

О, лучше бы ты была нема и лишена вовсе языка, чем произносить такие речи! Она вдруг показала ему как в панораме всю жизнь ее. Однакож, несмотря на это, скрепившись сердцем, решился попробовать он, не будут ли иметь над нею действия его увещания. Собравшись с духом, он дрожащим и вместе пламенным голосом начал представлять ей ужасное ее положение. Она слушала его с внимательным видом и с тем чувством удивления, которое мы изъявляем при виде чего-нибудь неожиданного и странного. Она взглянула, легко улыбнувшись, на сидевшую в углу свою приятельницу, которая, оставивши вычищать гребешок, тоже слушала со вниманием нового проповедника.

„Правда, я беден“, сказал наконец после долгого и поучительного увещания Пискарев, „но мы станем трудиться; мы постараемся наперерыв, один перед другим, улучшить нашу жизнь. Нет ничего приятнее, как быть обязану во всем самому себе. Я буду сидеть за картинами, ты будешь, сидя возле меня, одушевлять мои труды, вышивать, или заниматься другим рукоделием, и мы ни в чем не будем иметь недостатка.“

„Как можно!“ прервала она речь с выражением какого-то презрения. „Я не прачка и не швея, чтобы стала заниматься работою.“

Боже! в этих словах выразилась вся низкая, вся презренная жизнь, — жизнь, исполненная пустоты и праздности, верных спутников разврата.

„Женитесь на мне!“ подхватила с наглым видом молчавшая дотоле в углу ее приятельница. „Если я буду женою, я буду сидеть вот как!“ при этом она сделала

какую-то глупую мину на жалком лице своем, которою чрезвычайно рассмешила красавицу.

О, это уже слишком! этого нет сил перенести. Он бросился вон, потерявши чувства и мысли. Ум его помутился: глупо, без цели, не видя ничего, не слыша, не чувствуя, бродил он весь день. Никто не мог знать, ночевал он где-нибудь или нет; на другой только день каким-то глупым инстинктом зашел он на свою квартиру, бледный, с ужасным видом, с растрепанными волосами, с признаками безумия на лице. Он заперся в свою комнату и никого не впускал, ничего не требовал. Протекли четыре дня, и его запертая комната ни разу не отворялась; наконец, прошла неделя, и комната всё так же была заперта. Бросились к дверям, начали звать его, но никакого не было ответа; наконец, выломали дверь и нашли бездыханный труп его с перерезанным горлом. Окровавленная бритва валялась на полу. По судорожно раскинутым рукам и по страшно искаженному виду можно было заключить, что рука его была неверна и что он долго еще мучился, прежде нежели грешная душа его оставила тело.

Так погиб, жертва безумной страсти, бедный Пискарев, тихий, робкий, скромный, детски-простодушный, носивший в себе искру таланта, быть может, со временем бы вспыхнувшего широко и ярко. Никто не поплакал над ним; никого не видно было возле его бездушного трупа, кроме обыкновенной фигуры квартального надзирателя и равнодушной мины городового лекаря. Гроб его тихо, даже без обрядов религии, повезли на Охту; за ним идучи, плакал один только солдат-сторож и то потому, что выпил лишний штоф водки. Даже поручик Пирогов не пришел посмотреть на труп несчастного бедняка, которому он при жизни оказывал свое высокое покровительство. Впрочем ему было вовсе не до того: он был занят чрезвычайным происшествием. Но обратимся к нему. — Я не люблю трупов и покойников и мне всегда неприятно, когда переходит мою дорогу длинная погребальная процессия и инвалидный солдат, одетый каким-то капуцином, нюхает левою рукою

табак, потому что правая занята факелом. Я всегда чувствую на душе досаду при виде богатого катафалка и бархатного гроба; но досада моя смешивается с грустью, когда я вижу, как ломовой извозчик тащит красный, ничем не покрытый гроб бедняка и только одна какая-нибудь нищая, встретившись на перекрестке, плетется за ним, не имея другого дела.

Мы, кажется, оставили поручика Пирогова на том, как он расстался с бедным Пискаревым и устремился за блондинкою. Эта блондинка была легонькое, довольно интересное созданьице. Она останавливалась перед каждым магазином и заглядывалась на выставленные в окнах кушаки, косынки, серьги, перчатки и другие безделушки, беспрестанно вертелась, глазела во все стороны и оглядывалась назад. „Ты, голубушка, моя!“ говорил с самоуверенностию Пирогов, продолжая свое преследование и закутавши лицо свое воротником шинели, чтобы не встретить кого-нибудь из знакомых. Но не мешает известить читателей, кто таков был поручик Пирогов.

Но прежде нежели мы скажем, кто таков был поручик Пирогов, не мешает кое-что рассказать о том обществе, к которому принадлежал Пирогов. Есть офицеры, составляющие в Петербурге какой-то средний класс общества. На вечере, на обеде у статского советника, или у действительного статского, который выслужил этот чин сорокалетними трудами, вы всегда найдете одного из них. Несколько бледных, совершенно бесцветных, как Петербург, дочерей, из которых иные перезрели, чайный столик, фортепиан, домашние танцы — всё это бывает нераздельно с светлым эполетом, который блещет при лампе, между благонравной блондинкой и черным фраком братца или домашнего знакомого. Этих хладнокровных девиц чрезвычайно трудно расшевелить и заставить смеяться; для этого нужно большое искусство или лучше сказать совсем не иметь никакого искусства. Нужно говорить так, чтобы не было ни слишком умно, ни слишком смешно, чтобы во всем была та мелочь, которую любят женщины. В этом

надобно отдать справедливость означенным господам. Они имеют особенный дар заставлять смеяться и слушать этих бесцветных красавиц. Восклицания, задушаемые смехом: „Ах, перестаньте! не стыдно ли вам так смешить!“ бывают им часто лучшею наградою. В высшем классе они попадаются очень редко или, лучше сказать, никогда. Оттуда они совершенно вытеснены тем, что называют в этом обществе аристократами; впрочем, они считаются учеными и воспитанными людьми. Они любят потолковать об литературе; хвалят Булгарина, Пушкина и Греча и говорят с презрением и остроумными колкостями об А. А. Орлове. Они не пропускают ни одной публичной лекции, будь она о бухгалтерии, или даже о лесоводстве. В театре, какая бы ни была пиеса, вы всегда найдете одного из них, выключая разве если уже играются какие-нибудь „Филатки“, которыми очень оскорбляется их разборчивый вкус. В театре они бессменно. Это самые выгодные люди для театральной дирекции. Они особенно любят в пиесе хорошие стихи, также очень любят громко вызывать актеров, многие из них, преподавая в казенных заведениях или приготовляя к казенным заведениям, заводятся, наконец, кабриолетом и парою лошадей. Тогда круг их становится обширнее: они достигают, наконец, до того, что женятся на купеческой дочери, умеющей играть на фортепиано, с сотнею тысяч, или около того, наличных и кучею брадатой родни. Однакож, этой чести они не прежде могут достигнуть, как выслуживши по крайней мере до полковничьего чина. Потому что русские бородки, несмотря на то что от них еще несколько отзывается капустою, никаким образом не хотят видеть дочерей своих ни за кем, кроме генералов или, по крайней мере, полковников. Таковы главные черты этого сорта молодых людей. Но поручик Пирогов имел множество талантов, собственно ему принадлежавших. Он превосходно декламировал стихи из „Димитрия Донского“ и „Горе от ума“, имел особенное искусство пускать из трубки дым кольцами так удачно, что вдруг мог нанизать их около десяти одно на другое.

Умел очень приятно рассказать анекдот о том, что пушка сама по себе, а единорог сам по себе. Впрочем, оно несколько трудно перечесть все таланты, которыми судьба наградила Пирогова. Он любил поговорить об актрисе и танцовщице, но уже не так резко, как обыкновенно изъясняется об этом предмете молодой прапорщик. Он был очень доволен своим чином, в который был произведен недавно, и хотя иногда, ложась на диван, он говорил: „Ох, ох! Суета, всё суета! Что из этого, что я поручик?“ Но втайне его очень льстило это новое достоинство; он в разговоре часто старался намекнуть о нем обиняком, и один раз, когда попался ему на улице какой-то писарь, показавшийся ему невежливым, он немедленно остановил его, и в немногих, но резких словах дал заметить ему, что перед ним стоял поручик, а не другой какой офицер. Тем более старался он изложить это красноречивее, что тогда проходили мимо его две весьма недурные дамы. Пирогов вообще показывал страсть ко всему изящному и поощрял художника Пискарева; впрочем, это происходило, может быть, оттого, что ему весьма желалось видеть мужественную физиогномию свою на портрете. Но довольно о качествах Пирогова. Человек такое дивное существо, что никогда не можно исчислить вдруг всех его достоинств, и чем более в него всматриваешься, тем более является новых особенностей, и описание их было бы бесконечно. Итак, Пирогов не переставал преследовать незнакомку, от времени до времени занимая ее вопросами, на которые она отвечала резко, отрывисто и какими-то неясными звуками. Они вошли темными Казанскими воротами в Мещанскую улицу, улицу табачных и мелочных лавок, немцев-ремесленников и чухонских нимф. Блондинка бежала скорее и впорхнула в ворота одного довольно запачканного дома. Пирогов — за нею. Она взбежала по узенькой темной лестнице и вошла в дверь, в которую тоже смело пробрался Пирогов. Он увидел себя в большой комнате с черными стенами, с закопченным потолком. Куча железных винтов, слесарных инструментов, блестя-

щих кофейников и подсвечников была на столе; пол был засорен медными и железными опилками. Пирогов тотчас смекнул, что это была квартира мастерового. Незнакомка порхнула далее в боковую дверь. Он было на минуту задумался, но, следуя русскому правилу, решился итти вперед. Он вошел в комнату, вовсе не похожую на первую, убранную очень опрятно, показывавшую, что хозяин был немец. Он был поражен необыкновенно странным видом.

Перед ним сидел Шиллер, не тот Шиллер, который написал „Вильгельма Теля“ и „Историю Тридцатилетней войны“, но известный Шиллер, жестяных дел мастер в Мещанской улице. Возле Шиллера стоял Гофман, не писатель Гофман, но довольно хороший сапожник с Офицерской улицы, большой приятель Шиллера. Шиллер был пьян и сидел на стуле, топая ногою и говоря что-то с жаром. Всё это еще бы не удивило Пирогова, но удивило его чрезвычайно странное положение фигур. Шиллер сидел, выставив свой довольно толстый нос и поднявши вверх голову; а Гофман держал его за этот нос двумя пальцами и вертел лезвием своего сапожнического ножа на самой его поверхности. Обе особы говорили на немецком языке и потому поручик Пирогов, который знал по-немецки только „гут морген“, ничего не мог понять из всей этой истории. Впрочем, слова Шиллера заключались вот в чем:

„Я не хочу, мне не нужен нос!“ говорил он размахивая руками... „У меня на один нос выходит три фунта табаку в месяц. И я плачу в русской скверный магазин, потому что немецкой магазин не держит русского табаку, я плачу в русской скверный магазин за каждый фунт по 40 копеек; это будет рубль двадцать копеек — это будет четырнадцать рублей сорок копеек. Слышишь, друг мой, Гофман? на один нос четырнадцать рублей сорок копеек. Да по праздникам я нюхаю рапе, потому что я не хочу нюхать по праздникам русской скверный табак. В год я нюхаю два фунта рапе, по два рубля фунт. Шесть да четырнадцать — двадцать рублей сорок копеек на один табак! Это разбой, я спрашиваю тебя, мой друг Гофман, не так ли?“ Гофман,

который сам был пьян, отвечал утвердительно. „Двадцать рублей сорок копеек! Я швабский немец; у меня есть король в Германии. Я не хочу носа! Режь мне нос! Вот мой нос!“

И если бы не внезапное появление поручика Пирогова, то, без всякого сомнения, Гофман отрезал бы ни за что, ни про что Шиллеру нос, потому что он уже привел нож свой в такое положение, как бы хотел кроить подошву.

Шиллеру показалось очень досадно, что вдруг незнакомое, непрошенное лицо так некстати ему помешало. Он, несмотря на то, что был в упоительном чаду пива и вина, чувствовал, что несколько неприлично в таком виде и при таком действии находиться в присутствии постороннего свидетеля. Между тем Пирогов слегка наклонился и с свойственною ему приятностию сказал: „Вы извините меня“...

„Пошел вон!“ отвечал протяжно Шиллер.

Это озадачило поручика Пирогова. Такое обращение ему было совершенно ново. Улыбка, слегка было показавшаяся на его лице, вдруг пропала. С чувством огорченного достоинства он сказал: „Мне странно, милостивый государь... вы верно не заметили... я офицер...“

„Что такое офицер! Я — швабской немец. Мой сам“ (при этом Шиллер ударил кулаком по столу) „будет офицер: полтора года юнкер, два года поручик, и я завтра сейчас офицер. Но я не хочу служить. Я с офицером сделает этак: фу!“ при этом Шиллер подставил ладонь и фукнул на нее.

Поручик Пирогов увидел, что ему больше ничего не оставалось, как только удалиться; однакож такое обхождение, вовсе неприличное его званию, ему было неприятно. Он несколько раз останавливался на лестнице, как бы желая собраться с духом и подумать о том, каким бы образом дать почувствовать Шиллеру его дерзость. Наконец рассудил, что Шиллера можно извинить, потому что голова его была наполнена пивом; к тому же представилась ему хорошенькая блондинка, и он решился предать это забвению. На другой день поручик Пирогов рано по утру явился

в мастерской жестяных дел мастера. В передней комнате встретила его хорошенькая блондинка и довольно суровым голосом, который очень шел к ее личику, спросила: что вам угодно?

„А, здравствуйте, моя миленькая! вы меня не узнали? плутовочка, какие хорошенькие глазки!“ При этом поручик Пирогов хотел очень мило поднять пальцем ее подбородок. Но блондинка произнесла пугливое восклицание и с тою же суровостию спросила: что вам угодно?

„Вас видеть, больше ничего мне не угодно“, произнес поручик Пирогов, довольно приятно улыбаясь и подступая ближе; но, заметив, что пугливая блондинка хотела проскользнуть в дверь, прибавил: „Мне нужно, моя миленькая, заказать шпоры. Вы можете мне сделать шпоры? хотя для того, чтобы любить вас, вовсе не нужно шпор, а скорее бы уздечку. Какие миленькие ручки!“ Поручик Пирогов всегда бывал очень любезен в изъяснениях подобного рода.

„Я сейчас позову моего мужа“, вскрикнула немка и ушла, и чрез несколько минут Пирогов увидел Шиллера, выходившего с заспанными глазами, едва очнувшегося от вчерашнего похмелья. Взглянувши на офицера, он припомнил как в смутном сне происшествие вчерашнего дня. Он ничего не помнил в таком виде, в каком было, но чувствовал, что сделал какую-то глупость, и потому принял офицера с очень суровым видом. „Я за шпоры не могу взять меньше пятнадцати рублей“, произнес он, желая отделаться от Пирогова; потому что ему, как честному немцу, очень совестно было смотреть на того, кто видел его в неприличном положении. Шиллер любил пить совершенно без свидетелей, с двумя, тремя приятелями, и запирался на это время даже от своих работников.

„Зачем же так дорого?“ ласково сказал Пирогов.

„Немецкая работа“, хладнокровно произнес Шиллер, поглаживая подбородок. „Русской возьмется сделать за два рубля“.

„Извольте, чтобы доказать, что я вас люблю и желаю с вами познакомиться, я плачу пятнадцать рублей“.

Шиллер минуту оставался в размышлении: ему, как честному немцу, сделалось немного совестно. Желая сам отклонить его от заказывания, он объявил, что раньше двух недель не может сделать. Но Пирогов без всякого прекословия изъявил совершенное согласие.

Немец задумался и стал размышлять о том, как бы лучше сделать свою работу, чтобы она, действительно, стоила пятнадцати рублей. В это время блондинка вошла в мастерскую и начала рыться на столе, уставленном кофейниками. Поручик воспользовался задумчивостию Шиллера, подступил к ней и пожал ручку, обнаженную до самого плеча. Это Шиллеру очень не понравилось.

„Мейн фрау!“ закричал он.

„Вас волен зи дох?“ отвечала блондинка.

„Гензи на кухня!“ Блондинка удалилась.

„Так через две недели?“ сказал Пирогов.

„Да, через две недели“, отвечал в размышлении Шиллер: „у меня теперь очень много работы“.

„До свидания! я к вам зайду“.

„До свидания“, отвечал Шиллер, запирая за ним дверь.

Поручик Пирогов решился не оставлять своих исканий, несмотря на то, что немка оказала явный отпор. Он не мог понять, чтобы можно было ему противиться; тем более, что любезность его и блестящий чин давали полное право на внимание. Надобно однакоже сказать и то, что жена Шиллера, при всей миловидности своей, была очень глупа. Впрочем глупость составляет особенную прелесть в хорошенькой жене. По крайней мере, я знал много мужей, которые в восторге от глупости своих жен и видят в ней все признаки младенческой невинности. Красота производит совершенные чудеса. Все душевные недостатки в красавице, вместо того чтобы произвести отвращение, становятся как-то необыкновенно привлекательны; самый порок дышет в них миловидностью; но исчезни она, — и женщине нужно быть в двадцать раз умнее мужчины, чтобы внушить к себе если не любовь, то, по крайней мере, уважение. Впрочем, жена Шиллера, при всей глупости, была

всегда верна своей обязанности и потому Пирогову довольно трудно было успеть в смелом своем предприятии; но с победою препятствий всегда соединяется наслаждение, и блондинка становилась для него интереснее день ото дня. Он начал довольно часто осведомляться о шпорах, так что Шиллеру это наконец наскучило. Он употреблял все усилия, чтобы окончить скорее начатые шпоры; наконец, шпоры были готовы.

„Ах, какая отличная работа!“ закричал поручик Пирогов, увидевши шпоры. „Господи, как это хорошо сделано! У нашего генерала нет этаких шпор“.

Чувство самодовольствия распустилось по душе Шиллера. Глаза его начали глядеть довольно весело и он совершенно примирился с Пироговым. „Русской офицер, умный человек“, думал он сам про себя.

„Так вы, стало быть, можете сделать и оправу, например, к кинжалу или другим вещам?“

„О, очень могу“, сказал Шиллер с улыбкою.

„Так сделайте мне оправу к кинжалу. Я вам принесу; у меня очень хороший турецкой кинжал, но мне бы хотелось оправу к нему сделать другую“.

Шиллера это как бомбою хватило. Лоб его вдруг наморщился. Вот тебе на! подумал он про себя, внутренно ругая себя за то, что накликал сам работу. Отказаться он почитал уже бесчестным, притом же русской офицер похвалил его работу. — Он, несколько покачавши головою, изъявил свое согласие; но поцелуй, который, уходя, Пирогов влепил нахально в самые губки хорошенькой блондинки, поверг его в совершенное недоумение.

Я почитаю неизлишним познакомить читателя несколько покороче с Шиллером. Шиллер был совершенный немец в полном смысле всего этого слова. Еще с двадцатилетнего возраста, с того счастливого времени, в которое русской живет на фуфу, уже Шиллер размерил всю свою жизнь и никакого, ни в каком случае, не делал исключения. Он положил вставать в семь часов, обедать в два, быть точным во всем и быть пьяным каждое воскресенье.

Он положил себе в течение 10 лет составить капитал из пятидесяти тысяч, и уже это было так верно и неотразимо, как судьба, потому что скорее чиновник позабудет заглянуть в швейцарскую своего начальника, нежели немец решится переменить свое слово. Ни в каком случае не увеличивал он своих издержек, и если цена на картофель слишком поднималась против обыкновенного, он не прибавлял ни одной копейки, но уменьшал только количество, и хотя оставался иногда несколько голодным, но однакоже привыкал к этому. Аккуратность его простиралась до того, что он положил целовать жену свою в сутки не более двух раз, а чтобы как-нибудь не поцеловать лишний раз, он никогда не клал перцу более одной ложечки в свой суп; впрочем в воскресный день это правило не так строго исполнялось, потому что Шиллер выпивал тогда две бутылки пива и одну бутылку тминной водки, которую однакоже он всегда бранил. Пил он вовсе не так, как англичанин, который тотчас после обеда запирает дверь на крючек и нарезывается один. Напротив, он, как немец, пил всегда вдохновенно, или с сапожником Гофманом, или с столяром Кунцом, тоже немцем и большим пьяницею. Таков был характер благородного Шиллера, который, наконец, был приведен в чрезвычайно затруднительное положение. Хотя он был флегматик и немец, однакож поступки Пирогова возбудили в нем что-то похожее на ревность. Он ломал голову и не мог придумать, каким образом ему избавиться от этого русского офицера. Между тем Пирогов, куря трубку в кругу своих товарищей, — потому что уже так провидение устроило, что где офицеры, там и трубки, — куря трубку в кругу своих товарищей, намекал значительно и с приятною улыбкою об интрижке с хорошенькою немкою, с которою, по словам его, он уже совершенно был накоротке и которую он, на самом деле, едва ли не терял уже надежды преклонить на свою сторону.

В один день прохаживался он по Мещанской, поглядывая на дом, на котором красовалась вывеска Шиллера с кофейниками и самоварами; к величайшей радости своей,

увидел он головку блондинки, свесившуюся в окошко и разглядывавшую прохожих. Он остановился, сделал ей ручкою и сказал: гут морген! Блондинка поклонилась ему как знакомому.

„Что, ваш муж дома?“

„Дома“, отвечала блондинка.

„А когда он не бывает дома?“

„Он по воскресеньям не бывает дома“, сказала глупенькая блондинка.

„Это недурно“, подумал про себя Пирогов: „этим нужно воспользоваться.“ — И в следующее воскресенье, как снег на голову, явился пред блондинкою. Шиллера, действительно, не было дома. Хорошенькая хозяйка испугалась; но Пирогов поступил на этот раз довольно осторожно, обошелся очень почтительно и, раскланявшись, показал всю красоту своего гибкого перетянутого стана. Он очень приятно и учтиво шутил, но глупенькая немка отвечала на всё односложными словами. Наконец, заходивши со всех сторон и видя, что ничто не может занять ее, он предложил ей танцовать. Немка согласилась в одну минуту, потому что немки всегда охотницы до танцев. На этом Пирогов очень много основывал свою надежду: во-первых, это уже доставляло ей удовольствие, во-вторых, это могло показать его торнюру и ловкость, в-третьих, в танцах ближе всего можно сойтись, обнять хорошенькую немку и проложить начало всему; короче, он выводил из этого совершенный успех. Он начал какой-то гавот, зная, что немкам нужна постепенность. Хорошенькая немка выступила на средину комнаты и подняла прекрасную ножку. Это положение так восхитило Пирогова, что он бросился ее целовать. Немка начала кричать и этим еще более увеличила свою прелесть в глазах Пирогова; он ее засыпал поцелуями. Как вдруг дверь отворилась и вошел Шиллер с Гофманом и столяром Кунцом. Все эти достойные ремесленники были пьяны, как сапожники.

Но я предоставляю самим читателям судить о гневе и негодовании Шиллера.

„Грубиян!“ закричал он в величайшем негодовании: „как ты смеешь целовать мою жену? Ты подлец, а не русской офицер. Чорт побери, мой друг Гофман, я немец, а не русская свинья!“ Гофман отвечал утвердительно. „О, я не хочу иметь роги! бери его, мой друг Гофман, за воротник, я не хочу“, продолжал он, сильно размахивая руками, причем лицо его было похоже на красное сукно его жилета. „Я восемь лет живу в Петербурге, у меня в Швабии мать моя, и дядя мой в Нюренберге, я немец, а не рогатая говядина! прочь с него всё, мой друг Гофман! держи его за рука и нога, камарат мой Кунц!“ И немцы схватили за руки и ноги Пирогова.

Напрасно силился он отбиваться; эти три ремесленника были самый дюжий народ из всех петербургских немцев. Если бы Пирогов был в полной форме, то, вероятно, почтение к его чину и званию остановило бы буйных тевтонов. Но он прибыл совершенно как частный приватный человек в сюртучке и без эполетов. Немцы с величайшим неистовством сорвали с него всё платье. Гофман всей тяжестью своей сел ему на ноги, Кунц схватил за голову, а Шиллер схватил в руку пук прутьев, служивших метлою. Я должен с прискорбием признаться, что поручик Пирогов был очень больно высечен.

Я уверен, что Шиллер на другой день был в сильной лихорадке, что он дрожал, как лист, ожидая с минуты на минуту прихода полиции, что он бог знает чего бы не дал, чтобы всё происходившее вчера было во сне. Но что уже было, того нельзя переменить. Ничто не могло сравниться с гневом и негодованием Пирогова. Одна мысль об таком ужасном оскорблении приводила его в бешенство. Сибирь и плети он почитал самым малым наказанием для Шиллера. Он летел домой, чтобы, одевшись, оттуда итти прямо к генералу, описать ему самыми разительными красками буйство немецких ремесленников. Он разом хотел подать и письменную просьбу в Главный штаб. Если же Главный штаб определит недостаточное наказание, тогда прямо в Государственный совет, а не то самому государю.

Но всё это как-то странно кончилось: по дороге он зашел в кондитерскую, съел два слоеных пирожка, прочитал кое-что из „Северной Пчелы“ и вышел уже не в столь гневном положении. Притом довольно приятный прохладный вечер заставил его несколько пройтись по Невскому проспекту; к 9 часам он успокоился и нашел, что в воскресенье нехорошо беспокоить генерала, при том он, без сомнения, куда-нибудь отозван, и потому он отправился на вечер к одному правителю контрольной коллегии, где было очень приятное собрание чиновников и офицеров. Там с удовольствием провел вечер и так отличился в мазурке, что привел в восторг не только дам, но даже и кавалеров.

„Дивно устроен свет наш!“ думал я, идя третьего дня по Невскому проспекту и приводя на память эти два происшествия: „Как странно, как непостижимо играет нами судьба наша! Получаем ли мы когда-нибудь то, чего желаем? Достигаем ли мы того, к чему, кажется, нарочно приготовлены наши силы? Всё происходит наоборот. Тому судьба дала прекраснейших лошадей, и он равнодушно катается на них, вовсе не замечая их красоты, тогда как другой, которого сердце горит лошадиною страстью, идет пешком и довольствуется только тем, что пощелкивает языком, когда мимо его проводят рысака. Тот имеет отличного повара, но, к сожалению, такой маленький рот, что больше двух кусочков никак не может пропустить, другой имеет рот величиною в арку Главного штаба, но, увы, должен довольствоваться каким-нибудь немецким обедом из картофеля. Как странно играет нами судьба наша!“

Но страннее всего происшествия, случающиеся на Невском проспекте. О, не верьте этому Невскому проспекту! Я всегда закутываюсь покрепче плащем своим, когда иду по нем, и стараюсь вовсе не глядеть на встречающиеся предметы. Всё обман, всё мечта, всё не то, чем кажется! Вы думаете, что этот господин, который гуляет в отлично сшитом сюртучке, очень богат? — Ничуть не бывало: он весь состоит из своего сюртучка. Вы воображаете, что эти два

толстяка, остановившиеся перед строящеюся церковью, судят об архитектуре ее? — Совсем нет: они говорят о том, как странно сели две вороны одна против другой. Вы думаете, что этот энтузиаст, размахивающий руками, говорит о том, как жена его бросила из окна шариком в незнакомого ему вовсе офицера? — Ничуть не бывало: он доказывает, в чем состояла главная ошибка Лафайета.! Вы думаете, что эти дамы... но дамам меньше всего верьте. Менее заглядывайте в окна магазинов: безделушки, в них выставленные, прекрасны, но пахнут страшным количеством ассигнаций. Но боже вас сохрани заглядывать дамам под шляпки! Как ни развевайся вдали плащ красавицы, я ни за что не пойду за нею любопытствовать. Далее, ради бога, далее от фонаря! и скорее, сколько можно скорее, проходите мимо. Это счастие еще, если отделаетесь тем, что он зальет щегольской сюртук ваш вонючим своим маслом. Но и кроме фонаря всё дышет обманом. Он лжет во всякое время, этот Невский проспект, но более всего тогда, когда ночь сгущенною массою наляжет на него и отделит белые и палевые стены домов, когда весь город превратится в гром и блеск, мириады карет валятся с мостов, форейторы кричат и прыгают на лошадях и когда сам демон зажигает лампы для того только, чтобы показать всё не в настоящем виде.

H O C

I.

Марта 25 числа случилось в Петербурге необыкновенно-странное происшествие. Цырюльник Иван Яковлевич, живущий на Вознесенском проспекте (фамилия его утрачена, и даже на вывеске его — где изображен господин с намыленною щекою и надписью: „и кровь отворяют“ — не выставлено ничего более), цырюльник Иван Яковлевич проснулся довольно рано и услышал запах горячего хлеба. Приподнявшись немного на кровати, он увидел, что супруга его, довольно почтенная дама, очень любившая пить кофий, вынимала из печи только что испеченные хлебы.

„Сегодня я, Прасковья Осиповна, не буду пить кофий“, — сказал Иван Яковлевич: — „а вместо того хочется мне съесть горячего хлебца с луком.“ (То-есть Иван Яковлевич хотел бы и того и другого, но знал, что было совершенно невозможно требовать двух вещей разом: ибо Прасковья Осиповна очень не любила таких прихотей.) Пусть дурак ест хлеб; мне же лучше“ — подумала про себя супруга: „останется кофию лишняя порция.“ И бросила один хлеб на стол.

Иван Яковлевич для приличия надел сверх рубашки фрак и, усевшись перед столом, насыпал соль, приготовил две головки луку, взял в руки нож и, сделавши значительную мину, принялся резать хлеб. — Разрезавши хлеб

на две половины, он поглядел в середину и к удивлению своему увидел что-то белевшееся. Иван Яковлевич ковырнул осторожно ножом и пощупал пальцем: „Плотное?“ — сказал он сам про себя: „что бы это такое было?“

Он засунул пальцы и вытащил — нос!.. Иван Яковлевич и руки опустил; стал протирать глаза и щупать: нос, точно нос! и еще, казалось, как будто чей-то знакомый. Ужас изобразился в лице Ивана Яковлевича. Но этот ужас был ничто против негодования, которое овладело его супругою.

„Где это ты, зверь, отрезал нос?“ закричала она с гневом. — „Мошенник! пьяница! Я сама на тебя донесу полиции. Разбойник какой! Вот уж я от трех человек слышала, что ты во время бритья так теребишь за носы, что еле держатся.“

Но Иван Яковлевич был ни жив, ни мертв. Он узнал, что этот нос был ни чей другой, как коллежского асессора Ковалева, которого он брил каждую середу и воскресенье.

„Стой, Прасковья Осиповна! Я положу его, завернувши в тряпку, в уголок: пусть там маленечко полежит; а после его вынесу.“

„И слушать не хочу! Чтобы я позволила у себя в комнате лежать отрезанному носу?.. Сухарь поджаристый! Знай умеет только бритвой возить по ремню, а долга своего скоро совсем не в состоянии будет исполнять, потаскушка, негодяй! Чтобы я стала за тебя отвечать полиции?.. Ах ты пачкун, бревно глупое! Вон его! вон! неси куда хочешь! чтобы я духу его не слыхала!“

Иван Яковлевич стоял совершенно как убитый. Он думал, думал — и не знал, что подумать. „Чорт его знает, как это сделалось“, сказал он наконец, почесав рукою за ухом. „Пьян ли я вчера возвратился, или нет, уж наверное сказать не могу. А по всем приметам должно быть происшествие несбыточное: ибо хлеб — дело печеное, а нос совсем не то. Ничего не разберу!..“ Иван Яковлевич замолчал. Мысль о том, что полицейские отыщут у него нос и обвинят его, привела его в совершенное беспамятство. Уже ему мерещился алый воротник, красиво вышитый серебром, шпага... и он дрожал всем телом. Наконец, достал

он свое исподнее платье и сапоги, натащил на себя всю эту дрянь и, сопровождаемый нелегкими увещаниями Прасковьи Осиповны, завернул нос в тряпку и вышел на улицу.

Он хотел его куда-нибудь подсунуть: или в тумбу под воротами, или так как-нибудь нечаянно выронить, да и повернуть в переулок. Но на беду ему попадался какой-нибудь знакомый человек, который начинал тотчас запросом: „куда идешь?“ или „кого так рано собрался брить?“ так что Иван Яковлевич никак не мог улучить минуты. В другой раз он уже совсем уронил его, но будошник еще издали указал ему алебардою, примолвив: „подыми! вон ты что-то уронил!“ И Иван Яковлевич должен был поднять нос и спрятать его в карман. Отчаяние овладело им, тем более что народ беспрестанно умножался на улице, по мере того как начали отпираться магазины и лавочки.

Он решился итти к Исакиевскому мосту: не удастся ли как-нибудь швырнуть его в Неву?.. Но я несколько виноват, что до сих пор не сказал ничего об Иване Яковлевиче, человеке почтенном во многих отношениях.

Иван Яковлевич, как всякий порядочный русский мастеровой, был пьяница страшный. И хотя каждый день брил чужие подбородки, но его собственный был у него вечно не брит. Фрак у Ивана Яковлевича (Иван Яковлевич никогда не ходил в сюртуке) был пегий, то есть он был черный, но весь в коричнево-желтых и серых яблоках; воротник лоснился; а вместо трех пуговиц висели одни только ниточки. Иван Яковлевич был большой циник, и когда коллежский асессор Ковалев обыкновенно говорил ему во время бритья: „у тебя, Иван Яковлевич, вечно воняют руки!“, то Иван Яковлевич отвечал на это вопросом: „отчего ж бы им вонять?“—„Не знаю, братец, только воняют“, говорил коллежский асессор,—и Иван Яковлевич, понюхавши табаку, мылил ему за это и на щеке, и под носом, и за ухом, и под бородою, одним словом, где только ему была охота.

Этот почтенный гражданин находился уже на Исакиевском мосту. Он прежде всего осмотрелся; потом нагнулся на перила будто бы посмотреть под мост: много ли рыбы

бегает, и швырнул потихоньку тряпку с носом. Он почувствовал, как будто бы с него разом свалилось десять пуд: Иван Яковлевич даже усмехнулся. Вместо того, чтобы итти брить чиновничьи подбородки, он отправился в заведение с надписью: „Кушанье и чай“ спросить стакан пуншу, как вдруг заметил в конце моста квартального надзирателя благородной наружности, с широкими бакенбардами, в треугольной шляпе, со шпагою. Он обмер; а между тем квартальный кивал ему пальцем и говорил: „А подойди сюда, любезный!“

Иван Яковлевич, зная форму, снял издали еще картуз и, подошедши проворно, сказал: „Желаю здравия вашему благородию!“

„Нет, нет, братец, не благородию; скажи-ка, что ты там делал, стоя на мосту?“

„Ей богу, сударь, ходил брить, да посмотрел только, шибко ли река идет.“

„Врешь, врешь! Этим не отделаешься. Изволь-ка отвечать!“

„Я вашу милость два раза в неделю, или даже три, готов брить без всякого прекословия“, отвечал Иван Яковлевич.

„Нет, приятель, это пустяки! Меня три цырюльника бреют, да еще и за большую честь почитают. А вот извольтка рассказать, что ты там делал?“

Иван Яковлевич побледнел... Но здесь происшествие совершенно закрывается туманом, и что далее произошло, решительно ничего неизвестно.

II.

Коллежский асессор Ковалев проснулся довольно рано и сделал губами: „брр...“, что всегда он делал, когда просыпался, хотя сам не мог растолковать, по какой причине. Ковалев потянулся, приказал себе подать небольшое, стоявшее на столе, зеркало. Он хотел взглянуть на прыщик, который вчерашнего вечера вскочил у него на носу; но к величайшему изумлению увидел, что у него вместо носа

совершенно гладкое место! Испугавшись, Ковалев велел подать воды и протер полотенцем глаза: точно нет носа! Он начал щупать рукою, чтобы узнать: не спит ли он? кажется, не спит. Коллежский асессор Ковалев вскочил с кровати, встряхнулся: нет носа!.. Он велел тотчас подать себе одеться и полетел прямо к обер-полицмейстеру.

Но между тем необходимо сказать что-нибудь о Ковалеве, чтобы читатель мог видеть, какого рода был этот коллежский асессор. Коллежских асессоров, которые получают это звание с помощию ученых аттестатов, никак нельзя сравнивать с теми коллежскими асессорами, которые делались на Кавказе. Это два совершенно особенные рода. Ученые коллежские асессоры... Но Россия такая чудная земля, что если скажешь об одном коллежском асессоре, то все коллежские асессоры, от Риги до Камчатки, непременно примут на свой счет. То же разумей и о всех званиях и чинах. — Ковалев был кавказский коллежский асессор. Он два года только еще состоял в этом звании и потому ни на минуту не мог его позабыть; а чтобы более придать себе благородства и веса, он никогда не называл себя коллежским асессором, но всегда маиором. „Послушай, голубушка", — говорил он обыкновенно, встретивши на улице бабу, продававшую манишки: — „ты приходи ко мне на дом; квартира моя в Садовой; спроси только: здесь ли живет маиор Ковалев — тебе всякой покажет." Если же встречал какую-нибудь смазливенькую, то давал ей сверх того секретное приказание, прибавляя: „Ты спроси, душенька, квартиру маиора Ковалева." — Поэтому-то самому и мы будем вперед этого коллежского асессора называть маиором.

Маиор Ковалев имел обыкновение каждый день прохаживаться по Невскому проспекту. Воротничек его манишки был всегда чрезвычайно чист и накрахмален. Бакенбарды у него были такого рода, какие и теперь еще можно видеть у губернских, поветовых землемеров, у архитекторов и полковых докторов, также у отправляющих разные полицейские обязанности и, вообще, у всех тех мужей, которые имеют полные румяные щеки и очень хорошо играют

в бостон: эти бакенбарды идут по самой средине щеки и прямехонько доходят до носа. Маиор Ковалев носил множество печаток сердоликовых и с гербами, и таких, на которых было вырезано: середа, четверг, понедельник и проч. Маиор Ковалев приехал в Петербург по надобности, а именно искать приличного своему званию места: если удастся, то вице-губернаторского, а не то — экзекуторского в каком-нибудь видном департаменте. Маиор Ковалев был не прочь и жениться; но только в таком случае, когда за невестою случится двести тысяч капиталу. И потому читатель теперь может судить сам: каково было положение этого маиора, когда он увидел, вместо довольно недурного и умеренного носа, преглупое, ровное и гладкое место.

Как на беду, ни один извозчик не показывался на улице, и он должен был итти пешком, закутавшись в свой плащ и закрывши платком лицо, показывая вид, как будто у него шла кровь. „Но авось-либо мне так представилось: не может быть, чтобы нос пропал сдуру“, подумал он и зашел в кондитерскую нарочно с тем, чтобы посмотреться в зеркало. К счастию, в кондитерской никого не было: мальчишки мели комнаты и расставляли стулья; некоторые с сонными глазами выносили на подносах горячие пирожки; на столах и стульях валялись залитые кофием вчерашние газеты. „Ну, слава богу, никого нет“ — произнес он: — „теперь можно поглядеть“. Он робко подошел к зеркалу и взглянул: „Чорт знает что, какая дрянь!“ произнес он, плюнувши... „Хотя бы уже что-нибудь было вместо носа, а то ничего!..“

С досадою закусив губы, вышел он из кондитерской и решился, против своего обыкновения, не глядеть ни на кого и никому не улыбаться. Вдруг он стал как вкопанный у дверей одного дома; в глазах его произошло явление неизъяснимое: перед подъездом остановилась карета; дверцы отворились; выпрыгнул, согнувшись, господин в мундире и побежал вверх по лестнице. Каков же был ужас и вместе изумление Ковалева, когда он узнал, что это был собственный его нос! При этом необыкновенном зрелище, казалось ему, всё переворотилось у него в глазах; он чувствовал,

что едва мог стоять; но решился во что бы ни стало ожидать его возвращения в карету, весь дрожа как в лихорадке. Чрез две минуты нос действительно вышел. Он был в мундире, шитом золотом, с большим стоячим воротником; на нем были замшевые панталоны; при боку шпага. По шляпе с плюмажем можно было заключить, что он считался в ранге статского советника. По всему заметно было, что он ехал куда-нибудь с визитом. Он поглядел на обе стороны, закричал кучеру: „подавай!“, сел и уехал.

Бедный Ковалев чуть не сошел с ума. Он не знал, как и подумать о таком странном происшествии. Как же можно, в самом деле, чтобы нос, который еще вчера был у него на лице, не мог ездить и ходить, — был в мундире! Он побежал за каретою, которая, к счастию, проехала недалеко и остановилась перед Казанским собором.

Он поспешил в собор, пробрался сквозь ряд нищих старух с завязанными лицами и двумя отверстиями для глаз, над которыми он прежде так смеялся, и вошел в церковь. Молельщиков внутри церкви было немного; они все стояли только при входе в двери. Ковалев чувствовал себя в таком расстроенном состоянии, что никак не в силах был молиться, и искал глазами этого господина по всем углам. Наконец увидел его стоявшего в стороне. Нос спрятал совершенно лицо свое в большой стоячий воротник и с выражением величайшей набожности молился.

„Как подойти к нему?“ думал Ковалев. „По всему, по мундиру, по шляпе видно, что он статский советник. Чорт его знает, как это сделать!“

Он начал около него покашливать; но нос ни на минуту не оставлял набожного своего положения и отвешивал поклоны.

„Милостивый государь...“ — сказал Ковалев, внутренно принуждая себя ободриться: — „милостивый государь...“

„Что вам угодно?“ — отвечал нос, оборотившись.

„Мне странно, милостивый государь... мне кажется... вы должны знать свое место. И вдруг я вас нахожу и где же? — в церкви. Согласитесь...“

„Извините меня, я не могу взять в толк, о чем вы изволите говорить... Объяснитесь."

„Как мне ему объяснить?" подумал Ковалев и, собравшись с духом, начал: „Конечно я... впрочем я маиор. Мне ходить без носа, согласитесь, это неприлично. Какой-нибудь торговке, которая продает на Воскресенском мосту очищенные апельсины, можно сидеть без носа; но, имея в виду получить губернаторское место,... притом будучи во многих домах знаком с дамами: Чехтарева, статская советница, и другие... Вы посудите сами... я не знаю, милостивый государь... (При этом маиор Ковалев пожал плечами)... Извините... если на это смотреть сообразно с правилами долга и чести... вы сами можете понять..."

„Ничего решительно не понимаю", — отвечал нос. „Изъяснитесь удовлетворительнее."

„Милостивый государь..." — сказал Ковалев с чувством собственного достоинства: — „я не знаю, как понимать слова ваши... Здесь всё дело, кажется, совершенно очевидно... Или вы хотите... Ведь вы мой собственный нос!"

Нос посмотрел на маиора, и брови его несколько нахмурились.

— „Вы ошибаетесь, милостивый государь. Я сам по себе. Притом между нами не может быть никаких тесных отношений. Судя по пуговицам вашего виц-мундира, вы должны служить в сенате или, по крайней мере, по юстиции. Я же по ученой части." Сказавши это, нос отвернулся и продолжал молиться.

Ковалев совершенно смешался, не зная, что̀ делать и что̀ даже подумать. В это время послышался приятный шум дамского платья: подошла пожилая дама, вся убранная кружевами, и с нею тоненькая, в белом платье, очень мило рисовавшемся на ее стройной талии, в палевой шляпке легкой как пирожное. За ними остановился и открыл табакерку высокий гайдук с большими бакенбардами и целой дюжиной воротников.

Ковалев выступил поближе, высунул батистовый воротничек манишки, поправил висевшие на золотой цепочке свои

печатки и, улыбаясь по сторонам, обратил внимание на легонькую даму, которая, как весенний цветочек, слегка наклонялась и подносила ко лбу свою беленькую ручку с полупрозрачными пальцами. Улыбка на лице Ковалева раздвинулась еще далее, когда он увидел из-под шляпки ее кругленький, яркой белизны подбородок и часть щеки, осененной цветом первой весенней розы. Но вдруг он отскочил, как будто бы обжёгшись. Он вспомнил, что у него вместо носа совершенно нет ничего, и слезы выдавились из глаз его. Он оборотился с тем, чтобы напрямик сказать господину в мундире, что он только прикинулся статским советником, что он плут и подлец и что он больше ничего, как только его собственный нос... Но носа уже не было: он успел ускакать, вероятно, опять к кому-нибудь с визитом.

Это повергло Ковалева в отчаяние. Он пошел назад и остановился с минуту под колоннадою, тщательно смотря во все стороны, не попадется ли где нос. Он очень хорошо помнил, что шляпа на нем была с плюмажем и мундир с золотым шитьем; но шинель не заметил, ни цвета его кареты, ни лошадей, ни даже того, был ли у него сзади какой-нибудь лакей и в какой ливрее. Притом карет неслось такое множество взад и вперед и с такою быстротою, что трудно было даже приметить; но если бы и приметил он какую-нибудь из них, то не имел бы никаких средств остановить. День был прекрасный и солнечный. На Невском народу была тьма; дам целый цветочный водопад сыпался по всему тротуару, начиная от Полицейского до Аничкина моста. Вон и знакомый ему надворный советник идет, которого он называл подполковником, особливо, ежели то случалось при посторонних. Вон и Ярыжкин, столоначальник в сенате, большой приятель, который вечно в бостоне обремизивался, когда играл восемь. Вон и другой маиор, получивший на Кавказе асессорство, махает рукой, чтобы шел к нему...

„А чорт возьми!“ — сказал Ковалев. „Эй, извозчик, вези прямо к обер-полицмейстеру!“

Ковалев сел в дрожки и только покрикивал извозчику: „валяй во всю ивановскую!“

„У себя обер-полицмейстер?“ вскричал он, зашедши в сени.

„Никак нет“, отвечал привратник: — „только что уехал.“

„Вот тебе раз!“

„Да“, — прибавил привратник — „оно и не так давно, но уехал. Минуточкой бы пришли раньше, то, может, застали бы дома.“

Ковалев, не отнимая платка от лица, сел на извозчика и закричал отчаянным голосом: „пошел!“

„Куда?“ сказал извозчик.

„Пошел прямо!“

„Как прямо? тут поворот: направо или налево?“

Этот вопрос остановил Ковалева и заставил его опять подумать. В его положении следовало ему прежде всего отнестись в Управу благочиния, не потому что оно имело прямое отношение к полиции, но потому, что ее распоряжения могли быть гораздо быстрее, чем в других местах; искать же удовлетворения по начальству того места, при котором нос объявил себя служащим, было бы безрассудно, потому что из собственных ответов носа уже можно было видеть, что для этого человека ничего не было священного, и он мог так же солгать и в этом случае, как солгал, уверяя, что он никогда не видался с ним. Итак, Ковалев уже хотел было приказать ехать в Управу благочиния, как опять пришла мысль ему, что этот плут и мошенник, который поступил уже при первой встрече таким бессовестным образом, мог опять удобно, пользуясь временем, как-нибудь улизнуть из города, — и тогда все искания будут тщетны, или могут продолжиться, чего боже сохрани, на целый месяц. Наконец, казалось, само небо вразумило его. Он решился отнестись прямо в газетную экспедицию и заблаговременно сделать публикацию с обстоятельным описанием всех качеств, дабы всякий, встретивший его, мог в ту же минуту его представить к нему или по крайней мере дать знать о месте пребывания. Итак он, решив на этом, велел извозчику ехать в газетную экспе-

дицию, и во всю дорогу не переставал его тузить кулаком в спину, приговаривая: „скорей, подлец! скорей, мошенник!“ — „Эх, барин!“ говорил извозчик, потряхивая головой и стегая возжей свою лошадь, на которой шерсть была длинная как на болонке. Дрожки наконец остановились, и Ковалев, запыхавшись, вбежал в небольшую приемную комнату, где седой чиновник, в старом фраке и очках, сидел за столом и, взявши в зубы перо, считал принесенные медные деньги.

„Кто здесь принимает объявления?“ закричал Ковалев. „А, здравствуйте!“

„Мое почтение“,—сказал седой чиновник, поднявши на минуту глаза и опустивши их снова на разложенные кучи денег.

„Я желаю припечатать...“

„Позвольте. Прошу немножко повременить“, — произнес чиновник, ставя одною рукою цыфру на бумаге и передвигая пальцами левой руки два очка на счетах. Лакей с галунами и наружностию, показывавшею пребывание его в аристократическом доме, стоял возле стола с запискою в руках и почел приличным показать свою общежительность: „Поверите ли, сударь, что собачонка не стòит восьми гривен, т. е. я не дал бы за нее и восьми грошей; а графиня любит, ей богу, любит, — и вот тому, кто ее отыщет, сто рублей! Если сказать по приличию, то вот так, как мы теперь с вами, вкусы людей совсем не совместны: уж когда охотник, то держи лягавую собаку или пуделя; не пожалей пятисот, тысячу дай, но зато уж чтоб была собака хорошая.“

Почтенный чиновник слушал это с значительною миною, и в то же время занимался сметою: сколько букв в принесенной записке. По сторонам стояло множество старух, купеческих сидельцев и дворников с записками. В одной значилось, что отпускается в услужение кучер трезвого поведения; в другой—малоподержанная коляска, вывезенная в 1814 году из Парижа; там отпускалась дворовая девка 19 лет, упражнявшаяся в прачешном деле, годная и для других работ; прочные дрожки без одной рессоры, молодая горячая лошадь в серых яблоках, семнадцати лет от роду,

новые полученные из Лондона семена репы и редиса, дача со всеми угодьями: двумя стойлами для лошадей и местом, на котором можно развести превосходный березовый или еловый сад; там же находился вызов желающих купить старые подошвы, с приглашением явиться к переторжке каждый день от 8 до 3 часов утра. Комната, в которой местилось всё это общество, была маленькая, и воздух в ней был чрезвычайно густ; но коллежский асессор Ковалев не мог слышать запаха, потому что закрылся платком, и потому что самый нос его находился бог знает в каких местах.

„Милостивый государь, позвольте вас попросить... Мне очень нужно“, — сказал он наконец с нетерпением.

—„Сейчас, сейчас! Два рубля сорок три копейки! Сию минуту! Рубль шестьдесят четыре копейки!“ говорил седовласый господин, бросая старухам и дворникам записки в глаза. „Вам что угодно?“ наконец сказал он, обратившись к Ковалеву.

„Я прошу...“ сказал Ковалев: „случилось мошенничество, или плутовство, я до сих пор не могу никак узнать. Я прошу только припечатать, что тот, кто ко мне этого подлеца представит, получит достаточное вознаграждение.“

— „Позвольте узнать, как ваша фамилия?“

„Нет, зачем же фамилию? Мне нельзя сказать ее. У меня много знакомых: Чехтарева, статская советница, Палагея Григорьевна Подточина, штаб-офицерша... Вдруг узнают, боже сохрани! Вы можете просто написать: коллежский асессор, или, еще лучше, состоящий в маиорском чине.“

„А сбежавший был ваш дворовый человек?“

„Какое, дворовый человек? Это бы еще не такое большое мошенничество! Сбежал от меня... нос...“

„Гм! какая странная фамилия! И на большую сумму этот г. Носов обокрал вас?“

„Нос, то есть... вы не то думаете! Нос, мой собственный нос пропал неизвестно куда. Чорт хотел подшутить надо мною!“

„Да каким же образом пропал? Я что-то не могу хорошенько понять.“

„Да я не могу вам сказать, каким образом; но главное то, что он разъезжает теперь по городу и называет себя статским советником. И потому я вас прошу объявить, чтобы поймавший представил его немедленно ко мне в самом скорейшем времени. Вы посудите, в самом деле, как же мне быть без такой заметной части тела? это не то, что какой-нибудь мизинный палец на ноге, которую я в сапог — и никто не увидит, если его нет. Я бываю по четвергам у статской советницы Чехтаревой; Подточина Палагея Григорьевна, штаб-офицерша, и у ней дочка очень хорошенькая, тоже очень хорошие знакомые, и вы посудите сами, как же мне теперь... Мне теперь к ним нельзя явиться."

Чиновник задумался, что означали крепко сжавшиеся губы.

— „Нет, я не могу поместить такого объявления в газетах" — сказал он наконец после долгого молчания.

„Как? отчего?"

— „Так. Газета может потерять репутацию. Если всякий начнет писать, что у него сбежал нос, то... И так уже говорят, что печатается много несообразностей и ложных слухов."

„Да чем же это дело несообразное? Тут, кажется, ничего нет такого."

„Это вам так кажется, что нет. А вот, на прошлой неделе, такой же был случай. Пришел чиновник таким же образом, как вы теперь пришли, принес записку, денег по расчету пришлось 2 р. 73 к., и всё объявление состояло в том, что сбежал пудель черной шерсти. Кажется, что́ бы тут такое? А вышел пасквиль: пудель-то этот был казначей, не помню какого-то заведения."

„Да ведь я вам не о пуделе делаю объявление, а о собственном моем носе: стало быть, почти то же, что о самом себе."

„Нет, такого объявления я никак не могу поместить."

„Да когда у меня точно пропал нос!"

„Если пропал, то это дело медика. Говорят, что есть такие люди, которые могут приставить какой угодно нос.

Но впрочем я замечаю, что вы должны быть человек веселого нрава и любите в обществе пошутить."

„Клянусь вам, вот как бог свят! Пожалуй, уж если до того дошло, то я покажу вам."

„Зачем беспокоиться!" продолжал чиновник, нюхая табак. „Впрочем, если не в беспокойство", — прибавил он с движением любопытства: „то желательно бы взглянуть."

Коллежский асессор отнял от лица платок.

— „В самом деле, чрезвычайно странно!" — сказал чиновник: „место совершенно гладкое, как будто бы только что выпеченный блин. Да, до невероятности ровное!"

„Ну, вы теперь будете спорить? Вы видите сами, что нельзя не напечатать. Я вам буду особенно благодарен, и очень рад, что этот случай доставил мне удовольствие с вами познакомиться..." Маиор, как видно из этого, решился на сей раз немного поподличать.

— „Напечатать-то, конечно, дело небольшое", сказал чиновник: — „только я не предвижу в этом никакой для вас выгоды. Если уже хотите, то отдайте тому, кто имеет искусное перо, описать как редкое произведение натуры и напечатать эту статейку в «Северной Пчеле» (тут он понюхал еще раз табаку) для пользы юношества (тут он утер нос), или так, для общего любопытства."

Коллежский асессор был совершенно обезнадежен. Он опустил глаза вниз газеты, где было извещение о спектаклях; уже лицо его было готово улыбнуться, встретив имя актрисы хорошенькой собою, и рука взялась за карман: есть ли при нем синяя ассигнация, потому что штаб-офицеры, по мнению Ковалева, должны сидеть в креслах, — но мысль о носе всё испортила!

Сам чиновник, казалось, был тронут затруднительным положением Ковалева. Желая сколько-нибудь облегчить его горесть, он почел приличным выразить участие свое в нескольких словах: „Мне, право, очень прискорбно, что с вами случился такой анекдот. Не угодно ли вам понюхать табачку? это разбивает головные боли и печальные расположения; даже в отношении к геморроидам это хорошо."

Говоря это, чиновник поднес Ковалеву табакерку, довольно ловко подвернув под нее крышку с портретом какой-то дамы в шляпке.

Этот неумышленный поступок вывел из терпения Ковалева. „Я не понимаю, как вы находите место шуткам“, сказал он с сердцем: „разве вы не видите, что у меня именно нет того, чем бы я мог понюхать? Чтоб чорт побрал ваш табак! Я теперь не могу смотреть на него, и не только на скверный ваш березинский, но хоть бы вы поднесли мне самого рапе.“ Сказавши, он вышел, глубоко раздосадованный, из газетной экспедиции и отправился к частному приставу, чрезвычайному охотнику до сахару. На дому его вся передняя, она же и столовая, была установлена сахарными головами, которые нанесли к нему из дружбы купцы. Кухарка в это время скидала с частного пристава казенные ботфорты; шпага и все военные доспехи уже мирно развесились по углам и грозную трехугольную шляпу уже затрогивал трехлетний сынок его, и он, после боевой, бранной жизни, готовился вкусить удовольствия мира.

Ковалев вошел к нему в то время, когда он потянулся, крякнул и сказал: „Эх, славно засну два часика!“ И потому можно было предвидеть, что приход коллежского асессора был совершенно не во́-время. И не знаю, хотя бы он даже принес ему в то время несколько фунтов чаю или сукна, он бы не был принят слишком радушно. Частный был большой поощритель всех искусств и мануфактурностей; но государственную ассигнацию предпочитал всему. „Это вещь“, обыкновенно говорил он: „уж нет ничего лучше этой вещи: есть не просит, места займет немного, в кармане всегда поместится, уронишь — не расшибется.“

Частный принял довольно сухо Ковалева и сказал, что после обеда не то время, чтобы производить следствие, что сама натура назначила, чтобы, наевшись, немного отдохнуть (из этого коллежский асессор мог видеть, что частному приставу были не безызвестны изречения древних мудрецов), что у порядочного человека не оторвут носа и

что много есть на свете всяких маиоров, которые не имеют даже и исподнего в приличном состоянии и таскаются по всяким непристойным местам.

То есть, не в бровь, а прямо в глаз! Нужно заметить, что Ковалев был чрезвычайно обидчивый человек. Он мог простить всё, что ни говорили о нем самом, но никак не извинял, если это относилось к чину или званию. Он даже полагал, что в театральных пьесах можно пропускать всё, что относится к обер-офицерам, но на штаб-офицеров никак не должно нападать. Прием частного так его сконфузил, что он тряхнул головою и сказал с чувством достоинства, немного расставив свои руки: „Признаюсь, после этаких обидных с вашей стороны замечаний, я ничего не могу прибавить...“ и вышел.

Он приехал домой, едва слыша под собою ноги. Были уже сумерки. Печальною или чрезвычайно гадкою показалась ему квартира после всех этих неудачных исканий. Взошедши в переднюю, увидел он на кожаном запачканном диване лакея своего Ивана, который, лежа на спине, плевал в потолок и попадал довольно удачно в одно и то же место. Такое равнодушие человека взбесило его; он ударил его шляпою по лбу, примолвив: „ты, свинья, всегда глупостями занимаешься!“

Иван вскочил вдруг с своего места и бросился со всех ног снимать с него плащ.

Вошедши в свою комнату, маиор, усталый и печальный, бросился в кресла, и наконец после нескольких вздохов сказал:

„Боже мой! боже мой! За что это такое несчастие? Будь я без руки или без ноги — всё бы это лучше; будь я без ушей — скверно, однакож всё сноснее; но без носа человек — чорт знает что: птица не птица, гражданин не гражданин; просто, возьми да и вышвырни за окошко! И пусть бы уже на войне отрубили или на дуэли, или я сам был причиною; но ведь пропал ни за что, ни про что, пропал даром, ни за грош!.. Только нет, не может быть“, прибавил он, немного подумав. „Невероятно, чтобы нос

пропал; никаким образом невероятно. Это, верно, или во сне снится, или просто грезится; может быть, я как-нибудь ошибкою выпил вместо воды водку, которою вытираю после бритья себе бороду. Иван дурак не принял, и я, верно, хватил ее." — Чтобы действительно увериться, что он не пьян, маиор ущипнул себя так больно, что сам вскрикнул. Эта боль совершенно уверила его, что он действует и живет наяву. Он потихоньку приблизился к зеркалу и сначала зажмурил глаза с тою мыслию, что авось-либо нос покажется на своем месте; но в ту же минуту отскочил назад, сказавши: „экой пасквильный вид!"

Это было, точно, непонятно. Если бы пропала пуговица, серебряная ложка, часы, или что-нибудь подобное; — но пропасть, и кому же пропасть? и притом еще на собственной квартире!.. Маиор Ковалев, сообразя все обстоятельства, предполагал едва ли не ближе всего к истине, что виною этого должен быть не кто другой, как штаб-офицерша Подточина, которая желала, чтобы он женился на ее дочери. Он и сам любил за нею приволокнуться, но избегал окончательной разделки. Когда же штаб-офицерша объявила ему напрямик, что она хочет выдать ее за него, он потихоньку отчалил с своими комплиментами, сказавши, что еще молод, что нужно ему прослужить лет пяток, чтобы уже ровно было сорок два года. И потому штаб-офицерша, верно из мщения, решилась его испортить и наняла для этого каких-нибудь колдовок-баб, потому что никаким образом нельзя было предположить, чтобы нос был отрезан: никто не входил к нему в комнату; цырюльник же Иван Яковлевич брил его еще в среду, а в продолжение всей среды и даже во весь четверток нос у него был цел, — это он помнил и знал очень хорошо; притом была бы им чувствуема боль, и, без сомнения, рана не могла бы так скоро зажить и быть гладкою, как блин. Он строил в голове планы: звать ли штаб-офицершу формальным порядком в суд или явиться к ней самому и уличить ее. Размышления его прерваны были светом, блеснувшим сквозь все скважины дверей, который дал знать, что свеча в перед-

ней уже зажжена Иваном. Скоро показался и сам Иван, неся ее перед собою и озаряя ярко всю комнату. Первым движением Ковалева было схватить платок и закрыть то место, где вчера еще был нос, чтобы в самом деле глупый человек не зазевался, увидя у барина такую странность.

Не успел Иван уйти в конуру свою, как послышался в передней незнакомый голос, произнесший: „Здесь ли живет коллежский асессор Ковалев?“

— „Войдите. Маиор Ковалев здесь“, — сказал Ковалев, вскочивши поспешно и отворяя дверь.

Вошел полицейский чиновник красивой наружности, с бакенбардами не слишком светлыми и не темными, с довольно полными щеками, тот самый, который в начале повести стоял в конце Исакиевского моста.

„Вы изволили затерять нос свой?“

„Так точно.“

„Он теперь найден.“

„Что вы говорите?“ закричал маиор Ковалев. Радость отняла у него язык. Он глядел в оба на стоявшего перед ним квартального, на полных губах и щеках которого ярко мелькал трепетный свет свечи. „Каким образом?“

„Странным случаем: его перехватили почти на дороге. Он уже садился в дилижанс и хотел уехать в Ригу. И пашпорт давно был написан на имя одного чиновника. И странно то, что я сам принял его сначала за господина. Но к счастию были со мной очки, и я тот же час увидел, что это был нос. Ведь я близорук, и если вы станете передо мною, то я вижу только, что у вас лицо, но ни носа, ни бороды, ничего не замечу. Моя теща, то есть мать жены моей, тоже ничего не видит.“

Ковалев был вне себя. „Где же он? Где? Я сейчас побегу.“

„Не беспокойтесь. Я, зная, что он вам нужен, принес его с собою. И странно то, что главный участник в этом деле есть мошенник цырюльник на Вознесенской улице, который сидит теперь на съезжей. Я давно подозревал его в пьянстве и воровстве, и еще третьего дня стащил он

в одной лавочке бортище пуговиц. Нос ваш совершенно таков, как был." — При этом квартальный полез в карман и вытащил оттуда завернутый в бумажке нос.

„Так, он!" закричал Ковалев: „точно он! Откушайте сегодня со мною чашечку чаю."

„Почел бы за большую приятность, но никак не могу: мне нужно заехать отсюда в смирительный дом... Очень большая поднялась дороговизна на все припасы... У меня в доме живет и теща, то есть мать моей жены, и дети; старший особенно подает большие надежды: очень умный мальчишка, но средств для воспитания совершенно нет никаких."

Ковалев догадался и, схватив со стола красную ассигнацию, сунул в руки надзирателю, который, расшаркавшись, вышел за дверь, и в ту же почти минуту Ковалев слышал уже голос его на улице, где он увещевал по зубам одного глупого мужика, наехавшего со своею телегою как раз на бульвар.

Коллежский асессор, по уходе квартального, несколько минут оставался в каком-то неопределенном состоянии и едва через несколько минут пришел в возможность видеть и чувствовать: в такое беспамятство повергла его неожиданная радость. Он взял бережливо найденный нос в обе руки, сложенные горстью, и еще раз рассмотрел его внимательно.

„Так, он, точно он!" говорил маиор Ковалев. „Вот и прыщик на левой стороне, вскочивший вчерашнего дня." Маиор чуть не засмеялся от радости.

Но на свете нет ничего долговременного, а потому и радость в следующую минуту за первою уже не так жива; в третью минуту она становится еще слабее и наконец незаметно сливается с обыкновенным положением души, как на воде круг, рожденный падением камешка, наконец сливается с гладкою поверхностью. Ковалев начал размышлять и смекнул, что дело еще не кончено: нос найден, но ведь нужно же его приставить, поместить на свое место.

„А что̀, если он не пристанет?"

При таком вопросе, сделанном самому себе, маиор побледнел.

С чувством неизъяснимого страха бросился он к столу, придвинул зеркало, чтобы как-нибудь не поставить нос криво. Руки его дрожали. Осторожно и осмотрительно наложил он его на прежнее место. О, ужас! Нос не приклеивался!.. Он поднес его ко рту, нагрел его слегка своим дыханием и опять поднес к гладкому месту, находившемуся между двух щек; но нос никаким образом не держался.

„Ну! ну же! полезай, дурак!“ говорил он ему. Но нос был как деревянный и падал на стол с таким странным звуком, как будто бы пробка. Лицо маиора судорожно скривилось. „Неужели он не прирастет?“ говорил он в испуге. Но сколько раз ни подносил он его на его же собственное место, старание было попрежнему неуспешно.

Он кликнул Ивана и послал его за доктором, который занимал в том же самом доме лучшую квартиру в бельэтаже. Доктор этот был видный из себя мужчина, имел прекрасные смолистые бакенбарды, свежую, здоровую докторшу, ел поутру свежие яблоки и держал рот в необыкновенной чистоте, полоща его каждое утро почти три четверти часа и шлифуя зубы пятью разных родов щеточками. Доктор явился в ту же минуту. Спросивши, как давно случилось несчастие, он поднял маиора Ковалева за подбородок и дал ему большим пальцем щелчка в то самое место, где прежде был нос, так что маиор должен был откинуть свою голову назад с такою силою, что ударился затылком в стену. Медик сказал, что это ничего, и, посоветовавши отодвинуться немного от стены, велел ему перегнуть голову сначала на правую сторону и, пощупавши то место, где прежде был нос, сказал: „Гм!“ Потом велел ему перегнуть голову на левую сторону и сказал: „Гм!“ и в заключение дал опять ему большим пальцем щелчка, так что маиор Ковалев дернул головою как конь, которому смотрят в зубы. Сделавши такую пробу, медик покачал головою и сказал: „Нет, нельзя. Вы уж лучше так оставайтесь, потому что можно

сделать еще хуже. Оно конечно, приставить можно; я бы, пожалуй, вам сейчас приставил его; но я вас уверяю, что это для вас хуже."

„Вот хорошо! как же мне оставаться без носа?" сказал Ковалев. „Уж хуже не может быть, как теперь. Это просто чорт знает что! Куда же я с этакою пасквильностию покажуся? Я имею хорошее знакомство: вот и сегодня мне нужно быть на вечере в двух домах. Я со многими знаком: статская советница Чехтарева, Подточина штаб-офицерша... хоть после теперешнего поступка ее я не имею с ней другого дела, как только чрез полицию. Сделайте милость", произнес Ковалев умоляющим голосом: „нет ли средства? как-нибудь приставьте; хоть не хорошо, лишь бы только держался; я даже могу его слегка подпирать рукою в опасных случаях. Я же притом и не танцую, чтобы мог вредить каким-нибудь неосторожным движением. Всё, что относится на счет благодарности за визиты, уж будьте уверены, сколько дозволят мои средства..."

„Верите ли", сказал доктор ни громким, ни тихим голосом, но чрезвычайно уветливым и магнетическим: „что я никогда из корысти не лечу. Это противно моим правилам и моему искусству. Правда, я беру за визиты, но единственно с тем только, чтобы не обидеть моим отказом. Конечно, я бы приставил ваш нос: но я вас уверяю честью, если уже вы не верите моему слову, что это будет гораздо хуже. Предоставьте лучше действию самой натуры. Мойте чаще холодною водою, и я вас уверяю, что вы, не имея носа, будете так же здоровы, как если бы имели его. А нос я вам советую положить в банку со спиртом или еще лучше влить туда две столовые ложки острой водки и подогретого уксуса, — и тогда вы можете взять за него порядочные деньги. Я даже сам возьму его, если вы только не подорожитесь."

„Нет, нет! ни за что не продам!" вскричал отчаянный маиор Ковалев: „лучше пусть он пропадет!"

„Извините!" сказал доктор, откланиваясь, „я хотел быть вам полезным... Что ж делать! По крайней мере, вы видели

мое старание.“ Сказавши это, доктор с благородною осанкою вышел из комнаты. Ковалев не заметил даже лица его и в глубокой бесчувственности видел только выглядывавшие из рукавов его черного фрака рукавчики белой и чистой как снег рубашки.

Он решился на другой же день, прежде представления жалобы, писать к штаб-офицерше, не согласится ли она без бою возвратить ему то, что следует. Письмо было такого содержания:

Милостивая государыня,
Александра Григорьевна!

Не могу понять странного со стороны вашей действия. Будьте уверены, что, поступая таким образом, ничего вы не выиграете и ничуть не принудите меня жениться на вашей дочери. Поверьте, что история насчет моего носа мне совершенно известна, равно как то, что в этом вы есть главные участницы, а не кто другой. Внезапное его отделение с своего места, побег и маскирование, то под видом одного чиновника, то наконец в собственном виде, есть больше ничего, кроме следствие волхвований, произведенных вами или теми, которые упражняются в подобных вам благородных занятиях. Я с своей стороны почитаю долгом вас предуведомить, если упоминаемый мною нос не будет сегодня же на своем месте, то я принужден буду прибегнуть к защите и покровительству законов.

Впрочем, с совершенным почтением к вам, имею честь быть

Ваш покорный слуга
Платон Ковалев.

Милостивый государь,
Платон Кузьмич!

Чрезвычайно удивило меня письмо ваше. Я, признаюсь вам по откровенности, никак не ожидала, а тем более относительно несправедливых укоризн со стороны вашей. Предуведомляю вас, что я чиновника, о котором упоминаете

вы, никогда не принимала у себя в доме, ни замаскированного, ни в настоящем виде. Бывал у меня, правда, Филипп Иванович Потанчиков. И хотя он, точно, искал руки моей дочери, будучи сам хорошего, трезвого поведения и великой учености; но я никогда не подавала ему никакой надежды. Вы упоминаете еще о носе. Если вы разумеете под сим, что будто бы я хотела оставить вас с носом, то есть дать вам формальный отказ: то меня удивляет, что вы сами об этом говорите, тогда как я, сколько вам известно, была совершенно противного мнения, и если вы теперь же посватаетесь на моей дочери законным образом, я готова сей же час удовлетворить вас, ибо это составляло всегда предмет моего живейшего желания, в надежде чего остаюсь всегда готовою к услугам вашим

Александра Подточина.

„Нет“, говорил Ковалев, прочитавши письмо. „Она точно не виновата. Не может быть! Письмо так написано, как не может написать человек, виноватый в преступлении.“ Коллежский асессор был в этом сведущ потому, что был посылан несколько раз на следствие еще в Кавказской области. „Каким же образом, какими судьбами это приключилось? Только чорт разберет это!“ сказал он наконец, опустив руки.

Между тем слухи об этом необыкновенном происшествии распространились по всей столице и, как водится, не без особенных прибавлений. Тогда умы всех именно настроены были к чрезвычайному: недавно только что занимали весь город опыты действия магнетизма. Притом история о танцующих стульях в Конюшенной улице была еще свежа, и потому нечего удивляться, что скоро начали говорить, будто нос коллежского асессора Ковалева ровно в 3 часа прогуливается по Невскому проспекту. Любопытных стекалось каждый день множество. Сказал кто-то, что нос будто бы находился в магазине Юнкера: и возле Юнкера такая сделалась толпа и давка, что должна была даже полиция вступиться. Один спекулатор почтенной наружности,

с бакенбардами, продававший при входе в театр разные сухие кондитерские пирожки, нарочно поделал прекрасные деревянные, прочные скамьи, на которые приглашал любопытных становиться за 80 копеек от каждого посетителя. Один заслуженный полковник нарочно для этого вышел раньше из дому и с большим трудом пробрался сквозь толпу; но, к большому негодованию своему, увидел в окне магазина вместо носа обыкновенную шерстяную фуфайку и литографированную картинку с изображением девушки, поправлявшей чулок, и глядевшего на нее из-за дерева франта с откидным жилетом и небольшою бородкою, — картинку, уже более десяти лет висящую всё на одном месте. Отошед, он сказал с досадою: „как можно этакими глупыми и неправдоподобными слухами смущать народ?“ — Потом пронесся слух, что не на Невском проспекте, а в Таврическом саду прогуливается нос маиора Ковалева, что будто бы он давно уже там; что когда еще проживал там Хосрев-Мирза, то очень удивлялся этой странной игре природы. Некоторые из студентов Хирургической академии отправились туда. Одна знатная, почтенная дама просила особенным письмом смотрителя за садом показать детям ее этот редкий феномен и, если можно, с объяснением наставительным и назидательным для юношей.

Всем этим происшествиям были чрезвычайно рады все светские, необходимые посетители раутов, любившие смешить дам, у которых запас в то время совершенно истощился. Небольшая часть почтенных и благонамеренных людей была чрезвычайно недовольна. Один господин говорил с негодованием, что он не понимает, как в нынешний просвещенный век могут распространяться нелепые выдумки, и что он удивляется, как не обратит на это внимание правительство. Господин этот, как видно, принадлежал к числу тех господ, которые желали бы впутать правительство во всё, даже в свои ежедневные ссоры с женою. Вслед за этим... но здесь вновь всё происшествие скрывается туманом, и что было потом, решительно неизвестно.

III.

Чепуха совершенная делается на свете. Иногда вовсе нет никакого правдоподобия: вдруг тот самый нос, который разъезжал в чине статского советника и наделал столько шуму в городе, очутился как ни в чем не бывало вновь на своем месте, то есть именно между двух щек маиора Ковалева. Это случилось уже апреля 7 числа. Проснувшись и нечаянно взглянув в зеркало, видит он: нос! хвать рукою — точно нос! „Эге!“ сказал Ковалев, и в радости чуть не дернул по всей комнате босиком тропака, но вошедший Иван помешал. Он приказал тот же час дать себе умыться и, умываясь, взглянул еще раз в зеркало: нос. Вытираясь утиральником, он опять взглянул в зеркало: нос!

„А посмотри, Иван, кажется, у меня на носу, как будто прыщик“, сказал он и между тем думал: „вот беда, как Иван скажет: да нет, судырь, не только прыщика, и самого носа нет!“

Но Иван сказал: „ничего-с, никакого прыщика: нос чистый!“

„Хорошо, чорт побери!“ сказал сам себе маиор и щелкнул пальцами. В это время выглянул в дверь цырюльник Иван Яковлевич; но так боязливо, как кошка, которую только-что высекли за кражу сала.

„Говори вперед: чисты руки?“ кричал еще издали ему Ковалев.

„Чисты.“

„Врешь!“

„Ей богу-с чисты, судырь.“

„Ну, смотри же.“

Ковалев сел. Иван Яковлевич закрыл его салфеткою и в одно мгновенье, с помощью кисточки, превратил всю бороду его и часть щеки в крем, какой подают на купеческих именинах. „Вишь ты!“ сказал сам себе Иван Яковлевич, взглянувши на нос, и потом перегнул голову на другую сторону и посмотрел на него сбоку: „Вона! эк его право как подумаешь“, продолжал он и долго смотрел на нос. Нако-

нец, легонько, с бережливостью, какую только можно себе вообразить, он приподнял два пальца с тем, чтобы поймать его за кончик. Такова уж была система Ивана Яковлевича.

„Ну, ну, ну, смотри!“ закричал Ковалев. Иван Яковлевич и руки опустил, оторопел и смутился, как никогда не смущался. Наконец осторожно стал он щекотать бритвой у него под бородою, и хотя ему было совсем не сподручно и трудно брить без придержки за нюхательную часть тела, однако же, кое-как упираясь своим шероховатым большим пальцем ему в щеку и в нижнюю десну, наконец одолел все препятствия и выбрил.

Когда всё было готово, Ковалев поспешил тот же час одеться, взял извозчика и поехал прямо в кондитерскую. Входя, закричал он еще издали: „мальчик, чашку шоколаду!“, а сам в ту же минуту к зеркалу: есть нос. Он весело оборотился назад и с сатирическим видом посмотрел, несколько прищуря глаз, на двух военных, у одного из которых был нос никак не больше жилетной пуговицы. После того отправился он в канцелярию того департамента, где хлопотал об вице-губернаторском месте, а в случае неудачи об экзекуторском. Проходя чрез приемную, он взглянул в зеркало: есть нос. Потом поехал он к другому коллежскому асессору или маиору, большому насмешнику, которому он часто говорил в ответ на разные занозистые заметки: „ну, уж ты, я тебя знаю, ты шпилька!“ Дорогою он подумал: „если и маиор не треснет со смеху, увидевши меня, тогда уж верный знак, что всё, что ни есть, сидит на своем месте.“ Но коллежский асессор ничего. „Хорошо, хорошо, чорт побери!“ подумал про себя Ковалев. На дороге встретил он штаб-офицершу Подточину вместе с дочерью, раскланялся с ними и был встречен с радостными восклицаньями, стало быть ничего, в нем нет никакого ущерба. Он разговаривал с ними очень долго, и нарочно вынувши табакерку, набивал пред ними весьма долго свой нос с обоих подъездов, приговаривая про себя: „вот, мол, вам, бабьё, куриный народ! а на дочке всё-таки не женюсь. Так просто, par amour — изволь!“ И маиор Ковалев с тех

пор прогуливался, как ни в чем не бывало, и на Невском проспекте, и в театрах, и везде. И нос тоже, как ни в чем не бывало, сидел на его лице, не показывая даже вида, чтобы отлучался по сторонам. И после того маиора Ковалева видели вечно в хорошем юморе, улыбающегося, преследующего решительно всех хорошеньких дам и даже остановившегося один раз перед лавочкой в Гостином дворе и покупавшего какую-то орденскую ленточку, неизвестно для каких причин, потому что он сам не был кавалером никакого ордена.

Вот какая история случилась в северной столице нашего обширного государства! Теперь только по соображении всего видим, что в ней есть много неправдоподобного. Не говоря уже о том, что точно странно сверхъестественное отделение носа и появленье его в разных местах в виде статского советника, — как Ковалев не смекнул, что нельзя чрез газетную экспедицию объявлять о носе? Я здесь не в том смысле говорю, чтобы мне казалось дорого заплатить за объявление: это вздор, и я совсем не из числа корыстолюбивых людей. Но неприлично, неловко, нехорошо! И опять тоже — как нос очутился в печеном хлебе, и как сам Иван Яковлевич?.. нет, этого я никак не понимаю, решительно не понимаю! Но что́ страннее, что́ непонятнее всего, это то, как авторы могут брать подобные сюжеты. Признаюсь, это уж совсем непостижимо, это точно... нет, нет, совсем не понимаю. Во-первых, пользы отечеству решительно никакой; во-вторых... но и во-вторых тоже нет пользы. Просто я не знаю, что̀ это...

А однако же, при всем том, хотя, конечно, можно допустить и то, и другое, и третье, может даже... ну да и где ж не бывает несообразностей? — А всё однакоже, как поразмыслишь, во всем этом, право, есть что-то. Кто что̀ ни говори, а подобные происшествия бывают на свете; редко, но бывают.

ПОРТРЕТ

ЧАСТЬ I.

Нигде не останавливалось столько народа, как перед картинною лавочкою на Щукином дворе. Эта лавочка представляла, точно, самое разнородное собрание диковинок: картины большею частью были писаны масляными красками, покрыты темнозеленым лаком, в темножелтых мишурных рамах. Зима с белыми деревьями, совершенно красный вечер, похожий на зарево пожара, фламандский мужик с трубкою и выломанною рукою, похожий более на индейского петуха в манжетах, нежели на человека — вот их обыкновенные сюжеты. К этому нужно присовокупить несколько гравированных изображений: портрет Хозрева-Мирзы в бараньей шапке, портреты каких-то генералов в треугольных шляпах, с кривыми носами. Сверх того, двери такой лавочки обыкновенно бывают увешаны связками произведений, отпечатанных лубками на больших листах, которые свидетельствуют самородное дарованье русского человека. На одном была царевна Миликтриса Кирбитьевна, на другом город Иерусалим, по домам и церквам которого без церемонии прокатилась красная краска, захватившая часть земли и двух молящихся русских мужиков в рукавицах. Покупателей этих произведений обыкновенно немного, но зато зрителей-куча. Какой-нибудь забулдыга-лакей уже, верно, зевает перед ними, держа в руке судки

с обедом из трактира для своего барина, который, без сомнения, будет хлебать суп не слишком горячий. Перед ним уже, верно, стоит в шинели солдат, этот кавалер толкучего рынка, продающий два перочинные ножика; торговка-охтенка с коробкою, наполненною башмаками. Всякой восхищается по-своему: мужики обыкновенно тыкают пальцами; кавалеры рассматривают серьёзно; лакеи-мальчики и мальчишки-мастеровые смеются и дразнят друг друга нарисованными карикатурами; старые лакеи во фризовых шинелях смотрят потому только, чтобы где-нибудь позевать; а торговки, молодые русские бабы, спешат по инстинкту, чтобы послушать, о чем калякает народ, и посмотреть, на что он смотрит. В это время невольно остановился перед лавкою проходивший мимо молодой художник Чартков. Старая шинель и нещегольское платье показывали в нем того человека, который с самоотвержением предан был своему труду и не имел времени заботиться о своем наряде, всегда имеющем таинственную привлекательность для молодости. Он остановился перед лавкою и сперва внутренно смеялся над этими уродливыми картинами. Наконец, овладело им невольное размышление: он стал думать о том, кому бы нужны были эти произведения. Что русской народ заглядывается на *Ерусланов Лазаревичей*, на *объедал и обпивал*, на *Фому и Ерему*, это не казалось ему удивительным: изображенные предметы были очень доступны и понятны народу; но где покупатели этих пестрых, грязных, масляных малеваний? кому нужны эти фламандские мужики, эти красные и голубые пейзажи, которые показывают какое-то притязание на несколько уже высший шаг искусства, но в котором выразилось всё глубокое его унижение? Это, казалось, не были вовсе труды ребенка-самоучки. Иначе в них бы, при всей бесчувственной карикатурности целого, вырывался острый порыв. Но здесь было видно просто тупоумие, бессильная, дряхлая бездарность, которая самоуправно стала в ряды искусств, тогда как ей место было среди низких ремесл, бездарность, которая была верна однакож своему призва-

нию и внесла в самое искусство свое ремесло. Те же краски, та же манера, та же набившаяся, приобыкшая рука, принадлежавшая скорее грубо сделанному автомату, нежели человеку!.. Долго стоял он пред этими грязными картинами, уже наконец не думая вовсе о них, а между тем хозяин лавки, серенький человечек, во фризовой шинели, с бородой небритой с самого воскресенья, толковал ему уже давно, торговался и условливался в цене, еще не узнав, что ему понравилось и что нужно. „Вот за этих мужичков и за ландшафтик возьму беленькую. Живопись-то какая! просто глаз прошибет; только-что получены с биржи; еще лак не высох. Или вот зима, возьмите зиму! Пятнадцать рублей! Одна рамка чего стоит. Вон она какая зима!“ Тут купец дал легкого щелчка в полотно, вероятно, чтобы показать всю доброту зимы. „Прикажете связать их вместе и снести за вами? Где изволите жить? Эй, малый, подай веревочку“. — Постой, брат, не так скоро — сказал очнувшийся художник, видя, что уж проворный купец принялся не в шутку их связывать вместе. Ему сделалось несколько совестно не взять ничего, застоявшись так долго в лавке, и он сказал: „А вот постой, я посмотрю, нет ли для меня чего-нибудь здесь“ и, наклонившись, стал доставать с полу наваленные громоздко, истертые, запыленные старые малеванья, непользовавшиеся, как видно, никаким почетом. Тут были старинные фамильные портреты, которых потомков, может быть, и на свете нельзя было отыскать, совершенно неизвестные изображения с прорванным холстом, рамки, лишенные позолоты, словом, всякой ветхой сор. Но художник принялся рассматривать, думая втайне: „авось что-нибудь и отыщется.“ Он слышал не раз рассказы о том, как иногда у лубочных продавцев были отыскиваемы в сору картины великих мастеров. Хозяин, увидев, куда полез он, оставил свою суетливость и, принявши обыкновенное положение и надлежащий вес, поместился съизнова у дверей, зазывая прохожих и указывая им одной рукой на лавку... „Сюда, батюшка; вот картины! зайдите, зайдите; с биржи получены.“ Уже накричался он вдоволь и большею частью

бесплодно, наговорился досыта с лоскутным продавцем, стоявшим насупротив его также у дверей своей лавочки, и наконец, вспомнив, что у него в лавке есть покупатель, поворотил народу спину и отправился во внутрь ее. „Что, батюшка, выбрали что-нибудь?“ Но художник уже стоял несколько времени неподвижно перед одним портретом в больших, когда-то великолепных рамах, но на которых чуть блестели теперь следы позолоты. Это был старик с лицом бронзового цвета, скулистым, чахлым; черты лица, казалось, были схвачены в минуту судорожного движенья и отзывались не северною силою. Пламенный полдень был запечатлен в них. Он был драпирован в широкий азиатский костюм. Как ни был поврежден и запылен портрет; но когда удалось ему счистить с лица пыль, он увидел следы работы высокого художника. Портрет, казалось, был не кончен; но сила кисти была разительна. Необыкновеннее всего были глаза: казалось, в них употребил всю силу кисти и всё старательное тщание свое художник. Они просто глядели, глядели даже из самого портрета, как будто разрушая его гармонию своею странною живостью. Когда поднес он портрет к дверям, еще сильнее глядели глаза. Впечатление почти то же произвели они и в народе. Женщина, остановившаяся позади его, вскрикнула: „глядит, глядит“, и попятилась назад. Какое-то неприятное, непонятное самому себе чувство почувствовал он и поставил портрет на землю.

„А что ж, возьмите портрет!“ сказал хозяин.

„А сколько?“ сказал художник.

„Да что за него дорожиться? три четвертачка давайте!“

„Нет.“

„Ну, да что ж дадите?“

„Двугривенный“, сказал художник, готовясь итти.

„Эк цену какую завернули! да за двугривенный одной рамки не купишь. Видно, завтра собираетесь купить? Господин, господин, воротитесь! гривенничек хоть прикиньте. Возьмите, возьмите, давайте двугривенный. Право, для по-

чину только, вот только-что первый покупатель." За сим он сделал жест рукой, как будто бы говоривший: „так уж и быть, пропадай картина!"

Таким образом Чартков совершенно неожиданно купил старый портрет, и в то же время подумал: зачем я его купил? на что он мне? но делать было нечего. Он вынул из кармана двугривенный, отдал хозяину, взял портрет под мышку и потащил его с собою. Дорогою он вспомнил, что двугривенный, который он отдал, был у него последний. Мысли его вдруг омрачились: досада и равнодушная пустота обняли его в ту же минуту. „Чорт побери! гадко на свете!" сказал он с чувством русского, у которого дела плохи. И почти машинально шел скорыми шагами, полный бесчувствия ко всему. Красный свет вечерней зари оставался еще на половине неба; еще домы, обращенные к той стороне, чуть озарялись ее теплым светом; а между-тем уже холодное синеватое сиянье месяца становилось сильнее. Полупрозрачные легкие тени хвостами падали на землю, отбрасываемые домами и ногами пешеходцев. Уже художник начинал мало-по-малу заглядываться на небо, озаренное каким-то прозрачным, тонким, сомнительным светом, и почти в одно время излетали из уст его слова: „какой легкой тон!" и слова: „досадно, чорт побери!" И он, поправляя портрет, беспрестанно съезжавший из-под мышек, ускорял шаг. Усталый и весь в поту, дотащился он к себе в пятнадцатую линию на Васильевской Остров. С трудом и с отдышкой взобрался он по лестнице, облитой помоями и украшенной следами кошек и собак. На стук его в дверь не было никакого ответа: человека не было дома. Он прислонился к окну и расположился ожидать терпеливо, пока не раздались наконец позади его шаги парня в синей рубахе, его приспешника, натурщика, краскотерщика и выметателя полов, пачкавшего их тут же своими сапогами. Парень назывался Никитою, и проводил всё время за воротами, когда барина не было дома. Никита долго силился попасть ключем в замочную дырку, вовсе незаметную по причине темноты.

Наконец дверь была отперта. Чартков вступил в свою переднюю, нестерпимо холодную, как всегда бывает у художников, чего впрочем они не замечают. Не отдавая Никите шинели, он вошел вместе с нею в свою студию, квадратную комнату, большую, но низенькую, с мерзнувшими окнами, уставленную всяким художеским хламом: кусками гипсовых рук, рамками, обтянутыми холстом, эскизами начатыми и брошенными, драпировкой, развешанной по стульям. Он устал сильно, скинул шинель, поставил рассеянно принесенный портрет между двух небольших холстов и бросился на узкой диванчик, о котором нельзя было сказать, что он обтянут кожею, потому-что ряд медных гвоздиков, когда-то прикреплявших ее, давно уже остался сам по себе, а кожа осталась тоже сверху сама по себе, так что Никита засовывал под нее черные чулки, рубашки и всё немытое белье. Посидев и разлегшись, сколько можно было разлечься на этом узеньком диване, он наконец спросил свечу.

„Свечи нет“, сказал Никита.

„Как нет?“

„Да ведь и вчера еще не было“, сказал Никита. Художник вспомнил, что действительно и вчера еще не было свечи, успокоился и замолчал. Он дал себя раздеть, и надел свой крепко и сильно заношенный халат.

„Да вот еще, хозяин был“, сказал Никита.

„Ну, приходил за деньгами? знаю“, сказал художник, махнув рукой.

„Да он не один приходил“, сказал Никита.

„С кем же?“

„Не знаю с кем... какой-то квартальный.“

„А квартальный зачем?“

„Не знаю зачем; говорит за тем, что за квартиру не плачено.“

„Ну что ж из того выйдет?“

„Я не знаю, что выйдет; он говорил, коли не хочет, так пусть, говорит, съезжает с квартиры; хотели завтра еще притти оба.“

„Пусть их приходят“, сказал с грустным равнодушием Чартков. И ненастное расположение духа овладело им вполне.

Молодой Чартков был художник с талантом, пророчившим многое: вспышками и мгновеньями его кисть отзывалась наблюдательностию, соображением, шибким порывом приблизиться более к природе. „Смотри, брат“, говорил ему не раз его профессор: „у тебя есть талант; грешно будет, если ты его погубишь. Но ты нетерпелив. Тебя одно что-нибудь заманит, одно что-нибудь полюбится — ты им занят, а прочее у тебя дрянь, прочее тебе ни по чем, ты уж и глядеть на него не хочешь. Смотри, чтоб из тебя не вышел модный живописец. У тебя и теперь уже что-то начинают слишком бойко кричать краски. Рисунок у тебя не строг, а подчас и вовсе слаб, линия невидна; ты уж гоняешься за модным освещеньем, за тем, что бьет на первые глаза — смотри, как раз попадешь в английской род. Берегись; тебя уж начинает свет тянуть; уж я вижу у тебя иной раз на шее щегольской платок, шляпа с лоском... Оно заманчиво, можно пуститься писать модные картинки, портретики за деньги. Да ведь на этом губится, а не развертывается талант. Терпи. Обдумывай всякую работу, брось щегольство — пусть их набирают другие деньги. Твое от тебя не уйдет.“

Профессор был отчасти прав. Иногда хотелось, точно, нашему художнику кутнуть, щегольнуть, словом, кое-где показать свою молодость. Но при всем том он мог взять над собою власть. Временами он мог позабыть всё, принявшись за кисть, и отрывался от нее не иначе, как от прекрасного прерванного сна. Вкус его развивался заметно. Еще не понимал он всей глубины Рафаэля, но уже увлекался быстрой, широкой кистью Гвида, останавливался пред портретами Тициана, восхищался фламандцами. Еще потемневший облик, облекающий старые картины, не весь сошел пред ним; но он уж прозревал в них кое-что, хотя внутренно не соглашался с профессором, чтобы старинные мастеры так недосягаемо ушли от нас; ему казалось даже,

что девятнадцатый век кое в чем значительно их опередил, что подражание природе как-то сделалось теперь ярче, живее, ближе; словом, он думал в этом случае так, как думает молодость, уже постигшая кое-что и чувствующая это в гордом внутреннем сознании. Иногда становилось ему досадно, когда он видел, как заезжий живописец, француз или немец, иногда даже вовсе не живописец по призванью, одной только привычной замашкой, бойкостью кисти и яркостью красок производил всеобщий шум и скапливал себе в миг денежный капитал. Это приходило к нему на ум не тогда, когда, занятый весь своей работой, он забывал и питье, и пищу, и весь свет, но тогда, когда наконец сильно приступала необходимость, когда не на что было купить кистей и красок, когда неотвязчивый хозяин приходил раз по десяти на день требовать платы за квартиру. Тогда завидно рисовалась в голодном его воображеньи участь богача-живописца; тогда пробегала даже мысль, пробегающая часто в русской голове: бросить всё и закутить с горя на-зло всему. И теперь он почти был в таком положении.

„Да! терпи, терпи!“ произнес он с досадою. „Есть же наконец и терпенью конец. Терпи! а на какие деньги я завтра буду обедать? Взаймы ведь никто не даст. А понеси я продавать все мои картины и рисунки: за них мне за все двугривенный дадут. Они полезны, конечно, я это чувствую: каждая из них предпринята недаром, в каждой из них я что-нибудь узнал. Да ведь что пользы? этюды, попытки—и всё будут этюды, попытки, и конца не будет им. Да и кто купит, не зная меня по имени; да и кому нужны рисунки с антиков из натурного класса, или моя неоконченная любовь Психеи, или перспектива моей комнаты, или портрет моего Никиты, хотя он, право, лучше портретов какого-нибудь модного живописца? Что в самом деле? Зачем я мучусь и как ученик копаюсь над азбукой, тогда как бы мог блеснуть ничем не хуже других и быть таким, как они, с деньгами.“ Произнесши это, художник вдруг задрожал и побледнел; на него глядело, вы-

сунувшись из-за поставленного холста, чье-то судорожно искаженное лицо. Два страшные глаза прямо вперились в него, как бы готовясь сожрать его; на устах написано было грозное повеленье молчать. Испуганный, он хотел вскрикнуть и позвать Никиту, который уже успел запустить в своей передней богатырское храпение; но вдруг остановился и засмеялся. Чувство страха отлегло вмиг. Это был им купленный портрет, о котором он позабыл вовсе. Сияние месяца, озаривши комнату, упало и на него и сообщило ему странную живость. Он принялся его рассматривать и оттирать. Омакнул в воду губку, прошел ею по нем несколько раз, смыл с него почти всю накопившуюся и набившуюся пыль и грязь, повесил перед собой на стену и подивился еще более необыкновенной работе: всё лицо почти ожило и глаза взглянули на него так, что он наконец вздрогнул и, попятившись назад, произнес изумленным голосом: глядит, глядит человеческими глазами! Ему пришла вдруг на ум история, слышанная давно им от своего профессора, об одном портрете знаменитого Леонарда да Винчи, над которым великий мастер трудился несколько лет и всё еще почитал его неоконченным и который, по словам Вазари, был однако же почтен от всех за совершеннейшее и окончательнейшее произведение искусства. Окончательнее всего были в нем глаза, которым изумлялись современники; даже малейшие, чуть видные в них жилки были не упущены и приданы полотну. Но здесь однакоже, в сем, ныне бывшем пред ним, портрете, было что-то странное. Это было уже не искусство: это разрушало даже гармонию самого портрета. Это были живые, это были человеческие глаза! Казалось, как будто они были вырезаны из живого человека и вставлены сюда. Здесь не было уже того высокого наслажденья, которое объемлет душу при взгляде на произведение художника, как ни ужасен взятый им предмет; здесь было какое-то болезненное, томительное чувство. „Что это? невольно вопрошал себя художник. Ведь это однако же натура, это живая натура: отчего же это странно-неприятное

чувство? Или рабское, буквальное подражание натуре есть уже проступок и кажется ярким, нестройным криком? Или, если возьмешь предмет безучастно, бесчувственно, не сочувствуя с ним, он непременно предстанет только в одной ужасной своей действительности, неозаренный светом какой-то непостижимой, скрытой во всем мысли, предстанет в той действительности, какая открывается тогда, когда, желая постигнуть прекрасного человека, вооружаешься анатомическим ножем, рассекаешь его внутренность и видишь отвратительного человека. Почему же простая, низкая природа является у одного художника в каком-то свету, и не чувствуешь никакого низкого впечатления; напротив, кажется, как будто насладился, и после того спокойнее и ровнее всё течет и движется вокруг тебя. И почему же та же самая природа у другого художника кажется низкою, грязною, а между прочим он так же был верен природе. Но нет, нет в ней чего-то озаряющего. Всё равно как вид в природе: как он ни великолепен, а всё недостает чего-то, если нет на небе солнца."

Он опять подошел к портрету с тем, чтобы рассмотреть эти чудные глаза, и с ужасом заметил, что они точно глядят на него. Это уже не была копия с натуры, это была та странная живость, которою бы озарилось лицо мертвеца, вставшего из могилы. Свет ли месяца, несущий с собой бред мечты и облекающий всё в иные образы, противуположные положительному дню, или что другое было причиною тому, только ему сделалось вдруг, неизвестно отчего, страшно сидеть одному в комнате. Он тихо отошел от портрета, отворотился в другую сторону и старался не глядеть на него, а между тем глаз невольно сам собою, косясь, окидывал его. Наконец ему сделалось даже страшно ходить по комнате; ему казалось, как будто сей же час кто-то другой станет ходить позади его, и всякой раз робко оглядывался он назад. Он не был никогда труслив; но воображенье и нервы его были чутки, и в этот вечер он сам не мог истолковать себе своей невольной боязни. Он сел в уголок, но и здесь казалось ему, что кто-то вот-вот

взглянет через плечо к нему в лицо. Самое храпенье Никиты, раздававшееся из передней, не прогоняло его боязни. Он наконец робко, не подымая глаз, поднялся с своего места, отправился к себе за ширмы и лег в постель. Сквозь щелки в ширмах он видел освещенную месяцем свою комнату и видел прямо висевший на стене портрет. Глаза еще страшнее, еще значительнее вперились в него и, казалось, не хотели ни на что другое глядеть, как только на него. Полный тягостного чувства, он решился встать с постели, схватил простыню и, приблизясь к портрету, закутал его всего. Сделавши это, он лег в постель покойнее, стал думать о бедности и жалкой судьбе художника, о тернистом пути, предстоящем ему на этом свете; а между тем глаза его невольно глядели сквозь щелку ширм на закутанный простынею портрет. Сиянье месяца усиливало белизну простыни, и ему казалось, что страшные глаза стали даже просвечивать сквозь холстину. Со страхом вперил он пристальнее глаза, как бы желая увериться, что это вздор. Но наконец уже в самом деле... он видит, видит ясно: простыни уже нет... портрет открыт весь и глядит мимо всего, что ни есть вокруг, прямо в него, глядит просто к нему во внутрь... У него захолонуло сердце. И видит: старик пошевелился и вдруг уперся в рамку обеими руками. Наконец приподнялся на руках и, высунув обе ноги, выпрыгнул из рам... Сквозь щелку ширм видны были уже одне только пустые рамы. По комнате раздался стук шагов, который наконец становился ближе и ближе к ширмам. Сердце стало сильнее колотиться у бедного художника. С занявшимся от страха дыханьем он ожидал, что вот-вот глянет к нему за ширмы старик. И вот он глянул, точно, за ширмы с тем же бронзовым лицом и поводя большими глазами. Чартков силился вскрикнуть и почувствовал, что у него нет голоса, силился пошевельнуться, сделать какое-нибудь движенье — не движутся члены. С раскрытым ртом и замершим дыханьем смотрел он на этот страшный фантом высокого роста, в какой-то широкой азиатской рясе и ждал, что станет он

делать. Старик сел почти у самых ног его и вслед за тем что-то вытащил из-под складок своего широкого платья. Это был мешок. Старик развязал его, и, схвативши за два конца, встряхнул: с глухим звуком упали на пол тяжелые свертки в виде длинных столбиков; каждый был завернут в синюю бумагу и на каждом было выставлено: 1000 *червонных*. Высунув свои длинные, костистые руки из широких рукавов, старик начал разворачивать свертки. Золото блеснуло. Как ни велико было тягостное чувство и обеспамятевший страх художника, но он вперился весь в золото, глядя неподвижно, как оно разворачивалось в костистых руках, блестело, звенело тонко и глухо, и заворачивалось вновь. Тут заметил он один сверток, откатившийся подалее от других у самой ножки его кровати в головах у него. Почти судорожно схватил он его и, полный страха, смотрел, не заметит ли старик. Но старик был, казалось, очень занят. Он собрал все свертки свои, уложил их снова в мешок и, не взглянувши на него, ушел за ширмы. Сердце билось сильно у Чарткова, когда он услышал, как раздавался по комнате шелест удалявшихся шагов. Он сжимал покрепче сверток свой в руке, дрожа всем телом за него, и вдруг услышал, что шаги вновь приближаются к ширмам — видно старик вспомнил, что не доставало одного свертка. И вот — он глянул к нему вновь за ширмы. Полный отчаяния, стиснул он всею силою в руке своей сверток, употребил всё усилие сделать движенье, вскрикнул и проснулся. Холодный пот облил его всего; сердце его билось так сильно, как только можно было биться: грудь была так стеснена, как будто хотело улететь из нее последнее дыханье. Неужели это был сон? сказал он, взявши себя обеими руками за голову; но страшная живость явленья не была похожа на сон. Он видел, уже пробудившись, как старик ушел в рамки, мелькнула даже пола его широкой одежды, и рука его чувствовала ясно, что держала за минуту пред сим какую-то тяжесть. Свет месяца озарял комнату, заставляя выступать из темных углов ее, где холст, где гипсовую руку, где оставлен-

ную на стуле драпировку, где панталоны и нечищенные сапоги. Тут только заметил он, что не лежит в постеле, а стоит на ногах прямо перед портретом. Как он добрался сюда — уж этого никак не мог он понять. Еще более изумило его, что портрет был открыт весь и простыни на нем действительно не было. С неподвижным страхом глядел он на него и видел, как прямо вперились в него живые человеческие глаза. Холодный пот выступил на лице его; он хотел отойти, но чувствовал, что ноги его как будто приросли к земле. И видит он: это уже не сон; черты старика двинулись, и губы его стали вытягиваться к нему, как будто бы хотели его высосать... с воплем отчаянья отскочил он и проснулся. „Неужели и это был сон?“ С бьющимся на-разрыв сердцем ощупал он руками вокруг себя. Да, он лежит на постеле в таком точно положеньи, как заснул. Пред ним ширмы: свет месяца наполнял комнату. Сквозь щель в ширмах виден был портрет, закрытый как следует простынею — так, как он сам закрыл его. Итак, это был тоже сон! Но сжатая рука чувствует доныне, как будто бы в ней что-то было. Биение сердца было сильно, почти страшно; тягость в груди невыносимая. Он вперил глаза в щель и пристально глядел на простыню. И вот видит ясно, что простыня начинает раскрываться, как будто бы под нею барахтались руки и силились ее сбросить. „Господи, боже мой, что это!“ вскрикнул он, крестясь отчаянно, и проснулся. И это был также сон! Он вскочил с постели, полоумный, обеспамятевший, и уже не мог изъяснить, что это с ним делается: давленье ли кошмара или домового, бред ли горячки, или живое виденье. Стараясь утишить сколько-нибудь душевное волненье и расколыхавшуюся кровь, которая билась напряженным пульсом по всем его жилам, он подошел к окну и открыл форточку. Холодный пахнувший ветер оживил его. Лунное сияние лежало всё еще на крышах и белых стенах домов, хотя небольшие тучи стали чаще переходить по небу. Всё было тихо: изредка долетало до слуха отдаленное дребезжанье дрожек извозчика, который где-нибудь в невидном

переулке спал убаюкиваемый своею ленивою клячею, поджидая запоздалого седока. Долго глядел он, высунувши голову в форточку. Уже на небе рождались признаки приближающейся зари; наконец почувствовал он приближающуюся дремоту, захлопнул форточку, отошел прочь, лег в постель и скоро заснул как убитый самым крепким сном.

Проснулся он очень поздно и почувствовал в себе то неприятное состояние, которое овладевает человеком после угара: голова его неприятно болела. В комнате было тускло: неприятная мокрота сеялась в воздухе и проходила сквозь щели его окон, заставленные картинами или нагрунтованным холстом. Пасмурный, недовольный, как мокрый петух, уселся он на своем оборванном диване, не зная сам, за что приняться, что делать, и вспомнил наконец весь свой сон. По мере припоминанья сон этот представлялся в его воображеньи так тягостно-жив, что он даже стал подозревать, точно ли это был сон и простой бред, не было ли здесь чего-то другого, не было ли это виденье. Сдернувши простыню, он рассмотрел при дневном свете этот страшный портрет. Глаза, точно, поражали своей необыкновенной живостью, но ничего он не находил в них особенно страшного; только как будто какое-то неизъяснимое, неприятное чувство оставалось на душе. При всем том он всё-таки не мог совершенно увериться, чтобы это был сон. Ему казалось, что среди сна был какой-то страшный отрывок из действительности. Казалось, даже в самом взгляде и выражении старика как будто что-то говорило, что он был у него эту ночь; рука его чувствовала только-что лежавшую в себе тяжесть, как будто бы кто-то за одну только минуту пред сим ее выхватил у него. Ему казалось, что если бы он держал только покрепче сверток, он, верно, остался бы у него в руке и после пробуждения.

„Боже мой, если бы хотя часть этих денег!“ сказал он тяжело вздохнувши, и в воображеньи его стали высыпаться из мешка все виденные им свертки с заманчивой надписью: 1000 червонных. Свертки разворачивались, золото блестело, заворачивалось вновь, и он сидел, уставивши неподвижно

и бессмысленно свои глаза в пустой воздух, не будучи в состояньи оторваться от такого предмета — как ребенок, сидящий пред сладким блюдом и видящий, глотая слюнки, как едят его другие. Наконец, у дверей раздался стук, заставивший его неприятно очнуться. Вошел хозяин с квартальным надзирателем, которого появление для людей мелких, как известно, еще неприятнее, нежели для богатых лицо просителя. Хозяин небольшого дома, в котором жил Чартков, был одно из творений, какими обыкновенно бывают владетели домов где-нибудь в пятнадцатой линии Васильевского Острова, на Петербургской стороне, или в отдаленном углу Коломны — творенье, каких много на Руси и которых характер так же трудно определить, как цвет изношенного сертука. В молодости своей он был капитан и крикун, употреблялся и по штатским делам, мастер был хорошо высечь, был и расторопен и щеголь, и глуп; но в старости своей он слил в себе все эти резкие особенности в какую-то тусклую неопределенность. Он был уже вдов, был уже в отставке, уже не щеголял, не хвастал, не задирался, любил только пить чай и болтать за ним всякой вздор; ходил по комнате, поправлял сальный огарок; аккуратно по истечении каждого месяца наведывался к своим жильцам за деньгами, выходил на улицу с ключем в руке для того, чтобы посмотреть на крышу своего дома; выгонял несколько раз дворника из его конуры, куда он запрятывался спать; одним словом, человек в отставке, которому, после всей забубенной жизни и тряски на перекладных, остаются одни пошлые привычки.

„Извольте сами глядеть, Варух Кузьмич“, сказал хозяин, обращаясь к квартальному и расставив руки: „вот не платит за квартиру, не платит.“

„Чтож, если нет денег? Подождите, я заплачу.“

„Мне, батюшка, ждать нельзя“, сказал хозяин в-сердцах, делая жест ключем, который держал в руке; у меня вот Потогонкин подполковник живет, семь лет уж живет; Анна Петровна Бухмистерова и сарай и конюшню нанимает на два стойла, три при ней дворовых человека —

вот какие у меня жильцы. У меня, сказать вам откровенно, нет такого заведенья, чтобы не платить за квартиру. Извольте сей-час же заплатить деньги, да и съезжать вон."

„Да, уж если порядились, так извольте платить", сказал квартальный надзиратель с небольшим потряхиваньем головы и заложив палец за пуговицу своего мундира.

„Да чем платить? вопрос. У меня нет теперь ни гроша."

„В таком случае удовлетворите Ивана Ивановича изделями своей профессии", сказал квартальный: „он, может быть, согласится взять картинами."

„Нет, батюшка, за картины спасибо. Добро бы были картины с благородным содержанием, чтобы можно было на стену повесить, хоть какой-нибудь генерал со звездой или князя Кутузова портрет, а то вон мужика нарисовал, мужика в рубахе, слуги-то, что трет краски. Еще с него, свиньи, портрет рисовать; ему я шею наколочу: он у меня все гвозди из задвижек повыдергивал, мошенник. Вот посмотрите, какие предметы: вот комнату рисует. Добро бы уж взял комнату прибранную, опрятную, а он вон как нарисовал её со всем сором и дрязгом, какой ни валялся. Вот посмотрите, как запакостил у меня комнату, изволите сами видеть. Да у меня по семи лет живут жильцы, полковники, Бухмистерова Анна Петровна... Нет, я вам скажу: нет хуже жильца, как живописец: свинья свиньей живет, просто не приведи бог."

И всё это должен был выслушать терпеливо бедный живописец. Квартальный надзиратель между тем занялся рассматриваньем картин и этюдов и тут же показал, что у него душа живее хозяйской и даже была не чужда художественным впечатлениям.

„Хе", сказал он, тыкнув пальцем на один холст, где была изображена нагая женщина, „предмет, того... игривый. А у этого зачем так под носом черно, табаком что-ли он себе засыпал?"

„Тень", отвечал на это сурово и не обращая на него глаз Чартков.

„Ну, ее бы можно куда-нибудь в другое место отнести, а под носом слишком видное место“, сказал квартальный; „а это чей портрет?“ продолжал он, подходя к портрету старика: „уж страшен слишком. Будто он в самом деле был такой страшный; ахти, да он просто глядит. Эх, какой Громобой! С кого вы писали?“

„А это с одного...“ сказал Чартков, и не кончил слова: послышался треск. Квартальный пожал видно слишком крепко раму портрета, благодаря топорному устройству полицейских рук своих; боковые досточки вломились во внутрь, одна упала на пол и вместе с нею упал, тяжело звякнув, сверток в синей бумаге. Чарткову бросилась в глаза надпись: 1000 червонных. Как безумный бросился он поднять его, схватил сверток, сжал его судорожно в руке, опустившейся вниз от тяжести.

„Никак деньги зазвенели“, сказал квартальный, услышавший стук чего-то упавшего на пол и не могший увидать его за быстротой движенья, с какою бросился Чартков прибрать.

„А вам какое дело знать, что у меня есть?“

„А такое дело, что вы сейчас должны заплатить хозяину за квартиру; что у вас есть деньги, да вы не хотите платить — вот что.“

„Ну, я заплачу ему сегодня.“

„Ну, а зачем же вы не хотели заплатить прежде, да доставляете беспокойство хозяину, да вот и полицию тоже тревожите?“

„Потому что этих денег мне не хотелось трогать; я ему сегодня же ввечеру всё заплачу и съеду с квартиры завтра же, потому что не хочу оставаться у такого хозяина.“

„Ну, Иван Иванович, он вам заплатит“, сказал квартальный, обращаясь к хозяину. А если насчет того, что вы не будете удовлетворены, как следует, сегодня ввечеру, тогда уж извините, господин живописец.“ Сказавши это, он надел свою треугольную шляпу и вышел в сени, а за ним хозяин, держа вниз голову и, как казалось, в каком-то раздумьи.

„Слава богу, чорт их унес!“ сказал Чартков, когда услышал затворившуюся в передней дверь. Он выглянул в переднюю, услал за чем-то Никиту, чтобы быть совершенно одному, запер за ним дверь и, возвратившись к себе в комнату, принялся с сильным сердечным трепетаньем разворачивать сверток. В нем были червонцы, все до одного новые, жаркие как огонь. Почти обезумев, сидел он за золотою кучею, всё еще спрашивая себя, не во сне ли всё это. В свертке было ровно их тысяча; наружность его была совершенно такая, в какой они виделись ему во сне. Несколько минут он перебирал их, пересматривал, и всё еще не мог притти в себя. В воображении его воскресли вдруг все истории о кладах, шкатулках с потаенными ящиками, оставляемых предками для своих разорившихся внуков, в твердой уверенности на будущее их промотавшееся положение. Он мыслил так: не придумал ли и теперь какой-нибудь дедушка оставить своему внуку подарок, заключив его в рамку фамильного портрета. Полный романического бреда, он стал даже думать, нет ли здесь какой-нибудь тайной связи с его судьбою, не связано ли существованье портрета с его собственным существованьем, и самое приобретение его не есть ли уже какое-то предопределение. Он принялся с любопытством рассматривать рамку портрета. В одном боку ее был выдолбленный желобок, задвинутый дощечкой так ловко и неприметно, что если бы капитальная рука квартального надзирателя не произвела пролома, червонцы остались бы до скончания века в покое. Рассматривая портрет, он подивился вновь высокой работе, необыкновенной отделке глаз: они уже не казались ему страшными: но всё еще в душе оставалось всякой раз невольно неприятное чувство. „Нет“, сказал он сам в себе: „чей бы ты ни был дедушка, а я тебя поставлю за стекло и сделаю тебе за это золотые рамки.“ Здесь он набросил руку на золотую кучу, лежавшую пред ним, и сердце забилось сильно от такого прикосновенья. „Что с ним сделать?“ думал он, уставив на них глаза. „Теперь я обеспечен по крайней мере на

три года, могу запереться в комнату, работать. На краски теперь у меня есть; на обед, на чай, на содержанье, на квартиру есть; мешать и надоедать мне теперь никто не станет: куплю себе отличный манкен, закажу гипсовый торсик, сформую ножки, поставлю Венеру, накуплю гравюр с первых картин. И если поработаю три года для себя, не торопясь, не на продажу, я зашибу их всех, и могу быть славным художником."

Так говорил он заодно с подсказывавшим ему рассудком; но извнутри раздавался другой голос слышнее и звонче. И как взглянул он еще раз на золото, не то заговорили в нем 22 года и горячая юность. Теперь в его власти было всё то, на что он глядел доселе завистливыми глазами, чем любовался издали, глотая слюнки. Ух, как в нем забилось ретивое, когда он только подумал о том! Одеться в модный фрак, разговеться после долгого поста, нанять себе славную квартиру, отправиться тот же час в театр, в кондитерскую, в ..... и прочее, и он, схвативши деньги, был уже на улице. Прежде всего зашел к портному, оделся с ног до головы, и как ребенок стал обсматривать себя беспрестанно; накупил духов, помад, нанял, не торгуясь, первую попавшуюся великолепнейшую квартиру на Невском проспекте, с зеркалами и цельными стеклами; купил нечаянно в магазине дорогой лорнет, нечаянно накупил тоже бездну всяких галстухов, более нежели было нужно, завил у парикмахера себе локоны, прокатился два раза по городу в карете без всякой причины, объелся без меры конфектов в кондитерской и зашел к ресторану французу, о котором доселе слышал такие же неясные слухи, как о китайском государстве. Там он обедал подбоченившись, бросая довольно гордые взгляды на других и поправляя беспрестанно против зеркала завитые локоны. Там он выпил бутылку шампанского, которое тоже доселе было ему знакомо более по слуху. Вино несколько зашумело в голове, и он вышел на улицу живой, бойкой, по русскому выражению: чорту не брат. Прошелся по тротуару гоголем, наводя на всех лорнет. На мосту

заметил он своего прежнего профессора и шмыгнул лихо мимо его, как будто бы не заметив его вовсе, так-что остолбеневший профессор долго еще стоял неподвижно на мосту, изобразив вопросительный знак на лице своем. Все вещи и всё, что ни было: станок, холст, картины, были в тот же вечер перевезены на великолепную квартиру. Он расставил то, что было получше, на видные места, что похуже, забросил в угол, и расхаживал по великолепным комнатам, беспрестанно поглядывая в зеркала. В душе его возродилось желанье непреоборимое схватить славу сей же час за хвост и показать себя свету. Уже чудились ему крики: „Чартков, Чартков! видали вы картину Чарткова? Какая быстрая кисть у Чарткова! Какой сильный талант у Чарткова!“ Он ходил в восторженном состоянии у себя по комнате — уносился ни весть куда. На другой же день, взявши десяток червонцев, отправился он к одному издателю ходячей газеты, прося великодушной помощи; был принят радушно журналистом, назвавшим его тот же час „почтеннейший“, пожавшим ему обе руки, расспросившим подробно об имени, отчестве, месте жительства, и на другой же день появилась в газете вслед за объявлением о новоизобретенных сальных свечах статья с таким заглавием: *О необыкновенных талантах Чарткова:* „Спешим обрадовать образованных жителей столицы прекрасным, можно сказать, во всех отношениях приобретением. Все согласны в том, что у нас есть много прекраснейших физиогномий и прекраснейших лиц, но не было до сих пор средства передать их на чудотворный холст, для передачи потомству; теперь недостаток этот пополнен: отыскался художник, соединяющий в себе, что нужно. Теперь красавица может быть уверена, что она будет передана со всей грацией своей красоты воздушной, легкой, очаровательной, чудесной, подобной мотылькам, порхающим по весенним цветкам. Почтенный отец семейства увидит себя окруженным своей семьей. Купец, воин, гражданин, государственный муж — всякой с новой ревностью будет продолжать свое поприще. Спешите, спешите, заходите

с гулянья, с прогулки, предпринятой к приятелю, к кузине, в блестящий магазин, спешите, откуда бы ни было. Великолепная мастерская художника (Невский проспект, такой-то номер) уставлена вся портретами его кисти, достойной Вандиков и Тицианов. Не знаешь, чему удивляться, верности ли и сходству с оригиналами, или необыкновенной яркости и свежести кисти. Хвала вам, художник: вы вынули счастливый билет из лотереи. Виват, Андрей Петрович (журналист, как видно, любил фамилиарность)! Прославляйте себя и нас. Мы умеем ценить вас. Всеобщее стечение, а вместе с тем и деньги, хотя некоторые из нашей же братьи журналистов и восстают против них, будут вам наградою."

С тайным удовольствием прочитал художник это объявление; лицо его просияло. О нем заговорили печатно — это было для него новостию; несколько раз перечитывал он строки. Сравнение с Вандиком и Тицианом ему сильно польстило. Фраза: „виват, Андрей Петрович!" также очень понравилась; печатным образом называют его по имени и по отчеству — честь, доныне ему совершенно неизвестная. Он начал ходить скоро по комнате, ерошить себе волоса, то садился на кресла, то вскакивал с них и садился на диван, представляя поминутно, как он будет принимать посетителей и посетительниц, подходил к холсту и производил над ним лихую замашку кисти, пробуя сообщить грациозные движения руке. На другой день раздался колокольчик у дверей его; он побежал отворять, вошла дама, предводимая лакеем в ливрейной шинели на меху, и вместе с дамой вошла молоденькая 18-летняя девочка, дочь ее.

„Вы мсье Чартков?" сказала дама. Художник поклонился.

„Об вас столько пишут; ваши портреты, говорят, верх совершенства." Сказавши это, дама наставила на глаз лорнет и побежала быстро осматривать стены, на которых ничего не было. „А где же ваши портреты?"

„Вынесли", сказал художник, несколько смешавшись: „я только что переехал еще на эту квартиру, так они еще в дороге... не доехали."

„Вы были в Италии?“ сказала дама, наводя на него лорнет, не найдя ничего другого, на что бы можно было навесть его.

„Нет, я не был, но хотел быть... впрочем теперь покамест я отложил... Вот кресла-с; вы устали...“

„Благодарю, я сидела долго в карете. А, вон наконец вижу вашу работу!“ сказала дама, побежав к супротивной стене и наводя лорнет на стоявшие на полу его этюды, программы, перспективы и портреты. „C'est charmant, Lise, Lise, venez ici: комната во вкусе Теньера, видишь: беспорядок, беспорядок, стол, на нем бюст, рука, палитра; вон пыль, видишь, как пыль нарисована! c'est charmant. А вот на другом холсте женщина, моющая лицо — quelle jolie figure! Ах, мужичок! Lise, Lise, мужичок в русской рубашке! смотри: мужичок! Так вы занимаетесь не одними только портретами?“

„О, это вздор... Так, шалил... этюды...“

„Скажите, какого вы мнения на счет нынешних портретистов? Не правда ли, теперь нет таких, как был Тициан? Нет той силы в колорите, нет той... как жаль, что я не могу вам выразить по-русски (дама была любительница живописи и оббегала с лорнетом все галлереи в Италии). Однако, мсьё Ноль... ах, как он пишет! Какая необыкновенная кисть! Я нахожу, что у него даже больше выраженья в лицах, нежели у Тициана. Вы не знаете мсьё Ноля?“

„Кто этот Ноль?“ спросил художник.

„Мсьё Ноль. Ах, какой талант! он написал с нее портрет, когда ей было только 12 лет. Нужно, чтобы вы непременно у нас были. Lise, ты ему покажи свой альбом. Вы знаете, что мы приехали с тем, чтобы сей же час начали с нее портрет.“

„Как же, я готов сию минуту.“ И в одно мгновенье придвинул он станок с готовым холстом, взял в руки палитру, вперил глаз в бледное личико дочери. Если бы он был знаток человеческой природы, он прочел бы на нем в одну минуту начало ребяческой страсти к балам, начало

тоски и жалоб на длинноту времени до обеда и после обеда, желанья побегать в новом платье на гуляньях, тяжелые следы безучастного прилежания к разным искусствам, внушаемого матерью для возвышения души и чувств. Но художник видел в этом нежном личике одну только заманчивую для кисти почти фарфоровую прозрачность тела, увлекательную легкую томность, тонкую светлую шейку и аристократическую легкость стана. И уже заранее готовился торжествовать, показать легкость и блеск своей кисти, имевшей доселе дело только с жесткими чертами грубых моделей, с строгими антиками и копиями кое-каких классических мастеров. Он уже представлял себе в мыслях, как выдет это легонькое личико.

„Знаете ли", сказала дама с несколько даже трогательным выражением лица: „я бы хотела: на ней теперь платье; я бы, признаюсь, не хотела, чтобы она была в платье, к которому мы так привыкли: я бы хотела, чтоб она была одета просто и сидела бы в тени зелени, в виду каких-нибудь полей, чтобы стада вдали, или роща... чтобы незаметно было, что она едет куда-нибудь на бал или модный вечер. Наши балы, признаюсь, так убивают душу, так умерщвляют остатки чувств... простоты, простоты чтобы было больше." (Увы! на лицах и матушки и дочери написано было, что они до того исплясались на балах, что обе сделались чуть не восковыми.)

Чартков принялся за дело, усадил оригинал, сообразил несколько всё это в голове; провел по воздуху кистью, мысленно устанавливая пункты; прищурил несколько глаз, подался назад, взглянул издали, и в один час начал и кончил подмалевку. Довольный ею, он принялся уже писать, работа его завлекла. Уже он позабыл всё, позабыл даже, что находится в присутствии аристократических дам, начал даже выказывать иногда кое-какие художнические ухватки, произнося вслух разные звуки, временами подпевая, как случается с художником, погруженным всею душою в свое дело. Без всякой церемонии одним движеньем кисти заставлял он оригинал поднимать голову, который наконец

начал сильно вертеться и выражать совершенную усталость.

„Довольно, на первый раз довольно“, сказала дама.

„Еще немножко“, говорил позабывшийся художник.

„Нет, пора! Lise, три часа!“ сказала она, вынимая маленькие часы, висевшие на золотой цепи у ее кушака, и вскрикнула: „Ах, как поздно!“

„Минуточку только“, говорил Чартков простодушным и просящим голосом ребенка.

Но дама, кажется, совсем не была расположена угождать на этот раз его художественным потребностям и обещала вместо того просидеть в другой раз долее.

„Это однакож досадно“, подумал про себя Чартков: „рука только что расходилась.“ И вспомнил он, что его никто не перебивал и не останавливал, когда он работал в своей мастерской на Васильевском Острове; Никита, бывало, сидел не ворохнувшись на одном месте — пиши с него, сколько угодно; он даже засыпал в заказанном ему положении. И, недовольный, положил он свою кисть и палитру на стул, и остановился смутно пред холстом. Комплимент, сказанный светской дамой, пробудил его из усыпления. Он бросился быстро к дверям провожать их; на лестнице получил приглашение бывать, притти на следующей неделе обедать, и с веселым видом возвратился к себе в комнату. Аристократическая дама совершенно очаровала его. До сих пор он глядел на подобные существа как на что-то недоступное, которые рождены только для того, чтобы пронестись в великолепной коляске с ливрейными лакеями и щегольским кучером и бросить равнодушный взгляд на бредущего пешком в небогатом плащишке человека. И вдруг теперь одно из этих существ вошло к нему в комнату; он пишет портрет, приглашен на обед в аристократический дом. Довольство овладело им необыкновенное; он был упоен совершенно и наградил себя за это славным обедом, вечерним спектаклем, и опять проехался в карете по городу без всякой нужды.

Во все эти дни обычная работа ему не шла вовсе на

ум. Он только приготовлялся и ждал минуты, когда раздастся звонок. Наконец аристократическая дама приехала вместе с своею бледненькою дочерью. Он усадил их, придвинул холст уже с ловкостью и претензиями на светские замашки, и стал писать. Солнечный день и ясное освещение много помогли ему. Он увидел в легоньком своем оригинале много такого, что, быв уловлено и передано на полотно, могло придать высокое достоинство портрету; увидел, что можно сделать кое-что особенное, если выполнить всё в такой окончательности, в какой теперь представлялась ему натура. Сердце его начало даже слегка трепетать, когда он почувствовал, что выразит то, чего еще не заметили другие. Работа заняла его всего, весь погрузился он в кисть, позабыв опять об аристократическом происхождении оригинала. С занимавшимся дыханием видел, как выходили у него легкие черты и это почти прозрачное тело семнадцатилетней девушки. Он ловил всякой оттенок, легкую желтизну, едва заметную голубизну под глазами и уже готовился даже схватить небольшой прыщик, выскочивший на лбу, как вдруг услышал над собою голос матери: „Ах, зачем это? это не нужно“, говорила дама. „У вас тоже... вот, в некоторых местах... как будто бы несколько желто и вот здесь совершенно как темные пятнышки.“ Художник стал изъяснять, что эти-то пятнышки и желтизна именно разыгрываются хорошо, что они составляют приятные и легкие тоны лица. Но ему отвечали, что они не составят никаких тонов и совсем не разыгрываются; и что это ему только так кажется. „Но позвольте здесь в одном только месте тронуть немножко желтенькой краской“, сказал простодушно художник. Но этого-то ему и не позволили. Объявлено было, что Lise только сегодня немножко нерасположена, а что желтизны в ней никакой не бывает и лицо поражает особенно свежестью краски. С грустью принялся он изглаживать то, что кисть его заставила выступить на полотно. Исчезло много почти незаметных черт, а вместе с ними исчезло отчасти и сходство. Он бесчувственно стал сооб-

щать ему тот общий колорит, который дается наизусть и обращает даже лица, взятые с натуры, в какие-то холодно-идеальные, видимые на ученических программах. Но дама была довольна тем, что обидный колорит был изгнан вовсе. Она изъявила только удивленье, что работа идет так долго, и прибавила, что слышала, будто он в два сеанса оканчивает совершенно портрет. Художник ничего не нашелся на это отвечать. Дамы поднялись и собирались выйти. Он положил кисть, проводил их до дверей и после того долго оставался смутным на одном и том же месте перед своим портретом. Он глядел на него глупо, а в голове его между тем носились те легкие женственные черты, те оттенки и воздушные тоны, им подмеченные, которые уничтожила безжалостно его кисть. Будучи весь полон ими, он отставил портрет в сторону и отыскал у себя где-то заброшенную головку Психеи, которую когда-то давно и эскизно набросал на полотно. Это было личико, ловко написанное, но совершенно идеальное, холодное, состоявшее из одних общих черт, не принявшее живого тела. От нечего делать он теперь принялся проходить его, припоминая на нем всё, что случилось ему подметить в лице аристократической посетительницы. Уловленные им черты, оттенки и тоны здесь ложились в том очищенном виде, в каком являются они тогда, когда художник, наглядевшись на природу, уже отдаляется от нее и производит ей равное создание. Психея стала оживать, и едва сквозившая мысль начала мало-по-малу облекаться в видимое тело. Тип лица молоденькой светской девицы невольно сообщился Психее и чрез то получила она своеобразное выражение, дающее право на название истинно оригинального произведения. Казалось, он воспользовался по частям и вместе всем, что представил ему оригинал, и привязался совершенно к своей работе. В продолжение нескольких дней он был занят только ею. И за этой самой работой застал его приезд знакомых дам. Он не успел снять со станка картину. Обе дамы издали радостный крик изумленья и всплеснули руками.

„Lise, Lise! ах, как похоже! Superbe, superbe! Как хорошо вы вздумали, что одели ее в греческой костюм. Ах, какой сюрприз!“

Художник не знал, как вывести дам из приятного заблуждения. Совестясь и потупя голову, он произнес тихо: „Это Психея.“

„В виде Психеи? C'est charmant!“ сказала мать, улыбнувшись; причем улыбнулась также и дочь. „Не правда ли, Lise, тебе больше всего идет быть изображенной в виде Психеи? Quelle idée délicieuse! Но какая работа! Это Корредж. Признаюсь, я читала и слышала о вас, но я не знала, что у вас такой талант. Нет, вы непременно должны написать также и с меня портрет.“ Даме, как видно, хотелось также предстать в виде какой-нибудь Психеи.

„Что мне с ними делать?“ подумал художник: „если они сами того хотят, так пусть Психея пойдет за то, что им хочется“, и произнес вслух: „Потрудитесь еще немножко присесть, я кое-что немножко трону.“

„Ах, я боюсь, чтобы вы как-нибудь не... она так теперь похожа.“ Но художник понял, что опасенья были насчет желтизны, и успокоил их, сказав, что он только придаст более блеску и выраженья глазам. А по справедливости ему было слишком совестно и хотелось хотя сколько-нибудь более придать сходства с оригиналом, дабы не укорил его кто-нибудь в решительном бесстыдстве. И точно, черты бледной девушки стали наконец выходить яснее из облика Психеи.

„Довольно!“ сказала мать, начинавшая бояться, чтобы сходство не приблизилось наконец уже чересчур близко. Художник был награжден всем: улыбкой, деньгами, комплиментом, искренним пожатьем руки, приглашеньем на обеды; словом, получил тысячу лестных наград. Портрет произвел по городу шум. Дама показала его приятельницам; все изумлялись искусству, с каким художник умел сохранить сходство и вместе с тем придать красоту оригиналу. Последнее замечено было, разумеется, не без легкой краски зависти в лице. И художник вдруг был осажден

работами. Казалось, весь город хотел у него писаться. У дверей поминутно раздавался звонок. С одной стороны это могло быть хорошо, представляя ему бесконечную практику разнообразием, множеством лиц. Но на беду, это всё был народ, с которым было трудно ладить, народ торопливый, занятой, или же принадлежащий свету, стало быть, еще более занятой, нежели всякой другой, и потому нетерпеливый до крайности. Со всех сторон только требовали, чтоб было хорошо и скоро. Художник увидел, что оканчивать решительно было невозможно, что всё нужно было заменить ловкостью и быстрой бойкостью кисти. Схватывать одно только целое, одно общее выраженье и не углубляться кистью в утонченные подробности; одним словом, следить природу в ее окончательности было решительно невозможно. Притом нужно прибавить, что у всех почти писавшихся много было других притязаний на разное. Дамы требовали, чтобы преимущественно только душа и характер изображались в портретах, чтобы остального иногда вовсе не придерживаться, округлить все углы, облегчить все изъянцы и даже, если можно, избежать их вовсе. Словом, чтобы на лицо можно было засмотреться, если даже не совершенно влюбиться. И вследствие этого, садясь писаться, они принимали иногда такие выражения, которые приводили в изумленье художника: та старалась изобразить в лице своем меланхолию, другая мечтательность, третья во что бы ни стало хотела уменьшить рот и сжимала его до такой степени, что он обращался наконец в одну точку, не больше булавочной головки. И, несмотря на всё это, требовали от него сходства и непринужденной естественности. Мужчины тоже были ничем не лучше дам. Один требовал себя изобразить в сильном, энергическом повороте головы; другой с поднятыми к верху вдохновенными глазами; гвардейский поручик требовал непременно, чтобы в глазах виден был Марс; гражданский сановник норовил так, чтобы побольше было прямоты, благородства в лице и чтобы рука оперлась на книгу, на которой бы четкими словами было написано: „всегда стоял

за правду". Сначала художника бросали в пот такие требованья: всё это нужно было сообразить, обдумать, а между тем сроку давалось очень немного. Наконец он добрался, в чем было дело, и уж не затруднялся нисколько. Даже из двух, трех слов смекал вперед, кто чем хотел изобразить себя. Кто хотел Марса, он в лицо совал Марса; кто метил в Байрона, он давал ему Байроновское положенье и поворот. Кориной ли, Ундиной, Аспазией ли желали быть дамы, он с большой охотой соглашался на всё и прибавлял от себя уже всякому вдоволь благообразия, которое, как известно, нигде не подгадит и за что простят иногда художнику и самое несходство. Скоро он уже сам начал дивиться чудной быстроте и бойкости своей кисти. А писавшиеся, само собою разумеется, были в восторге и провозглашали его гением.

Чартков сделался модным живописцем во всех отношениях. Стал ездить на обеды, сопровождать дам в галлереи и даже на гулянья, щегольски одеваться и утверждать гласно, что художник должен принадлежать к обществу, что нужно поддержать его званье, что художники одеваются как сапожники, не умеют прилично вести себя, не соблюдают высшего тона и лишены всякой образованности. Дома у себя, в мастерской он завел опрятность и чистоту в высшей степени, определил двух великолепных лакеев, завел щегольских учеников, переодевался несколько раз в день в разные утренние костюмы, завивался, занялся улучшением разных манер, с которыми принимать посетителей, занялся украшением всеми возможными средствами своей наружности, чтобы произвести ею приятное впечатление на дам; одним словом, скоро нельзя было в нем вовсе узнать того скромного художника, который работал когда-то незаметно в своей лачужке на Васильевском Острове. О художниках и об искусстве он изъяснялся теперь резко: утверждал, что прежним художникам уже чересчур много приписано достоинства, что все они до Рафаэля писали не фигуры, а селедки; что существует только в воображении рассматривателей мысль, будто бы

видно в них присутствие какой-то святости; что сам Рафаэль даже писал не всё хорошо и за многими произведениями его удержалась только по преданию слава; что Микель-Анжел хвастун, потому что хотел только похвастать знанием анатомии, что грациозности в нем нет никакой, и что настоящий блеск, силу кисти и колорит нужно искать только теперь, в нынешнем веке. Тут натурально невольным образом доходило дело и до себя. „Нет, я не понимаю“, говорил он, „напряженья других сидеть и корпеть за трудом. Этот человек, который копаеся по нескольку месяцев над картиною, по мне труженик, а не художник. Я не поверю, чтобы в нем был талант. Гений творит смело, быстро. „Вот у меня“, говорил он, обращаясь обыкновенно к посетителям: „этот портрет я написал в два дня, эту головку в один день, это в несколько часов, это в час с небольшим. Нет, я... я, признаюсь, не признаю художеством того, что лепится строчка за строчкой; это уж ремесло, а не художество.“ Так рассказывал он своим посетителям, и посетители дивились силе и бойкости его кисти, издавали даже восклицания, услышав, как быстро они производились, и потом пересказывали друг другу: „Это талант, истинный талант! Посмотрите, как он говорит, как блестят его глаза! Il y a quelque chose d'extraordinaire dans toute sa figure!“

Художнику было лестно слышать о себе такие слухи. Когда в журналах появлялась печатная хвала ему, он радовался как ребенок, хотя эта хвала была куплена им за свои же деньги. Он разносил такой печатный лист везде и будто бы ненарочно показывал его знакомым и приятелям, и это его тешило до самой простодушной наивности. Слава его росла, работы и заказы увеличивались. Уже стали ему надоедать одни и те же портреты и лица, которых положенье и обороты сделались ему заученными. Уже без большой охоты он писал их, стараясь набросать только кое-как одну голову, а остальное давал доканчивать ученикам. Прежде он всё-таки искал дать какое-нибудь новое положение, поразить силою, эффектом. Теперь и это станови-

лось ему скучно. Ум уставал придумывать и обдумывать. Это было ему не в мочь, да и некогда: рассеянная жизнь и общество, где он старался сыграть роль светского человека, — всё это уносило его далеко от труда и мыслей. Кисть его хладела и тупела, и он нечувствительно заключился в однообразные, определенные, давно изношенные формы. Однообразные, холодные, вечно прибранные и, так сказать, застегнутые лица чиновников военных и штатских не много представляли поля для кисти: она позабывала и великолепные драпировки, и сильные движения и страсти. О группах, о художественной драме, о высокой ее завязке нечего было и говорить. Пред ним были только мундир да корсет, да фрак, пред которыми чувствует холод художник и падает всякое воображение. Даже достоинств самых обыкновенных уже не было видно в его произведениях, а между тем они всё еще пользовались славою, хотя истинные знатоки и художники только пожимали плечами, глядя на последние его работы. А некоторые, знавшие Чарткова прежде, не могли понять, как мог исчезнуть в нем талант, которого признаки оказались уже ярко в нем при самом начале, и напрасно старались разгадать, каким образом может угаснуть дарованье в человеке, тогда как он только что достигнул еще полного развития всех сил своих.

Но этих толков не слышал упоенный художник. Уже он начинал достигать поры степенности ума и лет: стал толстеть и видимо раздаваться в ширину. Уже в газетах и журналах читал он прилагательные: почтенный наш Андрей Петрович, заслуженный наш Андрей Петрович. Уже стали ему предлагать по службе почетные места, приглашать на экзамены, в комитеты. Уже он начинал, как всегда случается в почетные лета, брать сильно сторону Рафаэля и старинных художников, не потому, что убедился вполне в их высоком достоинстве, но потому, чтобы колоть ими в глаза молодых художников. Уже он начинал по обычаю всех, вступающих в такие лета, укорять без изъятья молодежь в безнравственности и дурном направлении духа.

Уже начинал он верить, что всё на свете делается просто, вдохновенья свыше нет и всё необходимо должно быть подвергнуто под один строгий порядок аккуратности и однообразья. Одним словом, жизнь его уже коснулась тех лет, когда всё, дышащее порывом, сжимается в человеке, когда могущественный смычок слабее доходит до души и не обвивается пронзительными звуками около сердца, когда прикосновенье красоты уже не превращает девственных сил в огонь и пламя, но все отгоревшие чувства становятся доступнее к звуку золота, вслушиваются внимательней в его заманчивую музыку и мало-по-малу нечувствительно позволяют ей совершенно усыпить себя. Слава не может дать наслажденья тому, кто украл ее, а не заслужил; она производит постоянный трепет только в достойном ее. И потому все чувства и порывы его обратились к золоту. Золото сделалось его страстью, идеалом, страхом, наслажденьем, целью. Пуки ассигнаций росли в сундуках, и как всякой, кому достается в удел этот страшный дар, он начал становиться скучным, недоступным ко всему, кроме золота, беспричинным скрягой, беспутным собирателем, и уже готов был обратиться в одно из тех странных существ, которых много попадается в нашем бесчувственном свете, на которых с ужасом глядит исполненный жизни и сердца человек, которому кажутся они движущимися каменными гробами с мертвецом внутри на место сердца. Но одно событие сильно потрясло и разбудило весь его жизненный состав.

В один день увидел он на столе своем записку, в которой Академия Художеств просила его, как достойного ее члена, приехать дать суждение свое о новом присланном из Италии произведении усовершенствовавшегося там русского художника. Этот художник был один из прежних его товарищей, который от ранних лет носил в себе страсть к искусству, с пламенной душой труженика погрузился в него всей душою своей, оторвался от друзей, от родных, от милых привычек, и помчался туда, где в виду прекрасных небес спеет величавый рассадник искусств, в тот

чудный Рим, при имени которого так полно и сильно бьется пламенное сердце художника. Там как отшельник погрузился он в труд и в неразвлекаемые ничем занятия. Ему не было до того дела, толковали ли о его характере, о его неумении обращаться с людьми, о несоблюдении светских приличий, о унижении, которое он причинял званию художника своим скудным, нещегольским нарядом. Ему не было нужды, сердилась ли или нет на него его братья. Всем пренебрегал он, всё отдал искусству. Неутомимо посещал галлереи, по целым часам застаивался перед произведениями великих мастеров, ловя и преследуя чудную кисть. Ничего он не оканчивал без того, чтобы не поверить себя несколько раз с сими великими учителями и чтобы не прочесть в их созданьях безмолвного и красноречивого себе совета. Он не входил в шумные беседы и споры; он не стоял ни за пуристов, ни против пуристов. Он равно всему отдавал должную ему часть, извлекая изо всего только то, что было в нем прекрасно, и наконец оставил себе в учители одного божественного Рафаэля. Подобно как великий поэт-художник, перечитавший много всяких творений, исполненных многих прелестей и величавых красот, оставлял наконец себе настольною книгой одну только Илиаду Гомера, открыв, что в ней всё есть, чего хочешь, и что нет того, чтобы что не отразилось уже здесь в таком глубоком и великом совершенстве. И зато вынес он из своей школы величавую идею созданья, могучую красоту мысли, высокую прелесть небесной кисти.

Вошедши в залу, Чартков нашел уже целую огромную толпу посетителей, собравшихся перед картиною. Глубочайшее безмолвие, какое редко бывает между многолюдными ценителями, на этот раз царствовало всюду. Он поспешил принять значительную физиономию знатока и приблизился к картине; но, боже, что он увидел!

Чистое, непорочное, прекрасное как невеста стояло пред ним произведение художника. Скромно, божественно, невинно и просто как гений возносилось оно над всем.

Казалось, небесные фигуры, изумленные столькими устремленными на них взорами, стыдливо опустили прекрасные ресницы. С чувством невольного изумления созерцали знатоки новую невиданную кисть. Всё тут казалось соединилось вместе: изученье Рафаэля, отраженное в высоком благородстве положений, изучение Корреджия, дышавшее в окончательном совершенстве кисти. Но властительней всего видна была сила созданья, уже заключенная в душе самого художника. Последний предмет в картине был им проникнут; во всем постигнут закон и внутренняя сила. Везде уловлена была эта плывучая округлость линий, заключенная в природе, которую видит только один глаз художника-создателя и которая выходит углами у кописта. Видно было, как всё, извлеченное из внешнего мира, художник заключил сперва себе в душу и уже оттуда, из душевного родника устремил его одной согласной, торжественной песнью. И стало ясно даже непосвященным, какая неизмеримая пропасть существует между созданьем и простой копией с природы. Почти невозможно было выразить той необыкновенной тишины, которою невольно были объяты все, вперившие глаза на картину — ни шелеста, ни звука; а картина между тем ежеминутно казалась выше и выше; светлей и чудесней отделялась от всего и вся превратилась наконец в один миг, плод налетевшей с небес на художника мысли, миг, к которому вся жизнь человеческая есть одно только приготовление. Невольные слезы готовы были покатиться по лицам посетителей, окруживших картину. Казалось, все вкусы, все дерзкие, неправильные уклонения вкуса слились в какой-то безмолвный гимн божественному произведению. Неподвижно, с отверстым ртом стоял Чартков перед картиною, и наконец, когда мало-по-малу посетители и знатоки зашумели и начали рассуждать о достоинстве произведения, и когда наконец обратились к нему с просьбою объявить свои мысли, он пришел в себя; хотел принять равнодушный, обыкновенный вид, хотел сказать обыкновенное, пошлое суждение зачерствелых художников, в роде следующего: „Да, ко-

нечно, правда, нельзя отнять таланта от художника; есть кое-что, видно, что хотел он выразить что-то, однако же, что касается до главного..." И вслед за этим прибавить, разумеется, такие похвалы, от которых бы не поздоровилось никакому художнику. Хотел это сделать, но речь умерла на устах его, слезы и рыдания нестройно вырвались в ответ, и он как безумный выбежал из залы.

С минуту неподвижный и бесчувственный стоял он посреди своей великолепной мастерской. Весь состав, вся жизнь его была разбужена в одно мгновение, как будто молодость возвратилась к нему, как будто потухшие искры таланта вспыхнули снова. С очей его вдруг слетела повязка. Боже! и погубить так безжалостно лучшие годы своей юности; истребить, погасить искру огня, может быть, теплившегося в груди, может быть, развившегося бы теперь в величии и красоте, может быть, также исторгнувшего бы слезы изумления и благодарности! И погубить всё это, погубить без всякой жалости! Казалось, как будто в эту минуту разом и вдруг ожили в душе его те напряжения и порывы, которые некогда были ему знакомы. Он схватил кисть и приблизился к холсту. Пот усилия проступил на его лице; весь обратился он в одно желание и загорелся одною мыслию: ему хотелось изобразить отпадшего ангела. Эта идея была более всего согласна с состоянием его души. Но, увы! фигуры его, позы, группы, мысли ложились принужденно и несвязно. Кисть его и воображение слишком уже заключились в одну мерку, и бессильный порыв преступить границы и оковы, им самим на себя наброшенные, уже отзывался неправильностию и ошибкою. Он пренебрег утомительную, длинную лестницу постепенных сведений и первых основных законов будущего великого. Досада его проникла. Он велел вынесть прочь из своей мастерской все последние произведенья, все безжизненные модные картинки, все портреты гусаров, дам и статских советников. Заперся один в своей комнате, не велел никого впускать и весь погрузился в работу. Как терпеливый юноша, как ученик, сидел он за своим тру-

дом. Но как беспощадно-неблагодарно было всё то, что выходило из-под его кисти! На каждом шагу он был останавливаем незнанием самых первоначальных стихий; простой, незначущий механизм охлаждал весь порыв и стоял неперескочимым порогом для воображения. Кисть невольно обращалась к затверженным формам, руки складывались на один заученный манер, голова не смела сделать необыкновенного поворота, даже самые складки платья отзывались вытверженным и не хотели повиноваться и драпироваться на незнакомом положении тела. И он чувствовал, он чувствовал и видел это сам!

„Но точно ли был у меня талант?“ сказал он наконец: „не обманулся ли я?“ И произнесши эти слова, он подошел к прежним своим произведениям, которые работались когда-то так чисто, так бескорыстно, там, в бедной лачужке, на уединенном Васильевском Острову, вдали людей, изобилья и всяких прихотей. Он подошел теперь к ним и стал внимательно рассматривать их все, и вместе с ними стала представать в его памяти вся прежняя бедная жизнь его. „Да“, проговорил он отчаянно: „у меня был талант. Везде, на всем видны его признаки и следы...“

Он остановился и вдруг затрясся всем телом: глаза его встретились с неподвижно-вперившимися на него глазами. Это был тот необыкновенный портрет, который он купил на Щукином дворе. Всё время он был закрыт, загроможден другими картинами и вовсе вышел у него из мыслей. Теперь же как нарочно, когда были вынесены все модные портреты и картины, наполнявшие мастерскую, он выглянул наверх вместе с прежними произведениями его молодости. Как вспомнил он всю странную его историю, как вспомнил, что некоторым образом он, этот странный портрет, был причиной его превращенья, что денежный клад, полученный им таким чудесным образом, родил в нем все суетные побужденья, погубившие его талант — почти бешенство готово было ворваться к нему в душу. Он в ту ж минуту велел вынести прочь ненавистный портрет. Но душевное волненье от того не умирилось: все чувства

и весь состав были потрясены до дна, и он узнал ту ужасную муку, которая, как поразительное исключение, является иногда в природе, когда талант слабый силится выказаться в превышающем его размере и не может выказаться, ту муку, которая в юноше рождает великое, но в перешедшем за грань мечтаний обращается в бесплодную жажду, ту страшную муку, которая делает человека способным на ужасные злодеяния. Им овладела ужасная зависть, зависть до бешенства. Желчь проступала у него на лице, когда он видел произведение, носившее печать таланта. Он скрежетал зубами и пожирал его взором василиска. В душе его возродилось самое адское намерение, какое когда-либо питал человек, и с бешеною силою бросился он приводить его в исполнение. Он начал скупать всё лучшее, что только производило художество. Купивши картину дорогою ценою, осторожно приносил в свою комнату и с бешенством тигра на нее кидался, рвал, разрывал ее, изрезывал в куски и топтал ногами, сопровождая смехом наслажденья. Бесчисленные собранные им богатства доставляли ему все средства удовлетворять этому адскому желанию. Он развязал все свои золотые мешки и раскрыл сундуки. Никогда ни одно чудовище невежества не истребило столько прекрасных произведений, сколько истребил этот свирепый мститель. На всех аукционах, куда только показывался он, всякой заранее отчаявался в приобретении художественного создания. Казалось, как будто разгневанное небо нарочно послало в мир этот ужасный бич, желая отнять у него всю его гармонию. Эта ужасная страсть набросила какой-то страшный колорит на него: вечная желчь присутствовала на лице его. Хула на мир и отрицание изображалось само собой в чертах его. Казалось, в нем олицетворился тот страшный демон, которого идеально изобразил Пушкин. Кроме ядовитого слова и вечного порицанья ничего не произносили его уста. Подобно какой-то Гарпии, попадался он на улице, и все его даже знакомые, завидя его издали, старались увернуться и избегнуть такой встречи, говоря, что она достаточна отравить потом весь день.

К счастию мира и искусств, такая напряженная и насильственная жизнь не могла долго продолжаться: размер страстей был слишком неправилен и колоссален для слабых сил ее. Припадки бешенства и безумия начали оказываться чаще, и, наконец, всё это обратилось в самую ужасную болезнь. Жестокая горячка, соединенная с самою быстрою чахоткою, овладели им так свирепо, что в три дня оставалась от него одна тень только. К этому присоединились все признаки безнадежного сумасшествия. Иногда несколько человек не могли удержать его. Ему начали чудиться давно забытые, живые глаза необыкновенного портрета, и тогда бешенство его было ужасно. Все люди, окружавшие его постель, казались ему ужасными портретами. Он двоился, четверился в его глазах; все стены казались увешаны портретами, вперившими в него свои неподвижные, живые глаза. Страшные портреты глядели с потолка, с полу, комната расширялась и продолжалась бесконечно, чтобы более вместить этих неподвижных глаз. Доктор, принявший на себя обязанность его пользовать и уже несколько наслышавшийся о странной его истории, старался всеми силами отыскать тайное отношение между грезившимися ему привидениями и происшествиями его жизни, но ничего не мог успеть. Больной ничего не понимал и не чувствовал, кроме своих терзаний, и издавал одни ужасные вопли и непонятные речи. Наконец, жизнь его прервалась в последнем, уже безгласном порыве страдания. Труп его был страшен. Ничего тоже не могли найти от огромных его богатств; но, увидевши изрезанные куски тех высоких произведений искусства, которых цена превышала миллионы, поняли ужасное их употребление.

ЧАСТЬ II.

Множество карет, дрожек и колясок стояло перед подъездом дома, в котором производилась аукционная продажа вещей одного из тех богатых любителей искусств, которые

сладко продремали всю жизнь свою, погруженные в зефиры и амуры, которые невинно прослыли меценатами и простодушно издержали для этого миллионы, накопленные их основательными отцами, а часто даже собственными прежними трудами. Таких меценатов, как известно, теперь уже нет, и наш XIX-й век давно уже приобрел скучную физиономию банкира, наслаждающегося своими миллионами только в виде цифр, выставляемых на бумаге. Длинная зала была наполнена самою пестрою толпой посетителей, налетевших как хищные птицы на неприбранное тело. Тут была целая флотилия русских купцов из гостиного двора и даже толкучего рынка в синих немецких сюртуках. Вид их и выраженье лиц были здесь как-то тверже, вольнее и не означались той приторной услужливостью, которая так видна в русском купце, когда он у себя в лавке перед покупщиком. Тут они вовсе не чинились, несмотря на то, что в этой же зале находилось множество тех аристократов, перед которыми они в другом месте готовы были своими поклонами смести пыль, нанесенную своими же сапогами. Здесь они были совершенно развязны, щупали без церемонии книги и картины, желая узнать доброту товара, и смело перебивали цену, набавляемую графами-знатоками. Здесь были многие необходимые посетители аукционов, постановившие каждый день бывать в нем вместо завтрака; аристократы-знатоки, почитавшие обязанностью не упустить случая умножить свою коллекцию и не находившие другого занятия от 12 до 1 часа; наконец те благородные господа, которых платья и карманы очень худы, которые являются ежедневно без всякой корыстолюбивой цели, но единственно, чтобы посмотреть, чем что кончится, кто будет давать больше, кто меньше, кто кого перебьет и за кем что останется. Множество картин было разбросано совершенно без всякого толку; с ними были перемешаны и мебели и книги с вензелями прежнего владетеля, может быть, не имевшего вовсе похвального любопытства в них заглядывать. Китайские вазы, мраморные доски для столов, новые и старые мебели с выгнутыми линиями,

с грифами, сфинксами и львиными лапами, вызолоченные и без позолоты, люстры, кенкеты, всё было навалено и вовсе не в таком порядке, как в магазинах. Всё представляло какой-то хаос искусств. Вообще ощущаемое нами чувство при виде аукциона страшно: в нем всё отзывается чем-то похожим на погребальную процессию. Зал, в котором он производится, всегда как-то мрачен; окна, загроможденные мебелями и картинами, скупо изливают свет, безмолвие, разлитое на лицах, и погребальный голос аукциониста, постукивающего молотком и отпевающего панихиду бедным, так странно встретившимся здесь искусствам. Всё это, кажется, усиливает еще более странную неприятность впечатленья.

Аукцион, казалось, был в самом разгаре. Целая толпа порядочных людей, сдвинувшись вместе, хлопотала о чем-то наперерыв. Со всех сторон раздававшиеся слова: „рубль, рубль, рубль," не давали времени аукционисту повторять надбавляемую цену, которая уже возросла вчетверо больше объявленной. Обступившая толпа хлопотала из-за портрета, который не мог не остановить всех, имевших сколько-нибудь понятия в живописи. Высокая кисть художника выказывалась в нем очевидно. Портрет повидимому уже несколько раз был ресторирован и поновлен и представлял смуглые черты какого-то азиатца в широком платье, с необыкновенным, странным выраженьем в лице, но более всего обступившие были поражены необыкновенной живостью глаз. Чем более всматривались в них, тем более они, казалось, устремлялись каждому во внутрь. Эта странность, этот необыкновенный фокус художника заняли вниманье почти всех. Много уже из состязавшихся о нем отступились, потому что цену набили неимоверную. Остались только два известные аристократа, любители живописи, не хотевшие ни за что отказаться от такого приобретенья. Они горячились и набили бы вероятно цену до невозможности, если бы вдруг один из тут же рассматривавших не произнес: „позвольте мне прекратить на время ваш спор. Я, может быть, более, нежели всякой другой, имею право на этот портрет". Слова

эти вмиг обратили на него внимание всех. Это был стройный человек, лет тридцати пяти, с длинными черными кудрями. Приятное лицо, исполненное какой-то светлой беззаботности, показывало душу, чуждую всех томящих светских потрясений; в наряде его не было никаких притязаний на моду: всё показывало в нем артиста. Это был, точно, художник Б., знаемый лично многими из присутствовавших. „Как ни странны вам покажутся слова мои“, продолжал он, видя устремившееся на себя всеобщее внимание, „но если вы решитесь выслушать небольшую историю, может быть, вы увидите, что я был вправе произнести их. Всё меня уверяет, что портрет есть тот самый, которого я ищу“. Весьма естественное любопытство загорелось почти на лицах всех, и самый аукционист, разинув рот, остановился с поднятым в руке молотком, приготовляясь слушать. В начале рассказа многие обращались невольно глазами к портрету, но потом все вперились в одного рассказчика, по мере того, как рассказ его становился занимательней.

„Вам известна та часть города, которую называют Коломною“. Так он начал. „Тут всё непохоже на другие части Петербурга; тут не столица и не провинция; кажется, слышишь, перейдя в Коломенские улицы, как оставляют тебя всякие молодые желанья и порывы. Сюда не заходит будущее, здесь всё тишина и отставка, всё, что осело от столичного движенья. Сюда переезжают на житье отставные чиновники, вдовы, небогатые люди, имеющие знакомство с сенатом, и потому осудившие себя здесь почти на всю жизнь; выслужившиеся кухарки, толкающиеся целый день на рынках, болтающие вздор с мужиком в мелочной лавочке и забирающие каждый день на 5 копеек кофею да на четыре сахару, и наконец весь тот разряд людей, который можно назвать одним словом: пепельный, людей, которые с своим платьем, лицом, волосами, глазами имеют какую-то мутную, пепельную наружность, как день, когда нет на небе ни бури, ни солнца, а бывает просто ни сё, ни то: сеется туман и отнимает всякую резкость у предметов. Сюда можно причислить отставных театральных капельдинеров, отстав-

ных титулярных советников, отставных питомцев Марса с выколотым глазом и раздутою губою. Эти люди вовсе бесстрастны: идут, ни на что не обращая глаз, молчат, ни о чем не думая. В комнате их не много добра; иногда просто штоф чистой русской водки, которую они однообразно сосут весь день без всякого сильного прилива в голове, возбуждаемого сильным приемом, какой обыкновенно любит задавать себе по воскресным дням молодой немецкий ремесленник, этот удалец Мещанской улицы, один владеющий всем тротуаром, когда время перешло за 12 часов ночи.

Жизнь в Коломне страх уединенна: редко покажется карета, кроме разве той, в которой ездят актеры, которая громом, звоном и бряканьем своим одна смущает всеобщую тишину. Тут всё пешеходы; извозчик весьма часто без седока плетется, таща сено для бородатой лошаденки своей. Квартиру можно сыскать за пять рублей в месяц даже с кофеем поутру. Вдовы, получающие пенсион, тут самые аристократические фамилии; они ведут себя хорошо, метут часто свою комнату, толкуют с приятельницами о дороговизне ґовядины и капусты; при них часто бывает молоденькая дочь, молчаливое, безгласное, иногда миловидное существо, гадкая собачонка и стенные часы с печально постукивающим маятником. Потом следуют актеры, которым жалованье не позволяет выехать из Коломны, народ свободный, как все артисты, живущие для наслажденья. Они, сидя в халатах, чинят пистолет, клеят из картона всякие вещицы, полезные для дома, играют с пришедшим приятелем в шашки и карты, и так проводят утро, делая почти то же ввечеру, с присоединеньем кое-когда пунша. После сих тузов и аристократства Коломны следует необыкновенная дробь и мелочь. Их так же трудно поименовать, как исчислить то множество насекомых, которое зарождается в старом уксусе. Тут есть старухи, которые молятся; старухи, которые пьянствуют; старухи, которые и молятся и пьянствуют вместе; старухи, которые перебиваются непостижимыми средствами, как муравьи таскают с собою старое тряпье и белье от Калинкина мосту до толкучего рынка, с тем,

чтобы продать его там за пятнадцать копеек; словом, часто самый несчастный осадок человечества, которому бы ни один благодетельный политический эконом не нашел средств улучшить состояние. Я для того привел их, чтобы показать вам, как часто этот народ находится в необходимости искать одной только внезапной, временной помощи, прибегать к займам, и тогда поселяются между ними особого рода ростовщики, снабжающие небольшими суммами под заклады и за большие проценты. Эти небольшие ростовщики бывают в несколько раз бесчувственней всяких больших, потому что возникают среди бедности и ярко выказываемых нищенских лохмотьев, которых не видит богатый ростовщик, имеющий дело только с приезжающими в каретах. И потому уже слишком рано умирает в душах их всякое чувство человечества. Между такими ростовщиками был один.... но не мешает вам сказать, что происшествие, о котором я принялся рассказать, относится к прошедшему веку, именно к царствованию покойной государыни Екатерины второй. Вы можете сами понять, что самый вид Коломны и жизнь внутри ее должны были значительно измениться. Итак, между ростовщиками был один — существо во всех отношениях необыкновенное, поселившееся уже давно в сей части города. Он ходил в широком азиатском наряде; темная краска лица указывала на южное его происхождение, но какой именно был он нации: индеец, грек, персиянин, об этом никто не мог сказать наверно. Высокий, почти необыкновенный рост, смуглое, тощее, запаленое лицо и какой-то непостижимо-страшный цвет его, большие, необыкновенного огня глаза, нависшие густые брови отличали его сильно и резко от всех пепельных жителей столицы. Самое жилище его не похоже было на прочие маленькие деревянные домики. Это было каменное строение в роде тех, которых когда-то настроили вдоволь генуэзские купцы, с неправильными, неравной величины окнами, с железными ставнями и засовами. Этот ростовщик отличался от других ростовщиков уже тем, что мог снабдить какою угодно суммою всех, начиная от нищей старухи до расточительного при-

дворного вельможи. Пред домом его показывались часто самые блестящие экипажи, из окон которых иногда глядела голова роскошной светской дамы. Молва по обыкновению разнесла, что железные сундуки его полны без счету денег, драгоценностей, бриллиантов и всяких залогов, но что однакоже он вовсе не имел той корысти, какая свойственна другим ростовщикам. Он давал деньги охотно, распределяя, казалось, весьма выгодно сроки платежей. Но какими-то арифметическими странными выкладками заставлял их восходить до непомерных процентов. Так, по крайней мере, говорила молва. Но что страннее всего и что не могло не поразить многих — это была странная судьба всех тех, которые получали от него деньги: все они оканчивали жизнь несчастным образом. Было ли это просто людское мнение, нелепые суеверные толки, или с умыслом распущенные слухи — это осталось неизвестно. Но несколько примеров, случившихся в непродолжительное время пред глазами всех, были живы и разительны. Из среды тогдашнего аристократства скоро обратил на себя глаза юноша лучшей фамилии, отличившийся уже в молодых летах на государственном поприще, жаркий почитатель всего истинного, возвышенного, ревнитель всего, что породило искусство и ум человека, пророчивший в себе мецената. Скоро он был достойно отличен самой государыней, вверившей ему значительное место, совершенно согласное с собственными его требованиями, место, где он мог много произвести для наук и вообще для добра. Молодой вельможа окружил себя художниками, поэтами, учеными. Ему хотелось всему дать работу, всё поощрить. Он предпринял на собственный счет множество полезных изданий, надавал множество заказов, объявил поощрительные призы, издержал на это кучи денег и, наконец, расстроился. Но, полный великодушного движенья, он не хотел отстать от своего дела, искал везде занять и наконец обратился к известному ростовщику. Сделавши значительный заем у него, этот человек в непродолжительное время изменился совершенно: стал гонителем, преследователем развивающегося ума и таланта. Во

всех сочинениях стал видеть дурную сторону, толковал криво всякое слово. Тогда на-беду случилась французская революция. Это послужило ему вдруг орудием для всех возможных гадостей. Он стал видеть во всем какое-то революционное направление, во всем ему чудились намеки. Он сделался подозрительным до такой степени, что начал наконец подозревать самого себя, стал сочинять ужасные, несправедливые доносы, наделал тьму несчастных. Само собой разумеется, что такие поступки не могли не достигнуть наконец престола. Великодушная государыня ужаснулась и, полная благородства души, украшающего венценосцев, произнесла слова, которые хотя не могли перейти к нам во всей точности, но глубокий смысл их впечатлелся в сердцах многих. Государыня заметила, что не под монархическим правлением угнетаются высокие, благородные движенья души, не там презираются и преследуются творенья ума, поэзии и художеств; что, напротив, одни монархи бывали их покровителями; что Шекспиры, Мольеры процветали под их великодушной защитой, между тем как Дант не мог найти угла в своей республиканской родине; что истинные гении возникают во время блеска и могущества государей и государств, а не во время безобразных политических явлений и терроризмов республиканских, которые доселе не подарили миру ни одного поэта; что нужно отличать поэтов-художников, ибо один только мир и прекрасную тишину низводят они в душу, а не волненье и ропот; что ученые, поэты и все производители искусств суть перлы и бриллианты в императорской короне; ими красуется и получает еще больший блеск эпоха великого государя. Словом, государыня, произнесшая сии слова, была в эту минуту божественно-прекрасна. Я помню, что старики не могли об этом говорить без слез. В деле все приняли участие. К чести нашей народной гордости надобно заметить, что в русском сердце всегда обитает прекрасное чувство взять сторону угнетенного. Обманувший доверенность вельможа был наказан примерно и отставлен от места. Но наказание гораздо ужаснейшее читал он на лицах своих соотечествен-

ников. Это было решительное и всеобщее презрение. Нельзя рассказать, как страдала тщеславная душа; гордость, обманутое честолюбие, разрушившиеся надежды, — всё соединилось вместе, и в припадках страшного безумия и бешенства прервалась его жизнь. — Другой разительный пример произошел тоже в виду всех: из красавиц, которыми не бедна была тогда наша северная столица, одна одержала решительное первенство над всеми. Это было какое-то чудное слиянье нашей северной красоты с красотой полудня, бриллиант, какой попадается на свете редко. Отец мой признавался, что никогда он не видывал во всю жизнь свою ничего подобного. Всё, казалось, в ней соединилось: богатство, ум и душевная прелесть. Искателей была толпа, и в числе их замечательнее всех был князь Р., благороднейший, лучший из всех молодых людей, прекраснейший и лицом и рыцарскими, великодушными порывами, высокий идеал романов и женщин, Грандинсон во всех отношениях. Князь Р. был влюблен страстно и безумно; такая же пламенная любовь была ему ответом. Но родственникам показалась партия неровною. Родовые вотчины князя уже давно ему не принадлежали, фамилия была в опале, и плохое положенье дел его было известно всем. Вдруг князь оставляет на время столицу, будто бы с тем, чтобы поправить свои дела, и, спустя непродолжительное время, является окруженный пышностью и блеском неимоверным. Блистательные балы и праздники делают его известным двору. Отец красавицы становится благосклонным, и в городе разыгрывается интереснейшая свадьба. Откуда произошла такая перемена и неслыханное богатство жениха, этого не мог наверно изъяснить никто; но поговаривали стороною, что он вошел в какие-то условия с непостижимым ростовщиком и сделал у него заем. Как бы то ни было, но свадьба заняла весь город. И жених и невеста были предметом общей зависти. Всем была известна их жаркая, постоянная любовь, долгие томленья, претерпенные с обеих сторон, высокие достоинства обоих. Пламенные женщины начертывали заранее то райское блаженство, которым будут наслаждаться молодые

супруги. Но вышло всё иначе. В один год произошла страшная перемена в муже. Ядом подозрительной ревности, нетерпимостью и неистощимыми капризами отравился дотоле благородный и прекрасный характер. Он стал тираном и мучителем жены своей, и, чего бы никто не мог предвидеть, прибегнул к самым бесчеловечным поступкам, даже побоям. В один год никто не мог узнать той женщины, которая еще недавно блистала и влекла за собою толпы покорных поклонников. Наконец, не в силах будучи выносить долее тяжелой судьбы своей, она первая заговорила о разводе. Муж пришел в бешенство при одной мысли о том. В первом движеньи неистовства ворвался он к ней в комнату с ножем и без сомнения заколол бы ее тут же, если бы его не схватили и не удержали. В порыве исступленья и отчаянья он обратил нож на себя — и в ужаснейших муках окончил жизнь. Кроме сих двух примеров, совершившихся в глазах всего общества, рассказывали множество случившихся в низших классах, которые почти все имели ужасный конец. Там честный, трезвый человек делался пьяницей; там купеческий приказчик обворовал своего хозяина; там извозчик, возивший несколько лет честно, за грош зарезал седока. Нельзя, чтобы такие происшествия, рассказываемые иногда не без прибавлений, не навели род какого-то невольного ужаса на скромных обитателей Коломны. Никто не сомневался о присутствии нечистой силы в этом человеке. Говорили, что он предлагал такие условия, от которых дыбом поднимались волоса и которых никогда потом не посмел несчастный передавать другому; что деньги его имеют притягающее свойство, раскаляются сами собою и носят какие-то странные знаки... словом, много было всяких нелепых толков. И замечательно то, что всё это Коломенское население, весь этот мир бедных старух, мелких чиновников, мелких артистов и, словом, всей мелюзги, которую мы только поименовали, соглашались лучше терпеть и выносить последнюю крайность, нежели обратиться к страшному ростовщику; находили даже умерших от голода старух, которые лучше соглашались умертвить свое тело, нежели

погубить душу. Встречаясь с ним на улице, невольно чувствовали страх. Пешеход осторожно пятился и долго еще озирался после того назад, следя пропадавшую вдали его непомерную высокую фигуру. В одном уже образе было столько необыкновенного, что всякого заставило бы невольно приписать ему сверхъестественное существование. Эти сильные черты, врезанные так глубоко, как не случается у человека; этот горячий бронзовый цвет лица; эта непомерная гущина бровей, невыносимые, страшные глаза, даже самые широкие складки его азиатской одежды, всё, казалось, как будто говорило, что пред страстями, двигавшимися в этом теле, были бледны все страсти других людей. Отец мой всякой раз останавливался неподвижно, когда встречал его, и всякой раз не мог удержаться, чтобы не произнести: дьявол, совершенный дьявол! Но надобно вас поскорее познакомить с моим отцом, который между прочим есть настоящий сюжет этой истории. Отец мой был человек замечательный во многих отношениях. Это был художник, каких мало, одно из тех чуд, которых извергает из непочатого лона своего только одна Русь, художник-самоучка, отыскавший сам в душе своей, без учителей и школы, правила и законы, увлеченный только одною жаждою усовершенствованья и шедший по причинам, можѐт быть, неизвестным ему самому, одною только указанною из души дорогою; одно из тех самородных чуд, которых часто современники честят обидным словом „невежи“ и которые не охлаждаются от охулений и собственных неудач, получают только новые рвенья и силы и уже далеко в душе своей уходят от тех произведений, за которые получили титло невежи. Высоким внутренним инстинктом почуял он присутствие мысли в каждом предмете; постигнул сам собой истинное значение слова: историческая живопись; постигнул, почему простую головку, простой портрет Рафаэля, Леонардо да Винчи, Тициана, Корреджио можно назвать историческою живописью, и почему огромная картина исторического содержания всё-таки будет tableau de genre, несмотря на все притязанья художника на исто-

рическую живопись. И внутреннее чувство, и собственное убеждение обратили кисть его к христианским предметам, высшей и последней ступени высокого. У него не было честолюбия или раздражительности, так неотлучной от характера многих художников. Это был твердый характер, честный, прямой человек, даже грубый, покрытый снаружи несколько черствой корою, не без некоторой гордости в душе, отзывавшийся о людях вместе и снисходительно, и резко. „Что на них глядеть“, обыкновенно говорил он: „ведь я не для них работаю. Не в гостиную понесу я мои картины, их поставят в церковь. Кто поймет меня, поблагодарит, не поймет — всё-таки помолится богу. Светского человека нечего винить, что он не смыслит живописи; зато он смыслит в картах, знает толк в хорошем вине, в лошадях — зачем знать больше барину? Еще, пожалуй, как попробует того да другого, да пойдет умничать, тогда и житья от него не будет! Всякому своё, всякой пусть занимается своим. По мне уж лучше тот человек, который говорит прямо, что он не знает толку, нежели тот, который корчит лицемера, говорит, будто бы знает то, чего не знает, и только гадит да портит.“ Он работал за небольшую плату, то есть, за плату, которая была нужна ему только для поддержанья семейства и для доставленья возможности трудиться. Кроме того он ни в каком случае не отказывался помочь другому и протянуть руку помощи бедному художнику; веровал простой, благочестивой верою предков, и от того, может быть, на изображенных им лицах являлось само собою то высокое выраженье, до которого не могли докопаться блестящие таланты. Наконец, постоянством своего труда и неуклонностью начертанного себе пути он стал даже приобретать уважение со стороны тех, которые честили его невежей и доморощенным самоучкой. Ему давали беспрестанно заказы в церкви, и работа у него не переводилась. Одна из работ заняла его сильно. Не помню уже, в чем именно состоял сюжет ее, знаю только то — на картине нужно было поместить духа тьмы. Долго думал он над тем, какой дать ему образ; ему хоте-

лось осуществить в лице его всё тяжелое, гнетущее человека. При таких размышлениях иногда проносился в голове его образ таинственного ростовщика, и он думал невольно: „Вот бы с кого мне следовало написать дьявола.“ Судите же об его изумлении, когда один раз, работая в своей мастерской, услышал он стук в дверь и вслед затем прямо вошел к нему ужасный ростовщик. Он не мог не почувствовать какой-то внутренней дрожи, которая пробежала невольно по его телу.

„Ты художник?“ сказал он без всяких церемоний моему отцу.

„Художник“, сказал отец в недоуменьи, ожидая, что будет далее.

„Хорошо. Нарисуй с меня портрет. Я, может быть, скоро умру, детей у меня нет; но я не хочу умереть совершенно, я хочу жить. Можешь ли ты нарисовать такой портрет, чтобы был совершенно как живой?“

Отец мой подумал: „чего лучше? он сам просится в дьяволы ко мне на картину.“ Дал слово. Они уговорились во времени и цене, и на другой же день, схвативши палитру и кисти, отец мой уже был у него. Высокий двор, собаки, железные двери и затворы, дугообразные окна, сундуки, покрытые странными коврами и наконец сам необыкновенный хозяин, севший неподвижно перед ним, всё это произвело на него странное впечатление. Окна как нарочно были заставлены и загромождены снизу так, что давали свет только с одной верхушки. „Чорт побери, как теперь хорошо осветилось его лицо!“ сказал он про себя, и принялся жадно писать, как бы опасаясь, чтобы как-нибудь не исчезло счастливое освещенье. „Экая сила!“ повторил он про себя: „если я хотя вполовину изображу его так, как он есть теперь, он убьет всех моих святых и ангелов; они побледнеют пред ним. Какая дьявольская сила! он у меня просто выскочит из полотна, если только хоть немного буду верен натуре. Какие необыкновенные черты!“ повторял он беспрестанно, усугубляя рвенье, и уже видел сам, как стали переходить на полотно некоторые черты.

Но чем более он приближался к ним, тем более чувствовал какое-то тягостное, тревожное чувство, непонятное себе самому. Однакоже, несмотря на то, он положил себе преследовать с буквальною точностью всякую незаметную черту и выраженье. Прежде всего занялся он отделкою глаз. В этих глазах столько было силы, что, казалось, нельзя бы и помыслить передать их точно, как были в натуре. Однакоже, во что бы то ни стало, он решился доискаться в них последней мелкой черты и оттенка, постигнуть их тайну... Но как только начал он входить и углубляться в них кистью, в душе его возродилось такое странное отвращение, такая непонятная тягость, что он должен был на несколько времени бросить кисть и потом приниматься вновь. Наконец уже не мог он более выносить, он чувствовал, что эти глаза вонзались ему в душу и производили в ней тревогу непостижимую. На другой, на третий день это было еще сильнее. Ему сделалось страшно. Он бросил кисть и сказал наотрез, что не может более писать с него. Надобно было видеть, как изменился при этих словах странный ростовщик. Он бросился к нему в ноги и молил кончить портрет, говоря, что от сего зависит судьба его и существование в мире, что уже он тронул своею кистью его живые черты, что если он передаст их верно, жизнь его сверхъестественною силою удержится в портрете, что он чрез то не умрет совершенно, что ему нужно присутствовать в мире. Отец мой почувствовал ужас от таких слов: они ему показались до того странны и страшны, что он бросил и кисти, и палитру, и бросился опрометью вон из комнаты. Мысль о том тревожила его весь день и всю ночь, а поутру он получил от ростовщика портрет, который принесла ему какая-то женщина, единственное существо, бывшее у него в услугах, объявившая тут же, что хозяин не хочет портрета, не дает за него ничего и присылает назад. Ввечеру того же дни узнал он, что ростовщик умер и что собираются уже хоронить его по обрядам его религии. Всё это казалось ему неизъяснимо-странно. А между тем с этого времени оказа-

лась в характере его ощутительная перемена: он чувствовал неспокойное, тревожное состояние, которому сам не мог понять причины, и скоро произвел он такой поступок, которого бы никто не мог от него ожидать: с некоторого времени труды одного из учеников его начали привлекать внимание небольшого круга знатоков и любителей. Отец мой всегда видел в нем талант и оказывал ему за то свое особенное расположение. Вдруг почувствовал он к нему зависть. Всеобщее участие и толки о нем сделались ему невыносимы. Наконец к довершению досады узнает он, что ученику его предложили написать картину для вновь отстроенной богатой церкви. Это его взорвало. „Нет, не дам же молокососу восторжествовать!“ говорил он: „рано, брат, вздумал стариков сажать в грязь! Еще, слава богу, есть у меня силы. Вот мы увидим, кто кого скорее посадит в грязь.“ И прямодушный, честный в душе человек употребил интриги и происки, которыми дотоле всегда гнушался; добился наконец того, что на картину объявлен был конкурс и другие художники могли войти также с своими работами. После чего заперся он в свою комнату и с жаром принялся за кисть. Казалось, все свои силы, всего себя хотел он сюда собрать. И точно, это вышло одно из лучших его произведений. Никто не сомневался, чтобы не за ним осталось первенство. Картины были представлены, и все прочие показались пред нею как ночь пред днем. Как вдруг один из присутствовавших членов, если не ошибаюсь духовная особа, сделал замечание, поразившее всех. „В картине художника точно есть много таланта“, сказал он: „но нет святости в лицах; есть даже, напротив того, что-то демонское в глазах, как будто бы рукою художника водило нечистое чувство.“ Все взглянули и не могли не убедиться в истине сих слов. Отец мой бросился вперед к своей картине, как бы с тем, чтобы поверить самому такое обидное замечание, и с ужасом увидел, что он всем почти фигурам придал глаза ростовщика. Они так глядели демонски-сокрушительно, что он сам невольно вздрогнул. Картина была отвергнута, и он должен был к неописанной

своей досаде услышать, что первенство осталось за его учеником. Невозможно было описать того бешенства, с которым он возвратился домой. Он чуть не прибил мать мою, разогнал детей, переломал кисти и мольберт, схватил со стены портрет ростовщика, потребовал ножа и велел разложить огонь в камине, намереваясь изрезать его в куски и сжечь. На этом движеньи застал его вошедший в комнату приятель, живописец, как и он, весельчак всегда довольный собой, не заносившийся никакими отдаленными желаньями, работавший весело всё, что попадалось и еще веселей того принимавшийся за обед и пирушку.

„Что ты делаешь, что собираешься жечь?“ сказал он и подошел к портрету. „Помилуй, это одно из самых лучших твоих произведений. Это ростовщик, который недавно умер; да, это совершеннейшая вещь. Ты ему просто попал не в бровь, а в самые глаза залез. Так в жизнь никогда не глядели глаза, как они глядят у тебя.“

„А вот я посмотрю, как они будут глядеть в огне,“ сказал отец, сделавши движенье швырнуть его в камин.

„Остановись, ради бога!“ сказал приятель, удержав его: „отдай его уж лучше мне, если он тебе до такой степени колет глаз.“ Отец сначала упорствовал, наконец согласился, и весельчак, чрезвычайно довольный своим приобретением, утащил портрет с собою.

По уходе его отец мой вдруг почувствовал себя спокойнее. Точно как будто бы вместе с портретом свалилась тяжесть с его души. Он сам изумился своему злобному чувству, своей зависти и явной перемене своего характера. Рассмотревши поступок свой, он опечалился душою и не без внутренней скорби произнес: „Нет, это бог наказал меня; картина моя по-делом понесла посрамленье. Она была замышлена с тем, чтобы погубить брата. Демонское чувство зависти водило моею кистью, демонское чувство должно было и отразиться в ней.“ Он немедленно отправился искать бывшего ученика своего, обнял его крепко, просил у него прощенья и старался, сколько мог, загладить пред ним вину свою. Работы его вновь потекли

попрежнему безмятежно; но задумчивость стала показываться чаще на его лице. Он больше молился, чаще бывал молчалив и не выражался так резко о людях; самая грубая наружность его характера как-то умягчилась. Скоро одно обстоятельство еще более потрясло его. Он уже давно не видался с товарищем своим, выпросившим у него портрет. Уже собирался было итти его проведать, как вдруг он сам вошел неожиданно в его комнату. После нескольких слов и вопросов с обеих сторон, он сказал: „Ну, брат, не даром ты хотел сжечь портрет. Чорт его побери, в нем есть что-то странное... Я ведьмам не верю, но воля твоя: в нем сидит нечистая сила...“

„Как?“ сказал отец мой.

„А так, что с тех пор, как повесил я к себе его в комнату, почувствовал тоску такую... точно как будто бы хотел кого-то зарезать. В жизнь мою я не знал, что такое бессонница, а теперь испытал не только бессонницу, но сны такие... я и сам не умею сказать, сны ли это или что другое: точно домовой тебя душит и всё мерещится проклятой старик. Одним словом, не могу рассказать тебе моего состояния. Подобного со мной никогда не бывало. Я бродил как шальной все эти дни: чувствовал какую-то боязнь, неприятное ожиданье чего-то. Чувствую, что не могу сказать никому веселого и искреннего слова; точно как будто возле меня сидит шпион какой-нибудь. И только с тех пор как отдал портрет племяннику, который напросился на него, почувствовал, что с меня вдруг будто какой-то камень свалился с плеч: вдруг почувствовал себя веселым, как видишь. Ну, брат, состряпал ты чорта“.

Во время этого рассказа отец мой слушал его с неразвлекаемым вниманием и, наконец, спросил: „И портрет теперь у твоего племянника?“

„Куды у племянника! не выдержал“, сказал весельчак: „знать, душа самого ростовщика переселилась в него: он выскакивает из рам, расхаживает по комнате, и то, что рассказывает племянник, просто уму непонятно. Я бы принял его за сумасшедшего, если бы отчасти не испытал

сам. Он его продал какому-то собирателю картин, да и тот не вынес его и тоже кому-то сбыл с рук."

Этот рассказ произвел сильное впечатленье на моего отца. Он задумался не в шутку, впал в ипохондрию и наконец совершенно уверился в том, что кисть его послужила дьявольским орудием, что часть жизни ростовщика перешла в самом деле как-нибудь в портрет и тревожит теперь людей, внушая бесовские побуждения, совращая художника с пути, порождая страшные терзанья зависти и проч. и проч. Три случившиеся вслед затем несчастия, три внезапные смерти жены, дочери и малолетного сына почел он небесною казнью себе и решился непременно оставить свет. Как только минуло мне девять лет, он поместил меня в академию художеств и, расплатясь с своими должниками, удалился в одну уединенную обитель, где скоро постригся в монахи. Там, строгостью жизни, неусыпным соблюдением всех монастырских правил, он изумил всю братью. Настоятель монастыря, узнавши об искусстве его кисти, требовал от него написать главный образ в церковь. Но смиренный брат сказал на-отрез, что он недостоин взяться за кисть, что она осквернена, что трудом и великими жертвами он должен прежде очистить свою душу, чтобы удостоиться приступить к такому делу. Его не хотели принуждать. Он сам увеличивал для себя, сколько было возможно, строгость монастырской жизни. Наконец уже и она становилась ему недостаточною и не довольно строгою. Он удалился с благословенья настоятеля в пустынь, чтоб быть совершенно одному. Там из древесных ветвей выстроил он себе келью, питался одними сырыми кореньями, таскал на себе камни с места на место, стоял от восхода до заката солнечного на одном и том же месте с поднятыми к небу руками, читая беспрерывно молитвы. Словом, изыскивал, казалось, все возможные степени терпенья и того непостижимого самоотверженья, которому примеры можно разве найти в одних житиях святых. Таким образом долго, в продолжение нескольких лет, изнурял он свое тело, подкрепляя его в то же время живительною

силою молитвы. Наконец в один день пришел он в обитель и сказал твердо настоятелю: „теперь я готов. Если богу угодно, я совершу свой труд.“ Предмет, взятый им, было рождество Иисуса. Целый год сидел он за ним, не выходя из своей кельи, едва питая себя суровой пищей, молясь беспрестанно. По истечении года картина была готова. Это было точно чудо кисти. Надобно знать, что ни братья, ни настоятель не имели больших сведений в живописи, но все были поражены необыкновенной святостью фигур. Чувство божественного смиренья и кротости в лице пречистой матери, склонившейся над младенцем, глубокий разум в очах божественного младенца, как будто уже что-то прозревающих вдали, торжественное молчанье пораженных божественным чудом царей, повергнувшихся к ногам его, и, наконец, святая, невыразимая тишина, обнимающая всю картину — всё это предстало в такой согласной силе и могуществе красоты, что впечатленье было магическое. Вся братья поверглась на колена пред новым образом, и умиленный настоятель произнес: „Нет, нельзя человеку с помощью одного человеческого искусства произвести такую картину: святая высшая сила водила твоею кистью и благословенье небес почило на труде твоем.“

В это время окончил я свое ученье в академии, получил золотую медаль и вместе с нею радостную надежду на путешествие в Италию — лучшую мечту двадцатилетнего художника. Мне оставалось только проститься с моим отцом, с которым уже 12 лет я расстался. Признаюсь, даже самый образ его давно исчезнул из моей памяти. Я уже несколько наслышался о суровой святости его жизни и заранее воображал встретить черствую наружность отшельника, чуждого всему в мире, кроме своей кельи и молитвы, изнуренного, высохшего от вечного поста и бденья. Но как же я изумился, когда предстал предо мною прекрасный, почти божественный старец! И следов изможденья не было заметно на его лице: оно сияло светлостью небесного веселия. Белая как снег борода и тонкие, почти воздушные волосы такого же серебристого цвета рассыпались

картинно по груди и по складкам его черной рясы и падали до самого вервия, которым опоясывалась его убогая монашеская одежда; но более всего изумительно было для меня услышать из уст его такие слова и мысли об искусстве, которые, признаюсь, я долго буду хранить в душе и желал бы искренно, чтобы всякой мой собрат сделал то же.

„Я ждал тебя, сын мой“, сказал он, когда я подошел к его благословенью. „Тебе предстоит путь, по которому отныне потечет жизнь твоя. Путь твой чист, не совратись с него. У тебя есть талант; талант есть драгоценнейший дар бога — не погуби его. Исследуй, изучай всё, что ни видишь, покори всё кисти, но во всём умей находить внутреннюю мысль и пуще всего старайся постигнуть высокую тайну созданья. Блажен избранник, владеющий ею. Нет ему низкого предмета в природе. В ничтожном художник-создатель так же велик, как и в великом; в презренном у него уже нет презренного, ибо сквозит невидимо сквозь него прекрасная душа создавшего, и презренное уже получило высокое выражение, ибо протекло сквозь чистилище его души. Намек о божественном, небесном рае заключен для человека в искусстве, и потому одному оно уже выше всего. И во сколько раз торжественный покой выше всякого волненья мирского, во сколько раз творенье выше разрушенья; во сколько раз ангел одной только чистой невинностью светлой души своей выше всех несметных сил и гордых страстей сатаны, во столько раз выше всего, что ни есть на свете, высокое созданье искусства. Всё принеси ему в жертву и возлюби его всей страстью, не страстью, дышущей земным вожделением, но тихой небесной страстью; без неё не властен человек возвыситься от земли и не может дать чудных звуков успокоения. Ибо для успокоения и примирения всех нисходит в мир высокое созданье искусства. Оно не может поселить ропота в душе, но звучащей молитвой стремится вечно к богу. Но есть минуты, темные минуты...“ Он остановился, и я заметил, что вдруг омрачился светлый лик его, как будто бы на него набежало какое-то мгновенное облако. „Есть

одно происшествие в моей жизни“, сказал он. „Доныне я не могу понять, что был тот странный образ, с которого я написал изображение. Это было точно какое-то дьявольское явление. Я знаю, свет отвергает существованье дьявола, и потому не буду говорить о нем. Но скажу только, что я с отвращением писал его, я не чувствовал в то время никакой любви к своей работе. Насильно хотел покорить себя и бездушно, заглушив всё, быть верным природе. Это не было созданье искусства, и потому чувства, которые объемлют всех при взгляде на него, суть уже мятежные чувства, тревожные чувства, не чувства художника, ибо художник и в тревоге дышит покоем. Мне говорили, что портрет этот ходит по рукам и рассевает томительные впечатленья, зарождая в художнике чувство зависти, мрачной ненависти к брату, злобную жажду производить гоненья и угнетенья. Да хранит тебя всевышний от сих страстей! Нет их страшнее. Лучше вынести всю горечь возможных гонений, нежели нанести кому-либо одну тень гоненья. Спасай чистоту души своей. Кто заключил в себе талант, тот чище всех должен быть душою. Другому простится многое, но ему не простится. Человеку, который вышел из дому в светлой праздничной одежде, стоит только быть обрызнуту одним пятном грязи из-под колеса, и уже весь народ обступил его и указывает на него пальцем и толкует об его неряшестве, тогда как тот же народ не замечает множества пятен на других проходящих, одетых в буднешние одежды. Ибо на буднешних одеждах не замечаются пятна.“ Он благословил меня и обнял. Никогда в жизни не был я так возвышенно подвигнут. Благоговейно, более нежели с чувством сына, прильнул я к груди его и поцеловал в рассыпавшиеся его серебряные волосы. Слеза блеснула в его глазах. „Исполни, сын мой, одну мою просьбу,“ сказал он мне уже при самом расставаньи. „Может быть, тебе случится увидеть где-нибудь тот портрет, о котором я говорил тебе. Ты его узнаешь вдруг по необыкновенным глазам и неестественному их выражению, — во что бы то ни было, истреби его...“ Вы можете судить сами,

мог ли я не обещать клятвенно исполнить такую просьбу. В продолжение целых пятнадцати лет не случалось мне встретить ничего такого, что бы хотя сколько-нибудь походило на описание, сделанное моим отцом, как вдруг теперь на аукционе...“

Здесь художник, не договорив еще своей речи, обратил глаза на стену с тем, чтобы взглянуть еще раз на портрет. То же самое движение сделала в один миг вся толпа слушавших, ища глазами необыкновенного портрета. Но, к величайшему изумлению, его уже не было на стене. Невнятный говор и шум пробежал по всей толпе, и вслед за тем послышались явственно слова: „украден“. Кто-то успел уже стащить его, воспользовавшись вниманьем слушателей, увлеченных рассказом. И долго все присутствовавшие оставались в недоумении, не зная, действительно ли они видели эти необыкновенные глаза, или это была просто мечта, представшая только на миг глазам их, утружденным долгим рассматриванием старинных картин.

ШИНЕЛЬ

В департаменте... но лучше не называть в каком департаменте. Ничего нет сердитее всякого рода департаментов, полков, канцелярий и, словом, всякого рода должностных сословий. Теперь уже всякой частный человек считает в лице своем оскорбленным всё общество. Говорят, весьма недавно поступила просьба от одного капитана-исправника, не помню какого-то города, в которой он излагает ясно, что гибнут государственные постановления и что священное имя его произносится решительно всуе. А в доказательство приложил к просьбе преогромнейший том какого-то романтического сочинения, где, чрез каждые десять страниц, является капитан-исправник, местами даже совершенно в пьяном виде. Итак, во избежание всяких неприятностей, лучше департамент, о котором идет дело, мы назовем *одним департаментом.* Итак, в *одном департаменте* служил *один чиновник,* чиновник нельзя сказать чтобы очень замечательный, низенького роста, несколько рябоват, несколько рыжеват, несколько даже на-вид подслеповат, с небольшой лысиной на лбу, с морщинами по обеим сторонам щек и цветом лица что̀ называется гемороидальным... Что̀ ж делать! виноват петербургский климат. Что̀ касается до чина (ибо у нас прежде всего нужно объявить чин), то он был то̀, что̀ называют вечный титулярный советник, над которым, как

известно, натрунились и наострились вдоволь разные писатели, имеющие похвальное обыкновенье налегать на тех, которые не могут кусаться. Фамилия чиновника была Башмачкин. Уже по самому имени видно, что она когда-то произошла от башмака; но когда, в какое время и каким образом произошла она от башмака, ничего этого неизвестно. И отец, и дед, и даже шурин и все совершенно Башмачкины ходили в сапогах, переменяя только раза три в год подметки. Имя его было: Акакий Акакиевич. Может быть, читателю оно покажется несколько странным и выисканным, но можно уверить, что его никак не искали, а что сами собою случились такие обстоятельства, что никак нельзя было дать другого имени, и это произошло именно вот как: родился Акакий Акакиевич против ночи, если только не изменяет память, на 23 марта. Покойница матушка, чиновница и очень хорошая женщина, расположилась, как следует, окрестить ребенка. Матушка еще лежала на кровати против дверей, а по правую руку стоял кум, превосходнейший человек, Иван Иванович Ерошкин, служивший столоначальником в сенате, и кума, жена квартального офицера, женщина редких добродетелей, Арина Семеновна Белобрюшкова. Родильнице предоставили на выбор любое из трех, какое она хочет выбрать: Моккия, Соссия, или назвать ребенка во имя мученика Хоздазата. „Нет, подумала покойница, имена-то всё такие.“ Чтобы угодить ей, развернули календарь в другом месте; вышли опять три имени: Трифилий, Дула и Варахасий. „Вот это наказание“, проговорила старуха: „какие всё имена, я право никогда и не слыхивала таких. Пусть бы еще Варадат или Варух, а то Трифилий и Варахасий.“ Еще переворотили страницу — вышли: Павсикахий и Вахтисий. „Ну, уж я вижу“, сказала старуха: „что, видно, его такая судьба. Уж если так, пусть лучше будет он называться как и отец его. Отец был Акакий, так пусть и сын будет Акакий.“ Таким образом и произошел Акакий Акакиевич. Ребенка окрестили; при чем он заплакал и сделал такую гримасу, как будто бы предчувствовал, что будет титулярный советник. Итак, вот каким образом

произошло всё это. Мы привели потому это, чтобы читатель мог сам видеть, что это случилось совершенно по необходимости и другого имени дать было никак невозможно. Когда и в какое время он поступил в департамент и кто определил его, этого никто не мог припомнить. Сколько ни переменялось директоров и всяких начальников, его видели всё на одном и том же месте, в том же положении, в той же самой должности, тем же чиновником для письма; так что потом уверились, что он, видно, так и родился на свет уже совершенно готовым, в вицмундире и с лысиной на голове. В департаменте не оказывалось к нему никакого уважения. Сторожа́ не только не вставали с мест, когда он проходил, но даже не глядели на него, как будто бы через приемную пролетела простая муха. Начальники поступали с ним как-то холодно-деспотически. Какой-нибудь помощник столоначальника прямо совал ему под нос бумаги, не сказав даже: „перепишите“, или: „вот интересное, хорошенькое дельце“, или что-нибудь приятное, как употребляется в благовоспитанных службах. И он брал, посмотрев только на бумагу, не глядя кто ему подложил и имел ли на то право. Он брал, и тут же пристраивался писать ее. Молодые чиновники подсмеивались и острились над ним, во сколько хватало канцелярского остроумия, рассказывали тут же пред ним разные составленные про него истории, про его хозяйку, семидесятилетнюю старуху, говорили, что она бьет его, спрашивали, когда будет их свадьба, сыпали на голову ему бумажки, называя это снегом. Но ни одного слова не отвечал на это Акакий Акакиевич, как будто бы никого и не было перед ним; это не имело даже влияния на занятия его: среди всех этих докук он не делал ни одной ошибки в письме. Только если уж слишком была невыносима шутка, когда толкали его под руку, мешая заниматься своим делом, он произносил: „оставьте меня, зачем вы меня обижаете?“ И что-то странное заключалось в словах и в голосе, с каким они были произнесены. В нем слышалось что-то такое преклоняющее на жалость, что один молодой человек, недавно определившийся, который, по примеру других, позволил-

было себе посмеяться над ним, вдруг остановился как будто пронзенный, и с тех пор как будто всё переменилось перед ним и показалось в другом виде. Какая-то неестественная сила оттолкнула его от товарищей, с которыми он познакомился, приняв их за приличных, светских людей. И долго потом, среди самых веселых минут, представлялся ему низенький чиновник с лысинкою на лбу, с своими проникающими словами: „оставьте меня, зачем вы меня обижаете“ — и в этих проникающих словах звенели другие слова: „я брат твой.“ И закрывал себя рукою бедный молодой человек, и много раз содрогался он потом на веку своем, видя, как много в человеке бесчеловечья, как много скрыто свирепой грубости в утонченной, образованной светскости, и, боже! даже в том человеке, которого свет признает благородным и честным.

Вряд ли где можно было найти человека, который так жил бы в своей должности. Мало сказать: он служил ревностно, нет, он служил с любовью. Там, в этом переписываньи, ему виделся какой-то свой разнообразный и приятный мир. Наслаждение выражалось на лице его; некоторые буквы у него были фавориты, до которых если он добирался, то был сам не свой: и подсмеивался, и подмигивал, и помогал губами, так что в лице его, казалось, можно было прочесть всякую букву, которую выводило перо его. Если бы соразмерно его рвению давали ему награды, он, к изумлению своему, может быть, даже попал бы в статские советники; но выслужил он, как выражались остряки, его товарищи, пряжку в петлицу, да нажил геморой в поясницу. Впрочем нельзя сказать, чтобы не было к нему никакого внимания. Один директор, будучи добрый человек и желая вознаградить его за долгую службу, приказал дать ему что-нибудь поважнее, чем обыкновенное переписыванье; именно из готового уже дела велено было ему сделать какое-то отношение в другое присутственное место; дело состояло только в том, чтобы переменить заглавный титул, да переменить кое-где глаголы из первого лица в третье. Это задало ему такую работу, что он вспотел совершенно, тер лоб и нако-

нец сказал: „нет, лучше дайте я перепишу что-нибудь.“ С тех пор оставили его навсегда переписывать. Вне этого переписыванья, казалось, для него ничего не существовало. Он не думал вовсе о своем платье: вицмундир у него был не зеленый, а какого-то рыжевато-мучного цвета. Воротничек на нем был узинькой, низенькой, так что шея его, несмотря на то, что не была длинна, выходя из воротника, казалась необыкновенно длинною, как у тех гипсовых котенков, болтающих головами, которых носят на головах целыми десятками русские иностранцы. И всегда что-нибудь да прилипало к его вицмундиру: или сенца кусочек, или какая-нибудь ниточка; к тому же он имел особенное искусство, ходя по улице, поспевать под окно именно в то самое время, когда из него выбрасывали всякую дрянь, и оттого вечно уносил на своей шляпе арбузные и дынные корки и тому подобный вздор. Ни один раз в жизни не обратил он внимания на тò, чтò делается и происходит всякой день на улице, на чтò, как известно, всегда посмотрит его же брат, молодой чиновник, простирающий до того проницательность своего бойкого взгляда, что заметит даже, у кого на другой стороне тротуара отпоролась внизу панталон стремешка, — чтò вызывает всегда лукавую усмешку на лице его.

Но Акакий Акакиевич если и глядел на чтò, то видел на всем свои чистые, ровным почерком выписанные строки, и только разве если, неизвестно откуда взявшись, лошадиная морда помещалась ему на плечо и напускала ноздрями целый ветер в щеку, тогда только замечал он, что он не на середине строки, а скорее на средине улицы. Приходя домой, он садился тот же час за стол, хлебал наскоро свои щи и ел кусок говядины с луком, вовсе не замечая их вкуса, ел всё это с мухами и со всем тем, чтò ни посылал бог на ту пору. Заметивши, что желудок начинал пучиться, вставал из-за стола, вынимал баночку с чернилами и переписывал бумаги, принесенные на дом. Если же таких не случалось, он снимал нарочно, для собственного удовольствия, копию для себя, особенно, если бумага

была замечательна не по красоте слога, но по адресу к какому-нибудь новому или важному лицу.

Даже в те часы, когда совершенно потухает петербургское серое небо и весь чиновный народ наелся и отобедал, кто как мог, сообразно с получаемым жалованьем и собственной прихотью, — когда всё уже отдохнуло после департаментского скрипенья перьями, беготни, своих и чужих необходимых занятий и всего того, что̀ задает себе добровольно, больше даже чем нужно, неугомонный человек, — когда чиновники спешат предать наслаждению оставшееся время: кто побойчее, несется в театр; кто на улицу, определяя его на рассматриванье кое-каких шляпенок; кто на вечер истратить его в комплиментах какой-нибудь смазливой девушке, звезде небольшого чиновного круга; кто, и это случается чаще всего, идет, просто, к своему брату в четвертый или третий этаж, в две небольшие комнаты с передней или кухней и кое-какими модными претензиями, лампой или иной вещицей, стоившей многих пожертвований, отказов от обедов, гуляний; словом, даже в то время, когда все чиновники рассеиваются по маленьким квартиркам своих приятелей поиграть в штурмовой вист, прихлебывая чай из стаканов с копеечными сухарями, затягиваясь дымом из длинных чубуков, рассказывая во время сдачи какую-нибудь сплетню, занесшуюся из высшего общества, от которого никогда и ни в каком состоянии не может отказаться русской человек, или даже, когда не о чем говорить, пересказывая вечный анекдот о коменданте, которому пришли сказать, что подрублен хвост у лошади Фальконетова монумента, — словом, даже тогда, когда всё стремится развлечься, Акакий Акакиевич не предавался никакому развлечению. Никто не мог сказать, чтобы когда-нибудь видел его на каком-нибудь вечере. Написавшись в-сласть, он ложился спать, улыбаясь заранее при мысли о завтрашнем дне: что-то бог пошлет переписывать завтра. Так протекала мирная жизнь человека, который с четырьмя стами жалованья умел быть довольным своим жребием, и дотекла бы, может быть, до глубокой старости, если бы не было разных бед-

ствий, рассыпанных на жизненной дороге не только титулярным, но даже тайным, действительным, надворным и всяким советникам, даже и тем, которые не дают никому советов, ни от кого не берут их сами.

Есть в Петербурге сильный враг всех, получающих четыреста рублей в год жалованья, или около того. Враг этот не кто другой, как наш северный мороз, хотя впрочем и говорят, что он очень здоров. В девятом часу утра, именно в тот час, когда улицы покрываются идущими в департамент, начинает он давать такие сильные и колючие щелчки без разбору по всем носам, что бедные чиновники решительно не знают, куда девать их. В это время, когда даже у занимающих высшие должности болит от морозу лоб, и слезы выступают в глазах, бедные титулярные советники иногда бывают беззащитны. Всё спасение состоит в том, чтобы в тощенькой шинелишке перебежать как можно скорее пять-шесть улиц и потом натопаться хорошенько ногами в швейцарской, пока не оттают таким образом все замерзнувшие на дороге способности и дарованья к должностным отправлениям. Акакий Акакиевич с некоторого времени начал чувствовать, что его как-то особенно сильно стало пропекать в спину и плечо, несмотря на то, что он старался перебежать как можно скорее законное пространство. Он подумал, наконец, не заключается ли каких грехов в его шинели. Рассмотрев ее хорошенько у себя дома, он открыл, что в двух, трех местах, именно на спине и на плечах она сделалась точная серпянка: сукно до того истерлось, что сквозило, и подкладка расползлась. Надобно знать, что шинель Акакия Акакиевича служила тоже предметом насмешек чиновникам; от нее отнимали даже благородное имя шинели и называли ее капотом. В самом деле она имела какое-то странное устройство: воротник ее уменьшался с каждым годом более и более, ибо служил на подтачивание других частей ее. Подтачиванье не показывало искусства портного и выходило точно мешковато и некрасиво. Увидевши в чем дело, Акакий Акакиевич решил, что шинель нужно будет снести к Петровичу, портному, жившему

где-то в четвертом этаже по черной лестнице, который, несмотря на свой кривой глаз и рябизну по всему лицу, занимался довольно удачно починкой чиновничьих и всяких других панталон и фраков, разумеется, когда бывал в трезвом состоянии и не питал в голове какого-нибудь другого предприятия. Об этом портном, конечно, не следовало бы много говорить, но так как уже заведено, чтобы в повести характер всякого лица был совершенно означен, то нечего делать, подавайте нам и Петровича сюда. Сначала он назывался просто Григорий и был крепостным человеком у какого-то барина; Петровичем он начал называться с тех пор, как получил отпускную и стал попивать довольно сильно по всяким праздникам, сначала по большим, а потом, без разбору, по всем церковным, где только стоял в календаре крестик. С этой стороны он был верен дедовским обычаям и, споря с женой, называл ее мирскою женщиной и немкой. Так как мы уже заикнулись про жену, то нужно будет и о ней сказать слова два; но, к сожалению, о ней немного было известно, разве только то, что у Петровича есть жена, носит даже чепчик, а не платок; но красотою, как кажется, она не могла похвастаться; по крайней мере, при встрече с нею, одни только гвардейские солдаты заглядывали ей под чепчик, моргнувши усом и испустивши какой-то особый голос.

Взбираясь по лестнице, ведшей к Петровичу, которая, надобно отдать справедливость, была вся умащена водой, помоями и проникнута насквозь тем спиртуозным запахом, который ест глаза и, как известно, присутствует неотлучно на всех черных лестницах петербургских домов, — взбираясь по лестнице, Акакий Акакиевич уже подумывал о том, сколько запросит Петрович и мысленно положил не давать больше двух рублей. Дверь была отворена, потому что хозяйка, готовя какую-то рыбу, напустила столько дыму в кухне, что нельзя было видеть даже и самых тараканов. Акакий Акакиевич прошел через кухню, не замеченный даже самою хозяйкою, и вступил наконец в комнату, где увидел Петровича, сидевшего на широком деревянном некрашенном столе

и подвернувшего под себя ноги свои как турецкий паша. Ноги, по обычаю портных, сидящих за работою, были нагишом. И прежде всего бросился в глаза большой палец, очень известный Акакию Акакиевичу, с каким-то изуродованным ногтем, толстым и крепким, как у черепахи череп. На шее у Петровича висел моток шелку и ниток, а на коленях была какая-то ветошь. Он уже минуты с три продевал нитку в иглиное ухо, не попадал, и потому очень сердился на темноту и даже на самую нитку, ворча вполголоса: „не лезет, ва́рварка; уела ты меня, шельма этакая!“ Акакию Акакиевичу было неприятно, что он пришел именно в ту минуту, когда Петрович сердился: он любил что-либо заказывать Петровичу тогда, когда последний был уже несколько под куражем или, как выражалась жена его: осадился сивухой, одноглазый чорт. В таком состоянии Петрович обыкновенно очень охотно уступал и соглашался, всякой раз даже кланялся и благодарил. Потом, правда, приходила жена, плачась, что муж-де был пьян и потому дешево взялся; но гривенник, бывало, один прибавишь, и дело в шляпе. Теперь же Петрович был, казалось, в трезвом состоянии, а потому крут, несговорчив и охотник заламливать чорт знает какие цены. Акакий Акакиевич смекнул это и хотел было уже, как говорится, на попятный двор, но уж дело было начато. Петрович прищурил на него очень пристально свой единственный глаз и Акакий Акакиевич невольно выговорил: „Здравствуй, Петрович!“ „Здравствовать желаю, судырь“, сказал Петрович и покосил свой глаз на руки Акакия Акакиевича, желая высмотреть, какого рода добычу тот нес.

„А я вот к тебе, Петрович, того...“ Нужно знать, что Акакий Акакиевич изъяснялся большею частью предлогами, наречиями и, наконец, такими частицами, которые решительно не имеют никакого значения. Если же дело было очень затруднительно, то он даже имел обыкновение совсем не оканчивать фразы, так что весьма часто начавши речь словами: „это право совершенно того...“, а потом уже и ничего не было, и сам он позабывал, думая, что всё уже выговорил.

„Что̀ ж такое?“ — сказал Петрович, и обсмотрел в то же время своим единственным глазом весь вицмундир его, начиная с воротника до рукавов, спинки, фалд и петлей, что̀ всё было ему очень знакомо, потому что было собственной его работы. Таков уж обычай у портных; это первое, что он сделает при встрече.

„А я вот того, Петрович... шинель-то, сукно... вот видишь, везде в других местах совсем крепкое, оно немножко запылилось, и кажется, как будто старое, а оно новое, да вот только в одном месте немного того... на спине, да еще вот на плече одном немного попротерлось, да вот на этом плече немножко — видишь, вот и всё. И работы немного...“

Петрович взял капот, разложил его сначала на стол, рассматривал долго, покачал головою и полез рукою на окно за круглой табакеркой с портретом какого-то генерала, какого именно, неизвестно, потому что место, где находилось лицо, было проткнуто пальцем, и потом заклеено четвероугольным лоскуточком бумажки. Понюхав табаку, Петрович растопырил капот на руках и рассмотрел его против света и опять покачал головою. Потом обратил его подкладкой вверх и вновь покачал, вновь снял крышку с генералом, заклеенным бумажкой, и натащивши в нос табаку, закрыл, спрятал табакерку и наконец сказал:

„Нет, нельзя поправить: худой гардероб!“

У Акакия Акакиевича при этих словах ёкнуло сердце. „Отчего же нельзя, Петрович?“ сказал он почти умоляющим голосом ребенка: „ведь только всего что на плечах поистерлось, ведь у тебя есть же какие-нибудь кусочки...“

„Да кусочки-то можно найти, кусочки найдутся“, сказал Петрович: „да нашить-то нельзя: дело совсем гнилое, тронешь иглой — а вот уж оно и ползет.“

„Пусть ползет, а ты тотчас заплаточку.“

„Да заплаточки не на чем положить, укрепиться ей не́ за что, подержка больно велика. Только слава что сукно, а подуй ветер, так разлетится.“

„Ну да уж прикрепи. Как же этак право того!..“

„Нет“, сказал Петрович решительно: „ничего нельзя сделать. Дело совсем плохое. Уж вы лучше, как придет зимнее холодное время, наделайте из нее себе онучек, потому что чулок не греет. Это немцы выдумали, чтобы побольше себе денег забирать (Петрович любил при случае кольнуть немцев); а шинель уж видно вам придется новую делать.“

При слове „новую“ у Акакия Акакиевича затуманило в глазах, и всё, что̀ ни было в комнате, так и пошло пред ним путаться. Он видел ясно одного только генерала с заклеенным бумажкой лицом, находившегося на крышке Петровичевой табакерки. „Как же новую?“ сказал он, всё еще как будто находясь во сне: „ведь у меня и денег на это нет.“

„Да, новую“, сказал с варварским спокойствием Петрович.

„Ну, а если бы пришлось новую, как бы она того...“

„То есть, что будет стоить?“

„Да.“

„Да три полсотни слишком надо будет приложить“, сказал Петрович и сжал при этом значительно губы. Он очень любил сильные эффекты, любил вдруг как-нибудь озадачить совершенно и потом поглядеть искоса, какую озадаченный сделает рожу после таких слов.

„Полтораста рублей за шинель!“, вскрикнул бедный Акакий Акакиевич, вскрикнул, может быть, в первый раз от-роду, ибо отличался всегда тихостью голоса.

„Да-с“, сказал Петрович: „да еще какова шинель. Если положить на воротник куницу, да пустить капишон на шелковой подкладке, так и в двести войдет.“

„Петрович, пожалуйста“, говорил Акакий Акакиевич умоляющим голосом, не слыша и не стараясь слышать сказанных Петровичем слов и всех его эффектов: „как-нибудь поправь, чтобы хоть сколько-нибудь еще послужила.“

„Да нет, это выйдет: и работу убивать и деньги попусту тратить“, сказал Петрович, и Акакий Акакиевич после таких слов вышел совершенно уничтоженный. А Петрович, по уходе его, долго еще стоял, значительно сжавши

губы и не принимаясь за работу, будучи доволен, что и себя не уронил, да и портного искусства тоже не выдал.

Вышед на улицу, Акакий Акакиевич был как во сне. „Этаково-то дело этакое“ говорил он сам себе: „я право и не думал, чтобы оно вышло того...“ а потом, после некоторого молчания, прибавил: „так вот как! наконец вот что̀ вышло, а я право совсем и предполагать не мог, чтобы оно было этак.“ За сим последовало опять долгое молчание, после которого он произнес: „так этак-то! вот какое уж точно никак неожиданное, того... этого бы никак... этакое-то обстоятельство!“ Сказавши это, он вместо того, чтобы итти домой, пошел совершенно в противную сторону, сам того не подозревая. Дорогою задел его всем нечистым своим боком трубочист и вычернил всё плечо ему; целая шапка извести высыпалась на него с верхушки строившегося дома. Он ничего этого не заметил, и потом уже, когда натолкнулся на будочника, который, поставя около себя свою алебарду, натряхивал из рожка на мозолистый кулак табаку, тогда только немного очнулся, и то потому, что будочник сказал: „чего лезешь в самое рыло, разве нет тебе трухтуара?“ Это заставило его оглянуться и поворотить домой. Здесь только он начал собирать мысли, увидел в ясном и настоящем виде свое положение, стал разговаривать с собою уже не отрывисто, но рассудительно и откровенно, как с благоразумным приятелем, с которым можно поговорить о деле самом сердечном и близком. „Ну нет“, сказал Акакий Акакиевич: „теперь с Петровичем нельзя толковать: он теперь того... жена, видно, как-нибудь поколотила его. А вот я лучше приду к нему в воскресный день утром: он после канунешной субботы будет косить глазом и заспавшись, так ему нужно будет опохмелиться, а жена денег не даст, а в это время я ему гривенничек и того, в руку, он и будет сговорчивее и шинель тогда и того...“ Так рассудил сам с собою Акакий Акакиевич, ободрил себя и дождался первого воскресенья, и увидев издали, что жена Петровича куда-то выходила из дому, он прямо к нему. Петрович точно после субботы

сильно косил глазом, голову держал к полу и был совсем заспавшись; но при всем том, как только узнал, в чем дело, точно как будто его чорт толкнул. „Нельзя“, сказал: „извольте заказать новую.“ Акакий Акакиевич тут-то и всунул ему гривенничек. „Благодарствую, судырь, подкреплюсь маленечко за ваше здоровье“, сказал Петрович: „а уж об шинели не извольте беспокоиться: она ни на какую годность не годится. Новую шинель уж я вам сошью на славу, уж на этом постоим.“

Акакий Акакиевич еще-было насчет починки, но Петрович не дослышал и сказал: „уж новую я вам сошью беспременно, в этом извольте положиться, старание приложим. Можно будет даже так, как пошла мода, воротник будет застегиваться на серебряные лапки под аплике.“

Тут-то увидел Акакий Акакиевич, что без новой шинели нельзя обойтись, и поник совершенно духом. Как же в самом деле, на что̀, на какие деньги ее сделать? Конечно, можно бы отчасти положиться на будущее награждение к празднику, но эти деньги давно уже размещены и распределены вперед. Требовалось завести новые панталоны, заплатить сапожнику старый долг за приставку новых головок к старым голенищам, да следовало заказать швее три рубахи, да штуки две то́го белья, которое неприлично называть в печатном слоге, словом: все деньги совершенно должны были разойтися, и если бы даже директор был так милостив, что, вместо сорока рублей наградных, определил бы сорок пять или пятьдесят, то всё-таки останется какой-нибудь самый вздор, который в шинельном капитале будет капля в море. Хотя конечно он знал, что за Петровичем водилась блажь заломить вдруг чорт знает какую непомерную цену, так что уж, бывало, сама жена не могла удержаться, чтобы не вскрикнуть: „что ты, с ума сходишь, дурак такой! В другой раз ни за что возьмет работать, а теперь разнесла его нелегкая запросить такую цену, какой и сам не стоит.“ Хотя, конечно, он знал, что Петрович и за восемьдесят рублей возьмется сделать; однако всё же, откуда взять эти восемьдесят рублей? Еще

половину можно бы найти: половина бы отыскалась; может быть, даже немножко и больше; но где взять другую половину?.. Но прежде читателю должно узнать, где взялась первая половина. Акакий Акакиевич имел обыкновение со всякого истрачиваемого рубля откладывать по грошу в небольшой ящичек, запертый на ключ, с прорезанною в крышке дырочкой для бросания туда денег. По истечении всякого полугода, он ревизовал накопившуюся медную сумму и заменял ее мелким серебром. Так продолжал он с давних пор, и таким образом в продолжение нескольких лет оказалось накопившейся суммы более, чем на сорок рублей. Итак половина была в руках; но где же взять другую половину? Где взять другие сорок рублей? Акакий Акакиевич думал, думал и решил, что нужно будет уменьшить обыкновенные издержки, хотя по крайней мере в продолжение одного года: изгнать употребление чаю по вечерам, не зажигать по вечерам свечи, а если что̀ понадобится делать, итти в комнату к хозяйке и работать при ее свечке; ходя по улицам, ступать как можно легче и осторожнее по камням и плитам, почти на цыпочках, чтобы таким образом не истереть скоровременно подметок; как можно реже отдавать прачке мыть белье, а чтобы не занашивалось, то всякой раз, приходя домой, скидать его и оставаться в одном только демикотоновом халате, очень давнем и щадимом даже самым временем. Надобно сказать правду, что сначала ему было несколько трудно привыкать к таким ограничениям, но потом как-то привыклось и пошло на-лад; даже он совершенно приучился голодать по вечерам; но зато он питался духовно, нося в мыслях своих вечную идею будущей шинели. С этих пор как будто самое существование его сделалось как-то полнее, как будто бы он женился, как будто какой-то другой человек присутствовал с ним, как будто он был не один, а какая-то приятная подруга жизни согласилась с ним проходить вместе жизненную дорогу,— и подруга эта была не кто другая, как та же шинель на толстой вате, на крепкой подкладке без износу. Он сделался как-то живее, даже тверже характе-

ром, как человек, который уже определил и поставил себе цель. С лица и с поступков его исчезло само собою сомнение, нерешительность, словом все колеблющиеся и неопределенные черты. Огонь порою показывался в глазах его, в голове даже мелькали самые дерзкие и отважные мысли: не положить ли точно куницу на воротник. Размышления об этом чуть не навели на него рассеянности. Один раз, переписывая бумагу, он чуть-было даже не сделал ошибки, так что почти вслух вскрикнул: „ух!“ и перекрестился. В продолжение каждого месяца он, хотя один раз, наведывался к Петровичу, чтобы поговорить о шинели, где лучше купить сукна, и какого цвета, и в какую цену, и хотя несколько озабоченный, но всегда довольный возвращался домой, помышляя, что наконец придет же время, когда всё это купится и когда шинель будет сделана. Дело пошло даже скорее, чем он ожидал. Противу всякого чаяния, директор назначил Акакию Акакиевичу не сорок или сорок пять, а целых шестьдесят рублей: уж предчувствовал ли он, что Акакию Акакиевичу нужна шинель или само собой так случилось, но только у него чрез это очутилось лишних двадцать рублей. Это обстоятельство ускорило ход дела. Еще каких-нибудь два-три месяца небольшого голодания — и у Акакия Акакиевича набралось точно около восьмидесяти рублей. Сердце его, вообще весьма покойное, начало биться. В первый же день он отправился вместе с Петровичем в лавки. Купили сукна очень хорошего — и не мудрено, потому что об этом думали еще за полгода прежде и редкой месяц не заходили в лавки применяться к ценам; зато сам Петрович сказал, что лучше сукна и не бывает. На подкладку выбрали коленкору, но такого добротного и плотного, который, по словам Петровича, был еще лучше шелку и даже на вид казистей и глянцевитей. Куницы не купили, потому что была точно дорога, а вместо ее выбрали кошку лучшую, какая только нашлась в лавке, кошку, которую издали можно было всегда принять за куницу. Петрович провозился за шинелью всего две недели, потому что много было стеганья, а

иначе она была бы готова раньше. За работу Петрович взял двенадцать рублей—меньше никак нельзя было: всё было решительно шито на шелку, двойным мелким швом, и по всякому шву Петрович потом проходил собственными зубами, вытесняя ими разные фигуры. Это было... трудно сказать в который именно день, но, вероятно, в день самый торжественнейший в жизни Акакия Акакиевича, когда Петрович принес наконец шинель. Он принес ее поутру, перед самым тем временем, как нужно было итти в департамент. Никогда бы в другое время не пришлась так кстати шинель, потому что начинались уже довольно крепкие морозы и, казалось, грозили еще более усилиться. Петрович явился с шинелью, как следует хорошему портному. В лице его показалось выражение такое значительное, какого Акакий Акакиевич никогда еще не видал. Казалось, он чувствовал в полной мере, что сделал немалое дело и что вдруг показал в себе бездну, разделяющую портных, которые подставляют только подкладки и переправляют, от тех, которые шьют за-ново. Он вынул шинель из носового платка, в котором ее принес; платок был только что от прачки; он уже потом свернул его и положил в карман для употребления. Вынувши шинель, он весьма гордо посмотрел и, держа в обеих руках, набросил весьма ловко на плеча Акакию Акакиевичу; потом потянул и осадил ее сзади рукой книзу; потом драпировал ею Акакия Акакиевича несколько на-распашку. Акакий Акакиевич, как человек в летах, хотел попробовать в рукава; Петрович помог надеть и в рукава — вышло, что и в рукава была хороша. Словом, оказалось, что шинель была совершенно и как-раз в пору. Петрович не упустил при сем случае сказать, что он так только, потому, что живет без вывески на небольшой улице и притом давно знает Акакия Акакиевича, потому взял так дешево; а на Невском проспекте с него бы взяли за одну только работу семьдесят пять рублей. Акакий Акакиевич об этом не хотел рассуждать с Петровичем, да и боялся всех сильных сумм, какими Петрович любил запускать пыль. Он рас-

платился с ним, поблагодарил и вышел тут же в новой шинели в департамент. Петрович вышел вслед за ним и, оставаясь на улице, долго еще смотрел издали на шинель, и потом пошел нарочно в сторону, чтобы, обогнувши кривым переулком, забежать вновь на улицу и посмотреть еще раз на свою шинель с другой стороны, то есть прямо в лицо. Между тем, Акакий Акакиевич шел в самом праздничном расположении всех чувств. Он чувствовал всякой миг минуты, что на плечах его новая шинель, и несколько раз даже усмехнулся от внутреннего удовольствия. В самом деле две выгоды: одно то̀, что тепло, а другое, что хорошо. Дороги он не приметил вовсе и очутился вдруг в департаменте; в швейцарской он скинул шинель, осмотрел ее кругом и поручил в особенный надзор швейцару. Неизвестно, каким образом в департаменте все вдруг узнали, что у Акакия Акакиевича новая шинель и что уже капота более не существует. Все в ту же минуту выбежали в швейцарскую смотреть новую шинель Акакия Акакиевича. Начали поздравлять его, приветствовать, так что тот сначала только улыбался, а потом сделалось ему даже стыдно. Когда же все, приступив к нему, стали говорить, что нужно вспрыснуть новую шинель, и что по крайней мере он должен задать им всем вечер, Акакий Акакиевич потерялся совершенно, не знал как ему быть, что̀ такое отвечать и как отговориться. Он уже минут через несколько, весь закрасневшись, начал-было уверять довольно простодушно, что это совсем не новая шинель, что это так, что это старая шинель. Наконец один из чиновников, какой-то даже помощник столоначальника, вероятно, для того, чтобы показать, что он ничуть не гордец и знается даже с низшими себя, сказал: „так и быть, я вместо Акакия Акакиевича даю вечер и прошу ко мне сегодня на чай: я же, как нарочно, сегодня именинник.“ Чиновники, натурально, тут же поздравили помощника столоначальника и приняли с охотою предложение. Акакий Акакиевич начал-было отговариваться, но все стали говорить, что неучтиво, что просто стыд и срам, и он уж никак не мог отказаться.

Впрочем, ему потом сделалось приятно, когда вспомнил, что он будет иметь чрез тò случай пройтись даже и ввечеру в новой шинели. Этот весь день был для Акакия Акакиевича точно самый большой торжественный праздник. Он возвратился домой в самом счастливом расположении духа, скинул шинель и повесил ее бережно на стене, налюбовавшись еще раз сукном и подкладкой, и потом нарочно вытащил, для сравненья, прежний капот свой, совершенно расползшийся. Он взглянул на него, и сам даже засмеялся: такая была далекая разница! И долго еще потом за обедом он всё усмехался, как только приходило ему на ум положение, в котором находился капот. Пообедал он весело и после обеда уж ничего не писал, никаких бумаг, а так немножко посибаритствовал на постели, пока не потемнело. Потом, не затягивая дела, оделся, надел на плеча шинель и вышел на улицу. Где именно жил пригласивший чиновник, к сожалению, не можем сказать: память начинает нам сильно изменять, и всё, чтò ни есть в Петербурге, все улицы и домы слились и смешались так в голове, что весьма трудно достать оттуда что-нибудь в порядочном виде. Как бы то ни было, но верно по крайней мере то, что чиновник жил в лучшей части города, стало быть, очень не близко от Акакия Акакиевича. Сначала надо было Акакию Акакиевичу пройти кое-какие пустынные улицы с тощим освещением, но по мере приближения к квартире чиновника, улицы становились живее, населенней и сильнее освещены. Пешеходы стали мелькать чаще, начали попадаться и дамы красиво одетые, на мужчинах попадались бобровые воротники, реже встречались ваньки с деревянными решетчатыми своими санками, утыканными позолоченными гвоздочками — напротив, всё попадались лихачи в малиновых бархатных шапках, с лакированными санками, с медвежьими одеялами, и пролетали улицу, визжа колесами по снегу, кареты с убранными козлами. Акакий Акакиевич глядел на всё это, как на новость. Он уже несколько лет не выходил по вечерам на улицу. Остановился с любопытством перед освещенным окошком мага-

зина посмотреть на картину, где изображена была какая-то красивая женщина, которая скидала с себя башмак, обнаживши таким образом всю ногу очень недурную; а за спиной ее, из дверей другой комнаты, выставил голову какой-то мужчина с бакенбардами и красивой испаньолкой под губой. Акакий Акакиевич покачнул головой и усмехнулся, и потом пошел своею дорогою. Почему он усмехнулся, потому ли, что встретил вещь вовсе незнакомую, но о которой однакоже всё-таки у каждого сохраняется какое-то чутье, или подумал он, подобно многим другим чиновникам, следующее: „ну уж эти французы! что и говорить, уж ежели захотят что-нибудь того, так уж точно того...“ А может быть, даже и этого не подумал—ведь нельзя же залезть в душу человеку и узнать всё, что̀ он ни думает. Наконец достигнул он дома, в котором квартировал помощник столоначальника. Помощник столоначальника жил на большую ногу: на лестнице светил фонарь, квартира была во втором этаже. Вошедши в переднюю, Акакий Акакиевич увидел на полу целые ряды калош. Между ними, посреди комнаты, стоял самовар, шумя и испуская клубами пар. На стенах висели всё шинели, да плащи, между которыми некоторые были даже с бобровыми воротниками или с бархатными отворотами. За стеной был слышен шум и говор, которые вдруг сделались ясными и звонкими, когда отворилась дверь и вышел лакей с подносом, уставленным опорожненными стаканами, сливочником и корзиною сухарей. Видно, что уж чиновники давно собрались и выпили по первому стакану чаю. Акакий Акакиевич, повесивши сам шинель свою, вошел в комнату, и перед ним мелькнули в одно время свечи, чиновники, трубки, столы для карт, и смутно поразили слух его: беглый, со всех сторон подымавшийся разговор и шум передвигаемых стульев. Он остановился весьма неловко среди комнаты, ища и стараясь придумать, что̀ ему сделать. Но его уже заметили, приняли с криком и все пошли тот же час в переднюю и вновь осмотрели его шинель. Акакий Акакиевич хотя было отчасти и сконфузился, но будучи человеком

чистосердечным, не мог не порадоваться, видя, как все похвалили шинель. Потом, разумеется, все бросили и его и шинель, и обратились, как водится, к столам, назначенным для виста. Всё это: шум, говор и толпа людей, всё это было как-то чудно Акакию Акакиевичу. Он, просто, не знал, как ему быть, куда деть руки, ноги и всю фигуру свою; наконец подсел он к игравшим, смотрел в карты, засматривал тому и другому в лица и чрез несколько времени начал зевать, чувствовать, что скучно, тем более, что уж давно наступило то время, в которое он, по обыкновению, ложился спать. Он хотел проститься с хозяином, но его не пустили, говоря, что непременно надо выпить, в честь обновки, по бокалу шампанского. Через час подали ужин, состоявший из винегрета, холодной телятины, паштета, кондитерских пирожков и шампанского. Акакия Акакиевича заставили выпить два бокала, после которых он почувствовал, что в комнате сделалось веселее, однакож никак не мог позабыть, что уже двенадцать часов и что давно пора домой. Чтобы как-нибудь не вздумал удерживать хозяин, он вышел потихоньку из комнаты, отыскал в передней шинель, которую не без сожаления увидел лежавшею на полу, стряхнул ее, снял с нее всякую пушинку, надел на плеча и опустился по лестнице на улицу. На улице всё еще было светло. Кое-какие мелочные лавчонки, эти бессменные клубы дворовых и всяких людей, были отперты, другие же, которые были заперты, показывали однакож длинную струю света во всю дверную щель, означавшую, что они не лишены еще общества и, вероятно, дворовые служанки или слуги еще доканчивают свои толки и разговоры, повергая своих господ в совершенное недоумение насчет своего местопребывания. Акакий Акакиевич шел в веселом расположении духа, даже подбежал-было вдруг, неизвестно почему, за какою-то дамою, которая, как молния, прошла мимо и у которой всякая часть тела была исполнена необыкновенного движения. Но однакож он тут же остановился и пошел опять по-прежнему очень тихо, подивясь даже сам неизвестно откуда взявшейся

рыси. Скоро потянулись перед ним те пустынные улицы, которые даже и днем не так веселы, а тем более вечером. Теперь они сделались еще глуше и уединеннее: фонари стали мелькать реже — масла, как видно, уже меньше отпускалось; пошли деревянные домы, заборы; нигде ни души; сверкал только один снег по улицам, да печально чернели с закрытыми ставнями заснувшие низенькие лачужки. Он приблизился к тому месту, где перерезывалась улица бесконечною площадью с едва видными на другой стороне ее домами, которая глядела страшною пустынею.

Вдали, бог знает где, мелькал огонек в какой-то будке, которая казалась стоявшею на краю света. Веселость Акакия Акакиевича как-то здесь значительно уменьшилась. Он вступил на площадь не без какой-то невольной боязни, точно как будто сердце его предчувствовало что-то недоброе. Он оглянулся назад и по сторонам: точное море вокруг него. „Нет, лучше и не глядеть“, подумал и шел, закрыв глаза, и когда открыл их, чтобы узнать, близко ли конец площади, увидел вдруг, что перед ним стоят почти перед носом какие-то люди с усами, какие именно, уж этого он не мог даже различить. У него затуманило в глазах и забилось в груди. „А ведь шинель-то моя!“ сказал один из них громовым голосом, схвативши его за воротник. Акакий Акакиевич хотел-было уже закричать „караул“, как другой приставил ему к самому рту кулак, величиною в чиновничью голову, примолвив: „а вот только крикни!“ Акакий Акакиевич чувствовал только, как сняли с него шинель, дали ему пинка коленом, и он упал навзничь в снег и ничего уж больше не чувствовал. Чрез несколько минут он опомнился и поднялся на ноги, но уж никого не было. Он чувствовал, что в поле холодно, и шинели нет, стал кричать, но голос, казалось, и не думал долетать до концов площади. Отчаянный, не уставая кричать, пустился он бежать через площадь прямо к будке, подле которой стоял будочник и опершись на свою алебарду, глядел, кажется, с любопытством, желая знать, какого чорта бежит к нему

издали и кричит человек. Акакий Акакиевич, прибежав к нему, начал задыхающимся голосом кричать, что он спит и ни за чем не смотрит, не видит, как грабят человека. Будочник отвечал, что он не видал ничего, что видел, как остановили его среди площади какие-то два человека, да думал, что то были его приятели; а что пусть он вместо того, чтобы понапрасну браниться, сходит завтра к надзирателю, так надзиратель отыщет, кто взял шинель. Акакий Акакиевич прибежал домой в совершенном беспорядке: волосы, которые еще водились у него в небольшом количестве на висках и затылке, совершенно растрепались; бок и грудь и все панталоны были в снегу. Старуха, хозяйка квартиры его, услыша страшный стук в дверь, поспешно вскочила с постели и с башмаком на одной только ноге побежала отворять дверь, придерживая на груди своей, из скромности, рукою рубашку; но, отворив, отступила назад, увидя в таком виде Акакия Акакиевича. Когда же рассказал он, в чем дело, она всплеснула руками и сказала, что нужно итти прямо к частному, что квартальный надует, пообещается и станет водить; а лучше всего итти прямо к частному, что он даже ей знаком, потому что Анна, чухонка, служившая прежде у нее в кухарках, определилась теперь к частному в няньки, что она часто видит его самого, как он проезжает мимо их дома, и что он бывает также всякое воскресенье в церкви, молится, а в то же время весело смотрит на всех и что, стало быть, по всему видно, должен быть добрый человек. Выслушав такое решение, Акакий Акакиевич печальный побрел в свою комнату, и как он провел там ночь, предоставляется судить тому, кто может сколько-нибудь представить себе положение другого. Поутру рано отправился он к частному; но сказали, что спит; он пришел в десять — сказали опять: спит; он пришел в одиннадцать часов — сказали: да нет частного дома; он в обеденное время — но писаря в прихожей никак не хотели пустить его и хотели непременно узнать, за каким делом и какая надобность привела и что такое случилось. Так-что нако-

нец Акакий Акакиевич раз в жизни захотел показать характер и сказал на-отрез, что ему нужно лично видеть самого частного, что они не смеют его не допустить, что он пришел из департамента за казенным делом, а что вот как он на них пожалуется, так вот тогда они увидят. Против этого писаря ничего не посмели сказать и один из них пошел вызвать частного. Частный принял как-то чрезвычайно странно рассказ о грабительстве шинели. Вместо того, чтобы обратить внимание на главный пункт дела, он стал расспрашивать Акакия Акакиевича: да почему он так поздно возвращался, да не заходил ли он и не был ли в каком непорядочном доме, так что Акакий Акакиевич сконфузился совершенно и вышел от него, сам не зная, возымеет ли надлежащий ход дело о шинели, или нет. Весь этот день он не был в присутствии (единственный случай в его жизни). На другой день он явился весь бледный и в старом капоте своем, который сделался еще плачевнее. Повествование о грабеже шинели, несмотря на то, что нашлись такие чиновники, которые не пропустили даже и тут посмеяться над Акакием Акакиевичем, однако же многих тронуло. Решились тут же сделать для него складчину, но собрали самую безделицу, потому что чиновники и без того уже много истратились, подписавшись на директорский портрет и на одну какую-то книгу, по предложению начальника отделения, который был приятелем сочинителю, — итак сумма оказалась самая бездельная. Один кто-то, движимый состраданием, решился по крайней мере помочь Акакию Акакиевичу добрым советом, сказавши, чтоб он пошел не к квартальному, потому что хоть и может случиться, что квартальный, желая заслужить одобрение начальства, отыщет каким-нибудь образом шинель, но шинель всё-таки останется в полиции, если он не представит законных доказательств, что она принадлежит ему; а лучше всего, чтобы он обратился к одному *значительному лицу*, что *значительное лицо* спишась и снесясь, с кем следует, может заставить успешнее итти дело. Нечего делать, Акакий Акакиевич решился итти к *значительному лицу*.

Какая именно и в чем состояла должность *значительного лица*, это осталось до сих пор неизвестным. Нужно знать, что *одно значительное лицо* недавно сделался значительным лицом, а до того времени он был незначительным лицом. Впрочем место его и теперь не почиталось значительным в сравнении с другими еще значительнейшими. Но всегда найдется такой круг людей, для которых незначительное в глазах прочих есть уже значительное. Впрочем он старался усилить значительность многими другими средствами, именно: завел, чтобы низшие чиновники встречали его еще на лестнице, когда он приходил в должность; чтобы к нему являться прямо никто не смел, а чтоб шло всё порядком строжайшим: коллежский регистратор докладывал бы губернскому секретарю, губернский секретарь — титулярному, или какому приходилось другому, и чтобы уже таким образом доходило дело до него. Так уж на святой Руси всё заражено подражанием, всякой дразнит и корчит своего начальника. Говорят даже, какой-то титулярный советник, когда сделали его правителем какой-то отдельной небольшой канцелярии, тотчас же отгородил себе особенную комнату, назвавши ее „комнатой присутствия“ и поставил у дверей каких-то капельдинеров с красными воротниками, в галунах, которые брались за ручку дверей и отворяли ее всякому приходившему, хотя в „комнате присутствия“ насилу мог уставиться обыкновенный письменный стол. Приемы и обычаи *значительного лица* были солидны и величественны, но не многосложны. Главным основанием его системы была строгость. „Строгость, строгость и — строгость“, говаривал он обыкновенно, и при последнем слове обыкновенно смотрел очень значительно в лицо тому, которому говорил. Хотя впрочем этому и не было никакой причины, потому что десяток чиновников, составлявших весь правительственный механизм канцелярии, и без того был в надлежащем страхе: завидя его издали, оставлял уже дело и ожидал стоя в вытяжку, пока начальник пройдет через комнату. Обыкновенный разговор его с низшими отзывался строгостью и состоял почти из трех

фраз: „как вы смеете? знаете ли вы, с кем говорите? понимаете ли, кто стоит перед вами?“ Впрочем он был в душе добрый человек, хорош с товарищами, услужлив; но генеральский чин совершенно сбил его с толку. Получивши генеральский чин, он как-то спутался, сбился с пути и совершенно не знал, как ему быть. Если ему случалось быть с ровными себе, он был еще человек, как следует, человек очень порядочный, во многих отношениях даже не глупый человек; но как только случалось ему быть в обществе, где были люди хоть одним чином пониже его, там он был просто хоть из рук вон: молчал, и положение его возбуждало жалость тем более, что он сам даже чувствовал, что мог бы провести время несравненно лучше. В глазах его иногда видно было сильное желание присоединиться к какому-нибудь интересному разговору и кружку, но останавливала его мысль: не будет ли это уж очень много с его стороны, не будет ли фамилиарно, и не уронит ли он чрез то своего значения? И вследствие таких рассуждений он оставался вечно в одном и том же молчаливом состоянии, произнося только изредка какие-то односложные звуки, и приобрел таким образом титул скучнейшего человека. К такому-то *значительному лицу* явился наш Акакий Акакиевич и явился во время самое неблагоприятное, весьма некстати для себя, хотя впрочем кстати для значительного лица. Значительное лицо находился в своем кабинете и разговорился очень-очень весело с одним недавно приехавшим старинным знакомым и товарищем детства, с которым несколько лет не видался. В это время доложили ему, что пришел какой-то Башмачкин. Он спросил отрывисто: „кто такой?“ ему отвечали: „какой-то чиновник“. — „А! может подождать, теперь не время“, сказал значительный человек. Здесь надобно сказать, что значительный человек совершенно прилгнул: ему было время, они давно уже с приятелем переговорили обо всем и уже давно перекладывали разговор весьма длинными молчаньями, слегка только потрепливая друг друга по ляшке и приговаривая: „так-то, Иван Абрамович!“ — „этак-то, Степан Варламович!“ Но при

всем том однакоже велел он чиновнику подождать, чтобы показать приятелю, человеку давно не служившему и зажившемуся дома в деревне, сколько времени чиновники дожидаются у него в передней. Наконец наговорившись, а еще более намолчавшись вдоволь и выкуривши сигарку в весьма покойных креслах с откидными спинками, он наконец как будто вдруг вспомнил и сказал секретарю, остановившемуся у дверей с бумагами для доклада: „да, ведь, там стоит, кажется, чиновник; скажите ему, что он может войти". Увидевши смиренный вид Акакия Акакиевича и его старенькой вицмундир, он оборотился к нему вдруг и сказал: „что̀ вам угодно?" голосом отрывистым и твердым, которому нарочно учился заране у себя в комнате, в уединении и перед зеркалом, еще за неделю до получения нынешнего своего места и генеральского чина. Акакий Акакиевич уже заблаговременно почувствовал надлежащую робость, несколько смутился, и как мог, сколько могла позволить ему свобода языка, изъяснил с прибавлением даже чаще, чем в другое время частиц „того", что была-де шинель совершенно новая, и теперь ограблен бесчеловечным образом, и что он обращается к нему, чтоб он ходатайством своим как-нибудь того, списался бы с г. оберполицмейстером, или другим кем, и отыскал шинель. Генералу, неизвестно почему, показалось такое обхождение фамилиарным. „Что вы, милостивый государь", продолжал он отрывисто: „не знаете порядка? куда вы зашли? не знаете, как водятся дела? Об этом вы бы должны были прежде подать просьбу в канцелярию; она пошла бы к столоначальнику, к начальнику отделения, потом передана была бы секретарю, а секретарь доставил бы ее уже мне..."

„Но, ваше превосходительство", сказал Акакий Акакиевич, стараясь собрать всю небольшую горсть присутствия духа, какая только в нем была, и чувствуя в то же время, что он вспотел ужасным образом: „я ваше превосходительство осмелился утрудить потому, что секретари того... ненадежный народ..."

„Что, что, что?“ сказал значительное лицо: „откуда вы набрались такого духу? откуда вы мыслей таких набрались? что за буйство такое распространилось между молодыми людьми против начальников и высших!“ Значительное лицо, кажется, не заметил, что Акакию Акакиевичу забралось уже за пятьдесят лет. Стало-быть, если бы он и мог назваться молодым человеком, то разве только относительно, то есть в отношении к тому, кому уже было семьдесят лет. „Знаете ли вы, кому это говорите? понимаете ли вы, кто стоит перед вами? понимаете ли вы это, понимаете ли это? я вас спрашиваю.“ Тут он топнул ногою, возведя голос до такой сильной ноты, что даже и не Акакию Акакиевичу сделалось бы страшно. Акакий Акакиевич так и обмер, пошатнулся, затрясся всем телом и никак не мог стоять: если бы не подбежали тут же сторожа поддержать его, он бы шлепнулся на пол; его вынесли почти без движения. А значительное лицо, довольный тем, что эффект превзошел даже ожидание и совершенно упоенный мыслью, что слово его может лишить даже чувств человека, искоса взглянул на приятеля, чтобы узнать, как он на это смотрит, и не без удовольствия увидел, что приятель его находился в самом неопределенном состоянии и начинал даже с своей стороны сам чувствовать страх.

Как сошел с лестницы, как вышел на улицу, ничего уж этого не помнил Акакий Акакиевич. Он не слышал ни рук, ни ног. В жизнь свою он не был еще так сильно распечен генералом, да еще и чужим. Он шел по вьюге, свистевшей в улицах, разинув рот, сбиваясь с тротуаров; ветер, по петербургскому обычаю, дул на него со всех четырех сторон, из всех переулков. Вмиг надуло ему в горло жабу, и добрался он домой, не в силах будучи сказать ни одного слова; весь распух и слег в постель. Так сильно иногда бывает надлежащее распеканье! На другой же день обнаружилась у него сильная горячка. Благодаря великодушному вспомоществованию петербургского климата, болезнь пошла быстрее, чем можно было ожидать, и когда явился

доктор, то он, пощупавши пульс, ничего не нашелся сделать, как только прописать припарку, единственно уже для того, чтобы больной не остался без благодетельной помощи медицины; а впрочем тут же объявил ему чрез полтора суток непременный капут. После чего обратился к хозяйке и сказал: „А вы, матушка, и времени даром не теряйте, закажите ему теперь же сосновый гроб, потому что дубовый будет для него дорог.“ Слышал ли Акакий Акакиевич эти произнесенные роковые для него слова, а если и слышал, произвели ли они на него потрясающее действие, пожалел ли он о горемычной своей жизни, — ничего этого неизвестно, потому что он находился всё время в бреду и жару. Явления, одно другого страннее, представлялись ему беспрестанно: то видел он Петровича и заказывал ему сделать шинель с какими-то западнями для воров, которые чудились ему беспрестанно под кроватью, и он поминутно призывал хозяйку вытащить у него одного вора даже из-под одеяла; то спрашивал, зачем висит перед ним старый капот его, что у него есть новая шинель; то чудилось ему, что он стоит перед генералом, выслушивая надлежащее распеканье и приговаривает: виноват, ваше превосходительство; то, наконец, даже сквернохульничал, произнося самые страшные слова, так что старушка хозяйка даже крестилась, от роду не слыхав от него ничего подобного, тем более, что слова эти следовали непосредственно за словом „ваше превосходительство“. Далее он говорил совершенную бессмыслицу, так что ничего нельзя было понять; можно было только видеть, что беспорядочные слова и мысли ворочались около одной и той же шинели. Наконец, бедный Акакий Акакиевич испустил дух. Ни комнаты, ни вещей его не опечатывали, потому что, во-первых, не было наследников, а во-вторых, оставалось очень немного наследства, именно: пучок гусиных перьев, десть белой казенной бумаги, три пары носков, две-три пуговицы, оторвавшиеся от панталон, и уже известный читателю капот. Кому всё это досталось, бог знает: об этом, признаюсь, даже не интересовался рассказывающий сию повесть.

Акакия Акакиевича свезли и похоронили. И Петербург остался без Акакия Акакиевича, как будто бы в нем его и никогда не было. Исчезло и скрылось существо никем не защищенное, никому не дорогое, ни для кого не интересное, даже не обратившее на себя внимание и естествонаблюдателя, не пропускающего посадить на булавку обыкновенную муху и рассмотреть ее в микроскоп; — существо, переносившее покорно канцелярские насмешки и без всякого чрезвычайного дела сошедшее в могилу, но для которого всё же таки, хотя перед самым концом жизни, мелькнул светлый гость в виде шинели, ожививший на миг бедную жизнь, и на которое так же потом нестерпимо обрушилось несчастие, как обрушивалось на царей и повелителей мира... Несколько дней после его смерти послан был к нему на квартиру из департамента сторож, с приказанием немедленно явиться: начальник-де требует; но сторож должен был возвратиться ни с чем, давши отчет, что не может больше прийти, и на запрос: „почему?“ выразился словами: „да так, уж он умер, четвертого дня похоронили.“ Таким образом узнали в департаменте о смерти Акакия Акакиевича, и на другой день уже на его месте сидел новый чиновник, гораздо выше ростом и выставлявший буквы уже не таким прямым почерком, а гораздо наклоннее и косее.

Но кто бы мог вообразить, что здесь еще не всё об Акакии Акакиевиче, что суждено ему на несколько дней прожить шумно после своей смерти, как бы в награду за непримеченную никем жизнь? Но так случилось, и бедная история наша неожиданно принимает фантастическое окончание. По Петербургу пронеслись вдруг слухи, что у Калинкина моста и далеко подальше стал показываться по ночам мертвец в виде чиновника, ищущего какой-то утащенной шинели и под видом стащенной шинели сдирающий со всех плеч, не разбирая чина и звания, всякие шинели: на кошках, на бобрах, на вате, енотовые, лисьи, медвежьи шубы, словом, всякого рода меха и кожи, какие только придумали люди для прикрытия собственной. Один из де-

партаментских чиновников видел своими глазами мертвеца и узнал в нем тотчас Акакия Акакиевича; но это внушило ему однакоже такой страх, что он бросился бежать со всех ног и оттого не мог хорошенько рассмотреть, а видел только, как тот издали погрозил ему пальцем. Со всех сторон поступали беспрестанно жалобы, что спины и плечи, пускай бы еще только титулярных, а то даже самих тайных советников, подвержены совершенной простуде по причине ночного сдергивания шинелей. В полиции сделано было распоряжение поймать мертвеца, во что бы то ни стало, живого или мертвого, и наказать его, в пример другим, жесточайшим образом, и в том едва было даже не успели. Именно будочник какого-то квартала в Кирюшкином переулке схватил-было уже совершенно мертвеца за ворот на самом месте злодеяния, на покушении сдернуть фризовую шинель с какого-то отставного музыканта, свиставшего в свое время на флейте. Схвативши его за ворот, он вызвал своим криком двух других товарищей, которым поручил держать его, а сам полез только на одну минуту за сапог, чтобы вытащить оттуда тавлинку с табаком, освежить на время шесть раз на веку примороженный нос свой; но табак верно был такого рода, которого не мог вынести даже и мертвец. Не успел будочник, закрывши пальцем свою правую ноздрю, потянуть левою полгорсти, как мертвец чихнул так сильно, что совершенно забрызгал им всем троим глаза. Покамест они поднесли кулаки протереть их, мертвеца и след пропал, так что они не знали даже, был ли он точно в их руках. С этих пор будочники получили такой страх к мертвецам, что даже опасались хватать и живых, и только издали покрикивали: „эй ты, ступай своею дорогою!“ и мертвец-чиновник стал показываться даже за Калинкиным мостом, наводя немалый страх на всех робких людей. Но мы однакоже совершенно оставили *одно значительное лицо,* который по-настоящему едва ли не был причиною фантастического направления впрочем совершенно истинной истории. Прежде всего долг справедливости требует сказать, что *одно значительное*

лицо, скоро по уходе бедного распеченного в-пух Акакия Акакиевича, почувствовал что-то вроде сожаления. Сострадание было ему не чуждо; его сердцу были доступны многие добрые движения, несмотря на то, что чин весьма часто мешал им обнаруживаться. Как только вышел из его кабинета приезжий приятель, он даже задумался о бедном Акакии Акакиевиче. И с этих пор почти всякий день представлялся ему бледный Акакий Акакиевич, не выдержавший должностного распеканья. Мысль о нем до такой степени тревожила его, что, неделю спустя, он решился даже послать к нему чиновника узнать, что́ он и как, и нельзя ли в самом деле чем помочь ему; и когда донесли ему, что Акакий Акакиевич умер скоропостижно в горячке, он остался даже пораженным, слышал упреки совести и весь день был не в духе. Желая сколько-нибудь развлечься и позабыть неприятное впечатление, он отправился на вечер к одному из приятелей своих, у которого нашел порядочное общество, а что̀ всего лучше, все там были почти одного и того же чина, так что он совершенно ничем не мог быть связан. Это имело удивительное действие на душевное его расположение. Он развернулся, сделался приятен в разговоре, любезен, словом, провел вечер очень приятно. За ужином выпил он стакана два шампанского — средство, как известно, недурно действующее в рассуждении веселости. Шампанское сообщило ему расположение к разным экстренностям, а именно: он решил не ехать еще домой, а заехать к одной знакомой даме Каролине Ивановне, даме, кажется, немецкого происхождения, к которой он чувствовал совершенно приятельские отношения. Надобно сказать, что значительное лицо был уже человек не молодой, хороший супруг, почтенный отец семейства. Два сына, из которых один служил уже в канцелярии, и миловидная шестнадцатилетняя дочь с несколько выгнутым, но хорошеньким носиком, приходили всякий день целовать его руку, приговаривая: bonjour, papa. Супруга его, еще женщина свежая и даже ничуть не дурная, давала ему прежде поцеловать свою руку, и потом переворотивши ее на другую

сторону, целовала его руку. Но значительное лицо, совершенно впрочем довольный домашними семейными нежностями, нашел приличным иметь для дружеских отношений приятельницу в другой части города. Эта приятельница была ничуть не лучше и не моложе жены его; но такие уж задачи бывают на свете, и судить об них не наше дело. Итак, значительное лицо сошел с лестницы, сел в сани и сказал кучеру: „к Каролине Ивановне“, а сам, закутавшись весьма роскошно в теплую шинель, оставался в том приятном положении, лучше которого и не выдумаешь для русского человека, то есть, когда сам ни о чем не думаешь, а между тем мысли сами лезут в голову, одна другой приятнее, не давая даже труда гоняться за ними и искать их. Полный удовольствия, он слегка припоминал все веселые места проведенного вечера, все слова̀, заставившие хохотать небольшой круг; многие из них он даже повторял вполголоса и нашел, что они всё так же смешны, как и прежде, а потому немудрено, что и сам посмеивался от души. Изредка мешал ему однако же порывистый ветер, который, выхватившись вдруг, бог знает откуда и нивесть от какой причины, так и резал в лицо, подбрасывая ему туда клочки снега, хлобуча, как парус, шинельный воротник, или вдруг с неестественною силою набрасывая ему его на голову и доставляя таким образом вечные хлопоты из него выкарабкиваться. Вдруг почувствовал значительное лицо, что его ухватил кто-то весьма крепко за воротник. Обернувшись, он заметил человека небольшого роста в старом поношенном вицмундире, и не без ужаса узнал в нем Акакия Акакиевича. Лицо чиновника было бледно, как снег, и глядело совершенным мертвецом. Но ужас значительного лица превзошел все границы, когда он увидел, что рот мертвеца покривился и, пахнувши на него страшно могилою, произнес такие речи: „А! так вот ты наконец! наконец я тебя того, поймал за воротник! твоей-то шинели мне и нужно! не похлопотал об моей, да еще и распек — отдавай же теперь свою!“ Бедное *значительное лицо* чуть не умер. Как ни был он характерен в канцелярии и во-

обще перед низшими, и хотя, взглянувши на один мужественный вид его и фигуру, всякий говорил: „у, какой характер!“ но здесь он, подобно весьма многим имеющим богатырскую наружность, почувствовал такой страх, что не без причины даже стал опасаться насчет какого-нибудь болезненного припадка. Он сам даже скинул поскорее с плеч шинель свою и закричал кучеру не своим голосом: „пошел во весь дух домой!“ Кучер, услышавши голос, который произносится обыкновенно в решительные минуты и даже сопровождается кое-чем гораздо действительнейшим, упрятал на всякий случай голову свою в плечи, замахнулся кнутом и помчался, как стрела. Минут в шесть с небольшим, значительное лицо уже был пред подъездом своего дома. Бледный, перепуганный и без шинели, вместо того, чтобы к Каролине Ивановне, он приехал к себе, доплелся кое-как до своей комнаты и провел ночь весьма в большом беспорядке, так что на другой день поутру за чаем дочь ему сказала прямо: „ты сегодня совсем бледен, папа.“ Но папа молчал и никому ни слова о том, что с ним случилось, и где он был, и куда хотел ехать. Это происшествие сделало на него сильное впечатление. Он даже гораздо реже стал говорить подчиненным: „как вы смеете, понимаете ли, кто перед вами“; если же и произносил, то уж не прежде, как выслушавши сперва, в чем дело. Но еще более замечательно тò, что с этих пор совершенно прекратилось появление чиновника-мертвеца: видно, генеральская шинель пришлась ему совершенно по плечам; по крайней мере, уже не было нигде слышно таких случаев, чтобы сдергивали с кого шинели. Впрочем многие деятельные и заботливые люди никак не хотели успокоиться и поговаривали, что в дальних частях города всё еще показывался чиновник-мертвец. И точно, один коломенский будочник видел собственными глазами, как показалось из-за одного дома привидение; но будучи по природе своей несколько бессилен, так что один раз обыкновенный взрослый поросенок, кинувшись из какого-то частного дома, сшиб его с ног, к величайшему смеху стоявших вокруг

извозчиков, с которых он вытребовал за такую издевку по грошу на табак, — итак будучи бессилен, он не посмел остановить его, а так шел за ним в темноте до тех пор, пока наконец привидение вдруг оглянулось и, остановясь, спросило: „тебе чего хочется?“ и показало такой кулак, какого и у живых не найдешь. Будочник сказал: „ничего“, да и поворотил тот же час назад. Привидение однакоже было уже гораздо выше ростом, носило преогромные усы, и направив шаги, как казалось, к Обухову мосту, скрылось совершенно в ночной темноте.

КОЛЯСКА

Городок Б. очень повеселел, когда начал в нем стоять *** кавалерийский полк. А до того времени было в нем страх скучно. Когда, бывало, проезжаешь его и взглянешь на низенькие мазанные домики, которые смотрят на улицу до невероятности кисло, то... невозможно выразить, что̀ делается тогда на сердце: тоска такая, как будто бы или проигрался, или отпустил некстати какую-нибудь глупость, одним словом: не хорошо. Глина на них обвалилась от дождя, и стены вместо белых сделались пегими; крыши большею частию крыты тростником, как обыкновенно бывает в южных городах наших; садики, для лучшего вида городничий давно приказал вырубить. На улицах ни души не встретишь, разве только петух перейдет чрез мостовую, мягкую как подушка от лежащей на четверть пыли, которая при малейшем дожде превращается в грязь, и тогда улицы городка Б. наполняются теми дородными животными, которых тамошний городничий называет французами. Выставив серьёзные морды из своих ванн, они подымают такое хрюканье, что проезжающему остается только погонять лошадей поскорее. Впрочем, проезжающего трудно встретить в городке Б. — Редко, очень редко какой-нибудь помещик, имеющий 11 душ крестьян, в нанковом сюртуке тарабанит по мостовой в какой-то полубричке и полутележке,

выглядывая из мучных наваленных мешков и пристегивая гнедую кобылу, вслед за которою бежит жеребенок. Самая рыночная площадь имеет несколько печальный вид: дом портного выходит чрезвычайно глупо не всем фасадом, но углом; против него строится лет пятнадцать какое-то каменное строение о двух окнах; далее стоит сам по себе модный дощатый забор, выкрашенный серою краскою под цвет грязи, который на образец другим строениям воздвиг городничий во время своей молодости, когда не имел еще обыкновения спать тотчас после обеда и пить на ночь какой-то декокт, заправленный сухим крыжовником. В других местах всё почти плетень; посреди площади самые маленькие лавочки; в них всегда можно заметить связку баранков, бабу в красном платке, пуд мыла, несколько фунтов горького миндалю, дробь для стреляния, демикотон и двух купеческих приказчиков, во всякое время играющих около дверей в свайку. Но как начал стоять в уездном городке Б. кавалерийский полк, всё переменилось. Улицы запестрели, оживились, словом, приняли совершенно другой вид. Низенькие домики часто видели проходящего мимо ловкого, статного офицера с султаном на голове, шедшего к товарищу поговорить о производстве, об отличнейшем табаке, а иногда поставить на карточку дрожки, которые можно было назвать полковыми, потому что они, не выходя из полку, успевали обходить всех: сегодня катался в них маиор, завтра они появлялись в поручиковой конюшне, а чрез неделю, смотри, опять маиорский денщик подмазывал их салом. Деревянный плетень между домами весь был усеян висевшими на солнце солдатскими фуражками; серая шинель торчала непременно где-нибудь на воротах; в переулках попадались солдаты с такими жесткими усами, как сапожные щетки. Усы эти были видны во всех местах. Соберутся ли на рынке с ковшиками мещанки, из-за плеч их, верно, выглядывают усы. На лобном месте солдат с усами уж верно мылил бороду какому-нибудь деревенскому пентюху, который только покряхтывал, выпуча глаза вверх. Офицеры оживили общество, которое до того вре-

мени состояло только из судьи, жившего в одном доме с какою-то диаконицею, и городничего, рассудительного человека, но спавшего решительно весь день: от обеда до вечера и от вечера до обеда. Общество сделалось еще многолюднее и занимательнее, когда переведена была сюда квартира бригадного генерала. Окружные помещики, о которых существовании никто бы до того времени не догадался, начали приезжать почаще в уездный городок, чтобы видеться с господами офицерами, а иногда поиграть в банчик, который уже чрезвычайно темно грезился в голове их, захлопотанной посевами, жениными поручениями и зайцами. Очень жаль, что не могу припомнить, по какому обстоятельству случилось бригадному генералу давать большой обед; заготовление к нему было сделано огромное: стук поваренных ножей на генеральской кухне был слышен еще близ городской заставы. Весь рынок был забран совершенно для обеда, так что судья с своею диаконицею должен был есть одни только лепешки из гречневой муки, да крахмальный кисель. Небольшой дворик генеральской квартиры был весь уставлен дрожками и колясками. Общество состояло из мужчин: офицеров и некоторых окружных помещиков. Из помещиков более всех был замечателен Пифагор Пифагорович Чертокуцкий, один из главных аристократов Б... уезда, более всех шумевший на выборах и приезжавший туда в щегольском экипаже. Он служил прежде в одном из кавалерийских полков, был один из числа значительных и видных офицеров. По крайней мере его видали на многих балах и собраниях, где только кочевал их полк; впрочем, об этом можно спросить у девиц Тамбовской и Симбирской губернии. Весьма может быть, что он распустил бы и в прочих губерниях выгодную для себя славу, если бы не вышел в отставку по одному случаю, который обыкновенно называется неприятною историею: он ли дал кому-то в старые годы оплеуху, или ему дали ее, об этом наверное не помню, дело только в том, что его попросили вытти в отставку. Впрочем он этим ничуть не уронил своего весу: носил фрак с высокою талией на манер военного мундира, на

сапогах шпоры и под носом усы, потому что без того дворяне могли бы подумать, что он служил в пехоте, которую он презрительно называл иногда пехтурой, а иногда пехонтарией. Он бывал на всех многолюдных ярмарках, куда внутренность России, состоящая из мамок, детей, дочек и толстых помещиков, наезжала веселиться бричками, таратайками, тарантасами и такими каретами, какие и во сне никому не снились. Он пронюхивал носом, где стоял кавалерийский полк, и всегда приезжал видеться с господами офицерами. Очень ловко соскакивал перед ними с своей легонькой колясочки или дрожек и чрезвычайно скоро знакомился. В прошлые выборы дал он дворянству прекрасный обед, на котором объявил, что если только его выберут предводителем, то он поставит дворян на самую лучшую ногу. Вообще вел себя по-барски, как выражаются в уездах и губерниях, женился на довольно хорошенькой, взял за нею 200 душ приданого и несколько тысяч капиталу. Капитал был тотчас употреблен на шестерку действительно отличных лошадей, вызолоченные замки к дверям, ручную обезьяну для дома и француза дворецкого. Двести же душ вместе с двумя стами его собственных были заложены в ломбард, для каких-то коммерческих оборотов. Словом, он был помещик как следует... Изрядный помещик.— Кроме него на обеде у генерала было несколько и других помещиков, но об них нечего говорить. Остальные были все военные того же полка и два штаб-офицера: полковник и довольно толстый маиор. Сам генерал был дюж и тучен, впрочем хороший начальник, как отзывались о нем офицеры. Говорил он довольно густым значительным басом. Обед был чрезвычайный: осетрина, белуга, стерляди, дрофы, спаржа, перепелки, куропатки, грибы доказывали, что повар еще со вчерашнего дня не брал в рот горячего, и четыре солдата с ножами в руках работали на помощь ему всю ночь *фрикасеи* и *желеи*. Бездна бутылок, длинных с лафитом, короткошейных с мадерою, прекрасный летний день, окна, открытые напролет, тарелки со льдом на столе, отстегнутая последняя пуговица у господ офицеров, растре-

панная манишка у владетелей укладистого фрака, перекрестный разговор, покрываемый генеральским голосом и заливаемый шампанским, — всё отвечало одно другому. После обеда все встали с приятною тяжестью в желудках и, закурив трубки с длинными и короткими чубуками, вышли с чашками кофию в руках на крыльцо.

У генерала, полковника и даже маиора мундиры были вовсе расстегнуты, так что видны были слегка благородные подтяжки из шелковой материи, но господа офицеры, сохраняя должное уважение, пребыли с застегнутыми, выключая трех последних пуговиц.

„Вот ее можно теперь посмотреть“, сказал генерал. „Пожалуйста, любезнейший“, примолвил он, обращаясь к своему адъютанту, довольно ловкому молодому человеку приятной наружности: „прикажи, чтобы привели сюда гнедую кобылу! Вот вы увидите сами.“ Тут генерал потянул из трубки и выпустил дым: „она еще не слишком в холе: проклятый городишка, нет порядочной конюшни. Лошадь, пуф, пуф, очень порядочная!“

„И давно, ваше превосходительство, пуф, пуф: изволите иметь ее?“ сказал Чертокуцкий.

„Пуф, пуф, пуф, ну ... пуф, не так давно. Всего только два года как она взята мною с завода!“

„И получить ее изволили объезженную, или уже здесь изволили объездить?“

„Пуф, пуф, пу, пу, пу...у...у...ф здесь“, сказавши это, генерал весь исчезнул в дыме.

Между тем из конюшни выпрыгнул солдат, послышался стук копыт, наконец показался другой в белом балахоне с черными огромными усами, ведя за узду вздрагивавшую и пугавшуюся лошадь, которая, вдруг подняв голову, чуть не подняла вверх присевшего к земле солдата вместе с его усами. „Ну ж, ну! Аграфена Ивановна!“ говорил он, подводя ее под крыльцо.

Кобыла называлась Аграфена Ивановна: крепкая и дикая как южная красавица, она грянула копытами в деревянное крыльцо и вдруг остановилась.

Генерал, опустивши трубку, начал смотреть с довольным видом на Аграфену Ивановну. Сам полковник, сошедши с крыльца, взял Аграфену Ивановну за морду. Сам маиор потрепал Аграфену Ивановну по ноге, прочие пощелкали языком.

Чертокуцкий сошел с крыльца и зашел ей взад. Солдат, вытянувшись и держа узду, глядел прямо посетителям в глаза, будто бы хотел вскочить в них.

„Очень, очень хорошая!“ сказал Чертокуцкий: „статистая лошадь! а позвольте, ваше превосходительство, узнать, как она ходит?“

„Шаг у нее хорош; только ... чорт его знает ... этот дурак фершел дал ей каких-то пилюль, и вот уже два дня всё чихает“.

„Очень, очень хороша. А имеете ли, ваше превосходительство, соответствующий экипаж?“

„Экипаж?.. Да ведь это верховая лошадь“.

„Я это знаю; но я спросил ваше превосходительство для того, чтобы узнать, имеете ли и к другим лошадям соответствующий экипаж“.

„Ну, экипажей у меня не слишком достаточно. Мне, признаться вам сказать, давно хочется иметь нынешнюю коляску. Я писал об этом к брату моему, который теперь в Петербурге, да не знаю, пришлет ли он или нет“.

„Мне кажется, ваше превосходительство“, заметил полковник: „нет лучше коляски, как венская“.

„Вы справедливо думаете, пуф, пуф, пуф“.

„У меня, ваше превосходительство, есть чрезвычайная коляска настоящей венской работы“.

„Какая? Та, в которой вы приехали?“

„О, нет. Это так, разъездная, собственно для моих поездок, но та... это удивительно, легка как перышко, а когда вы сядете в нее, то просто как бы, с позволения вашего превосходительства, нянька вас в люльке качала!“

„Стало-быть покойна?“

„Очень, очень покойна; подушки, рессоры, это всё как будто на картинке нарисовано“.

„Это хорошо“.

„А уж укладиста как! то-есть, я, ваше превосходительство, и не видывал еще такой. Когда я служил, то у меня в ящики помещалось 10 бутылок рому и 20 фунтов табаку, кроме того со мною еще было около шести мундиров, белье и два чубука, ваше превосходительство, такие длинные, как с позволения сказать солитер, а в карманы можно целого быка поместить“.

„Это хорошо“.

„Я, ваше превосходительство, заплатил за нее четыре тысячи“.

„Судя по цене, должна быть хороша, и вы купили ее сами?“

„Нет, ваше превосходительство; она досталась по случаю. Ее купил мой друг, редкой человек, товарищ моего детства, с которым бы вы сошлись совершенно; мы с ним, что твое, что мое, всё равно. Я выиграл ее у него в карты. Не угодно ли, ваше превосходительство, сделать мне честь пожаловать завтра ко мне отобедать, и коляску вместе посмотрите“.

„Я не знаю, что̀ вам на это сказать. Мне одному как-то ... Разве уж позволите вместе с господами офицерами“.

„И господ офицеров прошу покорнейше. Господа, я почту себе за большую честь иметь удовольствие видеть вас в своем доме!“

Полковник, маиор и прочие офицеры отблагодарили учтивым поклоном.

„Я, ваше превосходительство, сам того мнения, что если покупать вещь, то непременно хорошую, а если дурную, то нечего и заводить. Вот у меня, когда сделаете мне честь завтра пожаловать, я покажу кое-какие статьи, которые я сам завел по хозяйственной части“.

Генерал посмотрел и выпустил изо рту дым.

Чертокуцкий был чрезвычайно доволен, что пригласил к себе господ офицеров; он заранее заказывал в голове своей паштеты и соусы, посматривал очень весело на господ офицеров, которые также с своей стороны как-то

удвоили к нему свое расположение, что было заметно из глаз их и небольших телодвижений в роде полупоклонов. Чертокуцкий выступал вперед как-то развязнее, и голос его принял расслабление: выражение голоса, обремененного удовольствием.

„Там, ваше превосходительство, познакомитесь с хозяйкой дома“.

„Мне очень приятно“, сказал генерал, поглаживая усы.

Чертокуцкий после этого хотел немедленно отправиться домой, чтобы заблаговременно приготовить всё к принятию гостей к завтрашнему обеду; он взял уже было и шляпу в руки, но как-то так странно случилось, что он остался еще на несколько времени. Между тем уже в комнате были расставлены ломберные столы. Скоро всё общество разделилось на четверные партии в вист и рассеялось в разных углах генеральских комнат.

Подали свечи. Чертокуцкий долго не знал, садиться или не садиться ему за вист. Но как гг. офицеры начали приглашать, то ему показалось очень несогласно с правилами общежития отказаться. Он присел. Нечувствительно очутился перед ним стакан с пуншем, который он позабывшись в ту же минуту выпил. Сыгравши два роберта, Чертокуцкий опять нашел под рукою стакан с пуншем, который тоже позабывшись выпил, сказавши наперед: „пора, господа, мне домой, право пора“. Но опять присел и на вторую партию. Между тем разговор в разных углах комнаты принял совершенно частное направление. Играющие в вист были довольно молчаливы, но неигравшие, сидевшие на диванах в стороне, вели свой разговор. В одном углу штаб-ротмистр, подложивши себе под бок подушку, с трубкою в зубах рассказывал довольно свободно и плавно любовные свои приключения и овладел совершенно вниманием собравшегося около него кружка. Один чрезвычайно толстый помещик с короткими руками, несколько похожими на два выросшие картофеля, слушал с необыкновенно-сладкою миною, и только по временам силился запустить коротенькую свою руку за широкую спину, чтобы вытащить оттуда

табакерку. В другом углу завязался довольно жаркой спор о баталионном учении, и Чертокуцкий, который в это время уже вместо дамы два раза сбросил валета, вмешивался вдруг в чужой разговор и кричал из своего угла: „в котором году?“ или „которого полка?“ не замечая, что иногда вопрос совершенно не приходился к делу. Наконец, за несколько минут до ужина, вист прекратился, но он продолжался еще на словах. И казалось, головы всех были полны вистом. Чертокуцкий очень помнил, что выиграл много, но руками не взял ничего и, вставши из-за стола, долго стоял в положении человека, у которого нет в кармане носового платка. Между тем подали ужин. Само собою разумеется, что в винах не было недостатка и что Чертокуцкий почти невольно должен был иногда наливать в стакан себе потому, что направо и налево стояла у него бутылка.

Разговор затянулся за столом предлинный, но впрочем как-то странно он был веден. Один помещик, служивший еще в кампанию 1812 года, рассказал такую баталию, какой никогда не было, и потом, совершенно неизвестно по каким причинам, взял пробку из графина и воткнул ее в пирожное. Словом, когда начали разъезжаться, то уже было три часа, и кучера должны были нескольких особ взять в охапку как бы узелки с покупкою, и Чертокуцкий, несмотря на весь аристократизм свой, сидя в коляске, так низко кланялся и с таким размахом головы, что, приехавши домой, привез в усах своих два репейника.

В доме всё совершенно спало; кучер едва мог сыскать камердинера, который проводил господина чрез гостиную, сдал горничной девушке, за которою кое-как Чертокуцкий добрался до спальни и уложился возле своей молоденькой и хорошенькой жены, лежавшей прелестнейшим образом, в белом как снег, спальном платье. Движение, произведенное падением ее супруга на кровать, разбудило ее. Протянувшись, поднявши ресницы и три раза быстро зажмуривши глаза, она открыла их с полусердитою улыбкою; но видя, что он решительно не хочет оказать на этот раз

никакой ласки, с досады поворотилась на другую сторону и, положив свежую свою щеку на руку, скоро после него заснула.

Было уже такое время, которое по деревням не называется рано, когда проснулась молодая хозяйка возле храпевшего супруга. Вспомнивши, что он возвратился вчера домой в 4 часу ночи, она пожалела будить его, и надев спальные башмачки, которые супруг ее выписал из Петербурга, в белой кофточке, драпировавшейся на ней как льющаяся вода, она вышла в свою уборную, умылась свежею, как сама, водою и подошла к туалету. Взглянувши на себя раза два, она увидела, что сегодня очень недурна. Это повидимому незначительное обстоятельство заставило ее просидеть перед зеркалом ровно два часа лишних. Наконец она оделась очень мило и вышла освежиться в сад. Как нарочно время было тогда прекрасное, каким может только похвалиться летний южный день. Солнце, вступивши на полдень, жарило всею силою лучей, но под темными густыми аллеями гулять было прохладно, и цветы, пригретые солнцем, утрояли свой запах. Хорошенькая хозяйка вовсе позабыла о том, что уже 12 часов, и супруг ее спит. Уже доходило до слуха ее послеобеденное храпенье двух кучеров и одного форейтора, спавших в конюшне, находившейся за садом. Но она всё сидела в густой аллее, из которой был открыт вид на большую дорогу, и рассеянно глядела на безлюдную ее пустынность, как вдруг показавшаяся вдали пыль привлекла ее внимание. Всмотревшись, она скоро увидела несколько экипажей. Впереди ехала открытая двуместная легонькая колясочка; в ней сидел генерал с толстыми, блестевшими на солнце эполетами и рядом с ним полковник. За ней следовала другая четвероместная; в ней сидел маиор с генеральским адъютантом и еще двумя насупротив сидевшими офицерами; за коляской следовали известные всем полковые дрожки, которыми владел на этот раз тучный маиор; за дрожками четвероместный бонвояж, в котором сидели четыре офицера и пятый на руках, за бонвояжем рисовались три

офицера на прекрасных гнедых лошадях в темных яблоках.

„Неужели это к нам?“ подумала хозяйка дома. „Ах, боже мой! в самом деле они поворотили на мост!“ Она вскрикнула, всплеснула руками и побежала чрез клумбы и цветы прямо в спальню своего мужа. Он спал мертвецки.

„Вставай, вставай! вставай скорее!“ кричала она, дергая его за руку.

„А?“ проговорил потягиваясь Чертокуцкий, не раскрывая глаз.

„Вставай, пульпультик! слышишь ли? гости!“

„Гости, какие гости?“ сказавши это, он испустил небольшое мычание, какое издает теленок, когда ищет мордою сосцов своей матери. „Мм ... “ ворчал он: „протяни, моньмуня, свою шейку! я тебя поцелую“.

„Душенька, вставай ради бога, скорей. Генерал с офицерами! Ах, боже мой, у тебя в усах репейник.“

„Генерал? А, так он уже едет? Да что же это, чорт возьми, меня никто не разбудил. А обед, что ж обед, всё ли там как следует готово?“

„Какой обед?“

„А я разве не заказывал?“

„Ты? ты приехал в 4 часа ночи и сколько я ни спрашивала тебя, ты ничего не сказал мне. Я тебя, пульпультик, потому не будила, что мне жаль тебя стало: ты ничего не спал...“ Последние слова сказала она чрезвычайно томным и умоляющим голосом.

Чертокуцкий, вытаращив глаза, минуту лежал на постеле, как громом пораженный. Наконец вскочил он в одной рубашке с постели, позабывши, что это вовсе неприлично.

„Ах, я лошадь!“ сказал он, ударив себя по лбу. „Я звал их на обед. Что̀ делать? далеко они?“

„Я не знаю... они должны сию минуту уже быть.“

„Душенька... спрячься!.. Эй, кто там! ты, девчонка! ступай, чего дура боишься, приедут офицеры сию минуту. Ты скажи, что барина нет дома, скажи, что и не будет совсем,

что еще с утра выехал, слышишь! и дворовым всем объяви, ступай скорее!"

Сказавши это, он схватил наскоро халат и побежал спрятаться в экипажный сарай, полагая там положение свое совершенно безопасным. Но ставши в углу сарая, он увидел, что и здесь можно было его как-нибудь увидеть. „А вот это будет лучше", мелькнуло в его голове, и он в одну минуту отбросил ступени близ-стоявшей коляски, вскочил туда, закрыл за собою дверцы, для бо́льшей безопасности закрылся фартуком и кожею, и притих совершенно, согнувшись в своем халате.

Между тем экипажи подъехали к крыльцу.

Вышел генерал и встряхнулся, за ним полковник, поправляя руками султан на своей шляпе. Потом соскочил с дрожек толстый маиор, держа подмышкою саблю. Потом выпрыгнули из бонвояжа тоненькие подпоручики с сидевшим на руках прапорщиком, наконец сошли с седел рисовавшиеся на лошадях офицеры.

„Барина нет дома", сказал, выходя на крыльцо, лакей.

„Как нет? стало быть он однакож будет к обеду?"

„Никак нет. Они уехали на весь день. Завтра разве около этого только времени будет."

„Вот тебе на!" сказал генерал: „как же это?..."

„Признаюсь, это штука", сказал полковник смеясь.

„Да нет, как же этак делать?" продолжал генерал с неудовольствием: „Фить... Чорт... Ну не можешь принять, зачем напрашиваться?"

„Я, ваше превосходительство, не понимаю, как можно это делать", сказал один молодой офицер.

„Что?" сказал генерал, имевший обыкновение всегда произносить эту вопросительную частицу, когда говорил с обер-офицером.

„Я говорил, ваше превосходительство, как можно поступать таки́м образом."

„Натурально... Ну не случилось что ли — дай знать по крайней мере, или не проси."

„Что ж, ваше превосходительство, нечего делать, поедемте назад!“ сказал полковник.

„Разумеется, другого средства нет. Впрочем коляску мы можем посмотреть и без него. Он верно ее не взял с собою. Эй, кто там, подойди, братец, сюда!“

„Чего изволите?“

„Ты конюх?“

„Конюх, ваше превосходительство.“

„Покажи-ка нам новую коляску, которую недавно достал барин.“

„А вот пожалуйте в сарай!“

Генерал отправился вместе с офицерами в сарай.

„Вот извольте, я ее немного выкачу, здесь темненько.“

„Довольно, довольно, хорошо!“

Генерал и офицеры обошли вокруг коляску и тщательно осмотрели колеса и рессоры.

„Ну, ничего нет особенного“, сказал генерал: „коляска самая обыкновенная.“

„Самая неказистая“, сказал полковник: „совершенно нет ничего хорошего.“

„Мне кажется, ваше превосходительство, она совсем не стóит четырех тысяч“, сказал один из молодых офицеров.

„Что?“

„Я говорю, ваше превосходительство, что мне кажется, она не стóит четырех тысяч.“

„Какое четырех тысяч! она и двух не стóит. Просто ничего нет. Разве внутри есть что-нибудь особенное... Пожалуйста, любезный, отстегни кожу...“

И глазам офицеров предстал Чертокуцкий, сидящий в халате и согнувшийся необыкновенным образом.

„А, вы здесь!..“ сказал изумившийся генерал.

Сказавши это, генерал тут же захлопнул дверцы, закрыл опять Чертокуцкого фартуком и уехал вместе с господами офицерами.

ЗАПИСКИ СУМАСШЕДШЕГО

Октября 3.

Сегодняшнего дня случилось необыкновенное приключение. Я встал поутру довольно поздно, и когда Мавра принесла мне вычищенные сапоги, я спросил, который час. Услышавши, что уже давно било десять, я поспешил поскорее одеться. Признаюсь, я бы совсем не пошел в департамент, зная заранее, какую кислую мину сделает наш начальник отделения. Он уже давно мне говорит: „что это у тебя, братец, в голове всегда ералаш такой? Ты иной раз метаешься, как угорелый, дело подчас так спутаешь, что сам сатана не разберет, в титуле поставишь маленькую букву, не выставишь ни числа, ни номера.“ Проклятая цапля! он верно завидует, что я сижу в директорском кабинете и очиниваю перья для его пр-ва. Словом, я не пошел бы в департамент, если бы не надежда видеться с казначеем и, авось-либо, выпросить у этого жида хоть сколько-нибудь из жалованья вперед. Вот еще создание! Чтобы он выдал когда-нибудь вперед за месяц деньги — господи боже мой, да скорее страшный суд придет. Проси, хоть тресни, хоть будь в разнужде — не выдаст, седой чорт. А на квартире собственная кухарка бьет его по щекам. Это всему свету известно. Я не понимаю выгод служить в департаменте. Никаких совершенно ресурсов. Вот в губернском правлении, гражданских и казенных палатах совсем другое дело:

там, смотришь, иной прижался в самом уголку и пописывает. Фрачишка на нем гадкой, рожа такая, что плюнуть хочется, а посмотри ты, какую он дачу нанимает! Фарфоровой вызолоченной чашки и не неси к нему: „это“, говорит, „докторской подарок“; а ему давай пару рысаков, или дрожки, или бобер рублей в триста. С виду такой тихенькой, говорит так деликатно: „одолжите ножичка починить перышко“, а там обчистит так, что только одну рубашку оставит на просителе. Правда, у нас зато служба благородная, чистота во всем такая, какой вовеки не видеть губернскому правлению: столы из красного дерева, и все начальники на *вы*. Да, признаюсь, если бы не благородство службы, я бы давно оставил департамент.

Я надел старую шинель и взял зонтик, потому что шел проливной дождик. На улицах не было никого; одни только бабы, накрывшись полами, да русские купцы под зонтиками, да кучера попадались мне на глаза. Из благородных только наш брат чиновник плелся. Я увидел его на перекрестке. Я, как увидел его, тотчас сказал себе: эге! нет, голубчик, ты не в департамент идешь, ты спешишь вон за тою, что бежит впереди, и глядишь на ее ножки. Что это за бестия наш брат чиновник! Ей богу, не уступит никакому офицеру: пройди какая-нибудь в шляпке, непременно зацепит. Когда я думал это, увидел подъехавшую карету к магазину, мимо которого я проходил. Я сейчас узнал ее: это была карета нашего директора. Но ему незачем в магазин, я подумал: верно, это его дочка. Я прижался к стенке. Лакей отворил дверцы, и она выпорхнула из кареты, как птичка. Как взглянула она направо и налево, как мелькнула своими бровями и глазами... Господи, боже мой! пропал я, пропал совсем. И зачем ей выезжать в такую дождевую пору. Утверждай теперь, что у женщин не велика страсть до всех этих тряпок. Она не узнала меня, да и я сам нарочно старался закутаться как можно более; потому что на мне была шинель очень запачканная и притом старого фасона. Теперь плащи носят с длинными воротниками, а на мне были коротенькие один на другом; да и сукно совсем не дегатированное. Со-

бачонка ее, не успевши вскочить в дверь магазина, осталась на улице. Я знаю эту собачонку. Ее зовут: Меджи. Не успел я пробыть минуту, как вдруг слышу тоненький голосок: „Здравствуй, Меджи!“ Вот тебе на! кто это говорит! Я обсмотрелся и увидел под зонтиком шедших двух дам: одну старушку, другую молоденькую; но они уже прошли, а возле меня опять раздалось: „Грех тебе, Меджи!“ Что за чорт! я увидел, что Меджи обнюхивалась с собачонкою, шедшею за дамами. Эге! сказал я сам себе; да, полно, не пьян ли я? Только это, кажется, со мною редко случается. — „Нет, Фидель, ты напрасно думаешь“, — я видел сам, что произнесла Меджи: „я была, ав! ав! я была, ав, ав, ав! очень больна.“ Ах ты ж собачонка! Признаюсь, я очень удивился, услышав ее говорящею по-человечески. Но после, когда я сообразил всё это хорошенько, то тогда же перестал удивляться. Действительно, на свете уже случилось множество подобных примеров. Говорят, в Англии выплыла рыба, которая сказала два слова на таком странном языке, что ученые уже три года стараются определить и еще до сих пор ничего не открыли. Я читал тоже в газетах о двух коровах, которые пришли в лавку и спросили себе фунт чаю. Но, признаюсь, я гораздо более удивился, когда Меджи сказала: „Я писала к тебе, Фидель; верно Полкан не принес письма моего!“ Да чтоб я не получил жалованья! Я еще в жизни не слыхивал, чтобы собака могла писать. Правильно писать может только дворянин. Оно конечно, некоторые и купчики-конторщики и даже крепостной народ пописывает иногда; но их писание большею частью механическое: ни запятых, ни точек, ни слога.

Это меня удивило. Признаюсь, с недавнего времени я начинаю иногда слышать и видеть такие вещи, которых никто еще не видывал и не слыхивал. Пойду-ка я, сказал я сам в себе, за этой собачонкою и узнаю, что̀ она и что̀ такое думает. Я развернул свой зонтик и отправился за двумя дамами. Перешли в Гороховую, поворотили в Мещанскую, оттуда в Столярную, наконец, к Кокушкину мосту и остановились перед большим домом. Этот дом я знаю,

сказал я сам в себе. Это дом Зверкова. Эка машина! Какого в нем народа не живет: сколько кухарок, сколько поляков! а нашей братьи, чиновников, как собак, один на другом сидит. Там есть и у меня один приятель, который хорошо играет на трубе. Дамы взошли в пятый этаж. Хорошо, подумал я: теперь не пойду, а замечу место и при первом случае не премину воспользоваться.

Октября 4.

Сегодня середа, и потому я был у нашего начальника в кабинете. Я нарочно пришел пораньше и, засевши, перечинил все перья. Наш директор должен быть очень умный человек. Весь кабинет его уставлен шкафами с книгами. Я читал название некоторых: всё ученость, такая ученость, что нашему брату и приступа нет: всё или на французском или на немецком. А посмотреть в лицо ему: фу, какая важность сияет в глазах! Я еще никогда не слышал, чтобы он сказал лишнее слово. Только разве когда подашь бумаги, спросит: „Каково на дворе?“ — „Сыро, ваше превосходительство!“ Да, не нашему брату чета! Государственный человек. Я замечаю, однакоже, что он меня особенно любит. Если бы и дочка... эх канальство!.. Ничего, ничего, молчание! — Читал Пчелку. Эка глупый народ французы! Ну, чего хотят они? Взял бы, ей богу, их всех да и перепорол розгами! Там же читал очень приятное изображение бала, описанное курским помещиком. Курские помещики хорошо пишут. После этого заметил я, что уже било половину первого, а наш не выходил из своей спальни. Но около половины второго случилось происшествие, которого никакое перо не опишет. Отворилась дверь, я думал, что директор, и вскочил со стула с бумагами; но это была она, она сама! Святители, как она была одета! платье на ней было белое, как лебедь: фу, какое пышное! а как глянула: солнце, ей богу, солнце! Она поклонилась и сказала: „Папà здесь не было?“ Ай, ай, ай! какой голос! Канарейка, право, канарейка! Ваше превосходительсто, хотел я было сказать, не прика-

жите казнить, а если уже хотите казнить, то казните вашею генеральскою ручкою. Да, чорт возьми, как-то язык не поворотился, и я сказал только: никак нет-с. Она поглядела на меня, на книги и уронила платок. Я кинулся со всех ног, подскользнулся на проклятом паркете и чуть-чуть не расклеил носа, однакож удержался и достал платок. Святые, какой платок! тончайший, батистовый — амбра, совершенная амбра! так и дышит от него генеральством. Она поблагодарила и чуть-чуть усмехнулась, так что сахарные губки ее почти не тронулись, и после этого ушла. Я еще час сидел, как вдруг пришел лакей и сказал: „Ступайте, Аксентий Иванович, домой, барин уже уехал из дому". Я терпеть не могу лакейского круга: всегда развалится в передней и хоть бы головою потрудился кивнуть. Этого мало: один раз одна из этих бестий вздумала меня, не вставая с места, потчивать табачком. Да знаешь ли ты, глупый холоп, что я чиновник, я благородного происхождения. Однакож, я взял шляпу и надел сам на себя шинель, потому что эти господа никогда не подадут, и вышел. Дóма большею частию лежал на кровати. Потом переписал очень хорошие стишки: „Душеньки часок не видя, Думал, год уж не видал; Жизнь мою возненавидя, Льзя ли жить мне, я сказал". Должно быть, Пушкина сочинение. Ввечеру, закутавшись в шинель, ходил к подъезду ее пр-ва и поджидал долго, не выйдет ли сесть в карету, чтобы посмотреть еще разик, — но нет, не выходила.

Ноября 6.

Разбесил начальник отделения. Когда я пришел в департамент, он подозвал меня к себе и начал мне говорить так: „Ну, скажи пожалуйста, что ты делаешь?" — „Как что? Я ничего не делаю", отвечал я. — „Ну, размысли хорошенько! ведь тебе уже за сорок лет — пора бы ума набраться. Что ты воображаешь себе? Ты думаешь, я не знаю всех твоих проказ? Ведь ты волочишься за директорскою дочерью! Ну, посмотри на себя, подумай только, что ты? ведь ты

нуль, более ничего. Ведь у тебя нет ни гроша за душою. Взгляни хоть в зеркало на свое лицо, куды тебе думать о том!“ Чорт возьми, что у него лицо похоже несколько на аптекарский пузырек, да на голове клочок волос, завитый хохолком, да держит ее кверху, да примазывает ее какою-то розеткою, так уже думает, что ему только одному всё можно. Понимаю, понимаю, отчего он злится на меня. Ему завидно; он увидел, может быть, предпочтительно мне оказываемые знаки благорасположенности. Да я плюю на него! Велика важность надворный советник! вывесил золотую цепочку к часам, заказывает сапоги по тридцати рублей — да чорт его побери! Я разве из каких-нибудь разночинцев, из портных, или из унтер-офицерских детей? Я дворянин. Что ж, и я могу дослужиться. Мне еще сорок два года — время такое, в которое, по-настоящему, только что начинается служба. Погоди, приятель! будем и мы полковником, а, может быть, если бог даст, то чем-нибудь и побольше, Заведем и мы себе репутацию еще и получше твоей. Что ж ты себе забрал в голову, что кроме тебя уже нет вовсе порядочного человека. Дай-ка мне ручевской фрак, сшитый по моде, да повяжи я себе такой же, как ты, галстук, — тебе тогда не стать мне и в подметки. Достатков нет — вот беда.

Ноября 8.

Был в театре. Играли русского дурака Филатку. Очень смеялся. Был еще какой-то водевиль с забавными стишками на стряпчих, особенно на одного коллежского регистратора, весьма вольно написанные, так что я дивился, как пропустила цензура, а о купцах прямо говорят, что они обманывают народ, и что сынки их дебошничают и лезут в дворяне. Про журналистов тоже очень забавный куплет: что они любят всё бранить, и что автор просит от публики защиты. Очень забавные пиесы пишут нынче сочинители. Я люблю бывать в театре. Как только грош заведется в кармане — никак не утерпишь не пойти. А вот из нашей

братьи чиновников есть такие свиньи: решительно не пойдет, мужик, в театр; разве уже дашь ему билет даром. Пела одна актриса очень хорошо. Я вспомнил о той... эх канальство!.. ничего, ничего... молчание.

Ноября 9.

В восемь часов отправился в департамент. Начальник отделения показал такой вид, как будто бы он не заметил моего прихода. Я тоже с своей стороны, как будто бы между нами ничего не было. Пересматривал и сверял бумаги. Вышел в четыре часа. Проходил мимо директорской квартиры, но никого не было видно. После обеда большею частию лежал на кровате.

Ноября 11.

Сегодня сидел в кабинете нашего директора, починил для него 23 пера, и для её, ай! ай... для её превосходительства четыре пера. Он очень любит, чтобы стояло побольше перьев. У! должен быть голова! Всё молчит, а в голове, я думаю, всё обсуживает. Желалось бы мне узнать, о чем он больше всего думает; что такое затевается в этой голове. Хотелось бы мне рассмотреть поближе жизнь этих господ, все эти экивоки и придворные штуки, как они, что̀ они делают в своем кругу — вот что бы мне хотелось узнать! Я думал несколько раз завести разговор с его пр-вом, только, чорт возьми, никак не слушается язык: скажешь только, холодно или тепло на дворе, а больше решительно ничего не выговоришь. Хотелось бы мне заглянуть в гостиную, куда видишь только иногда отворенную дверь, за гостиною еще в одну комнату. Эх, какое богатое убранство! Какие зеркала и фарфоры. Хотелось бы заглянуть туда, на ту половину, где её пр-во, вот куда хотелось бы мне! в будуар, как там стоят все эти баночки, скляночки, цветы такие, что и дохнуть на них страшно, как лежит там разбросанное её платье, больше похожее на воздух, чем на

платье. Хотелось бы заглянуть в спальню... там-то, я думаю, чудеса, там-то, я думаю, рай, какого и на небесах нет. Посмотреть бы ту скамеечку, на которую она становит вставая с постели свою ножку, как надевается на эту ножку белый как снег чулочек... ай! ай! ай! ничего, ничего... молчание.

Сегодня однакож меня как-бы светом озарило: я вспомнил тот разговор двух собачонок, который слышал я на Невском проспекте. Хорошо, подумал я сам в себе: я теперь узнаю всё. Нужно захватить переписку, которую вели между собою эти дрянные собачонки. Там я верно кое-что узнаю. Признаюсь, я даже подозвал было к себе один раз Меджи и сказал: „Послушай, Меджи, вот мы теперь одни, я, когда хочешь, и дверь запру, так что никто не будет видеть, расскажи мне всё, что знаешь про барышню, что́ она и как? Я тебе побожусь, что никому не открою.“ Но хитрая собачонка поджала хвост, съёжилась вдвое и вышла тихо в дверь так, как будто бы ничего не слышала. Я давно подозревал, что собака гораздо умнее человека; я даже был уверен, что она может говорить, но что в ней есть только какое-то упрямство. Она чрезвычайный политик: всё замечает, все шаги человека. Нет, во что бы то ни стало, я завтра же отправляюсь в дом Зверкова, допрошу Фидель и, если удастся, перехвачу все письма, которые писала к ней Меджи.

Ноября 12.

В два часа пополудни отправился с тем, чтобы непременно увидеть Фидель и допросить ее. Я терпеть не люблю капусты, запах которой валит из всех мелочных лавок в Мещанской; к тому же из-под ворот каждого дома несет такой ад, что я, заткнув нос, бежал во всю прыть. Да и подлые ремесленники напускают копоти и дыму из своих мастерских такое множество, что человеку благородному решительно невозможно здесь прогуливаться. Когда я пробрался в шестой этаж и зазвонил в колокольчик, вышла

девчонка не совсем дурная собою с маленькими веснушками. Я узнал её. Это была та самая, которая шла вместе со старушкою. Она немножко закраснелась, и я тотчас смекнул: ты, голубушка, жениха хочешь. „Что вам угодно?“ сказала она. „Мне нужно поговорить с вашей собачонкой“. Девчонка была глупа! я сейчас узнал, что глупа! Собачонка в это время прибежала с лаем; я хотел ее схватить, но, мерзкая, чуть не схватила меня зубами за нос. Я увидал однакоже в углу её лукошко. Э, вот этого мне и нужно! Я подошел к нему, перерыл солому в деревянной коробке и, к необыкновенному удовольствию своему, вытащил небольшую связку маленьких бумажек. Скверная собачонка, увидевши это, сначала укусила меня за икру, а потом когда пронюхала, что я взял бумаги, начала визжать и ластиться, но я сказал: „Нет, голубушка, прощай!“ и бросился бежать. Я думаю, что девчонка приняла меня за сумасшедшего, потому что испугалась чрезвычайно. Пришедши домой, я хотел было тот же час приняться за работу и разобрать эти письма, потому что при свечах несколько дурно вижу. Но Мавра вздумала мыть пол. Эти глупые чухонки всегда некстати чистоплотны. И потому я пошел прохаживаться и обдумывать это происшествие. Теперь-то, наконец, я узнаю все дела, помышления, все эти пружины, и доберусь наконец до всего. Эти письма мне всё откроют. Собаки народ умный, они знают все политические отношения и потому верно там будет всё: портрет и все дела этого мужа. Там будет что-нибудь и о той, которая... ничего, молчание! К вечеру я пришел домой. Большею частию лежал на кровате.

Ноября 13.

А ну, посмотрим: письмо довольно четкое. Однакоже в почерке всё есть как будто что-то собачье. Прочитаем:

Милая Фидель! я всё не могу привыкнуть к твоему мещанскому имени. Как будто бы уже не могли дать тебе лучшего? Фидель, Роза — какой пошлый тон, однакож, всё это в сторону. Я очень рада, что мы вздумали писать друг к другу.

Письмо писано очень правильно. Пунктуация и даже буква Ѣ везде на своем месте. Да эдак просто не напишет и наш начальник отделения, хотя он и толкует, что где-то учился в университете. Посмотрим далее:

Мне кажется, что разделять мысли, чувства и впечатления с другим есть одно из первых благ на свете.

Гм! мысль почерпнута из одного сочинения, переведенного с немецкого. Названия не припомню.

Я говорю это по опыту, хотя и не бегала по свету далее ворот нашего дома. Моя ли жизнь не протекает в удовольствии? Моя барышня, которую папа называет Софи, любит меня без памяти.

Ай, ай!.. ничего, ничего. Молчание!

Папа тоже очень часто ласкает. Я пью чай и кофий со сливками. Ах, ma chère, я должна тебе сказать, что я вовсе не вижу удовольствия в больших обглоданных костях, которые жрет на кухне наш Полкан. Кости хороши только из дичи и притом тогда, когда еще никто не высосал из них мозга. Очень хорошо мешать несколько соусов вместе, но только без каперсов и без зелени; но я не знаю ничего хуже обыкновения давать собакам скатанные из хлеба шарики. Какой-нибудь сидящий за столом господин, который в руках своих держал всякую дрянь, начнет мять этими руками хлеб, подзовет тебя и сунет тебе в зубы шарик. Отказаться как-то неучтиво, ну, и ешь; с отвращением, а ешь...

Чорт знает, что такое. Экой вздор! Как будто бы не было предмета получше, о чем писать. Посмотрим на другой странице. Не будет ли чего подельнее.

Я с большою охотою готова тебя уведомлять о всех бывающих у нас происшествиях. Я уже тебе кое-что говорила о главном господине, которого Софи называет папа. Это очень странный человек.

А! вот наконец! Да; я знал: у них политической взгляд на все предметы. Посмотрим, что́ папа:

... очень странный человек. Он больше молчит. Говорит очень редко; но неделю назад беспрестанно говорил сам с собою: получу или не получу? Возьмет в одну руку бумажку, другую сложит пустую и говорит: получу или не получу? Один раз он обратился и ко мне с вопросом: как ты думаешь, Меджи? получу или не получу? я ровно ничего не могла понять, понюхала его сапог и ушла прочь. Потом, ma chère, через неделю папа пришел в большой радости. Всё утро ходили к нему господа в мундирах и с чем-то поздравляли. За столом

папа был так весел, как я еще никогда не видала, отпускал анекдоты, а после обеда поднял меня к своей шее и сказал: „А посмотри, Меджи, что это такое". Я увидела какую-то ленточку. Я нюхала ее, но решительно не нашла никакого аромата; наконец, потихоньку, лизнула: соленое немного.

Гм! Эта собачонка, мне кажется, уже слишком... чтобы ее не высекли! А! так он честолюбец! Это нужно взять к сведению.

Прощай! ma chère! я бегу и прочее... и прочее... Завтра окончу письмо. Ну, здравствуй! я теперь снова с тобою. Сегодня барышня моя Софи...

А! ну, посмотрим, что Софи. Эх, канальство!.. Ничего, ничего... будем продолжать.

...барышня моя Софи была в чрезвычайной суматохе. Она собиралась на бал, и я обрадовалась, что в отсутствие ее могу писать к тебе. Моя Софи всегда чрезвычайно рада ехать на бал, хотя при одевании всегда почти сердится. Я никак не понимаю, ma chère, удовольствия ехать на бал. Софи приезжает с балу домой в 6 часов утра, и я всегда почти угадываю по ее бледному и тощему виду, что ей, бедняжке, не давали там есть. Я, признаюсь, никогда бы не могла так жить. Если бы мне не дали соуса с рябчиком, или жаркого куриных крылышек, то... я не знаю, что бы со мною было. Хорош также соус с кашкою. А морковь, или репа, или артишоки никогда не будут хороши...

Чрезвычайно неровный слог. Тотчас видно, что не человек писал. Начнет так, как следует, а кончит собачиною. Посмотрим-ка еще в одно письмецо. Что-то длинновато. Гм! и числа́ не выставлено.

Ах! милая, как ощутительно приближение весны. Сердце мое бьется, как будто всё чего-то ожидает. В ушах у меня вечный шум. Так что я часто, поднявши ножку, стою несколько минут, прислушиваясь к дверям. Я тебе открою, что у меня много куртизанов. Я часто, сидя на окне, рассматриваю их. Ах, если б ты знала, какие между ними есть уроды. Иной преаляповатый, дворняга, глуп страшно, на лице написана глупость, преважно идет по улице и воображает, что он презнатная особа, думает, что так на него и заглядятся все. Ничуть. Я даже и внимания не обратила, так, как бы и не видала его. А какой страшный дога останавливается перед моим окном! Если бы он стал на задние лапы, чего, грубиян, он верно не умеет, то он бы был целою головою выше папа́ моей Софи, который тоже довольно высокого роста и толст собою. Этот болван, должно быть, наглец преужасный. Я поворчала на него, но ему и нуждочки мало. Хотя бы поморщился!

высунул свой язык, повесил огромные уши и глядит в окно — такой мужик! Но неужели ты думаешь, ma chère, что сердце мое равнодушно ко всем исканиям, — ах, нет... Если бы ты видела одного кавалера, перелезающего через забор соседнего дома, именем Трезора. Ах, ma chère, какая у него мордочка!

Тьфу, к чорту!... Экая дрянь!... И как можно наполнять письма эдакими глупостями. Мне подавайте человека! Я хочу видеть человека; я требую пищи, той, которая бы питала и услаждала мою душу; а вместо того эдакие пустяки... Перевернем через страницу, не будет ли лучше:

...Софи сидела за столиком и что-то шила. Я глядела в окно, потому что я люблю рассматривать прохожих. Как вдруг вошел лакей и сказал: „Теплов!" — „Проси" закричала Софи и бросилась обнимать меня. „Ах, Меджи, Меджи! Если б ты знала, кто это: брюнет, камер-юнкер, а глаза какие! черные и светлые, как огонь". И Софи убежала к себе. Минуту спустя вошел молодой камер-юнкер, с черными бакенбардами; подошел к зеркалу, поправил волоса и осмотрел комнату. Я поворчала и села на свое место. Софи скоро вышла и весело поклонилась на его шарканье; а я себе так, как будто не замечая ничего, продолжала глядеть в окошко; однакож голову наклонила несколько на-бок и старалась услышать, о чем они говорят. Ах! ma chère, о каком вздоре они говорили! Они говорили о том, как одна дама в танцах, вместо одной какой-то фигуры, сделала другую; также, что какой-то Бобов был очень похож в своем жабо на аиста, и чуть было не упал; что какая-то Лидина воображает, что у ней голубые глаза, между тем как они зеленые, — и тому подобное. Куда ж, подумала я сама в себе: если сравнить камер-юнкера с Трезором! Небо! какая разница! Во-первых, у камер-юнкера совершенно гладкое широкое лицо и вокруг бакенбарды, как будто бы он обвязал его черным платком; а у Трезора мордочка тоненькая, и на самом лбу белая лысинка. Талию Трезора и сравнить нельзя с камер-юнкерскою. А глаза, приемы, ухватки совершенно не те. О, какая разница! Я не знаю, что она нашла в своем камер-юнкере. Отчего она так им восхищается?..

Мне самому кажется, здесь что-нибудь да не так. Не может быть, чтобы ее мог так обворожить камер-юнкер. Посмотрим далее:

Мне кажется, если камер-юнкер нравится, то скоро будет нравиться и тот чиновник, который сидит у папа́ в кабинете. Ах, ma chère, если бы ты знала, какой это урод. Совершенная черепаха в мешке...

Какой же бы это чиновник?..

Фамилия его престранная. Он всегда сидит и чинит перья. Волоса на голове его очень похожи на сено. Папа всегда посылает его вместо слуги...

Мне кажется, что эта мерзкая собачонка метит на меня. Где ж у меня волоса, как сено?

Софи никак не может удержаться от смеха, когда глядит на него.

Врешь ты, проклятая собачонка! Экой мерзкой язык! Как будто я не знаю, что это дело зависти. Как будто я не знаю, чьи здесь штуки. Это штуки начальника отделения. Ведь поклялся же человек непримиримою ненавистию — и вот вредит да и вредит, на каждом шагу вредит. Посмотрим однакоже еще одно письмо. Там, может быть, дело раскроется само собою.

Ma chère Фидель, ты извини меня, что так давно не писала. Я была в совершенном упоении. Подлинно справедливо сказал какой-то писатель, что любовь есть вторая жизнь. Притом же у нас в доме теперь большие перемены. Камер-юнкер теперь у нас каждый день. Софи влюблена в него до безумия. Папа очень весел. Я даже слышала от нашего Григория, который метет пол и всегда почти разговаривает сам с собою, что скоро будет свадьба; потому что папа хочет непременно видеть Софи или за генералом, или за камер-юнкером, или за военным полковником...

Чорт возьми! я не могу более читать... Всё или камер-юнкер, или генерал. Всё, что есть лучшего на свете, всё достается или камер-юнкерам, или генералам. Найдешь себе бедное богатство, думаешь достать его рукою, — срывает у тебя камер-юнкер или генерал. Чорт побери! Желал бы я сам сделаться генералом, не для того, чтобы получить руку и прочее. Нет; хотел бы быть генералом для того только, чтобы увидеть, как они будут увиваться и делать все эти разные придворные штуки и экивоки, и потом сказать им, что я плюю на вас обоих. Чорт побери. Досадно! Я изорвал в клочки письма глупой собачонки.

Декабря 3.

Не может быть. Враки! Свадьбе не бывать! Что ж из того, что он камер-юнкер. Ведь это больше ничего кроме

достоинство; не какая-нибудь вещь видимая, которую бы можно взять в руки. Ведь через то, что камер-юнкер, не прибавится третий глаз на лбу. Ведь у него же нос не из золота сделан, а так же, как и у меня, как и у всякого; ведь он им нюхает, а не ест, чихает, а не кашляет. Я несколько раз уже хотел добраться, отчего происходят все эти разности. Отчего я титулярный советник и с какой стати я титулярный советник? Может быть я какой-нибудь граф или генерал, а только так кажусь титулярным советником? Может быть я сам не знаю, кто я таков. Ведь сколько примеров по истории: какой-нибудь простой, не то уже чтобы дворянин, а просто какой-нибудь мещанин или даже крестьянин — и вдруг открывается, что он какой-нибудь вельможа, а иногда даже и государь. Когда из мужика да иногда выходит эдакое, что же из дворянина может выйти? Вдруг, например, я вхожу в генеральском мундире: у меня и на правом плече эполета и на левом плече эполета, через плечо голубая лента — что? как тогда запоет красавица моя? что скажет и сам папа, директор наш? О, это большой честолюбец! Это масон, непременно масон, хотя он и прикидывается таким и эдаким, но я тотчас заметил, что он масон: он если даст кому руку, то высовывает только два пальца. Да разве я не могу быть сию же минуту пожалован генерал-губернатором, или интендантом, или там другим каким-нибудь? Мне бы хотелось знать, отчего я титулярный советник? Почему именно титулярный советник?

Декабря 5.

Я сегодня всё утро читал газеты. Странные дела делаются в Испании. Я даже не мог хорошенько разобрать их. Пишут, что престол упразднен и что чины находятся в затруднительном положении о избрании наследника и от того происходят возмущения. Мне кажется это чрезвычайно странным. Как же может быть престол упразднен? Говорят, какая-то дона должна взойти на престол. Не может

взойти дона на престол. Никак не может. На престоле должен быть король. Да, говорят, нет короля. — Не может статься, чтобы не было короля. Государство не может быть без короля. Король есть, да только он где-нибудь находится в неизвестности. Он, статься может, находится там же, но какие-нибудь или фамильные причины, или опасения со стороны соседственных держав, как-то: Франции и других земель, заставляют его скрываться, или есть какие-нибудь другие причины.

Декабря 8.

Я было уже совсем хотел итти в департамент, но разные причины и размышления меня удержали. У меня всё не могли выйти из головы испанские дела. Как же может это быть, чтобы дона сделалась королевою? Не позволят этого. И во-первых Англия не позволит. Да притом и дела политические всей Европы: австрийский император, наш государь... Признаюсь, эти происшествия так меня убили и потрясли, что я решительно ничем не мог заняться во весь день. Мавра замечала мне, что я за столом был чрезвычайно развлечен. И точно, я две тарелки, кажется, в рассеянности бросил на пол, которые тут же расшиблись. После обеда ходил под горы. Ничего поучительного не мог извлечь. Большею частию лежал на кровати и рассуждал о делах Испании.

Год 2000 апреля 43 числа.

Сегодняшний день — есть день величайшего торжества! В Испании есть король. Он отыскался. Этот король я. Именно только сегодня об этом узнал я. Признаюсь, меня вдруг как будто молнией осветило. Я не понимаю, как я мог думать и воображать себе, что я титулярный советник. Как могла взойти мне в голову эта сумасбродная мысль. Хорошо, что еще не догадался никто посадить меня тогда

в сумасшедший дом. Теперь передо мною всё открыто. Теперь я вижу всё как на ладоне. А прежде, я не понимаю, прежде всё было передо мною в каком-то тумане. И это всё происходит, думаю, оттого, что люди воображают, будто человеческой мозг находится в голове; совсем нет: он приносится ветром со стороны Каспийского моря. Сначала я объявил Мавре, кто я. Когда она услышала, что перед нею испанский король, то всплеснула руками и чуть не умерла от страха. Она, глупая, еще никогда не видала испанского короля. Я однакоже старался ее успокоить, и в милостивых словах старался ее уверить в благосклонности, и что я вовсе не сержусь за то, что она мне иногда дурно чистила сапоги. Ведь это черный народ. Им нельзя говорить о высоких материях. Она испугалась оттого, что находится в уверенности, будто все короли в Испании похожи на Филиппа II. Но я растолковал ей, что между мною и Филиппом нет никакого сходства и что у меня нет ни одного капуцина... В департамент не ходил. Чорт с ним! Нет, приятели, теперь не заманите меня; я не стану переписывать гадких бумаг ваших!

Мартобря 86 числа. Между днем и ночью.

Сегодня приходил наш экзекутор с тем, чтобы я шел в департамент, что уже более трех недель как я не хожу на должность. Я для штуки пошел в департамент. Начальник отделения думал, что я ему поклонюсь и стану извиняться, но я посмотрел на него равнодушно, не слишком гневно и не слишком благосклонно, и сел на свое место, как будто никого не замечая. Я глядел на всю канцелярскую сволочь и думал: что если бы вы знали, кто между вами сидит... Господи боже! какую бы вы ералаш подняли, да и сам начальник отделения начал бы мне так же кланяться в пояс, как он теперь кланяется перед директором. Передо мною положили какие-то бумаги, чтобы я сделал из них экстракт. Но я и пальцем не притронулся. Через несколько минут всё засуетилось. Сказали, что директор

идет. Многие чиновники побежали наперерыв, чтобы показать себя перед ним. Но я ни с места. Когда он проходил чрез наше отделение, все застегнули на пуговицы свои фраки; но я совершенно ничего! Что за директор! чтобы я встал перед ним — никогда! Какой он директор? Он пробка, а не директор. Пробка обыкновенная, простая пробка, больше ничего. Вот которою закупоривают бутылки. Мне больше всего было забавно, когда подсунули мне бумагу, чтобы я подписал. Они думали, что я напишу на самом кончике листа: столоначальник такой-то, как бы не так? а я на самом главном месте, где подписывается директор департамента, черкнул: Фердинанд VIII. Нужно было видеть, какое благоговейное молчание воцарилось; но я кивнул только рукою сказав: „не нужно никаких знаков подданничества!“ и вышел. Оттуда я пошел прямо в директорскую квартиру. Его не было дома. Лакей хотел меня не впустить, но я ему такое сказал, что он и руки опустил. Я прямо пробрался в уборную. Она сидела перед зеркалом, вскочила и отступила от меня. Я однакоже не сказал ей, что я испанский король. Я сказал только, что счастие ее ожидает такое, какого она и вообразить себе не может, и что, несмотря на козни неприятелей, мы будем вместе. Я больше ничего не хотел говорить и вышел. О, это коварное существо — женщины! Я теперь только постигнул, что такое женщина. До сих пор никто еще не узнал, в кого она влюблена: я первый открыл это. Женщина влюблена в чорта. Да, не шутя. Физики пишут глупости, что она тò и тò — она любит только одного чорта. Вон видите, из ложи первого яруса она наводит лорнет. Вы думаете, что она глядит на этого толстяка со звездою? совсем нет, она глядит на чорта, что у него стоит за спиною. Вон он спрятался к нему в звезду. Вон он кивает оттуда к ней пальцем! И она выйдет за него. Выйдет. А вот эти все, чиновные отцы их, вот эти все, что юлят во все стороны и лезут ко двору, и говорят, что они патриоты, и то и сё: аренды, аренды хотят эти патриоты! Мать, отца, бога, продадут за деньги, честолюбцы, христопродавцы!

Всё это честолюбие и честолюбие оттого, что под язычком находится малинькой пузырек и в нем небольшой червячок величиною с булавочную головку, и это всё делает какой-то цирюльник, который живет в Гороховой. Я не помню, как его зовут. Но главная пружина всего этого турецкий султан, который подкупает цирюльника и который хочет по всему свету распространить магометанство. Уже, говорят, во Франции большая часть народа признает веру Магомета.

Никоторого числа. День был без числа.

Ходил инкогнито по Невскому проспекту. Проезжал государь император. Весь город снял шапки и я также; однакоже я не подал никакого вида, что испанский король. Почел неприличным открыться тут же при всех; потому, что прежде всего нужно представиться ко двору. Меня останавливало только то, что я до сих пор не имею королевского костюма. Хотя бы какую-нибудь достать мантию. Я хотел было заказать портному, но это совершенные ослы, притом же они совсем небрегут своею работою, ударились в аферу и большею частию мостят камни на улице. Я решился сделать мантию из нового вицмундира, который надевал всего только два раза. Но чтобы эти мерзавцы не могли испортить, то я сам решился шить, заперши дверь, чтобы никто не видал. Я изрезал ножницами его весь, потому что покрой должен быть совершенно другой.

Числа не помню. Месяца тоже не было. Было чорт знает, что такое.

Мантия совершенно готова и сшита. Мавра вскрикнула, когда я надел ее. Однакоже я еще не решаюсь представляться ко двору. До сих пор нет депутации из Испании. Без депутатов неприлично. Никакого не будет веса моему достоинству. Я ожидаю их с часа на час.

Число 1.

Удивляет меня чрезвычайно медленность депутатов. Какие бы причины могли их остановить. Неужели Франция? Да, это самая неблагоприятствующая держава. Ходил справляться на почту, не прибыли ли испанские депутаты. Но почтмейстер чрезвычайно глуп, ничего не знает: нет, говорит, здесь нет никаких испанских депутатов, а письма если угодно написать, то мы примем по установленному курсу. — Чорт возьми! Что письмо? Письмо вздор. Письма пишут аптекари...

Мадрид. Февруарий тридцатый.

Итак, я в Испании, и это случилось так скоро, что я едва мог очнуться. Сегодня поутру явились ко мне депутаты испанские и я вместе с ними сел в карету. Мне показалась странною необыкновенная скорость. Мы ехали так шибко, что через полчаса достигли испанских границ. Впрочем ведь теперь по всей Европе чугунные дороги и пароходы ездят чрезвычайно скоро. Странная земля Испания: когда мы вошли в первую комнату, то я увидел множество людей с выбритыми головами. Я однакоже догадался, что это должны быть или доминиканы или капуцины, потому что они бреют головы. Мне показалось чрезвычайно странным обхождение государственного канцлера, который вел меня за руку; он толкнул меня в небольшую комнату и сказал: сиди тут, и если ты будешь называть себя королем Фердинандом, то я из тебя выбью эту охоту. Но я, зная, что это было больше ничего кроме искушение, отвечал отрицательно, — за что канцлер ударил меня два раза палкою по спине так больно, что я чуть было не вскрикнул, но удержался вспомнивши, что это рыцарский обычай при вступлении в высокое звание, потому что в Испании еще и доныне ведутся рыцарские обычаи. Оставшись один, я решился заняться делами государственными. Я открыл, что Китай и Испания совершенно одна и та же земля, и только по невежеству считают их за

разные государства. Я советую всем нарочно написать на бумаге Испания, то и выйдет Китай. Но меня однакоже чрезвычайно огорчало событие, имеющее быть завтра. Завтра в 7 часов совершится странное явление: земля сядет на луну. Об этом и знаменитый английский химик Велингтон пишет. Признаюсь, я ощутил сердечное беспокойство, когда вообразил себе необыкновенную нежность и непрочность луны. Луна ведь обыкновенно делается в Гамбурге; и прескверно делается. Я удивляюсь, как не обратит на это внимание Англия. Делает ее хромой бочар, и видно, что дурак никакого понятия не имеет о луне. Он положил смоляной канат и часть деревянного масла; и оттого по всей земле вонь страшная, так что нужно затыкать нос. И оттого самая луна такой нежный шар, что люди никак не могут жить, и там теперь живут только одни носы. И потому-то самому мы не можем видеть носов своих, ибо они все находятся в луне. И когда я вообразил, что земля вещество тяжелое и может насевши размолоть в муку носы наши, то мною овладело такое беспокойство, что я надевши чулки и башмаки поспешил в залу государственного совета, с тем, чтоб дать приказ полиции не допустить земле сесть на луну. Капуцины, которых я застал в зале государственного совета великое множество, были народ очень умный, и когда я сказал: „господа, спасем луну, потому что земля хочет сесть на нее“, то все в ту же минуту бросились исполнять мое монаршее желание и многие полезли на стену с тем, чтобы достать луну, но в это время вошел великий канцлер. Увидевши его, все разбежались. Я, как король, остался один. Но канцлер, к удивлению моему, ударил меня палкою и прогнал в мою комнату. Такую имеют власть в Испании народные обычаи!

Январь того же года, случившийся после февраля.

До сих пор не могу понять, что это за земля Испания. Народные обычаи и этикеты двора совершенно необыкно-

венны. Не понимаю, не понимаю, решительно не понимаю ничего. Сегодня выбрили мне голову, несмотря на то, что я кричал изо всей силы о нежелании быть монахом. Но я уже не могу и вспомнить, что было со мною тогда, когда начали мне на голову капать холодною водою. Такого ада я еще никогда не чувствовал. Я готов был впасть в бешенство, так что едва могли меня удержать. Я не понимаю вовсе значения этого странного обычая. Обычай глупый, бессмысленный! Для меня непостижима безрассудность королей, которые до сих пор не уничтожают его. Судя по всем вероятиям, догадываюсь: не попался ли я в руки инквизиции, и тот, которого я принял за канцлера, не есть ли сам великий инквизитор. Только я всё не могу понять, как же мог король подвергнуться инквизиции. Оно, правда, могло со стороны Франции и особенно Полинияк. О, это бестия Полинияк! Поклялся вредить мне по смерть. И вот гонит да и гонит; но я знаю, приятель, что тебя водит англичанин. Англичанин большой политик. Он везде юлит. Это уже известно всему свету, что когда Англия нюхает табак, то Франция чихает.

Число 25.

Сегодня великий инквизитор пришел в мою комнату, но я, услышавши еще издали шаги его, спрятался под стул. Он, увидевши, что нет меня, начал звать. Сначала закричал: Поприщин! — я ни слова. Потом: Аксентий Иванов! титулярный советник! дворянин! — Я всё молчу. — Фердинанд VIII, король испанский! — Я хотел было высунуть голову, но после подумал: нет, брат, не надуешь! Знаем мы тебя: опять будешь лить холодную воду мне на голову. Однакоже он увидел меня и выгнал палкою из-под стула. Чрезвычайно больно бьется проклятая палка. Впрочем за всё это вознаградило меня нынешнее открытие: я узнал, что у всякого петуха есть Испания, что она у него находится под перьями. Великий инквизитор однакоже ушел от меня разгневанный и грозя мне каким-то наказа-

нием. Но я совершенно пренебрег его бессильною злобою, зная, что он действует как машина, как орудие англичанина.

Чи 34 сло Мц гдао. ꙗꙋꙋдвеѳ 349.

Нет, я больше не имею сил терпеть. Боже! что они делают со мною! Они льют мне на голову холодную воду! Они не внемлют, не видят, не слушают меня. Что я сделал им? За что они мучат меня? Чего хотят они от меня бедного? Что могу дать я им? Я ничего не имею. Я не в силах, я не могу вынести всех мук их, голова горит моя и всё кружится предо мною. Спасите меня! возьмите меня! дайте мне тройку быстрых как вихорь коней! Садись, мой ямщик, звени, мой колокольчик, взвейтеся, кони, и несите меня с этого света! Далее, далее, чтобы не видно было ничего, ничего. Вон небо клубится передо мною; звездочка сверкает вдали; лес несется с темными деревьями и месяцем; сизый туман стелется под ногами; струна звенит в тумане; с одной стороны море, с другой Италия; вон и русские избы виднеют. Дом ли то мой синеет вдали? Мать ли моя сидит перед окном? Матушка, спаси твоего бедного сына! урони слезинку на его больную головушку посмотри, как мучат они его! прижми ко груди своей бедного сиротку! ему нет места на свете! его гонят! — Матушка! пожалей о своем больном дитятке!.. А знаете ли, что у французского короля шишка под самым носом?

РИМ

ОТРЫВОК

Попробуй взглянуть на молнию, когда, раскроивши черные как уголь тучи, нестерпимо затрепещет она целым потопом блеска. Таковы очи у альбанки Аннунциаты. Всё напоминает в ней те античные времена, когда оживлялся мрамор и блистали скульптурные резцы. Густая смола волос тяжеловесной косою вознеслась в два кольца над головой и четырьмя длинными кудрями рассыпалась по шее. Как ни поворотит она сияющий снег своего лица — образ ее весь отпечатлелся в сердце. Станет ли профилем — благородством дивным дышит профиль, и мечется красота линий, каких не создавала кисть. Обратится ли затылком с подобранными кверху чудесными волосами, показав сверкающую позади шею и красоту невиданных землею плеч — и там она чудо. Но чудеснее всего, когда глянет она прямо очами в очи, водрузивши хлад и замиранье в сердце. Полный голос ее звенит, как медь. Никакой гибкой пантере не сравниться с ней в быстроте, силе и гордости движений. Всё в ней венец созданья, от плеч до античной дышущей ноги и до последнего пальчика на ее ноге. Куда ни пойдет она — уже несет с собой картину: спешит ли ввечеру к фонтану с кованой медной вазой на голове — вся проникается чудным согласием обнимающая ее окрестность: легче уходят в даль чудесные

линии альбанских гор, синее глубина римского неба, прямей летит вверх кипарис, и красавица южных дерев, римская пинна, тонее и чище рисуется на небе своею зонтикообразною, почти плывущею на воздухе, верхушкою. И всё: и самый фонтан, где уже столпились в кучу на мраморных ступенях, одна выше другой, альбанские горожанки, переговаривающиеся сильными серебряными голосами, пока поочередно бьет вода звонкой алмазной дугой в подставляемые медные чаны, и самый фонтан, и самая толпа — всё кажется для нее, чтобы ярче выказать торжествующую красоту, чтобы видно было, как она предводит всем, подобно как царица предводит за собою придворный чин свой. В праздничный ли день, когда темная древесная галлерея, ведущая из Альбано в Кастель-Гандольфо, вся полна празднично-убранного народа, когда мелькают под сумрачными ее сводами щеголи миненти в бархатном убранстве, с яркими поясами и золотистым цветком на пуховой шляпе, бредут или несутся вскачь ослы с полузажмуренными глазами, живописно неся на себе стройных и сильных альбанских и фраскатанских женщин, далеко блистающих белыми головными уборами, или таща вовсе не живописно, с трудом и спотыкаясь, длинного неподвижного англичанина в гороховом непроникаемом макинтоше, скорчившего в острый угол свои ноги, чтобы не зацепить ими земли, или неся художника в блузе, с деревянным ящиком на ремне и ловкой вандиковской бородкой, а тень и солнце бегут попеременно по всей группе,— и тогда, и в оный праздничный день при ней далеко лучше, чем без нее. Глубина галлереи выдает ее из сумрачной темноты своей всю сверкающую, всю в блеске. Пурпурное сукно альбанского ее наряда вспыхивает, как ищерь, тронутое солнцем. Чудный праздник летит из лица ее навстречу всем. И, повстречав ее, останавливаются как вкопанные: и щеголь миненте с цветком за шляпой, издавши невольное восклицание; и англичанин в гороховом макинтоше, показав вопросительный знак на неподвижном лице своем; и художник с вандиковской бородкой, долее всех остановившийся

на одном месте, подумывая: „то-то была бы чудная модель для Дианы, гордой Юноны, соблазнительных Граций и всех женщин, какие только передавались на полотно!“ и дерзновенно думая в то же время: то-то был бы рай, еслиб такое диво украсило навсегда смиренную его мастерскую!

Но кто же тот, чей взгляд неотразимее вперился за ее следом? Кто сторожит ее речи, движенья, и движенья мыслей на ее лице? Двадцатипятилетний юноша, римский князь, потомок фамилии, составлявшей когда-то честь, гордость и бесславие средних веков, ныне пустынно догорающей в великолепном дворце, исписанном фресками Гверчина и Караччей, с потускневшей картинной галлереей, с полинявшими штофами, лазурными столами и поседевшим, как лунь, maestro di casa. Его-то увидали недавно римские улицы, несущего свои черные очи, метатели огней из-за перекинутого через плечо плаща, нос, очеркнутый античной линией, слоновую белизну лба и брошенный на него летучий шелковый локон. Он появился в Риме после пятнадцати лет отсутствия, появился гордым юношею вместо еще недавно бывшего дитяти.

Но читателю нужно знать непременно, как всё это свершилось, и потому пробежим наскоро историю его жизни, еще молодой, но уже обильной многими сильными впечатлениями. Первоначальное детство его протекло в Риме; воспитывался он так, как в обычае у доживающих век свой римских вельмож. Учитель, гувернер, дядька и всё, что угодно, был у него аббат, строгий классик, почитатель писем Пиетра Бембо, сочинений Джиованни делла Casa и пяти-шести песней Данта, читавший их не иначе, как с сильными восклицаниями: „dio, che cosa divina!“ и потом через две строки: „diavolo, che divina cosa!“, в чем состояла почти вся художественная оценка и критика, обращавший остальной разговор на броколи и артишоки, любимый свой предмет, знавший очень хорошо, в какое время лучше телятина, с какого месяца нужно начинать есть козленка, любивший обо всем этом поболтать на улице, встретясь с приятелем, другим аббатом, обтягивавший весьма ловко

полные икры свои в шелковые черные чулки, прежде запихнувши под них шерстяные, чистивший себя регулярно один раз в месяц лекарством olio di ricino в чашке кофию и полневший с каждым днем и часом, как полнеют все аббаты. Натурально, что молодой князь узнал немного под таким началом. Узнал он только, что латинский язык есть отец италиянского, что монсиньоры бывают трех родов — одни в черных чулках, другие в лиловых, а третьи такие, которые бывают почти то же, что кардиналы; узнал несколько писем Пиетра Бембо к тогдашним кардиналам, большею частью поздравительных; узнал хорошо улицу Корсо, по которой ходил прогуливаться с аббатом, да виллу Боргезе, да две-три лавки, перед которыми останавливался аббат для закупки бумаги, перьев и нюхательного табаку, да аптеку, где брал он свое olio di ricino. В этом заключался весь горизонт сведений воспитанника. О других землях и государствах аббат намекнул в каких-то неясных и нетвердых чертах: что есть земля Франция, богатая земля, что англичане — хорошие купцы и любят ездить, что немцы — пьяницы, и что на севере есть варварская земля Московия, где бывают такие жестокие морозы, от которых может лопнуть мозг человеческий. Далее сих сведений воспитанник вероятно бы не узнал, достигнув до 25-летнего своего возраста, еслиб старому князю не пришла вдруг в голову идея переменить старую методу воспитанья и дать сыну образование европейское, что можно было отчасти приписать влиянию какой-то французской дамы, на которую он с недавнего времени стал наводить беспрестанно лорнет на всех театрах и гуляньях, засовывая поминутно свой подбородок в огромный белый жабо и поправляя черный локон на парике. Молодой князь был отправлен в Лукку, в университет. Там, во время шестилетнего его пребыванья, развернулась его живая италиянская природа, дремавшая под скучным надзором аббата. В юноше оказалась душа, жадная наслаждений избранных, и наблюдательный ум. Италиянский университет, где наука влачилась, скрытая в черствых схоластических образах, не удо-

влетворял новой молодежи, которая уже слышала урывками о ней живые намеки, перелетавшие через Альпы. Французское влияние становилось заметно в Верхней Италии: оно заносилось туда вместе с модами, виньетками, водевилями и напряженными произведениями необузданной французской музы, чудовищной, горячей, но местами не без признаков таланта. Сильное политическое движение в журналах с июльской революции отозвалось и здесь. Мечтали о возвращении погибшей италиянской славы, с негодованием глядели на ненавистный белый мундир австрийского солдата. Но италиянская природа, любительница покойных наслаждений, не вспыхнула восстанием, над которым не позадумался бы француз; всё окончилось только непреодолимым желанием побывать в заальпийской, в настоящей Европе. Вечное ее движение и блеск заманчиво мелькали вдали. Там была новость, противуположность ветхости италиянской, там начиналось XIX столетие, европейская жизнь. Сильно порывалась туда душа молодого князя, чая приключений и света, и всякой раз тяжелое чувство грусти его осеняло, когда он видел совершенную к тому невозможность: ему был известен непреклонный деспотизм старого князя, с которым было не под силу ладить,— как вдруг получил он от него письмо, в котором предписано было ему ехать в Париж, окончить ученье в тамошнем университете, и дождаться в Лукке только приезда дяди, с тем чтобы отправиться с ним вместе. Молодой князь прыгнул от радости, перецеловал всех своих друзей, угостил всех в загородной остерии и через две недели был уже в дороге, с сердцем, готовым встретить радостным биением всякой предмет. Когда переехали Симплон, приятная мысль пробежала в голове его: он на другой стороне, он в Европе! Дикое безобразие швейцарских гор, громоздившихся без перспективы, без легких далей, несколько ужаснуло его взор, приученный к высокоспокойной нежащей красоте италиянской природы. Но он просветлел вдруг при виде европейских городов, великолепных светлых гостиниц, удобств, расставленных всякому путешественнику, распо-

лагающемуся как дома. Щеголеватая чистота, блеск — всё было ему ново. В немецких городах несколько поразил его странный склад тела немцев, лишенный стройного согласия красоты, чувство которой зарождено уже в груди италиянца; немецкий язык также поразил неприятно его музыкальное ухо. Но перед ним была уже французская граница, сердце его дрогнуло. Порхающие звуки европейского модного языка, лаская, облобызали слух его. Он с тайным удовольствием ловил скользящий шелест их, который уже в Италии казался ему чем-то возвышенным, очищенным от всех судорожных движений, какими сопровождаются сильные языки полуденных народов, не умеющих держать себя в границах. Еще большее впечатление произвел на него особый род женщин — легких, порхающих. Его поразило это улетучившееся существо с едва вызначавшимися легкими формами, с маленькой ножкой, с тоненьким воздушным станом, с ответным огнем во взорах и легкими, почти невыговаривающимися речами. Он ждал с нетерпением Парижа, населял его башнями, дворцами, составил себе по-своему образ его и с сердечным трепетом увидел, наконец, близкие признаки столицы: наклеенные афиши, исполинские буквы, умножавшиеся дилижансы, омнибусы... наконец, понеслись домы предместья. И вот он в Париже, бессвязно обнятый его чудовищною наружностью, пораженный движением, блеском улиц, беспорядком крыш, гущиной труб, безархитектурными сплоченными массами домов, облепленных тесной лоскутностью магазинов, безобразьем нагих неприслоненных боковых стен, бесчисленной смешанной толпой золотых букв, которые лезли на стены, на окна, на крыши и даже на трубы, светлой прозрачностью нижних этажей, состоявших только из одних зеркальных стекол. Вот он, Париж, это вечное, волнующееся жерло, водомет, мечущий искры новостей, просвещенья, мод, изысканного вкуса и мелких, но сильных законов, от которых не властны оторваться и сами порицатели их, великая выставка всего, что производит мастерство, художество и всякий талант, скрытый в невидных

углах Европы, трепет и любимая мечта двадцатилетнего человека, размен и ярмарка Европы! Как ошеломленный, не в силах собрать себя, пошел он по улицам, пересыпавшимся всяким народом, исчерченным путями движущихся омнибусов, поражаясь то видом кафе, блиставшего неслыханным царским убранством, то знаменитыми крытыми переходами, где оглушал его глухой шум нескольких тысяч шумевших шагов сплошно двигавшейся толпы, которая вся почти состояла из молодых людей, и где ослеплял его трепещущий блеск магазинов, озаряемых светом, падавшим сквозь стеклянный потолок в галлерею; то останавливаясь перед афишами, которые миллионами пестрели и толпились в глаза, крича о 24-х ежедневных представлениях и бесчисленном множестве всяких музыкальных концертов; то растерявшись, наконец, совсем, когда вся эта волшебная куча вспыхнула ввечеру при волшебном освещении газа — все домы вдруг стали прозрачными, сильно засиявши снизу; окна и стекла в магазинах, казалось, исчезли, пропали вовсе, и всё, что лежало внутри их, осталось прямо среди улицы нехранимо, блистая и отражаясь в углубленьи зеркалами. „Ma quest'è una cosa divina!“ повторял живой италиянец.

И жизнь его потекла живо, как течет жизнь многих парижан и толпы молодых иностранцев, наезжающих в Париж. В девять часов утра, схватившись с постели, он уже был в великолепном кафе с модными фресками за стеклом, с потолком, облитым золотом, с листами длинных журналов и газет, с благородным приспешником, проходившим мимо посетителей, держа великолепный серебряный кофейник в руке. Там пил он с сибаритским наслаждением свой жирный кофий из громадной чашки, нежась на эластическом, упругом диване и вспоминая о низеньких, темных италиянских кафе с неопрятным боттегой, несущим невымытые стеклянные стаканы. Потом принимался он за чтение колоссальных журнальных листов, и вспомнил о чахоточных журналишках Италии, о каком-нибудь Diario di Roma, il Pirato и тому подобных, где помещались невинные

политические известия и анекдоты чуть не о Термопилах и персидском царе Дарие. Тут, напротив, везде видно было кипевшее перо. Вопросы на вопросы, возраженья на возраженья — казалось, всякий из всех сил топорщился: тот грозил близкой переменой вещей и предвещал разрушенье государству; всякое чуть заметное движение и действие камер и министерства разрасталось в движение огромного размаха между упорными партиями и почти отчаянным криком слышалось в журналах. Даже страх чувствовал италиянец, читая их, думая, что завтра же вспыхнет революция, как будто в чаду выходил из литературного кабинета, и только один Париж с своими улицами мог выветрить в одну минуту из головы весь этот груз. Его порхающий по всему блеск и пестрое движение, после этого тяжелого чтения, казались чем-то похожим на легкие цветки, взбежавшие по оврагу пропасти. В один миг он переселялся весь на улицу и сделался подобно всем зевакою во всех отношениях. Он зевал пред светлыми, легкими продавицами, только что вступившими в свою весну, которыми были наполнены все парижские магазины, как будто бы суровая наружность мужчины была неприлична и мелькала бы темным пятном из-за цельных стекол. Он глядел, как заманчиво щегольские тонкие руки, вымытые всякими мылами, блистая, заворачивали бумажки конфект, меж тем как глаза светло и пристально вперялись на проходящих, как рисовалась в другом месте светловолосая головка в картинном склоне, опустивши длинные ресницы в страницы модного романа, не видя, что около нее собралась уже куча молодежи, рассматривающая и ее легкую снежную шейку, и всякой волосок на голове ее, подслушивающая самое колебание груди, произведенное чтением. Он зевал и перед книжной лавкой, где, как пауки, темнели на слоновой бумаге черные виньетки, набросанные размашисто, сгоряча, так что иногда и разобрать нельзя было, что̀ на них такое, и глядели иероглифами странные буквы. Он зевал и перед машиной, которая одна занимала весь магазин и ходила за зеркальным стеклом, катая огромный

вал, растирающий шеколад. Он зевал перед лавками, где останавливаются по целым часам парижские крокодилы, засунув руки в карманы и разинув рот, где краснел в зелени огромный морской рак, воздымалась набитая трюфелями индейка с лаконическою надписью: 300 fr., и мелькали золотистым пером и хвостами желтые и красные рыбы в стеклянных вазах. Он зевал и на широких булеварах, царственно проходящих поперек весь тесный Париж, где среди города стояли дерева̀ в рост шестиэтажных домов, где на асфальтовые тротуары валила наездная толпа и куча доморощенных парижских львов и тигров, не всегда верно изображаемых в повестях. И, назевавшись вдоволь и досыта, взбирался он к ресторану, где уже давно сияли газом зеркальные стены, отражая в себе бесчисленные толпы дам и мужчин, шумевших речами за маленькими столиками, разбросанными по залу. После обеда уже он спешил в театр, недоумевая только, который выбрать: на каждом из них своя знаменитость, на каждом свой автор, свой актер. Везде новость. Там блещет водевиль, живой, ветреный как сам француз, новый всякий день, создавшийся весь в три минуты досуга, смешивший весь от начала до конца, благодаря неистощимым капризам веселости актера; там горячая драма.— И он невольно сравнил сухую, тощую драматическую сцену Италии, где повторялись один и тот же старик Гольдони, знаемый всеми наизусть, или же новые комедийки, невинные и наивные до того, что ребенок бы соскучился над ними; он сравнил их тощую группу с этим живым торопливым драматическим наводнением, где всё ковалось пока было горячо, где всякой боялся только, чтобы не простыла его новость. Насмеявшись досыта, наволновавшись, наглядевшись, утомленный, подавленный впечатлениями, возвращался он домой и бросался в постель, которая, как известно, одна только нужна французу в его комнате: кабинетом, обедом и вечерним освещением он пользуется в публичных местах. Но князь, однакоже, не позабыл с этим разнообразным зеваньем соединить занятий ума, которых требовала нетерпеливо душа

его. Он принялся слушать всех знаменитых профессоров. Живая речь, часто восторженная, новые точки и стороны, подмеченные речивым профессором, были неожиданны для молодого италиянца. Он чувствовал, как стала спадать с глаз его пелена, как в другом, ярком, виде восставали перед ним прежде незамеченные предметы, и самый приобретенный им хлам кое-каких знаний, которые обыкновенно погибают у большей части людей без всяких применений, пробуждался и, оглянутый другим глазом, утверждался навсегда в его памяти. Он не пропустил также услышать ни одного знаменитого проповедника, публициста, оратора, камерных прений и всего, чем шумно гремит в Европе Париж. Несмотря на то, что не всегда доставало ему средств, что старый князь присылал ему содержание как студенту, а не как князю, он успел, однакоже, найти случай побывать везде, найти доступ ко всем знаменитостям, о которых трубят, повторяя друг друга, европейские листки, даже увидал в лицо тех модных писателей, которых странными созданьями была поражена, на ряду с другими, его пылкая, молодая душа, и в которых всем мнилось слышать еще небранные дотоле струны, неуловимые доселе изгибы страстей. Словом, жизнь италиянца приняла широкий, многосторонний образ, обнялась всем громадным блеском европейской деятельности. Разом, в один и тот же день, беззаботное зеванье и тревожное пробужденье, легкая работа глаз и напряженная ума, водевиль на театре, проповедник в церкви, политический вихрь журналов и камер, рукоплесканье в аудиториях, потрясающий гром консерваторного оркестра, воздушное блистанье танцующей сцены, громотня уличной жизни — какая исполинская жизнь для двадцатилетнего юноши! Нет лучшего места, как Париж; ни за что не променял бы он такой жизни. Как весело и любо жить в самом сердце Европы, где, идя, подымаешься выше, чувствуешь, что член великого всемирного общества! В голове его даже вертелась мысль отказаться вовсе от Италии и основаться навсегда в Париже. Италия казалась ему теперь каким-то темным,

заплеснелым углом Европы, где заглохла жизнь и всякое движенье.

Так пронеслись четыре пламенные года его жизни, — четыре года, слишком значительные для юноши, и к концу их уже многое показалось не в том виде, как было прежде. Во многом он разочаровался. Тот же Париж, вечно влекущий к себе иностранцев, вечная страсть парижан, уже показался ему много, много не тем, чем был прежде. Он видел, как вся эта многосторонность и деятельность его жизни исчезала без выводов и плодоносных душевных осадков. В движении вечного его кипенья и деятельности виделась теперь ему странная недеятельность. Страшное царство слов вместо дел. Он видел, как всякой француз, казалось, только работал в одной разгоряченной голове; как это журнальное чтение огромных листов поглощало весь день и не оставляло часа для жизни практической; как всякой француз воспитывался этим странным вихрем книжной, типографски движущейся политики, и, еще чуждый сословия, к которому принадлежал, еще не узнав на деле всех прав и отношений своих, уже приставал к той или другой партии, горячо и жарко принимая к сердцу все интересы, становясь свирепо против своих супротивников, еще не зная в глаза ни интересов своих, ни супротивников... и слово политика опротивело, наконец, сильно италиянцу.

В движении торговли, ума, везде, во всем видел он только напряженное усилие и стремление к новости. Один силился пред другим, во что бы то ни стало, взять верх, хотя бы на одну минуту. Купец весь капитал свой употреблял на одну только уборку магазина, чтобы блеском и великолепием его заманить к себе толпу. Книжная литература прибегала к картинкам и типографической роскоши, чтоб ими привлечь к себе охлаждающееся внимание. Странностью неслыханных страстей, уродливостью исключений из человеческой природы силились повести и романы овладеть читателем. Всё, казалось, нагло навязывалось и напрашивалось само без зазыва, как непотребная женщина, ловя-

щая человека ночью на улице; всё, одно перед другим, вытягивало повыше свою руку, как обступившая толпа надоедливых нищих. В самой науке, в ее одушевленных лекциях, которых достоинство не мог не признать он, теперь стало ему заметно везде желание выказаться, хвастнуть, выставить себя; везде блестящие эпизоды, и нет торжественного, величавого теченья всего целого. Везде усилия поднять доселе незамеченные факты и дать им огромное влияние иногда в ущерб гармонии целого, с тем только, чтобы оставить за собой честь открытия; наконец, везде почти дерзкая уверенность и нигде смиренного сознания собственного неведения, — и он привел себе на память стих, которым италиянец Альфиери, в едком расположеньи своего духа, попрекнул французов:

Tutto fanno, nulla sanno,
Tutto sanno, nulla fanno:
Gira volta son Francesi,
Piu gli pesi, men ti danno.

Тоскливое расположение духа им овладело. Напрасно старался он развлекать себя, старался сойтись с людьми, которых уважал, но не сошлась италиянская природа с французским элементом. Дружба завязывалась быстро, но уже в один день француз выказывал себя всего до последней черты: на другой день нечего было и узнавать в нем, далее известной глубины уже нельзя было погрузить вопроса в его душу, не вонзалось далее острие мысли; а чувства италиянца были слишком сильны, чтобы встретить себе полный ответ в легкой природе. И нашел он какую-то странную пустоту даже в сердцах тех, которым не мог отказать в уваженьи. И увидел он, наконец, что при всех своих блестящих чертах, при благородных порывах, при рыцарских вспышках, вся нация была что-то бледное, несовершенное, легкий водевиль, ею же порожденный. Не почила на ней величественно-степенная идея. Везде намеки на мысли, и нет самых мыслей; везде полустрасти, и нет страстей, всё не окончено, всё наметано, набросано с быстрой

руки; вся нация — блестящая виньетка, а не картина великого мастера.

Нашедшая ли внезапно на него хандра дала ему возможность увидать всё в таком виде, или внутреннее верное и свежее чувство италиянца было тому причиною, то или другое, только Париж со всем своим блеском и шумом скоро сделался для него тягостной пустыней, и он невольно выбирал глухие отдаленные концы его. Только в одну еще итальянскую оперу заходил он, там только как будто отдыхала душа его, и звуки родного языка теперь выростали пред ним во всем могуществе и полноте. И стала представляться ему чаще забытая им Италия, вдали, в каком-то манящем свете; с каждым днем зазывы ее становились слышнее, и он решился, наконец, писать к отцу, чтобы позволил ему возвратиться в Рим, что в Париже оставаться более он не видит для себя нужды. Два месяца не получал он никакого ответа, ни даже обычных векселей, которые давно следовало ему получить. Сначала ожидал он терпеливо, зная капризный характер своего отца; наконец, начало овладевать им беспокойство. Несколько раз на неделю наведывался к своему банкиру и всегда получал один и тот же ответ, что из Рима нет никаких известий. Отчаяние готово было вспыхнуть в душе его. Средства содержания уже давно у него все прекратились, уже давно сделал он у банкира заем, но и эти деньги давно вышли, давно уже он обедал, завтракал и жил кое-как в долг; косо и неприятно начинали посматривать на него — и хоть бы от кого-нибудь из друзей какое-нибудь известие. Тут-то он сильно почувствовал свое одиночество. В беспокойном ожидании бродил он в этом надоевшем насмерть городе. Летом он был для него еще невыносимее: все наездные толпы разлетелись по минеральным водам, по европейским гостиницам и дорогам. Призрак пустоты виделся на всем. Домы и улицы Парижа были несносны, сады его томились сокрушительно между домов, палимых солнцем. Как убитый останавливался он над Сеной, на грузном, тяжелом мосту, на ее душной набережной, напрасно

стараясь чем-нибудь позабыться, на что-нибудь заглядеться; тоска необъятная жрала его и безыменный червь точил его сердце. Наконец, судьба над ним умилосердилась — и в один день банкир вручил ему письмо. Оно было от дяди, который извещал его, что старый князь уже не существует, что он может приехать распорядиться наследством, которое требует его личного присутствия, потому что расстроено сильно. В письме был тощий билет, едва доставший на дорогу и на расплату четвертой доли долгов. Молодой князь не хотел медлить минуты, уговорил кое-как банкира отсрочить долг и взял место в курьерской карете. Казалось, страшная тягость свалилась с души его, когда скрылся из вида Париж и дохнуло на него свежим воздухом полей. В двое суток он уже был в Марселе, не хотел отдохнуть часу, и того же вечера пересел на пароход. Средиземное море показалось ему родным: оно омывало берега его отчизны, и он посвежел уже, только глядя на одни бесконечные его волны. Трудно было изъяснить чувство, его обнявшее при виде первого италиянского города, — это была великолепная Генуя! В двойной красоте вознеслись над ним ее пестрые колокольни, полосатые церкви из белого и черного мрамора и весь многобашенный амфитеатр ее, вдруг обнесший его со всех сторон, когда пароход пришел к пристани. Никогда не видал он Генуи. Эта играющая пестрота домов, церквей и дворцов на тонком небесном воздухе, блиставшем непостижимою голубизною, была единственна. Сошедши на берег, он очутился вдруг в этих темных, чудных, узеньких, мощенных плитами улицах, с одной узенькой вверху полоской голубого неба. Его поразила эта теснота между домами высокими, огромными, отсутствие экипажного стуку, треугольные маленькие площадки и между ними, как тесные коридоры, изгибающиеся линии улиц, наполненных лавочками генуэзских серебренников и золотых мастеров. Живописные кружевные покрывала женщин, чуть волнуемые теплым широкко; их твердые походки, звонкий говор в улицах; отворенные двери церквей, кадильный запах, несшийся оттуда, — всё это

дунуло на него чем-то далеким, минувшим. Он вспомнил, что уже много лет не был в церкве, потерявшей свое чистое высокое значение в тех умных землях Европы, где он был. Тихо вошел он и стал в молчании на колени у великолепных мраморных колонн, и долго молился, сам не зная за что, — молился, что его приняла Италия, что снизошло на него желание молиться, что празднично было у него на душе, и молитва эта, верно, была лучшая. Словом, как прекрасную станцию унес он за собою Геную: в ней принял он первый поцелуй Италии. С таким же ясным чувством увидел он Ливорно, пустеющую Пизу, Флоренцию, слабо знаемую им прежде. Величаво глянул на него тяжелый граненый купол ее собора, темные дворцы царственной архитектуры и строгое величье небольшого городка. Потом понесся чрез Аппенины, сопровождаемый тем же светлым расположением духа, и когда, наконец, после шестидневной дороги показался в ясной дали, на чистом небе, чудесно круглившийся купол — о!.. сколько чувств тогда столпилось разом в его груди! Он не знал и не мог передать их; он оглядывал всякой холмик и отлогость. И вот уже наконец, Ponte Molle, городские ворота, и вот обняла его красавица площадей Piazza del Popolo, глянул Monte Pincio с террасами, лестницами, статуями и людьми, прогуливающимися на верхушках. Боже! как забилось его сердце! Ветурин понесся по улице Корсо, где когда-то ходил он с аббатом, невинный, простодушный, знавший только, что латинский язык есть отец италиянского. Вот предстали пред ним опять все домы, которые он знал наизусть: Palazzo Ruspoli с своим огромным кафе, Piazza Colonna, Palazzo Sciarra, Palazzo Doria; наконец, поворотил он в переулки, так бранимые иностранцами, не кипящие переулки, где изредка только попадалась лавка брадобрея с нарисованными лилиями над дверьми, да лавка шляпочника, высунувшего из дверей долгополую кардинальскую шляпу, да лавчонка плетеных стульев, делавшихся тут же на улице. Наконец, карета остановилась перед величавым дворцом Брамантовского стиля. Никого не было в нагих

неубранных сенях. На лестнице встретил его дряхлый maestro di casa, потому что швейцар с своей булавой ушел, по обыкновению, в кафе, где проводил всё время. Старик побежал отворять ставни и освещать мало-по-малу старинные величественные залы. Грустное чувство овладело им, — чувство, понятное всякому приезжающему, после нескольких лет отсутствия, домой, когда всё что̀ ни было кажется еще старее, еще пустее, и когда тягостно говорит всякой предмет, знаемый в детстве, и чем веселее были с ним сопряженные случаи, тем сокрушительней грусть, насылаемая им на сердце. Он прошел длинный ряд зал, оглянул кабинет и спальню, где еще не так давно старый владетель дворца засыпал в кровати под балдахином с кистями и гербом, и потом выходил в шлафроке и туфлях в кабинет выпить стакан ослиного молока, с намереньем пополнеть; уборную, где он наряжался с утонченным стараньем старой кокетки и откуда отправлялся потом в коляске с своими лакеями на гулянье в виллу Боргезе, лорнировать постоянно какую-то англичанку, приезжавшую туда также прогуливаться. На столах и в ящиках видны были еще остатки румян, белил и всяких притираний, которыми молодил себя старик. Maestro di casa объявил, что уже за две недели до смерти он принял было твердое намерение жениться, и сделал нарочно консультацию с иностранными докторами, как поддержать con onore i doveri di marito; но что в один день, сделавши два или три визита кардиналам и какому-то приору, он возвратился усталый домой, сел в креслы и умер смертью праведника, хотя смерть его была бы еще блаженнее, если бы он, по словам maestro di casa, догадался послать за две минуты прежде за своим духовником il padre Benvenuto. Всё это слушал молодой князь рассеянный, не принадлежа мыслью ни к чему. Отдохнувши от дороги и от странных впечатлений, он занялся своими делами. Его поразил страшный беспорядок их. Всё, от малого до большого, было в бестолковом, запутанном виде. Четыре бесконечные тяжбы за обвалившиеся дворцы и земли в Ферраре и Неаполе, совершенно опустошенные доходы за три

года вперед, долги и нищенский недостаток среди великолепия — вот что представилось глазам его. Старый князь был непонятное соединение скупости и пышности. Он держал огромную прислугу, которая не получала никакой платы, ничего, кроме ливрей, и довольствовалась подаяниями иностранцев, приходивших смотреть галлерею. При князе были егери, официанты, лакеи, которые ездили у него за коляской, лакеи, которые никуда не ездили и просиживали по целым дням в ближнем кафе, или остерии, болтая всякой вздор. Он распустил тот же час всю эту сволочь, всех егерей и охотников, и оставил одного только старика maestro di casa; уничтожил почти вовсе конюшню, продав никогда не употреблявшихся лошадей; призвал адвокатов и распорядился с своими тяжбами, по крайней мере, так, что из четырех составил две, бросив остальные, как вовсе бесполезные; решился ограничить себя во всем и вести жизнь со всею строгостью экономии. Это было ему не трудно сделать, потому что уже заблаговременно он привык ограничивать себя. Ему не трудно было также отказаться от всякого сообщества с своим сословием, — которое, впрочем всё состояло из двух-трех доживавших фамилий, — общества, воспитанного кое-как отголосками французского образованья, да богача банкира, собиравшего около себя круг иностранцев, да неприступных кардиналов, людей необщительных, черствых, уединенно проводивших время за карточной игрой в tresette (род дурачка) с своим камердинером или брадобреем. Словом, он уединился совершенно, принялся рассматривать Рим и сделался в этом отношении подобен иностранцу, который сначала бывает поражен мелочной, неблестящей его наружностью, испятнанными, темными домами, и с недоумением вопрошает, попадая из переулка в переулок: где же огромный древний Рим? и потом уже узнает его, когда мало-по-малу из тесных переулков начинает выдвигаться древний Рим, где темной аркой, где мраморным карнизом, вделанным в стену, где порфировой потемневшей колонной, где фронтоном посреди вонючего рыбного рынка, где целым портиком перед нестаринной

церковью, и наконец далеко, там где оканчивается вовсе живущий город, громадно воздымается он среди тысячелетних плющей, алоэ и открытых равнин, необъятным Колизеем, триумфальными арками, останками необозримых цезарских дворцов, императорскими банями, храмами, гробницами, разнесенными по полям; и уже не видит иноземец нынешних тесных его улиц и переулков, весь объятый древним миром: в памяти его восстают колоссальные образы цезарей; криками и плесками древней толпы поражается ухо...

Но не так, как иностранец, преданный одному Титу Ливию и Тациту, бегущий мимо всего, к одной только древности, желавший бы в порыве благородного педантизма срыть весь новый город, — нет, он находил всё ра́вно прекрасным: мир древний, шевелившийся из-под темного архитрава, могучий средний век, положивший везде следы художников-исполинов и великолепной щедрости пап, и, наконец, прилепившийся к ним новый век с толпящимся новым народонаселением. Ему нравилось это чудное их слияние в одно, эти признаки людной столицы и пустыни вместе: дворец, колонны, трава, дикие кусты, бегущие по стенам, трепещущий рынок среди темных молчаливых, заслоненных снизу, громад, живой крик рыбного продавца у портика, лимонадчик с воздушной украшенной зеленью лавчонкой перед Пантеоном. Ему нравилась самая невзрачность улиц темных, неприбранных, отсутствие желтых и светленьких красок на домах, идиллия среди города: отдыхавшее стадо козлов на уличной мостовой, крики ребятишек и какое-то невидимое присутствие на всем ясной торжественной тишины, обнимавшей человека. Ему нравились эти беспрерывные внезапности, нежданности, поражающие в Риме. Как охотник, выходящий с утра на ловлю, как старинный рыцарь, искатель приключений, он отправлялся отыскивать всякой день новых и новых чудес, и останавливался невольно, когда вдруг среди ничтожного переулка возносился пред ним дворец, дышавший строгим сумрачным величием. Из темного травертина были сложены его тяжелые несокрушимые стены, вершину венчал великолепно набранный колоссаль-

ный карниз, мраморными брусьями обложена была большая дверь и окна глядели величаво, обремененные роскошным архитектурным убранством; — или как вдруг нежданно вместе с небольшой площадью выглядывал картинный фонтан, обрызгивавший себя самого и свои обезображенные мхом гранитные ступени; — как темная грязная улица оканчивалась нежданно играющей архитектурной декорацией Бернини, или летящим кверху обелиском, или церковью и монастырской стеною, вспыхивавшими блеском солнца на темнолазурном небе с черными, как уголь, кипарисами. И чем далее вглубь уходили улицы, тем чаще росли дворцы и архитектурные созданья Браманта, Борромини, Сангалло, Деллапорта, Виньолы, Бонаротти — и понял он наконец ясно, что только здесь, только в Италии слышно присутствие архитектуры и строгое ее величие как художества. Еще выше было духовное его наслажденье, когда он переносился во внутренность церквей и дворцов, где арки, плоские столпы и круглые колонны из всех возможных сортов мрамора, перемешанные с базальтовыми, лазурными карнизами, порфиром, золотом и античными камнями сочетались согласно, покоренные обдуманной мысли, и выше их всех вознеслось бессмертное создание кисти. Они были высоко прекрасны, эти обдуманные убранства зал, полные царского величия и архитектурной роскоши, везде умевшей почтительно преклониться пред живописью в сей плодотворный век, когда художник бывал и архитектор, и живописец, и даже скульптор вместе. Могучие созданья кисти, уже неповторяющейся ныне, возносились сумрачно пред ним на потемневших стенах, всё еще непостижимые и недоступные для подражания. Входя и погружаясь более и более в созерцание их, он чувствовал, как развивался видимо его вкус, залог которого уже хранился в душе его. И как пред этой величественной прекрасной роскошью показалась ему теперь низкою роскошь XIX столетия, мелкая, ничтожная роскошь, годная только для украшенья магазинов, выведшая на поле деятельности золотильщиков, мебельщиков, обойщиков, столяров и кучи

мастеровых, и лишившая мир Рафаэлей, Тицианов, Микель-Анжелов, низведшая к ремеслу искусство. Как низкою показалась ему эта роскошь, поражающая только первый взгляд и озираемая потом равнодушно, перед этой величавой мыслию украсить стены вековечным созданьем кисти, перед этой прекрасной мыслью владельца дворца доставить себе вечный предмет наслажденья в часы отдыха от дел и от шумного жизненного дрязга, уединившись там, в углу, на старинной софе, далеко от всех, вперя безмолвно взор и вместе со взором входя глубже душою в тайны кисти, зрея невидимо в красе душевных помыслов. Ибо высоко возвышает искусство человека, придая благородство и красоту чудную движеньям души. Как низки казались ему пред этой незыблемой плодотворной роскошью, окружившею человека предметами движущими и воспитывающими душу, нынешние мелочные убранства, ломаемые и выбрасываемые ежегодно беспокойною модою, странным непостижимым порожденьем XIX века, пред которым безмолвно преклонились мудрецы, губительницей и разрушительницей всего, что колоссально, величественно, свято. При таких рассуждениях невольно приходило ему на мысль: не оттого ли сей равнодушный хлад, обнимающий нынешний век, торговый, низкий расчет, ранняя притупленность еще не успевших развиться и возникнуть чувств. Иконы вынесли из храма — и храм уже не храм: летучие мыши и злые духи обитают в нем.

Чем более он всматривался, тем более поражала его сия необыкновенная плодотворность века, и он невольно восклицал: когда и как успели они это наделать! Эта великолепная сторона Рима как будто бы росла перед ним ежедневно. Галлереи и галлереи, и конца им нет... И там, и в той церкви хранится какое-нибудь чудо кисти. И там на дряхлеющей стене еще дивит готовый исчезнуть фреск. И там на вознесенных мраморах и столпах, набранных из древних языческих храмов, блещет неувядаемой кистью плафон. Всё это было похоже на скрытые золотые рудники, покровенные обыкновенной землей, знакомые одному толь-

ко рудокопу. Как полно было у него всякой раз на душе, когда возвращался он домой; как было различно это чувство, объятое спокойной торжественностью тишины, от тех тревожных впечатлений, которыми бессмысленно наполнялась душа его в Париже, когда он возвращался домой усталый, утомленный, редко будучи в силах поверить итог их.

Теперь ему казалась еще более согласною с этими внутренними сокровищами Рима его неприглядная, потемневшая, запачканная наружность, так бранимая иностранцами. Ему неприятно бы было выйти после всего этого в модную улицу с блестящими магазинами, щеголеватостью людей и экипажей: это было бы чем-то развлекающим, святотатственным. Ему лучше нравилась эта скромная тишина улиц, это особенное выражение римского населения, этот призрак восемнадцатого века, еще мелькавший по улице то в виде черного аббата с трехугольною шляпой, черными чулками и башмаками, то в виде старинной пурпурной кардинальской кареты с позлащенными осями, колесами, карнизами и гербами — всё как-то согласовалось с важностью Рима: этот живой, неторопящийся народ, живописно и покойно расхаживающий по улицам, закинув полуплащ, или набросив себе на плечо куртку, без тягостного выраженья в лицах, которое так поражало его на синих блузах и на всем народонаселеньи Парижа. Тут самая нищета являлась в каком-то светлом виде, беззаботная, незнакомая с терзаньем и слезами, беспечно и живописно протягивавшая руку; картинные полки монахов, переходившие улицы в длинных белых или черных одеждах; нечистый рыжий капуцин, вдруг вспыхнувший на солнце светловерблюжьим цветом; наконец, это населенье художников, собравшихся со всех сторон света, которые бросили здесь узенькие лоскуточки одеяний европейских и явились в свободных живописных нарядах; их величественные осанистые бороды, снятые с портретов Леонарда да-Винчи и Тициана, так непохожие на те уродливые, узкие бородки, которые француз переделывает и стрижет себе по пяти раз

в месяц. Тут художник почувствовал красоту длинных волнующихся волос и позволил им рассыпаться кудрями. Тут самый немец с кривизной ног своих и бесперехватностью стана получил значительное выражение, разнеся по плечам золотистые свои локоны, драпируясь легкими складками греческой блузы, или бархатным нарядом, известным под именем cinquecento, которое усвоили себе только одни художники в Риме. Следы строгого спокойствия и тихого труда отражались на их лицах. Самые разговоры и мненья, слышимые на улицах, в кафе, в остериях, были вовсе противоположны или не похожи на те, которые слышались ему в городах Европы. Тут не было толков о понизившихся фондах, о камерных преньях, об испанских делах: тут слышались речи об открытой недавно древней статуе, о достоинстве кистей великих мастеров, раздавались споры и разногласья о выставленном произведении нового художника, толки о народных праздниках и, наконец, частные разговоры, в которых раскрывался человек, вытесненные из Европы скучными общественными толками и политическими мнениями, изгнавшими сердечное выражение из лиц.

Часто оставлял он город для того, чтобы оглянуть его окрестности, и тогда его поражали другие чудеса. Прекрасны были эти немые пустынные Римские поля, усеянные останками древних храмов, с невыразимым спокойством расстилавшиеся вокруг, где пламенея сплошным золотом от слившихся вместе желтых цветков, где блеща жаром раздутого угля от пунцовых листов дикого мака. Они представляли четыре чудные вида на четыре стороны: с одной соединялись они прямо с горизонтом одной резкой ровной чертой, арки водопроводов казались стоящими на воздухе и как бы наклеенными на блистающем серебряном небе. С другой над полями сияли горы; не вырываясь порывисто и безобразно, как в Тироле или Швейцарии, но согласными плывучими линиями выгибаясь и склоняясь, озаренные чудною ясностью воздуха, они готовы были улететь в небо; у подошвы их неслася длинная аркада водопроводов подобно длинному фундаменту, и вершина

гор казалась воздушным продолжением чудного зданья, и небо над ними было уже не серебряное, но невыразимого цвету весенней сирени. С третьей — эти поля увенчивались тоже горами, которые уже ближе и выше возносились, выступая сильнее передними рядами и легкими уступами уходя в даль. В чудную постепенность цветов облекал их тонкий голубой воздух; и сквозь это воздушно-голубое их покрывало сияли чуть приметные домы и виллы Фраскати, гдѐ тонко и легко тронутые солнцем, гдѐ уходящие в светлую мглу пылившихся вдали чуть приметных рощ. Когда же обращался он вдруг назад, тогда представлялась ему четвертая сторона вида: поля оканчивались самим Римом. Сияли резко и ясно углы и линии домов, круглость куполов, статуи Латранского Иоанна и величественный купол Петра, вырастающий выше и выше по мере отдаленья от него, и властительно остающийся наконец один на всем полгоризонте, когда уже совершенно скрылся весь город. Еще лучше любил он оглянуть эти поля с террасы которой-нибудь из вилл Фраскати или Альбано, в часы захождения солнца. Тогда они казались необозримым морем, сиявшим и возносившимся из темных перил террасы; отлогости и линии исчезали в обнявшем их свете. Сначала они еще казались зеленоватыми, и по ним еще виднелись там и там разбросанные гробницы и арки, потом они сквозили уже светлой желтизною в радужных оттенках света, едва выказывая древние остатки, и, наконец, становились пурпурней и пурпурней, поглощая в себе и самый безмерный купол и сливаясь в один густой малиновый цвет, и одна только сверкающая вдали золотая полоса моря отделяла их от пурпурного, так же как и они, горизонта. Нигде, никогда ему не случалось видеть, чтобы поле превращалось в пламя, подобно небу. Долго полный невыразимого восхищенья, стоял он пред таким видом, и потом уже стоял так, просто, не восхищаясь, позабыв всё, когда и солнце уже скрывалось, потухал быстро горизонт и еще быстрее потухали вмиг померкнувшие поля, везде устанавливал свой темный образ вечер, над развалинами огнистыми

фонтанами подымались светящиеся мухи, и неуклюжее крылатое насекомое, несущееся стоймя, как человек, известное под именем дьявола, ударялось без толку ему в очи. Тогда только он чувствовал, что наступивший холод южной ночи уже прохватил его всего, и спешил в городские улицы, чтобы не схватить южной лихорадки.

Так протекала жизнь его в созерцаньях природы, искусств и древностей. Среди сей жизни почувствовал он, более нежели когда-либо, желание проникнуть поглубже историю Италии, доселе ему известную эпизодами, отрывками; без нее казалось ему неполно настоящее, и он жадно принялся за архивы, летописи и записки. Он теперь мог их читать не так, как италиянец-домосед, входящий и телом, и душою в читаемые события и не видящий из-за обступивших его лиц и происшествий всей массы целого, — он теперь мог оглядывать всё покойно, как из ватиканского окна. Пребыванье вне Италии, в виду шума и движенья действующих народов и государств, служило ему строгою поверкою всех выводов, сообщило многосторонность и всеобъемлющее свойство его глазу. Читая, теперь он еще более и вместе с тем беспристрастней был поражен величием и блеском минувшей эпохи Италии. Его изумляло такое быстрое разнообразное развитие человека на таком тесном углу земли, таким сильным движением всех сил. Он видел, как здесь кипел человек, как каждый город говорил своею речью, как у каждого города были целые томы истории; как разом возникли здесь все образы и виды гражданства и правлений: волнующиеся республики сильных непокорных характеров и полновластные деспоты среди их; целый город царственных купцов, опутанный сокровенными правительственными нитями, под призраком единой власти дожа; призванные чужеземцы среди туземцев; сильные напоры и отпоры в недре незначительного городка; почти сказочный блеск герцогов и монархов крохотных земель; меценаты, покровители и гонители; целый ряд великих людей, столкнувшихся в одно и то же время; лира, циркуль, меч и палитра; храмы, воздвигающиеся среди

браней и волнений; вражда, кровавая месть, великодушные черты и кучи романических происшествий частной жизни среди политического общественного вихря и чудная связь между ними: такое изумляющее раскрытие всех сторон жизни политической и частной, такое пробуждение в столь тесном объеме всех элементов человека, совершавшихся в других местах только частями и на больших пространствах! — И всё это исчезло и прошло вдруг, всё застыло, как погаснувшая лава, и выброшено даже из памяти Европою как старый ненужный хлам. Нигде, даже в журналах, не выказывает бедная Италия своего развенчанного чела, лишенная значенья политического, а с ним и влиянья на мир.

И неужели, думал он, не воскреснет никогда ее слава? Неужели нет средств возвратить минувший блеск ее? И вспомнил он то время, когда еще в университете, в Лукке, бредил он о возобновлении ее минувшей славы, как это было любимой мыслью молодежи, как за стаканами добродушно и простосердечно мечтала она о том, и увидел он теперь, как близорука была молодежь, и как близоруки бывают политики, упрекающие народ в беспечности и лени. Почуял он теперь, смутясь, великий перст, пред ним же повергается в прах немеющий человек, — великий перст, чертящий свыше всемирные события. Он вызвал из среды ее же гонимого ее гражданина, бедного генуэзца, который один убил свою отчизну, указав миру неведомую землю и другие широкие пути. Раздался всемирный горизонт, огромным размахом закипели движенья Европы, понеслись вокруг света корабли, двинув могучие северные силы. Осталось пусто Средиземное море; как обмелевшее речное русло, обмелела обойденная Италия. Стоит Венеция, отразив в Адриатические волны свои потухнувшие дворцы, и разрывающей жалостью проникается сердце иностранца, когда поникший гондольер влечет его под пустынными стенами и разрушенными перилами безмолвных мраморных балконов. Онемела Феррара, пугая дикой мрачностью своего герцогского дворца. Глядят

пустынно на всем пространстве Италии ее наклонные башни и архитектурные чуда, очутясь среди равнодушного к ним поколенья. Звонкое эхо раздается в шумевших когда-то улицах, и бедный ветурин подъезжает к грязной остерии, поселившейся в великолепном дворце. В нищенском вретище очутилась Италия, и пыльными отрепьями висят на ней куски ее померкнувшей царственной одежды.

В порыве душевной жалости готов он был даже лить слезы. Но утешительная, величественная мысль приходила сама к нему в душу, и чуял он другим высшим чутьем, что не умерла Италия, что слышится ее неотразимое вечное владычество над всем миром, что вечно веет над нею ее великий гений, уже в самом начале завязавший в груди ее судьбу Европы, внесший крест в европейские темные леса, захвативший гражданским багром на дальнем краю их дикообразного человека, закипевший здесь впервые всемирной торговлей, хитрой политикой и сложностью гражданских пружин, вознесшийся потом всем блеском ума, венчавший чело свое святым венцом поэзии и, когда уже политическое влияние Италии стало исчезать, развернувшийся над миром торжественными дивами — искусствами, подарившими человеку неведомые наслажденья и божественные чувства, которые дотоле не подымались из лона души его. Когда же и век искусства сокрылся, и к нему охладели погруженные в расчеты люди, он веет и разносится над миром в завывающих воплях музыки, и на берегах Сены, Невы, Темзы, Москвы, Средиземного, Черного моря, в стенах Алжира, и на отдаленных, еще недавно диких, островах гремят восторженные плески звонким певцам. Наконец, самой ветхостью и разрушеньем своим он грозно владычествует ныне в мире: эти величавые архитектурные чуда остались, как призраки, чтобы попрекнуть Европу в ее китайской мелочной роскоши, в игрушечном раздроблении мысли. И самое это чудное собрание отживших миров, и прелесть соединенья их с вечно-цветущей природой — всё существует для того, чтобы будить мир, чтоб жителю севера, как сквозь сон, представлялся иногда

этот юг, чтоб мечта о нем вырывала его из среды хладной жизни, преданной занятиям, очерствляющим душу, — вырывала бы его оттуда, блеснув ему нежданно уносящею в даль перспективой, колизейскою ночью при луне, прекрасно умирающей Венецией, невидимым небесным блеском и теплыми поцелуями чудесного воздуха, — чтобы хоть раз в жизни был он прекрасным человеком...

В такую торжественную минуту он примирялся с разрушеньем своего отечества, и зрелись тогда ему во всем зародыши вечной жизни, вечно лучшего будущего, которое вечно готовит миру его вечный творец. В такие минуты он даже весьма часто задумывался над нынешним значением римского народа. Он видел в нем материал еще непочатый. Еще ни разу не играл он роли в блестящую эпоху Италии. Отмечали на страницах истории имена свои папы, да аристократические домы, но народ оставался незаметен. Его не зацеплял ход двигавшихся внутри и вне его интересов. Его не коснулось образованье и не взметнуло вихрем сокрытые в нем силы. В его природе заключалось что-то младенчески благородное. Эта гордость римским именем, вследствие которой часть города, считая себя потомками древних квиритов, никогда не вступала в брачные союзы с другими. Эти черты характера, смешанного из добродушия и страстей, показывающие светлую его натуру: никогда римлянин не забывал ни зла, ни добра, он или добрый, или злой, или расточитель, или скряга, в нем добродетели и пороки в своих самородных слоях и не смешались, как у образованного человека, в неопределенные образы, у которого всяких страстишек понемногу под верховным начальством эгоизма. Эта невоздержность и порыв развернуться на все деньги, — замашка сильных народов, — всё это имело для него значение. Эта светлая непритворная веселость, которой теперь нет у других народов: везде, где он ни был, ему казалось, что стараются тешить народ; здесь, напротив, он тешится сам. Он сам хочет быть участником, его насилу удержишь в карнавале; всё, что̀ ни накоплено им в продолжение года, он готов промотать в эти полторы недели;

всё усадит он на один наряд: оденется паяцом, женщиной, поэтом, доктором, графом, врет чепуху и лекции, и слушающему, и неслушающему, — и веселость эта обнимает как вихорь всех от сорокалетнего до ребятишки: последний бобыль, которому нѐ во что одеться, выворачивает себе куртку, вымазывает лицо углем и бежит туда же, в пеструю кучу. И веселость эта прямо из его природы; ею не хмель действует, — тот же самый народ освищет пьяного, если встретит его на улице. Потом черты природного художественного инстинкта и чувства: он видел, как простая женщина указывала художнику погрешность в его картине; он видел, как выражалось невольно это чувство в живописных одеждах, в церковных убранствах, как в Дженсано народ убирал цветочными коврами улицы, как разноцветные листики цветов обращались в краски и тени, на мостовой выходили узоры, кардинальские гербы, портрет папы, вензеля, птицы, звери и арабески. Как накануне светлого воскресенья продавцы съестных припасов, *пицикаролы,* убирали свои лавчонки: свиные окорока, колбасы, белые пузыри, лимоны и листья обращались в мозаику и составляли плафон; круги пармезанов и других сыров, ложась один на другой, становились в колонны; из сальных свечей составлялась бахрома мозаичного занавеса, драпировавшего внутренние стены; из сала белого, как снег, отливались целые статуи, исторические группы христианских и библейских содержаний, которые изумленный зритель принимал за алебастровые — вся лавочка обращалась в светлый храм, сияя позлащенными звездами, искусно освещаясь развешанными шкаликами и отражая зеркалами бесконечные кучи яиц. Для всего этого нужно было присутствие вкуса, и пицикароло делал это не из каких-нибудь доходов, но для того, чтобы полюбовались другие и полюбоваться самому. Наконец, народ, в котором живет чувство собственного достоинства: здесь он il popolo, а не чернь, и носит в своей природе прямые начала времен первоначальных квиритов; его не могли даже совратить наезды иностранцев, развратителей недействующих наций, порождающие по трактирам и дорогам презреннейший класс

людей, по которым путешественник произносит часто суждение обо всем народе. Самая нелепость правительственных постановлений, эта бессвязная куча всяких законов, возникших во все времена и отношенья и не уничтоженных поныне, между которыми даже есть эдикты времен древней римской республики, — всё это не искоренило высокого чувства справедливости в народе. Он порицает неправедного притязателя, освистывает гроб покойника и впрягается великодушно в колесницу, везущую тело, любезное народу. Самые поступки духовенства, часто соблазнительные, произведшие бы в других местах разврат, почти не действуют на него: он умеет отделить религию от лицемерных исполнителей и не заразился холодной мыслью неверия. Наконец, самая нужда и бедность, неизбежный удел стоячего государства, не ведут его к мрачному злодейству: он весел и переносит всё, и только в романах да повестях режет по улицам. Всё это показывало ему стихии народа сильного, непочатого, для которого как будто бы готовилось какое-то поприще впереди. Европейское просвещение как будто с умыслом не коснулось его и не водрузило в грудь ему своего холодного усовершенствования. Самое духовное правительство, этот странный уцелевший призрак минувших времен, осталось как будто для того, чтобы сохранить народ от постороннего влияния, чтоб никто из честолюбивых соседей не посягнул на его личность, чтобы до времени в тишине таилась его гордая народность. Притом здесь, в Риме, не слышалось что-то умершее; в самых развалинах и великолепной бедности Рима не было того томительного, проникающего чувства, которым объемлется невольно человек, созерцающий памятники заживо умирающей нации. Тут противоположное чувство: тут ясное, торжественное спокойство. И всякой раз, соображая всё это, князь предавался невольно размышлениям, и стал подозревать какое-то таинственное значение в слове „вечный Рим“.

Итог всего этого был тот, что он старался узнавать более и более свой народ. Он его следил на улицах, в кафе, где в каждом были свои посетители: в одном анти-

кварии, в другом стрелки и охотники, в третьем кардинальские слуги, в четвертом художники, в пятом вся римская молодежь и римское щегольство; следил в остериях, чисторимских остериях, куда не заходит иностранец, где римский nobile садится иногда рядом с минente, и общество скидает с себя сюртуки и галстухи в жаркие дни; следил его в загородных живописно-невзрачных трактиришках с воздушными окнами без стекол, куда фамилиями и компаниями наезжали римляне обедать, или, по их выражению, far allegria. Он садился и обедал вместе с ними, вмешивался охотно в разговор, дивясь весьма часто простому здравомыслию и живой оригинальности рассказа простых неграмотных горожан. Но более всего он имел случай узнавать его во время церемоний и празднеств, когда всплывает на верх всё народонаселение Рима и вдруг показывается несметное множество дотоле неподозреваемых красавиц, — красавиц, которых образы мелькают только в барельефах, да в древних антологических стихотворениях. Эти полные взоры, алебастровые плечи, смолистые волосы, в тысяче разных образов поднятые на голову, или опрокинутые назад, картинно пронзенные насквозь золотой стрелой, руки, гордая походка, везде черты и намеки на серьезную классическую красоту, а не легкую прелесть грациозных женщин. Тут женщины казались подобны зданьям в Италии: они или дворцы, или лачужки, или красавицы, или безобразные; середины нет между ними: хорошеньких нет. Он ими наслаждался, как наслаждался в прекрасной поэме стихами, выбившимися из ряду других и насылавшими свежительную дрожь на душу.

Но скоро к таким наслажденьям присоединилось чувство, объявившее сильную борьбу всем прочим, — чувство, которое вызвало из душевного дна сильные человеческие страсти, подымающие демократический бунт против высокого единодержавия души: он увидел Аннунциату. И вот таким образом мы добрались, наконец, до светлого образа, который озарил начало нашей повести.

Это было во время карнавала. — Сегодня я не пойду на Корсо, сказал принчипе своему maestro di casa, выходя

из дому: мне надоедает карнавал, мне лучше нравятся летние праздники и церемонии...

— Но разве это карнавал? — сказал старик, — это карнавал ребят. Я помню карнавал: когда по всему Корсо ни одной кареты не было, и всю ночь гремела по улицам музыка; когда живописцы, архитекторы и скульпторы выдумывали целые группы, истории; когда народ, — князь понимает: весь народ, все, все золотильщики, рамщики, мозаичисты, прекрасные женщины, вся синьория, все nobili, все, все, все... o quanta allegria! Вот когда был карнавал так карнавал, а теперь что̀ за карнавал? Э! сказал старик и пожал плечами, потом опять сказал: э! — и пожал плечами, и потом уже произнес: E una porcheria. — Затем maestro di casa в душевном порыве сделал необыкновенно сильный жест рукою, но утишился, увидев, что князя давно пред ним не было. Он был уже на улице. Не желая участвовать в карнавале, он не взял с собой ни маски, ни железной сетки на лицо, и забросившись плащом, хотел только пробраться через Корсо на другую половину города. Но народная толпа была слишком густа. Едва только продрался он между двух человек, как уже попотчивали его сверху мукой; пестрый арлекин ударил его по плечу трещоткою, пролетев мимо с своей коломбиною; конфетти и пучки цветов полетели ему в глаза, с двух сторон стали ему жужжать в уши: с одной стороны граф, с другой медик, читавший ему длинную лекцию о том, что у него находится в желудочной кишке. Пробиться между них не было сил, потому что народная толпа возросла; цепь экипажей, уже не будучи в возможности двинуться, остановилась. Внимание толпы занял какой-то смельчак, шагавший на ходулях вравне с домами, рискуя всякую минуту быть сбитым с ног и грохнуться на-смерть о мостовую. Но об этом, кажется, у него не было забот. Он тащил на плечах чучело великана, придерживая его одной рукою, неся в другой написанный на бумаге сонет, с приделанным к нему бумажным хвостом, какой бывает у бумажного змея, и крича во весь голос: Ecco il gran poeta morto! Ecco il suo sonetto colla coda (Вот умерший великий поэт! вот

его сонет с хвостом).* Этот смельчак сгустил за собою толпу до такой степени, что князь едва мог перевести дух. Наконец, вся толпа двинулась вперед за мертвым поэтом; цепь экипажей тронулась, чему он обрадовался сильно, хоть народное движение сбило с него шляпу, которую он теперь бросился подымать. Поднявши шляпу, он поднял вместе и глаза, и остолбенел: перед ним стояла неслыханная красавица. Она была в сияющем альбанском наряде в ряду двух других тоже прекрасных женщин, которые были пред ней как ночь пред днем. Это было чудо в высшей степени. Всё должно было померкнуть пред этим блеском. Глядя на нее, становилось ясно, почему италиянские поэты и сравнивают красавиц с солнцем. Это именно было солнце, полная красота. Всё, что рассыпалось и блистает поодиночке в красавицах мира, всё это собралось сюда вместе. Взглянувши на грудь и бюст ее, уже становилось очевидно, чего недостает в груди и бюстах прочих красавиц. Пред ее густыми блистающими волосами показались бы жидкими и мутными все другие волосы. Ее руки были для того, чтобы всякого обратить в художника, — как художник, глядел бы он на них вечно, не смея дохнуть. Пред ее ногами показались бы щепками ноги англичанок, немок, француженок и женщин всех других наций; одни только древние ваятели удержали высокую идею красоты их в своих статуях. Это была красота полная, созданная для того, чтобы всех равно ослепить! Тут не нужно было иметь какой-нибудь особенный вкус; тут все вкусы должны были сойтиться, все должны были повергнуться ниц; и верующий и неверующий упали бы пред ней как пред внезапным появленьем божества. Он видел, как весь народ, сколько его там ни было, загляделся на нее, как женщины выразили невольное изумленье на своих лицах, смешанное с наслажденьем, и повторяли: „O, bella“, как всё что́ ни было, казалось, превратилось в художника и смотрело пристально на

---

* В италиянской поэзии существует род стихотворенья, известного под именем сонета с хвостом (con la coda), когда мысль не вместилась и ведет за собою прибавление, которое часто бывает длиннее самого сонета.

одну ее. Но в лице красавицы написано было только одно внимание к карнавалу: она смотрела только на толпу и на маски, не замечая обращенных на нее глаз, едва слушая стоявших позади ее мужчин в бархатных куртках, вероятно, родственников, пришедших вместе с ними. Князь принимался было распрашивать у близ стоявших около себя, кто была такая чудная красавица и откуда. Но везде получал в ответ одно только пожатье плечьми, сопровождаемое жестом, и слова: „не знаю, должно быть, иностранка".* Недвижный, утаив дыханье, он поглощал ее глазами. Красавица, наконец, навела на него свои полные очи, но тут же смутилась и отвела их в другую сторону. Его пробудил крик: пред ним остановилась громадная телега. Толпа находившихся в ней масок в розовых блузах, назвав его по имени, принялась качать в него мукой, сопровождая одним длинным восклицаньем: у, у, у... И в одну минуту с ног до головы был он обсыпан белою пылью, при громком смехе всех обступивших его соседей. Весь белый, как снег, даже с белыми ресницами, князь побежал наскоро домой переодеться.

Покамест он сбегал домой, пока успел переодеться, уже только полтора часа оставалось до Ave Maria. С Корсо возвращались пустые кареты: сидевшие в них перебрались на балконы смотреть оттуда не перестававшую двигаться толпу, в ожидании конного бега. При повороте на Корсо встретил он телегу, полную мужчин в куртках и сияющих женщин с цветочными венками на головах, с бубнами и тимпанами в руках. Телега, казалось, весело возвращалась домой, бока ее были убраны гирляндами, спицы и ободья колес увиты зелеными ветвями. Сердце его захолонуло, когда он увидел, что среди женщин сидела в ней поразившая его красавица. Сверкающим смехом озарялось ее лицо. Телега быстро промчалась при кликах и песнях. Первым делом его было бежать вслед ее, но дорогу перегородил ему огромный поезд музыкантов: на шести колесах везли стра-

* Римляне всех, кто не живет в Риме, называют иностранцами (forestieri), хотя бы они обитали только в 10 милях от города.

шилищной величины скрыпку. Один человек сидел верхом на подставке, другой, идя сбоку ее, водил громадным смычком по четырем канатам, натянутым на нее вместо струн. Скрыпка, вероятно, стоила бóльших трудов, издержек и времени. Впереди шел исполинский барабан. Толпа народа и мальчишек тесно валила вслед за музыкальным поездом, и шествие замыкал известный в Риме своей толщиною пицикароло, неся клистирную трубку вышиною в колокольню. Когда улица очистилась от поезда, князь увидел, что бежать за телегой глупо и поздно, и притом неизвестно, по каким дорогам понеслась она. Он не мог, однакоже, отказаться от мысли искать ее. В воображеньи его порхал этот сияющий смех и открытые уста с чудными рядами зубов. „Это блеск молнии, а не женщина“, повторял он в себе, и в то же время с гордостью прибавлял: „Она римлянка. Такая женщина могла только родиться в Риме. Я должен непременно ее увидеть. Я хочу ее видеть, не с тем, чтобы любить ее, нет, я хотел бы только смотреть на нее, смотреть на всю ее, смотреть на ее очи, смотреть на ее руки, на ее пальцы, на блистающие волосы. Не целовать ее, хотел бы только глядеть на нее. И что же? Ведь это так должно быть, это в законе природы; она не имеет права скрыть и унести красоту свою. Полная красота дана для того в мир, чтобы всякой ее увидал, чтобы идею о ней сохранял навечно в своем сердце. Если бы она была просто прекрасна, а не такое верховное совершенство, она бы имела право принадлежать одному, ее бы мог он унести в пустыню, скрыть от мира. Но красота полная должна быть видима всем. Разве великолепный храм строит архитектор в тесном переулке? Нет, он ставит его на открытой площади, чтобы человек со всех сторон мог оглянуть его и подивиться ему. Разве для того зажжен светильник, сказал божественный учитель, чтобы скрывать его и ставить под стол? Нет, светильник зажжен для того, чтобы стоять на столе, чтобы всем было видно, чтобы все двигались при его свете. Нет, я должен ее видеть непременно“.— Так рассуждал князь, и потом долго передумывал и пере-

бирал все средства, как достигнуть этого, — наконец, как казалось, остановился на одном, и отправился тут же, ни мало не медля, в одну из тех отдаленных улиц, которых много в Риме, где нет даже кардинальского дворца с выставленными росписными гербами на деревянных овальных щитах, где виден нумер над каждым окном и дверью тесного домичка, где идет горбом выпученная мостовая, куда из иностранцев заглядывает только разве пройдоха немецкий художник с походным стулом и красками, да козел, отставший от проходящего стада и остановившийся посмотреть с изумленьем, что̀ за улица, им никогда не виданная. Тут раздается звонко лепет римлянок: со всех сторон, изо всех окон несутся речи и переговоры. Тут всё откровенно, и проходящий может совершенно знать все домашние тайны; даже мать с дочерью разговаривают не иначе между собою, как высунув обе свои головы на улицу; тут мужчин незаметно вовсе. Едва только блеснет утро, уже открывает окно и высовывается сьора Сусанна, потом из другого окна выказывается сьора Грация, надевая юбку. Потом открывает окно сьора Нанна. Потом вылезает сьора Лучия, расчесывая гребнем косу; наконец, сьора Чечилия высовывает руку из окна, чтобы достать белье на протянутой веревке, которое тут же и наказывается за то, что долго не дало достать себя, наказывается скомканьем, киданьем на пол и словами: che bestia! Тут всё живо, всё кипит: летит из окна башмак с ноги в шалуна сына или в козла, который подошел к корзинке, где поставлен годовой ребенок, принялся его нюхать и наклоня голову, готовился ему объяснить, что̀ такое значат рога. Тут ничего не было неизвестного: всё известно. Синиоры всё знали, что́ ни есть: какой сьора Джюдита купила платок, у кого будет рыба за обедом, кто любовник у Барбаручьи, какой капуцин лучше исповедует. Изредка только вставляет свое слово муж, стоящий обыкновенно на улице, облокотясь у стены, с коротенькою трубкою в зубах, почитавший необходимостью, услыша о капуцине, прибавить короткую фразу: „все мошенники“, после чего продолжал снова пускать под нос

себе дым. Сюда не заезжала никакая карета, кроме разве только одной двухколесной трясучки, запряженной мулом, привезшим хлебнику муку, и сонного осла, едва дотащившего перекидную корзину с броколями, несмотря на все понуканья мальчишек, угобжающих каменьями его нещекотливые бока. Тут нет никаких магазинов, кроме лавчонки, где продавался хлеб и веревки, с стеклянными бутылями, да темного узенького кафе, находившегося в самом углу улицы, откуда виден был беспрестанно выходивший боттега, разносивший синиорам кофей или шеколад на козьем молоке, в жестяных маленьких кофейничках, известный под именем: Авроры. Домы тут принадлежали двум, трем, а иногда и четырем владельцам, из которых один имеет только пожизненное право, другой владеет одним этажем и имеет право пользоваться с него доходом только два года, после чего, вследствие завещания, этаж должен был перейти от него к padre Vicenzo на 10 лет, у которого, однакоже, хочет оттягать его какой-то родственник прежней фамилии, живущий во Фраскати и уже заблаговременно затеявший процесс. Были и такие владельцы, которые владели одним окном в одном доме, да другими двумя в другом доме, да пополам с братом пользовались доходами с окна, за которое, впрочем, вовсе не платил неисправный жилец — словом, предмет неистощимый тяжб и продовольствия адвокатов и куриалов, наполняющих Рим. Дамы, о которых только что было упомянуто, все, как первоклассные, честимые полными именами, так и второстепенные, называвшиеся уменьшительными именами, все Тетты, Тутты, Нанны, большею частию ничем не занимались; они были супруги: адвоката, мелкого чиновника, мелкого торгаша, носильщика, факина, а чаще всего незанятого гражданина, умевшего только красиво драпироваться не весьма надежным плащем.

Многие из синиор служили моделями для живописцев. Тут были всех родов модели. Когда бывали деньги, они проводили весело время в остерии с мужьями и целой компанией, не было денег — не были скучны и глядели в окно. Теперь улица была тише обыкновенного, потому что неко-

торые отправились в народную толпу на Корсо. Князь подошел к ветхой двери одного домишка, которая вся была выверчена дырами, так что сам хозяин долго тыкал в них ключем, покамест попадал в настоящую. Уже готов он был взяться за кольцо, как вдруг услышал слова: „Сиор принчипе хочет видеть Пеппе?“ Он поднял голову вверх: из третьего этажа глядела, высунувшись, сьора Тутта.

— Экая крикунья, сказала из супротивного окна сьора Сусанна: — Принчипе, может быть, совсем пришел не с тем, чтоб видеть Пеппе.

— Конечно с тем, чтобы видеть Пеппе, не правда ли, князь? С тем, чтобы видеть Пеппе, не так ли, князь? Чтобы увидеть Пеппе?

— Какой Пеппе, какой Пеппе! продолжала с жестом обеими руками сьора Сусанна. — Князь стал бы думать теперь о Пеппе! Теперь время карнавала, князь поедет вместе с своей куджиной, маркезой Монтелли, поедет с друзьями в карете бросать цветы, поедет за город far allegria. Какой Пеппе! Какой Пеппе!

Князь изумился таким подробностям о своем препровождении времени; но изумляться ему было нечего, потому что сьора Сусанна знала всё.

— Нет, мои любезные синиоры, сказал князь: мне, точно, нужно видеть Пеппе.

На это дала ответ князю уже синиора Грация, которая давно высунулась из окошка второго этажа и слушала. Ответ дала она, слегка пощелкав языком и покрутив пальцем — обыкновенный отрицательный знак у римлянок — и потом прибавила: нет дома.

— Но, может быть, вы знаете, где он, куда ушел?

— Э! куды ушел! повторила сьора Грация, приклонив голову к плечу. — Статься может, в остерии, на площади, у фонтана; верно, кто-нибудь позвал его, куда-нибудь ушел, chi lo sa (кто его знает)!

— Если хочет принчипе что-нибудь сказать ему, подхватила из супротивного окна Барбаручья, надевая в то же время серьгу в свое ухо: пусть скажет мне, я ему передам.

— Ну нет, подумал князь и поблагодарил за такую готовность. В это время выглянул из перекрестного переулка огромный запачканный нос и, как большой топор, повиснул над показавшимися вслед за ним губами и всем лицом. Это был сам Пеппе.

— Вот Пеппе! вскрикнула сьора Сусанна.

— Вот идет Пеппе, sior principe, вскрикнула живо из своего окна синиора Грация.

— Идет, идет Пеппе! зазвенела из самого угла улицы сьора Чечилия.

— Принчипе, принчипе! вон Пеппе, вон Пеппе (ессо Рерре, ессо Рерре)! кричали на улице ребятишки.

— Вижу, вижу — сказал князь, оглушенный таким живым криком.

— Вот я, eccelenza, вот! сказал Пеппе, снимая шапку. Он, как видно, уже успел попробовать карнавала. Его откуда-нибудь сбоку хватило сильно мукою. Весь бок и спина были у него выбелены совершенно, шляпа изломана, и всё лицо было убито белыми гвоздями. Пеппе уже был замечателен потому, что всю жизнь свою остался с уменьшительным именем своим Пеппе. До Джьузеппе он никак не добрался, хотя и поседел. Он происходил даже из хорошей фамилии, из богатого дома негоцианта, но последний домишка был у него оттяган тяжбой. Еще отец его, человек тоже в роде самого Пеппе, хотя и назывался sior Джиованни, проел последнее имущество, и он мыкал теперь свою жизнь подобно многим, то есть как приходилось: то вдруг определялся слугой у какого-нибудь иностранца, то был на посылках у адвоката, то являлся убирателем студии какого-нибудь художника, то сторожем виноградника или виллы, и по мере того изменялся на нем беспрестанно костюм. Иногда Пеппе попадался на улице в круглой шляпе и широком сюртуке, иногда в узеньком кафтане, лопнувшем в двух или трех местах, с такими узенькими рукавами, что длинные руки его выглядывали оттуда как метлы, иногда на ноге его являлся поповский чулок и башмак, иногда он показывался в таком костюме, что уж и разобрать было

трудно, тем более, что всё это было надето вовсе не так как следует: иной раз просто можно было подумать, что он надел на ноги вместо панталон куртку, собравши и завязавши ее кое-как сзади. Он был самый радушный исполнитель всех возможных поручений, часто вовсе безъинтересно: тащил продавать всякую ветошь, которую поручали дамы его улицы, пергаментные книги разорившегося аббата или антиквария, картину художника; заходил по утрам к аббатам забирать их панталоны и башмаки для почистки к себе на дом, которые потом позабывал в урочное время отнести назад, от излишнего желанья услужить кому-нибудь попавшемуся третьему, и аббаты оставались арестованными без башмаков и панталон на весь день. Часто ему перепадали порядочные деньги, но деньгами он распоряжался по-римски, то есть на завтра никогда почти их не ставало, не потому чтобы он тратил на себя или проедал, но потому что всё у него шло на лотерею, до которой был он страшный охотник. Вряд ли существовал такой нумер, которого бы он не попробовал. Всякое незначащее ежедневное происшествие у него имело важное значение. Случилось ли ему найти на улице какую-нибудь дрянь, он тот же час справлялся в гадательной книге, за каким нумером она там стоит, с тем чтобы его тотчас же взять в лотерее. Приснился ему однажды сон, что сатана, который и без того ему снился неизвестно по какой причине в начале каждой весны, — что сатана потащил его за нос по всем крышам всех домов, начиная от церкви св. Игнатия, потом по всему Корсо, потом по переулку tre Ladroni, потом по via della stamperia и остановился наконец у самой trinita на лестнице, приговаривая: вот тебе, Пеппе, за то что ты молился св. Панкратию: твой билет не выиграет. — Сон этот произвел большие толки между сьорой Чечилией, сьорой Сусанной и всей почти улицей; но Пеппе разрешил его по-своему: сбегал тот же час за гадательной книгой, узнал, что чорт значит 13 номер, нос 24, святый Панкратий 30, и взял того же утра все три нумера. Потом сложил все три нумера, вышел: 67, он взял и 67. Все четыре нумера по обыкновенью лопнули.

В другой раз случилось ему завести перепалку с виноградарем, толстым римлянином, сиором Рафаэлем Томачели. За что они поссорились, — бог их ведает, но кричали они громко, производя сильные жесты руками, и, наконец, оба побледнели — признак ужасный, при котором обыкновенно со страхом высовываются из окон все женщины и проходящий пешеход отсторанивается подальше, — признак, что дело доходит, наконец, до ножей. И точно, толстый Томачели запустил уже руку за ременное голенище, обтягивавшее его толстую икру, чтобы вытащить оттуда нож, и сказал: „Погоди ты, вот я тебя, телячья голова!“ как вдруг Пеппе ударил себя рукою по лбу и убежал с места битвы. Он вспомнил, что на телячью голову он еще ни разу не взял билета; отыскал нумер телячьей головы и побежал бегом в лотерейную контору, так что все, приготовившиеся смотреть кровавую сцену, изумились такому нежданному поступку, и сам Рафаэль Томачели, засунувши обратно нож в голенище, долго не знал, что ему делать, и наконец сказал: che uomo curioso! (какой странный человек!). Что билеты лопались и пропадали, этим не смущался Пеппе. Он был твердо уверен, что будет богачем, и потому, проходя мимо лавок, спрашивал почти всегда, что стоит всякая вещь. Один раз, узнавши, что продается большой дом, он зашел нарочно поговорить об этом с продавцом, и когда стали над ним смеяться знавшие его, он отвечал очень простодушно: „но к чему смеяться, к чему смеяться? Я ведь не теперь хотел купить, а после, со временем, когда будут деньги. Тут ничего нет такого... всякой должен приобретать состояние, чтобы оставить потом детям, на церковь, бедным, на другие разные вещи... chi lo sa!“. Он уже давно был известен князю, был даже когда-то взят отцом его в дом в качестве официанта, и тогда же прогнан, за то, что в месяц износил свою ливрею и выбросил за окно весь туалет старого князя, нечаянно толкнув его локтем.

— Послушай, Пеппе — сказал князь.

— Что хочет приказать eccelenza? говорил Пеппе, стоя с открытою головою: князю стоит только сказать:

„Пеппе!“ а я: „Вот я.“ Потом князь пусть только скажет: „Слушай, Пеппе“, а я: „ecco me, eccelenza!“

— Ты должен, Пеппе, сделать мне теперь вот какую услугу... При сих словах князь взглянул вокруг себя и увидел, что все сьоры Грации, сьоры Сусанны, Барбаручьи, Тетты, Тутты, — все, сколько их ни было, выставились любопытно из окна, а бедная сьора Чечилия чуть не вывалилась вовсе на улицу.

— Ну, дело плохо! подумал князь. — Пойдем, Пеппе, ступай за мною.

Сказавши это, он пошел вперед, а за ним Пеппе, потупив голову и разговаривая сам с собою: „Э! женщины, потому и любопытны, потому что женщины, потому что любопытны“.

Долго шли они из улицы в улицу, погрузясь каждый в свои соображения. Пеппе думал вот о чем: князь даст верно, какое-нибудь поручение, может быть, важное, потому что не хочет сказать при всех; стало быть, даст хороший подарок или деньги. Если же князь даст денег, что с ними делать? Отдавать ли их сиору Сервилию, содержателю кафе, которому он давно должен? потому что сиор Сервилио на первой же неделе поста непременно потребует с него денег, потому что сиор Сервилио усадил все деньги на чудовищную скрыпку, которую собственноручно делал три месяца для карнавала, чтоб проехаться с нею по всем улицам, — теперь, вероятно, сиор Сервилио долго будет есть, вместо жареного на вертеле козленка, одни броколи, вареные в воде, пока не наберет вновь денег за кофий. Или же не платить сиору Сервилио, да вместо того позвать его обедать в остерию, потому что сиор Сервилио il vero Romano и за предложенную ему честь будет готов потерпеть долг, — а лотерея непременно начнется со второй недели поста. Только каким образом до того времени уберечь деньги, как сохранить их так, чтобы не узнал ни Джякомо, ни мастер Петручьо, точильщик, которые непременно попросят у него взаймы, потому что Джякомо заложил в Гету жидам всё свое платье, а мастер Петручьо тоже

заложил свое платье в Гету жидам и разорвал на себе юбку и последний платок жены, нарядясь женщиною... как сделать так, чтобы не дать им взаймы? Вот о чем думал Пеппе.

Князь думал вот о чем: Пеппе может разыскать и узнать имя, где живет, и откуда, и кто такая красавица. Во-первых, он всех знает, и потому больше, нежели всякой другой, может встретить в толпе приятелей, может чрез них разведать, может заглянуть во все кафе и остерии, может заговорить даже, не возбудив ни в ком подозрения своей фигурой. И хотя он подчас болтун и рассеянная голова, но, если обязать его словом настоящего римлянина, он сохранит всё втайне.

Так думал князь, идя из улицы в улицу, и наконец остановился, увидевши, что уже давно перешел мост, давно уже был в Транстеверской стороне Рима, давно взбирается на гору, и не далеко от него церковь S. Pietro in Montorio Чтобы не стоять на дороге, он взошел на площадку, с которой открывался весь Рим, и произнес, оборотившись к Пеппе: „слушай, Пеппе, я от тебя потребую одной услуги".

— Что хочет eccelenza? сказал опять Пеппе.

Но здесь князь взглянул на Рим и остановился: пред ним в чудной сияющей панораме предстал вечный город. Вся светлая груда домов, церквей, куполов, остроконечий сильно освещена была блеском понизившегося солнца. Группами и поодиночке один из-за другого выходили домы, крыши, статуи, воздушные террасы и галлереи; там пестрела и разыгрывалась масса тонкими верхушками колоколен и куполов с узорною капризностью фонарей; там выходил целиком темный дворец; там плоский купол Пантеона; там убранная верхушка Антониновской колонны с капителью и статуей апостола Павла; еще правее возносили верхи капитолийские здания с конями, статуями; еще правее над блещущей толпой домов и крыш величественно и строго подымалась темная ширина Колизейской громады; там опять играющая толпа стен, террас и куполов, покры-

тая ослепительным блеском солнца. И над всей сверкающей сей массой темнели вдали своей черною зеленью верхушки каменных дубов из вилл Людовизи, Медичис, и целым стадом стояли над ними в воздухе куполообразные верхушки римских пинн, поднятые тонкими стволами. И потом во всю длину всей картины возносились и голубели прозрачные горы, легкие как воздух, объятые каким-то фосфорическим светом. Ни словом, ни кистью нельзя было передать чудного согласия и сочетанья всех планов этой картины. Воздух был до того чист и прозрачен, что малейшая черточка отдаленных зданий была ясна, и всё казалось так близко, как будто можно было схватить рукою. Последний мелкий архитектурный орнамент, узорное убранство карниза — всё вызначалось в непостижимой чистоте. В это время раздались: пушечный выстрел и отдаленный слившийся крик народной толпы, — знак, что уже пробежали кони без седоков, завершающие день карнавала. Солнце опускалось ниже к земле; румянее и жарче стал блеск его на всей архитектурной массе: еще живей и ближе сделался город; еще темней зачернели пинны; еще голубее и фосфорнее стали горы; еще торжественней и лучше готовый погаснуть небесный воздух... Боже, какой вид! Князь, объятый им, позабыл и себя, и красоту Аннунциаты, и таинственную судьбу своего народа, и всё что́ ни есть на свете.

ОТРЫВКИ

ДВЕ ГЛАВЫ ИЗ МАЛОРОССИЙСКОЙ ПОВЕСТИ « СТРАШНЫЙ КАБАН »

< ГЕТЬМАН >

НОЧИ НА ВИЛЛЕ

ДВЕ ГЛАВЫ ИЗ МАЛОРОССИЙСКОЙ ПОВЕСТИ «СТРАШНЫЙ КАБАН».

I.

УЧИТЕЛЬ.

Прибытие нового лица в благословенные места голтвянские наделало более шуму, нежели пронесшиеся за два года пред тем слухи о прибавке рекрут, нежели внезапно поднявшаяся цена на соль, вывозимую из Крыма украинскими степовиками. В шинке, по улицам, на мельнице, в винокурне только и речей было, что про приезжего учителя. Догадливые политики в серых кобеняках и свитах, пуская дым себе под нос с самым флегматическим видом, пытались определить влияние такого лица, которому судьба, казалось, при рождении указала высоту, чуть-чуть не над головами всех мирян, которое живет в панских покоях и обедает за одним столом с обладательницею пятидесяти душ их селения. Поговаривали, что звания учителя для него мало, что, без всякого сомнения, влияние его будет накинуто и на хозяйственную систему; по крайней мере, уже, верно, не от другого кого-либо будет зависеть наряжение подвод, отпуск муки, сала и проч. Некоторые с значительным видом давали заметить, что едва ли и сам приказчик не будет теперь нулем. Один только *мирошник*,*

* Мельник.

Солопий Чубко, дерзнул утверждать, что старшинам со стороны его нечего опасаться, что готов он держать заклад об новой шапке из серых решетиловских смушков, если смыслит учитель, как остановить пятерню и поворотить застоявшийся жернов. Но важная осанка, блистательное торжество над дьячком, громоподобный бас, приведший в умиление всех прихожан, живы были во всеобщей памяти, и выгодное мнение об учителе подтверждалось. И если в честь гостя не было ни одного турнира между именитыми обитателями села, зато любезные сожительницы их не ударили себя лицом в грязь: одаренные тем звонким и пронзительным языком, который, по неисповедимым велениям судьбы, у женщин почти вчетверо быстрее поворачивается, нежели у мужчин, они гибко развертывали его в опровержение и защиту достоинств учителя.

Трескотня и разноголосица, прерываемые взвизгиваньем и бранью, раздавались по мирным закоулкам села Мандрык. А как почтеннейшие обитательницы его имели похвальную привычку помогать своему языку руками, то по улицам то и дело, что находили кумушек, уцепившихся так плотно друг за друга, как подлипало цепляется за счастливца, как скряга за свой боковой карман, когда улица уходит в глушь и одинокий фонарь отливает потухающий свет свой на палевые стены уснувшего города. Более всего доставалось муженькам, пытавшимся разнимать их: очипки, черепья, как град летели им на голову, и часто раздраженная кумушка, в пылу своего гнева, вместо чужого, колотила собственного сожителя.

В это время педагог наш почти освоился в доме Анны Ивановны. Он принадлежал к числу тех семинаристов, *убоявшихся бездны премудрости*, которыми ***ская семинария снабжает не слишком зажиточных панков в Малороссии, рублей за сто в год, в качестве домашнего учителя. — Впрочем, Иван Осипович дошел даже до богословия и залетел бы не весть куда, вероятно, еще далее, если бы не шалуны его товарищи, которые беспрестанно подсмеивались над усами и колючею его бородой. С годами, когда

одни выходили совсем, а на место их поступали моложе и моложе — ему наконец не давали прохода: то бросали цепким репейником в бороду и усы, то привешивали сзади побрякушки, то пудрили ему голову песком или подсыпали в табакерку его чемерки, так что Иван Осипович, наскуча быть безмолвным зрителем беспрестанно менявшегося ветреного поколения и детской игрушкой, принужден был бросить семинарию и определиться *на ваканцию*.*

Перемещение это сделало важную эпоху и перелом в его жизни. Беспрестанные насмешки и проказы шалунов заместило, наконец, какое-то почтение, какая-то особенная приязнь и расположение. Да и как было не почувствовать невольного почтения, когда он появлялся, бывало, в праздник в своем светлосинем сюртуке, — заметьте: в светлосинем сюртуке, это немаловажно. Долгом поставляю надоумить читателя, что сюртук вообще (не говоря уже о синем), будь только он не из смурого сукна, производит в селах, на благословенных берегах Голтвы, удивительное влияние: где ни показывается он, там шапки с самых неповоротливых голов перелетают в руки, и солидные, вооруженные черными, седыми усами, загоревшие лица отмеривают в пояс почтительные поклоны. Всех сюртуков, полагая в то число и хламиду дьячка, считалось в селе три; но как величественная тыква гордо громоздится и заслоняет прочих поселенцев богатой *бакши*,** так и сюртук нашего приятеля затемнял прочих собратьев своих. Более всего придавали ему прелести большие костяные пуговицы, на которые толпами заглядывались уличные ребятишки. Не без удовольствия слышал наш щеголеватый наставник юношества, как матери показывали на них грудным ребятам, и малютки, протягивая ручонки, лепетали: *цяця, цяця*!*** За столом приятно было видеть, как чинно, с каким умилением, почтенный наставник, завесившись сал-

---

* Эти слова в украинских семинариях значат: пойти в домашние учители.

** Нива, засеянная арбузами, дынями, тыквами и т. п.

*** Хорошо! Хорошо!

феткой, отправлял всеобщий процесс житейского насыщения. Ни слова постороннего, ни движения лишнего: весь переселялся он, казалось, в свою тарелку. Опорожнив ее так, что никакие принадлежащие к гастрономии орудия, как-то: вилка и нож, ничего уже не могли захватить, отрезывал он ломтик хлеба, вздевал его на вилку и этим орудием проходил в другой раз по тарелке, после чего она выходила чистою, будто из фабрики. Но всё это, можно сказать, были только наружные достоинства, выказывавшие в нем знание тонких обычаев света, и читатель даст большой промах, если заключит, что тут-то были и все способности его. Почтенный педагог имел необъятные для простолюдина сведения, из которых иные держал под секретом, как-то: составлѐние лекарства против укушения бешеных собак, искусство окрашивать посредством одной только дубовой коры и острой водки в лучший красный цвет. Сверх того, он собственноручно приготовлял лучшую ваксу и чернила, вырезывал для маленького внучка Анны Ивановны фигурки из бумаги; в зимние вечера мотал мотки и даже прял.

Удивительно ли, если с такими дарованиями сделался он необходимым человеком в доме, если вся дворня была без ума от него, несмотря, что лицо его и окладом, и цветом, совершенно походило на бутылку, что огромнейший рот его, которого дерзким покушениям едва полагали преграду оттопырившиеся уши, поминутно строил гримасы приневоливая себя выразить улыбку, и что глаза его имели цвет яркой зелени, — глаза, какими, сколько мне известно, ни один герой в летописях романов не был одарен. Но, может быть, женщины видят более нас. Кто разгадает их? Как бы то ни было, только и сама старушка, госпожа дома, была очень довольна сведениями учителя в домашнем хозяйстве, в умении делать настойку на шафране и herba rabarbarum, в искусном разматывании мотков и вообще в великой науке жить в свете. Ключнице более всего нравился щегольской сюртук его и уменье одеваться; впрочем, и она заметила, что учитель имел удивительно умильный вид,

когда изволил молчать или кушать. Маленького внучка забавляли до чрезвычайности бумажные петухи и человечки. Сам кудлатый Бровко, едва только завидит, бывало, его, выходящего на крыльцо, как, ласково помахивая хвостом своим, побежит к нему навстречу и без церемонии целует его в губы, если только учитель, забыв важность, приличную своему сану, соизволит присесть под величественным фронтоном. Одни только два старшие внука и домашние мальчишки, с которыми проходил он *Аз — ангел, архангел, Буки — бог, божество, богородица,* — боялись красноречивых лоз грозного педагога.

В краткое пребывание свое Иван Осипович успел уже и сам сделать свои наблюдения и заключить в голове своей, будто на вогнутом стекле, миньятюрное отражение окружавшего его мира. Первым лицом, на котором остановилось почтительное его наблюдение, как, верно, вы догадаетесь, была сама владетельница поместья. В лице ее, тронутом резкою кистью, которою время с незапамятных времен расписывает род человеческий и которую, бог знает с каких пор, называют морщиною, в темнокофейном ее капоте, в чепчике (покрой которого утратился в толпе событий, знаменовавших XVIII-е столетие), в коричневом шушуне, в башмаках без задков, глаза его узнали тот период жизни, который есть слабое повторение минувших, холодный, бесцветный перевод созданий пламенного, кипящего вечными страстями поэта, — тот период, когда воспоминание остается человеку, как представитель и настоящего, и прошедшего, и будущего, когда роковые шестьдесят лет гонят холод в некогда бившие огненным ключом жилы и термометр жизни переходит за точку замерзания. Впрочем, вечные заботы и страсть хлопотать несколько одушевляли потухшую жизнь в чертах ее, а бодрость и здоровье были верною порукою еще за тридцать лет вперед. Всё время от пяти часов утра до шести вечера, то есть, до времени успокоения, было беспрерывною цепью занятий. До семи часов утра уже она обходила все хозяйственные заведения, от кухни до погребов и кладовых, успевала побраниться

с приказчиком, накормить кур и доморощенных гусей, до которых она была охотница. До обеда, который не бывал позже двенадцати часов, завертывала в пекарню и сама даже пекла хлебы и особенного рода крендели на меду и на яйцах, которых один запах производил непостижимое волнение в педагоге, страстно привязанном ко всему, что питает душевную и телесную природу человека. Время от обеда до вечера мало ли чем заняться хозяйке? — красить шерсть, мерять полотна, солить огурцы, варить варенья, подслащивать наливки. Сколько способов, секретов, домашних средств производится в это время в действо! От наблюдательного взгляда нашего педагога не могло ускользнуть, что и Анна Ивановна не чужда была тщеславия, и потому положил он за правило рассыпаться, разумеется, сколько позволяла природная его застенчивость, в похвалах необыкновенному ее искусству и знанию хозяйничать, и это, как после увидел он, послужило ему в пользу: почтенная старушка до тех пор не закупоривала сладких наливок и варенья, покамест Иван Осипович, отведав, не объявлял превосходной доброты того и другого. Все прочие лица стояли в тени пред этим светилом так, как все строения во дворе, казалось, пресмыкались пред чудным зданием с великолепным его фронтоном. Только для глаз пронырливого наблюдателя заметны были их взаимные соотношения и особенный колорит, обозначавший каждого, и тогда ему открывалось, словно в муравьином рою, вечное движение, суматоха и ни на минуту не останавливавшийся шум. И педагог наш, как мы уже видели, умел угодить на вкус всех и, как могучий чародей, приковать к себе всеобщее почтение.

Непонятны только были причины, заставившие его сблизиться с кухмистером. Высокое ли уважение, которое Иван Осипович невольно чувствовал к его искусству, другое ли какое обстоятельство — мы этого не беремся решить. Довольно, что не прошло двух дней — и в Мандрыках воскресли Орест и Пилад нового мира. Но еще непонятнее была власть кухмистера над нашим педагогом, так что от при-

роды скромный, застенчивый учитель, не бравший ничего в рот, кроме лекарственной настойки на буквицу и herba rabarbarum, невольно плелся за ним по шинкам и по всем закоулкам, куда разгульный кухмистер наш показывал только нос свой. Ивану Осиповичу нравилось романическое положение его местопребывания. Скоро осмотрел он обступившие в неровный кружок просторный господский двор — кухню, сараи, амбары, конюшни и кладовые, с особенным удовольствием остановился на густо-разросшемся саде, которого гигантские обитатели, закутанные темнозелеными плащами, дремали, увенчанные чудесными сновидениями, или, вдруг освободясь от грез, резали ветвями, будто мельничными крыльями, мятежный воздух, и тогда по листам ходили непонятные речи, и мерные величественные движения всего их тела напоминали древних лицедеев, вызывавших на поприще Мельпомены великие тени усопших. Но глаза нашего учителя искали своего предмета и лепились около не столь высокопарных жильцов сада, зато увешанных с ног до головы грушами и яблоками, которыми кипит роскошная Украйна. Отсюда продирались они к кухне, за которою стлались плантации гороху, капусты, картофелю и вообще всех зелий, входящих в микстуру деревенской кухни. Не без особенного удовольствия вошел он в чистую, опрятно выбеленную и прибранную комнату, определенную для его помещения, с окошком, глядевшим на пруд и на лиловую, окутанную туманом, окрестность.

Мы имели уже случай заметить нечто о влиянии нашего учителя на мандрыковских красавиц: потупленные взгляды, перешептывание, низкие поклоны показывали, что овладение им считала каждая из них немаловажным делом. Впрочем, не мешает припомнить любезному читателю, что на Иване Осиповиче был синий фабричного сукна сюртук с черными, величиною с большой грош, костяными пуговицами; итак, ему очень было простительно перетолковать в свою пользу перемигиванья чернобровых проказниц. Но, к счастью или несчастью, чувство, так много известное

бедному человечеству, наносившее ему с незапамятных времен море нестерпимых мук, не касалось нашего педагога. В этом случае Иван Осипович был настоящий стоик и, несмотря на то, что не дошел еще до *философии*, он твердо знал, что ни один из философов, начиная от Сенеки, Сократа и до лектора ***ской семинарии, не ставил ни во что причудливую половину человеческого рода; ergo, любви не существует. Такие положения, обратившиеся у него, наконец, в правила, были тверды, слишком тверды... Homo proponit, deus disponit говаривал часто лектор ***ской семинарии, отсчитывая удары линейкою ленивым своим слушателям; а потому и мы в следующей главе увидим небольшое обстоятельство, сильно поколебавшее философию учителя и надвинувшее облако недоразумения на ум его, доселе неуклонно шествоваший стезею своих великих наставников и бивший ровным пульсом в своей бутылкообразной сфере.

II.

УСПЕХ ПОСОЛЬСТВА.

(Кухмистер, несмотря на собственную сердечную рану, внезапно полученную им при виде мывшейся на берегу пруда Катерины, решается исполнить данное им учителю обещание и быть посланником и представителем его страсти. С таким намерением отправляется он в хату козака Харька Потылицы).

Окончив туалет свой, Онисько не без боязни и тайного удовольствия переступил через порог. Бес как будто нарочно дразнил его (сам он после признавался в этом), поминутно рисуя перед ним стройные ножки соседки. „Эх, если бы не учитель!“ повторял он несколько раз сам себе: „ну, что бы задумать ему немного позже влюбиться?..“ И, в задумчивости, тихими шагами он мерял широкий выгон, по которому бежала его дорога. Разноголосный лай прорезал облекавшую его тучу задумчивости, и мысли его,

как дикие утки, переполошась, разлетелись во все стороны. Подняв глаза, увидел он, что далее итти некуда. Перед ним торчали ворота, сквозь которые, как сквозь транспарант, светилось всё недвижимое имущество козака. Мелькнула синяя запаска, огненная лента... Сердце в нем вспрыгнуло... и белокурая красавица, разгоняя хворостиной докучных собак, встретила его, отворяя ворота.

Двор Харька представлял собою большой, на покатости к пруду, квадрат, обнесенный со всех сторон плетнем. Когда ворота были отперты, глаза ударялись прямо в чисто выбеленную хату с большими, неровной величины, окнами, с почерневшею от старости дубовою дверью, с низеньким из глины фундаментом (*присьбою*), обремененным, по обыкновению малороссиян, бельем, мисками и каким-нибудь инвалидом-горшком, которому, несмотря на раны и увечье, не дают отставки и, в награду за ревностную службу, наливают помоями. По сторонам избы стояли с растрепанными крышами хлевы и амбары. Из-за хаты возвышалось гумно; из-за гумна еще выше подымалась голубятня, сверх которой уже ходили только одни облака и плавали голуби. К пруду, как богатая турецкая шаль, развернулся огород козака. Кучи соломы разнесены были по всему двору.

Катерина показалась немного удивленною приходом Ониська. Полагая, что его, без всякого сомнения, завлекла нужда к ее отцу, отворила вполовину только ворота и проговорила с некоторою застенчивостью: „*Батька* нет дома, да вряд ли и к вечеру будет“.

„*Нехай ему так легенько икнеться, як з тыну ввирветься*! Что бы я был за олух царя небесного, когда бы стал убирать постную кашу, когда перед самым носом вареники в сметане?“

Белокурая красавица остановилась в недоумении, не зная, как понимать слова его. Улыбка, вызванная наружу этою странностью, показалась на лице ее и ожидала, казалось, изъяснения.

Кухмистер почувствовал сам, что выразился не совсем ясно и притом помянул отца ее немного шероховатыми

словами; он продолжал: „Нелегкая понесла бы меня к *батьке*, когда есть такая хорошенькая дочка“.

„А, вот что!“ проговорила Катерина, усмехнувшись и покраснев. „Милости просим!“ и пошла вперед его к дверям хаты.

Девушки в Малороссии имеют гораздо более свободы, нежели где-либо, и потому не должно показаться удивительным, что красавица наша, без ведома отца, принимала у себя гостя. „Ты пешком сюда пришел, Онисько?“ спросила она его, садясь на *присьбе* у дверей хаты и стараясь принять степенный вид, хотя лукавая улыбка явно изменяла ей и заставляла против воли показать ряд красивых зубов.

„Как пешком? — Что за нелегкая, неужели она знает про вчерашнее?“ подумал кухмистер. — „Без всякого сомнения, пешком, моя красавица. Чорт ли бы заставил меня запрягать нарочно панского *гнедого*, чтобы только перетащиться из одного двора в другой.“

„Однакож от кухни до *коморы* не так-то далеко.“

Тут, не удержавшись более, она захохотала.

„Нет, плутовка! сам лукавый не хитрее этой девки!“ повторил сам себе несколько раз кухмистер и громогласно послал учителя к чорту, позабыв и приязнь, и дружбу их.

„Однакож, моя красавица, я бы согласился, чтобы у меня пригорели на сковороде караси с свежепросольными *опенками*, лишь бы только ты еще раз этак засмеялась.“

Сказав это, кухмистер не утерпел, чтоб не обнять ее.

„Вот этого-то я уж и не люблю!“ вскрикнула, покраснев, Катерина и приняв на себя сердитый вид. „Ей-богу, Онисько, если ты в другой раз это сделаешь, то я прямехонько пущу тебе в голову вот этот горшок.“

При сем слове сердитое личико немного прояснело, и улыбка, мгновенно проскользнувшая по нем, выговорила ясно: „я не в состоянии буду этого сделать.“

„Полно же, полно! *не возом зацепил тебя*. Есть из чего сердиться! как будто, бог знает, какая беда — обнять красную девушку.“

„Смотри, Онисько: я не сержусь“, сказала она, садясь немного от него подалее и приняв снова веселый вид. „Да что ты, послышалось мне, упомянул про учителя?“

Тут лицо кухмистера сделало самую жалкую мину и, по крайней мере, на вершок вытянулось длиннее обыкновенного. „Учитель... Иван Осипович, то есть... Тьфу, дьявольщина! у меня, как будто после запеканки, слова глотаются прежде, нежели успевают выскочить изо рта. Учитель... вот что я тебе скажу, *сердце*! Иван Осипович *вклепался** в тебя так, что... ну, словом — рассказать нельзя. Кручинится да горюет, как покойная бурая, которую *пани* купила у жида и которая околела после *запала*. Что делать? сжалился над бедным человеком: пришел наудачу похлопотать за него.“

„Хорошую же ты выбрал себе должность!“ прервала Катерина с некоторою досадой. „Разве ты ему сват, или *родич* какой? Я советовала бы тебе еще набрать изо всего околотка бродяг к себе в кухню, а самому отправиться по-миру выпрашивать под окнами для них милостины.“

„Да это всё так; однакож я знаю, что тебе любо, и слишком любо, что вздумалось учителю приволокнуться...“

„Мне любо? Слушай, Онисько, если ты говоришь с тем, чтобы посмеяться надо мною, то с этого мало тебе прибудет. Стыдно тебе же, что ты обносишь бедную девушку! Если же вправду так думаешь, то ты, верно, уже наиглупейший изо всего села. Слава богу, я еще не ослепла; слава богу, я еще при своем уме... Но ты не сдуру это сказал: я знаю, тебя другое что-то заставило. Ты, верно, думал... Нет, ты недобрый человек!“

Сказав это, она отерла шитым рукавом своей сорочки слезу, мгновенно блеснувшую и прокатившуюся по жарко зардевшейся щечке, будто падающая звезда по теплому вечернему небу.

„Чорт побери всех на свете учителей!“ думал про себя Онисько, глядя на зардевшееся личико Катерины, на

---

* То есть, влюбился.

котором попрежнему показавшаяся улыбка долго спорила с неприятным чувством и, наконец, рассеяла его.

„Убей меня гром на этом самом месте!“ вскричал он наконец, не могши преодолеть внутреннего волнения и обхватывая одной рукою кругленький стан ее: „если я не так же рад тому, что ты не любишь Ивана Осиповича, как старый *Бровко*, когда я вынесу ему помои.“

„Нашел, чему радоваться! поэтому ты станешь еще более скалить зубы, когда услышишь, что почти все девушки нашего села говорят то же.“

„Нет, Катерина, этого не говори. Девушки-то любят его. Намедни шли мы с ним через село, так то и дело, что выглядывают из-за плетня, словно лягушки из болота. Глянь направо — так и пропала, а с левой стороны выглядывает другая. Только дьявол побери их вместе с учителем. Я бы отдал штоф лучшей третьепробной водки, чтоб узнать от тебя, Катерина, любишь ли ты меня хоть на копейку?“

„Не знаю, люблю ли я тебя; знаю только, что ни за что бы на свете не вышла за пьяницу. Кому любо жить с ним? Несчастная доля семье той, где выберется такой человек; в хату и не заглядывай: нищенство да голь; голодные дети плачут... Нет, нет, нет! Пусть бог милует! Дрожь обдает меня при одной мысли об этом...“

Тут прекрасная Катерина пристально взглянула на него. Как осужденный, с поникнутою головою, погрузился кухмистер в свое протекшее. Тяжелые думы, порождения тайного угрызения сердечного, вырезывались на лице его и показывали ясно, что на душе у него не слишком было радостно. Пронзительный взор Катерины, казалось, прожигал его внутренность и подымал наружу все разгульные поступки, проходившие перед ним длинною, почти бесконечною цепью.

„В самом деле, на что я похож? кому угодно житье мое? только что досаждаю *пании*. Что я сделал до сих пор такого, за что бы сказал мне спасибо добрый человек? Всё гулял, да гулял. Да гулял ли когда-нибудь так, чтобы и на душе, и на сердце было весело? Напьешься, как

собака, да и протрезвишься тоже, как собака, если не протрезвят тебя еще хуже. Нет! прах возьми... собачья моя жизнь!“

Прелестная Катерина, казалось, угадывала его философские рассуждения с самим собою, и потому, положив на плечо ему смугленькую руку свою, прошептала вполголоса: „Не правда ли, Онисько, ты не станешь более пить?“

„Не стану, мое *серденько*! не стану; пусть ему всякая всячина! Всё для тебя готов сделать.“

Девушка посмотрела на него умильно, и восхищенный кухмистер бросился обнимать ее, осыпая градом поцелуев, какими давно не оглашался мирный и спокойный огород Харька.

Едва только влюбленные поцелуи успели раздаться, как звонкий и пронзительный голос страшнее грома поразил слух разнежившихся. Подняв глаза, кухмистер с ужасом увидел стоявшую на плетне Симониху.

„Славно! славно! Ай да ребята! У нас по селу еще и не знают, как парни целуются с девками, когда батька нет дома! Славно! Ай да мандрыковская овечка! Говорите же теперь, что лжет поговорка: в тихом омуте черти водятся. Так вот что деется! так вот какие шашни!..“

Со слезами на глазах принуждена была красавица уйти в хату, зная, что ничем иным нельзя было избавиться от ядовитых речей содержательницы шинка.

„Типун бы тебе под язык, старая ведьма!“ проговорил кухмистер: „тебе какое дело?“

„Мне какое дело?“ продолжала неутомимая шинкарка: „вот прекрасно! Парни изволят лазить через плетни в чужие огороды, девки подманивают к себе молодцов, — и мне нет дела! Изволят *женихаться*, целуются, — и мне нет дела! Ты слышал ли, Карпо?“ вскричала она, быстро оборотясь к мимо проходившему мужику, который, не обращая ни на что внимания, шел, помахивая батогом, впереди так же медленно выступавшей коровы: „слышал ли ты? постой на минуточку. Тут такая история. Харькова дочка...“

„Тьфу, дьявол!“ вскричал кухмистер, плюнув в сторону и потеряв последнее терпение. „Сам сатана перерядился в эту бабу. Постой, Яга! разве не найду уже, чем отплатить тебе.“

Тут кухмистер наш занес ногу на плетень и в одно мгновение очутился в панском саду.

Было уже не рано, когда он пришел на кухню и принялся стряпать ужин. Евдоха, однакож, не могла не заметить во всем необыкновенной его рассеянности. Часто задумчивый кухмистер подливал уксусу в сметанную кашу или с важным видом надвигал свою шапку на вертел и хотел жарить ее вместо курицы. За ужином Анна Ивановна никак не могла понять, отчего каша была кисла до невероятности, а соус так пересолен, что не было никакой возможности взять в рот. Единственно только из уважения к понесенным им в тот день трудам оставили его в покое: в другое время это не прошло бы даром нашему герою.

„Нет, господин учитель!“ твердил он, ложась на свою деревянную лавку и подмащивая под голову свою куртку: „не видать вам Катерины, как ушей своих!“ И, завернув голову, как доморощенный гусь, погрузился в мечты, а с ними и в сон.

ГЕТЬМАН.

⟨I⟩ ⟨НЕСКОЛЬКО ГЛАВ ИЗ НЕОКОНЧЕННОЙ ПОВЕСТИ⟩

⟨ГЛАВА 1⟩

Был апрель 1645 года, время, когда природа в Малороссии похожа на первый день своего творения; самая нежная зелень убирала очнувшиеся деревья и степи. Этот день был перед самым воскресеньем Христовым. Он уже прошел, потому что молодая ночь давно уже обнимала землю, а чистый девственный воздух, разносивший дыхание весны, веял сильнее. Сквозь жидкую сеть вишневых листьев мелькали в огне окна деревянной церкви села Комишны. Старая, истерзанная временем, покрытая мохом церковь будто обновилась; вокруг ее, как рои пчел, толпились козаки из ближних и дальних хуторов, из которых едва десятая часть поместилась в церкве. Было душно; но что-то говорило светлым торжеством. Автор просит читателей вообразить себе эту картину XVII-го столетия. Мужественные, худощавые, с резкими чертами, ли́ца и бритые головы, опустившиеся вниз усы, падавшие на грудь, широкие плечи, атлетическая сила, при каждом почти заткнутый за пояс пистолет и сабля показывали уже, в какую эпоху собрались козаки. Странно было глядеть на это море голов, почти не волновавшееся. Благоговейное чувство обнимало зрителя. Всё здесь собрав-

шееся было характер и воля; но и то, и другое было тихо и безмолвно. Свет паникадила, отбрасываясь на всех, придавал еще сильнее выражение лицам. Это была картина великого художника, вся полная движения, жизни, действия и между тем неподвижная. Почти незаметно прибавилось одно новое лицо к молящимся. Оно возвышалось над другими почти целою головою; какой-то крепкий, смелый оклад, какая-то легкая беспечность выказывалась на нем. Оно было спокойно и вместе так живо, что, взглянувши, ожидал бы непременно услышать от него слово, чтобы увидеть его изменившимся, как будто бы оно непременно должно было всё заговорить конвульсиями. Но между тем как все мало-помалу начали обращаться на него, вся масса двинулась из храма, для торжественного хода вокруг церкви, и замечательная физиономия смешалась с другими, выходя по церковной лестнице. У самого крыльца стояли несколько жидов, содержавшие, по воле польского правительства, откуп, и спорили между собою, намечая мелом пасхи, приносимые для освящения христианами. Нужно было видеть, как на лице каждого выходившего дрогнули скулы. Это постановление правительства было уже давно объявлено; народ с ропотом, но покорился силе. Оппозиционисты были ниспровержены. К этому, кажется, все уже привыкли, зная, что это так; но, несмотря на это, при виде этого постановления, приводимого в исполнение, он так изумился, как будто бы это была новость. Так преступник, знающий о своем осуждении на смерть, еще движется, еще думает о своих делах; но прочитанный приговор разом разрушает в нем жизнь. После перемены в лице, рука каждого невольно опустилась к кинжалу или к пистолетам. Но ход окончился; все спокойно вошли в церковь, при пении: „*Христос воскресе из мертвых*!“ Между тем совершенно наступило утро. Выстрелы из пистолетов и мушкетов потрясали деревянные стены церкви. На всех лицах просияла радость: у одних при мысли о пасхе, у девушек при целованьи с козаками, <у тех> при попойке, как вдруг страшный шум извне заставил

многих выйти. Перед разрушившеюся церковью собрались в кучу, из которой раздавались брань и крик жидов. Три жида отбирали у дряхлого, поседевшего, как лунь, козака пасху, яйца и барана, утверждая, что он не вносил за них денег. За старика вступилось двое, стоявших около него; к ним пристали еще, и наконец целая толпа готовилась задавить жидов, если бы тот же самый широкоплечий, высокого росту, чья физиономия так поразила находившихся в церкве, не остановил одним своим мощным взглядом. „Чего вы, хлопцы, сдуру беснуетесь? У вас, видно, нет ни на волос божьего страха. Люди стоят в церкви и молятся, а вы тут, чорт знает, что делаете. Гайда по местам!“ Послушно все, как овцы, разбрелись по своим местам, рассуждая, что это за чудо такое, откудова оно взялось и с какой стати ввязывается он, куда его не просят, и отчего он хочет, чтобы слушались. Но это каждый только думал, а не сказал вслух. Взгляд и голос незнакомца как будто имели волшебство: так были повелительны. Один жид стоял только, не отходя, и как скоро оправился от первого страха незванною помощью, начал было снова приступать, как тот же самый и схватил его могучею рукою за ворот так, что бедный потомок Израилев съежился и присел на колени. „Ты чего хочешь, свиное ухо? Так тебе еще мало, что душа осталась в галанцах? Ступай же, тебе говорю, поганая жидовина, пока не оборвал тебе пейсики“. После того толкнул он его, и жид расстлался на земле, как лягушка. Приподнявшись же немного, пустился бежать; спустя несколько времени, возвратился с начальником польских улан. Это был довольно рослый поляк, с глупо-дерзкою физиономиею, которая всегда почти отличает полицейских служителей. „Что это? Как это?.. Гунство, терем-те-те? Зачем драка, холопство проклятое? Лысый бес в кашу с смальцем! Разве? Что вы? Что тут драка? Порвал бы вас собака!..“ Блюститель порядка не знал бы, куда обратиться и на кого излить поток своих наставлений, приправляемых бранью, если бы жид не подвел его к старику козаку,

которого волосы, вздуваемые ветром, как снежный иней серебрились. „Что ты, глупый холоп, вздумал? Что ты начал драку? Басе мазенята, гунство! Знаешь ты, что жид? Гунство проклятое!.. Знаешь, что борода поповская не стоит подошвы?.. Чорт бы тебя схватил в бане за пуп!.. У него еломец краше, чем ваша *холопска вяра*...“ Тут он схватил за волосы старца и выдернул клок серебряных волос его...

Глухое стенание испустил старый козак.

„Бей еще! Сам я виноват, что дожил до таких лет, что и счет уже им потерял. Сто лет, а может и больше, тому назад, меня драли за чуб, когда я был хлопцем у батька. Теперь опять бьют. Видно, снова воротились лета мои... Только нет, не то, не в силах теперь и руки поднять. Бей же меня!..“ При сих словах стодвадцатилетний старец наклонил свою белую голову на руки, сложенные крестом на палке, и, подпершись ею, долго стоял в живописном положении. В словах старца было невероятно трогательное. Заметно было, что многие хватились рукою за сабли и пистолеты, но вид стольких усатых уланов на лошадях и несколько слов, сказанных незнакомцем, заставили всех принять положение молельщиков и креститься.

„Что ты врешь, глупый мужик, терем-те-те! Что<бы> я на тебе руки поганил, гунство проклятое! Лысый бес рогатый тебе в кашу! Гершко! возьми от него пасху! Пусть его одним овсяным сухарем разговеется. Вишь, гунство проклятое!“ говорил блюститель правосудия, подвигаясь к ряду девичьему и ущипнув одну из них за руку. „Что за драка? Ох, славная девка! Вишь, драку!.. Ай да Параска! Ай да Пидорка! Вишь, глупый мужик... порвал бы его собака!.. Ай, ай, ай! Сколько тут жиру!..“ Блюститель порядка, верно, себе позволил нескромность, потому что одна из девушек вскрикнула во всё горло. В это время пасхи были освящены, и обедня кончилась, и многие уже стали расходиться. Несколько только народу обступило козака, так заинтересовавшего толпу, который между тем подходил к исправлявшему звание алгиазила.

„Славный у тебя ус, пан!“ проговорил он, подступив к нему близко.

„Хороший! У тебя, холопа, не будет такого“, произнес он, расправляя его рукою. „Славный! Только не туда ты, пан, крутишь его. Вот куда нужно крутить!“ Мощный козак дернул сильною рукою так, что половина уса осталась у него. Старый волокита закряхтел и заревел от боли. Лицо его сделалось цвета вареной свеклы. „Рубите его, рубите, лайдака!“ кричал он, но почувствовал себя в руках высокого козака, и увидя насмешливые лица всех, стал искать глазами своих воинов. Малеванный шут струсил...

„Как же тебе, пан, не совестно бить такого старика! А если бы твоего старого отца кто-нибудь стал бесчестить так поносно при всех, как ты обесчестил старейшего из всех нас? что тогда? Весело тебе было бы терпеть это? Ступай, пан! Если бы ты не у короля в службе был, я бы тебя не выпустил живого“. Выпущенный пленник побежал, отряхиваясь. За ним следом повалил народ. Между тем козак <*2 нрзб*> отвязавши коня, привязанного к церковной ограде, готовился сесть, как был остановлен среднего роста воином, поседевшим человеком, который долго не отводил от него внимания и заглядывал ему в глаза с таким любопытством, как иногда собака, когда видит ядущего хлеб. „Добродию! ведь я вас знаю“. „Может быть, и правда“. „Ей-богу, знаю. Не скажу, таки точно знаю. Ей-богу, знаю! Чи вы Остраница, чи вы Омельченко?“ „Может, и он“. „Ну, так! Я стою в церкви и говорю: вот то, что стоит возле его, то Остраница. Ей-ей, Остраница. Да, может быть, и нет. Может быть и не Остраница. Нет, Остраница. Ей, тебе так показалось! Ну, как нет? Остраница да и Остраница. Как только послушал голос, ну, тогда и рукою махнул. Вот так, точнехонько покойный батюшка — пусть ему легко икнется на том свете! — так же разумно, бывало, каждое слово отметит“.

Остраница внимательно начал в него всматриваться

и нашел точно что-то знакомое. Небольшое продолговатое лицо его было уже прорыто морщинами. Нос, загнувшись вниз, придавал ему несколько горбатое сложение и неподвижность членам; но зато узенькие серые глаза продирались довольно увертливо сквозь чащу насунувшихся бровей, которые, верно, придали бы лицу суровый вид, если бы нижняя часть лица, что-то простодушное и веселое в губах, не давали ему противного выражения. Под кобеняком, надетым в рукава, виден был овчинный кожух, хотя воздух был довольно тепел и день был жарок.

Я верю и не верю, что вижу опять вас. А что̀, добродию, — не во гнев будь сказано, — прошу извинить, только хотел бы узнать, что̀ сделалось с теми, которые пошли с вами? Что̀ Дигтяй, Кузубия? Воротились ли они с вами, или там остались, или ворон, может, где-нибудь доедает козацки косточки?"

„Дигтяй твой сидит на колу у турецкого султана, а Кузубия гуляет с рыбами на дне Сиваша и тянет гнилую воду вместо горелки... Но... ну, после об этом поговорим. Я тебя тоже узнал. Здравствуй, старый Пудько! Христос воскресе!"

„Воистину воскресе!", говорил, целуясь, Пудько: „Как на то, и крашанки нет. Жинка давала, побоялся взять: народу такое множество... передавил бы на кисель. Так, добродию, как будто сердце знало..."

„Ты, ты попрежнему торгуешь всякою дрянью?"

„А что ж делать? Нужно торговать. Еще слава богу, что продал табак. Прошлого году отец с полвоза накупил кремней, дроби, пороху, серы, ну и всего, что до мизерии относится. Напросился на дороге жидок один. „Свези, человече, на Хыякивску ярмарку,—дам три рубля!" Свез его как доброго, и надул проклятый жидок, ей-богу, надул! Хоть бы чвертку горелки дал, гаспид лысый. Знаете, что у меня чуть было ляхи не отняли всего скота. Кобылу взяли под верх вербуна. Теперь у меня только и конины, что Гнедко", примолвил он, садясь на гнедого коня

и видя, что Остраница поворотил коня ехать. „Эх, добродию! Если бы теперь кто сказал: „А ну, старый, гайда на войну бить ляхов!“ — всё бы продал, и жинку, и детей бы покинул, пошел бы в компанейство.“ При этом Пудько выпрямился и поскакал за Остраницею, который пришпорил сильнее коня своего. „Скажите, добродию, пане сотнику“, говорил он, поровнявшись с ним: „может, вы теперь уже и не сотник, в другой роте какой значитесь? Скажите, до какой это поры дожили, что уже и храмы божии взяло на откуп жидовство? Как же это, добродию, не обидно? Каково было снесть всякому христианину, что горелка находится у врагов христианства? А теперь и храмы божии! Тут, добродию, нужно нам взять вправо, ибо мимо валу нет уже проезду. Да, и забыл, что он при вас был подкопан. Говорят, как свечка полетел под самое небо. Боже ты мой! сколько народу перемерло! Так и Дигтяй, вы говорите, теперь сидит на колу? И Кузубия потонул? А какой важный, какой сильный народ был! Сколько, подумаешь, пропадает козачества! Вы слышите, как постукивают хлопци из мушкетов, что земля дрожит? Мы сейчас будем ехать мимо площади, где веселится народ. Если вы в хутор свой едете, добродию, то и я с вами. Лучше там разговеюсь святою пасхою, чем дома с бабами. Пусть жинка и дочка остаются сами. Верно, добродию, что произошло меж народом, потому что все столпились в кучу и бросили всякое гулянье.“ В самом деле, на открывшейся в это время из-за хат площади народ сросся в одну кучу. Качели, стрельба и игры были оставлены. Остраница, взглянувши, тотчас увидел причину: на шесте был повешен, вверх ногами, жид, тот самый, которого он освободил из рук разгневанного народа. На ту же самую виселицу тащили храбреца с оборванным усом. Остраница ужаснулся, увидев это. „Нужно поспешить“, говорил он, пришпорив коня. „Народ не знает сам, что делает. Дурни! Это на их же головы рушится. — Стойте, козаки, рыцарство и посполитый народ! Разве этак по-козацки делается?“ произнес он, возвыся голос. „Что смотреть его!“ послышался говор

между молодежью: „В другой раз хочет у нас вытащить из рук.“ „Послушайте, у кого есть свой разум.“ „Он правду говорит“, говорило несколько умеренных. „Молоды вы еще; я вам расскажу, как делают по-козацки. Когда один да выйдет против трех, то бравый козак; против десяти — еще лучше; один против одного — не штука; когда ж три на одного нападут, то все не козаки. Бабы они тогда, то, что... плюнуть хочется; для святого праздника не скажу страмного слова. Как же хочете, теперь, братцы, напасть гурьбою на беззащитного, как будто на какую крепость страшную? Спрашиваю вас, братцы“, продолжал Остраница, заметив внимание: „как назвать тех?..“ „А чем назвать его?“ заговорили многие вполголоса: „Что ж есть хуже бабы, или того, что он постыдился сказать? мы не знаем.“ „Э, не к тому речь, паноче, своротил“, произнесло в голос несколько парубков: „Что ж? Разве мы должны позволить, чтоб всякая падаль топтала нас ногами?“ „Глупы вы еще: не велик, видно, ус у вас“, продолжал Остраница. При этом многие ухватились за усы и стали покручивать их, как бы в опровержение сказанного им. „Слушайте, я расскажу вам одну присказку. Один школяр учился у одного дьяка. Тому школяру не далось слово божье. Верно, он был придурковат, а может быть и лень тому мешала. Дьяк его поколотил дубинкою раз, а после в другой, а там и в третий. „Крепко бьется проклятая дубина“, сказал школяр, принес секиру и изрубил ее в куски. „Постой же ты!“ сказал дьяк, да и вырубил дубину, толщиною в оглоблю, и так погладил ему бока, что и теперь еще болят. Кто ж тут виноват: дубина разве?“ „Нет, нет“, кричала толпа: „тут виноват, виноват король!..“ — — — —

Радуясь, что наконец удалось успокоить народ и спасти шляхтича, Остраница выехал из местечка и пришпорил коня сильнее, и услышал, что его нагоняет Пудько. Как-то тягостно ему было видеть возле себя другого. Множество скопившихся чувств нудило его к раздумью. Свежий, тихий весенний воздух и притом нежно одевающиеся деревья как-то расположили в такое состояние, когда всякий то-

варищ бывает скучен в глазах вечно упоительной природы. И потому Остраница выдумал предлог отослать вперед Пудька в хутор и ожидать его там, а сам, сказав, что ему еще нужно заехать к одному пану, поворотил с дороги.

Этим распоряжением Пудько, кажется, не был недоволен, или, может, только принял на себя такой вид, потому что чрез это нимало не изменял любимой привычке своей говорить. Вся разница, что вместо Остраницы он всё это пересказывал своему Гнедку... „О, это разумная голова! Ты еще не знаешь его, Гнедко! Он тогда еще, когда было поднялось всё наше рыцарство на ляхов, он славную им дал перепойку. Дали б и они ему перцу, когда бы не улизнул на Запорожье. А правда, не важно жид болтается на виселице? А пана напрасно было затянули веревкою за шею. Правда, у него недостает одной клепки в голове; ну, да что ж делать? Он от короля поставлен. Может, ты еще спросишь, за что ж жида повесили? ведь и он от короля поставлен? Гм!.. ведь ты дурак, Гнедко! Он зато враг Христов, нашего бога святого.“ Тут он ударил хлыстом своего скромного слушателя: убаюкиваемый его россказнями, ‹конь› развесил уши и начал ступать уже шагом. „Оно не так далеко и хутор, а всё лучше раньше поспеть. Уже давно пора, хочется разговеться святою пасхою. Говори, мол: мне не пасхи, мне овса подавай. Потерпи немножко: у пана славный овес, и пшеницы дам вволю, а ‹меня› сивухою попотчивают. Я давно хотел у тебя спросить, Гнедко, что лучше для тебя, пшеница или овес? Молчишь? Ну, и будешь же век молчать, потому что бог повелел ‹говорить› только человеку, да еще одной маленькой пташке...“

При этом он опять хлеснул Гнедка, заметив, что он заслушался и стал выступать по-прежнему... Но, вместо того, чтобы слушать рассуждения наших путешественников на седле и под седлом, обратимся к Остранице, давно скакавшему по проселочной дороге.

Как только рыцарь потерял из виду своего сотоварища, тотчас остановил рысь коня своего и поехал шагом. Солнце показывало полдень. День был ясный, как душа младенца. Изредка два или три небольших облака, повиснув, еще более увеличивали собою яркость небесной лазури. Лучи солнечные были осязательно живительны; ветру не было, но щеки чувствовали какое-то тонкое влияние свежести. Птицы чиликали и перепархивали по недавно разрытым нивам, на которых стройно, как будто лес житных игол, восходил молодой посев. Дорога входила в рытвины и была с обеих сторон сжата крутыми глинистыми стенами. Без сомнения, очень давно была прорыта эта дорога в горе, потому что по обеим сторонам обрыва поросла орешником, на самой же горе подымались по обеим сторонам высокие, как стрела, осокори. Иногда перемеживала их лоза, вся в отпрысках, иногда дуб толстый, которому сто лет, и весь убранный павиликой, плющом, величаво расширял свою 〈верхушку?〉 над ними, и казался еще выше от обросшего кустами подмостка. Местами дикая яблоня протягивалась искривленными своими кудрявыми ветвями на противуположную сторону и образовала над головою свод, и сыпала на голову путешественника серебророзовые цветы свои, между тем как из дерев часто выглядывал обрыв, весь в цветах и самых нежных первенцах весны. В другом месте деревья так тесно и часто перемешивались между собою, что образовали, несмотря на молодость листьев, совершенный мрак, на котором резко зеленели обхваченные лучами солнца молодые ветви. Здесь было изумительное разнообразие: листья осины трепетали под самым небом; клен простирал свои листья, похожие на зеленые лапки, узколиственный ясень рябил еще более, а терновник и дикий глод, оградивши их колючею стеною, скрывал пышные стволы и сучья, и только очень редко северная береза высовывала из 〈чащи?〉 часть своего ослепительного, как рука красавицы, ствола. Уже дорога

становилась шире, и наконец открылась равнина, раздольная, ограниченная, как рамами, синеватыми вдали горами и лесами, сквозь которые искрами серебра блестела прерванная нить реки и под нею стлались хутора. Здесь путешественник наш остановился, встал с коня и, как будто в усталости или в желании собраться с мыслями, стал поваживать по лбу. Долго стоял он в таком положении, наконец, как бы решившись на что, сел на коня и, уже не останавливаясь более, поехал в ту сторону, где на косогоре синели сады и, по мере приближения, становились белее разбросанные хаты. Посреди хутора, над прудом, находилась, вся закрытая вишневыми и сливными деревьями, светлица. Очеретяная ее крыша, местами поросшая зеленью, на которой ярко отливалась желтая свежая заплата, с белою трубою, покрытою китайскою черною крышею, была очень хороша. В ту минуту солнце стало кидать лучи уже вечерние, и тогда нежный серебророзовый колер цветущих дерев становился пурпурным. Путешественник слез с коня и, держа его за повод, пошел пешком через плотину, стараясь итти как можно тише. Полощущиеся утки покрывали пруд; через плотину девочка лет семи гнала гусей.

„Дома пан?“ спросил путешественник.

„Дома“, отвечала девочка, разинув рот и став совершенно в машинальное положение.

„А пани?“ „И пани дома“. „А панночка?“ Это слово произнес путешественник как-то тише и с каким-то страхом.

„И панночка дома“.

„Умная девочка! Я дам тебе пряник. А как сделаешь то, что я скажу, дам и другой, еще и злотый“.

„Дай!“ говорила простодушно девочка, протягивая руку.

„Дам, только пойди наперед к панночке и скажи, чтоб она на минуту вышла; скажи, что одна баба старая дожидается ее. Слышишь? Ну, скажешь ли ты так?“ „Скажу“. „Как же ты скажешь ей?“ „Не знаю“. Рыцарь засмеялся и повторил ей снова те самые слова; и, наконец, уверившись,

что она совершенно поняла, отпустил ее вперед, а сам, в ожидании, сел под вербою.

Не прошло несколько минут, как мелькнула между деревьев белая сорочка, и девушка лет осьмнадцати стала спускаться к гребле. Шелковая плахта и кашемировая запаска туго обхватывали стан ее, так что формы ее были как будто отлиты. Стройная роскошь совершенно нежных <членов> не была скрыта. Широкие рукава, шитые красным шелком и все в мережках, спускались с плеча, и обнаженное плечо, слегка зарумянившееся, выказывалось мило, как спеющее яблоко, тогда как на груди под сорочкою упруго трепетали молодые перси. Сходя на плотину, она подняла дотоле опущенную голову, и черные очи и брови мелькнули как молния. Это не была совершенно правильная голова, правильное лицо, совершенно приближавшееся к греческому: ничего в ней не было законно, прекрасно-правильно; ни одна черта лица, ничто не соответствовало с положенными правилами красоты. Но в этом своенравном, несколько смугловатом лице что-то было такое, что вдруг поражало. Всякий взгляд ее полонил сердце, душа занималась, и дыхание отрывисто становилось.

„Откудова ты, человек добрый?“ спросила она, увидев козака.

„А из Запорожья, панночка; зашел сюда по просьбе одного пана, коли милости вашей известно, — Остраницы“.

Девушка вспыхнула. „А ты видел его?“ „Видел. Слушай...“ „Нет, говори по правде! Еще раз: видел?“ „Видел“. „Забожись!“ „Ей-богу!“ „Ну, теперь я верю“, повторила она, немного успокоившись. „Где ж ты его видел? Что, он не позабыл меня?“ „Тебя позабыть, моя Ганночко, мое серденько, дорогой ты кристалл мой, голубочко моя! Разве хочется мне быть растоптану татарским конем?..“ Тут он схватил ее за руки и посадил подле себя. Удивление девушки так было велико, что она краснела и бледнела, не произнося ни одного слова. „Как ты сюда прилетел?“ говорила она шопотом: „Тебя поймают. Еще никто не по-

забыл про тебя. Ляхи еще не вышли из Украины". „Не бойся, моя голубочка, я не один, не поймают. Со мною соберется кой-кто из наших. Слушай, Галю: любишь ли ты меня?"

„Люблю", отвечала она и склонила к нему на грудь разгоревшееся лицо. „Когда любишь, слушай же, что я скажу тебе: убежим отсюда! Мы поедем в Польшу к королю. Он, верно, даст мне землю. Не то поедем хоть в Галицию, или хоть к султану; и он даст мне землю. Мы с тобою не разлучимся тогда и заживем так же хорошо, еще лучше, чем тут на хуторах наших. Золота у меня много, ходить есть в чем, — сукон, епанечек, чего захочешь только". „Нет, нет, козак", говорила она, кивая головою с грустным выражением в лице: „Не пойду с тобою. Пусть у тебя и золото, и сукна, и едамашки. Хотя я тебя больше люблю, чем все сокровища, но не пойду. Как я оставлю престарелую бедную мать мою? Кто приглядит за нею? „Глядите, люди", скажет она: „как бросила меня родная дочка моя!" Слезы покатились по ее щекам.

„Мы не надолго ее оставим", говорил Остраница: „только год один пробудем на Перекопе или на Запорожьи, а тогда я выхлопочу грамоту от короля и шляхетства, и мы воротимся снова сюда. Тогда не скажет ничего и отец твой".

Галя качала головою всё с тою же грустью и слезами на глазах.

„Тогда мы оба станем присматривать за матерью. И у меня тоже есть старая мать, гораздо старее твоей. Но я не сижу с ней вместе. Придет время, женюсь, — тогда и не то будет со мною".

„Нет, полно. Ты не то, ты — козак; тебе подавай коня, сбрую да степь, и больше ни о чем тебе не думать. Если б я была козаком, и я бы закурила люльку, села на коня — и всё мне" (при этом она махнула грациозно рукой) „трын-трава! Но что будешь делать? я козачка. У бога не вымолишь, чтоб переменил долю... Еще бы я кинула, может быть, когда бы она была на руках у добрых людей,

хоть даже одна; но ты знаешь, каков отец мой. Он прибьет ее; жизнь ее, бедненькой моей матери, будет горше полыни. Она и то говорит: „Видно, скоро поставят надо мною крест, потому что мне всё снится, то, что она замуж выходит, то, что рядят ее в богатое платье, но всё с черными пятнами.“

„Может быть, тебе оттого так жаль своей матери, что ты не любишь меня“, говорил Остраница, поворотив голову на сторону.

„Я не люблю тебя? Гляди: я как хмелинонька около дуба, вьюсь к тебе“, говорила она, обвивая его руками: „Я без тебя не живу.“

„Может быть, вместо меня, какой-нибудь другой с шпорами, с золотою кистью?.. что доброго, может быть и лях?“

„Тарас, Тарас! пощади, помилуй! Мало я плакала по тебе! Зачем ты укоряешь меня так?“ сказала она, почти упав на колени и в слезах.

„О, ваш род таков“, продолжал всё так же Остраница. „Вы, когда захотите, подымете такой вой, как десять волчиц, и слез, когда захотите, напускаете вволю, хоть ведра подставляй, а как на деле...“

„Ну, чего ж тебе хочется? Скажи, что тебе нужно, чтоб я сделала?“

„Едешь со мною или нет?“

„Еду, еду!“

„Ну, вставай, полно плакать; встань, моя голубочка, Галочка!“ говорил он, принимая ее на руки и осыпая поцелуями. „Ты теперь моя! Теперь я знаю, что тебя никто не отнимет. Не плачь, моя... За это согласен я, чтоб ты осталась с матерью до тех пор, пока не пройдет наше горе. Что делает отец твой?“

„Он спал в саду под грушею. Теперь, я слышу, ведут ему коня. Верно, он проснулся. Прощай! Советую тебе ехать скорее, и лучше не попадаться ему теперь: он на тебя сердит.“ При этом Ганна вскочила и побежала в светлицу... Остраница медленно садился на коня и, выехавши, оборачивался несколько раз назад, как ⟨бы⟩ желая

вспомнить, не позабыл ли он чего, и уже поздно, почти около полуночи, достигнул он своего хутора.

⟨ГЛАВА 3⟩

Небо звездилось, но одеяние ночи было так темно, что рыцарь едва мог только приметить хаты, почти подъехав к самому хутору. В другое время путешественник наш верно бы досадовал на темноту, мешавшую взглянуть на знакомые хаты, сады, огороды, нивы, с которыми срослось его детство. Но теперь столько его занимали происшествия дня, что он не обращал внимания, не чувствовал, почти не заметил, как заливавшиеся со всех сторон собаки прыгали перед лошадью его так высоко, что, казалось, хотели ее укусить за морду. Так человек, которого будят, открывает на мгновение глаза и тотчас их смежает: он еще не разлучился со сном, ленивою рукою берется он за халат, но это движение для того только, чтобы обмануть разбудившего его, будто он хочет вставать; а между тем он еще весь в бреду и во сне, щеки его горят, можно читать целый водопад сновидений, и утро дышит свежестью, и лучи солнца еще так живы и прохладны, как горный ключ. Конь сам собою ускорил шаг, угадав родимое стойло, и только одни приветливые ветви вишен, которые перекидывались через плетень, стеснявший узкую улицу, хлестая его по лицу, заставляли его иногда браться рукою. Но это движение было машинально. Тогда только, когда конь остановился под воротами, он очнулся. „Кто такой?..“ Наконец ворота отворились. Остраница въехал в двор, но, к изумлению своему, чуть не наехал на трех уланов, спящих в мундирах. Это выгнало все мечты из головы его. Он терялся в догадках, откудова взялись польские уланы. Неужели успели уже узнать о его приезде? И кто бы мог открыть это? Если бы, точно, узнали, то как можно в таком скором времени совершить эту экспедицию? И где же делись его запорожцы, которые должны были

еще утром поспеть в его хутор? Всё это повергло его в такое недоумение, что <он> не знал, на что решиться: ехать ли опрометью назад, или остаться и узнать причину такой странности? Он был тронут тем самым, который отпер ему ворота. Первым движением его было схватиться за саблю, но, увидевши, что это запорожец, он опустил руку. „Но пойдемте, добродию, в светлицу: здесь не в обычае говорить, и слишком многолюдно“, отвечал последний. В сенях вышла старая ключница, бывшая нянькою нашего героя, с каганцем в руках. Осмотревши с головы до ног, она начала ворчать: „Чего вас чорт носит сюда? Всё только пугают меня. Я думала, что наш пан приехал. Что вам нужно? Еще мало горелки выпили!“ „Дурна баба! рассмотри хорошенько: ведь это пан ваш.“ Горпина снова начала осматривать с ног до головы, наконец вскрикнула: „Да это ты, мой голубчик! Да это ж ты, моя матусенька! Да это ж ты, мой сокол! Как ты переменился весь! как же ты загорел! как же ты оброс! Да у тебя, я думаю, и головка не мыта, и сорочки никто не дал переменить.“ Тут Горпина рыдала навзрыд и подняла такой вой, что лай собак, который было начал стихать, удвоился. „Сумасшедшая баба!“ говорил запорожец, отступивши и плюнувши ей прямо в глаза. „Чего сдуру ты заревела? Народ весь разбудишь“. „Довольно, Горпина“, прервал Остраница. „Вот тебе, гляди на меня! Ну, насмотрелась?“ „Насмотрелась, моя матинько родная! Как не наглядеться! Еще когда ты маленьким был, носила я на руках тебя, и как вырастал, всё не спускала глаз, боже мой! А теперь вот опять вижу тебя! Охо, хо!“ И старуха принялась рыдать.

„Слушай, Горпино!“ сказал Остраница, приметив, что ключница для праздника наградила себя порядочной кружкой водки. „Лучше ты принеси закусить чего-нибудь и наперед подай святой пасхи потому, что я, грешный, целый день сегодня не ел ничего, и даже не попробовал пасхи.“

„Да ты ж вот ото и пасхи не отведывал, бедная моя головонька! Несчастная горемыка я на этом свете! Охо,

хо!“ Тут потоки слез, разрешившись, хлынули целым водопадом, и, подперши щеку рукою, <ключница?> снова была готова завыть, если б не увидела над собою замахнувшейся руки запорожца.

„Добродию! позволь кием угомонить проклятую бабу! Что это за соромный народ! Пришла ж охота господу богу породить этакое племя! Или ему недосуг тогда был или бог знает, что ему тогда было...“

Остраница вошел между тем в светлицу и, снявши с себя кобеняк, бросился на ковер. Дорога, голод и встречи привели его в такую усталость, что он растянулся на нем в совершенной бесчувственности, не обращая ни на что глаз своих, а потому наше дело представить описание светлицы, замечательной тем, что постройка ее принадлежала еще деду. Очень замечательная достопамятность в той стране, где древностей почти не было, где брани, вечные брани, производили жестокое опустошение и обращали в руины всё то, что успевали сделать трудолюбие и общежительность. Это была просторная, более продолговатая, комната и вместе с тем низенькая, как обыкновенно строилось в тот век. Ничто в ней не говорило о прочности, как будто, кажется, строитель был твердо уверен, что ее существование должно быть эфемерно; но, однакож, поправками, приделками ветхое строение простояло около 50 лет. Стены были очень тонки, вымазаны глиною и выбелены снаружи и внутри так ярко, что глаза едва могли выносить этот блеск. Весь пол в комнате был тоже вымазан глиною, но так был чисто выметен, что на нем можно было лечь, не опасаясь запылить платья. В углу комнаты, у дверей, находилась огромная печь и занимала почти четверть комнаты; сторона ее, обращенная к окнам, была покрыта белыми изразцами, на которых синею краскою были нарисованы подобия человеческим лицам, с желтыми глазами и губами; другая сторона состояла из зеленых гладких изразцов. Окна были невелики, круглы; матовые стекла, пропуская свет, не давали видеть ничего происходящего на дворе. На стене висел портрет деда Остраницы,

воевавшего с знаменитым Баторием. Он был изображен почти во весь рост, в кольчуге, с парою <пистолетов>, заткнутою за пояс; нижняя часть ног до колен не была только видна. Потемневшие краски едва позволяли видеть суровое, мужественное лицо, которому жалость и всё мягкое, казалось, было совершенно неизвестно. Над дверьми висела тоже небольшая картина, масляными красками, изображающая беззаботного запорожца с боченком водки, с надписью: „*Козак, душа правдивая, сорочки не мае*“, которую и доныне можно иногда встретить в Малороссии. Против дверей — несколько икон, убранных калиною и зелеными цветами, а под ними на длинной деревянной доске нарисованы сцены из священного писания: тут был Авраам, прицеливающийся из пистолета в Исаака; святой Дамиян, сидящий на колу, и другие подобные. Подалее висело несколько турецких саблей, ружье и разной величины пистолеты; неподвижный под образами стол, накрытый чистою скатертью, шитою по краям красным шелком и потемневшим серебром; два странного вида складных стула. В этом состояло убранство комнаты... Остраница между тем теперь только заметил, что стол был уставлен деревянными блюдами с яйцами, маслом и бараниною. Первым его делом было приблизиться к столу и утолить голод, который теперь начал сильнее докучать ему. В это время вошла старая ключница с пасхой, с сметаной, сыром... „Вот тебе, паночиньку мой, и розговены! Вот тебе и сметанка!“ говорила <она>. „Куда ж как он проголодался, бедная дытына! Вот как не подавится, бедненький! А я-то думала, а я хлопотала, а я бегала, как бы ему, моему сердечному... А вот господь сподобил, опять вижу тебя. Охо, хо, хо!“ Горпина опять было хотела всплакнуть, но запорожец Пудько, который начал было подремывать, сидя возле насыщавшего свой голод рыцаря, устремил на нее глаза и проговорил: „Ну, ну, ну! попробуй только зареветь!..“ Это остановило намерение Горпины... „Кушай, кушай, сынку мой! ешь на здоровье, ешь, я не мешаю тебе! Голубчик мой! Мы с тобою только раз

христосовались. Похристосуемся, мое серденько, похристосуемся!..“

„Еще и христосоваться!“ проговорил Пудько сквозь сон и схватил вместо пуги Горпинину ногу. „Пошла, проклятая баба!“

„Ступай, Горпино! полно тебе!“ проговорил, поднявшись, Остраница: „А не то я, несмотря на то, что ты стара и что няньчила меня, сниму со стены вот этот батог; видишь ты этот батог?“ Горпина, которая привыкла бояться повелительного голоса своего пана, немедленно повиновалась. „Ну, Пудько, где ж Тарас? Что он делает? Что я его не вижу?“ „А что ж ему делать? Известно, что делает: спит где-нибудь“. „Ну, так пойдем же и мы спать! только не в душной хате, а на вольной земле, под небом“. Запорожец натянул на себя кобеняк и пошел вслед за Остраницею из светлицы, в которой чуть было не упал, зацепившись за что-то, лежавшее у порога, но голосу которое не дало, — завернувшееся в кожух туловище. Остраница узнал Курника, но заметно было, что он хватил не меньше других, потому что в его словах была страшная противуположность тому, что он говорил в дверях. Даже самый образ выражения был не тот; множество слов вмешивалось таких, которых странно и смешно было от него слышать. Заметно было, что на него много сделали влияния запорожцы. „Эх, славная конница у запорожцев! Торо, торо, торо, гайда, гоп, гоп, гоп! Эка славная конница у запорожцев! Торо, торо, гоп, гоп, гоп! Экая конница! Послушай, любезный, скажи мне: какая у тебя конница? У меня конница запорожская. Откуда ты, мужичок? Зачем ты пришел? Не могу, у меня конница запорожская! Торо, торо, торо, гоп, гоп, гоп!“ и тому подобное. Остраница попробовал было подойти к атаману, которого указал ему Пудько и который лежал, подмостивши себе под голову боченок, но услышал от него одни совершенно бессвязные слова, из чего он заключил, что все гуляли, как следует, и решился оставить их в покое и присоединиться к другим, которых храпение составляло самую фантастическую музыку. Скоро все уснули.

Однакож Остраница долго не мог заснуть; напрасно переворачивался он с боку на бок и пробовал все положения: сон убегал его, а думы незваные приходили и силою ложились в его мозгу. Итак, его приезд понапрасну; и столько приготовлений, столько забот — всё по-пустому! Она не хочет ехать с ним. Так вот это та любовь, та горячая, безграничная любовь! Ей жаль матери: для матери готова она забыть свою любовь. Способна ли она для страсти, когда может еще думать при нем об другом, об отце или матери? Нет, нет! Где любовь настоящая, такая, как следует, там нет ни брата, ни отца. — „Нет, я хочу", говорил он, разбрасывая руками: „чтоб она или меня одного, или никого не любила. Целуй, прижимай меня! Пусть жар дыханья твоего пахнёт мне на щеки! Обнимая дрожащие груди твои, прижму тебя к моим грудям... И еще при этом думать об другом!.. О, как чудно, как странно создана женщина! Как приводит она в бешенство! Весь горишь! пламень в сердце, душно, тоска, агония... а сама она, может, и не знает, что творит в нас; она себе так, как ни в чем не бывало, глядит беспечно и не знает, что за муку произвела". Но между тем луна, плывшая среди необозримого синего роскошного неба, и свежий воздух весенней ночи на время успокоили его мысли. Они излились в длинном монологе, из которого, может быть, ⟨читатели⟩ узнают сколько-нибудь жизнь героя. „И как же ей, в самом деле, оставить бедную мать, которая когда-то ее лелеяла и которую теперь она лелеет, для которой нет ничего и не будет уже ничего в мире, когда не будет ее дочери! Она одна для нее радость, пища, жизнь, защита от отца. Нет, права она. И странная судьба моя! Отца я не видал: его убили на войне, когда меня еще на свете не было. Матери я видел только посинелый и разрезанный труп. Она, говорят, утонула. Ее вытянули мертвую и из утробы ее вырезали меня, бесчувственного, неживого. Как мне спасли жизнь — сам не знаю. Кто спас? Зачем спас?

Лучше бы пропал, не живши! Чужие призрели. Еще мал и глуп, я уже наездничал с запорожцами. Опять случай: меня полонили татары. Не годится жить меж ними христианину, пить кобылье молоко, есть конину. Однакож я был весел душой; ну, вырвусь же когда-нибудь на волю! И вот приехал я на родину, сирота-сиротою. Не встретил никого знакомого. Хотя бы собака была такая, которая знала меня в детстве. Никого, никого! Однакож, хотя грустная, а всё-таки радость была — и печально, и радостно! Больно было глядеть, как посмеивался католик православному народу, и вместе весело. Подожди, ляше, увидишь, как растопчет тебя вольный рыцарский народ! Что же? Вот тебе и похвалился! Увидел хорошую дивчину — и всё позабыл, всё к чорту. Ох, очи, черные очи! Захотел бог погубить людей за беззаконья, и послал вас. Собиралось компанейство отмстить за ругательства над христовой верой и за бесчестье народу. Я ни об чем не думал, меня почти силою уже заставили схватиться за саблю. В недобрый час затеялась эта битва. Что-то делают теперь в Польше коронный гетьман, сейм и полковники? Грех лежать на печке. Еще бы можно было поправить; вражья потеря верно б была сильнее, когда бы ударил из засады я. Бежат все запорожцы, увидав, что и Галькин отец держит вражью сторону. А всё вы, черные брови, вы всему виной! И вот я снова приехал сюда с ватагою товарищей; но не правда, и месть, и жажда искупить себе славу силой и кровью завели меня, — всё вы, всё вы, черные брови! Дивно диво — любовь! Ни об чем не думаешь, ничего на свете не хочешь, только сидеть бы возле ней, уставивши на нее очи, прижавши ближе к себе, так, чтобы пылающие щеки коснулись щеки, и всё бы глядеть. Боже, как хороша она была, смеясь! Вот она глядит на меня. Серденько мое, Галя, Галюночка, Галочка, Галюня, душка моя, крошка моя! Что-то теперь делаешь ты? Верно, лежишь и думаешь обо мне! Нет, не могу, не в силах оставить тебя, не оставлю ни за что... Как же придумать?.. Голова моя горит, а не знаю, что делать! Поеду к королю,

упрошу Ивана Остраницу: он добудет мне грамоту и королевское прощение, и тогда, тогда... бог знает, что тогда будет! Только всё лучше, я буду близь нее жить..." Так раздумывал и почти разговаривал сам с собою Остраница; уже он обнимал в мыслях и свою Галю; вместе уже воображал себя с нею в одной светлице; они хозяйничают в этом земном рае... Но настоящее опять вторгалось в это обворожительное будущее, и герой наш в досаде снова разбрасывал руками; кобеняк слетел с плеч его. Его терзала мысль, каким образом объявить запорожскому атаману, что теперь уже он оставляет свое предприятие и, стало быть, помощь его больше не нужна.

⟨ГЛАВА 5⟩

Как только проснулся Остраница, то увидел весь двор, наполненный народом: усы, байбараки, женские парчевые кораблики, белые намитки, синие кунтуши; одним словом, двор представлял игрушечную лавку, или блюдо винегрета, или, еще лучше, пестрый турецкий платок. Со всею этою кучею народа ⟨он⟩ должен был перецеловаться и принять неимоверное множество яиц, подносимых в шапках, в платках, уток, гусей и прочего — обыкновенную дань, которую подносили поселяне своему господину, который, с своей стороны, должен был отблагодарить угощением. Подносимое принято; и так как яйца, будучи сложены в кучу, казались пирамидою ядер, выставленных на крепости, ⟨то⟩ против этого хозяин выкатил две страшные бочки горелки для всех гостей, и хуторянцы сделали самое страшное вторжение. Поглаживая усы, толпа нетерпеливо ждала вступить в бой с этим драгоценным неприятелем. И между тем как одна толпа бросилась на столы, трещавшие под баранами, жареными поросятами с хреном, а другая к пустившему хмельный водопад, боясь ослушаться власти атамана, который наконец гостей принимал, держа в руках плеть. Он хлестал ею одного из подчиненных своих, ко-

торый стоял неподвижно, но только почесываясь и стараясь удерживать свои стенания при каждом ударе. Атаман приговаривал таким дружеским образом, что если бы не было в руках плети, то можно подумать, что он ласкает родного сына. „Вот это тебе, голубчик, за то, чтоб ты знал, как почитать старших! Вот тебе, любезный, еще на придачу! А вот еще один раз! Вот тебе еще другой! Да, голубчик, не делай так! А вот это как тебе кажется? А этот вкусен? Признайся, вкусен? Когда по вкусу, так вот еще! Что за славная плеть! Чудная плеть! Что, как вот это? Нашлись же такие искусники, что так хитро сплели! Что, танцуешь? Тебе, видно, весело? То-то, я знал, что будет весело. Я затем тебя и благословляю так...“ Тут атаман, наконец, увидев, что молодой преступник, несмотря на всё старание устоять на месте, готов был закричать, остановился. „Ну, теперь подойди, да поклонись же, да ниже поклонись!“ Принявший удары, с опущенными глазами, из которых ручьем полились слезы, приблизился и отвесил поклон в ноги. „Говори, любезный: благодарю, атаман, за науку!“ „Благодарю, атаман, за науку“. „Теперь ступай! Гайда! Задай перцю баранам и сивухе!“

„Христос воскрес, атаман! Мы с тобою еще не христосовались“. „Воистину воскрес!“ отвечал атаман.

„Нет ли у тебя в запасе губки? Охота забирает люльку затянуть“. При этом ‹Остраница› вложил в зубы вытянутую из кармана трубку.

„Как не быть! Это занятие, когда материя не клеится“.

„Я хотел сказать тебе дело“, примолвил Остраница с некоторою робостью.

„Гм!“ отвечал атаман, вырубливая огонь.

„Мое дело не клеится“.

„Не клеится?“ промолвил ‹атаман›, раскуривая трубку: „погано!“

„Вряд ли нам что-нибудь достанется здесь“.

„Не достанется?.. Погано!“

„Придется нам возвратиться ни с чем“.

„Гм!..“

„Что ж ты скажешь?“ спросил Остраница, удивленный таким неудовлетворительным ответом.

„Когда воротиться“, отвечал запорожец, сплевывая: „так и воротиться“.

Остраницу ободрило такое равнодушие. — „Только я не пойду с вами; я поеду на время в Варшаву“.

„Гм!“ отвечал атаман.

„Ты, может быть, сердит на меня, что я так обманул и поддел вас? Божусь, что я сам обманут!“ При этом слове грянула музыка, и, вместе с нею, грянуло топанье танцующих. Атаман, с трубкою в зубах, ринулся в кучу танцующей компании, очистил около себя круг и пустился выбивать ногами и навприсядку.

⟨ГЛАВА 6⟩

„Что он себе думает, этот дурень Остраница?“ говорил старый Пудько. „Щенок! Еще и родниться задумал со мною! Поганый нечестивец! Поди к матери своей, чтоб доносила наперед! И достало духу у него сказать это! Дурень, дурень!“ говорил он, дергая рукою, как будто драл кого-нибудь за волоса. „Молод козак, ус еще не прошибся!“ Старый Кузубия не мог вынести, когда видел, что младший равняется с старшими. „Знать должен, что кто задумал мстить, тот у того не жди уже милости. Скорее солнце посинеет, вместо дождя посыплются раки с неба, чем я позабуду прошлое. Пропаду, но не забуду! Не хочу! Не хочу! Жинко! Жинко!“ Этим восклицанием обыкновенно оканчивал он свою речь, когда бывал сердит и боже сохрани жинке не явиться тот же час! На эту речь, едва передвигая ноги, пришло, или, лучше сказать, приползло иссохнувшее, едва живущее существо. Вид ее не вдруг ⟨поражал⟩. Нужно было вглядеться в этот несчастный остаток человека, в это олицетворенное страдание, чтобы ощутить в душе неизъяснимо тоскливое чувство. Представьте себе длинное, всё в морщинах, почти

бесчувственное лицо; глаза черные, как уголь, некогда — огонь, буря, страсть, ныне неподвижные; губы какого-то мертвого цвета, но, однакож, они были когда-то свежи, как румянец на спеющем яблоке. И кто бы подумал, что эти слившиеся в сухие руины черты были когда-то чертовски очаровательны, что движение этих, некогда гордых и величественных, бровей дарило счастие, необитаемое на земле? И всё прошло, прошло незаметно; образовалось, наконец, лишь бесчувственное терпение и безграничное повиновение.

<II> КРОВАВЫЙ БАНДУРИСТ

ГЛАВА ИЗ РОМАНА

В 1543 году, в начале весны, ночью, тишина маленького городка Лукомья была смущена отрядом рейстровых коронных войск. Ущербленный месяц, вырезываясь блестящим рогом своим сквозь беспрерывно обступавшие его тучи, на мгновение освещал дно провала, в котором лепился этот небольшой городок. К удивлению немногих жителей, успевших проснуться, отряд, которого прежде одно появление служило предвестием буйства и грабительства, ехал с какою-то ужасающею тишиною. Заметно было, что всю силу напряженного внимания его останавливал тащившийся среди его пленник, в самом странном наряде, какой когда-либо налагало насилие на человека: он был весь с ног до головы увязан ружьями, вероятно для сообщения неподвижности его телу. Пушечный лафет был укреплен на спине его. Конь едва ступал под ним. Несчастный пленник давно бы свалился, если бы толстый канат не прирастил его к седлу. Осветить бы месячному лучу хоть на минуту его лицо — и он бы верно блеснул в каплях кровавого пота, катившегося по щекам его! Но месяц

не мог видеть его лица, потому, что оно было заковано в железную решетку. Любопытные жители, с разинутыми ртами, иногда решались подступить поближе, но, увидя угрожающий кулак, или саблю одного из провожатых, пятились и бежали в свои щедушные домики, закутываясь покрепче в наброшенные на плеча татарские тулупы и продрогивая от свежести ночного воздуха.

Отряд минул город и приближался к уединенному монастырю. Это строение, составленное из двух, совершенно противуположных частей, стояло почти в конце города на косогоре. Нижняя половина церкви была каменная, и, можно сказать, вся состояла из трещин, обожжена, закурена порохом, почерневшая, позеленевшая, покрытая крапивою, хмелем и дикими колокольчиками, носившая на себе всю летопись страны, терпевшей кровавые жатвы. Верх церкви с теми изгибистыми деревянными пятью куполами, которые установила испорченная архитектура византийская, еще более изуродованная варваризмом подражателей, был весь деревянный. Новые доски, желтевшие между почерневшими старыми, придавали ей пестроту и показывали, что еще не так давно она была починена богомольными прихожанами. Бледный луч серпорогого месяца, продравшись сквозь кудрявые яблони, укрывавшие ветвями в своей гуще часть здания, упал на низкие двери и на выдавшийся над ними вызубренный карниз, покрытый небольшими своевольно выросшими желтыми цветами, которые на тот раз блестели и казались огнями, или золотою надписью на диком карнизе. Один из толпы с неизмеримыми, когда-либо виданными усами, длиннее даже локтей рук его, которого по замашкам и дерзкому повелительному взгляду признать можно было начальником отряда, ударил дулом ружья в дверь. Дряхлые монастырские стены отозвались и, казалось, испустили умирающий голос, уныло потерявшийся в воздухе. После сего молчание снова заступило свое место. Брань на разных наречиях посыпалась из-под огромнейших усов начальника отряда: „Терем-те-те, поповство проклятое! А то я знаю, чем вас разбудить!“ Раз-

дался пистолетный выстрел, пуля пробила ворота и шлепнулась в церковное окно, стекла которого с дребезгом посыпались во внутренность церкви. Это произвело смятение в кельях, которые примыкали к церкви; показались огни; связка ключей загремела; ворота со скрыпом отворились, — и четыре монаха, предшествуемые игуменом, предстали бледные с крестами в руках.

„Изыдите, нечистые! кромешники!“ произнес едва слышным дрожащим голосом настоятель: „во имя отца и сына и святого духа, изыди, диаволе!“

„Але то еще и брешет, поганый собака!“ прогремел начальник языком, которому ни один человек не мог бы дать имени: из таких разнородных стихий был он составлен. „То брешешь, лайдак, же говоришь, что мы дьяволы; а то мы не дьяволы, мы коронные“.

„Что вы за люди? Я не знаю вас! Зачем вы пришли смущать православную церковь?“ произнес настоятель.

„Я тебе, псяюха, порохом прочищу глаза! Дай нам ключи от монастырских погребов!“

„На что вам ключи от наших погребов?“

„Я, глупый поп, не буду с тобою говорить! Але ты хочешь, басамазенята, поговори з моим конем: нех тебе отвечает из под...“

„Принеси им, антихристам, ключи, брат Касьян!“ простонал настоятель, оборотившись к одному монаху. „Только у меня нет вина! Как бог свят, нет! Ни одной бочки, ни боченка, и ничего такого, что бы вам было нужно“.

„А то мне какое дело! Ребята хочут пить. Я тебе говорю, же ты, глупой поп, сена, стойла и пшеницы не дашь лошадям, то я в костел ваш поставлю их и тебя сапогом до морды“.

Настоятель, не говоря ни слова, возвел на них оловянные свои глаза, которые казалось давно уже не принадлежали миру сему, потому что не выражали никакой страсти, и встретился с злобно устремившимися на него глазами иезуита. Отворотившись от него, он остановил их на странном пленнике с железным наличником. Вид этот,

казалось, поразил почти бесчувственного ко всему, кроме церкви, старца.

„За что вы схватили этого человека? Господи, накажи их трехипостасною силою своею! Верно опять какой-нибудь мученик за веру христову!“

Пленник испустил только слабое стенание.

Ключи были принесены, и при свете сонно горевшей светильни вся эта ватага подошла ко входу пещеры, находившейся за церковью. Как только опустились они под земляные безобразные своды, могильная сырость обдала всех. В молчании шел начальствовавший отрядом, и непостоянный огонь светильни, окруженный туманным кружком, бросал в лицо ему какое-то бледное привидение света, тогда как тень от бесконечных усов его подымалась вверх и двумя длинными полосами покрывала всех. Одни только грубо закругленные оконечности лица его были определительно тронуты светом и давали разглядеть глубоко бесчувственное выражение его, показывавшее, что всё мягкое умерло и застыло в этой душе; что жизнь и смерть — трын-трава; что величайшее наслаждение — табак и водка; что рай там, где всё дребезжит и валится от пьяной руки. Это было какое-то смешение пограничных наций. Родом серб, буйно искоренивший из себя всё человеческое в венгерских попойках и грабительствах, по костюму и несколько по языку поляк, по жадности к золоту жид, по расточительности его козак, по железному равнодушию дьявол. Во всё время казался он спокоен; по временам только шумела между усами его обыкновенная брань, особенно, когда неровный земляной пол, час от часу уходивший глубже вниз, заставлял его оступаться. Тщательно осматривал он находившиеся в земляных стенах норы, совершенно обсыпавшиеся, служившие когда-то кельями и единственными убежищами в той земле, где в редкий год не проходило по степям и полям разрушение, где никто не строил крепких строений и зáмков, зная, как непрочно их существование. Наконец показалась деревянная, заросшая мхом, зацветшая гнилью, дверь, закиданная тяжелыми

бревнами и каменьями. Пред ней остановился он и оглядел ее значительно снизу до верху. — „А ну!“ сказал он, мигнувши бровью на дверь, и от брови, казалось, пахнул ветер. Несколько человек принялись и не без труда отвалили бревна. Дверь отворилась. Боже! какое обиталище открылось глазам! Присутствовавшие взглянули безмолвно друг на друга, прежде, нежели осмелились войти туда. Есть что-то могильно-страшное во внутренности земли. Там царствует в оцепенелом величии смерть, распустившая свои костистые члены под всеми цветущими городами, под всем веселящимся, живущим миром. Но если эта дышущая смертию внутренность земли населена еще живущими, теми адскими гномами, которых один вид уже наводит содрогание, тогда она еще ужаснее. Запах гнили пахнул так сильно, что сначала заняло у всех дух. Почти исполинского роста жаба остановилась неподвижно, выпучив свои страшные глаза на нарушителей ее уединения. Это была четырехугольная, без всякого другого выхода, пещера. Целые лоскутья паутины висели толстыми клоками с земляного свода, служившего потолком. Обсыпавшаяся со сводов земля лежала кучами на полу. На одной из них торчали человеческие кости; летавшие молниями ящерицы быстро мелькали по ним. Сова или летучая мышь была бы здесь красавицею.

„А чем не светлица? Светлица хорошая!“ проревел предводитель. „Терем-те-те! Лысый бес начхай тебе в кашу! Але тебе, псяюхе, тут добре будет спать. Сам ложись на ковалки, а под голову подмости ту жабу, али возьми ее за женку на ночь!“

Один из коронных вздумал было засмеяться на это, но смех его так страшно, беззвучно отдался под сырыми сводами, что сам засмеявшийся испугался. Пленник, который стоял до того неподвижно, был втолкнут на средину и слышал только, как заскрыпела за ним дверь и глухо застучали заваливаемые бревна, свет пропал и мрак поглотил пещеру.

Несчастный вздрогнул. Ему казалось, что крышка гроба захлопнулась над ним, а стук бревен, заваливших вход

его, казался стуком заступа, когда страшная земля валится на последний признак существования человека, и могильно-равнодушная толпа говорит, как сквозь сон: „Его нет уже, но он был.“

После первого ужаса он предался какому-то бессмысленному вниманию, бездушному существованию, которому предается человек, когда удар бывает так ужасен, что он даже не собирается с духом подумать о нем, и вместо того устремляет глаза на какую-нибудь безделицу и рассматривает ее. Тогда он принадлежит к другому миру и ничего не разделяет человеческого. Видит без мыслей; чувствует, не чувствуя; странно живет. Прежде всего внимание его впилось в темноту. Всё было на время забыто, и ужас ее, и мысль о погребении живого. Он всеми чувствами вселился в темноту. И тогда пред ним развернулся совершенно новый, странный мир. Ему начали показываться во мраке светлые струи, — последнее воспоминание света! Эти струи принимали множество разных узоров и цветов. Совершенного мрака нет для глаза. Он всегда, как ни зажмурь его, рисует и представляет цвета, которые видел. Эти разноцветные узоры принимали или вид пестрой шали, или волнистого мрамора, или, наконец, тот вид, который поражает нас своею чудною необыкновенностью, когда рассматриваем в микроскоп часть крылышка или ножки насекомого. Иногда стройный переплет окна, — которого, увы! не было в его темнице, — проносился перед ним. Лазурь фантастически мелькала в черной его раме, потом изменилась в кофейную, потом исчезала совсем и обращалась в черную, усеянную или желтыми, или голубыми, или неопределенного цвета крапинами. Скоро весь этот мир начал исчезать: пленник чувствовал что-то другое. Сначала чувствование это было безотчетное; потом начало приобретать определительность. Он слышал на руке своей что-то холодное; пальцы его невольно дотронулись к чему-то склизкому. Мысль о жабе вдруг осенила его!.. он вскрикнул... и разом переселился в мир действительный. Мысли его окунулись вдруг в весь

ужас существенности. К тому еще присоединилось изнурение сил, ужасный спертый воздух: всё это повергло его в продолжительный обморок.

Между тем отряд коронных войск разместился в монастырских кельях как дома, высылал монахов подчищать конюшни, и пировал от радости, что наконец схватил того, кто им был нужен!

„Попался, псяюха!“ говорил усастый предводитель. „Хотел бы я знать, чего они так быстры на ноги, собачьи дети? Пойдем, хлопцы, доведаемся, кто с ним был, лысый бес начхай ему в кашу!“

Жолнеры опустились вниз, и нашли пленника лежащего без чувств.

„Дай ему понюхать чего-нибудь!“

Один из них немедленно насыпал ему на руку пороху, к которой прислонилась его голова, и зажег его. Пленник чихнул, и поднял голову, будто после беспокойного сна.

„Толкните его дубиной! рассказывай, терем-те-те, бабий сын! Але кто с тобою разбойничал? Двенадцать дьяблов твоей матке! Где твои ребята?“

Пленник молчал.

„А то я тебя спрашиваю, псяюха! Скиньте с него наличник! Сорвите с него епанчу! А то лайдак! Але то я знаю добре твою морду: зачем ее прячешь?“

Жолнеры принялись, разорвали верхнюю эпанчу тонкого черного сукна, которою закрывался пленник, сорвали наличник... и глазам их мелькнули две черные косы, упавшие с головы на грудь, очаровательная белизна лица, бледного как мрамор, бархат бровей, обмершие губы и девственные обнаженные груди, стыдливо задрожавшие, лишенные покрова.

Начальник отряда коронных войск окаменел от изумления; команда тоже.

„Але то баба?“ наконец обратился он к ним с таким вопросом.

„Баба!“ отвечали некоторые.

„А то как могла быть баба? Мы козака ловили.“

Предстоящие пожали плечами.

„На цугундру бабу! Как ты, — глупая баба — дьявол бы тебя!.. — Але как ты смела?.. рассказывай, где тот псяюха, где Остржаница?“

Полуживая не отвечала ни слова.

„То тебя заставят говорить, лысый бес начхай тебе в кашу!“ кричал в ярости воевода. „Ломайте ей руки!“

И два жолнера схватили ее за обнаженные руки, белизною равнявшиеся пыли волн. Раздирающий душу крик раздался из уст ее, когда они стиснули их жилистыми руками своими.

„Что? скажешь теперь, бесова баба?“

„Скажу!“ простонала жертва.

„Оставь ее! Рассказывай, где тот бабий сын, сто дьяблов его матке!“

„Боже!“ проговорила она тихо, сложив свои руки: „как мало сил у женщины! Отчего я не могу стерпеть боли!“

„То мне того не нужно! Мне нужно знать, где он?“

Губы несчастной пошевелились и, казалось, готовы были что-то вымолвить, как вдруг это напряжение их было прервано неизъяснимо странным происшествием: из глубины пещеры послышались довольно внятно умоляющие слова: „Не говори, Ганулечка! Не говори, Галюночка!“ Голос, произнесший эти слова, несмотря на тихость, был невыразимо пронзителен и дик. Он казался чем-то средним между голосом старика и ребенка. В нем было какое-то, можно сказать, не человеческое выражение; слышавшие чувствовали, как волосы шевелились на головах и холод трепетно бегал по жилам; как будто это был тот ужасный черный голос, который слышит человек перед смертью.

Допросчик содрогнулся, и положил невольно на себя крест, потому, что он всегда считал себя католиком. Минуту спустя уже ему показалось, что это только почудилось. Жолнеры обшарили углы, но ничего не нашли, кроме жаб и ящериц.

„Говори!“ проговорил снова неумолимый допросчик, однакож не присовокупив на этот раз никакой брани.

Она молчала.

„А ну, принимайтесь!“ При этом густая бровь воеводы мигнула предстоящим.

Исполнители схватили ее за руки.

И те снежные руки, за которые бы сотни рыцарей переломали копья, те прекрасные руки, поцелуй в которые уже дарит столько блаженства человеку, эти белые руки должны были вытерпеть адские мучения! Не многие глаза выдержали бы то ужасное зрелище, когда один из них с варварским зверством свернул ей два пальца, как перчатку. Звук хрустевших костей был тих, но его, казалось, слышали самые стены темницы. Сердцу, с несовсем оглохлыми чувствами, не достало бы сил выслушать этот звук. Страшно внимать хрипению убиваемого человека; но если в нем повержена сила, оно может вынести и не тронуться его страданиями. Когда же врывается в слух стон существа слабого, которое ничто пред нашею силою, тогда нет сердца, которого бы даже сквозь самую ярость мести не ужалила ядовитая змея жалости.

Пленница ни звука не издала. Лицо ее только означилось мгновенным судорожным движением муки и губы задрожали.

„Говори, я тебя!.. поганая лайдачка!..“ произнес воевода, которому муки слабого доставляли какое-то сладострастное наслаждение, которое он мог только сравнить с дорого доставшеюся рюмкою водки.

Но только что он произнес эти слова, как снова тот же нестерпимый голос так же явственно раздался и так же невыносимо жалобно произнес: „Не говори, Ганулечка!“

На этот раз страх запал глубже в душу начальника.

Все обратились в ту сторону, откуда послышался этот странный голос — и что же?..

Ужас оковал их. Никогда не мог предстать человеку страшнейший фантом!.. Это был... ничто не могло быть ужаснее и отвратительнее этого зрелища! Это был... у кого не потряслись бы все фибры, весь состав человека! Это был... ужасно! — это был человек... но без кожи,

Кожа была с него содрана. Весь он был закипевший кровью. Одни жилы синели и простирались по нем ветвями!.. Кровь капала с него!.. Бандура на кожаной ржавой перевязи висела на его плече. На кровавом лице страшно мелькали глаза...

Невозможно было описать ужаса присутствовавших. Всё обратилось, казалось, в неподвижный мрамор со всеми знаками испуга на лицах. Но, к удивлению, это появление, отнявши силу у сильных, возвратило ее слабому. Собравши всю себя, всю душевную крепость, молодая узница тихо поползла к дверям и вступила в земляной корридор, которого гнилой воздух показался ей райским в сравнении с ее темницей...

1832 год.

⟨III⟩ ГЛАВА ИЗ ИСТОРИЧЕСКОГО РОМАНА.

Между тем посланник наш переехал границу, отделяющую ныне пирятинский повет от лубенского. Общих езжалых дорог тогда не было в Малороссии, но почти каждому известна была какая-нибудь проселочная, по мнению его, самая ближайшая. Часто такая дорога, уклоняясь от ровной поверхности, проскальзывала в рытвины, царапалась по косогору, вешалась над провалами, и один неровный, слегка протоптанный подковою коня, след означал ее уклонения. Достаточно было только выехать в дорогу, чтобы выучиться не разбирать ночлегов. Главное же неудобство для путешественника, не ознакомленного с местами, было то, что он должен был, на расстоянии 25 или 50 ружейных выстрелов, выведывать и выспрашивать пути у жителей, которых показания всегда почти разногласили.

Пустив повода и наклонив голову, всадник наш давно уже погружен был в раздумье, и только изредка попадавшиеся кочки и пни срубленных дерев, заставляя спотыкаться

верного его товарища, борзого коня, перерезывали разом его думы, которые снова обычным ожерельем низались в голове его. В первый раз еще случалось ему выполнять такое поручение: ехать, бог знает куда, в незаселенные степи Украйны! И кто этот Глечик?.. Какая нужда Казимиру до начальника какой-то шайки, называвшего себя полковником миргородского полку?.. Ему не объявлено было ничего удовлетворительного ни о характере, ни о силе его, ни о том, какие он имеет сношения, и с кем... К чему же эта осторожность, какую нужно было иметь в речах с ним? Зачем перелетать такую даль, чтобы только доставить ему сведения о событиях, волновавших Варшаву? И чем мог быть полезен такой отдаленный союзник?.. Мысленно досадовал он на себя, что не выведал обстоятельно об этом от Бригитты: ей, без сомнения, сколько-нибудь были известны причины такого странного посольства. Солнце медленно прощалось с землею. Живописные облака, обхваченные по краям огненными лучами, поминутно меняясь и разрываясь, летели по воздуху. Сумерки угрюмо надвигали сизую тень свою и притворяли мало-помалу ставни окошек, освещавших светлый божий мир. В это время путник наш, после долгого степного странствия, въехал в лес. Раздетые безжалостною осенью деревья сквозили, как решето, и, казалось, дрожали от вечернего холода. Желтые листья, как объедки и битые ковши от недавнего пиршества, валялись неприбранные, и один только шелест их, ходя по лесу, давал знать о присутствии в нем нашего всадника. Сквозь обнаженную вершину леса темнело небо; резкий ветер подымался с поля и мчал заунывные свои вопли в гущу леса. Путник поневоле задумался и остановил коня своего в нерешимости, что̀ предпринять, потому что дорога совершенно исчезла, и перед ним торчал один только лес да неизвестность; как вдруг громкий голос: „цоб, цоб!“ поразил слух его; тяжело нагруженный воз заскрыпел, и пара волов показалась из-за деревьев. Надобно вообразить себя на месте путешественника, чтобы вполне почувствовать радость такой встречи. Луна в это время выре-

залась на небе. Серебряный свет, перепутанный тенью от дерев, пал решеткою на землю, осветив далеко окрестность, и Лапчинский увидел перед собою дюжего пожилого селянина. Седые, закрученные вниз, усы его гордо покоились на смуглом, означенном резкими мускулами лице, которое так простодушно оттеняла какая-то азиатская беспечность. По черным бровям серебрилась седина; огонь вылетал из небольших карих глаз, и в огне том высвечивались попеременно то хитрость, то простодушие. На голове у него была черная козацкая шапка с синим верхом. Коротенький нагольный тулуп, затянутый яркоцветным поясом, служил непроницаемыми латами от холода; сверх этого одеяния, вдобавку, накинут был обыкновенный кобеняк, из толстого смурого сукна, который и поныне носят малороссийские мужики. Из-за пояса торчали пищаль и изогнутая татарская сабля, — оружие, которое в тогдашние смутные времена всякий козак, ратник и селянин почитал необходимостью всегда иметь при себе.

„Помогай, боже!“ сказал он, остановив волов и обнажив увенчанную только на верхушке кистью волос голову, в знак того уважения, какое обыкновенно оказывали тогда простые поселяне ратным людям. Надобно припомнить, что Лапчинский, в избежание неприятностей, каким бы он неминуемо подвергнулся от жителей, не терпевших всего, что только носило название ляха или принадлежало ляхам, принужден был переменить щегольской костюм свой на скромное одеяние козацкого десятника. Всадник наш отвечал легким наклонением головы на сие приветствие. „Не знаешь ли, земляк“, молвил он с ласковым видом: „далеко ли отсюда до Ромодановского шляху?“

„Не сумею, добродию, сказать вдруг; повремените немножко“.— Тут принялся он высчитывать, что выражали машинально сгибаемые им пальцы. — „До Ромодановского шляху!.. Как бы вам сказать... оно не так, чтобы близко. Надобно знать, что козаки наши немного было перетрусили: кто-то пронес слух, что всё шляхетство собирается к нам на Сулу в гости. Спохватились сдуру и разломали мосты;

так вам, добродию, чтоб не пришлось давать больших объездов. Впрочем, бог его знает: я говорю это потому, что другие говорят... так, может быть, выберется и короткий путь; только, знаете, теперь время осеннее... то станется, что и далеко... Только опять же, как подумаешь, то кажется, что и близко. Вот другое дело, если б были поставлены столбы по дороге, какие, без сомнения, сами, добродию, если бывали в Польше, встречали по тамошним дорогам."

Не должно удивляться противоречиям, испестрявшим монолог нашего поселянина. Кроме действительной неизвестности, малороссияне любили поусомниться и в самом знакомом им деле. Малороссиянин и доныне ничего не скажет наобум, но раз десять поправит себя, а иногда с умыслом запутает своего слушателя так, что тот, к изумлению своему, видит, что до такого-то места и далеко, и близко.

„Куда же, по крайней мере, мне теперь держать путь?" спросил странник, вперив испытующий взор на своего наставника.

Тут селянин наш осмотрел его хорошенько с головы до ног. „А вы, добродию, хотите теперь ехать?"

„Почему же не теперь?"

„Бог с вами! теперь и наш брат, здешний, уже сильно подумавши разве, поедет. Знаешь, мосьпане! ведь нам стоит только проехать такое время, в какое добрый мужик успеет вымолотить полкопны жита, чтобы заслышать собачий лай с моего двора. Всё бы лучше опочить в теплой хате, а завтра хоть и с богом!" От такого предложения нельзя было отказаться путнику, который, кажется, того только и ожидал.

„А куда", спросил дорогою поселянин наш своего будущего гостя: „лежит путь вам, мосьпане?"

„Еду-то я далеко, на ту сторону Ворскла, к миргородскому полковнику Глечику. Что, земляк, не знаешь ли и ты его?"

„Как не знать этой старой собаки! А из каких мест бог несет?"

„Из великой станицы, что под Лохвицею".

„Как же это, добродию, мы не слышали ничего про то, чтобы станица была под Лохвицею?“ Тут вонзил он в него острый взор свой, который, казалось, хотел выпытать его душу. „И то сказать! где уже мужику знать всё про войсковые дела; до нашего захолустья еще и слухи не дошли об этом“.

Посланник наш спохватился, что не нужно бросать осторожности в россказнях и с простым селянином, и потому, собравшись немного с мыслями, продолжал: „То есть, вот видишь, земляк, наверное я еще не могу сказать. В самой-то станице я не был, а встретившийся под Лохвицею запорожский сотник Шляйко, узнав, что я еду в эти места, дал мне грамотку к миргородскому полковнику. Летел он, как угорелый; из расспросов его я ничего не мог узнать наверное. Недавно перед тем возвратился я из Варшавы... Видишь, он, может быть, имел причины не доверять мне... то есть... он... ты, думаю, понимаешь меня“.

„Что вы говорите, добродию! Разве мужик поймет то, что толкуют паны? Ей-богу, нет; где нам понять! У нас и голова не так сделана, как у панов: чорт знает, что такое; больше на капусту похоже, чем на голову“.

„О, да ты штука!“ подумал про себя Лапчинский и положил себе быть как можно осторожнее в словах.

Он во всё это время ехал шагом, уравнивая легкую поступь своего гордого коня с ленивою выступкою тяжелых волов, впереди которых с флегматическою важностью шел селянин, помахивая батогом и потягивая коротенькую люльку *. Дым от нее обнимал облаками смуглое лицо его, которое, освещаясь иногда вспыхивавшим огоньком, казалось лицом какого-нибудь упыря, выказывавшимся по временам из непробудного болотного тумана и сеявшим искры чудного огня. Это заставляло Лапчинского чаще всматриваться ему в глаза, чтоб удостовериться, точно ли то был его товарищ. Но селянин наш сам отгонял всякое насчет его сомнение, не давая минуты задуматься своему гостю. — „Слыхали ль вы, добродию, про таковое диво?“ говорил он, не выпуская

* Трубку.

изо рта своей трубки: „видишь ли сосну, вон далеко, далеко чернеет перед нами?“ И путник, к удивлению своему, точно увидел сосну. Каким образом зашла она сюда, когда во всей почти этой стороне Малороссии, на расстоянии, может быть, по сту верст во все стороны, взор не отыскивал этой суровой жилицы Севера? Невольно вперил он на нее глаза свои: она одна только посреди обнаженного леса сохраняла, казалось, жизнь. Но жизнь ли это? Это была мумия, которую с изумлением отыскивают между голыми скелетами, одну, не сокрушенную тлением. В ней видны те же черты, та же прекрасная форма человека объемлет ее. Но, боже, в каком виде! Неотразимое, непонятное чувство тоски и ужаса врывается в душу при взгляде на жалкий обман, которым суетное искусство силится выхватить и удержать что-то похожее на жизнь.

„Это еще не большое диво, что сосна, а вот что диво. Лет за пятьдесят перед тем, как мы балагурим с вами, жил, чуть ли не на вот этом месте, в хоромах великий пан. Воевода ли он был, сотник ли какой, или просто пан, этого я не умею сказать; знаю только, что он был лях и не нашей веры. Жил он, как все нечистые польские паны живут: дом с утра до вечера ходенем ходил от вина и от песень, и далече прохватывала дрожь крещеного человека, когда он слышал раздававшиеся из лесу крики. Хлопцы из дворни его то и дело что наездничали по хуторам да обирали бедных жителей. Этого мало. Стали обворовывать да обдирать божьи церкви, и такое делали... враг с ними! не хочу и говорить, что такое. Побить бы их всех, добродию,— так нельзя, потому что дворни одной у них было, может, с полторы сотни, да и на каждого бердыши, самопалы и вся сбруя ратная. Вот и вызвался один дьякон, как уже его звали и из какого приходу он был, ей-богу, добродию, не знаю,— вызвался и пришел в лес. Если бы теперь не ночь и не засыпало листьем, то я, может статься, показал бы вам останки этого дьявольского гнезда. На ту пору,— так, видно, сам бог уже хотел,— был у них какой-то окаянный праздник. Дьякон шел уже напропало, сказал: „Господи,

благослови!“ и, сколько доставало духу, толкнулся в ворота, запертые толпившимся народом. Цымбалы и бандуры бренчали и гудели, словно на свадьбе, а пьяные паны и дворня изо всей силы отдирали краковяк. Как только завидели дьякона, так, добродию, и закричали: „Зачем сюда принесло попа?“ А пан говорит: „Гей, хлопцы! налейте-ка попу водки: пусть его танцует с нами, добрыми христианами, краковяк, да подгоняйте его хорошенько батожьем!“ Дьякон, исполнившись, видно, святого духа, начал представлять нечестивым весь грех беззаконного житья их, и какие на том свете будут им муки, и как будут они плясать в пекле, * только не по своей воле, а подгоняемые горячими вилами чертей. „А, так ты еще и проповедь читаешь! Гей, хлопцы! поднимите попа на крылос, а чтоб не застудил горла, накиньте ему галстук на шею!“ И тут же челядь, с нечеловечьим смехом и гиканьем, втащила несчастного дьякона на ту самую сосну, мимо которой лежит нам путь. Позвольте, добродию: тут-то и история. Сосна эта как раз стояла перед хоромами и как нарочно еще перед самыми окошками панской светлицы. Вот, как ночь уже разогнала всех: кого на лавку, кого под лавку, пану нашему чудится, что на него каплет что-то холодное. „Что за нечистый!“ подумал пан: „отчего это каплет?“ Встал с постели, глядит: колючие ветви сосны царапаются к нему сквозь стену и, будто живые, вытягиваются длиннее, длиннее и как раз достают до него. Перекрестился, может быть, в первый раз от роду наш пан, когда увидел, что из них каплет человечья кровь, сначала холодная как лед, а потом жжет да и только! К окну — так и ноги подкосились: сосна вся посинела, как мертвец, и страшно кивает ему черною, всклокоченною бородою. Сначала было думал пан, не хмель ли бродит у него в голове; так на следующую ночь то же диво, и вся дворня в один голос, что по лесу то и дело, что отпевают усопшего таким страшным голосом, что всякого мороз драл по коже и волосы щетиною поднимались на голове. Чего уж ни делали: и погребли с честью тело дьякона, и при-

* В аде.

нимались было рубить сосну, — так секира не берет: что ни ударят, топор вызубрится, а дерево стонет, будто дитя некрещеное. Решились, наконец, бросить это окаянное место. Вот каждый день и соберется вся челядь, оседлают коней, заберут всё с собою и выедут, еще черти не бьются на кулачки; едут, едут, до самого вечера: кажись, бог знает, куда заехали! Остановятся ночевать — смотрят, знакомые всё места: опять тот же дикий лес, те же хоромы, а проклятая сосна, протягивая ветви, словно руки, хватает пана и обдает его кровавыми каплями, а черная, всклокоченная борода так же жутко кивает ему...“ Тут рассказчик наш стремительно ударил в слушателя огненными глазами своими, блиставшими еще ярче посреди ночи, и, казалось, не без удовольствия заметил в нем впечатление, произведенное его рассказом. Действительно, путник наш не мог не ощутить какого-то тайно врывавшегося в душу страха и с беспокойством посматривал вокруг. В это время поравнялись они с сосной. Серебряный свет падал на печальные ветви ее, и отбрасывавшиеся от них тени, будто продолжение их, переламливаясь о встречные деревья, ложились бесконечною лестницею на землю. Ветер слегка покачивал вершину, и когда путник, немного проехав, оглянулся назад, то ему показалось, что какой-нибудь неприязненный дух, приняв дикий, величественный образ, медленно следовал за ним, печально покачивая угрюмою бородою и раскидывая темнозеленые объятия свои в намерении схватить его.

„Что же далее случилось?“ спросил он умолкшего рассказчика, стараясь подавить невольную робость.

„Что? Круто пришлось пану: распустил всю свою дворню, стал схимником и, как отправил пятьдесят две панихиды за упокой души дьякона, тогда только стихнуло чудо. Куда же делся после того схимник, этого никто не скажет вам. Дня за три до Купала каплет с этого дерева, день и ночь, роса. Говорят еще, что и сгубленная чья-то душа таскается по лесу. Теща рассказывала года за четыре, когда была еще при памяти, что встретила однажды в лесу дьявола в красном жупане, в каком ходил и покойный пан. Цоб,

цоб, цобе! гей! Вот мы, добродию, и приехали". Лапчинский увидел, действительно, перед собою низенькие ворота, редко убитые впоперек положенными досками, какие и теперь можно видеть почти у каждого малороссийского поселянина. Лай собак залился по лесу, и старая женщина, в накинутом на плеча тулупе, вышла отворить ворота. Глазам нашего путника представился небольшой дворик, обнесенный забором из болотного тростника, несколько сараев и хлевов, укрытых таким же тростником, и обыкновенная малороссийская хата. На дворе навален был ворох ульев, из которых многие развешены были на деревьях, нагибавших со всех сторон любопытные ветви свои во двор, как будто низкая буколическая жизнь его могла доставить им, величественным, занимательное зрелище. Позади двора тянулось еще какое-то строение, которого за темнотою нельзя было распознать. По всему можно было заключить, что имение сие принадлежало слишком зажиточному козаку; в тогдашние времена не у всякого могло найтись подобное великолепие. Пока хозяин занимался выгрузкою своего вьюка, Лапчинскому было довольно времени рассмотреть внутренность этого обиталища. Всё в нем было почти так же, как и ныне у простолюдинов Малороссии: против дверей несколько окон, перед ними стол, на котором заметил он ржаной хлеб и соль, не снимавшиеся с него никогда, в знак того, что гость во всякое время может найти радушный прием себе. Всю комнату обходили липовые широкие и узкие лавки; у дверей громоздилась печь, с отверстием внизу, заслоненным частою решеткою, из-за которой выглядывали куры, гуси, индейки и домашние кролики. Каждый из сих бессловесных жильцов суетился по-своему: пищал, кудахтал, гоготал и давал знать, что он нимало не последнее из творений. На полу мальчишка лет четырех колотил огромным подсолнечником по опрокинутому горшку, между тем как другой, годом постарее, душил за горло кота, напевая какую-то песню, которую, верно, от частого повторения его матери, заучил навеки. Перед большим окованным сундуком сидела девочка лет одиннадцати, держа на руках

грудного ребенка, плакавшего изо всех сил, несмотря на то; что она, желая забавить его, побрякивала огромным замком и стращала малютку вошедшим гостем. На стене висели: серп, сабля, ружье, которого замок был развинчен и лежал близ него на полке, вероятно, отложенный для подчинки, секира, турецкий пистолет, еще ружье, неопущенная коса и коротенькая нагайка, — орудия, с незапамятных времен вечно враждовавшие между собою и которые непонятный человек заставляет мириться, несмотря на несходные их свойства.

„Прошу не погневаться, добродию, что заставил вас ждать немного!“ сказал вошедший хозяин: „Так проклятая ярмарка ошеломила меня, что до сих пор в голове базар ходит. Счастье еще, что старухи моей нет дома, а то бы она вымыла мне голову. Дома только нас: я да теща“. При сем слове вошла та самая старуха, которая отворяла ворота. С каким-то грустным чувством рассматривал ее путник: казалось, перед ним стояла жертва могилы, в которой сильная природа нарочно удерживала жизнь, чтобы показать человеку всю ничтожность долголетия, к коему так жадно стремятся его желания. Могильное равнодушие разливалось на усеянных морщинами чертах ее. Ни искры какой-нибудь живости в глазах! мутные, они устремлялись порой на него; но тот бы обманулся, кто прочитал бы в них что-нибудь похожее на любопытство. Они ни на что не глядели; им всё казалось смутно, как не совсем проснувшемуся человеку. Покамест предавался он таким чувствам, старуха отправилась на печь, всегдашнее свое жилище, весь мир свой, который так же казался ей просторен и люден, как и всякий другой; а хозяин обратился к детям своим. „Ай да Федот!“ говорил он, поднимая одною рукою под потолок мальчика с подсолнечником: „Где ты взял такой страшный сонечник? * Да этим ты как-нибудь человека убьешь. Ты что там делаешь, Карпо? кота душишь? Какой же я тебе гостинец привез! Ступай же, собачий сын! что ж

* Подсолнечник, по малороссийскому произношению.

ты стоишь и рот разинул? Вот, как видите, добродию, сто раз толкую, что я его батька; до сих пор не верит, ледача детина! * А ты, плакса, долго будешь реветь? А подайте мне батог, вот я его! Давай его сюда, Маруся; я сейчас за окошко: пусть там съедят его волки, либо ляхи..."

„Тебя-таки, земляк, бог наделил детьми?" сказал гость наш своему хозяину.

„Да, не без того, мосьпане! всех-то их у меня семеро. Два уже поженились на чужой стороне, только чорт знает, какое приданое взяли за невестами: по сажени земли, на которой ничего не родится, кроме полыни и бурьяну. Что ж ты, Федот, не скажешь спасибо? Пан дает пряник, а он и не поклонится. Не извольте целовать его! у него вся рожа выпачкана золою. Были мне с ним порядочные хлопоты. Услышал, что еду на ярмарку. „Возьми и меня, тату!" — „Да куда я тебя дену? там тебя задавят!" — „Нет, не задавят, возьми, да возьми!" — „Да там теперь столько цыганов, что еще украдут тебя, и тогда поминай, как звали".— „Возьми, да и только!" Что станешь делать? плачу такого натворил, что боже упаси! Насилу унял его обещанием привезти медового коня с золотой головою. Ну, Маруся, матери незачем дожидаться: давай-ка нам вечерять: баба уж, верно, спит! Так до кого, добродию", продолжал он, вдруг оборотясь к гостю и садясь за стол, „говоришь ты, едешь? У меня под старость голова, как дырявое ведро: сколько ни лей воды в него, всё пусто: сколько ни толкуй умных речей, всё позабудет".

„Как, земляк? разве я не сказал тебе, что до Глечика?" отвечал гость, немного удивленный такою странною забывчивостью.

„До миргородского полковника? так нечего тебе и забираться так далеко: не кто другой, как он, сидит перед тобою, мосьпане!"

Если бы в это время пуля пролетела мимо ушей Лапчинского, он был бы менее удивлен. Так внезапно, так

---

* Негодный ребенок.

неожиданно напасть на него врасплох, когда все мысли его разбрелись... когда... Нет, не может быть: он ослышался! И глаза его неподвижно устремились на хозяина, как бы желая удостовериться в лживости того, о чем донес ему слух его.

1830.

⟨IV⟩ ⟨МНЕ НУЖНО ВИДЕТЬ ПОЛКОВНИКА⟩

1.

„Мне нужно видеть полковника, я к нему имею дело“, говорил почти отрок 17 лет.

„Тебе полковника?..“ произнес с расстановкою сторожевой козак перед большою ставкою, рассматривая и перемiная на своей ладоне, с какой-то недоверчивостью, грубый крошеный табак, — это странное растение, которое с такою изумительною быстротою разнесла во все концы мира новооткрытая часть света. Трубка давно у него была в зубах. „На что̀ тебе полковник?“ При этом ⟨он⟩ взглянул на просителя. Это был почти отрок, готовящийся быть юношею, лет 16, уже с мужественными чертами лица, воспитанного солнцем ⟨и⟩ здоровым воздухом, в полотняном крашеном кунтуше и шароварах. „С тобою не станет говорить полковник“, примолвил ⟨козак поглядев⟩ на него почти презрительно и ⟨*1 нрзб*⟩, закинув назад алый рукав с золотым шнурком.

„Отчего же он не станет со мною говорить?“

„Кто ж с тобою станет говорить? ты еще недавно молоко сосал. Если б у тебя был хоть суконный кунтуш да пищаль, тогда бы конечно... Ведь ты, верно, попович или школяр? Знаешь ли ты этот инструмент?“ примолвил ⟨козак⟩ с видом самодовольной гордости, указав на трубку.

„Да думать...“ Но молодой воин остановился, увидевши, что козак вдруг онемел, потупил глаза в землю и снял шапку, до того заломленную на бекрень. Двое пожилых мужчин, — один в коротком плаще с рукавами, выстеганными золотом, с узорно вычеканенными пистолетами, другой в шитом кафтане с серебряною привесною к поясу чернильницею, — прошли мимо и вошли в ставку. Дрожа и бледнея, шмыгнул за ними молодой человек и вошел в ставку.

Молодой человек ударил поклон в самую землю от страха, увидевши, как вошедшие перед ним богатые кафтаны поклонились в пояс и почтительно потупили глаза в землю с тем безграничным повиновением, которое так странно вмещалось вместе с необузданностью, чем особенно славились козацкие войска. Прямо на разостланном ковре сидел полковник. Ему, казалось на вид, было лет 50. Волоса у него стали седеть, сизые усы величаво опускались вниз. Длинный синий рубец на щеке и лбу тянулся по его почти бронзовому лицу. Кажется, нельзя было отыскать никакой резкой характерной черты, но просто оно выражало с спокойствием уверенность козака. Глядя на него, можно было тотчас узнать, что у него рука железная и мощно может управлять ⟨*1 нрзб*⟩. На нем были широкие, синие с серебром шаровары. Верхнее платье небрежно валялось на полу. Несколько пистолетов и ружей стояли, и висели по углам ставки уздечки; в углу куль соломы. Полковник сам, своею рукой, чинил свое седло, когда вошли к нему писарь и есаул.

„Здравствуйте, панове, мои верные, мои добрые товарищи. Вот вам приказ: не пускать далеко на попас, потому что татарва теперь рыскает по степям. Итти, как можно подальше, избирайте траву повыше, и шапки даже не снимайте. Да чтоб козаки не стреляли по дорогам дрохв и гусей, потому что и порох избавят даром, да что за мясоед такой козаку? Сухари да вода — то козацкая еда. А вы, мой любый кум и мой любезный приятель (при этом он оборотился к писарю), сделайте сей же час прокличку и запишите всех, кто налицо. Да смотрите оба,

что<бы> всё было как следует; а то я вам скажу, вчера я видел, как козак кланялся что-<то> слишком часто <на> коне. Я хотел было <*1 нрзб*> его, да жаль было заряда: у меня пистолет был заряжен хорошим порохом"...

2.

„Мне нужно к полковнику. Я хочу видеть самого полковника!"

„Тебе полковника?" говорил полунасмешливым и полупрезрительным тоном сторожевой козак, потряхивая откидными рукавами алого цвета с золотым шнурком и поглядевши пристально на просителя, почти отрока, в темном длинном кунтуше. „Подожди немножко."

„Мне наскучило ждать, я устал и очень долго ожидаю."

„Подожди немножко."

„Да до коих пор ждать мне?"

„А вот, пока подрастешь", отвечал хладнокровно козак, готовя и прочищая свою трубку.

„Дядюшка, ты мой батька, мать моя родная, пусти к полковнику!"

„Какого тебе дьявола нужно? Пан полковник не станет говорить с такими, как ты."

„Не будет говорить, так прогонит. Пусти только меня."

„Нельзя, пан полковник теперь спит."

„Лжет он. Я не сплю", послышался голос из ставки. Козак привстал. Молодой проситель вздрогнул; бледность вдруг осенила его лицо, и сердце начало так сильно биться, что другому можно было слышать его.

„Ну, ступай, иди. Чего же стал!"

Но обеспамятевший насилу мог собраться с духом. В это время пошли в ставку эсаул и полковой писарь. Обрадовавшись этому случаю, он скрепился и пошел вслед за ними.

НОЧИ НА ВИЛЛЕ.

Они были сладки и томительны, эти бессонные ночи. Он сидел больной в креслах. Я при нем. Сон не смел касаться очей моих. Он безмолвно и невольно, казалось, уважал святыню ночнаго бдения. Мне было так сладко сидеть возле него, глядеть на него. Уже две ночи как мы говорили друг другу: ты. Как ближе после этого он стал ко мне! Он сидел всё тот же кроткий, тихий, покорный. Боже, с какою радостью, с каким бы веселием я принял бы на себя его болезнь, и если бы моя смерть могла возвратить его к здоровью, с какою готовностью я бы кинулся тогда к ней.

Я не был у него эту ночь. Я решился, наконец, заснуть ее у себя. О, как пошла, как подла была эта ночь вместе с моим презренным сном! Я дурно спал ее, несмотря на то, что всю неделю проводил ночи без сна. Меня терзали мысли о нем. Мне он представлялся молящий, упрекающий. Я видел его глазами души. Я поспешил на другой день поутру и шел к нему как преступник. Он увидел меня лежащий в постеле. Он усмехнулся тем же смехом ангела, которым привык усмехаться. Он дал мне руку. Пожал ее любовно: „Изменник!“ сказал он мне. „Ты изменил мне.“ — „Ангел мой!“ сказал я ему. „Прости меня. Я страдал сам твоим страданием, я терзался эту ночь. Не спокойствие

Ночи
на Вилле.

Они были сладки и томительны
эти безсонные ночи Онъ сидѣлъ
больной въ креслахъ Я при нѣмъ.
Сонъ не смѣлъ касаться очей моихъ
Онъ безмолвно и невольно хранилъ
уважаемую свѣтлую ночную бодрость
Мнѣ было такъ сладко сидѣть возлѣ
него, глядѣть на него Эти двѣ ночи
какъ мы говорили другъ другу ты
Какъ ближе послѣ этого онъ сталъ ко
мнѣ Онъ сидѣлъ въ томъ же кроткій
тихій покорный. Вошелъ съ какого радо-
стью съ какимъ бы весельемъ я принялъ
бы на себя его болѣзнь и волнъ моя спортъ
могла возвратить его къ здоровью въ какъ
готовностью я бы кинулся тогда въ нѣ

„Ночи на Вилле", первая страница.

Рукопись Института литературы (Пушкинского Дома)
Академии Наук СССР.

был мой отдых, прости меня!“ Кроткий! Он пожал мою руку! Как я был полно вознагражден тогда за страдания, нанесенные мне моею глупо проведенною ночью. — „Голова моя тяжела“, сказал он. Я стал его обмахивать веткою лавра. — „Ах, как свежо и хорошо!“ говорил он. Его слова были тогда, что̀ они были! Что бы я дал тогда, каких бы благ земных, презренных этих, подлых этих, гадких благ, нет! о них не стоит говорить. Ты, кому попадутся, если только попадутся, в руки эти нестройные слабые строки, бледные выражения моих чувств, ты поймешь меня. Иначе они не попадутся тебе. Ты поймешь, как гадка вся груда сокровищей и почестей, эта звенящая приманка деревянных кукол, называемых людьми. О, как бы тогда весело, с какою бы злостью растоптал и подавил всё, что сыплется от могущего скиптра полночного царя, если б только знал, что за это куплю усмешку, знаменующую тихое облегчение на лице его.

— „Что ты приготовил для меня такой дурной май!“ сказал он мне проснувшись, сидя в креслах, услышав шумевший за стеклами окон ветер, срывавший благовония с цвевших диких жасминов и белых акаций и клубивший их вместе с листками роз.

В 10 часов я сошел к нему. Я его оставил за 3 часа до этого времени, чтобы отдохнуть немного и чтобы доставить какое-нибудь разнообразие, чтобы мой приход потом был ему приятнее. Я сошел к нему в 10 часов. Он уже более часу сидел один. Гости бывшие у него давно ушли. Он сидел один, томление скуки выражалось на лице его. Он меня увидел. Слегка махнул рукой. — „Спаситель ты мой!“ — сказал он мне. Они еще доныне раздаются в ушах моих, эти слова. „Ангел ты мой! ты скучал?“ — „О, как скучал!“ отвечал он мне. Я поцеловал его в плечо. Он мне подставил свою щеку. Мы поцеловались. Он всё еще жал мою руку.

НОЧЬ 8.

Он не любил и не ложился почти вовсе в постель. Он предпочитал свои кресла и то же свое сидячее положение. В ту ночь ему доктор велел отдохнуть. Он приподнялся

неохотно и, опираясь на мое плечо, шел к своей постеле. Душинька мой! Его уставший взгляд, его теплый пестрый сертук, медленное движение шагов его... Всё это я вижу, всё это передо мною. Он сказал мне на ухо прислонившись к плечу и взглянувши на постель: „Теперь я пропавший человек.“ — „Мы всего только полчаса останемся в постеле“, сказал я ему. „Потом перейдем вновь в твои кресла.“

Я глядел на тебя, мой милый, нежный цвет! Во всё то время, как ты спал или только дремал на постеле и в креслах, я следил твои движения и твои мгновенья, прикованный непостижимою к тебе силою.

Как странно нова была тогда моя жизнь и как вместе с тем я читал в ней повторение чего-то отдаленного, когда-то давно бывшего. Но, мне кажется, трудно дать идею о ней: ко мне возвратился летучий свежий отрывок моего юношеского времени, когда молодая душа ищет дружбы и братства между молодыми своими сверстниками и дружбы решительно юношеской, полной милых, почти младенческих мелочей и наперерыв оказываемых знаков нежной привязанности; когда сладко смотреть очами в очи и когда весь готов на пожертвования, часто даже вовсе ненужные. И все эти чувства сладкие, молодые, свежие — увы! жители невозвратимого мира — все эти чувства возвратились ко мне. Боже! Зачем? Я глядел на тебя. Милый мой молодой цвет! Затем ли пахнуло на меня вдруг это свежее дуновение молодости, чтобы потом вдруг и разом я погрузился еще в большую мертвящую остылость чувств, чтобы я вдруг стал старее целыми десятками, чтобы отчаяннее и безнадежнее я увидел исчезающую мою жизнь. Так угаснувший огонь еще посылает на воздух последнее пламя, озарившее трепетно мрачные стены, чтобы потом скрыться на веки и[1]

---

[1] *Не дописано.*

МЕЛКИЕ ОТРЫВКИ

СТРАШНАЯ РУКА

ПОВЕСТЬ ИЗ КНИГИ ПОД НАЗВАНИЕМ: ЛУННЫЙ СВЕТ В РАЗБИТОМ ОКОШКЕ ЧЕРДАКА НА ВАСИЛЬЕВСКОМ ОСТРОВЕ В 16-ОЙ ЛИНИИ.

Было далеко за полночь. Один фонарь только озарял капризно улицу и бросал какой-то страшный блеск на каменные домы и оставлял во мраке деревянные, <которые> из серых превращались совершенно в черные.

<ФОНАРЬ УМИРАЛ>

Фонарь умирал на одной из дальних линий Василь<евского> Острова. Одни только белые каменные домы кое-где вызначивались. Деревянные чернели и сливались с густою массою мрака, тяготевшего над ними. Как страшно, когда каменный тротуар прерывается деревянным, когда деревянный даже пропадает, когда всё чувствует 12 часов, когда отдаленный будочник спит, когда кошки, бессмысленные кошки, одни спевываются и бодрствуют! Но человек знает, что они не дадут сигнала и не поймут его несчастья, если внезапно будет атакован мошенника<ми>, выскочившими из

этого темного переулка, который распростер к нему свои мрачные объятия. Но проходивший в это время пешеход ничего подобного не имел в мыслях. Он был не из обыкновенных в Петербурге пешеходов. Он был не чиновник, не русская борода, не офицер и не немецкий ремесленник. Существо вне гражданства столицы. Это был приехавший из Дерпта студент на факультеты, готовый на все должности, но еще покамест ничего, кроме студент, занявший пол-угла в Мещанской, у сапожника немца. Но обо всем этом после. Студент, который в этом чинном городе был тише воды, без шпаги и рапиры, закутавшись шинелью, пробирался под домами, отбрасывая от себя саму⟨ю⟩ огромную тень, головою терявшуюся в мраке. Всё казалось умерло, нигде огня. Ставни были закрыты. Наконец, подходя к Большому проспекту, особенно остановил внимание на одном доме. Тонкая щель в ставне, светившаяся огненной чертою, невольно привлекала и заманила заглянуть. Прильнув к ставне и приставив глаз к тому месту, где щель была пошире, и задумался. Лампа блистала в голубой комнате. Вся она была завалена разбросанными штуками материй. Газ почти невидимый, бесцветный, воздушно висел на ручках кресел и тонкими струями, как льющийся водопад, падал на пол. Палевые цветы, на белой шелковой блиставшей блеском серебра материи, светились из-под газа. Около дюжины шалей, легких и мягких, как пуховые, с цветами совершенно живыми, смятые, были брошены на полу. Кушаки, золотые цепи висели на взбитых до потолка облаках батиста. Но более всего занимала студента стоявшая в углу комнаты стройная женская фигура. Всё для студента в чудесно очаровательном, в ослепительно божественном платье — в самом прекраснейшем белом. Как дышет это платье!.. Сколько поэзии для студента в женском платье!.. Но белый цвет—с ним нет сравнения. Женщина выше женщины в белом. Она — царица, видение, всё, что похоже на самую гармоническую мечту. Женщина чувствует это и потому в отдельные⟨?⟩ минуты преображается в белую. Какие искры пролетают по жилам, когда блеснет среди

мрака белое платье! Я говорю — среди мрака, потому что всё тогда кажется мраком. Все чувства переселяются тогда в запах, несущийся от него, и в едва слышимый, но музыкальный шум, производимый им. Это самое высшее и самое сладострастнейшее сладострастие. И потому студент наш, которого всякая горничная девушка на улице кидала в озноб, который не знал прибрать имени женщине,— пожирал глазами чудесное видение, которое, стоя с наклоненною на сторону головою, охваченное досадною тенью, наконец поворотило прямо против него ослепительную белизну лица и шеи с китайскою прическою. Глаза, неизъяснимые глаза, с бездною души под капризно и обворожительно поднятым бархатом бровей были невыносимы для студента. Он задрожал и тогда только увидел другую фигуру, в черном фраке, с самым странным профилем. Лицо, в котором нельзя было заметить ни одного угла, но вместе с сим оно не означалось легкими, округленными чертами. Лоб не опускал⟨ся⟩ прямо к носу, но был совершенно покат, как ледяная гора для катанья. Нос был продолжение его — велик и туп. Губы, только верхняя выдвинулась далее. Подбородка совсем не было. От носа шла диагональная линия до самой шеи. Это был треугольник, вершина которого находилась в носе: лица, которые более всего выражают глупость.

⟨ДОЖДЬ БЫЛ ПРОДОЛЖИТЕЛЬНЫЙ⟩

Дождь был продолжительный, сырой, когда я вышел на улицу. Серодымное небо предвещало его надолго. Ни одной полосы света; ни в одном месте, [ни]где не разрывалось серое покрывало. Движущаяся сеть дождя задернула почти совершенно всё, что прежде видел глаз, и только одни передние домы мелькали будто сквозь тонкий газ. Тускло мелькала вывеска над ⟨вы⟩веской, еще тусклее над ними балкон, выше его еще этаж, наконец крыша готова была поте-

ряться в дождевом [тумане] и только мокрый блеск ее отличал ее немного от воздуха; вода урчала с труб. На тротуарах лужи. Чорт возьми, люблю я это время. Ни одного зеваки на улице. Теперь не найдешь ни одного из тех господ, которые останавливаются для того что<бы> посмотреть на сапоги ваши, на штаны, на фрак или на шляпу и потом, разинувши рот, поворачиваются несколько раз назад для того, чтобы осмотреть задний фасад ваш. Теперь раздолье мне закута<ться> крепче в свой плащ. Как удирает этот любезный молодой <человек> с личиком, которое можно упрятать в дамский ридикюль; напрасно: не спасет новенького сюртучка, красу и загляденье Невского проспекта. Крепче его, крепче, дождик: пусть он вбежит как мокрая крыса домой. А вот и суровая дама бежит в своих пестрых тряпках поднявши платье, далее чего нельзя поднять не нарушив последней благопристойности; куда девался характер; и не ворчит видя, как чиновная крыса в вицмундире с крестиком, запустив свои зеленые, как воротничек его, глаза, наслаждается видом полных, при каждом шаге трепещущих почти как бламанже выпуклостей ноги. О, это таковской народ! Они большие бестии, эти чиновники, ловить рыбу в мутной воде. В дождь, снег, вёдро всегда эта амфибия на улице. Его воротник как хамелеон меняет свой цвет каждую минуту от температуры, но он сам неизменен как его канцелярский порядок. Навстречу русская борода, купец в синем немецкой работы сюртуке с талией на спине или лучше на шее. С какою купеческою ловкостью держит он зонтик над своею половиною. Как тяжело пыхтит эта масса мяса, обернутая в капот и чепчик. Ее скорее можно причислить к молюскам, нежели к позвончатым животным. Сильнее, дождик, ради бога сильнее кропи его сюртук немецкого покрою и жирное мясо этой обитательницы пуховиков и подушек. Боже, какую адскую струю они оставили после себя в воздухе из капусты и луку. Кропи их, дождь, за всё, за наглое бесстыдство плутовской бороды, за жадность к деньгам, за бороду, полную насекомых, и сыромятную жизнь сожительницы...

Какой вздор! их не проймет оплеуха квартального надзирателя, что же может сделать дождь. Но, как бы то ни было, только такого дождя давно не было. Он увеличился и переменил косвенное свое направление, сделался прямой, <с> шумом хлынул в крыши и мостовую, как <бы> желая вдавить еще ниже этот болотный город. Окна в кондитерских захлопнулись. Головы с усами и трубкою, долее всех глядевшие, спрятались. Даже серый рыцарь с алебардою и завязанною щекою убежал в будку.

<РУДОКОПОВ>

Я знал одного чрезвычайно замечательного человека. Фамилия его была Рудокопов и, действительно, отвечала его занятиям, потому что, казалось, к чему ни притрогивался он, всё то обращалось в деньги. Я его еще помню, когда он имел только 20 душ крестьян да сотню десятин земли и ничего больше, когда он еще принадлежал [1]

<СЕМЕН СЕМЕНОВИЧ БАТЮШЕК>

Можно биться об заклад, что читатель, если ему случится только проезжать заштатный городишку Погар, увидит, что из окна одного деревянного, весьма крепкого дома, с высокою крышею и двумя белыми трубами, глядит весьма полное, без всяких рябин лицо, цветом несколько похожее на свежую, еще неношенную подошву.

Это Семен Семенович Батюшек — помещик, дворянин, губернский секретарь. Он завел обыкновение глядеть из окна решительно на всё, что ни есть на улице. Едет ли

---

[1] *Не дописано.*

проезжий какой-нибудь дворянин, может быть тоже и губернский секретарь, а может быть и повыше, в коляске покойной, глубокой как арбуз, из которой смотрят хлеб, няньки, подушки или просто жид извозчик на облучке <покрытом?> рогожами, с узкою дрянной бородой, в которой оставили весьма немного волос разные господа, одетые в военные и партикулярные платья; или пронесется с шумом <?> картинно <?> разбойник и <.....> ремонтер.— Он всё это рассмотр<ит>. Если ж и никто не проедет — ничего, это не беда. <Семен> Семенович посмотрит и на курицу и на чушку, которая пробежит перед окном, и весьма внимательно <?> от головы до хвоста. Когда столкнутся два воза, он из окна тут же подаст благоразумные советы, кому податься вперед, кому <назад> и первому проходящему прикажет помочь. Если один из очень быстрых его глаз завидит, что мальчик лезет через забор в чужой огород или пачкает углем на стене неприличную фигуру, он подзовет очень ласковым голоском к себе, велит потом подвинуться ему ближе к окну, потом еще ближе, потом протянувши руку хвать его за ухо и отдерет это бедное <ухо> таким образом, что тот унесет его домой висящее на одной ниточке как нерадиво пришитая пуговица к сертуку. Если подерутся два мужика, то он сию ж минуту тут же из окна над ними суд, допросит чьи они, велит позвать Петрушку и Павлушку повара и комнатного лакея, у <которого> на серой куртке неизвестно по какой причине военный воротник, и тут же высечет обоих мужиков, а другим еще прикажет придержать. Ему нет нужды, что не его люди.

Только на два часа в день прячется это лицо. Это случается во время и после обеда, когда он имеет обыкновение отдыхать. Но и тут случись только какое-нибудь происшествие на улице, <Семен> Семенович как паук, к которому попадается в паутину муха, вдруг выбежит из своего угла и уже так знакомое заштатному городишку лицо, цвету еще неношенной подошвы, торчит у окна.

⟨ДЕВИЦЫ ЧАБЛОВЫ⟩

Девицы Чабловы, дочери бедных родителей, вышли вместе из института в одно время и вдруг очутились среди света, огромного, великого, со страхом и робостью в душе. Они были умны; каким образом они сделались умны — никто не знал, может бы⟨ть⟩ это было внушено им от рождения как инстинкт или, может быть, они умели извлечь крупицы опытности и здравого суждения из книг, которые им удалось читать, из которых не всякой умеет извлекать что-либо. Дело в том, что они задумали⟨сь⟩ о своем существовании, и в то время, когда ветрен⟨ая⟩ и малодушная бросается на свет без рассмотрения, как бабочка на свечу. Они уже захотели сделать для себя план жизни и предначертать заранее для себя самих правила, в законах которых обращалась бы их жизнь. — Вещь совершенно необыкновенная в девицах осьмнадцатилетних..

ДРУГИЕ РЕДАКЦИИ

НЕВСКИЙ ПРОСПЕКТ.

Нет ничего лучше Невского проспекта, по крайней мере в Петербурге. Чудный Невский проспект! Единственный Невский проспект! Улица-красавица нашей столицы! Гм! Я знаю, что бледный чиновник, житель ее, ни за что не отдаст Невского проспекта, не только кто имеет 25 лет от роду, прекрасный и удивительно сшитый сюртук, но даже тот,[1] у кого показывается белый волос ⟨на⟩ подбородке и голова гладка как серебренная лоханка, и тот ⟨в⟩ восторге тоже ⟨от⟩ Невского проспекта. [Невский проспект единственная улица] в Петербурге, где [сколько-нибудь показывается наше таинственное] общество, в многолюдной массе[2] пользующееся самою бесцветною славою, заставляющею даже[3] подозревать[4] и сомневаться в его существовании. Тут оно иногда высыпается из карет своих. Но живописец характеров, резкий наблюдатель[5] отличий, лопнет с досады, если захочет его изобразить в живых огненных чертах. Никакой резкой особенности! никакого признака индивидуальности! А дамы! о, дамам еще больше приятен Невский проспект.[6] Да и кому он не приятен? Чуть только взойдешь на Невский проспект, так уже

[1] *Далее начато:* кому [2] *Далее начато:* которое [3] заставляющею даже его [4] *Далее начато:* все [5] живописец, резкий наблюдатель [6] А дамы без ума от Невского проспекта.

и пахнет гуляньем. Хотя бы имел какое-нибудь ⟨дело⟩, но, взошедши на него, верно, позабудешь.

Тут только могут столкнуться различные классы общества.[1]

Единственное место, ⟨где⟩ показываются люди не по необходимости, куда их не загнала[2] надобность и меркантильный интерес, объемлющий весь Петербург. Кажется, встреченный человек на Невском проспекте меньше эгоист, нежели в Морской, Гороховой, Литейной, Мещанской и других улицах, где интерес и надобность и жадность выражаются[3] в едущих и летящих[4] на дрожках и в каретах.

Я готов клясться, что половина жителей Петербурга без ума от Невского проспекта. Да как и не быть без ума? Жилец какой-нибудь Петербургской или Выборгской части, который десять лет[5] не выставляет своего носа ⟨к⟩ знакомому[6] своему на Песках или у Московской заставы, здесь он встретится с ним прежде нежели думает. Никакой адрес-курант и справочное место не доставит такого верного известия,[7] как Невский проспект.[8] Всемогущий Невский проспект: единственное развлечение[9] бедного на гулянья Петербурга. Как чисто подметены его тротуары, и, боже, сколько ног всякого народу оставляет на нем следы[10] в один день! И неуклюжий грязный сапог отставного солдата, под которым трескается даже гранит, и миниатюрный легкий как дым башмачек молоденькой дамочки, оборачивающей свою головку[11] к блестящим окнам магазина, как подсолнечник к солнцу, и гремящая сабля исполненного надежд прапорщика[12], оставляющая на нем резкую царапину, всё вымещает на нем[13] могущество силы или могущество сла-

---

[1] все классы нашего общества. [2] ⟨где⟩ можно видеть людей, которых не за⟨гнала⟩ [3] видна [4] в едущих и идущих [5] который в продолжение ⟨десяти лет?⟩ [6] ⟨к⟩ приятелю [7] такого верного местожительства [8] *Далее начато:* Чудный [9] единственное развлечение и гулянье [10] сколько ног всякого народу пройдет по нем [11] оборачивающей точно подсолнечник свою милую головку к солнцу [12] и сабля прапорщика [13] всё показывает следы свои

бости. Какая быстрая совершается на нем фантасмогория в течение только одного дня![1]

Сколько вытерпит он перемен в один день! Начнем с самого раннего утра,[2] как весь Петербург пахнет горячими только что выпеченными хлебами ⟨и⟩ наполнен старушками в салопах, в изодранных платьях,[3] совершающих свои наезды на церкви и сострадательных прохожих.

Тогда Невский проспект пуст. Плотные содержатели магазинов [и] их комми еще спят в своих голландских рубашках или мылят свою благородную щеку[4] и пьют кофий. Нищие собираются у дверей кондиторских, где сонный ганимед,[5] летавший вчера, как муха с шеколадом, вылезает[6] с метлой в руке без галстуха, и швыряет[7] им черствые пироги и объедки. По улицам плетется нужный народ, иногда переходят русские мужики, спешащие на работу в сапогах,[8] запачканных известию, которых и Екатерининский канал, известный своею чистотой, не в состоянии был обмыть. В это время обыкновенно неприлично ходить дамам, потому что русский народ любит изъясняться такими резкими выражениями, каких они не услышат ни в магазинах, ни в театрах.[9]

Иногда сонный чиновник проплетется с портфелью в таком случае,[10] когда[11] через Невский проспект лежит дорога в его департамент. В это время и до 12 часов можно сказать решительно, что Невский проспект не составляет ни для кого цели. Он постепенно наполняется лицами, имеющими свои занятия, свои заботы, свои досады, но вовсе не думающими о нем. Русский мужик говорит о гривне или семи грошах меди, старики и старухи размахивают руками и говорят[12] сами ⟨с⟩ собою, иногда с жаром[13] и самыми разительными жестами, но никто их не

---

[1] *Далее начато:* в один день сколько [2] Начнем с утра [3] *Далее начато:* спешащих [4] или мылят щеку [5] где безобразный ганимед с метлою [6] выпив вылезает [7] и выбр⟨асывает⟩ [8] спешащие в сапогах [9] *а.* каких они может быть даже никогда не слышали *б.* каких они не услышат ни в магазинах ни в концертах. [10] особливо́ в таком случае [11] *Далее начато:* к департа⟨менту⟩ [12] или говорят [13] часто с жаром

слушает и не смеется над ними, выключая только разве мальчишек в пестрядевых халатах с пустыми штофами[1] или готовыми сапогами в руках, бегущих молнией по Невскому проспекту.[2]

В это время что бы вы на себя ни надели, хотя бы даже вместо шляпы картуз был у вас на голове, хотя бы вы воротничок слишком много высунули из вашего галстуха, — никто этого не заметит.

В 12 часов на Невский проспект делают набеги гувернеры всех наций с своими питомцами в батистовых воротничках. Английские джонсы и французские коки идут под руку с вверенными их родительскому попечению ⟨питомцами⟩ и с приличною солидностью изъясняют[3] им, что вывески делаются для того над магазинами, чтобы можно было через них узнать,[4] что находится в самих магазинах.

Гувернантки, бледные мисс[5] и розовые мадемуазель,[6] идут величаво[7] позади своих легоньких вертлявых девченок, приказывая[8] поднять несколько левое плечо или держаться прямее.[9] Короче сказать, в это время Невский проспект — педагогический Невский проспект. Но чем ближе к двум часам, тем[10] уменьшается число гувер⟨нанток?⟩, педагогов и детей; они наконец вытесняются нежными их родителями, идущими под руку с своими пестрыми, разноцветными, слабонервными подругами.[11] Мало-по-малу присоединяются к их составу все[12] окончившие довольно важные домашние занятия, как то поговорившие с своим доктором о погоде и небольшом прыщике, вскочившем на носу, узнавшие о здоровьи лошадей и детей своих, показывающих большие дарования,[13] прочитавшие афишу ⟨и⟩ важную статью в газетах о приезжающих[14] и наконец выпившие

---

[1] с ш⟨тофами⟩ [2] *Далее начато:* Тут [3] и назидательно изъясняют [4] чтобы узнать [5] Мисс, мадам [6] мамзель, мадам [7] величаво держа в струнку [8] направляя их издалека или приказывая [9] держаться ровн⟨ее⟩ [10] тем более [11] *а.* с своими пестрыми, разноцветными, слабыми подругами *б.* с своими пестрыми, разноцветными, слабонервными и томными подругами [12] *Далее начато:* неимеющие уже в это время [13] и показывающих большие дарования детей [14] отъезжающих

чашку кофию и чаю; к ним присоединяются и те, которых завидная судьба наделила благословенным местом[1] чиновников по особым поручениям. К ним присоединяются и те, которые служат в иностранной коллегии,[2] отличаются благородством своих занятий и привычек. Боже, какие есть прекрасные должности и службы, как они возвышают и услаждают душу! Но, увы, я не служу и лишен удовольствия видеть тонкое обращение с собою начальников. Всё, что вы ни встретите на Невском проспекте, всё исполнено приличия. Мужчины в длинных сюртуках с заложенными в карман руками, дамы — в щегольских шляпках.

Вы встретите здесь бакенбарды единственные, пропущенные с необыкновенным и изумительным искусством под галстух, бакенбарды бархатные, атласные, черные, как соболь или уголь, но, увы, почти принадлежащие только одной иностранной коллегии. Служащим в других департаментах провидение отказало в черных бакенбардах; они должны, к величайшей неприятности своей, носить рыжие! Здесь вы встретите усы чудные, никаким пером, никакою кистью неизобразимые; усы, которым [посвящена] лучшая половина жизни, предмет долгих бдений среди дня, как и ночи. Усы, на которые излились лучшие восхитительнейшие духи и ароматы и[3] которые умастили все редчайшие и драгоценнейшие сорты помад. Усы, которые заворачиваются на ночь одою известного писателя; усы, к которым дышет самая трогательная привязанность их посессоров и которым завидуют проходящие.[4] Тысячи сортов шляпок, платьев, платков, поясов пестрых, легких, к которым иногда на целые два дни сохраняется привязанность их владетельниц, ослепит хоть кого на Невском проспекте.[5] Кажется, как будто целое море

---

[1] *а.* благословенным местом в газетах *б.* благословенным заняти⟨ем⟩
[2] *Далее начато:* боже, какие [3] *Далее начато:* помазан⟨ные⟩
[4] *Далее начато:* На Невском проспекте вы увидите дам и вы встрети⟨те⟩ [5] *а.* Тысячи ~ поясов осле⟨пительных⟩, легких [что все] *б.* Тысячи ~ поясов пестрых, легких так ослепят вас *в.* Тысячи ~ их владетельниц, ослепит вас всех

мотыльков поднялось разом со стебелька и волнуется морем над черными жуками мужеского пола. Вы встретите здесь такие талии, какие вам не снились никогда, талии тоненькие, узенькие, талии никак не толще бутылочной шейки, встретясь с которыми, вы почтительно пройдете к сторонке, чтобы как-нибудь неосторожно не толкнуть невежливым локтем; сердцем овладеет робость и страх, чтобы каким-нибудь образом это прелестнейшее произведение природы и искусства не переломилось. А какие встретите дамские рукава на Невском проспекте![1] Ах, какая прелесть!

Они несколько похожи на два воздухоплавательных шара, так что дама вдруг бы поднялась на воздух, если бы ее не поддерживал мужчина, потому что даму так же легко и приятно поднять на воздух, как подносимый ко рту бокал, ⟨на⟩полненный шампанским.[2] При встрече нигде так непринужденно благородно не раскланиваются, как на Невском проспекте. Здесь вы встретите улыбку единственную, chef-d'oeuvre[3] искусства, иногда такую, что можно растаять от удовольствия, иногда такую, что вы увидите себя вдруг ниже травы и потупите голову, иногда такую, что почувствуете себя выше адмиралтейского шпица и поднимете ⟨ее⟩.[4] Здесь встретите разговаривающих о концерте или о погоде[5] с необыкновенным благородством и чувством собственного достоинства. Тут вы встретите тысячу непостижимых характеров и явлений.[6] Да, странные характеры встречаются на Невском проспекте.[7] Есть множество таких людей, которые, встретившись с вами, непременно[8] посмотрят на сапоги ваши, и когда вы пройдете, они оборотятся[9] непременно назад, посмотрят на спину вашу. Я до сих пор не могу понять, отчего это бывает. Сначала я думал, что они сапожники, но нет, после решил,[10] что они большею частию служат по разным де-

---

[1] *а.* [Вы] А дамские рукава, эти роскош⟨ные⟩ *б.* А какие ~ на Невском проспекте! Кажется, вообразишь себе, что [2] *Далее начато:* На Невском проспекте [3] *В рукописи:* chef devre [4] *Далее начато:* Вы увидите [5] разговаривающих о погоде или театр⟨е⟩ [6] *Далее начато:* Боже как есть ⟨*1 нрзб*⟩ [7] *Далее начато:* Вообразите [8] которые непр⟨еменно⟩ [9] ново⟨ротятся⟩ [10] но после уверился

партаментам и многие из них превосходным образом могут написать отношение из одного казенного места в другое, или же люди, занимающиеся прогулками, чтением газет в кондитерских, словом, большею частию всё порядочные люди. В это благословенное время от 2 до 3 часов, которое может назваться движущею⟨ся⟩ столицею Невского проспекта, происходит главная выставка всех лучших произведений человека: один показывает сюртук[1] с бобром из сукна, другой — греческий прекрасный ⟨нос⟩, третий несет превосходные[2] бакенбарды, четвертая — пару хорошеньких глазок и удивительную шляпку, пятый — перстень с талисманом на щегольском мизинце, шестая — ножку в очаровательном башмачке, седьмой — галстух, возбуждающий удивление, осьмой — усы, повергающие в изумление.[3] Но бьет 3 часа, и выставка оканчивается, толпы редеют.

В три часа настает на Невском проспекте весна. Он покрывается весь чиновниками в зеленых вицмундирах. Голодные и ⟨*1 нрзб*⟩ надворные и прочие советники стараются всеми силами ускорить свой ход.[4] Молодые коллежские регистраторы, губернские и коллежские секретари еще стараются воспользоваться временем и пройтиться по Невскому проспекту с осанкою, показывающие, что они вовсе не сидели 6 часов в присутствии.

Но старые коллежские секретари и титулярные и надворные советники идут скоро, потупивши голову. Им не до того, чтобы заниматься рассматриванием прохожих. Они еще не вполне оторвались от забот своих, в их голове ералаш и целый архив начатых и неоконченных дел, им долго вместо вывески показывается картонка с бумагами или полное лицо правителя канцелярии.

С 4-х часов Невский проспект пуст, и вряд ли вы встретите хотя одного чиновника. Какая-нибудь швея из магазина перебежит чрез Невский проспект с коробкою в руках. Какая-нибудь жалкая добыча человеколюбивого

---

[1] прекрасный сюртук [2] благо⟨родные?⟩ [3] *Далее начато: а.* За три часа *б.* Но к ⟨трем часам⟩ [4] столон⟨ачальники⟩ и другие начальники бегут, ускоряют ход свой.

повытчика, пущенная по миру во фризовой шинеле, какой-нибудь заезжий чудак, которому все часы равны.[1] Какая-нибудь длинная высокая англичанка с ридикулем и книжкой в руках. Какой-нибудь артельщик, русской человек в демикотоновом сюртуке с талией на спине, с узенькою бородкою, живущий всю жизнь на живую нитку, в котором всё шевелится: спина и руки, и ноги, и голова, когда он учтиво проходит по тротуару; иногда низкой ремесленник, — больше никого вы не встретите в это время на Невском проспекте.

Но как только сумерки упадут на домы и улицы, и будочник, на<де>вший рогожу, вскарабкается на лестницу зажигать фонарь, а из низких окошек выглянут те эстампы, которые не смеют показываться среди дня, так уж[2] Невский проспект опять оживает и шевелится.[3] Настает то таинственное время, когда лампы дают всему какой-то заманчивый чрезвычайно свет. Вы встретите очень много[4] молодых людей, большею частию холостых, в их теплых сюртуках и шинелях. В это время чувствуется какая-то цель или лучше похожее на цель, что-то чрезвычайно безотчетное, шаги всех ускоряются и толкаются, вообще очень неровны, длинные тени мелькают и чуть не достают головами Полицейского моста.

Молодые губернские регистраторы, губернские и коллежские секретари очень долго прохаживаются, но старые коллежские регистраторы, титулярные и надворные советники большею частью сидят дома или потому, что это[5] народ женатый, или им очень хорошо готовят кушанья живущие у них на домах кухарки-немки.[6] Здесь вы встретите почтенных стариков, которые с такою важностью и с таким удивительным благородством прогуливались[7] в 2 часа по Невскому проспекту. Вы их увидите бегущими так же, как молодые коллежские регистраторы, с тем

---

[1] *Далее начато:* Какой-нибудь артельщик с узенькой боро<дой> [2] то уж [3] Невский проспект в одно мгновение наполняется гуляющими, но эти гуляющие молодые люди в [4] чрезвыча<йно> много [5] что они [6] живущие у них на домах немки. [7] расхажив<али>

чтобы заглянуть под шляпку издали завиденной даме, которой толстые губы и щеки, нащекатуренные румянами, так по душе многим гуляющим, но еще больше сидельцам и приказчикам, ходящим всегда в немецких сюртуках, под руку.

„Стой!“ закричал в это время поручик Пирогов, дернув шедшего с ним молодого человека во фраке и в плаще: „видел?“

„Видел. Чудная, чудная, совершенная Перуджинова Бианка“.

„Да ты об какой говоришь?“

„Об ней, о той, что с темными волосами. И какие глаза! боже, какие глаза и какие ресницы, и оклад лица чудесный!“

„Я говорю об блондинке, что прошлась моей стороной.[1] Что ж ты не идешь за брюнеткою, когда она тебе так понравилась?“

„О, как можно“, — вскрикнул, почти закрасневшись, молодой человек во фраке: „как будто она из тех, которые ходят ввечеру по Невскому проспекту. Один плащ на ней стóит больше 300 рублей; это должна быть какая-нибудь дама высшего...“

„Простак!“ закричал поручик Пирогов, толкнувши его в ту сторону, ⟨г⟩де далеко уже развевался щегольский яркой плащ красавицы... „Ступай, простофиля, прозеваешь, а я пойду за блондинкою“.

Оба приятеля расстались. „Знаем мы всех их“, — прибавил он с самодовольною и самонадеянною улыбкою, уверенный, что нет красоты, осмелившей⟨ся⟩ ему противиться.

Молодой человек во фраке и плаще с робким и трепещущим движением поворотил в ту сторону, где развевался вдали пестрый плащ, беспрестанно[2] то окидывавший⟨ся⟩ ярким блеском по мере приближения к свету фонаря, то покрыва⟨вшийся⟩ темнотою по удалении от него. Сердце

---

[1] что прошлась ⟨в мою⟩ сторону. [2] вдруг

его билось и он ускорил шаг свой. Он не смел и думать о том, чтобы иметь какое-нибудь право ⟨на⟩ внимание улетавшей вдали красавицы; тем более допустить такую черную мысль, какую только что объявил поручик Пирогов. Но ему хотелось только видеть дом, заметить, где имеет свое жилище это прелестное существо, которое, казалось, сорвалось с неба прямо на Невский проспект и, верно, улетит опять неизвестно куда. Он ускорил шаги свои[1] и, казалось, летел и, не глядя, сталкивал солидных господ с черными и поседевшими бакенбардами.

Этот молодой человек принадлежал к тому классу, который составляет у нас странное явление и вовсе не принадлежит к гражданам Петербурга,[2] так же как лицо, являющееся нам в сновидении, не принадлеж⟨ит⟩ к существенному миру. Это небольшое сословие чрезвычайно странно[3] в том городе, где все или чиновники, или купцы, или ремесленники-немцы.[4] Это сословие художников. Какое странное явление: художники петербургские! Художники северные! Художники в стране финнов, где всё мокро, гладко,[5] ровно, бледно, серо, туманно. — Эти художники вовсе не похожи на художников италианских, гордых, горячих, как Италия и ее небо.

Петербургские художники совершенно другое. Это большею частью добрый, кроткий народ, застенчивый, беспечный, любящий пить с двумя приятелями своими в маленькой комнате чай и скромно потолковать об любимом предмете. Он[6] вечно зазовет к себе какую-нибудь нищую старуху и заставит ее просидеть битых часов шесть,[7] с тем, чтобы перевести на полотно ее жалкую бесчувственную рожу; он рисует перспективу своей комнаты, в которой является всякий художественный вздор: гипсовые

---

[1] Он ускорил шаги свои сколько можно было ускорить [2] *а.* который принадле⟨жит?⟩ *б.* который не принадлежит к [какому] гражданам Петербурга, он представляет какое⟨то⟩ маленькое, легонькое исключение [3] *Далее начато:* между тем [4] или немцы мастеровые. [5] где всё гладко, серо [6] *Далее начато:* любит [7] *Далее начато:* за что в качестве натурщицы

руки и ноги, сделавшиеся кофейными от времени и пыли, изломанные станки, опрокинутую палитру, стены, запачканные[1] красками, с растворенным окном, в котором мелькает бледная Нева и бледные рыбаки в красных рубашках.[2]

У них всегда почти на всем серенький смутный колорит — неизгладимая печать севера, — но при всем том они с истинным желанием и даже ⟨с⟩ наслаждением трудятся над своими картинами. Они часто питают в себе истинный талант, и если бы только пахнул на них свежий пламенный воздух Италии, он бы, верно, развился вольно, ярко и широко[3] так, как растение, которое из теплицы выносят наконец, на вольный воздух. Они вообще робки; их звезда и толстый эполет в такое приводит замешательство, что они невольно понижают цену своим произведениям. Они любят иногда пощеголять, но щегольство это кажется на них слишком резко и как-то несколько похоже[4] на заплату. На них вы встретите иногда отличный[5] фрак — и запачканный плащ, дорогой бархатный жилет — и ⟨*1 нрзб*⟩ фрак весь в красках. Таким же самым образом на недоконченном их пейзаже вы увидите иногда опрокинутою вниз головою нимфу, которую он от рассеянности и не желая искать нового грунта[6] наметал на прежней когда ⟨то⟩ им с наслаждением писанной[7] картине. Он никогда не глядит вам прямо[8] в глаза; если же глядит, то как-то мутно неопределенно и не вонзает в вас ястребиного взора наблюдателя или соколиного[9] взгляда кавалерийского офицера,[10] потому что он в одно и то же время видит и ваши черты, и черты какого-нибудь геркулеса, стоящего в его комнате, или ему представляется[11] ⟨*2 нрзб*⟩ картина, за которую он готовится приняться, и от этого[12] отвечает он часто

---

[1] палитру, пол запачкан⟨ный⟩ [2] *Далее начато:* они почти с любов⟨ью⟩ [3] истинный талант, которому недостает только пламенной Италии, чтобы развернуться смело, вольно, широко и ярко [4] и несколько похоже [5] прекрасный [6] порожнего грунта [7] с наслаждением рисов⟨анной⟩ [8] *Далее начато:* мутно [9] орлиного [10] взгляда военного [11] представляется та [12] и потому

несвязно и вовсе невпопад, и эти мешающиеся в его голове предметы еще больше увеличивают его робость. К такому роду принадлежал описываемый нами молодой человек Палитрин, застенчивый, робкий, но в душе своей носивший огонек, готовый при удобном случае превратиться в пламень. С тайным трепетом спешил ⟨он⟩ за предметом, так сильно его поразившим и, казалось, дивился своей дерзости. Существо, к которому прикованы были[1] его глаза, мысли, чувства, вдруг оборотилось на повороте улицы и взглянуло на Палитрина. Боже, какие божественные черты! Ослепительной белизны [лоб], прелестнейший ⟨лоб⟩ надвинут был прекрасными как агат волосами. Они вились, эти прекрасные волосы, и один [прелестный] [локон] упал из-под шляпы и коснулся щеки, тонко тронутой свежим румянцем,[2] проступившим от вечернего холода. Уста были замкнуты целым роем прелестнейших ⟨?⟩ грез, что̀ остается от воспоминания о детстве, что̀ доставляет мечтание и тихое вдохновение в священный час ночи при тихой лампаде поэта. Боже, всё это, казалось, совокупилось, слилось, отразилось в ее гармонических устах.[3] Она взглянула на Палитрина, и при этом взгляде казалось упало, задрожало сердце. Она взглянула сурово, чувство негодования проступило у ней на лице при виде такого наглого преследования; но на этом прекрасном лице самый гнев[4] был обворожителен. Постигнутый стыдом и робостью, он остановился, потупив глаза. Но как утерять это божество, не узнать даже того святого места земли, где[5] оно решилось гостить? Такие мысли пришли в голову молодому мечтателю, и он решился преследовать. Но чтобы не дать этого заметить, он отдалился на далекое расстояние, беспечно глядел по сторонам и рассматривал вывески, а между тем не упускал из виду ни одного шага чудной незнакомки. Проходящие реже начали мелькать, улица становилась

---

[1] к которому устремились [2] вечерним румянцем [3] отразилось в ее божественных чертах. [4] но на этом прекрасном лице черты [5] того святого места, где

тише; красавица оглянулась и встретилась[1] с потупленными глазами Палитрина. Легкая улыбка сверкнула[2] на губах и молнией сверкнула на его сердце. Он задрожал, он не верил своим глазам. Нет, это фонарь обманчивым светом своим дал на лицо ее подобие улыбки, нет, это собственные мечты[3] его смеются над ним... Но дыхание занялось[4] в его груди, всё обратилось в нем в неопределенный трепет, все чувства его горели,[5] и всё перед ним окинулось каким-то туманом.[6] Тротуар несся под ним, кареты со скачущими лошадьми были неподвижны, ⟨мост⟩ растягивался и ломался на своей ⟨арке⟩,[7] дом стоял крышею вниз, будка валилась к нему навстречу и алебарда ее командира ⟨?⟩, вместе с золотыми словами вывески[8] и нарисованными ножницами, блестела, казалось, на самой реснице его глаз, и всё это произвел один взгляд, один поворот хорошенькой головки. Не слыша, не видя, не внимая, он несся по легким воздушным следам прекрасных ножек, по временам только стараясь умерить быстроту своего ⟨шага⟩, бежавшего[9] под такт сердца. Иногда овладевало им сомнение: действительно ли выражение лица ее лишено было гнева[10], и тогда он на минуту останавливался, но сердечное биение, непреодолимая сила и тревога всех чувств стремила его вперед. Он не заметил, как вдруг возвысился перед ним четырехэтажный ⟨дом⟩, все четыре ряда окон, светившиеся огнем, глянули[11] разом на него и перилы[12] у подъезда[13] противуставили ему железный толчек свой. Он видел, как незнакомка летела по лестнице, оглянулась, положила на губы палец и дала знак следовать за собою. Колени его дрожали; чувства, мысли горели.[14] Молния радости нестерпимым острием ударила в сердце.

---

[1] встретилась глазами [2] улыбка блеснула [3] *а.* нет, это [глаза] напряженные глаза *б.* нет, это взор [4] но дыхание казалось улетело [5] все чувства его превратились [6] и всё перед ним смешалось. [7] ломался на своей опро⟨кинутой?⟩ ⟨арке⟩ [8] алебарда ее командира блестела вместе с вывескою [9] ступа⟨вшего⟩ [10] выражение лица ее изображало ⟨гнев⟩ [11] все четыре ряда окон глянули [12] и решетка [13] *Далее начато:* ударили [14] *Далее* начато: Нет, это уже не мечта

Нет, это уже не мечта! Боже, столько счастья![1] Такая чудесная жизнь в двух минутах!

Но не во сне ли это всё? Ужели та, за один небесный взор которой он бы готов был отдать всю жизнь, приблизиться к жилищу которой уже он почитал за неизъяснимое блаженство, ужели та была сию минуту так благосклонна и внимательна к нему? Он взлетел на лестницу. Он не чувствовал никакой земной мысли; он не был разогрет пламенем земной страсти, нет, он был в эту минуту чист и непорочен,[2] как девственный юноша, еще дышущий неопределенною духовною потребностью любви, и то, что возбудило бы в развратном человеке дерзкие мысли,[3] то, напротив того, еще более освятило ⟨ее⟩. Это доверие, которое оказало[4] слабое прекрасное существо, наложило[5] на него обет строгости рыцарской, обет самоотвержения, обет рабски исполнять[6] все повеления и он только желал,[7] чтобы эти веления были как можно труднее и неудобоисполнимее, чтобы с большим напряжением сил лететь преодолевать их. Он не сомневался, что какое-нибудь тайное и вместе важное происшествие заставило незнакомку ему ввериться, что от него, верно, будут требоваться какие-нибудь великие услуги, и он чувствовал уже в себе непреодолимую силу отважиться на всё. Лестница вилась выше и вместе с нею вились его мечты. „Идите осторожно“ — зазвучал прелестный голос и наполнил его новым эдемом. В темной вышине четвертого этажа незнакомка постучала в дверь — она отворилась, и[8] они вошли вместе. Женщина довольно недурной наружности встретила их со свечою в руке, но так странно и нагло посмотрела на Палитрина, что он опустил глаза. Они вошли в комнату.[9] Три женские фигуры в разных углах комнаты представились его глазам. Одна раскладывала карты, другая

---

[1] *а.* Боже, столько счастья в один *б.* Боже, столько счастья в течении [2] *Далее начато:* это доверие к нему еще ⟨более⟩ [3] дерзкие страсти [4] которое удостоило [5] доставило [6] обет следова⟨ть⟩ [7] и произвело только желание [8] *Далее начато:* вме⟨сте⟩ проникла и [9] *Далее начато:* возле окна

сидела за фортепьяно и играла двумя пальцами[1] какой-то пошлый полонез; третья сидела перед зеркалом, расчесывала гребнем свои длинные волоса и вовсе ни мало не думала оста[вить][2] свой туалет при входе[3] незнакомого лица. Какой-то неприятный беспорядок, который можно встретить только в беспечной комнате холостяка, ⟨царствовал во всем⟩. Комнаты[4] довольно хорошие были покрыты пылью; паук застилал[5] своею паутиною лепной карниз. Две двери, одна против другой, вели в другие комнаты.[6] Около непритворенной двери другой комнаты блестел сапог со шпорой и краснела выпушка мундира;[7] мужской голос и женский смех лились сквозь непритворенные ⟨двери⟩. Боже, куда зашел он! Он сначала не верил и начал пристальнее всматриваться в предметы, наполнявшие комнаты. Но голые стены и окна без занавесей не показывали никакого присутствия заботливого наблюдения[8] хозяйки, поношенные лица этих жалких созданий, из которых одна села почти перед носом и так же спокойно его рассматривала, как пятно на чужом платье, всё это уверило ⟨его⟩, что он зашел в тот отвратительный приют где основал свое жилище жалкий разврат, порожденный мишурною[9] образованностью и страшным многолюдством столицы. Тот приют, где человек святотатственно подавил всё чистое и посмеялся над всем свят⟨ым⟩, скрашивающим мир,[10] где женщина, эта[11] красавица мира, обратилась в какое-то странное двусмысленное существо, где она — картина, правильно написанная и лишенная внутренней поэзии, где она лишилась всего женского вместе с чистотою души и отвратительно присвоила себе ухватки и наглости мужчины и уже перестала быть тем слабым, тем грациозным[12], тем так отличным от нас существом. Картина ⟨написанная⟩ правильно, но лишенная поэзии. Палитрин мерил ее с ног

---

[1] другая [бренчала] играла двумя пальцами [2] и ни одна не остави⟨ла?⟩ [3] при внезапном приходе [4] Кресла [5] затыкал [6] *Далее начато:* одна [7] блестела военная ⟨выпушка⟩ [8] заботливого правления [9] разврат, образован⟨ный⟩ наружною [10] над всем укра⟨шающим мир?⟩ [11] *Далее начато:* залетевшая [12] тем кротким

до головы выпученными от удивления глазами как бы желая увериться, та ли это, которая так околдовала и унесла его на Невском проспекте. Но она стояла перед ним так же хороша, ее волосы были так же прекрасны; глаза казались всё еще небесными. Она была свежа; ей было только 17 лет;[1] видно было, что еще недавно ужасный разврат ее настигнул, он еще не смел коснуться к ее щекам. Они были свежи и легко оттенены тонким румянцем. Она была прекрасна. Он стоял неподвижно перед нею и уже готов был так же простодушно позабыться, как позабылся прежде. Но красавица наскучила таким долгим молчанием и значительно улыбнулась[2] глядя ему прямо в глаза, но эта улыбка ⟨была⟩ так невыразимо несносна, так исполнена какой-то жалкой наглости, так шла к ее лицу, как идет выражение[3] набожности на роже взяточника или скряги, ⟨как⟩ поэту идет мундир или бухгалтерская книга. Он содрогнулся. Она раскрыла свои хорошенькие уста и стала говорить, но всё это было так глупо, так пошло, как будто бы вместе с непорочностью оставляет и ум человека. Он уже ничего не хотел слышать, он был чрезвычайно смешон и прост. Вместо того, чтобы воспользоваться благосклонностью, вместо того чтобы обрадоваться такому случаю, какому бы верно обрадовался на его месте всякий другой, ⟨он⟩ бросился вдруг со всех ног как дикая сайга[4] и выбежал на улицу. Повесивши голову и опустивши руки сидел он в своей комнате как бедняк нашедший бесценную жемчужину и тут же уронивший[5] ее в море. Такая красавица! такие божественные черты и где же? В таком презренном омуте! Эти восклицания вырвались у него прежде всего.[6]

В самом деле, никогда жалость так сильно не овладевает нами[7], как при виде красоты, тронутой тлетворным

---

[1] *Далее начато:* еще разврат [2] и улыб⟨нулась⟩ [3] как идет чувство [4] дикая коза [5] бедняк нашедший бесценную жемчужину и в то же самое время от нечаянной радости уронивший [6] эти восклицания прежде всего вырвались у него [7] никогда так сильно не овладевает нами чувство жалости

дыханием разврата. Пусть он навеки остается с безобразием; если безобразие погружается ⟨в него⟩, мы не жалеем, хотя должны бы жалеть по чувству человечества. Но красота нежная, нам кажется, должна быть каким-то божеством непорочности и чистоты. [Черты лица этой] красавицы, так околдовавшей нашего бедного мечтателя, были действительно чудесны, появление ее в этом презренном кругу еще более казалось чудесным. Черты лица ее были так чисты, как образовано всё выражение прекрасного лица ее, которое означено ⟨было⟩ каким-то прекр⟨асным⟩ благородств⟨ом⟩,[1] что никак бы нельзя было думать, чтобы разврат уже распустил над нею страшные свои когти. Она бы составила неоцененный перл, весь мир, весь рай, всё богатство страстного[2] супруга; она была бы тихой звездой в незаметном[3] семейном кругу и одним движением прекрасных уст своих давала бы сладкие приказания. Она бы составила божество в многолюдном зале на зеркальном паркете при блеске свечей, при безмолвной благоговейной толпе поверженных поклонников. Но, увы, она была какою⟨то⟩ ужасною волею злого духа, смеющегося над всем святым и прекрасным, жаждущего везде рассеять гармонию мира и произвести расстройство естества, она была волею этого злого духа с хохотом[4] брошена в эту страшную пучину.

Проникнутый разрывающей[5] жалостью сидел он перед нагоревшею свечею. Уже и полночь давно минула,[6] колокол башенки бил половину первого. Он сидел неподвижный[7] без сна, без деятельного бдения[8]. Дремота, соскучившись его неподвижностью, начала тихонько одолевать ⟨его⟩, уже комната[9] начала исчезать, один только огонь свечи еще просвечивал сквозь одолевавшие его грезы, как вдруг стук в двери заставил его вздрогнуть и очнуться. Дверь отворилась и вошел лакей в богатой ливрее. В его уединенную комнату никогда не заглядывала такая богатая ливрея и

---

[1] *а.* носило какое-то благородство *б.* означено было той прекр⟨асной?⟩ [2] верного [3] всё в незаметном [4] с смехом [5] Проникнутый яд⟨овитой?⟩ [6] давно возвещена [7] *Далее начато:* нак⟨онец⟩ [8] без бдения. [9] комната и све⟨ча⟩

при том в такой необыкновенный ⟨час⟩[1]. Он недоумевал и с нетерпеливым любопытством смотрел в оба на пришедшего лакея[2].

„Та барыня“[3], начал лакей, „у которой вы[4] изволили быть за несколько часов перед сим, приказала просить и прислала за вами карету“.

Палитрин стоял в безмолвном удивлении: карету, лакей в ливрее... Нет, здесь верно какая-нибудь ошибка... „Послушайте, любезный“, — сказал он с робостью, — „вы, верно, не туда изволили зайти. Это ваша барыня, без сомнения, ⟨за⟩ кем-нибудь другим, а не за мною прислала вас.

— Нет, я, сударь, не ошибся. Ведь вы изволили проводить барыню пешком до дома в Литейную, в комнату четвертого этажа?

— Я.

— Ну, так пожалуйте же скорее, барыня непременно желает видеть вас и просит вас уже в собственный дом свой.

Палитрин сбежал с лестницы[5]. На дворе, точно, стояла карета. Он вошел, за ним дверцы хлопнули, камни мостовой загремели под колесами и копытами и перспектива домов с фонарями и вывеска⟨ми⟩ понеслась мимо его по обеим сторонам каретных окон. Палитрин думал всю дорогу[6]. Собственный дом, карета, лакей в богатой ливрее... он ничего не мог вывесть из этого.[7]

Карета остановилась перед ярко освещенным подъездом и его разом поразили говор кучеров, ряд экипажей, глухо вылетавшие слова, яркие окна, звуки музыки. Лакей в богатой ливрее высадил его из кареты и почтительно проводил в сени с мрамор⟨ными⟩ колонами, с облитым золотом швейцаром, с разбросанными плащами и шубами,[8] с яркой лампою. Воздушная лестница с блестящими перилами, надушенная ароматом, неслась вверх. Он уже был на ней,

---

[1] *Далее начато:* чувство [2] *Далее начато:* Позвольте узнать [3] Та барыня, у которой [4] вы сегодня [5] сбежал под вор⟨ота⟩ [6] *Далее начато:* об этом своем [7] ничего не мог понять. [8] *Далее начато:* с сидящ⟨ими?⟩

уже взошел в первую залу, испугавшись и попятившись при первом шаге от ужасного многолюдства. Ужасная пестрота привела его в страшное замешательство; ему казалось, что[1] какой-то демон искромсал весь мир на множество разных кусков и все эти куски без толку смешал вместе. Ослепительные дамские плечи и черные фраки, люстры, лампы[2], воздушные летящие газы и эфирные ленты, толстый смычок контрабаса, выглядывавший из-за перил великолепных хоров. Он увидел за одним разом столько почтенных стариков[3] и полустариков с звездами на груди, дам так легко, гордо[4] и грациозно[5] выступавших по паркету и сидевших рядами, что растерялся совершенно. И в самом деле, молодые люди в черных фраках были исполнены такого благородства, с таким достоинством говорили и молчали, так не умели сказать ничего лишнего, так величаво шутили, так почтительно улыбались, такие превосходные носили бакенбарды, так искусно умели показывать отличные руки, поправляя галстух[6]... Там так ⟨дамы⟩ были воздушны, так погружены в совершенное самодовольство и упоение, так умели очаровательно улыбаться, но нечего говорить более, всё клонилось к тому, чтобы совершенно[7].... Но толпа обступила танцующую группу. Они неслись, увитые прозрачным газом и ⟨в⟩ плать⟨ях⟩, сотканны⟨х⟩ из самого воздуха, небрежно касались паркета и были более эфирны, нежели если бы вовсе не касались его. Но одна между ними всех лучше, всех роскошнее одета. Невыразимое, самое тонкое сочетание вкуса разлилось во всем ее уборе и как будто она вовсе о нем не заботилась, но оно как бы невольно вылилось само. Она и глядела и не глядела на толпу плясавших и зрителей, прекрасные длинные ресницы опустились и чистая[8] белизна лица еще ослепительнее[9] бросилась в глаза, особливо когда при наклоне головы ее

---

[1] ему казалось, что всё качалось перед ⟨ним⟩ [2] свечи, лампы [3] почтенных сед⟨ых⟩ стариков [4] так легко, вольно [5] *Далее начато: а.* казавшихся *б.* всходивших [6] умели выставлять свои зубы и руки украшенные перстнями носи⟨ли?⟩ [7] словом всё со⟨вершенно⟩ *Фраза не дописана.* [8] и стыдливая ее [9] еще ярче

легкая тень осенила[1] очаровательный лоб. Пискарев продрался[2] ближе. Боже, это она! Она подняла свои полные безграничного и невыразимого блаженства ресницы и глянула своим ясным взглядом. О! как хороша! мог только он выговорить с захваченным почти дыханием. Она обвела своими глазами весь круг[3], который наперерыв жаждал остановить[4] на себе ее взор, но с каким⟨то⟩ утомлением тихо отвращала его[5], с каким-то невниманием опускала его и встретилась с глазами Пискарева. О, какое небо! какой рай! дай силы, создатель, перенести этого.[6] Жизнь не может вместить, он разрушит ее, он исторгнет и унесет душу. Она подала знак не рукою, не наклонением головы, нет, в ее сокрушительных глазах выразился этот знак таким тонким незаметным выражением, что никогда бы не заметил его, но он заметил.[7] Танец длился долго.[8] О, как нетерпеливо он ожидал, утомленная ⟨музыка⟩, казалось вовсе погасала и замирала и опять вырывалась, визжала и гремела; наконец,[9] танец кончился. Она села, усталая грудь ее вздымалась[10] под тонким дымом газа; рука ее[11] (боже, какие руки!) упала на колени, измявши[12] под собою ее воздушное платье и платье под нею, казалось, стало дышать[13]; отделка и тонкий сиреневый цвет его еще прелестнее означал эту божественную форм⟨у⟩ этой прекрасной руки. Коснуться бы только и ничего больше, никаких других желаний—они все дерзки... Он стоял у ней за стулом, не смея говорить, не смея дышать.[14] „Вам было скучно“, произнесли ее уста[15]. — „Вы меня ненавидите“. — „Вас ненавидеть? мне? я...“ готов был произнести он, совершенно потерявшись, и наговорил бы, верно, кучу самых несвязных

---

[1] при наклоне головы ее осенила [2] продрался сквозь [3] *Далее начато:* утомлены и не внимате⟨льно?⟩ на всё [4] жаждал пере⟨хватить?⟩ [5] отвращала свой [6] перенести всё его [7] но он заметил его. [8] *Далее начато: а.* утомленная музыка казалось *б.* горло его [9] *Далее начато:* она последним звуком ⟨*1 нрзб*⟩ [10] грудь ее [вол⟨новалась⟩] утомилась [11] *Далее начато:* она бы⟨ла⟩ [12] *Далее начато:* сжала [13] стало дышать ровнее. [14] за стулом, не смея дышать. [15] ее очаровательные уста.

слов, но в это время подошел с каким‹и-то› острыми и тонкими замечаниями камергер с прекрасным завитым на голове хохлом[1]. Он довольно приятно показывал свои зубы и каждою остротою своею вбивал кучу игл в сердце Пискарева. Наконец какой-то камергер к нему обратился с вопросом.[2] — „Как это скучно!“ произнесла она, пользуясь временем: — „Я сяду на другом конце зала, будьте там“. — Она проскользнула между толпою и исчезла. Он, как помешанный, растолкал толпу и был уж там. Там она сидела[3], как царица[4], всех лучше, всех прекраснее, и искала его глазами. — „Вы здесь?“ произнесла[5] она тихо, его увидевши[6], — и начала: „Неужели вы думаете, что я могу принадлежать к тому презренному классу творений, в котором вы встретили ‹меня›? Вам кажутся странными мои поступки[7], но я[8] вам открою тайну... Будете ли в состоянии никогда не измениться?“ — „О, буду! буду! буду!“ — В это время подошел довольно пожилой человек, заговорил с ней на непонятном для Пискарева языке. Подал ей руку. Она умоляющим взором посмотрела на Пискарева и дала знак остаться на своем месте и ожидать ее прихода. Но в припадке нетерпения он не в силах был слушать никаких приказаний даже из ее уст, отправился вслед за нею, но толпа разделила их; он уже [даже] не видел сиреневого платья, с беспокойством пробирался[9] он из комнаты в комнату и толкал без милосердия всех встречных, но там были все тузы, все сидели за вистом, погруженные в мертвое обычное ‹молчание›[10], в углу комнаты[11] спорило несколько важных пожилых людей о преимуществе[12] военной службы перед штатскою, в другом молодые люди в превосходных фраках бросали легкие замечания о многотомных трудах поэта-труженика. Пискарев чувствовал, что один пожилой

---

[1] с прекрасным завитым хохлом. [2] Наконец он заговорил с [3] она сидела, она искала [4] как царица, как сон [5] сказала [6] увидевши и подняла их на не‹го› [7] Вам к‹ажется странным› [моя] всё что происходит и непостижимым [8] но я сейчас [9] с беспокойством переходил [10] сидели за вистом, молчали [11] по углам [12] спорило несколько ученых о каком‹то›

человек и почтенной наружности схватил за пуговицу фрака его и представлял на его суждение одно весьма справедливое его замечание, но он грубо оттолкнул его, даже не заметивши, что у него на шее был довольно значительный орден. Он перебежал в другую комнату — и там нет ее, в третью — тоже нет. „Где же она? Дайте ее мне! О, я не могу жить, не взглянувши на нее! мне хочется выслушать то, что она хотела сказать". Но все поиски его оставались тщетными. Беспокойный, утомленный[1] он обратился в угол и смотрел на толпу, но напряженные глаза[2] начали ему представлять всё в каком-то неясном виде. Наконец, ему начало явственно показывать стены его комнаты. Он поднял глаза, перед ним стоял подсвечник[3] с огнем, почти потухавшим в глубине его: свеча истаяла; сало было налито на ветхом столе[4] его. Так это он спал! Боже, какой прекрасный сон! И зачем было просыпаться, зачем было минуты не подождать, — она бы наверно опять явилась! Досадный⟨?⟩ свет неприятным своим тусклым сиянием глядел в его окна. Комната в таком сером, таком мутном беспорядке. О, как отвратительна действительность, что́ она против мечты! Он разделся наскоро и лег в постель, закутавшись одеялом, желая насильно призвать улетевшее сновидение. Сон, точно, не замедлил к нему явиться, снилось вовсе[5] не то, что бы желал он видеть: то поручик Пирогов являлся с трубкою, то академический сторож,[6] то действительный статский советник, то голова чухонки, с которой он когда⟨то⟩ рисовал портрет, и тому подобная дрянь.[7]

До самого полудня пролежал он в постели, желая заснуть, но она не являлась. Хотя бы на минуту показала прекрасные черты свои, хотя бы на минуту зашумела ее легкая походка, хотя бы прелестная рука грациозно мелькнула перед ним!

Всё откинувши, всё позабывши, сидел он с сокрушенным, с безнадежным видом, полный только сновидения свое-

---

[1] Беспокойный [2] обратился к окну, но глаза [3] ⟨стояла⟩ свеча уже [4] на столе [5] *Далее начато:* представлялось как-то неясно [6] то академический сторож с инструментом [7] чорт знает, какая дрянь.

го; ни к чему не думал он притронуться;[1] глаза его без всякого участия, безо всякой жизни глядели в окно, обращенное во двор где гряз⟨ный⟩ водовоз лил воду, мерзнувшую на воздухе, и козлиный голос разносчика дребезжал: — ⟨*1 нрзб*⟩ *старого платья продать,* и нищие две старухи напевали во всё горло какой-то жалобный марш. Действительность вседневная странно поражала его слух. Так просидел он до самого вечера и с жадностью бросился в постель, долго боролся с бессонницей, наконец, сон пересилил его.[2] Боже, какая радость! Опять она, но уже совершенно в другом мире. О, как хорошо она сидит ⟨у⟩ деревенского светлого домика! Наряд ее весь кажется[3] той простой тенью, которою[4] только облекается мысль поэта. Создатель! Прическа на голове ее — создатель, как хороша![5] Простенькая косынка была накинута[6] на стройной шейке и груди; всё в ней скромно, всё в ней — тайное чувство вкуса и музыки. Как чудесно[7] грациозна ее походка, как музыкален милый шум ее простого платья, как хороша кисть руки, стиснутая крепко браслетом! Она говорит ему с слезой[8] на глазах: „не презирайте меня, — я вовсе не та, за которую вы принимаете меня. Поглядите на меня, взгляните пристальнее и скажите: разве я способна к тому, что вы думаете? О, нет, нет! пусть тот, кто осмелится это подумать, пусть тот...“ Боже, но он проснулся. „Боже![9] лучше бы ты вовсе не существовала, не жила в мире, а была бы создание вдохновенного художника! Я бы не отходил от холста, на котором изобразила тебя божественная кисть; я бы вечно глядел на тебя; я бы целовал тебя; я бы жил и дышал тобою, как прекраснейшею мечтою, и я бы был тогда счастлив! Никаких бы желаний не простирал далее! О, тебя бы призывал я как ангела-хранителя перед сном и бдением, о тебе бы молился я, когда бы случилось мне представить боже-

---

[1] *Далее начато:* он просто [2] пересилил его опять. [3] весь кажется проникнут [4] той скромною простотою, как⟨ой?⟩ [5] *Далее начато:* в своей [6] косынка завязывалась узлом [7] *Далее начато:* ее платья и башмаков [8] с слезкой⟨?⟩ [9] Боже, но он проснулся. О боже Боже! Это ужасно как болит расстроенное бедное сердце

ственное и святое. Но теперь ⟨по⟩думай, какая ужасная жизнь! Что пользы, что она живет? Разве жизнь сумасшедшего приятна его родственникам и друзьям, некогда ⟨его⟩ любившим?[1] — Боже, что за жизнь наша? — вечный раздор мечты с существенностью!" Такие мы⟨сли⟩ занимали его беспрестанно[2] и с этого времени жизнь его приняла странное направление. Ни о чем он не думал, даже почти не ел и[3] ⟨с⟩ нетерпением, со страстью любовника ожидал вечера и желанного видения. Беспрестанное устремление мыслей к одному, наконец, взяло такую власть над всем бытием его и чувствами, что желанный образ неотразимо являлся ему каждую ночь всегда почти в положении[4] противоположном действительности, потому что мысли его были совершенно чисты, как мысли ребенка. Через это сновидение самый предмет как бы более делался чистым и мало-помалу преображался. Жажда сновидений сделалась наконец его жизнью[5]. И с этого времени самая жизнь приняла странный образ; он, можно сказать, спал наяву и бодрствовал во сне[6]. Если бы его кто-нибудь видел сидящим дома или шедшим по улице, то, верно бы, принял его за лунатика[7] или разрушенного крепкими напитками; взгляд его был вовсе без всякого выражения, а природная рассеянность, наконец, развилась[8] и властительно вытесн⟨ила⟩[9] все чувства, все движения на его лице. Он оживлялся только приближению ночи. Такое состояние неминуемо должно было расстроить его силы и самое ужасное мучение[10] для него было то, что наконец сон начал оставлять его вовсе. Желая спасти единственное свое счастие, он употреблял все средства, наводящие сон, и наконец, прибегнул к опиуму[11]. Это средство сильнее всех других помогло ему и сновидения начали ему представать еще в лучшем виде.[12] Они еще

[1] родственникам и друзьям, которые его любили. [2] *Далее было:* ни о чем он не думал даже в течение все⟨го⟩ дня, ничего не ел почти и ожидал всё [3] и только [4] в виде [5] *Далее начато:* образ [6] спал на яву и жил ⟨во сне⟩. [7] принял его за безумно задумчивого [8] разрослась [9] и властительно скрыла [10] самое ужасное наказание [11] *Далее начато: а.* Жизнь его опять началась *б.* Любимые сновидения опять снились [12] начали ему представлять еще в лучшем ⟨виде?⟩ всё это

более раскаляли его мысли, и если когда-нибудь ⟨был⟩ влюбленный совершенно до безумия, стремительно, ужасно, разрушительно, мятежно, то этот несчастный был он. Из всех сновидений его одно было радостнее, прекраснее для него всех; ему представилась его мастерская, картин было множество; он так прилежно и с таким наслаждением[1] сидел с кистью в руках. И она тут. Она была его женой. Она сидела возле него, облокотившись прелестным локотком на спинку его ⟨стула⟩[2] и смотрела на его работу. В ее глазах, томных, усталых, написано было бремя блаженства; всё в комнате его дышало раем, было так светло, так убрано. Создатель! она склонила к нему на грудь прелестную головку. Лучшего ⟨сна⟩ он еще никогда не видывал. Он встал после него как-то свежее и менее рассеянный, нежели прежде. В голове его родились странные мысли. Может быть, она вовлечена каким-нибудь невольным случаем в разврат; может быть, движения души ее склонны к раскаянию; может быть, она желала бы сама вырваться из ужасного своего состояния,[3] и неужели равнодушно допустить ее гибель?[4] [тогда] как[5] только ⟨стоит⟩ подать руку, чтобы спасти ее от потопления.[6] Мысли его простирались еще далее: „Меня никто не знает", говорил он сам в себе,— „да и кому какое дело ко мне?[7] да и мне тоже нет дела ни до кого. Если она изъявит чистое раскаяние, я женюсь на ней, я должен тогда жениться и, верно, сделаю гораздо лучше, нежели многие[8], которые женятся на своих ключницах и даже часто на самых презренных тварях. Мой подвиг будет велик: я возвращу миру прекраснейшее[9] его украшение".[10] Краска живости осенила мутное лицо его; он по-

---

[1] *а.* он так ра⟨достно?⟩ *б.* он так живо и рад⟨остно?⟩ [2] на стол [3] *Далее начато: а.* неужели он *б.* может быть она сама возвратится к добродетели [4] и неужели должна она погибнуть [5] *Далее начато:* одной [6] *Далее начато:* меня не ⟨знает⟩ [7] до ⟨меня⟩ [8] нежели многие статские [действительные статские] и даже действительные советники; Пискарев уже начал, [как сами читатели заметят, немного] вольнодумствовать [9] одно прекраснейшее [10] *На полях написано:* Он ждал как любовного свидания с нею; там было всё его счастие; там был его весь рай, там была вся жизнь, вся ее поэзия, всё небо.

дошел к зеркалу и испугался сам впалых щек и бледности лица; тщательно начал он принаряжаться; приумылся, пригладил волоса, надел новый фрак, щегольский жилет, набросил плащ и вышел на улицу. Он дохнул свежим воздухом и почувствовал свежесть на сердце, как больной выздоравливающий, в первый раз решившийся выйти после[1] своей долгой болезни.

Сердце его билось страшно[2], когда он подходил к той улице, на которой нога его не была со времени роковой встречи. Долго он искал дома, но память ему изменила; он два раза прошел улицу и не знал, перед которым остановиться. Наконец один показался ему похожим. Он взбежал на лестницу с сердцем, казалось, стремившимся вырваться из груди, постучал в дверь. Дверь отворилась — и кто же ему навстречу? Его идеал, его таинственный образ, оригинал мечтательных картин, та, которою он жил так ужасно, так страдательно, так сладко жил, — она, она сама стояла перед ним. Он задрожал;[3] он едва мог удержаться[4] на ногах от слабости, охваченный порывом радости. Она стояла перед ним так же прекрасна, хотя глаза ее были заспаны; бледность усталости проступала на ее лице, уже не так свежем, но она всё была прекрасна. „А!“ — сказала она, увидевши Пискарева и протирая глаза свои (тогда было уже два часа): „Зачем вы убежали тогда от меня?“ Но он в изнеможении сел на стул и глядел на нее. — „А я только что теперь проснулась, меня ведь привезли совершенно без чувств, — тогда уже было 7 часов утра. Я была совсем почти пьяна“, — прибавила она с улыбкою. „О, лучше бы ты была нема и лишена вовсе языка, нежели произносить такие речи!“ В этих немногих словах выразилась вся беспорядочная, вся жалкая развратная жизнь. Однакож, несмотря ⟨на это⟩, он[5] решился попробовать, не будут ли иметь над нею действия его увещания. Собравшись с духом, он дрожащим голосом начал представлять

---

[1] решившийся после [2] билось сильно [3] оригинал мечтательных картин, она, она сама; он затрепетал. [4] он едва не упал [5] Однакож Писка⟨рев⟩

ужасное ее положение. Она слушала его с внимательным видом и с тем чувством удивления, которое мы изъявляем при виде какой-нибудь неожиданной странности[1]. Она взглянула на сидевшую в углу свою приятельницу[2], которая оставила свои карты и тоже слушала со вниманием нового проповедника, и улыбнулась. „Правда, я беден", сказал наконец после долгого и поучительного увещания наш художник, — „но мы станем трудиться,[3] мы станем наперерыв один перед другим стараться улучшить нашу жизнь. Нет лучше, как быть обязану во всем самому себе. Я буду сидеть над картинами, ты будешь, сидя возле меня[4], одушевлять мои труды, шить или заниматься другим рукоделием, и мы ни в чем не будем иметь недостатка".

— „Как можно", — прервала она речь: — „я не прачка и не швея, чтобы стала заниматься работой". Боже! в этих словах выразилась вся низкая, вся презренная жизнь, жизнь, исполненная пустоты и праздности, верных спутников разврата. — „Женитесь на мне", — подхватила с наглым видом молчавшая дотоле в углу ее приятельница: — „Если я буду женою, я буду сидеть вот как", — при этом она сделала какую-то глупую мину на жалком лице своем, причем красавица начала смеяться от души.

— „Боже! помоги мне вынесть!" — произнес отчаянным голосом Пискарев и уже готов ⟨был⟩ собрать весь гром сильного[5], из самой души излитого красноречия, чтобы потрясти бесчувственную, замерзшую душу красавицы, как вдруг дверь отворилась, и вошел с шумом один офицер. — „Здравствуй, Липушка", — произнес ⟨он⟩, без церемонии ударивши по плечу красавицу. — „Не мешай же нам", сказала красавица, принимая глупо серьезный вид. — „Я выхожу замуж и сейчас должна принять предлагаемое мне сватовство".[6] О, этого уже нет сил перенести! бросился он вон[7], потерявши и чувства, и мысли. Ум его

---

[1] *Далее начато:* или какой⟨-нибудь⟩ неожиданно⟨сти⟩. [2] на сидевшую в углу женщину [3] *Далее было:* труд будет нам приятен [4] сидеть возле него [5] весь гром душевно⟨го⟩ [6] принять сватов⟨-ство⟩ [7] как сумасшедший бросился он вон

помутился. Глупо, без цели, не видя ничего, не слыша, не чувствуя, бродил он весь день [1]; никто не мог знать, ночевал ли он где-нибудь или ⟨нет⟩. На другой только день он каким-то глупым инстинктом зашел на свою квартиру, бледный, с ужасным видом, с растрепа⟨нными⟩ волосами, с признаками безумия на лице. Он заперся в своей комнате и никого не пускал, ничего не требовал. [2] Четыре дня прошло, и его запертая комната ни разу не отворялась. Наконец прошла неделя и его комната всё так же была заперта. Бросились к дверям, начали звать его, но никакого не было ответа. Наконец выломали дверь и нашли труп с перерезанным горлом. Окровавленная бритва валялась на полу. По судорожно раскинутым рукам и по страшно искаженному лицу можно было заключить, что бритва была довольно тупа и что он долго еще мучился прежде нежели [3] грешная душа его оставила тело. — Так погиб, жертва безумной страсти, бедный Пискарев, тихий [4], робкий, скромный, детски простодушный, носивший в себе искру таланта [5] и, может быть, [6] совершивший бы когда-нибудь со славою свое поприще. Никто не поплакал над ним, никого не видно было возле его бездушного трупа, кроме обыкновенной фигуры [7] квартального надзирателя и равнодушного лица городского лекаря. Гроб его тихо, даже без обрядов религии, повезли на Охту. [8] За ним идучи плакал один сторож и то потому только, что выпил по утру еще лишний штоф водки. Даже поручик Пирогов не пришел посмотреть на труп несчастного [9] бедняка, которому он при жизни оказывал свое высокое покровительство.

Впрочем ему было вовсе не до того [10]: он был занят чрезвычайным происшествием. Но обратимся к нему. Я не

---

[1] бродил он весь день по гор⟨оду⟩ [2] *Далее начато:* так что [3] прежде еще нежели [4] такой тихий [5] носивший в себе такую любовь [6] *Далее начато:* с блеском покаж⟨ет?⟩ развившийся [7] кроме пошлой фигуры [8] *а.* Гроб его без утешительных обрядов религии *б.* Гроб его без обрядов христианских ⟨*1 нрзб*⟩ *в.* Гроб его отвезли скромно без всяких обря⟨дов⟩. [9] на несчастный труп [10] не до того чтобы вспомнить об этом

Но недурной только день он нашел то лишь [illegible]
дения на свою квартиру бледный и испуганный вернулся с [illegible]
обмолвился и прибежал безумный на лицо. Он даже в свой
комнаты и никого никуда не требовал. [illegible]
дня прошло через запертая комната и сразу [illegible]
на [illegible] дверь и за [illegible] комнаты все также
было заперто. Бросились к дверям [illegible] со по-
никакого ответа [illegible] выбили дверь и
нашли труп с перерезанным горлом [illegible].
Кровь [illegible] на полу по [illegible] [illegible]
и по [illegible] [illegible] улицу [illegible]
что [illegible] [illegible] труп и что [illegible]
[illegible] [illegible] [illegible] [illegible]
Так погиб жертва безумной страсти бедный Пирогов.
[illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]
[illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]
[illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]

люблю трупов и покойников, мне всегда неприятно, когда мне переходит дорогу длинная погребальная процессия и инвалидные солдаты нюхают табак левою рукою, одетые[1] в черный капюшон, потому что в правой[2] они держат дымные факелы. Но для меня еще грустнее[3] когда я вижу как ломовой извозчик[4] тащит красный непокрытый гроб бедняка и только одна какая-нибудь нищая, встретившись на перекрестке, плетется[5] за ним, не имея друго⟨го⟩ дела. Мы оставили, кажется, Пирогова на том, как он расстался с бедным Пискаревым и устремился за блондинкою. Это было легонькое довольно интересное созданьице; она останавливалась перед каждым магазином и заглядывалась на выставленные за стеклами кушаки[6], платочки, серьги[7] или другие безделушки, беспрестанно вертелась, глазела во все стороны и оглядывалась назад. — Ты, голубушка, уже моя, — говорил[8] с самоуверенностью Пирогов, продолжая свое преследование и закутавши лицо свое воротником[9] шинели, чтобы не встретить кого-нибудь из знакомых. Но кстати не мешает[10] читателю дать известие, кто таков был поручик Пирогов. Но поручик Пирогов имел кроме этого множество талантов, собственно ему принадлежавших. Он превосходно декламировал стихи из „Дмитрия Донского", из „Горе от ума" и имел особенное искусство, куря трубку, пускать дым кольцами так, что он мог вдруг около десяти колец нанизать одно на другое. Умел очень приятно рассказать анекдот о том, что пушка сама по себе, а единорог сам по себе. Впрочем[11] оно несколько трудно перечесть все таланты, которыми судьба наградила Пирогова. Он любил поговорить об актрисе и танцовщице, но уже не так резко, как обыкновенно изъясняется об этом предмете молодой прапорщик; он был очень доволен своим чином, в который был произведен недавно, и хоть иногда, ложась на диван, говорил: „Ох, ох, ох! суета, всё суета!

---

[1] инвалидные солдаты одетые ⟨?⟩ [2] потому что в левой [3] Но досада моя смешивается ⟨с грустью⟩ [4] как ванька [5] тащится [6] на всякие куш⟨аки⟩ [7] серьги всякие [8] уже говорил [9] бобровым воротником [10] Но кстати нужно [11] Впрочем всех талантов

что из этого, что я поручик?“ Но втайне его очень льстило новое достоинство, и он в разговоре часто старался нечаянно обиняком намекнуть кое-что о себе. И один раз, когда попался ему на улице маленький кадет, жевавший крендель и проглядевший его, он остановил ⟨его⟩ и в немногих, но резких словах дал заметить, что он — поручик. Он тем более старался это изложить красноречивее, что в это время проходила мимо его[1] дама. Но довольно о качествах Пирогова. Человек такое странное существо, что никогда не можно исчислять за одним разом всех ⟨его⟩ достоинств [или для этого очень много нужно места и времени; потому что] всякий раз когда ни всматриваешься[2] ⟨в⟩ него, встречаются беспрестанно[3] новые особенности и описание их было бы бесконечно. Итак, Пирогов не переставал преследовать незнакомку ⟨и⟩ от времени до времени занимать тонкими[4] вопросами, на которые она отвечала очень редко, отрывисто и какими-то неясными звуками. Они вошли темными воротами Казанского в Мещанскую улицу, улицу табачных и мелочных лавок немцев-ремесленников и чухонских нимф.[5] Блондинка бежала скорее, впорхнула в ворота одного довольно запачканного дома. Пирогов за нею. Она взбежала по узенькой темной лестнице[6] и вошла в двери, которыми Пирогов смело вобрался в комнату. Эта большая комната с черными [стенами], закопченным потолком. Куча слесарных инструментов лежала на столе и на полу. Пирогов тотчас смекнул, что это[7] была квартира мастерового. Незнакомка порхнула далее в дверь. Пирогов на минуту остановился, но наконец решился итти вперед, следуя русскому правилу. Он вошел в другую комнату, вовсе непохожую на переднюю, убранную очень опрятно, показывавшую, что хозяин был немец. И что же он увидел вошедши в комнату? Перед ним сидел „Шиллер“ не тот Шиллер, который написал Валленштейна и Исто-

---

[1] возле него [2] когда ни глядишь на него [3] встречаются вечно [4] занимать приятными [5] вечерних нимф. [6] взбежала на лестн⟨ицу⟩, Пирогов туда же. Она [7] Пирогов догадался, что она

рию Тридцатилетней войны, но известный Шиллер, слесарный мастер в Мещанской улице. Возле Шиллера стоял Гофман, не писатель[1] Гофман, но довольно хороший сапожник с Офицерской улицы, большой приятель Шиллера. Шиллер был пьян и сидел на столе, топая ногою и говоря что-то с жаром. Всё это еще бы не удивило Пирогова, но удивило его чрезвычайно странное положение обеих фигур. Шиллер сидел, выставивши свой нос довольно толстый и поднявши вверх голову, а Гофман держал его за этот толстый нос двумя пальцами и держал лезвие своего сапожнического ножа на самой его поверхности. Оба лица говорили на немецком языке, и потому поручик Пирогов, который знал только по-немецки gut Morgen, ничего не мог ⟨понять⟩ из всей этой истории. Впрочем, слова Шиллера заключались вот в чем: „Я не хочу, мне не нужен нос", говорил он, размахивая руками. „У меня на один нос выходит[2] 3 фунта табаку в месяц. И я плачу в русской скверный магазин потому, что немецкой магазин не держит русского табаку, — я плачу в русской скверный магазин за каждый фунт по 40 копеек. Это будет 120 копеек[3]. Двенадцать раз рубль двадцать копеек... это будет 14 рублей 40 копеек. Слышишь, друг мой, Гофман, на один нос 14 рублей 40, да по праздникам я нюхаю Рапе, потому что я не хочу нюхать по праздникам русской скверный табак. Прибл⟨изительно⟩ я два фунта нюхаю Рапе в год по 2 рубли. Шесть да четырнадцать — двадцать рублей сорок копеек на один табак! Я швабский немец, у меня есть король в Германии. Я не хочу носа, режь мне нос! Вот мой нос. Я спрашиваю тебя, мой друг Гофман, не так ли?" Гофман, который был пьян, отвечал утвердительно. И если бы не внезапное появление поручика Пирогова, то безо всякого сомнения Гофман отрезал бы ни за что, ни про что[4] Шиллеров нос, потому что он уже привел нож свой совершенно в такое положение, как бы хотел кроить подошву.

---

[1] не тот [2] выходит русского [3] Это будет рубль ⟨20 копеек⟩ [4] отрезал бы ни за что, ни про что как подошву

Черткову очень неприятно было такое обхождение, вовсе неприличное его чину-званию, он несколько раз останавливался на лестнице как бы желая собраться с духом и подумать, каким образом дать почувствовать Шиллеру его дерзость, но наконец рассудил, что Шиллера можно извинить, потому что голова его была наполнена пивом и вином; к тому же представилась ему хорошенькая блондинка, и он решил, что на этот раз ему можно извинить невольное преступление. На другой день поручик Пирогов в 10 часов утра явился как снег на голову в мастерскую оловянных дел мастера. В мастерской встретила его та же хорошенькая блондинка и довольно суровым голоском, который очень шел ее личику, спросила: „что вам угодно?“

— „А, здравствуйте, моя миленькая, — вы меня не узнали? Плутовочка, какие хорошенькие глазки!“ — При этом поручик Пирогов хотел очень мило поднять своим пальцем ее подбородок. Но блондинка произнесла[1] пугливое восклицание и с той же суровостью спросила:[2] „что вам угодно?“ — „Вас видеть, больше ничего мне не нужно“, — произнес Пирогов, довольно приятно улыбаясь и подступая ближе, но заметив, что пугливая блондинка хотела проскользнуть в двери, прибавил: — „Мне нужно, моя миленькая, заказать шпоры.[3] Вы можете мне сделать шпоры? Хотя для того, чтобы любить, вовсе не нужны шпоры, скорее уздечку [нужно наложить на мои чувства, пылающие к вам]“. Поручик Пирогов всегда очень бывал любезен[4] в изъяснениях подобного рода.

„Я сейчас позову моего мужа“, вскрикнула немка и ушла, а через несколько минут Пирогов увидел Шиллера, выходившего с заспанными глазами, едва очнувшегося от вчерашнего похмелья. Взглянувши на офицера, он припомнил, как в смутном тумане, происшествия вчерашнего дня. Он ничего не помнил в таком же виде, как

---

[1] Но блондинка сде⟨лала⟩ [2] и произнесла [3] сделать шпоры [4] бывал мил

было, но чувствовал, что[1] сделал какую-то глупость, и потому принял офицера с очень суровым видом. — „Я за шпоры меньше не могу взять как пятнадцать рублей“, произнес он, желая отделаться от Пирогова, потому что ему, как честному немцу, очень совестно было смотреть на того, кто видел ⟨его⟩ в таком неприличном положении, потому что Шиллер любил пить совершенно без свидетелей с двумя-тремя приятелями[2] и запирался на это время даже от своих работников.[3] „Зачем же так дорого?“ ласково сказал Пирогов. — „Немецкая работа!“ — хладнокровно произнес Шиллер, поглаживая подбородок: „русской возьмет сделать за 2 рубли“. — „Извольте, чтобы доказать, что я люблю и желаю с вами познакомиться, я плачу 15 рублей“.

Шиллер минуту оставался в размышлении: ему, как честному немцу, сделалось несколько совестно. Желая сам отклонить его от заказывания, он объявил, что раньше двух недель не может. Но Пирогов без всякого прекословия изъявил совершенное свое согласие. Немец задумался и стал размышлять о том, как бы лучше сделать свою работу так, чтобы она действительно стоила 15 рублей.

В это время блондинка впорхнула в мастерскую и начала рыться на столе, установленн⟨ом⟩ кофейниками. Поручик воспользовался этим и, видя задумчивость Шиллера, подступил к ней и пожал ручку, обнаженную до самого плеча. Это Шиллеру очень не понравилось. „Mein Frau!“[4] закричал он.

„Was wollen sie doch?“ отвечала блондинка.

„Gehen sie на кухня!“ Блондинка удалилась.[5]

„Так через две недели,“ — сказал Пирогов. — „Да, через две недели,“ — отвечал в размышлении Шиллер: „у меня теперь очень много работы“.

— „До свидания! я к вам зайду!“ — „Прощайте“, — отвечал Шиллер, запирая дверь.

---

[1] чувствовал, как [2] с двумя-тремя приятелями, так даже, чтобы [3] *Далее было:* но Пирогов к удивлению его согласился в ту же минуту [4] *Так в рукописи* [5] *Далее начато:* Нет, я может не сделаю сам

Поручик Пирогов не решался оставить надежд своих, несмотря на то, что немка оказала явный отпор.[1] Он не мог никак понять, чтобы можно было долго ему противиться, тем более, что самая его любезность и блестящий чин, кажется, подавали[2] ему полное ⟨право⟩ на всякое внимание прекрасного пола.[3] Жена Шиллера была при всей миловидности своей очень глупа, но глупость составляет особенную прелесть в хорошенькой жене. По крайней мере я знаю многих мужей, которые в восторге от глупости своих жен и видят в ней все признаки младенческой невинности. Красота производит удивительные чудеса. Все пороки душевные в красавице, вместо того чтобы произвести отвращение, становятся как-то необыкновенно привлекательны; самый порок дышет в них миловидностью; но исчезни она, — и женщина становится прямо ⟨?⟩ демон и ей нужно быть в двадцать раз умнее мужчины, чтобы внушить к себе если не любовь, то, по крайней мере, уважение.

Впрочем жена Шиллера, при всей глупости, была всегда верна своей обязанности и потому Пирогову довольно трудно[4] было успеть в смелом своем предприятии; но блондинка становилась с каждым днем для него интереснее.[5] Он начал [посещать Шиллера] довольно часто, стал осведомляться о шпорах, так что Шиллеру это наконец сделалось очень скучно. Он употребил все усилия, чтобы окончить проклятые шпоры; наконец, шпоры были готовы. —

„Ах, какая отличная работа!“ — закричал поручик Пирогов. „Господи, как это хорошо сделано! у нашего генерала нет эдаких шпор!“ Чувство самодовольствия распустилось по душе Шиллера. Глаза его начали глядеть довольно весело и он в мыслях совершенно примирился с Пироговым. „Русской офицер умный человек“, — думал он сам про себя.

„Так вы, стало быть, можете сделать и оправу, например, к кинжалу и другим вещам?“ „О,[6] очень могу!“ — сказал

---

[1] оказала сопротив⟨ление⟩ [2] мог пода⟨вать⟩ [3] *Далее начато:* Чтобы зас⟨тавить?⟩ [4] весьма трудно [5] но эта интрига его стала интересовать чрезвычайно [6] О! о!

Шиллер с улыбкою. — „Так сделайте мне оправу к кинжалу. Я вам принесу; у меня очень хороший турецкий кинжал, но оправу мне хотелось сделать другую“. Шиллера это как бомбою хватило. Лоб его вдруг наморщился. „Вот тебе на!“ — подумал он про себя, внутренно себя браня за то, что сам накликал работу. Отказаться он почитал уже бесчестным, притом же русской офицер похвалил его работу. Он несколько ⟨раз?⟩ почесал свою голову, изъявил свое согласие. Но поцелуй, который, уходя, Пирогов влепил нахально в самые губки хорошенькой блондинки, поверг его в совершенное недоумение.

Я почитаю долгом познакомить читателя несколько покороче с Шиллером. Шиллер был совершенный немец в полном смысле этого слова. Еще с 20-летнего возраста, с [того] счастливого времени, в которо⟨е⟩ русско⟨й⟩ живет на фуфу, уже Шиллер размерил всю свою будущую жизнь и никакого ни в каком случае[1] не делал исключения.

Он положил вставать в семь часов, обедать в два,[2] трудиться,[3] быть пьяным каждое воскресенье,[4] а летом играть в кегли. Он положил себе в течение 10 лет составить капитал из пятидесяти тысяч и уже это было так верно и неотразимо, как судьба, потому что скорее земля разрушится[5]... Ни в каком случае не увеличивал он своих издержек: если цена картофеля поднималась[6] против обыкновенного, он ни одной копейки не прибавлял, но уменьшал только количество и хотя оставался иногда несколько голодным,[7] но скоро однакоже привык к этому. Аккуратность его простиралась до того, что он положил целовать жену в сутки не более как два раза и чтобы не поцеловать лишний раз,[8] он никогда в свой суп не клал перцу более одной чайной ложечки. Впрочем, в воскресный день это правило не так строго исполнялось, потому

---

[1] и никакого ни для ⟨чего⟩ [2] обедать в два, ложиться после обеда [3] трудиться по будням [4] весь день он по воскресеньям аккуратно ⟨был пьян?⟩ [5] *Не дописано.* [6] была дороже [7] *Далее начато:* но никогда [8] и чтобы это не случилось

что Шиллер выпивал тогда две бутылки пива и бутылку тминной водки, которую впрочем он всегда бранил; пил он вовсе не так, как англичанин, который тотчас после обеда запирает дверь и нарезывается один. Напротив, он как немец пил всегда вдохновенно, или с сапожником Гофманом, или с столяром Кунцом, тоже немцем и большим пьяницею. Таков был характер благородного Шиллера, который,[1] наконец, был приведен в чрезвычайно затруднительное положение. Хотя он был флегматик и немец, однакож поступки Пирогова возбудил⟨и⟩ в нем что-то похожее на ревность. Он не знал,[2] каким образом ему избавиться от этого русского офицера. Между тем Пирогов, куря трубку в кругу своих товарищей (потому что уже так провидение устроило, что где офицеры, там и трубка), куря трубку в кругу своих товарищей, намекал очень значительно и с приятной улыбкою об интрижке с хорошенькой немкою, с которою, по словам его, он уже совершенно был накоротке. Однакоже поручик не довольствовался одними похвалами, хотя в самом деле он готов ⟨был⟩ лишиться терпения.[3] Наконец один день прохаживался он по Мещанской, поглядывая на дом, на котором красовалась вывеска Шиллера с кофейниками и самоварами, и к величайшей радости своей увидел голову блондинки, свесившуюся в окошко и разглядывавшую прохожих. Он остановился, сделал ей ручкою и сказал „gut Morgen“. Блондинка поклонилась ему как знакомому лицу.

— „Что̀, ваш муж дома?“ — „Дома“, отвечала блондинка. — „А когда он не бывает дома?“ — „Он по воскресеньям не бывает,“ — сказала глупенькая блондинка. „Хорошо“, подумал про себя Пирогов: „этим нужно воспользоваться“, и в воскресенье явился как снег на голову перед блондинкой.[4] Шиллера, действительно, не было дома. Хорошенькая хозяйка испугалась, но Пирогов посту-

---

[1] *Далее начато:* несмотря на то, что он был ⟨флегматик⟩ [2] Он вовсе не знал [3] *Далее начато: а.* он решился в самом деле скорее око⟨нчить?⟩ *б.* [Непременно успеть] в оправдание слова [4] и в воскресенье явился к квартире Шиллера

пил на этот раз довольно осторожно, обошелся очень почтительно и, раскланявшись, показал всю красоту своего гибкого перетянутого стана. Он очень приятно и учтиво шутил, но глупенькая немка отвечала на всё односложными словами. Наконец, заходивши со всех сторон и видя, что ничто не может занять его хорошенькую[1] компанионку, он предложил ей танцовать. Немка согласилась в одну минуту, потому что молоденькие немки очень любят танцовать. Притом на этом Пирогов очень много основывал надежд: во-первых, это ей уже могло доставить удовольствие, во-вторых, это могло показать всё совершенство его торнюры и ловкость в движении, в третьих, — в танцах ближе можно сойтись, несколько раз обнять хорошенькую немку без всякого с ее стороны неудовольствия; короче сказать, на этом он основывал совершенный[2] успех. Он начал напевать какой-то гавот, зная что с немками нужна постепенность. Молоденькая[3] немка выступила на середину комнаты и подняла прекрасную ножку. Это положение так восхитило Пирогова, что он схватил ее в свои объятия[4] и засыпал поцелуями.[5] Немка начала кричать, и этим еще более увеличила свою прелесть в глазах Пирогова, который еще сильнее начал целовать. Как вдруг дверь отворилась и вошли Шиллер с Гофманом и столяром Кунцом; все эти ремесленники были пьяны, как сапожники. Но... я предоставляю самим читателям судить о гневе и негодовании Шиллера. — „Грубиан!“ — закричал он в величайшем негодовании. — „Как ты смеешь целовать мою жену? Ты подлец, а не русской офицер! Чорт побери, не так ли, мой друг Гофман?“ Гофман отвечал утвердительно.[6] „Я не посмотрю на то, что ты офицер. О, я не хочу иметь рога![7] Бери его, мой друг Гофман, прямо за шею. Я не хочу“, — продолжал ⟨он⟩, — сильно размахивая руками, при чем лицо[8] его было похоже

---

[1] прекр⟨асную⟩ [2] основывал весь свой [3] Хорош⟨енькая⟩ [4] что он набр⟨осился⟩ [5] и начал целовать [6] *Далее начато:* О, я не хочу [7] *Далее было:* Я восемь лет как живу в Рос⟨сии⟩ [8] причем всё лицо

на красное сукно его жилета. „Я восемь лет живу в Петербурге; у меня в Швабии живет и мать моя, и дядя. Я немец, а не рогатая говядина. Прочь[1] с него платье! Мой друг Гофман, держи его за рука, мой камарат, мой Кунц“, — и немцы схватили за ноги и руки Пирогова. Напрасно силился он отбиваться; эти три немца были самый дюжий народ из всех петербургских ремесленников.[2] Если бы Пирогов был в полной форме, то, вероятно, почтение к его чину и званию остановило бы буйных тевтонов. Но он прибыл совершенно как частный приватный человек[3] в сюртучке и без эполетов. Немцы с величайшим неистовством сорвали с него всё платье ⟨*1 нрзб*⟩. Гофман всей тяжестью своей сел ему на ноги, Кунц схватил за голову, а Шиллер схватил в руку пук прутьев, служивших метлою. Я должен с прискорбием признаться, что поручик Пирогов был очень больно высечен.

Я уверен, что Шиллера на другой день трясла страшная лихорадка, что он дрожал, как лист, ожидая с минуты на минуту прихода полиции; что он бы бог знает что дал, чтобы всё то, что происходило вчера, происходило во сне; но что было, того уже нельзя переменить.

Но ничто не могло сравниться с гневом и негодованием самого Пирогова. Губы его сохнули и дрожали от ярости при одной мысли об этом ужасном оскорблении. Он не находил достаточного мщения. Сибирь и плети казались ему весьма легким наказанием за это ужасное бесчестие и наглое самоуправство.[4] Он летел домой, чтобы оттуда прямо итти к генералу, описать[5] ему самыми разительными красками это положение. Он разом хотел подать и письменную просьбу в Главный штаб. Если же Главный штаб определит недостаточное наказание, тогда прямо в Государственный совет, а не то самому государю.

Но всё это как-то странно кончилось. По дороге он зашел в кондитерскую, съел два слоеных пирожка, про-

---

1 Вон 2 эти три немца были очень сильны. 3 Но он прибыл приват⟨но?⟩ 4 бесчестие и самоуправство. 5 к генералу с тем чтобы описать

читал кое-что из „Северной Пчелы“[1] и вышел уже не в столь гневном положении. Притом довольно приятный[2] прохладный вечер заставил его несколько далее пройтись по Невскому проспекту. К 9 часам он почти совершенно успокоился и нашел, что в воскресенье нехорошо беспокоить генерала[3]. Притом он без сомнения куда-нибудь отозван, и потому он решился итти на вечер к одному правителю контрольной комиссии, где было очень приятное собрание многих чиновников и офицеров его корпуса, и там так хорошо отличился в мазурке,[4] что привел в восторг не только дам, но даже и офицеров его полку.[5]

„Дивно устроен свет наш! думал я, бредя третьего дня по Невскому проспекту и приводя на память эти два происшествия.[6] „Один им⟨еет⟩“, думал я, „всё разом ⟨*1 нрзб*⟩, другой ⟨*2 нрзб*⟩. Тот стреляется по своей воле, другого секут когда он вовсе этого не желает; тому судьба дает прекраснейших лошадей, и он равнодушно катается на них, вовсе не замечая красоты ⟨их⟩, тогда как другой, которого всё сердце горит лошадиной любовью, идет пешком и довольствуется только тем, что пощелкивает языком, когда мимо его проводят рысака. Тот имеет отличного повара, но, к сожалению, такой маленькой рот, что больше двух кусков никак не может отправить; другой имеет рот с хороший чемодан и горло[7], что[8] мог бы проглотить пушечное ядро, но, увы, должен довольствоваться каким-нибудь немецким обедом из картофеля. Как непостижимо играет судьба наша!“

Но страннее всего происшествия случаются на Невском проспекте[9]. Я всегда закутываюсь крепче своим плащом,

---

[1] прочитал Москов⟨ский Телеграф?⟩ [2] Притом хор⟨оший⟩ [3] *Далее начато:* который может быть [4] здесь он так хорошо танцовал [5] *Далее было:* Странные события случаются в свете. [6] *Далее было:* Тот застрелился, другого высекли. Боже, как чудно устроен свет наш, как непостижимо играет нами судьба наша, одн⟨ому⟩ дается всё [7] и горло как широко⟨е?⟩ ⟨*1 нрзб*⟩ [8] *Далее начато:* было ⟨*2 нрзб*⟩ [9] *Далее было:* Я никогда не гля⟨жу?⟩, я положил себе за правило никогда не глядеть на предметы, попадающиеся на Невском проспекте.

когда всхожу на Невский проспект, и стараюсь вовсе не глядеть ⟨на⟩ встречающиеся предметы.[1]

Не верьте ни в чем Невскому проспекту. Всё обман, мечта. Вы думаете, что этот господин очень богат, который идет в красиво сшитом сюртучке? — Ничуть не бывало. Он весь состоит из своего сюртучка и всегда ожидает несколько часов дома, покамест стирается его белье, потому что второй переменой он не обзавелся еще. Вы воображаете, что эти два господина, остановившиеся перед лютеранскою киркою, судят об ее архитектуре? — Совсем нет: они говорят о том и удивляются, как две вороны сели очень странным образом одна против другой.[2]

Вы воображаете, что этот господин в несколько истертом фраке, размахивающий[3] руками, говорит о вкусном обеде или о том, что жена бросила из окна шарик в вовсе незнакомого ему гвардейского офицера? — Ничуть не бывало: он доказывает, в чем состояла главная ошибка Лафайета. Вы воображаете, что эти дамы говорят ⟨об⟩ очень, очень смешном? Совсем нет: они для того шевелят губами с приятной улыбкою, что уверены во всей грациозности такого положения. Не заглядывайте в окна магазинов на сверкающую кучу[4] ослепительных безделок; они обольстительны, но пахнут страшным количеством ассигнаций. Еще боже вас сохрани, не заглядывайте дамам ⟨?⟩ под шляпки.[5] Как привлекательно ни развевайся вечером вдали плащ красавицы, я ни за что не пойду за нею любопытствовать. Всё обман... Мимо фонарей! скорее сколько можно проходите, и это еще счастье, если отделаетесь тем, что он зальет щегольской сюртук ваш вонючим маслом своим. — Он опасен необыкновенно, этот Невский проспект; опасен[6] для кармана, для сердца, для всего; он во всякое время лжет, обольщает, но более всего тогда, когда ночь сгущенною массою наляжет и отделит белые и палевые стены

---

[1] *а.* и стараюсь не глядеть ⟨на⟩ то, на что *б.* и стараюсь ~ предметы. Всё обман [2] они сообщают друг другу как странно [3] что этот господин раз⟨махивающий⟩ [4] на весь этот [5] *Далее начато:* пусть [6] он опасен

домов. Но огни сделают его почти транспарантом, когда весь город превратился в гром и блеск, [когда] мириады карет валятся с мостов, мелькая фонарями; форейторы кричат и прыгают на лошадях.[1] И когда сам демон зажигает ярко лампы[2] для того, чтобы всё[3] показать не в настоящем виде.

---

[1] форейторы кричат и прыгают. [2] зажигает обольстительные ⟨?⟩ лампы [3] для того, чтобы там всё

НОС.

I.

ПЕРВОНАЧАЛЬНЫЙ НАБРОСОК.

23 числа 1832-го года случилось в Петербурге необыкновенно-странное происшествие. Цирюльник, живущий в Вознесенской улице, Иван Иванович (фамилия его утратилась, по крайней мере на вывеске его изображен[1] господин с намыленною бородою и подписью внизу: и кровь отворяют, выставлено[2]: Иван Иванович, больше[3] ничего). Цирюльник, говорю, Иван Иванович, проснулся и натащил на себя запачканный фрак, которого воротник и клапаны испускали запах вовсе не похожий на амбре. Супруга Ивана Ивановича, которой имя[4] чрезвычайно трудное, начала вынимать из печки горячие хлебы. „А дай-ка я вместо кофию, да съем горячего хлебца“, сказал Иван Федорович. И хорошо, подумала про себя супруга, бывшая вовсе не прочь от ⟨того⟩, чтобы самой выпить кофейник. Иван Федорович переломил хлеб и какое же было его изумление, когда он увидел сидящий там нос. Нос мужской, довольно крепкой[5] и толстый... Изумление его решительно превзо-

---

[1] даже на вывеске, на которой изображен [2] *Далее начато:* на этой вывеске написано вверху [3] и больше [4] *а.* имени *б.* которой имя было какое-то [5] довольно прямой

шло всякие границы,[1] когда он узнал,[2] что это был нос[3] коллежского асессора Ковалева[4], — тот нос, который теребил во время бритья и упирался[5] большим пальцем. Он не мог ошибиться: нос был[6] полноват, с едва заметными тонкими[7] и самыми нежными жилками, потому что коллежский асессор любил после обеда выпить рюмку хорошего вина.

II.

ПЕРВАЯ ПОЛНАЯ РЕДАКЦИЯ.

Сего февраля 23 числа случилось в Петербурге необыкновенно-странное происшествие: цирюльник Иван Федорович, живущий на Вознесенском проспекте (фамилия его утрачена и даже на вывеске его, где изображен господин с намыленною щекою с надписью: „и кровь отворяют“[8] не выставлено никакой фамилии[9]). Цирюльник Иван Федорович проснулся[10] довольно рано[11] и услышал запах горячего хлеба. Приподнявшись немного на кровате, он увидел, что супруга его, довольно почтенная дама, очень любившая пить кофий, вынимала[12] из печи только что выпеченные хлебы. „Сегодня я, Парасковья Осиповна, не буду пить кофию“, сказал Иван Федорович, „а вместо того хочется мне съесть горячего хлебца с луком“. То-есть Иван Федорович хотел бы и того и другого, но знал, что двух вещей совершенно невозможно требовать, ибо Парасковья Осиповна очень не любила таких прихотей[13]. „Пусть дурак ест хлеб, мне же лучше“, подумала про себя супруга.[14] „Останется[15] кофию лишняя порция“, и бросила один хлеб на стол.

---

[1] Какие можно было положить границы его ⟨изумлению⟩ [2] увидел [3] что этот нос был [4] *Далее начато:* он нико⟨гда⟩ [5] на котором упирался [6] не мог не ошибиться, потому что нос был [7] тонкими жилками [8] *Далее было:* ничего другого не напи⟨сано⟩ [9] *Далее было:* кроме Иван Федорович [10] встал [11] *Далее было:* поворотился на своей кровати, привстал [12] сажала в [13] не любила этого [14] солидная супруга [15] Мне оста⟨нется⟩

Иван Федорович для приличия надел сверх рубашки фрак и, усевшись перед столом, насыпал соль, приготовил две головки луку и взял в руки нож и, сделавши значительную мину, принялся резать хлеб. — Разрезавши хлеб на две половины, он поглядел в середину и к удивлению своему увидел что-то выглядыва<ющее?>, белевшее. Иван Федорович ковырнул ножем и пощупал пальцем: „холодное!", сказал он сам про себя: „что бы это такое было?" Он засунул пальцы и вытащил довольно крепкой и мясистый нос... Вынувши его, он и руки опустил. Начал протирать глаза и щупать его, пальцем: нос, точно нос! и еще казалось как будто чей-то знакомый. Ужас изобразился в лице Ивана Федоровича. Но этот ужас был ничто против того негодования, которое овладело его супругою: „Где это ты, зверь, отрезал нос" закричала она с гневом. „Мошенник, пьяница[1], я сама на тебя донесу полиции. Разбойник какой! Вот уже я от трех человек слышала, что ты во время бритья так теребишь за носы, что еле держатся".

Но Иван Федорович был ни жив, ни мертв. Он узнал, что этот <нос> принадлежал коллежскому асессору Ковалеву, которого он брил каждую середу и воскресенье. „Стой, Парасковья Осиповна, я положу его, завернувши <в> тряпку, в уголок, пусть там маленечко полежит, а после его вынесу[2]." „И слушать не хочу, зверь проклятый! Чтобы я позволила у себя в комнате лежать отрезанному носу? — Не будет этого, не будет! Найдут полицейские обыскивать да подумают, что я была участницею в таком. Вон его, вон! неси куда хочешь, чтобы я духу его не слышала!" Иван Федорович стоял совершенно как убитый. Он думал и не мог придумать, каким образом это случилось. Одна мысль о том, что полицейские отыщут у него нос и обвинят его как отрезавшего этот нос[3], приводила в ужас.[4] Уже ему мерещился красный воротник, шпага[5] и он дрожал всем телом. Наконец достал он свое исподнее платье[6]

---

[1] *Далее начато:* Разбойник на [2] а после я его вынесу и выкину. [3] *а.* и почтут его отрезавшим <этот нос> *б.* и обвинят его в отрезании [4] подирала его по коже. [5] длинная шпага [6] *Далее было:* напялил его

и сапоги, натащил на себя всю эту дрянь, сопровождаемый нелегкими увещаниями Парасковьи Осиповны. Завернул нос в тряпку и вышел на улицу. Он хотел его куды-нибудь подсунуть: или в тумбу под воротами, или так как-нибудь нечаянно выронить да и повернуть в переулок, но на беду ему попадался какой-нибудь знакомый человек, который почел за дело спросить его: куды идешь? или[1] поговорить о[2] дороговизне цен. Так что Иван Федорович никак не нашелся подсунуть. Один раз он вздумал было уронить, но бутошник еще издали указал ему алебардою, сказавши:[3] „Подыми, вон ты что-то уронил", и Иван Федорович должен был[4] поднять нос и спрятать в карман.— Отчаяние овладело им, тем более, что народу беспрестанно увеличивалось на улице по мере того как начали отпираться магазины и лавочки. Он решился итти к Исакиевскому мосту: не удастся ли как-нибудь швырнуть ему в Неву.—Но я виноват: давно бы следовало кое-что сказать об Иване Яковлевиче[5], человеке почтенном во многих отношениях. Иван Яковлевич, как всякой порядочный русской человек, был пьяница страшный. И хотя каждый день брил чужие подбородки, но его собственный был у него вечно небрит. Фрак у Ивана Яковлевича (Иван Яковлевич никогда не ходил в сюртуке) был пегой: то-есть он был черный, но весь в коричневых, желтых и серых яблоках[6], на воротнике лоснился и вместо многих пуговиц[7] висели только ниточки. Иван Яковлевич был большой циник: и когда коллежский асессор Ковалев говорил[8] ему во время бритья[9] по обыкновению каждый раз вечером: „У тебя, Иван Яковлевич, вечно[10] воняют руки", то Иван Яковлевич отвечал на это вопросом: „Отчего ж бы им вонять?"—„Не знаю, братец, только воняют", говорил коллежский асессор, и Иван Яковлевич, понюхавши табаку, мылил ему за это

---

[1] *Далее начато: а.* от чего *б.* кого ⟨какой⟩ или собрался [2] *Далее начато:* о последствиях дороговизны [3] *Далее начато:* Вон [4] был в⟨ынужден?⟩ [5] Федоровиче [6] в коричневых яблоках [7] не было ⟨?⟩ пуговиц [8] спрашивал [9] во время бритья *вписано* [10] верно

щеки, и под носом, и за ухом, и под бородою, и везде где только ему была охота.[1] — Этот почтенный гражданин находился уже на Исакиевском мосту. Он прежде всего обсмотрелся, потом нагнулся на перила, будто бы посмотреть ⟨как⟩ течет вода под мост, и швырнул потихоньку тряпку с носом. Он почувствовал как будто бы 10 пуд разом с него свалилось. Иван Яковлевич даже усмехнулся[2] и, вместо того чтобы итти брить чиновные[3] подбородки, он отправился в *заведение* с надписью „Кушанье с чаем" спросить стакан пуншу, как вдруг заметил в конце моста квартального[4] надзирателя благородной наружности с широкими бакенбардами, в треугольной шляпе, со шпагою и заложенным за пуговицу пальцем. — Он обмер. А между тем квартальный кивал ему пальцем и говорил: „А поди сюда, любезный!"

Иван Яковлевич, зная форму, снял еще издали картуз свой и, подошедши довольно поспешно, сказал: „Желаю доброго дня вашему благородию."

„Нет, нет, братец, не благородию, а скажи, что ты там делал на мосту."

„Ей богу, судырь, ходил брить, да посмотрел только шибко ли река идет."

„Врешь. Врешь. Этим не отбояришься.[5] Изволь-ка отвечать всё!"

„Я уж вашей милости[6], как сами изволите назначить два ли раза в неделю или три[7], готов брить без всякого профиту", отвечал Иван ⟨Яковлевич⟩.

„Нет, это пустяки, приятель. Меня три цирюльника бреют, да еще и за большую честь почитают. А вот изволь-ка признаться, что там делал?.."

Иван Яковлевич побледнел... но здесь происшествие скрывается совершенно туманом, и что далее произошло, решительно ничего неизвестно.

---

[1] *Далее было:* Итак Иван Яковлевич был в ужасном затруднении, как бы ему избавиться от носа. [2] усмехнулся от радости [3] служ⟨ебные⟩ [4] полице⟨йского⟩ [5] *Далее начато:* отвечай! А вот [6] *Далее было:* под праздник [7] или когда и три

2.

Коллежский асессор[1] Ковалев проснулся довольно рано и сделал губами: брр..., что всегда он делал, когда просыпался, хотя и сам не мог растолковать[2] по какой причине.[3] Потянувшись, он приказал подать к себе небольшое стоявшее на столе зеркало, чтобы взглянуть наново прыщик, который выскочил вчера вечером на его лбу [когда он очень долго прохаживался по Невскому просп⟨екту⟩]. К величайшему изумлению увидел, что у него вместо носа совершенно гладкое место. Испугавшись, Ковалев велел подать воды и протер полотенцем глаза: — точно, нет носа... — Он начал щупать рукою, ущипнул себя, чтобы узнать, не спит ли он. Кажется, не спит...

Коллежский асессор Ковалев вскочил с кровати, встряхнулся: всё нет носа. Он велел тотчас дать себе одеться и полетел прямо к обер-полицмейстеру.

Но между тем необходимо сказать что-нибудь о Ковалеве, чтобы читатель мог видеть какого рода человек был этот коллежский асессор.[4] Асессоров, которые получают это звание[5] с помощью ученых аттестатов, никак нельзя сравнить с теми коллежскими асессорами, которые получают это звание на Кавказе. Это два совершенно особые рода. Ученые коллежские профессора... Хм... Россия такая чудная земля, что если скажешь что-нибудь об одном коллежском асессоре, то все коллежские асессора от Риги до Камчатки[6] непременно примут на свой счет. То же разумей и о всех званиях и чинах от высших до низших. Ковалев был кавказский коллежский асессор. Он два года еще только состоял в этом звании и потому ни на минуту не мог позабыть его, а чтобы еще более облагородить его он никогда не называл себя просто коллежским асессором, но всегда маиором. „Послушай, голубушка“, говорил он обыкновенно, встретив на улице бабу,

---

[1] Коллежский проф⟨ессор?⟩ [2] хотя совершенно и сам не мог растолковать [3] *Далее было:* Прежде всего, что делал Ковалев, это было [4] *Далее начато: а.* Вообще коллежских *б.* Есть [5] *Далее начато:* обык⟨новенно⟩ [6] *Далее начато:* при⟨мут⟩

продававшую манишки: „ты приходи ко мне на дом, квартира моя в Садовой[1], спроси только[2], здесь живет маиор Ковалев — тебе всякой покажет.“ — Если же встречал нечаянно⟨?⟩ какую-нибудь смазливенькую, то давал ей сверх того секретное приказание и всегда повторял: „Ты спроси, душинька, квартиру маиора Ковалева.“ Потому самому пока будем вперед этого коллежского асессора ⟨называть⟩ маиором.

Маиор Ковалев имел обыкновение каждый почти день[3] прохаживаться по Невскому проспекту. Воротник у него был чрезвычайно накрахмален. Бакенбарды у него были такого рода, какие и теперь еще можно видеть у губернских[4] поветовых землемеров, у архитекторов и, если только они русские люди[5], также у отправляющих разные полицейские обязанности и вообще у всех тех мужей, у которых чрезвычайно полные и румяные щеки и которые хорошо играют в бостон.[6] Эти бакенбарды идут по самой середине щеки и прямехонько доходят до носа. Маиор Ковалев[7] носил большое множество печаток сердоликовых с гербами и таких на которых только было вырезано: середа, четверг, понедельник и проч. Маиор Ковалев приехал в Петербург по надобности, а именно искать приличного своего звания ⟨места⟩. Если удастся[8], то вицгубернатора, а не то экзекутора в каком-нибудь видном департаменте. Маиор Ковалев был непрочь и жениться. Но только в таком случае, когда невеста будет иметь двести тысяч капиталу. — И потому читатель может посудить теперь в полной мере, каково было положение этого маиора[9], когда он увидел вместо довольно недурного, умеренного[10] носа, — преглупое, ровное, гладкое место.

Как на беду его, еще ни один извозчик не выезжал на улицу и он должен был итти пешком, закутавшись в свой плащ

---

[1] *Далее начато:* мож⟨ешь?⟩ [2] только маиора Ковалева [3] каждое во⟨скресенье⟩ [4] губернских *вписано* [5] архитекторов и у полицейских людей [6] которые хорошо играют в бостон *вписано* [7] *Далее начато:* имел кажется [8] Если можно [9] Ковалева [10] довольно порядочного

и закрывши платком ⟨лицо⟩, показывая вид, как будто бы у него шла кровь. „Но авось-либо мне так представилось, не может быть, чтобы нос пропал неизвестно куда“,[1] подумал он и зашел в кондитерскую нарочно, чтобы посмотреть в зеркало.[2] К счастью в кондитерской никого не было; мальчишки мели комнаты и расставляли стулья; некоторые с сонными глазами выносили горячие пирожки; по столам и стульям валялись залитые кофием вчерашние газеты.[3] Он робко подошел к зеркалу и глянул. „Чорт знает что, какая дрянь!“ произнес он, плюнувши. „Хотя бы уже что-нибудь было вместо носа, а то ничего“.

С досадою закусивши губы, вышел он из кондитерской[4] и не решился глядеть ни на кого, что было он всегда делал прежде[5], сопровождая это приятною улыбкою. Вдруг он остановился как вкопанный у дверей одного магазина. Перед магазином остановилась карета и из нее выпрыгнул, согнувшись, господин в мундире. Ковалев с радостью и ужасом узнал, что этот господин был его собственный нос. Он решился дождаться его возврата в карету и стоял как в лихорадке. Через две минуты нос, действительно, вышел из магазина. Он был в модном парике[6] ⟨и⟩ мундире шитом золотом с большим стоящим воротником, на нем были замшевые[7] панталоны, при боку шпага. По шляпе с плюмажем можно было видеть, что он считался в ранге статского советника.[8] Заметно было, что он ехал куда-нибудь с визитом. Он поглядел на обе стороны и закричал кучеру: подавай! — сел и уехал. — Бедный Ковалев чуть не сошел с ума. Он не знал как и подумать об таком странном происшествии.[9] Как же можно, чтобы нос мог ездить и ходить в мундире. Он побежал за каретою, которая к счастию отъехала недалеко и остановилась перед Казан-

---

[1] не может быть ~ куда *вписано* [2] *Далее начато:* Осмотревши позади себя, не глядит ли какой-нибудь мальчишка, он [3] *Далее было:* Слава богу, никого нет, подумал Ковалев и глянул. Теперь можно поглядеть [4] *Далее начато:* Но как только [5] *Далее начато:* очень [6] модном парике *вписано* [7] лосинные [8] *Далее начато:* Он посм⟨отрел⟩ [9] Он не знал ~ происшествии *вписано*

ским собором. Он поспешил в собор, пробрался сквозь ряд нищих старух с завязанными лицами и двумя отверстиями только для глаз[1], над которыми он прежде так[2] смеялся, и вошел в церковь. Молельщиков внутри церкви было немного; они все стояли только при входе[3] в двери. Ковалев чувствовал, что он в таком расстроенном состоянии, что никак не в силах[4] был молиться. Он искал господина носа по всем углам и наконец увидел его стоявшего в стороне. Нос совершенно спрятал лицо свое в большой стоящий воротник и с выражением величайшей набожности молился. „Как подойти к нему?“ думал Ковалев:[5] „Одет как господин и при том еще статский советник. Чорт его знает!“[6] Он начал, стоя около него, покашливать, но нос ни на минуту не оставлял набожного своего положения и отвешивал поклоны. „Милостивый государь!“ сказал Ковалев, стараясь ободрить себя. „Милостивый государь...“[7] — „Что вам угодно?“, отвечал он, оборотившись. „Мне странно, милостивый государь... мне кажется... вы должны знать свое место. И я вас вдруг нахожу... и где же? — в церкви. Согласитесь...“

„Я не могу понять, как вы изволите говорить: объясните́сь“. „Как мне ему объяснить?“ подумал Ковалев и, собравшись с духом, начал: „Конечно я... впрочем я[8]... Мне ходить без носа, согласитесь это не то что какой-нибудь торговке, которая продает на Воскресенском мосту очищенные апельсины,— можно сидеть без него. Но для лица, получив.⟨шего?⟩ губернаторского места, что̀ без сомнения[9] последует... Я не знаю, милостивый государь!“ при этом маиор пожал плечами: „извините...[10] Если на это смотреть сообразно с правилами долга и чести... вы сами можете понять...“

„Ничего решительно“, отвечал нос: „изъяснитесь удовлетворительнее“.

---

[1] оставившими две дыры только для глаз [2] так прежде [3] на проходе [4] не в состоянии ⟨?⟩ [5] *Далее было:* Господин, совершенно господин [6] *Далее начато:* как и ⟨?⟩ [7] *Далее начато:* Мне странно [8] *Далее начато:* ⟨*1 нрзб*⟩ и маиорский чин [9] которое мне без сомнения [10] *Далее начато:* как говорят это

„Милостивый государь!“ сказал Ковалев с чувством достоинства: „Я не знаю, как понимать слова ваши... Здесь всё дело, кажется, совершенно очевидно[1]... или вы не хотите... Ведь вы мой собственный нос...[2]“

Нос посмотрел на маиора и брови[3] его несколько нахмурились. „Вы ошибаетесь, милостивый государь. Я сам по себе. При том между нами не может быть никаких тесных сношений. Судя по пуговицам вашего вицмундира, вы должны служить в сенате[4] или, по крайней мере, по юстиции. Я же по ученой части[5]“. Сказавши это, нос отвернулся и продолжал молиться.

Ковалев совершенно смешался и сконфузился. „Что тут делать?“ подумал он. В это время в стороне послышался приятный шум дамского платья. Вошла пожилая дама довольно широкого размера, вся убранная кружевами, несколько походившая на готическое строение, и с нею тоненькая, в платье очень мило драпировавшемся на ее стройниньких формах, в палевой шляпке, легкой как бисквитное пирожное. За ними остановился и открыл табакерку высокий господин с большими бакенбардами и целой партией воротников.

Ковалев выступил поближе, высунул и поправил батистовый воротник манишки, поправил печатки от часов и, улыбаясь по сторонам, обратил внимание на легинькую дамку, которая как весенний цветочик слегка наклонялась и подносила руку с белинькими прозрачными пальцами ко лбу. Улыбка на лице Ковалева расширилась еще далее, когда он увидел[6] из-под шляпки часть ее подбородка[7] и часть щеки. — Но вдруг он отскочил, как будто бы обжегшись. Он вспомнил, что у него вместо носа совершенно ничего нет. И слезы выдавились из глаз его. Он оборотился, чтобы прямо сказать этому господину, что̀ прикинулся статским советником, что он плут и подлец и что он больше ничего

---

[1] Здесь очевидно [2] Ведь вы [мой], если не ошибаюсь, мой собственный нос... [3] лоб [4] *Далее начато:* Я же [5] служу по ученой части [6] *Далее начато:* часть [7] щеки.

кроме собственный нос. — Но носа не было. Он успел ускакать вероятно опять к кому-нибудь с визитом. — Он вышел из церкви. Время бесподобное. Солнце светит. На Невском народу гибель. Дам так и сыплет целым водопадом.[1] Вон и знакомый ему надворный советник идет, которого он называл подполковником, особливо если это случалось при посторонних. Вон и Ярыжкин, столоначальник в сенате, большой приятель, вечно обремизивавшийся, когда играл в бостон восемь. — Вон и другой маиор, получивший на Кавказе коллежского асессора, махает ему рукой, чтобы шел к нему.

„А, чорт возьми!“ сказал Ковалев. „Ей, извозчик! вези прямо к обер-полицмейстеру“.

Ковалев сел в дрожки и только приказывал извозчику валять[2] во всю ивановскую.

„У себя обер-полицмейстер“, вскричал он, взошедши в сени. „Никак нет“, отвечал швейцар: „только что уехали“.

„Вот тебе раз!“

„Да, уехали“, отвечал швейцар.[3] „А оно и не так давно, но уехал. Только минуточкой бы пришли раньше, то может и застали бы дома“.

Ковалев, не отнимая платка от лица, сел на извозчика и закричал совершенно потерянным голосом: „пошел!“

„Куда?“ сказал извозчик. „Пошел прямо“. — „Да направо или налево?“

„В управу Благочиния, или нет, стой! в Газетную экспедицию“.

В полицию своим порядком, а между тем нужно объявить в газету[4], потому что этот плут может сегодня же как-нибудь улизнуть, — так думал[5] коллежский асессор и кричал извозчику: „Скорей подлец, скорей мошенник, а не то будут вытянуты из тебя на страшном суде все кишки! Пошел разбойник!“ — „Эх, барин“, говорил извоз-

---

[1] *Далее начато: а.* водопадо⟨м⟩ *б.* разноцветны⟨м⟩ водопадом [2] ду⟨ть⟩ [3] *Далее начато:* Минуто⟨чкой⟩ ⟨?⟩ [4] в газетную экспедицию [5] сказал

чик и гнал лошадь. Они остановились и Ковалев, запыхавшись, вбежал в небольшую приемную комнату, где седой чиновник в старом фраке и в очках сидел за столом и[1], взявши в зубы перо, считал принесенные медные деньги.

„Кто здесь принимает объявления?“ закричал Ковалев. „А, здравствуйте!“

„Мое почтение...“ сказал седой господин, поднявши на минуту глаза и опустивши их снова на накладенные горки денег.

„Я желаю припечатать...“—„Позвольте, немножко прошу повременить“, произнес чиновник, ставя цифру и, смотря на бумажку,[2] передвигая пальцем левой руки два очка на счетах. Лакей с галунами и с довольно чистою наружностью, показывавшею его пребывание в аристокр⟨атическом⟩[3] доме, стоял возле стола с запискою[4] в руках и почел приличным показать свою разговорчивость и общежительность. „Поверите ли, сударь, что собачонка не стоит восьми гривен, то-есть я бы за нее не дал 8 копеек.[5] Вечно дрянная под ноги так и лезет.[6] Как-нибудь наступишь ей на лапу — куда? Графиня такой подымет крик, что описать нельзя. И вот тому, кто только отыщет эту паскудную собачонку, 100 рублей![7] Понять нельзя какой вкус нашла в ней графиня. Уж когда охотник, держи лягавую собаку или пуделя, не пожалей 500, тысячу дай, да уж чтобы была хорошая“. Почтенный чиновник слушал это с значительною миною и в то же время занимался считанием[8] принесенных им денег,[9] отделяя 2 рубли 33 копейки за припечатанье объявления. — По сторонам стояло множество старух,[10] купеческих сидельцев, дворников, кучеров с записками. В одной отдавался кучер трезвого поведения, в другой мало подержанная коляска, работанная за Петра,[11]

---

[1] *Далее начато:* счи⟨тал⟩ [2] смотря на бумажку *вписано* [3] богатом [4] с бумажкою [5] *Далее было:* Пусть бы была лягавая или пудель, ну бесспорно бы эту можно держать при себе охотнику, но эта [6] *Далее было:* То-есть не знаю какой вкус нашла в ней графиня. [7] *Далее начато:* которая то-есть и [8] другим делом [9] принесенной им суммы [10] *Далее начато:* сидель⟨цев⟩ [11] *Далее начато:* в кот⟨орой?⟩

у которой не было ни одного винта целого. Там отдавалась здоровая девка 19 лет, упражнявшаяся в прачешном деле, годная и для других работ в доме, у которой уже нескольких зубов недоставало во рту; прочные дрожки без одной ресоры; молодая, горячая, в серых яблоках, лошадь 17 лет от роду. Новые полученные из Лондона семена репы[1] и редис, так называемый индейской редис; отличная дача со всеми[2] угодьями, двумя стоялками для лошадей и местом, на котором можно развести превосходный сад.[3] Там же было извещение о потерянном кошельке с обещанием приличного награждения[4], вызов желающих купить старые подошвы и [благо]волящих[5] явиться к переторжке в таком-то часу. — Комнатка, в которой всё то находилось, была маленькая, закопченная и воздух в ней был так густ, хоть топор повесь, потому что русские мужики имеют удивительное свойство сгущать атмосферу[6], и где соберутся и четыре дворника в красных рубашках и один кучер, там смело можно повесить на воздухе топор. — К счастью коллежский асессор Ковалев не мог ничего этого услышать[7], потому что закрылся платком и потому что самый нос его находился бог знает в каких местах.

„Милостивый государь, позвольте вас попросить... мне очень нужно“.

„Сейчас, сейчас![8] 2 рубли 43 копейки![9] Рубль 60 копеек!“ говорил седовласый господин, бросая в глаза старухам и дворникам записки.

„Вам что угодно?“, наконец сказал он, обратившись к Ковалеву.

„Я особенно прошу...“ сказал Ковалев: „случилось мошенничество или плутовство, я до сих пор не могу никак узнать. Я прошу только припечатать, что тот, кто этого подлеца[10] ко мне представит, получит достаточное вознаграждение“.

---

[1] *Далее начато:* Там отдавалась дача [2] с местом [3] *Далее начато:* Извещение [4] *Далее начато:* о прод⟨аже⟩ [5] *а.* благо⟨волящих⟩ *б.* и гвоздей [6] воздух [7] заметить [8] *Далее начато:* Три [9] *Далее начато:* ⟨*1 нрзб*⟩ копеек [10] мошенника этого

„Гм. Позвольте узнать, как ваша фамилия?“

„Коллежский асессор Ковалев. Впрочем[1] вы можете просто написать: состоящий в маиорском чине“.

„Да что, сбежавший-то был ваш дворовый человек?“

„Какой дворовый человек? Это бы еще было не такое большое мошенничество. Но это нос[2]...“

„Гм. Какая странная фамилия. И на большую сумму этот Носов обокрал вас?“

„Нос, то-есть... Вы не то думаете. Нос, мой собственный нос пропал неизвестно ‹куда›. Сам сатана-дьявол захотел подшутить надо мною. Только этот нос разъезжает теперь господином по городу и дурачит всех. Так я вас прошу объявить, чтобы поймавший представил ко мне мошенника, подлеца, сукина... но я закашлялся и у меня пересохло в горле: я не могу ничего говорить!“

Чиновник задумался, что означали его крепко сжавшиеся губы.

„Нет, я не могу поместить такого объявления в газету“, сказал он наконец после долгого молчания.

„Как, отчего?“

„Так. Газета может потерять репутацию. Если всякой начнет писать, что у него сбежал нос или губы... И так уже говорят, что печатают[3] много несообразностей и ложных слухов“.

„Да когда у меня точно пропал нос“.

„Если пропал, то это дело медика. Говорят, есть такие люди, которые[4] могут приставить какой угодно нос. Но впрочем я замечаю, что ‹вы› должны быть человек веселого нрава и любите пошутить“.

„Клянусь вам, вот как бог свят, если лгу. Хотите ли, я вам покажу?“

„Зачем беспокоиться!“ продолжал чиновник, нюхая табак. „Впрочем, если вам не в беспокойство, то желательно бы взглянуть“, продолжал он с движением любопытства.

---

[1] Впрочем *вписано* [2] Но вот это был мой нос... *Далее было:* И на большую сумму ‹ограбил он?› [3] пишут [4] *Далее начато:* учены в при‹ставлении›

Коллежский асессор отнял платок.

„В самом деле, чрезвычайно странно!“ сказал[1] чиновник. „Совершенно как только что выпеченный блин, место до невероятности ровное“.

„Ну что, и теперь будете говорить! Извольте же сей же час напечатать“.

„Напечатать-то, конечно, дело небольшое, только я не предвижу в этом большой пользы.[2] Если уже хотите, то вы можете дать кому-нибудь описать искусным пером, как редкое произведение натуры и напечатать занимательную статейку в Северной Пчеле...“ чиновник понюхал табак: „для пользы юношества, упражняющегося в науках...“ при этом он утер нос: „или так, для общего любопытства“.

Коллежский асессор был в положении человека совершенно сраженного унынием. Он опустил глаза в лист газеты, где было извещение о спектаклях[3] и уже лицо его готово было улыбнуться, встретивши имя актрисы, хорошинькой собою, и рука взялась за карман пощупать, есть ли синяя ассигнация, потому что штаб-офицеры,[4] по мнению Ковалева, должны сидеть в креслах, но мысль о носе как острый нож вонзилась в его сердце.[5]

Бедный Ковалев в нестерпимой тоске отправился к квартальному надзирателю, чрезвычайному охотнику до сахару. На дому его вся передняя, она же и столовая, была установлена сахарными головами, которые нанесли к нему из дружбы купцы.[6] Кухарка в это время скидала с частного пристава казенные ботфорты; шпага и все военные доспехи уже мирно развесились по углам и[7] грозную трехугольную шляпу уже затрогивал трехлетний сынок его, и он, после боевой, бранной жизни, готовился вкусить удовольствия мира.

Ковалев вошел к нему в то время, когда он потянулся, крякнул и сказал: „Эх, славно засну два часика“. И потому можно было ⟨предвидеть⟩ сначала, что приход коллежского асессора[8] был совершенно не во́-время. И не

---

[1] продол⟨жал⟩ [2] решительно никакой пользы [3] о двух водеви⟨лях⟩ [4] *Далее начато:* должны [5] душу. [6] нанесли к нему купцы. [7] *Далее начато:* этот [8] нового ⟨человека⟩

знаю, хотя бы он даже принес ему в то время несколько фунтов чаю или сукна, он бы не был принят слишком радушно.[1] Частный[2] был большой поощритель всех искусств и мануфактурности, хотя иногда и говорил, что нет почтеннее вещи как государственная ассигнация: „места займет немного, в карман всегда поместится, уронишь — не разобьется.“ Частный принял довольно сухо Ковалева, сказал, что после обеда не такое время, чтобы производить следствие, что сама натура назначила, чтобы человек, наевшись[3], немного отдохнул (из этого[4] видно было, что частный пристав был философ[5]) и что у порядочного человека не оторвут носа и что много есть на свете всяких маиоров, которые не имеют даже и исподнего в приличном состоянии и таскаются по всяким непристойным местам. То-есть, это уже было не в бровь, а прямо в глаз. Нужно знать, что Ковалев был чрезвычайно обидчивый человек. Он мог извинить, что̀ ни говори о нем самом, но никак не извинял, если это касалось к чину и званию. Он полагал, что по театральным пиэсам можно пропускать[6] свободно всё, что относится[7] к обер-офицерам, но на штаб-офицеров никак не должно нападать. Такой прием частного его так сконфузил, что он немножко стряхнул головою и с чувством собственного достоинства сказал, расставив руки: „Признаюсь, после этаких с вашей стороны обидных замечаний... я ничего не могу прибавить...“ и вышел.

Он приехал домой едва слыша в себе[8] душу, а под собою ноги, после всех[9] этих душевных революций. Усталый бросился он в кресла и, отдохнувши немного, сказал: „Боже мой! Боже мой! за что это такое несчастие? Будь я без руки или без ноги—всё бы это лучше. Будь я без обоих ушей даже, всё сноснее, но без носа человек хоть выбрось. Если бы кто-нибудь отрезал или я сам был причиною... но вот штука—пропал сам собою. Ей богу, это невероятно.

---

[1] то [вряд] едва ⟨?⟩ ли бы он был принят хорошо [2] Хотя впрочем частный [3] нагрузив тело [4] Этот [5] большой философ [6] *а.* всё пропускать *б.* нападать [7] что ни относится [8] под собой [9] таких

Может быть я сплю и мне всё это снится". Коллежский асессор пальцем себя щипнул и сам чуть [не] вскрикнул от боли. „Нет, чорт возьми, я не сплю". Он потихоньку приближился к зеркалу и сначала зажмурил глаза, потом вдруг глянул — авось либо есть нос, но в ту же минуту отошел от зеркала, сказавши: „Чорт знает что, какая дрянь!" Действительно, это происшествие было до невозможности ⟨не⟩вероятно, так что его можно было совершенно назвать сновидением, если бы оно не случилось в самом деле и если бы не представлялось[1] множество самых удовлетворительных доказательств.

Он долго передумывал, кто бы здесь был виною, и, наконец, едва ли не остановился на том, что здесь главною причиною должна быть одна вдова, тоже штабофицерша, которая желала, чтобы он женился на ее дочери, за которою он любил приволакивать, но всегда избегал окончательной разделки[2] и, когда вдова объявила ему напрямик[3], что она желает выдать ее за него, он потихоньку отчалил с своими комплиментами, сказавши, что еще молод и[4] что нужно еще прослужить[5] лет пяток, чтобы было ровно 42 года. И потому теперь, по его мнению, вдова хотела ему непременно отмстить и решилась его испортить. И верно наняла[6] баб ворожей или сама, может быть, удружила. Рассуждая таким образом, он услышал в передней[7] голос: „Здесь живет коллежский асессор Ковалев?"

„Войдите, маиор Ковалев здесь!" сказал он, вскочивши со стула и отворяя дверь.

Это был полицейский чиновник благородной наружности, который стоял в конце Исакиевского ⟨моста⟩[8]. „Вы, кажется, изволили затерять нос свой?" — „Так точно". — „Он теперь перехвачен". — „Нет, что вы говорите?" закричал в величайшей радости маиор. „Каким образом?.."

---

[1] не было [2] отд⟨елки⟩ [3] *Далее было:* свое намерение [4] *Далее было:* не может жениться [5] еще нужно прослужить ему [6] подгово⟨рила⟩ [7] *Далее начато:* Не здесь [8] благородной наружности ~ Исакиевского ⟨моста⟩ *вписано*

„Странным случаем его перехватили[1] почти на дороге. Он уже садился в дилижанс и хотел уехать в Ригу. И паспорт уже давно был написан на имя Тамбовского директора училищ. И странно то, что я сам принял его за господина, но к счастью были со мною очки, и я, уже надевши их, увидел, что это был нос. Ведь я близорук и если вы передо мною станете, то я вижу только что лицо, но ни носа, ни бороды — ничего не замечу. Моя теща, т. е. мать жены моей — тоже ничего не видит".

Ковалев был вне себя. „Где же он, где? Я сейчас побежу".

„Не беспокойтесь. Я, зная, что он вам нужен, нарочно принес его ⟨с⟩ собою. И странно то, что главный участник в этом деле есть мошенник цирульник на Вознесенской улице, который сидит теперь на съезжей. Я давно, впрочем, подозревал его в пьянстве и воровстве, и еще третьего дня стащил он[2] в Гостином полдюжины жилетных пуговиц. Нос ваш совершенно таков, как был[3]." При этом квартальный полез в боковой карман и вытащил оттуда завернутый в бумажке нос.

„Так, он!" закричал Ковалев в радости: „Точно он! такой же самой пипочкой! ⟨?⟩. Откушайте сегодня со мною чашечку чаю".

„С большою приятностью желал бы, но не могу: занят. Очень большая теперь поднялась дороговизна на все припасы. У меня в доме живет и теща, т. е. мать моей жены, и дети; старший особенно подает большие надежды, умный мальчишка,[4] но средств к воспитанию совершенно нет никаких".

Ковалев догадался и, схватив со стола красную ассигнацию, сунул в руки надзирателю, который расшаркавшись вышел[5] за дверь, и в ту же [почти минуту] Ковалев слышал[6] уже голос его на улице, где он увещевал по зубам одного глупого мужика, наехавшего с своею телегою как раз на бульвар.[7]

---

[1] *Далее начато:* мы на дороге [2] украл он [3] Нос ~ как был *вписано* [4] умный мальчишка *вписано* [5] ушел [6] услышал [7] наехавшего с своею телегою на перилы, ограждающие бульварные липы

Коллежский асессор, наконец, пришел в себя,[1] потому что радость повергнула почти в беспамятство... „Ну, теперь, слава богу, что есть нос. А ну, приложим его". Сказавши это, он начал ставить[2] его на свое место, но к удивлению заметил, что нос никак не приклеивался. „Ну же! ну! полезай дурак!" говорил он ему; но нос был совершенно глуп и падал прямо на стол, как только он отнимал руку.

Лицо маиора слезливо искривилось. „Неужели он не пристанет?" сказал он в испуге. Но нос действительно отпадал.

„Ах, боже мой! да ведь каким же ⟨образом⟩ он может пристать? Я и позабыл о том, что уж если что̀ отрезано, то нельзя приставить".

И бедный Ковалев вдруг из величайшей радости повергнулся в самую глубокую горесть.

Между тем слух об этом необыкновенном происшествии распространился по всей столице. И как всегда водится, не без особенных прибавлений.[3] Тогда умы всех именно настроены были к чрезвычайному. Недавно, только что занимали[4] весь город опыты действия магнетизма.[5] Притом история о танцующих стульях в Конюшенной была свежа и потому нечего удивляться,[6] что скоро начали говорить, что нос коллежского асессора Ковалева ровно в 3 часа каждый день прогуливается по Невскому проспекту. Любопытных стекалось каждый день множество. — Этому происшествию были чрезвычайно рады все светские и[7] необходимые посетители раутов, любившие смешить дам,[8] которых запас уже совершенно истощился. Но многие слушали об этом с неудовольствием, и один господин со звездою с негодованием говорил, что он удивляется, как в нынешний просвещенный век могут распространяться такие слухи и нелепые выдумки, и что он еще более удивляется как не обратит на это внимание правительство. Этот господин был один из числа тех людей, которые бы

---

[1] *Далее начато:* от и⟨зумления?⟩ [2] при⟨ставлять⟩ [3] с величайшими прибавлениями. [4] только что прежде занимали [5] опыты маг⟨нетизма⟩ [6] и оттого немудрено [7] *Далее начато:* любозн⟨ательные⟩ [8] любившие смешить дам *вписано*

желали впутать[1] правительство во всё и даже в их домашние ссоры с своею супругою. Обо всех этих слухах бедный коллежский асессор, сам не зная каким образом узнавал, не выходя почти из своей комнаты... Он не велел никого впускать к себе; не появлялся никуда, даже в театре,[2] какой бы ни игрался там водевиль; не играл даже в бостон;[3] не видал даже Ярышкина, с которым был большой приятель, и в продолжении месяца так исхудал и иссох, что был похож больше на мертвеца, нежели на человека и даже... Впрочем всё это,[4] что ни описано здесь, виделось маиору во сне. И когда он проснулся, то в такую пришел радость, что вскочил с кровати, подбежал к зеркалу и, увидевши всё на своих местах, бросился плясать в одной рубашке по всей комнате [танец], составленный[5] из кадрили и мазурки вместе. И когда лакей его Иван просунул голову в двери посмотреть, что делает барин, он закричал ему: „Пошел! Что тут нашел дивного?“ Через минуту он оделся и, севши на кровать, закричал: „Ей, Иван!“ — „Чего изволите-с?“ — „Что, не спрашивала ли[6] маиора Ковалева одна девчонка, такая хорошенькая собою?“ — „Никак нет“. — „Гм!“, сказал маиор Ковалев и посмотрел, улыбаясь, в зеркало.

III.

ЭПИЛОГ В „СОВРЕМЕННИКЕ“

После этого, как-то странно и совершенно неизъяснимым образом случилось, что у маиора Ковалева опять показался на своем месте нос. Это случилось уже в начале мая, не помню 5 или 6 числа. Маиор Ковалев, проснувшись по утру, взял зеркало и увидел, что нос сидел уже где следует, между двумя щеками. В изумлении он выронил зеркало на пол, и всё щупал пальцами, действительно ли это был нос. Но уверившись, что это был точно не кто

---

[1] чтобы [2] *Далее начато:* хоть часто [3] ни в бостон [4] *Далее начато:* виде⟨лось⟩ [5] танец, который ⟨состоял?⟩ [6] *Далее начато:* одна

другой, как он самый, он соскочил с кровати в одной рубашке и начал плясать по всей комнате какой-то танец, составленный из мазурки, кадриля и тропака. — Потом приказал дать себе одеться, умылся, выбрил бороду, которая уже отросла было, так что могла вместо щетки чистить платье, — и чрез несколько минут видели уже коллежского асессора на Невском проспекте, весело поглядывавшего на всех; а многие даже приметили его покупавшего в Гостином дворе узенькую орденскую ленточку, неизвестно для каких причин, потому что у него не было никакого ордена.

Чрезвычайно странная история! Я совершенно ничего не могу понять в ней. И для чего всё это? К чему это? Я уверен, что больше половины в ней неправдоподобного. Не может быть, никаким образом не может быть, чтобы нос один сам собою ездил в мундире и притом еще в ранге статского советника! И неужели в самом деле Ковалев не мог смекнуть, что чрез газетную экспедицию нельзя объявлять о носе? Я здесь не в том смысле говорю, что бы мне казалось дорого заплатить за объявление: это пустяки, и я совсем не из числа корыстолюбивых людей; но неприлично, совсем неприлично, нейдет. Несообразность и больше ничего! — И цирюльник Иван Яковлевич вдруг явился и пропал, неизвестно к чему, неизвестно для чего. — Я, признаюсь, не могу постичь, как я мог написать это? — Да и для меня вообще непонятно, как могут авторы брать такого рода сюжеты! К чему всё это ведет? Для какой цели? Что доказывает эта повесть? Не понимаю, совершенно не понимаю. — Положим, для фантазии закон не писан, и притом действительно случается в свете много совершенно неизъяснимых происшествий; но как здесь?.. Отчего нос Ковалева?.. И зачем сам Ковалев?.. Нет, не понимаю, совсем не понимаю. Для меня это так неизъяснимо, что я... Нет, этого нельзя понять!

ПОРТРЕТ.

(Повесть)

РЕДАКЦИЯ „АРАБЕСОК“

§ I.

Нигде столько не останавливалось народа, как перед картинною лавочкою на Щукином дворе. Эта лавочка представляла, точно, самое разнородное собрание диковинок; картины большею частью были писаны масляными красками, покрыты темнозеленым лаком, в темножелтых мишурных рамах. Зима с белыми деревьями, совершенно красный вечер, похожий на зарево пожара, фламандский мужик с трубкою и выломанною рукою, похожий более на индейского петуха в манжетах, нежели на человека, — вот обыкновенные их сюжеты. К этому нужно присовокупить несколько гравированных изображений: портрет Хозрева-Мирзы в бараньей шапке, портреты каких-то генералов в треугольных шляпах с кривыми носами. Двери такой лавочки обыкновенно бывают увешаны связками тех картин, которые свидетельствуют самородное дарование русского человека. На одной из них была царевна Миликтриса Кирбитьевна, на другой город Иерусалим, по домам и церквам которого без церемонии прокатилась красная краска, захватившая часть земли и двух молящихся русских мужиков в рукавицах. Покупателей этих произведений обыкновенно немного, но зато зрителей

куча. Какой-нибудь забулдыга лакей уже, верно, зевает перед ними, держа в руке судки с обедом из трактира для своего барина, который, без сомнения, будет хлебать суп не слишком горячий. Перед ними, верно, уже стоит солдат, этот кавалер толкучего рынка, продающий два перочинные ножика; торговка из Охты с коробкою, наполненною башмаками. Всякой восхищается по-своему: мужики обыкновенно тыкают пальцами; кавалеры рассматривают сурьезно; лакеи-мальчишки и мальчишки-мастеровые смеются и дразнят друг друга нарисованными карикатурами; старые лакеи в фризовых шинелях смотрят потому только, чтобы где-нибудь позевать; а торговки, молодые русские бабы, спешат по инстинкту, чтобы послушать, о чём калякает народ и посмотреть, на что он смотрит. В это время невольно остановился перед лавкою проходивший мимо молодой художник Чертков. Старая шинель и нещегольское платье показывали в нем того человека, который с самоотвержением предан был своему труду и не имел времени заботиться о своем наряде, всегда имеющем таинственную привлекательность для молодежи. Он остановился перед лавкою и сперва внутренно смеялся над этими уродливыми картинами; наконец, невольно овладело им размышление: он стал думать о том, кому бы нужны были эти произведения. Что русской народ заглядывается на *Ерусланов Лазаричей,* на *объедал* и *обпивал,* на *Фому* и *Ерему* — это ему не казалось удивительным: изображенные предметы были очень доступны и понятны народу; но где покупатели этих пёстрых, грязных, масляных малеваний? кому нужны эти фламандские мужики, эти красные и голубые пейзажи, которые показывают какое-то притязание на несколько уже высший шаг искусства, но в которых выразилось всё глубокое его унижение? Если бы это были труды ребенка, покоряющегося одному невольному желанию, если бы они совсем не имели никакой правильности, не сохраняли даже первых условий механического рисования, если бы в них было всё в карикатурном виде, но в этом

карикатурном виде просвечивалось бы хотя какое-нибудь старание, какой-нибудь порыв произвести подобное природе, — но ничего этого нельзя было отыскать в них. Какое-то тупоумие старости, какая-то бессмысленная охота, или, лучше сказать, неволя, водила рукою их творцов. Кто трудился над ними? И трудился, без сомнения, один и тот же, потому что те же краски, та же манера, та же набившаяся, приобыкшая рука, принадлежавшая скорее грубо сделанному автомату, нежели человеку. Он всё так же стоял перед этими грязными картинами и глядел на них, но уже совершенно не глядя, между тем как содержатель этого живописного магазина, серенькой человек, лет пятидесяти, во фризовой шинели, с давно небритым подбородком, рассказывал ему, что „картины *самый первый сорт* и только что получены с биржи, еще и лак не высох и в рамки не вставлены. *Смотрите сами, честью уверяю, что останетесь довольны.*“ Все эти заманчивые речи летели мимо ушей Черткова. Наконец, чтобы немного ободрить хозяина, он поднял с полу несколько запылившихся картин. Это были старые фамильные портреты, которых потомки вряд ли бы отыскались. Почти машинально начал он с одного из них стирать пыль. Легкая краска вспыхнула на лице его, краска, которая означает тайное удовольствие при чем-нибудь неожиданном. Он стал нетерпеливо тереть рукою и скоро увидел портрет, на котором ясно была видна мастерская кисть, хотя краски казались несколько мутными и почерневшими. Это был старик с каким-то беспокойным и даже злобным выражением лица; в устах его была улыбка, резкая, язвительная и вместе какой-то страх; румянец болезни был тонко разлит по лицу, исковерканному морщинами; глаза его были велики, черны, тусклы; но вместе с этим в них была заметна какая-то странная живость. Казалось, этот портрет изображал какого-нибудь скрягу, проведшего жизнь над сундуком, или одного из тех несчастных, которых всю жизнь мучит счастие других. Лицо вообще сохраняло яркий отпечаток южной физиогномии. Смуглота,

черные, как смоль волосы, с пробившеюся проседью — всё это не попадается у жителей северных губерний. Во всём портрете была видна какая-то неокончательность; но если бы он приведен был в совершенное исполнение, то знаток потерял бы голову в догадках, каким образом совершеннейшее творение Вандика очутилось в России и зашло в лавочку на Щукин двор. С биющимся сердцем, молодой художник, отложивши его в сторону, начал перебирать другие, не найдется ли еще чего подобного, но всё прочее составляло совершенно другой мир и показывало только, что этот гость глупым счастьем попал между них. Наконец, Чертков спросил о цене. Пронырливый купец, заметив по его вниманию, что портрет чего-нибудь стоит, почесал за ухом и сказал: „Да что, ведь десять рублей будет за него маловато.“ Чертков протянул руку в карман.

„Я даю одиннадцать!“ раздалось позади его.

Он оборотился и увидел, что народу собралась куча и что один господин в плаще долго, подобно ему, стоял перед картиною. Сердце у него сильно забилось и губы тихо задрожали, как у человека, который чувствует, что у него хотят отнять предмет его исканий. Осмотревши внимательно нового покупщика, он несколько утешился, заметив на нем костюм, нимало не уступавший его собственному, и произнес дрожащим голосом: „я дам тебе двенадцать рублей, картина моя“.

„Хозяин! картина за мною, вот тебе пятнадцать рублей!“ произнес покупщик.

Лицо Черткова судорожно вздрогнуло, дух захватился и он невольно выговорил: „двадцать рублей“.

Купец потирал руки от удовольствия, видя, что покупщики сами торгуются в его пользу. Народ гуще обступил покупающих, услышав носом, что обыкновенная продажа превратилась в аукцион, всегда имеющий сильный интерес даже для посторонних. Цену наконец набили до пятидесяти рублей. Почти отчаянно закричал Чертков: пятьдесят, вспомнивши, что у него вся сумма в 50 рублях, из которых

он должен, хотя часть, заплатить за квартиру и, кроме того, купить красок и еще кое-каких необходимых вещей. Противник в это время отступился, сумма, казалось, превосходила также его состояние, и картина осталась за Чертковым. Вынувши из кармана ассигнацию, он бросил ее в лицо купцу и ухватился с жадностью за картину, но вдруг отскочил от нее, пораженный страхом. Темные глаза нарисованного старика глядели так живо и вместе мертвенно, что нельзя было не ощутить испуга. Казалось, в них неизъяснимо странною силою удержана была часть жизни. Это были не нарисованные, это были живые, это были человеческие глаза. Они были неподвижны, но, верно, не были бы так ужасны, если бы двигались. Какое-то дикое чувство, не страх, но то неизъяснимое ощущение, которое мы чувствуем при появлении странности, представляющей беспорядок природы, или, лучше сказать, какое-то сумасшествие природы, — это самое чувство заставило вскрикнуть почти всех. С трепетом провел Чертков рукою по полотну, но полотно было гладко. Действие, произведенное портретом, было всеобщее: народ с каким-то ужасом отхлынул от лавки; покупщик, вошедший с ним в соперничество, боязливо удалился. Сумерки в это время сгустились, казалось, для того, чтобы сделать еще более ужасным это непостижимое явление. Чертков не в силах был оставаться более. Не смея и думать о том, чтобы взять его с собою, он выбежал на улицу. Свежий воздух, гром мостовой, говор народа, казалось, на минуту освежил его, но душа была всё еще сжата каким-то тягостным чувством. Сколько ни обращал он глаз по сторонам на окружающие предметы, но мысли его были заняты одним необыкновенным явлением. „Что это?“ думал он сам про себя: „искусство, или сверхъестественное какое волшебство, выглянувшее мимо законов природы? Какая странная, какая непостижимая задача! или для человека есть такая черта, до которой доводит высшее познание, и чрез которую шагнув, он уже похищает несоздаваемое трудом человека, он вырывает что-то живое из жизни, одушевляющей оригинал.

Отчего же этот переход за черту, положенную границею для воображения, так ужасен? или за воображением, за порывом, следует наконец действительность, та ужасная действительность, на которую соскакивает воображение с своей оси каким-то посторонним толчком, та ужасная действительность, которая представляется жаждущему ее тогда, когда он, желая постигнуть прекрасного человека, вооружается анатомическим ножом, раскрывает его внутренность и видит отвратительного человека. Непостижимо! такая изумительная, такая ужасная живость! или чересчур близкое подражание природе так же приторно, как блюдо, имеющее чересчур сладкий вкус?" С такими мыслями вошел он в свою маленькую комнатку в небольшом деревянном доме на Васильевском Острове в 15 линии, в которой лежали разбросанные во всех углах ученические его начатки, копии с антиков, тщательные, точные, показывавшие в художнике старание постигнуть фундаментальные законы и внутренний размер природы. Долго рассматривал он их, и, наконец, мысли его потянулись одна за другою и стали выражаться почти словами, — так живо чувствовал он то, о чем размышлял!

„И вот год, как я тружусь над этим сухим, скелетным трудом! Стараюсь всеми силами узнать то, что так чудно дается великим творцам и кажется плодом минутного быстрого вдохновения. Только тронут они кистью, и уже является у них человек вольный, свободный, таков, каким он создан природою; движения его живы, непринужденны. Им это дано вдруг, а мне должно трудиться всю жизнь; всю жизнь исследовать скучные начала и стихии, всю жизнь отдать бесцветной не отвечающей на чувства работе. Вот мои маранья! Они верны, схожи с оригиналами; но захоти я произвесть свое — и у меня выйдет совсем не то: нога не станет так верно и непринужденно; рука не подымется так легко и свободно; поворот головы у меня вовеки не будет так естествен, как у них, а мысль, а те невыразимые явления... Нет, я не буду никогда великим художником!"

Размышления его прерваны были вошедшим его камердинером, парнем лет осьмнадцати в русской рубашке, с розовым лицом и рыжими волосами. Он без церемонии начал стягивать с Черткова сапоги, который был погружен в свои размышления. Этот парень, в красной рубашке, был его лакей, натурщик, чистил ему сапоги, зевал в маленькой его передней, тер краски и пачкал грязными ногами его пол. Взявши сапоги, он бросил ему халат и выходил уже из комнаты, как вдруг оборотил голову назад и произнес громко: „барин, свечу зажигать, или нет?“ „Зажги“, отвечал рассеянно Чертков. „Да еще хозяин приходил“, примолвил кстати грязный камердинер, следуя похвальному обычаю всех людей его звания упоминать в P. S. о том, что поважнее: „хозяин приходил и сказал, что если не заплатите денег, то вышвырнет все ваши картины за окошко вместе с кроватью.“

„Скажи хозяину, чтобы не беспокоился о деньгах“, отвечал Чертков, „я достал деньги“. При этом он обратился к карману фрака, но вдруг вспомнил, что все деньги свои оставил за портрет у лавочника. Мысленно начал он укорять себя в безрассудности, что выбежал без всякой причины из лавки, испугавшись ничтожного случая и не взял с собою ни денег, ни портрета. Завтра же решился он итти к купцу и взять деньги, почитая себя совершенно вправе отказаться от такой покупки, тем более, что его домашние обстоятельства не позволяли сделать никакой лишней издержки.

Свет луны ярким, белым окном ложился на его пол, захватывая часть кровати и оканчиваясь на стене. Все предметы и картины, висевшие в его комнате, как-то улыбались, захвативши иногда краями своими часть этого вечно-прекрасного сияния. В эту минуту как-то нечаянно он взглянул на стену и увидел на ней тот же самый странный портрет, так поразивший его в лавке. Легкая дрожь невольно пробежала по его телу. Первым делом его было позвать своего камердинера и натурщика и расспросить, каким образом и кто принес к нему портрет; но камерди-

нер-натурщик клялся, что никто не приходил, выключая хозяина, который был еще поутру и, кроме ключа, ничего не имел в своих руках. Чертков чувствовал, что волосы его зашевелились на голове. Севши возле окна, он силился себя уверить, что здесь не могло ничего быть сверхъестественного, что мальчик его мог в это время заснуть, что хозяин портрета мог его прислать, узнавши каким-нибудь особенным случаем его квартиру... Короче, он начал приводить все те плоские изъяснения, которые мы употребляем, когда хотим, чтобы случившееся случилось непременно так, как мы думаем. Он положил себе не смотреть на портрет, но голова его невольно к нему обращалась и взгляд, казалось, прикипал к странному изображению. Неподвижный взгляд старика был нестерпим; глаза совершенно светились, вбирая в себя лунный свет, и живость их до такой степени была страшна, что Чертков невольно закрыл свои глаза рукою. Казалось, слеза дрожала на ресницах старика; светлые сумерки, в которые владычица-луна превратила ночь, увеличивали действие; полотно пропадало и страшное лицо старика выдвинулось и глядело из рам, как будто из окошка.

Приписывая это сверхъестественное действие луне, чудесный свет которой имеет в себе тайное свойство придавать предметам часть звуков и красок другого мира, он приказал подать скорее свечу, около которой копался его лакей; но выражение портрета ничуть не уменьшилось: лунный свет, слившись с сиянием свечи, придал ему еще более непостижимой и вместе странной живости. Схвативши простыню, он начал закрывать портрет; свернул ее втрое, чтобы он не мог сквозь нее просвечивать, но при всем том, или это было следствие сильно потревоженного воображения, или собственные глаза его, утомленные сильным напряжением, получили какую-то беглую, движущуюся сноровку, только ему долго казалось, что взор старика сверкал сквозь полотно. Наконец, он решился погасить свечу и лечь в постель, которая была заставлена ширмами, скрывавшими от него портрет. Напрасно ожидал он сна:

мысли самые неутешительные прогоняли то спокойное состояние, которое ведет за собою сон. Тоска, досада, хозяин, требующий денег, недоконченные картины — создания бессильных порывов, бедность — всё это двигалось перед ним и сменялось одно другим. И, когда на минуту удавалось ему прогнать их, то чудный портрет властительно втеснялся в его воображение и, казалось, сквозь щелку в ширмах сверкали его убийственные глаза. Никогда не чувствовал он на душе своей такого тяжелого гнета. Свет луны, который содержит в себе столько музыки, когда вторгается в одинокую спальню поэта и проносит младенчески-очаровательные полусны над его изголовьем, этот свет луны не наводил на него музыкальных мечтаний; его мечтания были болезненны. Наконец впал он не в сон, но в какое-то полузабвение, в то тягостное состояние, когда одним глазом видим приступающие грёзы сновидений, а другим — в неясном облаке окружающие предметы. Он видел, как поверхность старика отделялась и сходила с портрета, так же, как снимается с кипящей жидкости верхняя пена, подымалась на воздух и неслась к нему ближе и ближе, наконец приближалась к самой его кровати. Чертков чувствовал занимавшееся дыхание, силился приподняться, — но руки его были неподвижны. Глаза старика мутно горели и вперились в него всею магнитною своею силою.

„Не бойся“, говорил странный старик, и Чертков заметил у него на губах улыбку, которая, казалось, жалила его своим осклаблением и яркою живостью осветила тусклые морщины его лица. „Не бойся меня“, говорило странное явление: „мы с тобою никогда не разлучимся. Ты задумал весьма глупое дело: что тебе за охота целые веки корпеть за азбукою, когда ты давно можешь читать по верхам? Ты думаешь, что долгими усилиями можно постигнуть искусство, что ты выиграешь и получишь что-нибудь? Да, ты получишь“, — при этом лицо его странно исковеркалось и какой-то неподвижный смех выразился на всех его морщинах: — „ты получишь завидное право кинуться с Исакиевского моста в Неву, или, завязавши шею

платком, повеситься на первом попавшемся гвозде; а труды твои, первый маляр, накупивши их на рубль, замажет грунтом, чтобы нарисовать на нем какую-нибудь красную рожу. Брось свою глупую мысль! Всё делается в свете для пользы. Бери же скорее кисть и рисуй портреты со всего города! бери всё, что ни закажут; но не влюбляйся в свою работу, не сиди над нею дни и ночи; время летит скоро и жизнь не останавливается. Чем более смастеришь ты в день своих картин, тем больше в кармане будет у тебя денег и славы. Брось этот чердак и найми богатую квартиру. Я тебя люблю и потому даю тебе такие советы; я тебе и денег дам, только приходи ко мне". При этом старик опять выразил на лице своем тот же неподвижный, страшный смех.

Непостижимая дрожь проняла Черткова и выступила холодным потом на его лице. Собравши все свои усилия, он приподнял руку и, наконец, привстал с кровати. Но образ старика сделался тусклым, и он только заметил, как он ушел в свои рамы. Чертков встал с беспокойством и начал ходить по комнате. Чтобы немного освежить себя, он приближился к окну. Лунное сияние лежало всё еще на крышах и белых стенах домов, хотя небольшие тучи стали чаще переходить по небу. Всё было тихо; изредка долетало до слуха отдаленное дребезжание дрожек извозчика, который где-нибудь в невидном переулке спал, убаюкиваемый своею ленивою клячею, поджидая запоздалого седока. Чертков уверился, наконец, что воображение его слишком расстроено и представило ему во сне творение его же возмущенных мыслей. Он подошел еще раз к портрету: простыня его совершенно скрывала от взоров и, казалось, только маленькая искра сквозила изредка сквозь неё. Наконец, он заснул и проспал до самого утра.

Проснувшись, он долго чувствовал в себе то неприятное состояние, которое овладевает человеком после угара: голова его неприятно болела. В комнате было тускло, неприятная мокрота сеялась в воздухе и проходила сквозь щели его окон, заставленных картинами или натянутым

грунтом. Скоро у дверей раздался стук и вошел хозяин с квартальным надзирателем, которого появление для людей мелких также неприятно, как для богатых умильное лицо просителя. Хозяин небольшого дома, в котором жил Чертков, был одно из тех творений, какими обыкновенно бывают владетели домов в пятнадцатой линии Васильевского Острова, на Петербургской Стороне, или в отдаленном углу Коломны; творение, каких очень много на Руси и которых характер так же трудно определить, как цвет изношенного сюртука. В молодости своей он был и капитан, и крикун, употреблялся и по штатским делам, мастер был хорошо высечь, был и расторопен, и щеголь, и глуп, но в старости своей он слил в себе все эти резкие особенности в какую-то тусклую неопределенность. Он был уже вдов, был уже в отставке; уже не щеголял, не хвастал, не задирался; любил только пить чай и болтать за ним всякой вздор; ходил по своей комнате, поправлял сальный огарок, аккуратно по истечении каждого месяца наведывался к своим жильцам за деньгами; выходил на улицу с ключем в руке, для того, чтобы посмотреть на крышу своего дома; выгонял несколько раз дворника из его конуры, куда он запрятывался спать, — одним словом, был человек в отставке, которому, после всей забубенной жизни и тряски на перекладной, остаются одни пошлые привычки.

„Извольте сами глядеть“, сказал хозяин, обращаясь к квартальному и расставляя руки: „извольте распорядиться и объявить ему“.

„Я должен вам объявить“, сказал квартальный надзиратель, заложивши руку за петлю своего мундира: „что вы должны непременно заплатить должные вами уже за три месяца квартирные деньги“.

„Я бы рад заплатить, но что же делать, когда нечем“, сказал хладнокровно Чертков.

„В таком случае, хозяин должен взять себе вашу движимость, равностоящую сумме квартирных денег, а вам должно немедленно сегодни же выехать“.

„Берите всё, что хотите“, отвечал почти бесчувственно Чертков.

„Картины многие не без искусства сделаны“, продолжал квартальный, перебирая из них некоторые. „Жаль только, что не кончены и краски-то не так живы... Верно, недостаток в деньгах не позволял вам купить их? А это что за картина, завернутая в холстину?“ При этом квартальный, без церемонии подошедши к картине, сдернул с нее простыню, потому, что эти господа всегда позволяют себе маленькую вольность там, где видят совершенную беззащитность или бедность. Портрет, казалось, изумил его, потому что необыкновенная живость глаз производила на всех равное действие. Рассматривая картину, он несколько крепко сжал её рамы, и так как руки у полицейских служителей всегда несколько отзываются топорной работою, то рамка вдруг лопнула; небольшая дощечка упала на пол вместе с брякнувшим на землю свертком золота и несколько блестящих кружков покатилось во все стороны. Чертков с жадностью бросился подбирать и вырвал из полицейских рук несколько поднятых им червонцев.

„Как же вы говорите, что не имеете чем заплатить“, заметил квартальный, приятно улыбаясь: „а между тем у вас столько золотой монеты.“

„Эти деньги для меня священны!“ вскричал Чертков, опасаясь искусных рук полицейского. „Я должен их хранить, они вверены мне покойным отцом. Впрочем, чтоб вас удовлетворить, вот вам за квартиру!“ При этом он бросил несколько червонцев хозяину дома.

Физиогномия и приёмы в одну минуту изменились у хозяина и достойного блюстителя за нравами пьяных извозчиков.

Полицейский стал извиняться и уверять, что он только исполнял предписанную форму, а впрочем никак не имел права его принудить, а чтобы более в этом уверить Черткова, он предложил ему приз табаку. Хозяин дома уверял, что он только пошутил, и уверял с такою божбою и бессовестностию, с какою обыкновенно уверяет купец в Гостином дворе.

Но Чертков выбежал вон и не решился более оставаться на прежней квартире. Он не имел даже времени подумать о странности этого происшествия. Осмотревши сверток, он увидел в нем более сотни червонцев. Первым делом его было нанять щегольскую квартиру. Квартира, попавшаяся ему, была как нарочно для него приготовлена: четыре в ряд высокие комнаты, большие окна, все выгоды и удобства для художника! Лежа на турецком диване и глядя в цельные окна на растущие и мелькающие волны народа, он был погружен в какое-то самодовольное забвение и дивился сам своей судьбе, еще вчера пресмыкавшейся с ним на чердаке. Недоконченные и оконченные картины развесились по стройным колоссальным стенам; между ними висел таинственный портрет, который достался ему таким единственным образом. Он опять стал думать о причине необыкновенной живости его глаз. Мысли его обратились к видимому им полусновидению, наконец к чудному кладу, скрывавшемуся в его рамках. Всё привело его к тому, что какая-нибудь история соединена с существованием портрета и что даже, может быть, его собственное бытие связано с этим портретом. Он вскочил с своего дивана и начал его внимательно рассматривать: в раме находился ящик, прикрытый тоненькой дощечкой, но так искусно заделанной и заглаженной с поверхностью, что никто бы не мог узнать о его существовании, если бы тяжелый палец квартального не продавил дощечки. Он поставил его на место и еще раз на него посмотрел. Живость глаз уже не казалась ему так страшною среди яркого света, наполнявшего его комнату сквозь огромные окна, и многолюдного шума улицы, громившего его слух, но она заключала в себе что-то неприятное, так что он постарался скорее от него отворотиться. В это время зазвенел звонок у дверей и вошла к нему почтенная дама пожилых лет, с талией в рюмочку, в сопровождении молоденькой, лет осьмнадцати; лакей в богатой ливрее отворил им дверь и остановился в передней.

„Я к вам с просьбою“, произнесла дама ласковым тоном,

с каким обыкновенно они говорят с художниками, французскими парикмахерами и прочими людьми, рожденными для удовольствия других. „Я слышала о ваших дарованиях...“ (Чертков удивился такой скорой своей славе). „Мне хочется, чтобы вы сняли портрет с моей дочери.“ При этом бледное личико дочери обратилось к художнику, который, если бы был знаток сердца, то вдруг бы прочел на нем немноготомную историю ее: ребяческая страсть к балам, тоска и скука продолжительного времени до обеда и после обеда, желание побегать в платье последней моды на многолюдном гуляньи, нетерпеливость увидеть свою приятельницу для того, чтобы ей сказать: ах, милая, как я скучала, или объявить, какую мадам Сихлер сделала уборку к платью княгини Б... Вот всё, что выражало лицо молодой посетительницы, бледное, почти без выражения, с оттенкою какой-то болезненной желтизны.

„Я бы желала, чтобы вы теперь же принялись за работу“, продолжала дама: „мы можем вам дать час“. Чертков бросился к краскам и кистям, взял уже готовый натянутый грунт и устроился как следует.

„Я вас должна несколько предуведомить“, говорила дама: „насчет моей Анет, и этим облегчить несколько ваш труд. В глазах ее и даже во всех чертах лица всегда была заметна томность; моя Анет очень чувствительна, и, признаюсь, я никогда не даю ей читать новых романов!“ Художник смотрел в оба и не заметил никакой томности. „Мне бы хотелось, чтобы вы изобразили ее просто в семейном кругу, или еще лучше одну на чистом воздухе в зеленой тени, чтобы ничто не показывало, будто она едет на бал. Наши балы, должно признаться, так скучны и так убивают душу, что, право, я не понимаю удовольствия бывать на них.“ Но на лице дочери и даже самой почтенной дамы было написано резкими чертами, что они не пропускали ни одного бала.

Чертков был минуту в размышлении, как согласить эти небольшие противуположности, наконец решился избрать благоразумную средину. При том его прельщало желание

победить трудности и восторжествовать искусством, согласив двусмысленное выражение портрета. Кисть бросила на полотно первый туман, художнический хаос; из него начали делиться и выходить медленно образующиеся черты. Он приник весь к своему оригиналу и уже начал уловлять те неуловимые черты, которые самому бесцветному оригиналу придают в правдивой копии какой-то характер, составляющий высокое торжество истины. Какой-то сладкий трепет начал им одолевать, когда он чувствовал, что наконец подметил и может быть выразит то, что очень редко удается выражать. Это наслаждение, неизъяснимое и прогрессивно возвышающееся, известно только таланту. Под кистью его лицо портрета как будто невольно приобретало тот колорит, который был для него самого внезапным открытием; но оригинал начал так сильно вертеться и зевать перед ним, что художнику еще неопытному трудно было ловить урывками и мгновеньями постоянное его выражение.

„Мне кажется, на первый раз довольно“, произнесла почтенная дама.

Боже, как это ужасно! А душа и силы разохотились и хотели разгуляться. Повесивши голову и бросивши палитру, стоял он перед своею картиною.

„Мне, однакож, сказали, что вы в два сеанса оканчиваете совершенно портрет“, произнесла дама, подходя к картине: „а у вас до сих пор еще только почти один абрис. Мы приедем к вам завтра в это же время.“

Молчаливо выпроводил своих гостей художник и остался в неприятном размышлении. В его тесном чердаке никто не перебивал ему, когда он сидел над своею незаказною работою. С досадою отодвинул он начатый портрет и хотел заняться другими недоконченными работами. Но как будто можно мысль и чувства, проникнувшие уже до души, заместить новыми, в которые еще не успело влюбиться наше воображение? Бросивши кисть, он вышел из дому.

Юность счастлива тем, что перед нею бежит множество разных дорог, что ее живая, свежая душа доступна тысяче

разных наслаждений; и потому Чертков рассеялся почти в одну минуту. Несколько червонцев в кармане — и что не во власти исполненной сил юности? Притом русской человек, а особливо дворянин, или художник, имеет странное свойство: как только завелся у него в кармане грош — ему всё трын-трава и море по колена. У него оставалось еще от денег, заплаченных вперед за квартиру, около тридцати червонцев. И все эти тридцать червонцев он спустил в один вечер. Прежде всего он приказал себе подать обед отличнейший, выпил две бутылки вина и не захотел взять сдачи, нанял щегольскую карету, чтобы только съездить в театр, находившийся в двух шагах от его квартиры, угостил в кондитерской трех своих приятелей, зашел еще кое-куда и возвратился домой без копейки в кармане. Бросившись в кровать, он уснул крепко, но сновидения его были так же несвязны и грудь, как и в первую ночь, сжималась, как будто чувствовала на себе что-то тяжелое; он увидел сквозь щелку своих ширм, что изображение старика отделилось от полотна и с выражением беспокойства пересчитывало кучи денег, золото сыпалось из его рук... Глаза Черткова горели; казалось, его чувства узнали в золоте ту неизъяснимую прелесть, которая дотоле ему не была понятна. Старик его манил пальцем и показывал ему целую гору червонцев. Чертков судорожно протянул руку и проснулся. Проснувшись, он подошел к портрету, тряс его, изрезал ножом все его рамы, но нигде не находил запрятанных денег; наконец, махнул рукою и решился работать, дал себе слово не сидеть долго и не увлекаться заманчивою кистью. В это время приехала вчерашняя дама с своею бледною Анетою. Художник поставил на станок свой портрет и на этот раз кисть его неслась быстрее. Солнечный день, ясное освещение дали какое-то особенное выражение оригиналу и открылось множество дотоле назамеченных тонкостей. Душа его загорелась опять напряжением. Он силился схватить мельчайшую точку, или черту, даже самую желтизну и неровное изменение колорита в лице зевавшей и изнуренной

красавицы с тою точностию, с которою позволяют себе неопытные артисты, воображающие что истина может нравиться так же и другим, как нравится им самим. Кисть его только что хотела схватить одно общее выражение всего целого, как досадное „довольно“ раздалось над его ушами и дама подошла к его портрету. „Ах, боже мой! что это вы нарисовали?“ вскрикнула она с досадою: „Анет у вас желта; у ней под глазами какие-то темные пятна; она как будто приняла несколько склянок микстуры. Нет, ради бога, исправьте ваш портрет: это совсем не ее лицо. Мы к вам будем завтра в это же время.“

Чертков с досадою бросил кисть; он проклинал и себя, и палитру, и ласковую даму, и дочь ее, и весь мир. Голодный просидел он в своей великолепной комнате и не имел сил приняться ни за одну картину. На другой день, вставши рано, он схватил первую попавшуюся ему работу: это была давно начатая им Псишея, поставил ее на станок, с намерением насильно продолжать; в это время вошла вчерашняя дама.

„Ах, Анет, посмотри, посмотри сюда!“ вскричала дама с радостным видом. „Ах, как похоже! прелесть! прелесть! и нос, и рот, и брови! чем вас благодарить за этот прекрасный сюрприз? Как это мило! Как хорошо, что эта рука немного приподнята. Я вижу, что вы точно тот великий художник, о котором мне говорили“.

Чертков стоял как оторопелый, увидевши, что дама приняла его Псишею за портрет своей дочери. С застенчивостью новичка он начал уверять, что этим слабым эскизом хотел изобразить Псишею; но дочь приняла это себе за комплимент и довольно мило улыбнулась, улыбку разделила мать. Адская мысль блеснула в голове художника, чувство досады и злости подкрепило ее, и он решился этим воспользоваться.

„Позвольте мне попросить вас сегодня посидеть немного подолее“, произнес он, обратясь к довольной на этот раз блондинке. „Вы видите, что платья я еще не делал вовсе, потому что хотел всё с большею точностию рисо-

вать с натуры.“ Быстро он одел свою Психею в костюм XIX века: тронул слегка глаза, губы, просветлил слегка волосы и отдал портрет своим посетительницам. Пук ассигнаций и ласковая улыбка благодарности были ему наградою.

Но художник стоял, как прикованный к одному месту. Его грызла совесть; им овладела та разборчивая, мнительная боязнь за свое непорочное имя, которая чувствуется юношею, носящим в душе благородство таланта, которая заставляет если не истреблять, то, по крайней мере, скрывать от света те произведения, в которых он сам видит несовершенство, которая заставляет скорее вытерпеть презрение всей толпы, нежели презрение истинного ценителя. Ему казалось, что уже стоит перед его картиною грозный судия и, качая головою, укоряет его в бесстыдстве и бездарности. Чего бы он не дал, чтоб возвратить только ее назад. Уже он хотел бежать вслед за дамою, вырвать портрет из рук ее, разорвать и растоптать его ногами, но как это сделать? Куда итти? Он не знал даже фамилии его посетительницы.

С этого времени, однакож, произошла в жизни его счастливая перемена. Он ожидал, что бесславие покроет его имя, но вышло совершенно напротив. Дама, заказывавшая портрет, рассказала с восторгом о необыкновенном художнике, и мастерская нашего Черткова наполнилась посетителями, желавшими удвоить и, если можно, удесятерить свое изображение. Но свежий, еще невинный, чувствующий в душе недостойным себя к принятию такого подвига, Чертков, чтобы сколько-нибудь загладить и искупить свое преступление, решился заняться со всевозможным старанием своею работою; решился удвоить напряжение своих сил, которое одно производит чудеса. Но намерения его встретили непредвиденные препятствия: посетители его, с которых он рисовал портреты, были большею частию народ нетерпеливый, занятой, торопящийся, и потому, едва только кисть его начинала творить что-нибудь не совсем обыкновенное, как уже вваливался новый посетитель, преважно выставлял свою голову, горя жела-

нием увидеть ее скорее на полотне, и художник спешил скорее оканчивать свою работу. Время его, наконец, было так разобрано, что он ни на одну минуту не мог предаться размышлению; и вдохновение, беспрестанно истребляемое при самом рождении своем, наконец отвыкло навещать его. Наконец, чтобы ускорять свою работу, он начал заключаться в известные, определенные, однообразные, давно изношенные формы. Скоро портреты его были похожи на те фамильные изображения старых художников, которые так часто можно встретить во всех краях Европы и даже во всех углах мира, где дамы изображены с сложенными на груди руками и держащими цветок в руке, а кавалеры в мундире, с заложенною за пуговицу рукою. Иногда желал он дать новое, еще не избитое положение, отличавшееся бы оригинальностью и непринужденностью, но, увы! всё непринужденное и легкое у поэта и художника достается слишком принужденно и есть плод великих усилий. Для того, чтобы дать новое, смелое выражение, постигнуть новую тайну в живописи, для этого нужно было ему долго думать, отвративши глаза от всего окружающего, унесшись от всего мирского и жизни. Но на это у него не оставалось времени и притом он слишком был изнурен дневною работою, чтобы быть в готовности принять вдохновение; мир же, с которого он рисовал свои произведения, был слишком обыкновенен и однообразен, чтобы вызвать и возмутить воображение. Глубокоразмышляющее и вместе неподвижное лицо директора департамента, красивое, но вечно на одну мерку лицо уланского ротмистра, бледное, с натянутою улыбкою, петербургской красавицы и множество других, уже чересчур обыкновенных — вот всё, что каждый день менялось перед нашим живописцем. Казалось, кисть его сама приобрела наконец ту бесцветность и отсутствие энергии, которою означались его оригиналы.

Беспрестанно мелькавшие перед ним ассигнации и золото наконец усыпили девственные движения души его. Он бесстыдно воспользовался слабостью людей, которые за лишнюю черту красоты, прибавленную художником к их

изображениям, готовы простить ему все недостатки, хотя бы эта красота была во вред самому сходству.

Чертков наконец сделался совершенно модным живописцем. Вся столица обратилась к нему; его портреты видны были во всех кабинетах, спальнях, гостиных и будуарах. Истинные художники пожимали плечами, глядя на произведения этого баловня могущественного случая. Напрасно силились они отыскать в нем хотя одну черту верной истины, брошенную жарким вдохновением; это были правильные лица, почти всегда недурные собою, потому что понятие красоты удержалось еще в художнике, но никакого знания сердца, страстей, или хотя привычек человека, — ничего такого, что бы отзывалось сильным развитием тонкого вкуса. Некоторые же, знавшие Черткова, удивлялись этому странному событию, потому что видели в первых его началах присутствие таланта, и старались разрешить непостижимую загадку: как может дарование угаснуть в цвете сил, вместо того, чтобы развиться в полном блеске?

Но этих толков не слышал самодовольный художник и величался всеобщею славою, потряхивая червонцами своими и начиная верить, что всё в свете обыкновенно и просто, что откровения свыше в мире не существует и всё необходимо должно быть подведено под строгий порядок аккуратности и однообразия. Уже жизнь его коснулась тех лет, когда всё дышащее порывом сжимается в человеке, когда могущественный смычок слабее доходит до души и не обвивается пронзительными звуками около сердца, когда прикосновение красоты уже не превращает девственных сил в огонь и пламя, но все отгоревшие чувства становятся доступнее к звуку золота, вслушиваются внимательнее в его заманчивую музыку и, мало-помалу, нечувствительно позволяют ей совершенно усыпить себя. Слава не может насытить и дать наслаждения тому, который украл ее, а не заслужил; она производит постоянный трепет только в достойном ее. И потому все чувства и порывы его обратились к золоту. Золото сделалось его стра-

стью, идеалом, страхом, наслаждением, целию. Пуки ассигнаций росли в сундуках его. И как всякой, которому достается этот страшный дар, он начал становиться скучным, недоступным ко всему и равнодушным ко всему. Казалось, он готов был превратиться в одно из тех странных существ, которые иногда попадаются в мире, на которых с ужасом глядит исполненный энергии и страсти человек и которому они кажутся живыми телами, заключающими в себе мертвеца. Но однакоже одно событие сильно потрясло его и дало совершенно другое направление его жизни.

В один день он увидел на столе своем записку, в которой Академия Художеств просила его, как достойного ее члена, приехать дать суждение свое о новом присланном из Италии произведении усовершенствовавшегося там русского художника. Этот художник был один из прежних его товарищей, который от ранних лет носил в себе страсть к искусству; с пламенною силою труженика погряз в нем всею душою своею и для него, оторвавшись от друзей, от родных, от милых привычек, бросился без всяких пособий в неизвестную землю; терпел бедность, унижение, даже голод, но с редким самоотвержением, презревши всё, был бесчувствен ко всему, кроме своего милого искусства.

Вошедши в залу, нашел он толпу посетителей, собравшихся перед картиною. Глубочайшее безмолвие, какое редко бывает между многолюдными ценителями, на этот раз царствовало всюду. Чертков, принявши значительную физиогномию знатока, приближился к картине; но, боже, что он увидел!

Чистое, непорочное, прекрасное, как невеста, стояло перед ним произведение художника. И хоть бы какое-нибудь видно было в нем желание блеснуть, хотя бы даже извинительное тщеславие, хотя бы мысль о том, чтобы показаться черни,— никакой, никаких! Оно возносилось скромно. Оно было просто, невинно, божественно, как талант, как гений. Изумительно прекрасные фигуры группиро-

вались непринужденно, свободно, не касаясь полотна и, изумленные столькими устремленными на них взорами, казалось, стыдливо опустили прекрасные ресницы. В чертах божественных лиц дышали те тайные явления, которых душа не умеет, не знает пересказать другому; невыразимо выразимое покоилось на них; — и всё это было наброшено так легко, так скромно-свободно, что, казалось, было плодом минутного вдохновения художника, вдруг осенившей его мысли. Вся картина была — мгновение, но то мгновение, к которому вся жизнь человеческая — есть одно приготовление. Невольные слезы готовы были покатиться по лицам посетителей, окруживших картину. Казалось, все вкусы, все дерзкие, неправильные уклонения вкуса слились в какой-то безмолвный гимн божественному произведению. Неподвижно, с отверстым ртом стоял Чертков перед картиною и наконец, когда мало-помалу посетители и знатоки зашумели и начали рассуждать о достоинстве произведения, и когда наконец обратились к нему с просьбою объявить свои мысли, он пришел в себя; хотел принять равнодушный обыкновенный вид, хотел сказать обыкновенное пошлое суждение зачерствелых художников: что произведение хорошо и в художнике виден талант, но желательно, чтобы во многих местах лучше была выполнена мысль и отделка, — но речь умерла на устах его, слезы и рыдания нестройно вырвались в ответ и он, как безумный, выбежал из залы.

С минуту неподвижный и бесчувственный стоял он посреди своей великолепной мастерской. Весь состав, вся жизнь его была разбужена в одно мгновение, как будто молодость возвратилась к нему, как будто потухшие искры таланта вспыхнули снова. Боже! и погубить так безжалостно все лучшие годы своей юности, истребить, погасить искру огня, может быть, теплившегося в груди, может быть, развившегося бы теперь в величии и красоте, может быть, также исторгнувшего бы слезы изумления и благодарности! И погубить всё это, погубить без всякой жалости! Казалось, как будто в эту минуту ожили в душе

его те напряжения и порывы, которые некогда были ему знакомы. Он схватил кисть и приблизился к холсту. Пот усилия проступил на его лице, весь обратился он в одно желание и, можно сказать, загорелся одною мыслию: ему хотелось изобразить отпадшего ангела. Эта идея была более всего согласна с состоянием его души. Но, увы! фигуры его, позы, группы, мысли ложились принужденно и несвязно. Кисть его и воображение слишком уже заключились в одну мерку и бессильный порыв преступить границы и оковы, им самим на себя наброшенные, уже отзывался неправильностию и ошибкою. Он пренебрег утомительную, длинную лестницу постепенных сведений и первых основных законов будущего великого. В досаде он принял прочь из своей комнаты все труды свои, означенные мертвою бледностью поверхностной моды, запер дверь, не велел никого впускать к себе и занялся, как жаркий юноша, своею работою. Но, увы! на каждом шагу он был останавливаем незнанием самых первоначальных стихий; простой, незначущий механизм охлаждал весь порыв и стоял неперескочимым порогом для воображения. Иногда осенял его внезапный призрак великой мысли, воображение видело в темной перспективе что-то такое, что, схвативши и бросивши на полотно, можно было сделать необыкновенным и вместе доступным для всякой души, какая-то звезда чудесного сверкала в неясном тумане его мыслей, потому что он, точно, носил в себе призрак таланта; но, боже! какое-нибудь незначущее условие, знакомое ученику, анатомическое мертвое правило — и мысль замирала, порыв бессильного воображения цепенел нерассказанный, неизображенный; кисть его невольно обращалась к затверженным формам, руки складывались на один заученный манер, голова не смела сделать необыкновенного поворота, даже самые складки платья отзывались вытверженным и не хотели повиноваться и драпироваться на незнакомом положении тела. И он чувствовал, он чувствовал и видел это сам! Пот катился с него градом, губы дрожали и после долгой паузы, во время которой бунтовали внутри его все

чувства, он принимался снова; но в тридцать слишком лет труднее изучать скучную лестницу трудных правил и анатомии, еще труднее постигнуть то вдруг, что развивается медленно и дается за долгие усилия, за великие напряжения, за глубокое самоотвержение. Наконец, он узнал ту ужасную муку, которая как поразительное исключение является иногда в природе, когда талант слабый силится выказаться в превышающем его размере и не может выказаться, ту муку, которая в юноше рождает великое, но в перешедшем за грань мечтаний обращается в бесплодную жажду, ту страшную муку, которая делает человека способным на ужасные злодеяния. Им овладела ужасная зависть, зависть до бешенства. Желчь проступала у него на лице, когда он видел произведение, носившее печать таланта. Он скрежетал зубами и пожирал его взором василиска. Наконец в душе его возродилось самое адское намерение, какое когда-либо питал человек, и с бешеною силою бросился он приводить его в исполнение. Он начал скупать всё лучшее, что только производило художество. Купивши картину дорогою ценою, осторожно приносил в свою комнату и с бешенством тигра на нее кидался, рвал, разрывал ее, изрезывал в куски и топтал ногами, сопровождая ужасным смехом адского наслаждения. Едва только появлялось где-нибудь свежее произведение, дышущее огнем нового таланта, он употреблял все усилия купить его во что бы то ни стало. Бесчисленные собранные им богатства доставляли ему все средства удовлетворять этому адскому желанию. Он развязал все свои золотые мешки и раскрыл сундуки. Никогда ни одно чудовище невежества не истребило столько прекрасных произведений, сколько истребил этот свирепый мститель. И люди, носившие в себе искру божественного познания, жадные одного великого, были безжалостно, бесчеловечно лишены тех святых прекрасных произведений, в которых великое искусство приподняло покров с неба и показало человеку часть исполненного звуков и священных тайн его же внутреннего мира. Нигде, ни в каком уголке не могли они

сокрыться от его хищной страсти, не знавшей никакой пощады. Его зоркий, огненный глаз проникал всюду и находил даже в заброшенной пыли след художественной кисти. На всех аукционах, куда только показывался он, всякой заранее отчаивался в приобретении художественного создания. Казалось, как будто разгневанное небо нарочно послало в мир этот ужасный бич, желая отнять у него всю его гармонию. Эта ужасная страсть набросила какой-то страшный колорит на его лицо; на нем всегда почти была разлита желчь; глаза сверкали почти безумно; нависнувшие брови и вечно перерезанный морщинами лоб придавали ему какое-то дикое выражение и отделяли его совершенно от спокойных обитателей земли.

К счастию мира и искусств, такая напряженная и насильственная жизнь не могла долго продолжаться; размер страстей был слишком неправилен и колоссален для слабых сил ее. Припадки бешенства и безумия начали оказываться чаще и наконец всё это обратилось в самую ужасную болезнь. Жестокая горячка, соединенная с самою быстрою чахоткою, овладели им так свирепо, что в три дня оставалась от него одна тень только. К этому присоединились все признаки безнадежного сумасшествия. Иногда несколько человек не могли удержать его. Ему начали чудиться давно забытые живые глаза необыкновенного портрета, и тогда бешенство его было ужасно. Все люди, окружавшие его постель, казались ему ужасными портретами. Портрет этот двоился, четверился в его глазах и наконец ему чудилось, что все стены были увешаны этими ужасными портретами, устремившими на него свои неподвижные, живые глаза. Страшные портреты глядели на него с потолка, с полу и, вдобавок, он видел, как комната расширялась и продолжалась пространнее, чтобы более вместить этих неподвижных глаз. Доктор, принявший на себя обязанность его пользовать и уже несколько наслышавшийся о странной его истории, старался всеми силами отыскать тайное отношение между грезившимися ему привидениями и происшествиями его жизни, но ничего не мог успеть.

Больной ничего не понимал и не чувствовал, кроме своих терзаний и пронзительным невыразимо-раздирающим голосом кричал и молил, чтобы приняли от него неотразимый портрет с живыми глазами, которого место он описывал с странными для безумного подробностями. Напрасно употребляли все старания, чтобы отыскать этот чудный портрет. Всё было перерыто в доме, но портрет не отыскивался. Тогда больной приподнимался с беспокойством и опять начинал описывать его место с такою точностью, которая показывала присутствие ясного и проницательного ума; но все поиски были тщетны. Наконец, доктор заключил, что это было больше ничего, кроме особенное явление безумия. Скоро жизнь его прервалась в последнем, уже безгласном порыве страдания. Труп его был страшен. Ничего тоже не могли найти от огромных его богатств, но, увидевши изрезанные куски тех высоких произведений искусства, которых цена превышала миллионы, поняли ужасное их употребление.

§ II.

Множество карет, дрожек и колясок стояло перед подъездом дома, в котором производилась аукционная продажа вещей одного из тех богатых любителей искусств, которые сладко продремали всю жизнь свою, погруженные в зефиры и амуры, которые невинно прослыли меценатами и простодушно издержали для этого миллионы, накопленные их основательными отцами, а часто даже собственными прежними трудами. Длинная зала была наполнена самою пестрою толпою посетителей, налетевших, как хищные птицы, на неприбранное тело. Тут была целая флотилия русских купцов из гостиного двора и даже толкучего рынка в синих немецких сюртуках. Вид их и физиогномия была здесь как-то тверже, вольнее и не означалась тою приторною услужливостию, которая так видна в русском купце. Они вовсе не чинились, несмотря на то, что в этой же зале

находилось множество тех значительных аристократов, перед которыми они в другом месте готовы были своими поклонами смести пыль, нанесенную своими же сапогами. Здесь они были совершенно развязны, щупали без церемонии книги и картины, желая узнать доброту товара, и смело перебивали цену, набавляемую графами-знатоками. Здесь были многие необходимые посетители аукционов, постановившие каждый день бывать в нем вместо завтрака; аристократы-знатоки, почитающие обязанностью не упустить случая умножить свою коллекцию и не находившие другого занятия от 12 до 1-го часа; наконец, те благородные господа, которых платья и карманы чрезвычайно худы, которые являются ежедневно без всякой корыстолюбивой цели, но единственно чтобы посмотреть, чем что кончится, кто будет давать больше, кто меньше, кто кого перебьет и за кем что останется. Множество картин разбросано было совершенно без всякого толку; с ними были перемешаны и мебели, и книги с вензелями прежнего владетеля, который, верно, не имел похвального любопытства в них заглядывать. Китайские вазы, мраморные доски для столов, новые и старинные мебели с выгнутыми линиями, с грифами, сфинксами и львиными лапами, вызолоченные и без позолоты, люстры, кенкеты, — всё было навалено и вовсе не в таком порядке, как в магазинах. Всё представляло какой-то хаос искусств. Вообще ощущаемое нами чувство при виде аукциона странно: в нем всё отзывается чем-то похожим на погребальную процессию. Зал, в котором он производится, всегда как-то мрачен; окна, загроможденные мебелями и картинами, скупо изливают свет; безмолвие, разлитое на лицах всех, и голоса: „сто рублей!“, „рубль и двадцать копеек!“, „четыреста рублей пятьдесят копеек!“, протяжно вырывающиеся из уст, как-то дики для слуха. Но еще более производит впечатления погребальный голос аукциониста, постукивающего молотком и отпевающего панихиду бедным, так странно встретившимся здесь, искусствам.

Однакоже аукцион еще не начинался; посетители рассматривали разные вещи, набросанные горою на полу.

Между тем небольшая толпа остановилась перед одним портретом: на нем был изображен старик с такою странною живостью глаз, что невольно приковал к себе их внимание. В художнике нельзя было не признать истинного таланта, произведение хотя было не окончено, но однакоже носило на себе резкий признак могущественной кисти; но при всем том эта сверхъестественная живость глаз возбуждала какой-то невольный упрек художнику. Они чувствовали, что это верх истины, что изобразить ее в такой степени может только гений, но что этот гений уже слишком дерзко перешагнул границы воли человека. Внимание их прервало внезапное восклицание одного, уже несколько пожилых лет, посетителя. „Ах, это он!“ вскрикнул он в сильном движении и неподвижно вперил глаза на портрет. Такое восклицание, натурально, зажгло во всех любопытство и некоторые из рассматривавших никак не утерпели, чтобы не сказать, оборотившись к нему: „Вам, верно, известно, что-нибудь об этом портрете.“

„Вы не ошиблись“, отвечал сделавший невольное восклицание. „Точно, мне более нежели кому другому известна история этого портрета. Всё уверяет меня, что он должен быть тот самый, о котором я хочу говорить. Так как я замечаю, что вас всех интересует о нем узнать, то я теперь же готов несколько удовлетворить вас.“ Посетители наклонением головы изъявили свою благодарность и с большою внимательностию приготовились слушать.

„Без сомнения, немногим из вас“—так начал он: „известна хорошо та часть города, которую называют Коломной. Характеристика ее отличается резкою особенностью от других частей города. Нравы, занятия, состояния, привычки жителей совершенно отличны от прочих. Здесь ничто не похоже на столицу, но вместе с этим не похоже и на провинциальный городок, потому что раздробленность многосторонней и, если можно сказать, цивилизированной жизни проникла и сюда, и оказалась в таких тонких мелочах, какие может только родить многолюдная столица. Тут совершенно другой свет, и, въехавши в уединенные ко-

ломенские улицы, вы, кажется, слышите, как оставляют вас молодые желания и порывы. Сюда не заглядывает живительное, радужное будущее. Здесь всё тишина и отставка. Здесь всё, что осело от движения столицы. И в самом деле, сюда переезжают отставные чиновники, которых пенсион не превышает пятисот рублей в год; вдовы, жившие прежде мужними трудами; небогатые люди, имеющие приятное знакомство с сенатом и потому осудившие себя здесь на целую жизнь; выслужившиеся кухарки, толкающиеся целый день на рынках, болтающие вздор с мужиком в мелочной лавке и забирающие каждый день на 5 копеек кофею и на 4 копейки сахару; наконец, весь тот разряд людей, который я назову пепельным, которые с своим платьем, лицом, волосами имеют какую-то тусклую пепельную наружность. Они похожи на серенькой день, когда солнце не слепит своим ярким блеском, когда тоже буря не свищет, сопровождаемая громом, дождем и градом, но просто когда на небе бывает ни сё, ни то: сеется туман и отнимает всю резкость у предметов. Лица этих людей бывают как-то искрасна-рыжеватые, волосы тоже красноватые; глаза почти всегда без блеска; платье их тоже совершенно матовое и представляет тот мутный цвет, который происходит когда смешаешь все краски вместе, и вообще вся их наружность совершенно матовая. К этому разряду можно причислить отставных театральных капельдинеров, уволенных пятидесятилетних титулярных советников; отставных питомцев Марса с 200-рублевым пенсионом, выколотым глазом и раздутою губою. Эти люди вовсе бесстрастны: им всё трын-трава; идут они, совершенно не обращая внимания ни на какие предметы, молчат, совершенно не думая ни о чем. В комнате их только кровать и штоф чистой, русской водки, которую они однообразно сосут весь день без всякого смелого прилива в голове, возбуждаемого сильным приемом, какой обыкновенно любит задавать себе по воскресным дням молодой немецкий ремесленник, этот студент Мещанской улицы, один владеющий тротуаром за двенадцать часов ночи.

Жизнь в Коломне всегда однообразна: редко гремит в мирных улицах карета, кроме разве той, в которой ездят актеры и которая звоном, громом и бряканьем своим смущает всеобщую тишину. Здесь все почти — пешеходы. Извозчик редко, лениво, и почти всегда без седока, волочится, таща вместе с собою сено для своей скромной клячи. Цена квартир редко достигает тысячи рублей; их больше от 15 до 20 и 30 руб. в месяц, не считая множества углов, которые отдаются с отоплением и кофием за четыре с полтиною в месяц. Вдовы-чиновницы, получающие пенсион, самые солидные обитательницы этой части. Они ведут себя очень хорошо, метут довольно чисто свою комнату и говорят с своими соседками и приятельницами о дороговизне говядины, картофеля и капусты; при них находится очень часто молоденькая дочь, молчаливое безгласное существо, впрочем иногда довольно миловидное; при них находится также довольно гадкая собачонка и старинные часы с печально постукивающим маятником. Эти-то чиновницы занимают лучшие отделения от двадцати до тридцати, а иногда и до сорока рублей. За ними следуют актеры, которым жалованье не позволяет выехать из Коломны. Это народ свободный, как все артисты живущие для наслаждения. Они, сидя в своих халатах, или выточивают из кости какие-нибудь безделки, или починивают пистолет, или клеят из картона какие-нибудь полезные для дома вещи, или играют с пришедшим приятелем в шашки или карты и так проводят утро; то же делают ввечеру, примешивая к этому часто пунш. После этих тузов, этого аристократства Коломны, следует необыкновенная дробь и мелочь; и для наблюдателя так же трудно сделать перечень всем лицам, занимающим разные углы и закоулки одной комнаты, как поименовать всё то множество насекомых, которое зарождается в старом уксусе. Какого народа вы там не встретите! Старухи, которые молятся, старухи, которые пьянствуют, старухи, которые пьянствуют и молятся вместе, старухи, которые перебиваются непостижимыми средствами, как муравьи таскают

с собою старые тряпья и белье от Калинкина моста до Толкучего рынка с тем, чтобы продать его там за пятнадцать копеек. Словом, весь жалкий и несчастный осадок человечества.

Естественное дело, что этот народ терпит иногда большой недостаток, не дающий возможности вести их обыкновенную, бедную жизнь; они должны часто делать экстренные займы, чтобы выпутаться из своих обстоятельств. Тогда находятся между ними такие люди, которые носят громкое название капиталистов и могут снабжать за разные проценты, всегда почти непомерные, суммою от двадцати до ста рублей. Эти люди мало-помалу составляют состояние, которое позволяет завестись иногда собственным домиком. Но на этих ростовщиков вовсе не было похоже одно странное существо, носившее фамилию Петромихали. Был ли он грек, или армянин, или молдаван, — этого никто не знал, но по крайней мере черты лица его были совершенно южные. Ходил он всегда в широком азиатском платье, был высокого роста, лицо его было темнооливкового цвета, нависнувшие черные с проседью брови и такие же усы придавали ему несколько страшный вид. Никакого выражения нельзя было заметить на его лице: оно всегда почти было неподвижно и представляло странный контраст своею южною резкою физиогномией с пепельными обитателями Коломны. Петромихали вовсе не был похож на помянутых ростовщиков этой уединенной части города. Он мог выдать сумму какую бы только от него ни потребовали, натурально, что за то и проценты были тоже необыкновенны. Ветхий дом его со множеством пристроек находился на Козьем болоте. Он был бы не так дряхл, если бы владелец его сколько-нибудь разорился на починку, но Петромихали не делал решительно никаких издержек. Все комнаты его, выключая небольшой лачужки, которую он занимал сам, были холодные кладовые, в которых кучами были набросаны фарфоровые, золотые, яшмовые вазы, всякой хлам, даже мебели, которые приносили ему в залог разных чинов и званий должники, потому что

Петромихали не пренебрегал ничем, и несмотря на то, что давал по сотне тысяч, он также готов был служить суммою, не превышавшею рубля. Старое негодное белье, изломанные стулья, даже изодранные сапоги — всё готов он был принять в свои кладовые, и нищий смело адресовался к нему с узелком в руке. Дорогие жемчуги, обвивавшие, может быть, прелестнейшую шею в мире, заключались в его грязном железном сундуке, вместе с старинною табакеркою пятидесятилетней дамы, вместе с диадемою, возвышавшеюся над алебастровым лбом красавицы, и бриллиантовым перстнем бедного чиновника, получившего его в награду неутомимых своих трудов. Но нужно заметить, что одна только слишком крайняя нужда заставляла обращаться к нему. Его условия были так тягостны, что отбивали всякое желание. Но страннее всего, что с первого разу проценты казались не очень велики. Он посредством своих странных и необыкновенных выкладок расположил таким непонятным образом, что они росли у него страшною прогрессией и даже контрольные чиновники не могли проникнуть этого непостижимого правила, тем более, что оно казалось основанным на законах строгой математической истины; они видели явно преувеличение итога, но видели тоже, что в этих вычетах нет никакой ошибки. Жалость, как и все другие страсти чувствующего человека, никогда не достигала к нему, и никакие мольбы не могли преклонить его к отсрочке или к уменьшению платежа. Несколько раз находили у дверей его окостеневших от холода несчастных старух, которых посиневшие лица, замерзнувшие члены и мертвые вытянутые руки, казалось, и по смерти еще молили его о милости. Это возбуждало часто всеобщее негодование, и полиция несколько раз хотела разобрать внимательнее поступки этого странного человека, но квартальные надзиратели всегда умели под какими-нибудь предлогами уклонить и представить дело в другом виде, несмотря на то, что они гроша не получали от него. Но богатство имеет такую странную силу, что ему верят, как государственной ассиг-

нации. Оно, не показываясь, может невидимо двигать всеми, как раболепными слугами. Это странное существо сидело, поджавши под себя ноги на почерневшем диване, принимая недвижно просителей, слегка только мигнувши бровью в знак поклона; и ничего не можно было от него услышать лишнего или постороннего. Носились однакож слухи, что будто бы он иногда давал деньги даром, не требуя возврата, но только такое предлагал условие, что все бежали от него с ужасом и даже самые болтливые хозяйки не имели сил пошевелить губами, чтобы пересказать их другим. Те же, которые имели дух принять даваемые им деньги, желтели, чахли и умирали, не смея открыть тайны.

В этой части города имел небольшой домик один художник, славившийся в тогдашнее время своими действительно прекрасными произведениями. Этот художник был отец мой. Я могу вам показать несколько работ его, выказывающих решительный талант. Жизнь его была самая безмятежная. Это был тот скромный набожный живописец, какие только жили во времена религиозных средних веков. Он мог бы иметь большую известность и нажить большое состояние, если бы решился заняться множеством работ, которые предлагали ему со всех сторон; но он любил более заниматься предметами религиозными и за небольшую цену взялся расписать весь иконостас приходской церкви. Часто случалось ему нуждаться в деньгах, но никогда не решался он прибегнуть к ужасному ростовщику, хотя имел всегда впереди возможность уплатить долг, потому что ему стоило только присесть и написать несколько портретов — и деньги были бы в его кармане. Но ему так жалко было оторваться от своих занятий, так грустно было разлучиться хотя на время с любимою мыслью, что он лучше готов был несколько дней просидеть голодным в своей комнате. И на это бы он всегда решился, если бы не имел страстно любимой им жены и двух детей, из которых одного вы видите теперь перед собою. Однакоже, один раз крайность его так увеличилась, что

он готов уже был итти к греку, как вдруг внезапно распространилась весть, что ужасный ростовщик находился при смерти. Это происшествие его поразило и он уже готов был приписать его нарочно посланным свыше для воспрепятствования его намерению, как встретил в сенях своих запыхавшуюся старуху, исправлявшую при ростовщике три разные должности: кухарки, дворника и камердинера. Старуха, совершенно отвыкшая говорить, находясь при своем странном господине, глухо пробормотала несколько несвязных отрывистых слов, из которых отец мой мог только узнать, что господин ее имеет в нем крайнюю нужду и просил его взять с собою краски и кисти. Отец мой не мог придумать, на что бы он мог быть ему нужен в такое время и притом еще с красками и кистями, но побуждаемый любопытством схватил свой ящик с живописным прибором и отправился за старухою.

Он насилу мог продраться сквозь толпу нищих, обступивших жилище умиравшего ростовщика и питавших себя надеждою, что авось-либо наконец перед смертию раскается этот грешник и раздаст малую часть из бесчисленного своего богатства. Он вошел в небольшую комнату и увидел протянувшееся почти во всю длину ее тело азиатца, которое он принял было за умершее, так оно вытянулось и было неподвижно. Наконец, высохшая голова его приподнялась и глаза его так страшно устремились, что отец мой задрожал. Петромихали сделал глухое восклицание и наконец произнес: „Нарисуй с меня портрет!“ Отец мой изумился такому странному желанию; он начал представлять ему, что теперь уже не время об этом думать, что он должен отвергнуть всякое земное желание, что уже немного минут осталось жить ему и потому пора помыслить о прежних своих делах и принести покаяние всевышнему. „Я не хочу ничего; нарисуй с меня портрет!“ произнес твердым голосом Петромихали; причем лицо его покрылось такими конвульсиями, что отец мой верно бы ушел, если бы чувство, весьма извинительное в художнике, пораженном необыкновенным предметом для кисти, не

остановило его. Лицо ростовщика именно было одно из тех, которые составляют клад для артиста. Со страхом и вместе с каким-то тайным желанием поставил он холст за неимением станка к себе на колени и начал рисовать. Мысль употребить после это лицо в своей картине, где хотел он изобразить одержимого бесами, которых изгоняет могущественное слово спасителя, эта мысль заставила его усилить свое рвение. С поспешностию набросал он абрис и первые тени, опасаясь каждую минуту, что жизнь ростовщика вдруг перервется, потому что смерть уже, казалось, носилась на устах его. Изредка только он издавал хрипение и с беспокойством устремлял страшный взгляд свой на картину; наконец что-то подобное радости мелькнуло в его глазах, при виде, как черты его ложились на полотно. Опасаясь ежеминутно за жизнь его, отец мой прежде всего решился заняться окончательною отделкою глаз. Это был предмет самый трудный, потому что чувство, в них изображавшееся, было совершенно необыкновенно и невыразимо. Около часу трудился он возле них и наконец совершенно схватил тот огонь, который уже потухал в его оригинале. С тайным удовольствием он отошел немного подалее от картины, чтобы лучше рассмотреть ее, и с ужасом отскочил от нее увидев живые глядящие на него глаза. Непостижимый страх овладел им в такой степени, что он швырнув палитру и краски, бросился к дверям; но страшное, почти полумертвое тело ростовщика приподнялось с своей кровати и схватило его тощею рукою, приказывая продолжать работу. Отец мой клялся и крестился, что не станет продолжать. Тогда это ужасное существо повалилось с своей кровати, так, что его кости застучали, собрало все свои силы, глаза его блеснули живостью, руки обхватили ноги моего отца и он, ползая, целовал полы его платья и умолял дорисовать портрет. Но отец был неумолим и дивился только силе его воли, перемогшей самое приближение смерти. Наконец, отчаянный Петромихали выдвинул с необыкновенною силою из-под кровати сундук и страшная куча золота грянула

к ногам моего отца; видя и тут его непреклонность, он повалился ему в ноги и целый поток заклинаний полился из его молчаливых дотоле уст. Невозможно было не чувствовать какого-то ужасного и даже, если можно сказать, отвратительного сострадания. „Добрый человек! Божий человек! Христов человек!“ говорил с выражением отчаяния этот живой скелет. „Заклинаю тебя маленькими детьми твоими, прекрасною женою, гробом отца твоего, кончи портрет с меня! еще один час только посиди за ним! Слушай, я тебе объявлю одну тайну.“ При этом смертная бледность начала сильнее проступать на лице его. „Но тайны этой никому не объявляй — ни жене, ни детям твоим, а не то и ты умрешь, и они умрут, и все вы будете несчастны. Слушай, если ты теперь не сжалишься, то уже больше не стану просить. После смерти я должен итти к тому, к которому бы я не хотел итти. Там я должен вытерпеть муки, о каких тебе и во сне не слышалось; но я могу долго еще не итти к нему, до тех пор, покуда стоит земля наша, если ты только докончишь портрет мой. Я узнал, что половина жизни моей перейдет в мой портрет, если только он будет сделан искусным живописцем. Ты видишь, что уже в глазах осталась часть жизни; она будет и во всех чертах, когда ты докончишь. И хотя тело мое сгибнет, но половина жизни моей останется на земле и я убегу надолго еще от мук. Дорисуй! дорисуй! дорисуй!“... кричало раздирающим и умирающим голосом это странное существо. Ужас еще более овладел моим отцом. Он слышал, как поднялись его волоса от этой ужасной тайны, и выронил кисть, которую было уже поднял, тронутый его мольбами. „А, так ты не хочешь дорисовать меня?“ произнес хрипящим голосом Петромихали. „Так возьми же себе портрет мой: я тебе его дарю.“ При сих словах что-то в роде страшного смеха выразилось на устах его; жизнь, казалось, еще раз блеснула в его чертах и чрез минуту пред ним остался синий труп. Отец не хотел притронуться к кистям и краскам, рисовавшим эти богоотступные черты, и выбежал из комнаты.

Чтобы развлечь неприятные мысли, нанесенные этим происшествием, он долго ходил по городу и ввечеру возвратился домой. Первый предмет, попавшийся ему в мастерской его, был писанный им портрет ростовщика. Он обратился к жене, к женщине, прислуживавшей на кухне, к дворнику, но все дали решительный ответ, что никто не приносил портрета и даже не приходил во время его отсутствия. Это заставило его минуту задуматься. Он приблизился к портрету и невольно отвратил глаза свои, проникнутый отвращением к собственной работе. Он приказал его снять и вынесть на чердак, но при всем том чувствовал какую-то странную тягость, присутствие таких мыслей, которых сам пугался. Но более всего поразило его, когда уже он лег в постелю, следующее, почти невероятное происшествие: он видел ясно, как вошел в его комнату Петромихали и остановился перед его кроватью. Долго глядел он на него своими живыми глазами, наконец начал предлагать ему такие ужасные предложения, такое адское направление хотел дать его искусству, что отец мой с болезненным стоном схватился с кровати, проникнутый холодным потом, нестерпимою тяжестью на душе и вместе самым пламенным негодованием. Он видел, как чудное изображение умершего Петромихали ушло в раму портрета, который висел снова перед ним на стене. Он решился в тот же день сжечь это проклятое произведение рук своих. Как только затоплен был камин, он бросил его в разгоревшийся огонь и с тайным наслаждением видел, как лопались рамы, на которых натянут был холст, как шипели еще не высохшие краски; наконец куча золы одна только осталась от его существования. И когда начала она улетать легкою пылью в трубу, казалось, как будто неясный образ Петромихали улетел вместе с нею. Он почувствовал на душе какое-то облегчение. С чувством выздоровевшего от продолжительной болезни оборотился он к углу комнаты, где висел писанный им образ, чтобы принесть чистое покаяние, и с ужасом увидел, что перед ним стоял тот же портрет Петромихали, которого

глаза, казалось, еще более получили живости, так что даже дети испустили крик, взглянувши на него. Это чрезвычайно поразило моего отца. Он решился открыться во всем священнику нашего прихода и просить у него совета, как поступить в этом необыкновенном деле. Священник был рассудительный человек и кроме того преданный с теплою любовию своей должности. Он немедленно явился по первому призыву к моему отцу, которого уважал как достойнейшего прихожанина. Отец не считал даже нужным отводить его в сторону и решился тут же при матери моей и детях рассказать ему это непостижимое происшествие. Но едва только произнес он первое слово, как мать моя вдруг глухо вскрикнула и упала без чувств на пол. Лицо ее покрылось страшною бледностью, уста остались неподвижно открыты и все черты ее исковеркались судорогами. Отец и священник подбежали к ней и с ужасом увидели, что она нечаянно проглотила десяток иголок, которые держала во рту. Пришедший доктор объявил, что это было неизлечимо: иголки остановились у нее в горле, другие прошли в желудок и во внутренность, и мать моя скончалась ужасною смертью.

Это происшествие произвело сильное влияние на всю жизнь моего отца. С этого времени какая-то мрачность овладела его душою. Редко он чем-нибудь занимался, всегда почти оставался безмолвным и убегал всякого сообщества. Но между тем ужасный образ Петромихали с его живыми глазами стал преследовать его неотлучнее, и часто отец мой чувствовал прилив таких отчаянных свирепых мыслей, которых невольно содрогался сам. Всё то, что улегается, как черный осадок во глубине человека, истребляется и выгоняется воспитанием, благородными подвигами и лицезрением прекрасного, всё это он чувствовал возмущавшимся и беспрестанно силившимся выйти внаружу и развиться во всем своем порочном совершенстве. Мрачное состояние души его именно было таково, чтобы заставить его ухватиться за эту черную сторону человека. Но я должен заметить, что сила характера отца моего была беспримерна;

власть, которую он брал над собою и над страстями, была непостижима, его убеждения были тверже гранита, и чем сильнее было искушение, тем он более рвался противуставить ему несокрушимую силу души своей. Наконец, обессилев от этой борьбы, он решился излить и обнажить всего себя в изображении всей повести своих страданий тому же священнику, который всегда почти доставлял ему исцеление размышляющими своими речами. Это было в начале осени; день был прекрасный; солнце сияло каким-то свежим осенним светом; окна наших комнат были отворены; отец мой сидел с достойным священником в мастерской; мы играли с братом в комнате, которая была рядом с нею. Обе эти комнаты были во втором этаже, составлявшем антресоли нашего маленького дома. Дверь в мастерской была несколько растворена; я как-то нечаянно заглянул в отверстие, увидел, что отец мой придвинулся ближе к священнику и услышал даже, как он сказал ему: „Наконец я открою всю эту тайну“... Вдруг мгновенный крик заставил меня оборотиться: брата моего не было. Я подошел к окну и, — боже! я никогда не могу забыть этого происшествия: на мостовой лежал облитый кровью труп моего брата. Играя, он, верно, как-нибудь неосторожно перегнулся чрез окошко и упал без сомнения головою вниз, потому что она вся была размозжена. Я никогда не позабуду этого ужасного случая. Отец мой стоял неподвижен перед окном, сложа накрест руки и подняв глаза к небу. Священник был проникнут страхом, вспомнив об ужасной смерти моей матери, и сам требовал от отца моего, чтобы он хранил эту ужасную тайну.

После этого отец мой отдал меня в корпус, где я провел всё время своего воспитания, а сам удалился в монастырь одного уединенного городка, окруженного пустынею, где бедный север уже представлял только дикую природу, и торжественно принял сан монашеский. Все тяжкие обязанности этого звания он нес с такою покорностью и смирением, всю труженическую жизнь свою он вел с таким

смирением, соединенным с энтузиазмом и пламенем веры, что, повидимому, преступное не имело воли коснуться к нему. Но страшный им же начертанный образ с живыми глазами преследовал его и в этом почти гробовом уединении. Игумен, узнавши о необыкновенном таланте отца моего в живописи, поручил ему украсить церковь некоторыми образами. Нужно было видеть, с каким высоким религиозным смирением трудился он над своею работою: в строгом посте и молитве, в глубоком размышлении и уединении души приуготовлялся он к своему подвигу. Неотлучно проводил ночи над своими священными изображениями, и оттого, может быть, редко найдете вы произведений даже значительных художников, которые носили бы на себе печать таких истинно христианских чувств и мыслей. В его праведниках было такое небесное спокойствие, в его кающихся такое душевное сокрушение, какие я очень редко встречал даже в картинах известных художников. Наконец, все мысли и желание его устремились к тому, чтобы изобразить божественную матерь, кротко простирающую руки над молящимся народом. Над этим произведением трудился он с таким самоотвержением и с таким забвением себя и всего мира, что часть спокойствия, разлитого его кистью в чертах божественной покровительницы мира, казалось, перешла в собственную его душу. По крайней мере, страшный образ ростовщика перестал навещать его и портрет пропал неизвестно куда.

Между тем воспитание мое в корпусе окончилось. Я был выпущен офицером, но, к величайшему сожалению, обстоятельства не позволили мне видеть моего отца. Нас отправили тогда же в действующую армию, которая, по поводу объявленной войны турками, находилась на границе. Не буду надоедать вам рассказами о жизни, проведенной мною среди походов, бивак и жарких схваток; довольно сказать, что труды, опасности и жаркий климат изменили меня совершенно, так, что знавшие меня прежде, не узнавали вовсе. Загоревшее лицо, огромные усы и хриплый крикливый голос придали мне совершенно другую физиогномию.

Я был весельчак, не думал о завтрашнем, любил выпорожнить лишнюю бутылку с товарищем, болтать вздор с смазливенькими девчонками, отпустить спроста глупость, словом, был военный беспечный человек. Однакож, как только окончилась кампания, я почел первым долгом навестить отца.

Когда подъехал я к уединенному монастырю, мною овладело странное чувство, какого прежде я никогда не испытывал: я чувствовал, что я еще связан с одним существом, что есть еще что-то неполное в моем состоянии. Уединенный монастырь посреди природы, бледной, обнаженной, навел на меня какое-то пиитическое забвение и дал странное, неопределенное направление моим мыслям, какое обыкновенно мы чувствуем в глубокую осень, когда листья шумят под нашими ногами, над головами ни листа, черные ветви сквозят редкою сетью, вороны каркают в далекой вышине, и мы невольно ускоряем свой шаг, как бы стараясь собрать рассеявшиеся мысли. Множество деревянных почерневших пристроек окружали каменное строение. Я вступил под длинные, местами прогнившие, позеленевшие мохом, галлереи, находившиеся вокруг келий, и спросил монаха отца Григория. Это было имя, которое отец мой принял по вступлении в монашеское звание. Мне указали его келью. Никогда не позабуду произведенного им на меня впечатления. Я увидел старца, на бледном изнуренном лице которого не присутствовало, казалось, ни одной черты, ни одной мысли о земном. Глаза его, привыкшие быть устремленными к небу, получили тот бесстрастный, проникнутый нездешним огнем вид, который в минуту только вдохновения осеняет художника. Он сидел передо мною неподвижно как святой, глядящий с полотна, на которое перенесла его рука художника, на молящийся народ; он, казалось, вовсе не заметил меня, хотя глаза его были обращены к той стороне, откуда я вошел к нему. Я не хотел еще открыться и потому попросил у него, просто, благословения как путешествующий молельщик; но каково было мое удивление, когда он произнес: „Здравствуй, сын мой, Леон!“ Меня это изумило: я десяти лет

еще расстался с ним; притом меня не узнавали даже те, которые меня видели не так давно. „Я знал, что ты ко мне прибудешь“, продолжал он. „Я просил об этом пречистую деву и св. угодника и ожидал тебя с часу на час, потому что чувствую близкую кончину и хочу тебе открыть важную тайну. Пойдем, сын мой, со мною и прежде помолимся!“ Мы вошли в церковь и он подвел меня к большой картине, изображавшей божию матерь, благословляющую народ. Я был поражен глубоким выражением божественности в ее лице. Долго лежал он, повергшись перед изображением, и наконец, после долгого молчания и размышления, вышел вместе со мною.

После того отец мой рассказал мне всё то, что вы сейчас от меня слышали. В истину его я верил потому, что сам был свидетелем многих печальных случаев нашей жизни. „Теперь я расскажу тебе, сын мой“, прибавил он после этой истории, „то, что мне открыл виденный мною святой, неузнанный среди многолюдного народа никем кроме меня, которого милосердый создатель сподобил такой неизглаголанной своей благости.“ При этом отец мой сложил руки и устремил глаза к небу, весь отданный ему всем своим бытием. И я наконец услышал то, что сейчас готовлюсь рассказать вам. Вы не должны удивляться странности его речей: я увидел, что он находился в том состоянии души, которое овладевает человеком, когда он испытывает сильные нестерпимые несчастия; когда, желая собрать всю силу, всю железную силу души и не находя ее довольно мощною, весь повергается в религию; и чем сильнее гнет его несчастий, тем пламеннее его духовные созерцания и молитвы. Он уже не походит на того тихого размышляющего отшельника, который как к желанной пристани причалил к своей пустыне с желанием отдохнуть от жизни и с христианским смирением молиться тому, к которому он стал ближе и доступнее; напротив того, он становится чем-то исполинским. В нем не угаснул пыл души, но, напротив, стремится и вырывается с большею силою. Он тогда весь обратился в ре-

лигиозный пламень. Его голова вечно наполнена чудными снами. Он видит на каждом шагу видения и слышит откровения; мысли его раскалены; глаз его уже не видит ничего, принадлежащего земле; все движения, следствия вечного устремления к одному, исполнены энтузиазма. Я с первого раза заметил в нем это состояние и упоминаю о нем потому, чтобы вам не казались слишком удивительными те речи, которые я от него услышал. „Сын мой!“ сказал он мне после долгого, почти неподвижного устремления глаз своих к небу: „уже скоро, скоро приблизится то время, когда искуситель рода человеческого, антихрист, народится в мир. Ужасно будет это время: оно будет перед концом мира. Он промчится на коне-гиганте и великие потерпят муки те, которые останутся верными Христу. Слушай, сын мой: уже давно хочет народиться антихрист, но не может, потому что должен родиться сверхъестественным образом; а в мире нашем всё устроено всемогущим так, что совершается всё в естественном порядке, и потому ему никакие силы, сын мой, не помогут прорваться в мир. Но земля наша — прах пред создателем. Она по его законам должна разрушаться и с каждым днем законы природы будут становиться слабее и от того границы, удерживающие сверхъестественное, приступнее. Он уже и теперь нарождается, но только некоторая часть его порывается показаться в мир. Он избирает для себя жилищем самого человека и показывается в тех людях, от которых уже, кажется, при самом рождении отшатнулся ангел и они заклеймены страшною ненавистью к людям и ко всему, что есть создание творца. Таков-то был тот дивный ростовщик, которого дерзнул я, окаянный, изобразить преступною своею кистью. Это он, сын мой, это был сам антихрист. Если бы моя преступная рука не дерзнула его изобразить, он бы удалился и исчезнул, потому что не мог жить долее того тела, в котором заключил себя. В этих отвратительных живых глазах удержалось бесовское чувство. Дивись, сын мой, ужасному могуществу беса. Он во всё силится проникнуть: в наши дела, в наши мысли и даже в самое вдохновение

художника. Бесчисленны будут жертвы этого адского духа, живущего невидимо без образа на земле. Это тот черный дух, который врывается к нам даже в минуту самых чистых и святых помышлений. О, если бы моя кисть не остановила своей адской работы, он бы еще более наделал зла, и нет сил человеческих противустать ему. Потому, что он именно выбирает то время, когда величайшие несчастия постигают нас. Горе, сын мой, бедному человечеству! Но слушай, что мне открыла в час святого видения сама божия матерь. Когда я трудился над изображением пречистого лика девы Марии, лил слезы покаяния о моей протекшей жизни, и долго пребывал в посте и молитве, чтобы быть достойнее изобразить божественные черты ее, я был посещен, сын мой, вдохновением, я чувствовал, что высшая сила осенила меня и ангел возносил мою грешную руку, я чувствовал, как шевелились на мне волоса мои и душа вся трепетала. О, сын мой! за эту минуту я бы тысячи взял мук на себя. И я сам дивился тому, что изобразила кисть моя. Тогда же предстал мне во сне пречистый лик девы, и я узнал, что в награду моих трудов и молитв сверхъестественное существование этого демона в портрете будет не вечно, что если кто торжественно объявит его историю по истечении пятидесяти лет в первое новолуние, то сила его погаснет и рассеется, яко прах, и что я могу тебе передать это перед моею смертию. Уже тридцать лет, как он с того времени живет; двадцать впереди. Помолимся сын мой"! При этом он повергнулся на колени и весь превратился в молитву. Признаюсь, я внутренно все эти слова приписывал распаленному его воображению, воздвигнутому беспрестанным постом и молитвами и потому из уважения не хотел делать какого-нибудь замечания, или соображения. Но когда я увидел, как он поднял к небу иссохшие свои руки, с каким глубоким сокрушением молчал он, уничтоженный в себе самом, с каким невыразимым умилением молил о тех, которые не в силах были противиться адскому обольстителю и погубили всё возвышенное души своей, с какою пламенною скорбию

простерся он, и по лицу его лились говорящие слезы, и во всех чертах его выразилось одно безмолвное рыдание, — о! тогда я не в силах был предаться холодному размышлению и разбирать слова его. Несколько лет прошло после его смерти. Я не верил этой истории и даже мало думал о ней; но никогда не мог ее никому пересказать. Я не знаю отчего это было, но только я чувствовал всегда что-то удерживавшее меня от того. Сегодня без всякой цели зашел я на аукцион и в первый раз рассказал историю этого необыкновенного портрета, — так что я невольно начинаю думать, не сегодня ли то новолуние, о котором говорил отец мой, потому что, действительно, с того времени прошло уже 20 лет.

Тут рассказывавший остановился и слушатели, внимавшие ему с неразвлекаемым участием, невольно обратили глаза свои к странному портрету и к удивлению своему заметили, что глаза его вовсе не сохраняли той странной живости, которая так поразила их сначала. Удивление еще более увеличилось, когда черты странного изображения почти нечувствительно начали исчезать, как исчезает дыхание с чистой стали. Что-то мутное осталось на полотне. И когда подошли к нему ближе, то увидели какой-то незначущий пейзаж. Так что посетители, уже уходя, долго недоумевали, действительно ли они видели таинственный портрет, или это была мечта и представилась мгновенно глазам, утружденным долгим рассматриванием старинных картин.

ШИНЕЛЬ.

I.

ПОВЕСТЬ О ЧИНОВНИКЕ КРАДУЩЕМ ШИНЕЛИ.

В департаменте податей и сборов, который впрочем иногда называют департаментом подлостей и вздоров, не потому чтобы в самом деле были там подлости, но потому что господа чиновники любят так же как и военные офицеры немножко поострить, — итак в этом департаменте служил чиновник, собой не очень взрачный, низенький, плешивый, рябоват, красноват, даже на вид несколько подслеповат, [служил он очень беспорочно].[1] В то время еще не выходил указ о том, чтобы застегнуть чиновников в вицмундиры. Он ходил во фраке, цвету коровьей коврижки. Он был [очень] доволен службою и чином титулярного советника. Никаких замыслов на коллежского асессора, ни надежд на прибавку жалованья: в существе своем это было очень доброе животное и то̀, что называют благонамеренный человек, ибо в самом деле от него почти никогда не слыхали ни дурного, ни доброго слова. Он совершенно жил [и назы⟨вался?⟩] и наслаждался своим должностным

[1] *Вместо* „[служил~беспорочно]“ *на полях написано:* Был он то, что называют вечный титулярный советник, чин, над которым, как известно, наострились немало разные писатели, которых сочинения [доныне] еще [читаются в деревнях] смешат разных невинных читателей, любящих почитать от скуки и для препровождения времени.

Повѣсть о чиновникѣ крадущемъ шинели.

Въ Департаментѣ податей и сборовъ, который впрочемъ иногда называютъ Департаментомъ подлостей и вздоровъ, напротивъ чтобы въ самомъ дѣлѣ были тамъ подлости, но потому что всѣда чиновники любятъ также какъ и военные офицеры нелюжко поступить, — и такъ въ этомъ Департаментѣ служилъ чиновникъ, собой не очень видный, низенькій, плѣшивый, рябоватъ, красноватъ, даже на видъ нѣсколько подслѣповатъ, ~~[illegible]~~ ~~[illegible]~~ Въ то время еще не выходилъ указъ о томъ чтобы застегнуть чиновниковъ въ виц-мундиры, онъ ходилъ во фракѣ, цвѣту коровьей кожицы. Онъ былъ очень доволенъ службою и чиномъ Титулярнаго Совѣтника. Никакихъ замысловъ на Коллежскаго Ассесора, ни надеждъ на прибавку жалованья: въ существѣ вовсе не было очень доброе животное, и то, что называютъ благонамѣренный человѣкъ, ибо въ самомъ дѣлѣ отъ него почти никогда не слыхали на дурное, ни добраго слова. Онъ совершенно жилъ ~~[illegible]~~ и наслаждался своимъ должностнымъ занятіемъ, и потомъ на себѣ поэтому никогда не глядѣлъ, даже брилъ безъ зеркала на фракѣ

„Повесть о чиновнике крадущем шинели", первая страница.

Рукопись Публичной библиотеки им. В. И. Ленина (Москва).

занятием, и потому на себя почти никогда не глядел, даже брился без зеркала. На фраке у него вечно были перья, и он имел особенное искусство, ходя по улице, поспевать под окно в то самое время, когда из него выбрасывали какую-нибудь дрянь, и потому он вечно уносил на своей шляпе арбузные и дынные корки и тому подобный вздор. Зато нужно было поглядеть на него, когда он сидел в присутствии за столом и переписывал; нужно было видеть наслаждение, выражавшееся на его лице: некоторые буквы у него были фавориты, до которых, если [он] добирался, то на лице у него просто был восторг. [1] Он всегда приходил раньше всех. Если не было переписывать, подшивал бумаги, [чи<нил>] перечинивал перья, [При всем том] словом служил очень ревностно на пользу отечества, [2] но выслужил [3] пряжку в петлицу да гиморой в поясницу. [4] Несмотря на то уважения к нему было очень немного: молодые чиновники над ним подсмеивались, и сыпали на голову

---

[1] *Сверху и на полях написано:* то чувствовал |такой| восторг, [что] описать нельзя: и подсмеивался и подмигивал и голову совсем на бок. Так что |иногда| для охотника можно в лице читать бы|ло| всякую букву. Живете, мыслете, слово, твердо—всё это просто рисовалось и отпечатывалось на лице его. Губы его невольно и сжимались и послаблялись и |обраща<лись?>| как будто даже отчасти помогали. Тогда он не глядел ни на что и не слушал ничего, рассказывал ли один чиновник другому, что он заказал новый фрак и почем сукно [или] и споры о том, кто лучше шьет, о Петергофе, о театре или хоть даже анекдот весьма интересный, потому что довольно старый и знакомый, |шла ли <речь>| о том как одному коменданту сказали, что у статуи Петра отрублен хвост, шла ли речь наконец о нем самом. Ему хоть трава не расти. Он в это время жил <?>. [2] *На полях написано·* Служил так ревностно как решительно нельзя уже ревностнее [3] *Сверху написано:* кажется что-то очень не много, только [4] *Сверху и на полях написано:* вот и всего. Конечно, это было немного, но большего даже трудно было и дать ему, потому что когда один раз попробовали употребить <его> на дело немного высшее, именно |дали| поручено было ему из готового дела составить отношение в какое-то присутств<енное> место<?>, всё дело состояло в том чтобы переменить только заглавие и поставить в третьем лице всё то, что находилось в первом, это задало ему такую головоломку, что он вспотел совершенно, тер лоб и сказал, чтобы дали ему переписать что-нибудь.

ему бумажки, что называли снегом; старые швыряли ему бумаги, говоря „на, перепиши“; сторожа даже не приподнимались с мест своих, когда он проходил. Жалованья ему было четыреста рублей в год. На это жалованье[1] он ел что-то в роде [2] супа [3] и какое-то блюдо из говядины, [пахнувшее страшно] [4] луком; валялся в [узкой] узенькой [5] комнатке над сараями, в Свечном переулке, [штопал сапоги и клал заплаты] [6] на свои панталоны вечно [7] на одном и том же месте. [8] Право не помню его фамилии. Дело в том, что это был первый человек, довольный своим состоянием, если бы не одно маленькое, очень затруднительное впрочем обстоятельство. В то время, когда Петербург дрожит от холода и двадцатиградусный мороз дает свои колючие щелчки по носам даже [и] действительных тайных советников первого и втораго класса, бедные титулярные советники остаются решительно без всякой защиты. Чиновник, о котором идет дело, укрывал кое-как, как знал, свой нос, впрочем очень не замечательный, тупой, и несколько похожий на то пирожное, которое делают [9] кухарки в Петербурге, называемое пышками. Он его упрятывал во что-то больше похожее на капот, чем на шинель, что-то очень неопределенное и очень поношенное. [С каждым годом] На сорок втором году своей жизни он заметил, что этот капот или шинель становится очень холодновата.[10] Рассмотревши его всего насквозь, к свету и так, он решился снести его к портному, жившему [в том же доме, в такой

---

[1] *Сверху написано:* На это жалование он доставлял себе множество наслаждений. [2] *Сверху написано:* щей или [3] *Сверху написано:* Бог его знает впрочем [4] *Вместо* „пахнувшее страшно“: прошпигованное немилосердно [5] *Вместо* „валялся~узенькой“: отлеживался во всю волю на кровати [6] *Вместо* „штопал~заплаты“: и платил [за штопку] за помещение заплаты [7] *Вместо* „вечно“: почти [8] *Сверху и на полях написано:* и всё это за те же 400 рублей и даже ему оставалось ⟨*1 нрзб*⟩ на поставку подметок в год на сапоги, которые он очень берег, [и потому] ⟨по⟩ этой причине [дома] на квартире сидел всегда в чулках. [9] *Сверху написано:* некоторым чиновникам [10] *Сверху написано:* Он уже издавна стал замечать, что шинель становится чем далее как будто бы немного холодноватее.

же] почти комнатке, который [чинил] [занимался] несмотря на свой кривой глаз[1] занимался довольно удачно починкой чиновничьих и всяких других панталон и фраков.[2]

Об этом портном нечего и говорить, но читатели народ ужасно любопытный, им непременно хочется узнать, что́ и какой портной и был ⟨ли⟩ он женат и в которой улице живет и сколько расходует и ка̀к у него нос, крив ли и вздернут или просто лепешкой. Итак, хоть оно казалось нечего бы говорить о портном, но т. к. автор совершенно во власти читателя [то].... нечего делать.

Сначала он назывался просто Петр и был крепостным человеком не помню у какого-то барина. Петровичем же он стал называться с тех пор как получил отпускную,[3] женился и стал попивать довольно сильно по праздникам, сначала главным, а потом и всем церковным, где только есть в календаре крестик, нужды нет что не в кружке. С этой стороны Петрович был сильно привязан к религии. На счет же,[4] на третьей ли жене он женат или на первой, прошу пред читателями извинения, право не знаю; знаю только что есть жена, расхаживает и по воскресным дням надевает даже чепчик. Собой же кажется вовсе не смазлива, так что одни только гвардейские солдаты заглядывают ей в лицо, когда ⟨*1 нрзб*⟩ моргнувши как водится и испустивши потом что-то подобное на рычание сквозь...[5]

Портной, взявши в руки капот и вскинувши немного пол⟨ы?⟩, посмотрел его всего против света очень тщательно и покачав головою полез в карман за табаком.[6]

---

[1] *Сверху написано:* ⟨и⟩ рябизну по всему телу [2] *Вместо* „жившему~фраков": которому эта шинель была [решительно] так же знакома, как собственная, и он знал совершенно местоположение всех худых и дырявых мест. *Весь предыдущий основной текст написан почерком М. П. Погодина, а исправления в подстрочных сносках—почерком Гоголя; всё дальнейшее — почерком Гоголя.* [3] с тех пор как отпуще⟨н⟩ [4] На счет того [5] *Не дописано.* [6] *На полях написано: а.* Акакий Акакиевич очень понимал этот жест: он всегда употреблялся в дело ⟨?⟩, это значило, что положение дела должно быть было довольно трудно. Чрез несколько минут [вышла] [вытащил] [показа⟨лась?⟩] рука Петровича вышла из кармана с табакеркой. — *б.* а сам полез в карман

Понюхав табаку,[1] он перевернул шинель[2] вниз и так верх ногами, и вновь начал[3] рассматривать против света.[4] Последовало вновь качание[5] головою,[6] после чего он полез в карман за табаком[7] и вновь натащил в нос табаку,[8] после чего положил шинель на стол и сказал: Нет. Ничего нельзя сделать. Можно бы еще. Если бы сукно не было больно так попротерто.[9] Клинчики и кусочки[10] можно бы еще как-нибудь положить: посмотрите только сукно не выдержит.[11] Такой ответ до того смутил[12]...

II.

ОТРЫВКИ ВТОРОЙ РЕДАКЦИИ

1.

⟨*А*⟩ В департаменте податей и сборов или, как любят иногда называть его чиновники любящие поострить, подлостей и вздоров *

своего довольно дурно сшитого сертука, что как известно почти всегда бывает у хороших портных. Вытащенная им из кармана вещь была табакерка с портретом какого⟨-то⟩ генерала, какого именно не известно потому что [лицо] в месте, которое занимало лицо, была проткнута пальцем дырка, которую он залепил бумажкой; вынувши табакерку он попринялся набивать себе ноздри.

[1] *Сверху написано:* Набивши обе ноздри и потом [2] *Сверху написано:* которая была [обровн⟨ена?⟩] [на меху] извнутри подбита каким-то мехом похожим несколько на [шерсть которую] мех, которым обивают внутри зимние валенки ⟨?⟩. [3] и стал [4] рассматривать против света. Но не добравшись, только⟨?⟩ всю распл⟨астал?⟩. *Сверху написано:* нагрузивши обе ноздри и встряхнувши руками [5] *Сверху написано:* Итак случилось то же самое [6] качание головою и самое крепкое набитие носа табаком [7] за табаком натыкавши [8] *а.* и вновь понаровил себе обе ноздри *б.* и вновь нафабрил [9] не было так протерто. [10] Клинчики и лоск⟨утки⟩ [11] *Далее начато:* Это [12] *Не дописано.*

* *Авторская сноска в рукописи:* [назван⟨ние⟩] да не подумают впрочем читатели, чтобы это название основано было в самом деле на какой-нибудь истине, ничуть, здесь всё дело только в этимологическом подобии слов. Вследствие этого департамент горных и соляных дел

⟨*Б*⟩ В департаменте... не хочу сказать каком.[1] Ибо департаменты пресердитое сословие и чуть только назови один из них по имени, в ту же минуту названный обидится и будет утверждать, что над ним смеются, хотя бы просто автор сказал, что в департаменте весьма чисто и опрятно[2]. Итак, в одном департаменте служил один чиновник довольно низенького роста[3], несколько рябоват, несколько рыжеват, несколько даже на вид подслеповат, с небольшою лысинкой на лбу [и] морщинами по обеим сторонам щек и цветом лица что называется несколько гемороидальным. Что ж делать. Автор в этом совершенно не виноват. Таково действие петербургского климата...[4] Что касается до чина, ибо[5] у нас на Руси прежде всего нужно объявить чин [говорится: как, скажи́те ⟨?⟩, ваш чин, имя и фамилия, а не фамилия, имя, чин... Итак, что касается до чина], то он был то̀ что называют вечный титулярный советник, [чин][6] над которым как известно у нас немало потрунили и поострились разные писатели, [которых сочинения и доныне еще смешат некоторых читателей, сделавшихся читателями[7] от скуки и из препровождения времени] [и] которые имеют похвальное обыкновение налегать на тех, которые не могут кусаться.[8] [Имя и] фамилия его была Акакий Акакиевич Тишкевич.

Может быть это имя покажется несколько странным [но что ж делать], никак нельзя было без него обойтиться[9] и это читатель сейчас[10] увидит, всю историю как[11] это произошло. Родился он как раз против ночи на 4 февраля

называется депар.⟨таментом⟩ горьких и соленых дел и тому подобное. Много приходит на ум иногда чиновникам во время, остающееся между службой и вистом, когда на зло трескучему морозу где-нибудь в комнате, при освещенном свечами вечере и шипячем самоваре ⟨*не дописано*⟩.

[1] *Далее начато:* Вообще [2] весьма чисто и выметаются хорошо ⟨полы⟩ [3] больше низенького чем среднего роста [4] *Далее начато:* Был он [5] потому что [6] сословие [7] читателей, читающих [8] ⟨которые не⟩ кусаются [9] *Далее начато:* совершенно нельзя и вот [10] совершенно сейчас [11] увидит как

зимою в самое дурное время. Покойница матушка чиновница и очень хорошая женщина[1] тотчас же приказала[2] позвать священника, чтобы окрестить ребенка. Ибо Акакий Акакиевич был тогда без галстуха, без фрака и без морщин. Словом, был ребенок. Покойница лежала на кровати против дверей, с правой стороны кум, служивший[3] в 4 департаменте сената и жена квартального офицера.[4] Священник открыл святцы и, как водится мальчику давать имя святых несколькими днями вперед, то священник представил матушке любое из трех: Еввул, Моккий, Евлогий. — Вот это, батюшка, какие имена, я таких и не слышала. Это такие имена — и людей таких нет.— Священник перевернул через страницу [и] вышли опять три имени: Варахасий, Дула и Трифилий. — Ах, боже мой, еще чуднее имена. Да разве, батюшка, были такие имена.[5] Какие право! Странно — уж пусть бы еще Варадат или Фармуфий, а то[6]... Трифилий. Я и не выговорю таких.— Священник перевернул страницу и вышли два: Павсикакий и Фрументий. — Ну, уж коли так, сказала мать, так пусть[7] так называется как отец.[8] Отец был Акакий, так пусть и сын называется Акакий, и таким образом составился Акакий Акакиевич. Его тут же окрестили.

Итак, это произошло совершенно по необходимости, что чиновник стал носить такое имя.

Но как он служил, клянусь, этак трудно служить, этак не служат. Это не то что иной,[9] [как] говорится, отзвонил да и с колокольни, прибавивши: чорт побери присутствие, и вытянувшись пошел подпрыгивать[10] по улице и натягивать на пальцы белую перчатку. Акакий Акакиевич пил службу как воздух.[11] В службе его было всё существование, источник радостей и всего.

---

[1] *Далее было:* генеральша Кулебякина ее любила [2] тотчас же послала [3] кум стряпчий [4] квартального чиновника [5] *Далее было:* Священник показал святцы [6] а то ... это право [7] пусть будет [8] как и отец его Акакий. [9] *Далее было:* занимающий даже и штатное место 7 класса и выше. Насидевшись [10] попрыгивать [11] жил службою

2.

Всходя[1] по чердачной ⟨?⟩ лестнице, которая[2] была облита вся водой и помоями[3] и вела прямо в комнату Петровича с окном в какую-то коню⟨шню⟩, Акакий Акакиевич думал уже между тем о цене и сколько именно запросит Петрович за работу и готовился мысленно надавать[4] на пять рублей два рубли.

Дверь была отворена, потому что хозяйка готовя какую-то рыбу напустила дыму в кухню[5] и для этого[6]... Пройдя через кухню, которая несмотря на то что была[7] маленька, но была грязнее кожи ⟨?⟩ мужика идущего в баню[8] и где было вволю тараканов прусаков и прочих хозяйственных необходимостей,[9] Акакий Акакиевич вошел наконец в комнатку, где увидел Петровича сидящего возле на столе,[10] подвернувшего под себя ноги как султан. Ноги сами по себе, по обычаю портных сидящих за работою, были[11] нагишом[12] и большой палец, очень знакомый Акакию Акакиевичу, с каким⟨-то⟩ изуродованным ногтем, толстым большим и крепким как череп у черепахи, со своей стороны приветствовал его. Петрович кивнул головою и посмотрел на руки Акакия Акакиевича желая знать, какого рода добычу тот несет. На шее у него висел моток шелку и ниток, а на коленях какая-то ветошь. Петрович за минуту до прихода продевал с четверть часа нитку в иглу и всё не попадал и потому сердился и бранил темное время.[13] Акакию Акакиевичу неприятно было, что он пришел в ту минуту, когда Петрович [сердился].[14] Он особенно[15] лю-

---

[1] *Перед этим начато:* Подходя [2] которая вела к Петровичу [3] *Сверху написано:* гроникнута тем спиртуозным запахом, который властвует на наполненных местах [4] и уже мыслен⟨но⟩ готовясь давать [5] в короб ⟨?⟩ [6] *Не дописано.* [7] которая была хоть [8] маленька, но как водится весьма грязненька [9] и снабжена ⟨?⟩ вволю тараканами прусаками и прочими хозяйственными необходимостями [10] сидящего на столе [11] по обычаю портных были [12] |Надо| Не нужно говорить, что ноги эти были натурально нагишом [13] сердился браня темноту [14] сердился, но нечего делать, дело было сделано. [15] Ему бы особенно

бил заказывать Петровичу[1] когда он[2] уже был неско⟨лько⟩[3] под куражем или как выражалась жена его: осадился сивухой, одноглазый чорт. В таком состоянии[4] Петрович обыкновенно очень охотно уступал и соглашался и всякой раз даже кланялся и благодарил.[5] Потом, правда, приходила жена его с плачем, что [де] дешево де взялся, но гривенника было ⟨довольно?⟩ прибавить и дело в шляпе. А теперь Акакий Акакиевич спохватился, да нечего делать, дело было сделано.

— Здравствуй Петрович. А я вот того.

— Здравствовать желаю, сказал Пётрович посмотревши своим единственным глазом на фрак Акакия ⟨Акакиевича⟩, начиная с рукавов и на покрой спинки, который ему очень был знаком, но таков уже обычай портных.[6] Это первое что он сделает, прежде чем начнет говорить...

— Вот я того, Петрович... Шинель-то местах в трех повытерлась[7]... Так того, чтобы заплаточки, знаешь... да и подкладку тоже в иных ⟨местах⟩ подшить, где разорвалась и кое где и того, нового колинкорца[8] вставить.

3.

А ты, Петрович, заплаточку!

Гм. Да, ведь заплаточку-то уж нельзя положить. Укрепиться ей нѐ за что.[9] Повернешь иголку, а оно и ползет. Подержка-то уж очень большая.[10] Ведь это оно только слава что сукно, оно что порох, вон так на ветер и летит.[11]

А ты, Петрович, все-таки как-нибудь укрепи.

Да что прикрепить? прикрепить-то можно прикрепить, да было бы к чему. Тут поставишь заплатку, а на другой день нужно опять и другую.

— Ну, а ты, Петрович, и другую поставишь потом.

---

[1] любил к Петровичу приходить в то время [2] когда т⟨от⟩ [3] был немножко [4] В это время [5] и всякой раз даже благ⟨одарил⟩. [6] обычай портных обсм⟨отреть?⟩ на нем ⟨?⟩ [7] местах в трех прот⟨ерлась⟩ [8] новые штучки [9] *Далее начато*: Тут [10] Сукно-то больно издержалось [11] оно что прогорелое, ты его ткнешь ⟨?⟩ только вон лезет.

— Да что ж ⟨?⟩, уж ее просто только бросить, если говорить правду. Как зимний холод придет, так вы онучки из ⟨нее⟩ для ног сделайте, потому что чулок не согреет.[1] Это немцы выдумали, чтобы денег побольше себе забирать (Петрович любил при случае кольнуть немцев). [Да] а шинель нужно новую[2] делать.

III

ПЕРВОНАЧАЛЬНАЯ РЕДАКЦИЯ ЭПИЛОГА.

Акакий Акакиевич уже и не слышал, как он сошел с лестницы и выбрался. Ни рук, ни ног под собою он не чувствовал, в жизнь свою он не был еще[3] так сильно распечен генералом, да еще и чужим. Это обстоятельство совершенно доканало его; ⟨он⟩ шел разинув рот,[4] куды попало в снег ⟨?⟩. Ветер по петербургскому обычаю со всех четырех сторон дул в него из переул⟨ков⟩[5] проникая до костей и несколько раз сваливая его с ног и наконец в довершение насвистал ему в горло жабу. Пришедши домой он[6] не мог сказать ни одного связного слова, весь распух и слег в постель. На другой же день обнаружилась у него сильная горячка. Благодаря[7] деятельному и великодушному вспомоществованию петербургского климата болезнь пошла сильно быстрее ожидания вплоть до воспаления. Департаментский доктор пришел больше для[8] того только чтобы видеть ход болезни и объявить, что ⟨в⟩ два дни больной[9] будет совершенно готов[10] откланяться. Всё время больной Акакий Акакиевич впадал в поминутный бред: то видел Петровича и заказывал[11] ему

---

[1] *Вместо* „Да чтож ~ не согреет“: Да ведь это выходит, одна подчинка дороже чем шинель, а вы уж нечего делать. Ведь она просто разве на мусор только ее продать — а ведь нечего делать, оставьте ее так [2] шинель новую нужно [3] он еще не был [4] раскрыв рот [5] со всех переулков [6] Когда пришел он [7] На другой же день благодаря [8] пришел для [9] что больному [10] больной готов [11] то заказывал

сделать шинель с пистолетами, чтобы она могла отстреливать если еще <?> нападут мошенники, потому что в его комнате везде сидят воры и [мошенники]. То казалось[1] ему, что он стоит перед генералом и слушает надлежащее распекание[2] приговаривая: да, виноват, виноват, ваше превосходительство. То, наконец, даже сквернохульничал выражаясь[3] совершенно извозчичьим слогом или тем, которым производят порядки на улицах, чего от роду за ним не бывало от времен[4] самого рождения.[5] — Я не посмотрю, что ты генерал, вскрикивал он иногда голосом таким громким. — Я у тебя отниму шинель.[6] Я Платону Ивановичу столоначал<ьнику> [нажалуюсь] [наконец]. Далее он говорил совершенную бессмыслицу и ничего решительно нельзя было понять. Можно было заметить,[7] что беспорядочные расстроенные слова[8] всё ворочались около шинели. Наконец, бедный <Акакий> Акакиевич испустил дух. Комнату и вещи его не опечатали, потому что во-первых не было наследников и, во-вторых, потому что наследства оставалось что-то очень немного, именно: пучок гусиных перьев, десть белой казенной бумаги, две-три[9] пуговицы, оторванные <от> панталон, пары две носков и известный уже читателю капот. Кому всё это досталось, бог знает. Это не наше дело. Акакия Акакиевича свезли и похоронили, и Петербург остался без Акакия Акакиевича, как будто бы его в нем и никогда не было. Исчезло и скрылось существо никем незащищенное и никому не дорогое, ни для кого не интересное, даже не обратившее на себя взгляду естествонаблюдателя и только покорно понесшее канцелярские насмешки и никогда во всю жизнь свою не изрекшее ропота на свою участь и не знавшее, есть ли на свете[10] лучшая участь; но для которого всё же таки перед концом[11] жизни мелькнул какой-то светлый гость в виде шинели, ожививший на миг бедную жизнь и на которого обруши-

---

[1] То виделось [2] слушает распекание [3] и говорил [4] от времени [5] *Далее начато*: и вскрикивал он [6] Я твою шинель <отниму?> [7] Заметно было только [8] что слова [9] несколько [10] не знавшее, что такое [11] для которого посреди

лось так же всею громадою несчастие, как обрушивалось на царей и повелителей мира.—Недолго после его смерти послан был к нему на квартиру из департаменту сторож с приказом немедленно явиться, начальник де требует, но сторож воротясь сказал, что не может больше прийти[1] и на вопрос:[2] почему, сказал: да так, он уж умер, четвертого дни похоронили. Таким образом узнали в департаменте о смерти Акакия Акакиевича и на другой день уже на месте его сидел новый чиновник гораздо выше его ростом, не наклонявший уже так головы на бок и писавш<ий> почерком гораздо скорописнее и буквы ставивший гораздо косее. Кто бы мог думать после этого [чтобы] Акакий Акакиевич, совершивший так скромно жизненное поприще, произвел бы шум после своей смерти. Но так случилось и бедная история наша от сих пор приобретает вдруг фантастическое течение. По всему Петербургу[3] пронеслись слухи,[4] что у Поцелуева моста и у Кукушки<на> стал появляться по ночам мертвец[5] в виде чиновника, ищущего какой-то затерянной[6] шинели и под видом своей сдиравший со всех плечей, не разбирая чина и звания, всякие шинели и на кошках и на бобрах, енотовые, медвежьи шубы, словом всякого рода кожи, которые придумали люди для прикрытия своей собственной.[7] Чиновник того департамента, которого не смею называть по имени по сказанным выше причинам, видел сам собственными глазами мертвеца и узнал в нем Акакия Акакиевича, но это однако внуш<ило> ему такой страх, что он бросился бежать со всех ног и потому никак не мог хорошенько рассмотреть, но видел однакоже ясно, как тот погрозил ему издали пальцем. Со всех сторон поступали жалобы, что плечи и спины пусть бы еще титулярных, а то даже самих тайных советников подвергаются совершенно простуде по причине ночного сдергиванья шинелей. По полиции

---

[1] не может быть [2] и когда начальник отделения спросил [3] Но так случилось. По всему Петербургу [4] пронесся шум [5] стал появляться мер<твец> [6] ищущего затер<янной> [7] *Далее начато:* Департаментские чиновники

сделано было распоряжение поймать мертвеца во что бы то ни стало живого или мертвого и в том и другом случае наказать его жесточайшим образом, и в том даже едва было[1] не успели. Именно будочник того же[2] квартала в Киврюшкинском переулке схватил мертвеца за ворот в то время когда тот хотел было улизнуть и закричавши вызвал двух других товарищей,[3] которым поручил держать, а сам полез только за сапог вынуть оттуда тавлинку, чтобы понюхать табаку, но табак был видно такого рода, которого и мертвый не мог[4] вынести.[5] Не успел он закрывши пальцем одну ноздрю потянуть другою с пол⟨горсти⟩,[6] как мертвец чихнул так сильно, что совершенно забрызгал им всем троим глаза[7] . . . Покамест они поднесли кулаки, стали протирать глаза, мертвеца и след пропал, так что они даже не знали, был ли он в их руках или нет. С этих пор будошники получили такой страх к мертвецам, что даже и живых боялись хватать, — и только издали покрикивали: Ей ты, ступай своей дорогой, и Акакий Акакиевич стал показываться даже иногда и дальше Поцелуева,[8] наводя немалый страх робким людям. А мы однакож [оставили] совершенно [без внимания] главную причину всего несчастия, [именно] значительное лицо.[9] Нужно[10] знать, что значительное лицо скоро по уходе бедного распеченного в пух Акакия Акакиевича[11] почувствовал что-то в роде сожаления. Сострадание было не чуждо душе его и, как уже видели, к сердцу были доступны добрые движения несмотря на то, что чин весьма часто мешал[12] им обнаруживаться. Он даже, как только ушел[13] приятель, и сам думал об этом с неделю, потом послал[14] чиновника к нему на квартиру разведать что̀ и ка̀к и в чем можно помочь ему. Когда донесли ему, что бедный Акакий Акакиевич вскоре затем умер скоро-

---

[1] едва ли [2] какого-то [3] вызвал других товари⟨щей⟩ [4] которого не мог и мертвец [5] *Далее начато:* потому что [6] потянуть другою одну какую-нибудь [7] лицо [8] Поцелуева моста [9] *Далее начато:* Он после смерти Акакия ⟨Акакиевича⟩ [10] Нужно однако [11] по уходе Акакия ⟨Акакиевича⟩ [12] но чин никак не позволял [13] как только вышел [14] как только ушел приятель, послал

постижно[1] в горячке, совесть сильно стала упрекать его и он был совершенно не в духе. Чтобы сколько-нибудь развлечь себя, он отправился на вечер к одному из приятелей своих, у которого уже он нашел порядочное общество[2] и, что всего лучше,[3] все были почти одного чина, так что он совершенно ничем не был связан и развернулся, сде<лался> приятен[4] в разговоре и любезен. Словом провел время очень приятно. За ужином даже выпили бокала [три-четыре], это[5] придало ему веселости и сообщило склон<ность> к разным экстренностям. А именно, после ужина он решился не ехать домой, а заехать к одной знакомой даме[6], Настасье Карловне, кажется, немецкого происхождения, к которой он чувствовал совершенно приятельские отношения. Надобно сказать, что значительное лицо уже был человек немолодой, хороший супруг и почтенный отец. Два взрослых сына, из которых один служил в канцелярии, и взрослая дочь всякой день приходили к нему целовать его руку приговаривая: бонжур папа.[7] Супруга тоже полная и здоровая давала прежде ему свою руку целовать, потом[8] <целовала> его. Но при всем том полагал,[9] что прилично иметь приятельницу в другой стор<оне>. Хотя эта приятельница была старее жены его, ничего не имела особенного и даже наружностью не лучше[10] жены.[11] Но всё иной раз <?> вечером, закутавшись в шинель, он мчался в зимних санках навестить приятельницу. Так уж странно создан человек, иногда он и сам не может сказать, почему он что-нибудь делает. Итак, значительное лицо село в санки и сказало кучеру: к Настасье Карловне, а сам закутавшись пережевывал в уме[12] кое-какие мысли,[13]

---

[1] *Далее начато:* вслед за тем [2] к одному из приятелей своих, здесь общест<во> как нарочно бы<ло> соб<рано> [3] и как нар<очно> [4] любезен и приятен [5] за ужином даже в честь нового его выпивши бокала три четыре он [6] к одной знакомой своей [7] *Далее было: а.* Но однакоже при всем *б.* и он их целовал в голову, [8] потом перевернувши [9] Но при всем том оказалось [10] и даже ничуть не лучше [11] *Далее начато:* Но так [12] *а.* думал *б.* перебирал [13] *Далее начато:* о чем он думал

еще полный удовольствия, вынесенного из общества, где почти все были ровных чинов. Многие слова он даже начинал произносить вслух... Поворотя в улицу он стал закрываться покрепче в шинель пото⟨му⟩ что ветер [сделался] страшный, подымая с тротуаров[1] снег, который всею кучей кидал ему[2] в лицо. Вдруг он почувствовал, что кто⟨-то⟩ сильно схватил его за воротник шинели. Обернувшись он увидел кого⟨-то⟩ невысокого росту в старом вицмундире⟨и⟩ не без ужаса узнал Акакия Акакиевича. Лицо его⟨было⟩ бледно как снег и глядело совершенно мертвец⟨ом⟩. „А, вот ты наконец, наконец-таки вот я тебя тоже поймал за воротник. Твоей-то шинели мне и нужно. Ты не хо⟨тел⟩ похлопотать об моей шинели, так отдавай же свою". Бедное значительное лицо так и обмер. Как ни характерен он был в присутствии, хотя глядел совершенным Юпитером[3] и всё трепетало перед ним, но здесь он почувствовал такой страх, что тут же стал опасаться, и не без причины, чтобы не случилось с ним какого-нибудь болезненного припадка. Он сам даже скинул с плеч шинель свою и закричал кучеру:[4] ей, пошел в весь дух домой! Таким образом бледный и перепуганный он приехал уже не к Настасье Карловне, а домой и без шинели. Да и ночь провел не в большом порядке и совершенно беспокойно. Так что на другой день за чаем дочь ему сказала прямо: ты сегодня совсем бледен, папа. Но папа молчал и ни слова ни об Настасье Карловне и ни об Акакии Акакиевиче. Это происшествие сделало на него сильное впечатление, по крайней мере с тех пор заметили, что он гораздо реже стал говорить подчиненным: как вы смеете? Понимаете ли вы, кто перед вами и с кем вы говорите? Если же произносил, так не так энергически и отрывисто и уже по выслу⟨шании⟩, в чем дело. С этих самых пор прекратилось появление мертвеца. Видно, генеральская шинель совершенно пришлась по плечам. По

---

[1] и рвал и подымал с троту⟨аров⟩ [2] *а.* который ему ки⟨дал⟩ *б.* который всеми кучами кидал ему [3] *Сверху приписано:* хотя и тверд ⟨?⟩ но [4] закричал кучеру во весь дух

крайней мере, не было таких случаев, чтобы с значительных лиц сдергивали шинели. Но в дальних углах всё еще поговаривали, что появлялось привидение в виде чиновника и сам даже квартальный не помню какого-то квартала, человек очень почтенный, признавался за чашкой чаю у одного купца, что привиденье, точно, является, хотя редко; что один коломенской будошник видел собственными глазами как [он вышел и] вдруг и пошел было с ним. Да будучи[1] человек слабый и страдая ⟨?⟩, — ⟨так⟩ что даже один раз, вырвавшись из ворот частного дома, большой ⟨поросенок⟩, бросившись ему под ноги, сшиб его с ног к величайшему смеху стоявших извозчиков,[2] с которых он потом за издевку вытребовал грош на табак, — итак ради своей слабости не посмел остановить и всё следовал и что привидение, заметив это, остановилось[3] и показало ему кулак необыкновенной вели⟨чины⟩: Тебе чего хочется? Но будошник, как ни был испуган ⟨?⟩, а всё заметил, что оно сделалось выше ростом и даже ⟨носило⟩ преогромные усы, но что скоро исчезло ⟨?⟩ направивш⟨ись⟩ прямо к Семеновским казармам.

---

[1] Да был [2] к величайшему смеху извозчи⟨ков⟩ [3] остановилось сказав: что тебе нужно

КОЛЯСКА

Городок Б. очень повеселел, когда начал в нем стоять ***кавалерийский полк, а ⟨до⟩ того времени бывало в нем страх скучно. Бывало проезжаешь, невольно чувствуешь на сердце какую-то тоску. Домики низенькие мазаные, [иной] глядит на улицу так кисло, глина на них обвалилась от дождя и стены, вместо белых, кажутся пегими, крыши большею частью очеретяные, как в южных городах наших, садики для лучшего вида городничий давно приказал вырубить. На улицах ни души[1] не встретишь, разве только петух перейдет через мостовую[2], мягкую[3] как пуховик от лежащей в четверть аршина пыли[4], которая[5] при маленьком дожже, как посредством волшебного прутика, в одну минуту превратится в грязь и тогда улицы города Б. наполнятся[6] теми животными[7], доставляющими нам превосходные окорока, и прохожий слышит такое страшное хрюканье,[8] с которым никогда не сравнится звук, издаваемый городничим во время сна послеобеденного. Самая рыночная площадь[9] имеет немного печальный вид. Дом портного выходит

---

[1] никого [2] через улицу [3] пышную ⟨?⟩ [4] *Далее начато:* или в $1^1/_2$ аршина грязи [5] *Далее начато:* в од⟨ну минуту⟩ [6] *Далее следует:* в одну минуту [7] толстыми животными [8] *Далее начато:* с которым никогда бы не сравнилось звук ⟨?⟩ какой бы издали если [9] самая площадь

чрезвычайно глупо не фасадом, а углом. Против него строится лет пятнадцать какое-то каменное строение о двух окнах, далее стоит без всего модный досчатый забор, выкрашенный серою краскою, который на образец другим[1] строениям выстроил городничий во время своей молодости, когда не имел обыкновения играть в бостон[2] и отдыхать после обеда.[3] В других местах всё почти плетень. Посредине площади небольшие лавочки, и глаз прохожего может только увидеть связку баранков, бабу в красном платке, пуд мыла, несколько фунтов горького миндалю, дробь для стреляния, домикотон[4] и двух купеческих приказчиков играющих в свайку. Но как стал в уездном городке кавалерийский полк, всё переменилось: запестрели улицы, оживились; одним словом, всё приняло другой вид. Через улицу брел уже не петух, но офицер в треугольной шляпе с перьями шел на квартиру к другому поговорить о производстве, об отличнейшем табаке, а иногда и поставить[5] на карточку дрожки, которые назывались полковыми, потому что успевали, не выходя из полку, обходить всех; сегодня катался в них маиор, завтра, глядь, они очутились в поручичьей конюшне, а через неделю снова маиорский деньщик подмазывал их маслом. Деревянный плетень был весь убран солдатскими фуражками, в городских закоулках иногда попадались солдаты с такими[6] жесткими усами, как[7] сапожные щетки[8]. Соберутся ли на рынке с ковшиками мещанки, из-за плеч их глядят усы. На лобном месте уж верно солдат усатый мылил бороду мужика,[9] который, сидя молчаливо, рассуждал об остроте бритвы служивого. Посмотришь в ворота какого-нибудь дома — на дворе усы лежат против самого солнца и греются. Словом городок Б. сделался усатым городом. Офицеры составили довольно приятное общество, особливо после судьи, жившего с какою-то диаконшею в одном доме, и городничего, рассудительного

---

[1] лучшим [2] когда не играл в бостон [3] *Далее начато:* По средине площади маленькие ла⟨вочки⟩ [4] *Далее начато:* на ⟨?⟩ [5] загнуть [6] попадались такие [7] что [8] *Далее начато:* и разных сортов нитки каких [9] брил мужика

человека, но спавшего решительно весь день, начиная от обеда, который был в одиннадцать часов утра. Общество еще более сделалось занимательнее, когда переехал в городок Б. бригадный генерал.[1] Окружные помещики, о которых существовании никто бы ⟨до⟩ того не догадался, начали приезжать почаще в уездный город, чтобы видеться с г-ми офицерами, а иногда поиграть в банчик, который чрезвычайно уже[2] темно рисовался в их уме, закиданном посевами и бегнею за зайцами[3]. Один раз случился у генерала обед. Большой обед — событие для уездного города чрезвычайно важное, потому что весь рынок был забрат на генеральскую кухню, и два солдата с страшными усами гонялись целое утро за двумя избежавшими цыплен⟨ками⟩. Повар бегал взад и вперед по небольшому двору, в котором была помещена квартира генерала. На дворе стояло несколько дрожек и коляска. Общество было большею частью из офицеров, были однакож и некоторые помещики. Из помещиков был особенно[4] замечательный человек Кропотов, лицо немаловажное в уезде, один из числа аристократов, более всего шумевший на дворянских выборах, куда приезжал он всегда в хорошем экипаже[5]. Он служил когда-то в одном из кавалерийских полков, был один из числа значительных и видных офицеров, по крайней мере его видали во многих собраниях,[6] раскиданных по всей бесконечной Руси, где только кочевал их полк. Впрочем об этом можно спросить[7] у дам и девиц саратовской губернии, пензенской, тамбовской, вологодской, симбирской, подольской, херсонской и других. Он бы, может быть, и более еще был известен, если бы не вышел в отставку по одному случаю, который обыкновенно называется неприятною историею. Он ли дал кому-то оплеуху или ему дали оплеуху, я этого совершенно не помню[8], дело только в том, что его попросили[9] вытти в отставку. Впрочем и в отс⟨тавке⟩ он ни-

---

[1] *Далее начато:* По⟨мещики⟩ [2] который уже [3] посевами и постройками [4] был один довольно [5] *Далее начато:* который [6] собраниях уезд⟨ных⟩ [7] узнать ⟨?⟩ [8] я этого ничего не знаю [9] ему приказал

чуть не уронил своего весу: носил фрак с высокою талией[1] на манер военного мундира, на сапогах шпоры и под носом усы, потому что без того дворяне могли бы подумать, что он служил в пехоте, которую он презрительно называл пехонтерией. Он ездил по многолюднейшим ярманкам, куда внутренность губерний, состоящая из роев теток, дочек, матушек,[2] нянек и добрых толстяков, называемых помещиками, наезжала веселиться линейками, рыдванами, таратайками, тарантасами и возками. Словом, он испытывал во всей силе непостоянство колеса фортуны.

Узнавши, где стоит кавалерийский полк, он всегда приезжал видеться с господами офицерами, очень ловко соскакивал перед ними с своей легкой колясочки и чрезвычайно скоро знакомился. В прошлые выборы он [хотел быть маршалом и] дал дворянству прекрасный обед. Вообще вел себя довольно солидно. Женился на очень хорошенькой, взял за нею 200 душ приданого и несколько тысяч капитал⟨у⟩.[3] Капитал был тотчас употреблен на шестерку[4] лихих вороных и хомуты, выписанные из Петербурга, на коляску, карету, пару чрезвычайно редких собак, вызолоченные замки к дверям,[5] ручную обезьяну для дома и француза дворецкого. 200 душ были, в придачу к его собственным, заложены в ломбард для каких-то коммерческих оборотов. Одним словом, он был один из числа тех помещиков, к которым мелкопоместные подступают робко и всегда почти кланяются, а имеющие большие поместья и служившие за Екатерину поглядывают отчасти[6] сардонически.

Два помещика, бывшие у генерала на обеде, были люди тоже в своем роде замечательные, но они не являются действователями нашей истории и потому их можно оставить в тени. Прочие были всё военные. Везде были видны лопаткообразные обер-офицерские эполеты, висячие принад-

---

[1] с короткой талией [2] *Далее было*: и [3] несколько тысяч прид⟨анного⟩ [4] на четве⟨рку⟩ [5] вызолоченные замки к дверям — *вписано* [6] отчасти поглядывают

лежали только двум: полковнику и довольно плотному маиору.[1] Генерал был несколько дюжий и тучный, как всегда бывают генералы, впрочем хороший начальник, как отзывались о нем сами офицеры. Говорил он, как говорят все генералы, довольно густым, значительным басом.[2] Обед был чрезвычайный: из рыб[3] осетрина, белуга; из мясных: дрофа, перепелки, куропатки, дупельшнеппы; грибы, спаржа. Одним словом всё доказывало, что повар еще со вчерашнего вечера не брал и в рот хмельного, и четыре солдата с ножами работали на помощь ему фрикасеи и желеи. Вина было тоже вдоволь: на столе стояла такая бездна бутылок, что вряд ли бы ⟨кто⟩ отыскал солонку, нож его непременно тыкался в короткошейку мадеру[4] или длинношейный лафит. Прекрасный летний день, окна открытые напролет, тарелки со льдом на столе, отстегнутая последняя пуговица у господ офицеров и растрепанная манишка у владельцев уютного широкого фрака,[5] всё споспешествовало и отвечало одно другому[6] и не мешало всеобщему разговору, который был довольно шумен и шел об разных историях, о которых право нельзя никак вспомнить. После обеда все встали с приятною тяжестью в желудках и, закуривши трубки с длинными и короткими чубуками, вышли с чашками кофию в руках на крыльцо. У генерала, полковника и даже маиора мундиры были вовсе расстегнуты, так что видны были слегка благородные подтяжки из шелковой материи, но господа офицеры, сохраняя должное уважение, пребыли с застегнутыми, выключая трех последних пуговиц.

„Вот ее можно теперь посмотреть“, сказал генерал. „Поди-ка, любезнейший“, примолвил он, обращаясь к своему адъютанту, довольно ловкому молодому человеку приятной наружности: „скажи, чтобы привели сюда гнедую кобылу! Вот, вы увидите сами, она еще немножко не слишком

---

[1] полковнику и маиору [2] *Далее было: а.* как ~ генералы басом, *б.* как ~ генералы довольно густым басом [3] из рыб *вписано* [4] тыкался в мадеру [5] манишка у помещика [6] *Далее начато:* После

в холе. Проклятый городишка, нет порядочной конюшни. Лошадь... пуф... пуф очень[1] порядочная".

„И давно, ваше превосходительство, пуф, пуф, изволите иметь ее?" сказал Крапушкин.

„Пуф, пуф, пуф, пуууфф, не так давно. Она взята[2] мною с завода два года назад"[3].

„И получить ее изволили объезженную или уже здесь[4] ее объезжали?"

„Пуф, пуф[5] пуф, пуууф... здесь". Между тем из конюшни выпрыгнул солдат, и послышался стук копыт, наконец показался другой в белом балахоне с черными, окунутыми в ваксу, усами,[6] ведя за узду вздрагивавшую[7] и пугавшуюся лошадь, которая, подняв вдруг голову вверх, чуть не подняла вверх присевшего к земле солдата[8] с его усами.

„Ну ж, ну, ну, Мария Ивановна!" говорил он, подводя ее под крыльцо. Лошадь называлась Марьей Ивановною. Крепкая и дикая, как южная красавица, она грянула копытами в деревянное крыльцо и вдруг остановилась. Генерал оставил трубку и начал смотреть ⟨с⟩ довольным видом на Марью Ивановну.[9] Сам полковник, сошедши с крыльца, взял Марью Ивановну за морду, сам маиор потрепал по задней ляжке и пощупал хвост; несколько офицеров пощелкали языком.[10] Крапушкин[11] сошел с крыльца и зашел ей в зад. Солдат, вытянувшись, глядел, держа узду, прямо в глаза посетителям, как будто бы хотел вскочить туда.

„Очень, очень хорошая!", сказал Кракушкин. „Манера превосходная. А позвольте узнать, ваше превосходительство, сколько[12] ей лет?"

„Не умею вам сказать."

„А в зубы, ваше превосходительство, не смотрели?"

---

[1] Лошадь очень [2] Она куплена [3] *Далее начато*: Пу⟨ф⟩ [4] *а.* А учить где *б.* А объезживать изволили здесь уже или [5] *Далее начато:* здесь [6] *а.* с черными как вакса усами *б.* с черными окунутыми усами [7] дрожавшую [8] чуть не подняла вверх солдата [9] *Далее начато:* Полковник [10] *Далее начато*: Солдат [11] Крапкушкин ⟨?⟩ [12] А сколько

„В зубы не смотрел, потому что[1]... чорт его знает, этот дурак фершел дал ей каких-то пилюлей и вот уже два дни всё чихает.“

„Очень, очень хороша. А имеете ли, ваше превосходительство, соответствующий экипаж?..“

„Экипаж?[2] Да ведь это верховая лошадь.“

„Я это знаю, но я так спросил ваше превосходительство, для того чтоб узнать, имеете ли и к другим лошадям соответствующий экипаж.“

„Экипажей у меня достаточно; коляски только нет. Мне хотелось бы достать новую. Я впрочем об этом писал к брату моему и он, верно, мне вышлет в будущем месяце.“

„Мне кажется, ваше превосходительство“, заметил полковник: „нет лучше коляски, как венская.“

„Вы справедливо заметили... пуф, пуф, пуф.“

„У меня, ваше превосходительство, есть чрезвычайная коляска“, прибавил Крапун: „настоящей венской работы.“

„Какая? Эта самая, в которой вы приехали?“

„О, нет! Это так — разъездная, собственно для поездок. Но та, ваше превосходительство, это просто удивительно, легка как перышко. А когда вы сядете в нее, то просто как бы, с позволения вашего превосходительства, нянька вас в люльке качала.“

„Стало быть покойна?“

„Очень, очень покойна. Подушки,[3] рессоры всё это как будто ⟨на⟩ картинке нарисовано.“

„Это хорошо.“

„Сундук кожаный сзади,[4] ваше превосходительство, кажется величиною вот с эту трубку, а как я служил, так у меня шесть мундиров и столько же исподнего укладывалось. Чрезвычайно поместительна, в боковой карман можете положить человека и незаметно пятнадцать штофов коньяку всегда поместится.“[5]

---

[1] *Далее было:* у ней два зуба недавно прорезались, да притом она их простудила [2] Экипажей [3] Подушки как пуховик, кажется потонешь в них [4] кожаный сзади — *вписано* [5] всегда поместите

„Это хорошо.“

„Я, ваше превосходительство, заплатил за нее восемь тысяч.“

„Да по цене должна быть хороша, а вы купили ее сами?“

„Мой один товарищ и старый друг заказывал ее нарочно в Вене[1] для себя. Я ⟨у⟩ него ее перекупил.[2] Не угодно ли вашему превосходительству сделать мне честь пожаловать завтра ко мне отобедать, вместе и коляску посмотрите.“

Генерал сжал нижнюю губу[3] и немного надулся. „С большим удовольствием и почту себе за честь, но вы извините меня... я так не могу... а разве с господами офицерами...“

„И господ офицеров прошу покорнейше сделать мне честь. Сделайте милость, я почту себе за большую честь иметь удовольствие видеть вас в своем доме.“

Полковник, маиор и прочие офицеры отблагодарили[4] учтивым поклоном.

„Я, ваше превосходительство, сам того мнения, чтобы если покупать вещь,[5] то непременно хорошую, а если дурную, то нечего и заводить. Вот у меня тоже, когда сделаете завтра мне честь пожаловать, я покажу кое-какие заведения.“

Генерал посмотрел и пустил длинный пуф из своей трубки.

Крапушкин был чрезвычайно доволен, что пригласил к себе господ офицеров. Он заранее уже заказывал в голове своей паштеты и соусы, посматривал очень весело на офицеров, которые с своей стороны тоже как-то удвоили расположение к нему, что́ заметно было из глаз и из небольших телодвижений в роде полупоклонов. Крапушкин выступал вперед как-то развязнее и голос его принял выражение голоса, обремененного удовольствием.

„Там, ваше превосходительство, познакомитесь с хозяйкой дома.“

---

[1] купил ее в Вене [2] выиграл [3] сжал губы [4] *а.* Офи⟨церы⟩ отблагодарили *б.* Полковник *и т. д. как в тексте* [5] если заводить вещь

„Мне очень приятно“, отвечал генерал, поглаживая ‹усы›.

„Однакож“, подумал про себя Крапушкин:[1] „мне нечего здесь отдыхать[2]. Я немножко ‹могу› посидеть, да и домой поскорей—приказать заранее, чтобы[3] всё приготовить с вечера.“[4] Между тем солнце незаметно начало садиться ниже. Генерал и гости возвратились в комнаты, где расставлены были карточные столы. „Ну что ж“, подумал он: „в вистун можно сыграть робертика два, так только для виду, да сию минуту и домой“. Скоро всё общество разделилось на четверные партии, порассело‹сь›[5] по всей комнате; прочие с трубками в зубах присоседились к игравшим наблюдать с значительным безмолвием игру. Два роберта, на которые сел Крапушкин, кончились в одну минуту. „Ну что ж, за эти нечего и садиться. Еще четыре можно сыграть“. Между тем подали свечи, на особом зеленом столе развернулся банчик, и маиор, подтасовывая карты, поглядывал на желающих. Перед каждым гостем нечувствительно очутился довольно увесистый стакан. Пунш был превосходный. Генералу был прислан из Риги какой-то необыкновенный ром и удивительный шнапс, который тут же подавался в больших стаканах.[6] Ром и шнапс были действительно превосходны. По крайней мере генерал после четырех стаканов закричал громко одному из лакеев в узиньком мундире: „Подай, дурак, свечу: я не могу видеть, что̀ у меня на руке — король или дама“. Между тем около его превосходительства стояло по две свечи с каждой стороны. Превосходство рома было признано и почувствуемо всеми. Так г-н маиор, страшный шулер, вместо того, чтобы по обыкновению передернуть карту, взял и смешал всю колоду по середине талии и ‹на› вопрос оскорбленного пунтера: „что это значит?“ посмотрел ему пристально ‹в глаза› и велел подать себе рюмку мадеры. Сам Крапушкин [заметил], что он что-то выиграл, но что именно выиграл

---

[1] *Далее начато:* я изви‹нюсь› [2] здесь сидеть ‹?› [3] приказать чтобы [4] приготовить к ‹обеду› [5] рас‹селось?› [6] рюмках

никак не мог вспомнить, а тем более не мог найтиться, как нужно потребовать выигранное. Ужин был в 2 часа ночи, ужин превосходный, но уже вряд ли кто из гостей мог припомнить, какие он ел блюда. Словом пир был на чудо и когда начали разъезжаться, то кучера брали просто своих господ в охапку так как бы узелки с покупкою. И Крапушкин, несмотря на свой аристократизм, сидя в коляске, так низко кланялся и с таким большим раскачиванием головы, что приехавши домой, привез в своих ⟨усах⟩ два [1] репейника.

В доме всё спало совершенно. Кучер едва мог сыскать камердинера, который отер как попало глаза свои, втащил, подпирая на плечо, своего господина [2] в гостиную. Вошедши в гостиную, Крапушкин спросил только: „отчего криво выстроена комната?“ [3] и, не говоря ни слова, отправился [4] вслед за девушкой в спальню жены своей. Молодая хорошенькая жена, которая спала свернувшись в прозрачной, белой как снег рубашечке, [5] поднявши ресницы и раза три зажмуривши быстро глаза свои, открыла их с полусердитою улыбкою [6] и видя, что он решительно не хочет на этот раз оказать никакой супружеской нежности, с досады поворотилась на другую сторону и, положив свежую свою щечку на руку, заснула спустя несколько времени после него.

Было уже такое время, которое по деревням не называется рано, когда проснулась молодая хозяйка возле храпевшего Крапушкина. Вспомнивши, что он [7] вчера возвратился домой в три часа ночи, она пожалела будить его и надев спальные башм⟨ачки⟩, которые супруг ее выписывал из Петербурга, в белой кофточке, драпировавшейся на ней как льющаяся вода, она вышла в свою уборную, умылась свежею, как сама, водою и приблизилась [9] к своему туалету. [10] Взглянувши раза два, она увидела [11], что сегодня

---

[1] три [2] Крап⟨ушкина⟩ [3] *Далее начато:* и больше ничего [4] *Далее начато:* после [5] *Далее начато:* открыла [6] *Далее было:* Крапушкин грохнулся на кровать [7] муж [9] подсела [10] *Далее начато:* На себя [11] нашла

очень недурна. Это повидимому незначительное обстоятельство заставило ее просидеть перед зеркалом [1] ровно два часа лишних. Наконец она оделась очень мило и вышла освежиться в сад. Как нарочно время было тогда красное, каким может только похвалиться южный летний день. Солнце, ступавшее на полдень, жарило всею силою лучей своих, но под темными густыми аллеями было гулять прохладно и цветы пригретые солнцем утрояли свой запах. Хорошенькая жена Крапушкина вовсе позабыла о том, что уже двенадцать часов и супруг ее спит. Уже толстый дворецкий француз объелся, как порядочная бочка, и шел, покачиваясь, через двор с ключами приказать крепостным свиньям подавать барам обедать. А до слуха хозяйки доходило храпенье послеобеденное 6 кучеров и одного форе⟨й⟩тора. Она сидела в густой аллее, из которой был открыт вид на большую дорогу, и рассеянно глядела на безлюдную [2] ее пустынность, как вдруг показавшаяся вдали пыль привлекла ее внимание. Всмотревшись, она скоро увидела несколько экипажей: впереди ехала открытая двуместная, легинькая колясочка, в ней сидел генерал с толстыми, блестевшими на солнце эполетами и рядом с ним полковник, за этой следовала другая, четвероместная, в ней сидели маиор с адъютантом генеральским и насупротив их два какие-то офицера. За коляскою были известные полковые дрожки, [3] которыми завладел на этот раз тучный маиор. За дрожками следовал бонвояж четвероместный, в котором сидели четыре офицера и пятый на руках, за бонвояжем рисовались [4] верхом на прекрасных, [5] темных в яблоках лошадях три офицера. [6]

„Неужели это к нам?“ подумала хозяйка. „Ах, боже! [7] в самом деле к нам! Они поворотили на мост!“ вскрикнула она, всплеснувши руками, и побежала чрез клумбы и цветы прямо в спальню своего мужа. Он спал мертвецки.

---

[1] *Далее начато:* лишних [2] на откр⟨ытую⟩ [3] *Далее начато:* в которых [4] ехали [5] на ⟨рослых?⟩ [6] *Далее начато:* Ну, [7] боже

„Душенька, вставай!“, сказала она ему, торопливо дергая его за руку. В ответ на это Крапушкин, не открывая глаз, пробормотал какую-то несвязную бессмыслицу.

„Вставай, пульпультик, вставай!“ — „Не рано? А?“ — „Вставай, душенька, слышишь гости!“ — „Гости? какие гости? М... м...“, при этом он потянулся и поднял руки. „Ну, поцелуй же меня, моя Пуньпуня, протяни свою шейку, я тебя поцалую“. — „Ах, боже мой! вставай[1] скорее, генерал с офицерами! Ах, боже мой, у тебя в усах репейник!“

„Генерал? А да, так он уж едет? Да что̀ ж это, чорт побери, меня никто не разбудил! А обед, что ж обед? Всё ли там исправно ты сделала, душенька?“[2] „Какой обед? Для нас готовлено, а больше ни для кого.“ — „А я разве не заказывал?“

„Ты? ты приехал в три часа ночи, и сколько я ни спрашивала тебя, ничего мне не сказал и заснул.[3] Я тебя, польпультик, не будила, потому мне тебя жаль стало: ты ничего не спал“. Это сказала с чрезвычайно томным и умоляющим видом.

Крапушкин минуту лежал на постели, как громом пораженный. Наконец он вскочил без всего в одной рубашке с кровати, позабывши,[4] что вовсе неприлично показывать свои ноги, которые были все в волосах, как в лесу.

„Ах я лошадь!“ сказал он, ударив себя по лбу.[5] „Я звал их обедать. Что̀ тут делать? Где они, далеко?“

„Теперь, я думаю, подъезжают к мельницам.“[6]

„Душенька... спрячься!.. Ей, кто там? Ты, девчонка, ступай сюда. Дура, чего боишься? Приедут офицеры сию минуту, ты скажи им, что дома нет барина.[7] Скажи, что и не будет весь день, что еще с утра выехал. Слышишь? и дворовым всем скажи, чтобы так сказали. Ступай скорей!“

Сказавши это, схватил наскоро халат и побежал спрятаться в экипажный сарай, почитая там гораздо безопаснее.

---

[1] Вставай, они уж ⟨на⟩ мосту [2] *Далее было:* Ведь я заказал обед [3] и прос⟨пал⟩ [4] *Далее начато:* вовсе [5] *Далее начато:* Где они [6] подъезжают к овину [7] дома нет меня

„Нет, шельмовство,[1] найти <?> и здесь могут, а влезть<?> лучше всего в эту коляску“. Сказавши это, он отпер двер<цы>, сел в коляску и закрылся кожею.

Между тем экипажи подъехали к крыльцу. Вышел генерал и встряхнулся, за ним полковник, поправляя руками султан на своей шляпе, потом офицеры, потом слез с дрожек толстый маиор,[2] держа под мышкою саблю, выскочил из бонвояжа сидевший на руках офицер,[3] наконец сошли его соседи, рисовавшиеся на лошадях.

„Барина нет дома“, сказал вышедший на крыльцо француз дворецкий.

„Как нет? стало быть он однакож будет к обеду?“

„Нет, генерал, они уехали на весь день, разве завтра[4] поутру будет“.

„Вот тебе на!“ сказал генерал: „как же это?“

„Признаюсь, это штука“, сказал полковник, смеясь.

„Как же этак делать?“ продолжал генерал с неудовольствием. „Ну не можешь принять, так не проси, зачем же просить“.

„Я, ваше превосходительство, не понимаю, как можно этак сделать?“ заметил один молодой офицер.

„Что?“

„Я говорю, ваше превосходительство, как можно поступить таким образом?“

„Конечно, как же... Ну нельзя, не случилось что̀ ли, так зачем же просить? или дай знать в таком случае“.

„Что ж, ваше превосходительство, нечего делать, поедем назад“, сказал полковник.

„Да, конечно, коли нет другого средства. Впрочем коляску мы можем посмотреть и без него, он верно ее не взял с собою. Ей, кто там? подойди, братец, сюда“.

„Чего изволите?“ — „Ты конюх?“ — „Конюх, ваше превосходительство“.

---

[1] *Написано* шемовольство [2] потом маиор [3] выскочил ~ офицер *вписано* [4] вряд <ли> завтра

„Покажи нам новую коляску, которую недавно достал барин“.

„А, вот пожалуй⟨те⟩ в сарай“. Генерал вместе с офицерами отправился в сарай. „Вот я вам немножко ее выкачу, здесь темно“.[1] — „Ничего, видно и так; разве немножко подкати. Вот так, довольно“. Генерал и господа офицеры обошли вокруг коляски и тщательно рассмотрели колеса и рессоры.

„Ну, ничего нет особенного“, сказал генерал: „коляска — самая обыкновенная“.

„Никакого совершенно нет дива“, сказал полковник: „коляска ⟨самая⟩ простая“.

„Мне кажется, ваше превосходительство, она совсем не стоит восьми тысяч“, прибавил один[2] офицер.

„Что?“

„Я говорю, ваше превосходительство, что мне кажется она вовсе не стоит восьми тысяч“.

„Какое осьми тысяч, она[3] и трех тысяч не стоит, ничего совершенно не нахожу в ней хорошего. Разве внутри есть что-нибудь особенное. Пожалуйста, любезный, отстегни кожу“. И глазам господ ⟨офицеров⟩ представился Крапушкин, сидящий в халате.

„А, вы здесь, как ваше здоровье?.. ну, прощайте!“

Сказавши это, генерал застегнул опять дверцы и уехал вместе с г-ми офицерами.

---

[1] *Далее начато:* и коляска [2] молодой [3] *Далее начато:* всего

РИМ

<АННУНЦИАТА>

Клянусь, этаких очей нельзя представить и вообразить, их тоже немощна передать кисть художника. Как угли, так они черны,[1] а из них льются молнии.[2] А чело, плечи.[3] Это солнечное сияние, облившее белые стены каменных домов. А волосы, боже, какие волосы! Темная громовая ночь [4] и всё в лоске. О нет, такой женщины не сыскать в Европе, об них только живут предания да бледные бесчувственные портреты их иногда являются в правильных созданиях художников. У, как смело, как ловко обхватило платье ее могучие [5] прекрасные члены, но лучше если бы оно не обхватило ее вовсе. Покровы прочь, и тогда бы увидели все, что это богиня. А попробуйте покровы прочь с немки или англичанки или француженки и выйдет чорт знает что: цыпленок. Вот, повернулась картинная голова, коса кольцом, сверкнул затылок и тонкая снежная шея. Еще [6] движение и уже видна благородная прямая линия носа, тонкой конец брови и три длинные [7] иглы ресниц. А что же далее... но нет, не гляди [8], не подноси своих молний. Читай у [9]

---

[1] *а.* Это уголь *б.* Черные как угли [2] и сверкающие как молния [3] *Далее начато*: только одно италианское на той [сто<роне?>] половине [4] *Далее начато*: а лоск на них [5] сильные [6] Еще далее [7] три черные [8] не гляди, не поворачивайся [9] *Не дописано.*

ВАРИАНТЫ

НЕВСКИЙ ПРОСПЕКТ

Стр. 9

4 „на все блага“ *Ар; П, Тр* — на все блага жизни

5 „Не только кто“ *Ар; П, Тр* — Не только тот, кто

13 „взошедши“ *Ар; П, Тр* — пришедши

18 „в Морской“ *Ар, П; Тр* — на Морской

Стр. 10

6 *Вместо* „на гулянье“: на гулянья *Тр*

21 „наезды на церкви“ *Ар; П, Тр* — набеги на церкви

35 „проплетется с портфелем под мышкою, если через Невский проспект лежит ему дорога в департамент“ *Ар; П, Тр* — если ~ в департамент, проплетется с портфелем под мышкою

Стр. 11

2 *Вместо* „он служит“: и служит *Тр*

7 „с довольно разительными жестами“ *Ар; П, Тр* — с довольно выразительными жестами

9 „пестрядевых“ *Ар, П, Тр* — пестрядинных

37 „чашку кофию“ *РМ*$_4$; *Ар* — чашку кофею; *П, Тр* — чашку кофе

Стр. 12

2 *Вместо* „по особенным поручениям“: по особым поручениям *Тр*

24 *Вместо* „усы, которые заворачиваются на ночь ~ бумагою“: усы, которые завертываются на ночь ~ бумагою *Тр*

Стр. 13

6 „поднялась на воздух“ *Ар; П, Тр* — приподнялась на воздух

6 „если бы не поддерживал“ *Ар; П, Тр* — если бы не придерживал

17 „с необыкновенным благородством“ *Ар, П, Тр* — с обыкновенным благородством

Стр. 14

18 *Вместо* „им долго вместо вывески показывается картонка“: им долго вместо вывески мерещится картонка *Тр*

29 *Вместо* „с узенькою бородою“: с узенькою бородкою *Тр*

Стр. 15

9 *Вместо* „по стенам и мостовой“: по стенам и по мостовой *Тр*

31 *Вместо* „всё положение и контура“: всё положение и контур *Тр*

Стр. 16

1 „должна быть ~ дама“ *Ар; П, Тр* — должно быть ~ дама

9 „нет красоты, могшей бы ему противиться“ *Ар; П, Тр* — нет красоты, могущей ему противиться

15 „Сердце его“ *Ар; П, Тр* — Сердце молодого человека

18 *Вместо* „тем более“: а тем более *Тр*

Стр. 17

10 *Вместо* „опрокинутая палитра“: уроненная палитра *Тр*

Стр. 18

4 „К такому роду принадлежал“ *Ар; П, Тр* — К такому роду людей принадлежал

21 „затрепетало его сердце“ *Ар; П, Тр* — сердце его затрепетало

27 „даже той святыни“ *Ар; П, Тр* — даже святилища

27 *Вместо* „где оно опустилось“: куда оно опустилось *Тр*

Стр. 19

19 „глянули на него разом“ *Ар; П, Тр* — глянули на него вдруг

Стр. 20

3 „желал, чтоб эти веления ~ неудобоисполняемы, чтобы ~ лететь преодолевать их“ *Ар; П, Тр* — желал, чтоб эти веления ~ неудобоисполняемы, чтобы ~ лететь исполнять их

8 „ему ввериться“ *Ар; П, Тр* — ввериться ему

Стр. 21

10 „ухватки и наглости“ *Ар; П, Тр* — ухватки и наглость

11 „так отличным“ *Ар; П, Тр* — столь отличным

31 „оставляет и ум“ *Ар; П, Тр* — и ум оставляет

Стр. 22

3 „выронивший“ *Ар; П, Тр* — уронивший

9 *Вместо* „но красота, красота нежная“: но красота нежная *Тр*

14 *Вместо* „Все черты ее были так чисто образованы“: Все черты ее были так чисто обрисованы *Тр*

26 „в его пучину“ *П, Тр; Ар* — в свою пучину

34 „сквозь одолевавшие его грезы“ *Ар; П, Тр* — сквозь одолевшие его грезы

Стр. 23

7 *Вместо* „карету, лакей“: карета, лакей *Тр*

Стр. 24

17 „дамы“ *нет Тр*

22 „Они неслись“ *Ар; П, Тр* — Дамы неслись

25 „нежели если бы“ *Ар; П, Тр* — нежели когда бы

Стр. 25

1 „притиснула так“ *Ар; П, Тр* — так притиснула

13 „поднял глаза“ *Ар, П, Тр* — поднял он глаза

17 „которую проводил к ее жилищу“ *Ар; П, Тр* — которую проводил в ее жилище

18 *Вместо* „глянула на всех“: взглянула *Тр*

36 „означил ~ белизну“ *Тр; Ар, П* — означал ~ белизну

Стр. 26

2 *Вместо* „не смея говорить, не смея дышать“: не смея дышать *Тр*

34 *Вместо* „ожидать ее прихода“: ожидать ее возвращения *Тр*

Стр. 27

3 „В одном углу“ *Тр; Ар, П* — В углу

9 „представлял на его суждение ~ свое замечание“ *П, Тр; Ар* — представлял на его суждение ~ его замечание

37 *Вместо* „она не являлась“: она не явилась *Тр*

Стр. 28

4 „Всё откинувши“: Всё отбросивши *Тр*

7 „окно, обращенное в двор“ *Ар; П* — окно обращенное на двор; *Тр* — окно обращенное во двор

19 „она глядит“ *нет Тр*

23 *Вместо* „Если бы его кто-нибудь видел“: Если бы кто-нибудь увидел его *Тр*

24 „перед пустым столом“ *Ар; П, Тр* — перед порожним столом

25 „принял его за лунатика“ *Ар; П, Тр* — принял за лунатика

28 *Вместо* „изгоняла на лице его все чувства, все движения“: согнала с лица его все прочие чувства и движения *Тр*

35 „слышал, что есть средство восстановить сон, для этого нужно“ *Ар; П, Тр* — слышал, что есть средство восстановить сон, что для этого нужно

36 „принять только опиум“ *Ар; П, Тр* — принять только опиуму

Стр. 29

12 *Вместо* „возвратился с баночкою“: возвратился с скляночкою *Тр*

13 *Вместо* „отлил часть ее в другую баночку“: отлил ему из нее в баночку *Тр*

14 *Вместо* „дал Пискареву с наставлением“: вручил с наставлением *Тр*

16 *Вместо* „схватил он эту драгоценную“: схватил Пискарев драгоценную *Тр*

26 *Вместо* „всё в ней — тайное ~ чувство вкуса“: во всем у нее тайное ~ чувство вкуса *Тр*

Стр. 30

5 „когда бы случилось изобразить“ *Ар; П, Тр* — когда бы случилось изображать

25 „Из всех сновидений одно было“ *П, Тр; Ар* — Из всех сновидений один был

35 „менее рассеянный, нежели прежде“ *Ар; П, Тр* — менее рассеянный чем прежде

Стр. 31

9 „я женюсь тогда на ней“ *Ар; П, Тр* — я женюсь на ней

14 „прекраснейшее его украшение“ *Ар; П, Тр* — лучшее его украшение

15 „почувствовал краску, вспыхнувшую“ *Ар; П, Тр* — почувствовал, что краска вспыхнула

17 „испугался сам“ *Ар, П, Тр* — сам испугался

22 „решившийся выйти“ *Ар; П, Тр* — который решился выйти

35 *Вместо* „бледность кралась на лице ее, уже не так свежем“: бледность кралась на лицо ее, уже не так свежее *Тр*

Стр. 32

9 *Вместо* „Она вдруг показала ~ всю жизнь ее“: Она вдруг показала ~ всю жизнь свою *Тр*

Стр. 33

6 „ночевал он где-нибудь или нет“ *Ар; П, Тр* — ночевал ли он где-нибудь или нет

10 „заперся в свою комнату“ *Ар; П, Тр* — заперся в своей комнате

11 *Вместо* „Протекли четыре дня“: Прошли четыре дня *Тр*

23 „быть может, со временем бы вспыхнувшего“ *Ар; П; Тр* — который, быть может, со временем вспыхнул бы

27 „Гроб ~ повезли на Охту; за ним идучи“ *П, Тр; Ар* — Гроб ~ повезли на Охту, за ними идучи

Стр. 35

3 „Восклицания, задушаемые смехом“ *Ар; П, Тр* — Восклицания, задушаемые смехом и словами

6 „очень редко или, лучше сказать, никогда“ *П, Тр; Ар* — очень редко или лучше никогда

27 „выслуживши ~ до полковничьего чина“ *Ар; П, Тр* — дослужившись ~ до полковничьего чина

Стр. 36

23 „не можно“ *Ар; П, Тр* — нельзя

37 *Вместо* „Куча ~ была на столе“: Куча ~ валялась на столе *Тр*

Стр. 37

6 „Он вошел“ *Ар; П, Тр* — Вошел

7 „что хозяин был немец. Он был поражен необыкновенно странным видом“ *Ар; П, Тр* — что хозяин был немец, и был поражен необыкновенно странною картиною

20 „сапожнического ножа“ *Ар; П, Тр* — сапожного ножа

Стр. 38

19 *Вместо* „огорченного достоинства“: оскорбленного достоинства *Тр*

34 *Вместо* „голова ~ наполнена пивом“: голова ~ наполнена вином *Тр*

Стр. 39

5 *Вместо* „А, здравствуйте“: А, здравствуй *Тр*

22 „происшествие вчерашнего дня. Он ничего не помнил в таком виде, в каком было“ *Ар; П, Тр* — происшествие вчерашнего дня; он ничего не помнил из него в таком виде, в каком оно было

Стр. 40

3 „отклонить его от заказывания“ *Ар; П, Тр* — отклонить его от заказа

29 *Вместо* „в восторге от глупости своих жен и видят в ней“: в восторге от глупости своих жен и видят в них *Тр*

Стр. 41

1 *Вместо* „верна своей обязанности“: верна своему долгу *Тр*

11 *Вместо* „этаких шпор“ *Ар; П, Тр* — таких шпор

12 „Чувство самодовольствия распустилось по душе Шиллера“ *Ар; П, Тр* — Чувство самодовольствия проникло в душу Шиллера

24 *Вместо* „Отказаться он почитал уже бесчестным“: Отказаться он считал уже бесчестным *Тр*

31 „немец в полном смысле всего этого слова“ *Ар; П, Тр* — немец, в полном смысле этого слова

33 „с того счастливого времени, в которое русской живет“ *П, Тр; Ар* — с того счастливого времени, которое русской живет

Стр. 42

8 „количество“ *Ар; П, Тр* — количество его

9 „но однакоже“ *Ар; П, Тр* — однакоже

33 „на самом деле“ *Ар; П, Тр* — в самом деле

Стр. 43

18 „заходивши со всех сторон“ *Ар; П, Тр* — заходя со всех сторон

25 *Вместо* „проложить начало всему“: проложить начало ко всему *Тр*

Стр. 44

12 „за руки и ноги“ *Ар; П, Тр* — за руки и за ноги

15 „Если бы Пирогов ~ высечен“ *РМ₄; Ар, П, Тр* — и поступили с ним так грубо и невежливо, что, признаюсь, я никак не нахожу слов к изображению этого печального события.

35 „Если же ~ государю“ *РМ₄; Ар, П, Тр* — если же назначение наказания будет неудовлетворительно, тогда итти дальше и дальше.

Стр. 45

3 *Вместо* „не в столь гневном положении“: не в столь гневном расположении *Тр*

8 „он ~ куда-нибудь отозван“ *Ар; П, Тр* — генерал ~ куда-нибудь отозван

Стр. 46

6 „Ничуть не бывало: он доказывает ~ ошибка Лафайета“ *РМ₄; А П, Тр* — совсем нет, он говорит о Лафайете

НОС

Стр. 49

1 *Вместо* „Марта 25 числа“: Сего февраля 23 числа *РЛ*$_3$; Сего апреля 25 числа *С*

3 *Вместо* „фамилия его утрачена, и даже на вывеске его“: фамилия его утратилась, по крайней мере, и даже на вывеске его *РЛ*$_3$

5 *Вместо* „и надписью“: с надписью *РЛ*$_3$

6 *Вместо* „ничего более“: ничего больше, кроме: „Здесь живет Иван Яковлевич“ *РЛ*$_3$

6 *Вместо* „проснулся довольно рано“: проснувшись еще довольно рано *РЛ*$_3$

9 *После* „дама, очень любившая пить кофий“: и подвязывавшая свое голубое ситцевое платье[1] тоненькою мочалкою для большей ловкости в хозяйстве *РЛ*$_3$

10 *Вместо* „испеченные хлебы“: выпеченные хлебы *РЛ*$_3$

14 *Вместо* „что было совершенно невозможно требовать двух вещей разом“: что двух вещей совершенно невозможно требовать *РЛ*$_3$

16 *Вместо* „очень не любила“: не любила *РЛ*$_2$

18 *Вместо* „бросила“: бросила ему *РЛ*$_3$

20 *Вместо* „надел сверх рубашки фрак“: надел сверх рубашки обыкновенный свой гнедой фрак в коричневых яблоках[2] *РЛ*$_3$

21 *Вместо* „насыпал соль“: насыпал горкою на скатерть соль *РЛ*$_2$

22 *Вместо* „сделавши значительную мину“: сделавши губами и бровями значительное выражение *РЛ*$_3$

---

[1] свое платье [2] фрак с коричневыми яблоками

Стр. 50

1 *Вместо* „к удивлению“: к величайшему удивлению *РЛ*$_3$

2 *Вместо* „увидел что-то белевшееся“: увидел что-то выглядывавшееся оттуда, лоснящееся и беловатое *РЛ*$_3$

2 *Вместо* „ковырнул осторожно ножом“: ковырнул ножом *РЛ*$_3$

5 *Вместо* „засунул пальцы“: засунул палец *РЛ*$_3$

5 *Вместо* „и вытащил—нос“: и вытащил довольно крепкой, нельзя сказать, чтобы и курносый, чело⟨веческий нос⟩ *РЛ*$_3$

7 „Ужас изобразился в лице“ *РЛ*$_3$, *С; П, Тр* — Ужас изобразился на лице

15 „нос был ни чей другой“ *С; П, Тр* — нос был не кого другого

17 „Я положу его, завернувши в тряпку“ *РЛ*$_2$, *С; П, Тр* — Я заверну его в тряпочку и положу

18 „а после его вынесу“ *С; П; Тр* — а после я его вынесу

Стр. 51

1 *Вместо* „натащил на себя всю эту дрянь“: напялил на себя всю эту дрянь *Тр*

6 „Но на беду *РЛ*$_2$, *С; П, Тр* — Но как на беду

7 „запросом“ *С; П, Тр* — вопросом

10 „уронил его“ *С; П, Тр* — уронил-было нос

33 „мылил ему за это и на щеке“ *С; П, Тр* — мылил ему за это на щеке

37 „бегает“ *С; П, Тр* — бежит

Стр. 52

2 „свалилось десять пуд“ *РЛ*$_2$, *Тр; С, П* — снялось десять пуд

5 „спросить стакан“ *РЛ*$_2$, *П, Тр; С* — просить стакан

8 *Вместо* „квартальный кивал ему пальцем и говорил“: квартальный кивнул ему пальцем и проговорил *Тр*

34 *Вместо* „вчерашнего вечера“: вчерашним вечером *Тр*

Стр. 53

18 „и потому“ *РЛ*$_2$, *С; П, Тр* — а потому

33 „можно видеть у губернских, поветовых землемеров“ *РЛ*$_2$, *С; П, Тр* — можно видеть у губернских и уездных землемеров

34 *Вместо* „у архитекторов и полковых докторов“: у архитекторов, если только они русские люди *РЛ*$_2$

35 „у отправляющих разные полицейские обязанности“ *РЛ*$_2$; *С, П, Тр* — у отправляющих разные обязанности

Стр. 54

2 „носил множество печаток сердоликовых“ *РЛ*$_2$, *С; П, Тр* — носил множество сердоликовых печаток

18 „подумал он и зашел в кондитерскую“ *РЛ*$_2$, *П, Тр; С* — Он зашел в кондитерскую

Стр. 55

5 „при боку шпага“ *РЛ₂; С; П, Тр* — на боку шпага

12 „чтобы нос ~ не мог ездить и ходить“ *С; П, Тр* — чтобы нос ~ и не мог ни ездить, ни ходить

15 „перед Казанским собором“ *РЛ₂; С, П, Тр* — перед Гостиным двором

16 „в собор“ *РЛ₂; С, П, Тр* — туда

18 „и вошел в церковь. Молельщиков внутри церкви было немного; они все стояли только при входе в двери.“ *РЛ₂; С, П, Тр* — Народу было немного.

20 „Ковалев ~ что никак не в силах был молиться“ *РЛ₂; С, П, Тр* — Ковалев ~ что ни на что не мог решиться

23 „стоявшего в стороне“ *РЛ₂; С; П, Тр* — стоявшего перед лавкою

23 „Нос ~ с выражением величайшей набожности молился.“ *РЛ₂; С, П, Тр* — Нос ~ с глубоким вниманием рассматривал какие-то товары.

30 „не оставлял набожного своего положения и отвешивал поклоны.“ *РЛ₂; С; П, Тр* — не оставляя своего положения.

36 „и где же?.. в церкви“ *РЛ₂; С; П, Тр* — и где же?..

Стр. 56

7 „но, имея в виду получить губернаторское место“ *ред.; С, П, Тр* — но, имея в виду получить; *РА₂* — но для лица ожидающего ⟨?⟩ губернаторского места, что без сомнения последует . . .

8 притом, будучи во многих домах знаком с дамами: Чехтарева статская советница и другие . . . Вы посудите сами . . . *нет РЛ₂*

20 „и брови его несколько нахмурились“ *РЛ₂; С; П, Тр* — брови его нахмурились

25 „вы должны служить в сенате или, по крайней мере, по юстиции, я же по ученой части“ *РЛ₂; С; П, Тр* — вы должны служить по другому ведомству

34 *Вместо:* „гайдук“: господин *РЛ₂*

36 „Ковалев выступил поближе“ *РЛ₂; С; П* — Ковалев приступил поближе; *Тр* — Ковалев подступил поближе

37 „поправил ~ свои печатки“ *С; П, Тр* — поправил ~ печатки свои

Стр. 57

9 *Вместо* „слезы выдавились из глаз его“: слезы выжались из глаз его *Тр*

20 „но шинель не заметил“ *С; П, Тр* — но шинели не заметил

31 „Вон и Ярыжкин, столоначальник в сенате“ *РЛ₂; С, П, Тр* — Вон и Ярыгин

32 „приятель“ *С; П, Тр* — приятель его

Стр. 58

8 „то, может, застали бы дома.“ *РЛ₂, С; П, Тр* — то, может быть, застали бы дома.

29 „как-нибудь улизнуть“ *РЛ₂, П, Тр; С* — куда-нибудь улизнуть

34 „дабы всякий, встретивший его“ *С, П; Тр* — дабы всякий, встретившийся с ним

Стр. 59

18 „в аристократическом доме“ *РЛ₂, П, Тр; С* — в аристократском доме

Стр. 60

6 „местилось всё это общество“ *С, П; Тр* — помещалось всё это общество

Стр. 61

7 „мизинный палец на ноге, которую“ *РЛ₂, С, П; Тр* — мизинец на ноге, который

13 „крепко сжавшиеся губы“ *С, П; Тр* — крепко сжавшиеся его губы

Стр. 62

20 „описать как редкое произведение натуры“ *С, П; Тр* — описать это как редкое произведение натуры

Стр. 63

6 „у меня именно нет того“ *С; П, Тр* — у меня нет именно того

10 „Сказавши, он вышел“ *С, П; Тр* — Сказавши это, он вышел

12 „чрезвычайному охотнику до сахару ~ вкусить удовольствия мира“. *РЛ₂; С, П, Тр* — *нет*

24 „И не знаю ~ слишком радушно“ *РЛ₂; С, П, Тр* — *нет*

37 „и что много есть на свете всяких маиоров, которые не имеют даже и исподнего в приличном состоянии и таскаются по всяким непристойным местам *РЛ₂; С, П, Тр* — *нет*

Стр. 64

8 „пропускать всё что относится к обер-офицерам“ *РЛ₂, П, Тр; С* — пропустить всё то, что относится к обер-офицерам

30 „будь я без ушей — скверно, однакож всё сноснее“ *С; П, Тр* — *нет*

36 „пропал даром, ни за грош!..“ *Тр; С, П* — пропал даром, за грош!..

Стр. 65

3 „вытираю после бритья себе бороду“ *С; П, Тр* — натираю после бритья себе бороду

4 „и я, верно, хватил ее“ *П, Тр; С* — и я, верно, схватил ее

14 *Вместо* „и кому же пропасть“ *С; П, Тр* — и чему же пропасть

22 „с своими комплиментами“ *Тр; С, П* — своими комплиментами

36 „светом, блеснувшим сквозь все скважины“ *С, П; Тр* — светом, который блеснул сквозь все скважины

73 „который дал знать“ *С, П; Тр* — и дал знать

Стр. 67

1 *Вместо* „бортище пуговиц“: портище пуговиц *Тр*

4 „Откушайте сегодня со мною чашечку чаю“ *С, П; Тр* — Выкушайте сегодня со мною чашечку чаю

13 „Ковалев догадался ~ увещевал по зубам одного глупого мужика, наехавшего с своею телегою как раз на бульвар“ *РЛ₂; С, П, Тр — нет*

Стр. 68

19 „видный из себя мужчина“ *С; П, Тр* — видный собою мужчина

25 *Вместо* „маиора Ковалева за подбородок“: маиора за подбородок *Тр*

Стр. 69

6 „с этакою пасквильностию“ *С, П, Тр* — с такою пасквильностию

12 „произнес Ковалев“ *С; П, Тр* — продолжал Ковалев

14 „слегка подпирать рукою“ *С, П; Тр* — слегка подпереть рукою

Стр. 70

16 „мне совершенно известна“ *С; П, Тр* — совершенно известна

16 „равно как то“ *С, П, Тр* — равно как и то

20 „больше ничего, кроме следствие волхвований“ *С, П; Тр* — больше ничего, как следствие волхвований

Стр. 71

27 „занимали весь город опыты“ *РЛ₂; П, Тр* — занимали публику опыты; *С* — занимали опыты

36 „даже полиция вступиться“ *С, П; Тр* — вступиться даже полиция

Стр. 72

2 „поделал прекрасные деревянные, прочные скамьи“ *С; П, Тр* — наделал прекрасных деревянных прочных скамеек

4 „за 80 копеек от каждого посетителя“ *С; П, Тр* — за восемьдесят копеек каждого посетителя

9 „картинку“ *С; П, Тр* — картину

18 „Хосрев-Мирза“ *П, Тр; С* — Хосров-Мирза

Стр. 73

9 *Вместо* „тропака“: трепака *Тр*

11 *Вместо* „утиральником“: полотенцем *Тр*

Стр. 74

7 „двух военных, у одного из которых“ *П; Тр* — двух военных, из которых у одного

ПОРТРЕТ.

ЧАСТЬ I.

Стр. 79

13 *Вместо* „Сверх того, двери такой лавочки“: Двери такой лавочки *РК*$_2$

14 *Вместо* „связками произведений, отпечатанных лубками на больших листах“: связками тех гравированных картин в листах[1] *РК*$_2$

16 „самородное дарованье“ *С; РК*$_2$*; П, Тр* — о самородном даровании

Стр. 80

4 *Вместо* „торговка-охтенка с коробкою, наполненною башмаками“: торговка из Охты с коробкою,[2] наполненною башмаками *РК*$_2$

7 *Вместо* „рассматривают серьёзно“: рассматривают сурьёзно *РК*$_2$

14 *Вместо* „художник Чартков“: *а.* художник чертков *б. как в тексте РК*$_2$

15 „показывали в нем того человека“ *С, РК*$_2$*; П, Тр* — показывали в нем человека

24 „на объедал и обпивал“ *С; П, Тр* — на объедал, опивал

24 *Вместо* „это не казалось ему удивительным“: это не казалось ему неудивительным *РК*$_2$

32 „Иначе в них бы“ *С, РК*$_2$*; П, Тр* — Иначе в них

33 „вырывался острый порыв“ *С; П, Тр* — вырывался бы острый порыв; *РК*$_2$ — вырывался [бы] острый порыв

35 *Вместо* „дряхлая бездарность“: *а.* дряхлая посредственность *б. как в тексте РК*$_2$

37 *Вместо* „была верна“: *а.* невольно *б. как в тексте РК*$_2$

---

[1] связками в листах [2] с коробкою башмаков

Стр. 81

9 *Вместо* „Вот за этих мужичков“: *а.* Вот за этого *б. как в тексте* $РК_2$

15 *Вместо* „Прикажете связать их“: *а.* Прикажите *б. как в тексте* $РК_2$

16 *Вместо* „подай веревочку“: *а.* подай веревку *б. как тексте* $РК_2$

20 *Вместо* „застоявшись так долго в лавке“: *а.* застоявшись весьма до⟨лго⟩ *б. как в тексте* $РК_2$

23 „наваленные громоздко ~ малеванья“ *С, $РК_2$, П; Тр* — громоздко наваленные ~ малеванья

26 *Вместо* „совершенно неизвестные изображения“: *а.* Иные не ⟨известные?⟩ *б. как в тексте* $РК_2$

29 *Вместо* „принялся рассматривать, думая втайне“: *а.* принялся рассматривать их, думая между тем *б. как в тексте* $РК_2$

30 „Он слышал не раз“ *С, $РК_2$, П; Тр* — Он не раз слышал

32 *Вместо* „куда полез он“: куды полез он[1] $РК_2$

33 *Вместо* „принявши обыкновенное положение“: принявши свое обыкновенное положение[2] $РК_2$

34 *Вместо* „поместился съизнова у дверей“: *а.* отошел прочь и стал *б.* поместился съизнова у дверях $РК_2$

36 *Вместо* „Сюда, батюшка ~ получены“: *а.* Он накричался вдоволь: сюда батюшка, картин не покупаете ли *в.* Сюда, батюшка. Вот картины. Зайдите, зайдите, с биржи получены[3] $РК_2$

37 *Вместо* „Уже накричался ~ с лоскутным продавцом: *а.* и разумеется накричался большею частью бесплодно, наговорился вдоволь с лоскутным продавцом *б. как в тексте* $РК_2$

Стр. 82

2 *Вместо* „у дверей своей лавочки“: у дверей своей лавчонки $РК_2$

4 „поворотил народу спину“ *С, $РК_2$, П; Тр* — оборотился к народу спиной

4 „отправился во внутрь ее“ *С; П, Тр* — отправился внутрь ее; $РК_2$ — отправился во внутрь ее[4]

7 *Вместо* „в больших ~ рамах“: в огромных ~ рамах $РК_2$

11 *Вместо* „был запечатлен“: *а.* был внутренно запечатлен *б. как в тексте* $РК_2$

13 *Вместо* „запылен портрет“: *а.* запылен он *б. как в тексте* $РК_2$

15 *Вместо* „следы работы высокого художника“: следы работы художника $РК_2$

15 *Вместо* „Портрет ~ художник“: *а.* Сила кисти была [необыкновенно] разительна, но необыкновеннее и непостижимее всего были глаза, он даже невольно провел по ним рукою, как бы желая

---

[1] полез художник [2] *Далее было*: отошел и даже [3] *Далее было*: и разумеется накричался [4] Отправился в угол лавки

Стр. 82

увериться, не выпуклы ли они. — Это были большие, черные как уголь, глаза [сверкавшие][1] *б.* Портрет казалось был неокончен, но сила кисти была разительна. Необыкновеннее всего были глаза, казалось на них употребил всю силу кисти и всё старательное тщанье свое художник *РК*$_2$

18 „всё старательное тщание“ *С, РК*$_2$; *П, Тр* — всё тщание

21 *Вместо* „Когда поднес он портрет“: *а.* Когда он, взявши в руки портрет, поднес его *б. как в тексте РК*$_2$

22 „Впечатление почти то же“ *С, РК*$_2$; *П, Тр* — Почти то же впечатление

23 *Вместо* „Женщина, остановившаяся“: *а.* Женщина, стоявшая *б. как в тексте РК*$_2$

24 „Какое-то неприятное, непонятное самому себе чувство“ *С, РК*$_2$, *П; Тр* — Что-то неприятное, непонятное самому себе

25 *Вместо* „чувство почувствовал он“: *а.* ощуще⟨ние⟩ *б. как в тексте РК*$_2$

27 *Вместо* „А что ж возьмите“: *а.* уже располагаясь итти *б. как в тексте РК*$_2$

28 *Вместо* „А сколько?“: *а.* А что хочешь *б. Как в тексте РК*$_2$

29 *Вместо* „три четвертачка“: *а.* три четвертака *б. как в тексте РК*$_2$

34 „одной рамки не купишь“ *С, РК*$_2$; *П, Тр* — одной рамки не купить

35 *Вместо* „Видно завтра собираетесь купить?“: *а.* видно вам завтра придется купить его *б. как в тексте РК*$_2$

37 *Вместо* „Право ~ пропадай ка́ртина!“: *а.* Право для почину только, что первый покупатель *б. как в тексте РК*$_2$

Стр. 83

4 *Вместо* „Чартков“: художник *РК*$_2$

5 *Вместо* „и в то же время подумал“: *а.* думая про себя *б. как в тексте РК*$_2$

9 *Вместо* „он отдал“: *а.* он дал за порт⟨рет⟩ *б. как в тексте РК*$_2$

10 *Вместо* „досада и равнодушная пустота обняли его“: досада и равнодушная пустота обняла его *РК*$_2$

13 *Вместо* „шел скорыми шагами“: *а.* скорыми шагами шел *б.* пошел скорыми шагами *в. как в тексте РК*$_2$

17 „сиянье месяца становилось сильнее“ *С, РК*$_2$; *П, Тр* — сиянье месяца становилось светлее

18 *Вместо* „легкие тени ~ отбрасываемые домами“: *а.* легкие тени ~ от домов и от ног пешеходов *б. как в тексте РК*$_2$

20 *Вместо* „Уже художник начинал“: *а.* И художник уже начинал *б. как в тексте РК*$_2$

---

[1] *Далее начато*: казалось употребил всю силу кисти на них

Стр. 83.

22 *Вместо* „почти в одно время“: *а.* почти в то же *б. как в тексте* PK_2

25 „съезжавший из-под мышек“ *С*, PK_2; *П*, *Тр* — съезжавший из-под мышки.

27 *После* „Васильевский Остров“ *было начато:* Но в небольшую квартирку и PK_2

29 *Вместо* „На стук его в дверь“: *а.* Толкнул он в дверь очень сильно, но на сей раз бесплодно и потому прислонившись *б. как в тексте* PK_2

31 *Вместо* „и расположился ожидать“: и принялся он ожидать PK_2

33 *Вместо* „краскотерщика и выметателя полов, пачкавшего их тут же своими сапогами“: *а.* краскотерщика и даже убирателя ком⟨нат⟩ *б.* краскотерщика и сметателя с полов, которые тут же во время метения пачкались вдвое более его сапогами, о чем впрочем они не догадывались оба[1] *в. как в тексте* PK_2

36 *Вместо* „долго силился попасть ключом в замочную дырку“: *а.* принялся отпирать дверь[2], долго не попадая ключом в дырку по ⟨причине⟩ *б.* долго силился бесплодно попасть в дырку *в. как в тексте* PK_2

Стр. 84

1 *Вместо* „Наконец дверь была отперта“: *а.* Наконец она *б. как в тексте* PK_2

2 *Вместо* „как всегда бывает“: *а.* как водится всегда *б. как в тексте* PK_2

3 *Вместо* „чего впрочем они не замечают“: *а.* которые однако же второпях никогда этого *б. как в тексте* PK_2

4 „он вошел вместе с нею“ *С*, PK_2; *П*, *Тр* — он вошел в ней

5 „с мерзнувшими окнами“ *С*, PK_2; *П* — с замерзнувшими окнами, *Тр* — с замерзшими окнами

6 *Вместо* „художеским хламом“: *а.* картинным *б. как в тексте* PK_2

7 *Вместо* „рамками, обтянутыми холстом“: *а.* натянутыми холстами *б. как в тексте* PK_2

8 *Вместо* „драпировкой, развешанной по стульям“: драпировкой, развешанной на стульях PK_2

11 *Вместо* „на узкой диванчик ~ обтянут кожею“: *а.* бросился на небольшой узкий диванчик уже не обтянутый больше черной кожей *б. как в тексте* PK_2

16 *Вместо* „всё немытое белье“: *а.* всё, что *б. как в тексте* PK_2

16 *Вместо* „и разлегшись сколько можно было разлечься“: *а.* разлегшись как было только можно *б. как в тексте* PK_2

---

[1] *а.* чего впрочем они оба не замечали *б.* чего впрочем они оба не подозревали [2] *Далее было:* от⟨го?⟩

Стр. 85

1 *Вместо* „с грустным равнодушием“: *а.* равно⟨душно?⟩ *б. как в тексте* PK_2

4 *Вместо* „с талантом, пророчившим многое“: *а.* с талантом всё *б. как в тексте* PK_2

7 *Вместо* „приблизиться более“: *а.* стать ближе *б.* приблизиться ближе PK_2

15 *Вместо* „вовсе слаб“: *а.* совсем слаб *б. как в тексте* PK_2

16 *Вместо* „гоняешься за модным освещеньем“: *а.* гоняешься за освещеньем *б. как в тексте* PK_2

18 *Вместо* „Берегись; тебя уж начинает“: *а.* Тебя я *б.* Эй смотри *в. как в тексте* PK_2

20 *Вместо* „Оно заманчиво“: *а.* Смотри оно заманчиво *б. как в тексте* PK_2

20 *Вместо* „можно пуститься“: *а.* можно конечно пуститься *б. как в тексте* PK_2

21 *Вместо* „картинки, портретики“: картинки и [всякие] портретики PK_2

23 „пусть их набирают другие деньги“ *С,* PK_2; *П, Тр* — пусть другие набирают деньги

25 „Иногда хотелось ~ кутнуть“ *С,* PK_2; *П, Тр* — Иногда нашему художнику точно хотелось кутнуть

26 *Вместо* „кутнуть, щегольнуть“: *а.* то, что называют иные *б. как в тексте* PK_2

Стр. 86

1 *Вместо* „кое в чем значительно их опередил“: *а.* кое в чем ушел значительно пред ними *б. как в тексте* PK_2

5 *Вместо* „Иногда становилось ему досадно“: *а.* Иногда думал он зачем *б. как в тексте* PK_2

6 *Вместо* „заезжий живописец“: *а.* какой-нибудь заезжий живописец *б. как в тексте* PK_2

10 „скапливал себе“ *С,* PK_2, *П; Тр* — накоплял себе

16 *Вместо* „Тогда завидно рисовалась“: *а.* Тогда чем-то сильно *б.* Тогда завидным *в. как в тексте* PK_2

21 *Вместо* „Есть же наконец“: *а.* Есть же однакож *б. как в тексте*

22 *Вместо* „я завтра буду обедать“: я буду завтра обедать PK_2

25 *Вместо* „за все двугривенный дадут“: за всех двугривенного дадут PK_2

26 *Вместо* „каждая из них предпринята“: каждая из них была предпринята PK_2

30 „с антиков из натурного класса“ *П, Тр*; *С,* PK_2 — с антиков и натурного класса

35 *Вместо* „тогда как бы мог“: *а.* тогда как бы я *б. как в тексте* PK_2

Стр. 86.

35 „как бы мог блеснуть“ *С, РК*$_2$; *П, Тр* — как мог бы блеснуть

35 *Вместо* „не хуже других“: не хуже [других теперь же] *РК*$_2$

36 *Вместо* „быть таким как они“: быть также как они *РК*$_2$

36 *Вместо* „с деньгами“: *а.* с капиталом *б. как в тексте РК*$_2$

37 *Вместо* „на него ~ искаженное лицо“: *а.* На него глядело пристально чье-то *б.* на него глядело пристально что-то *в.* на него глядело чье-то судорожно искаженное лицо, высунувшись из-за двух стоявших перед ним холстов[1] *г. как в тексте РК*$_2$

Стр. 87

2 *Вместо* „Два страшные глаза“: *а.* Глаза его так страшно устремились в него *б.* Два громоносных глаза *в. как в тексте РК*$_2$

7 *Вместо* „остановился и засмеялся. Чувство страха отлегло вмиг“: *а.* остановился и засмеялся. От души вдруг отлегло чувство страха *б. как в тексте РК*$_2$

9 *Вместо* „озаривши комнату“: озарившее комнату *РК*$_2$

10 *Вместо* „сообщило ему странную живость“: *а.* сообщило ему странное действие и *б. как в тексте РК*$_2$

11 *Вместо* „Омокнул в воду“: *а.* Взял вмокнул *б. как в тексте РК*$_2$

11 „Омокнул в воду“ *С, РК*$_2$; *П, Тр* — Обмакнул в воду

11 *Вместо* „прошел ею“: *а.* и прошедши ею *б. как в тексте РК*$_2$

12 *Вместо* „смыл с него ~ необыкновенной работе“: *а.* смыл [почти] с него почти всю накопившуюся и набившуюся пыль и грязь, дивясь невольно силе кисти по мере того, как выходили яснее черты. Наконец всё лицо *б. как в тексте РК*$_2$

15 *Вместо* „он наконец вздрогнул и, попятившись назад, произнес“: *а.* он невольно вздрогнул и отошедши немного назад *б. как в тексте РК*$_2$

18 „слышанная давно им“ *С, РК*$_2$, *П; Тр* — слышанная им давно

23 „окончательнейшее произведение искусства“ *С, РК*$_2$; *П, Тр* — окончаннейшее произведение искусства

22 *Вместо* „за ~ произведение искусства“: *а.* за ~ произведение, за диво искусства *б. как в тексте РК*$_2$

24 „Окончательнее всего“ *С, РК*$_2$; *П, Тр* — Окончаннее всего

27 *Вместо* „однакоже в сем, ныне бывшем пред ним, портрете“ *а.* однакоже в этом стоявшем теперь портрете *б.* однакоже в сем висевшем пред ним *в. как в тексте РК*$_2$

27 „в сем ~ портрете“ *С, РК*$_2$; *П, Тр* — в этом ~ портрете

37 *Вместо* „это живая натура“: *а.* это просто сама натура *б. как в тексте РК*$_2$

37 *Вместо* „странно-неприятное чувство“: *а.* странно-неприятное даже движенье *б. как в тексте РК*$_2$

---

[1] высунувшись из-за двух холстов, стоявших перед ним

Стр. 88

2 *Вместо* „ярким, нестройным криком“: *а.* ярким, но нестройным криком *б. как в тексте* $РК_2$

7 *Вместо* „в той действительности, какая открывается тогда“: *а.* в той действительности, которая предстанет человеку *б.* в той действительности, какая открывается чело⟨веку⟩ *в. как в тексте* $РК_2$

8 *Вместо* „вооружаешься анатомическим ножом“: *а.* вооружается он *б. как в тексте* $РК_2$

9 *Вместо* „рассекаешь его внутренность и видишь“: *а.* рассекает его внутренность и видит *б. как в тексте* $РК_2$

11 „в каком-то свету“ *С,* $РК_2$*; П, Тр* — в каком-то свете $РК_2$

14 *Вместо* „ровнее всё течет и движется“: *а.* ровнее всё кажется *б. как в тексте* $РК_2$

14 *Вместо* „И почему же та же самая природа“: *а.* и та же самая природа *б. как в тексте* $РК_2$

16' *Вместо* „а между прочим он так же был“: *а.* видишь что он так же был *б. как в тексте* $РК_2$

17 *Вместо* „Но нет, нет в ней чего-то озаряющего“: *а.* а между тем нет, нет чего-то озаряющего, всё нет[1] солнца, без которого же местоположение и вид уже не тот, не вид *б. как в тексте* $РК_2$

17 *Вместо* „Всё равно как вид в природе“: *а.* Всё равно как картинное местоположение, как бы ни был великолепен вид в природе *б. как в тексте* $РК_2$

18 *Вместо* „как он ни великолепен, а всё недостает чего-то“: *а.* а всё в нем кажется, как недостает *б. как в тексте* $РК_2$

19 *Вместо* „если нет на небе солнца“: *а.* и если нет в это время на небе солнца *б. как в тексте* $РК_2$

26 *Вместо* „или что другое ~ только ему“: *а.* или что другое, только ему *б. как в тексте* $РК_2$

32 *Вместо* „как будто сей же час“ *а.* как будто вот сей же час *б. как в тексте* $РК_2$

36 *После* „боязни“ *начато:* Наконец $РК_2$

Стр. 89

1 *Вместо* „взглянет через плечо“: *а.* взглянет в ⟨лицо⟩ *б. как в тексте* $РК_2$

4 *Вместо* „отправился к себе“: [встал] и отправился к себе $РК_2$

4 *Вместо* „лег в постель“: лег [к себе] в постель $РК_2$

6 *Вместо* „висевший на стене портрет“: *а.* стоявший пред *б. как в тексте* $РК_2$

7 „Глаза еще страшнее“ *С,* $РК_2$*, П; Тр* — Глаза еще страннее

---

[1] кажется нет

Стр. 89

17 *Вместо* „просвечивать сквозь холстину“: *а.* просвечивать сквозь простыню *б. как в тексте* $РК_2$

21 „прямо в него“ *С, $РК_2$; П, Тр* — прямо на него

22 „к нему во-внутрь“ *С, $РК_2$; П, Тр* — к нему внутрь

28 *Вместо* „стало сильнее колотиться“: стало сильно колотиться $РК_2$

34 *Вместо* „не движутся члены“: *а.* не движутся составы *б. как в тексте* $РК_2$

36 *Вместо* „страшный фантом“: странный фантом $РК_2$

Стр. 90

3 *Вместо* „схвативши за два конца, встряхнул“: схвативши за два конца [с другой стороны] встряхнул [его] $РК_2$

5 *После* „столбиков“ *было начато*: они $РК_2$

11 „оно разворачивалось“ *С, $РК_2$, П; Тр* — оно развертывалось

12 „и заворачивалось вновь“ *С, $РК_2$, П; Тр* — и свертывалось вновь

14 *Вместо* „подалее от других у самой ножки“: *а.* подалее от других, бывший почти у самой ножки *б. как в тексте* $РК_2$

14 „у самой ножки его кровати“ *С, $РК_2$; П, Тр* — к самой ножке его кровати

18 *Вместо* „уложил их снова“: *а.* положил их снова *б. как в тексте* $РК_2$

21 „Он сжимал покрепче“ *С, $РК_2$, П; Тр* — Он сжимал крепче

21 *После* „сверток свой в руке“ *начато*: как $РК_2$

21 *Вместо* „дрожа всем телом“: дрожа всем духом $РК_2$

25 „стиснул он всею силою“ *С, $РК_2$; П, Тр* — художник стиснул всею силою

35 *Вместо* „держала за минуту“: *а.* держала только за минуту *б. как в тексте* $РК_2$

36 *Вместо* „выступать из темных углов“ *а.* выступать из углов *б. как в тексте* $РК_2$

37 „гипсовую руку“ $РК_2$; *С, П, Тр* — готовую руку

Стр. 91

2 *Вместо* „заметил он, что не лежит“: *а.* заметил он, что он не был *б. как в тексте* $РК_2$

5 *После* „простыни на нем“ *начато*: точ⟨но⟩ $РК_2$

19 „рука чувствует доныне, как будто бы“ *С; $РК_2$; П, Тр* — рука еще чувствует как будто бы

27 *Вместо* „уже не мог изъяснить: *а.* уже не знал, что это *б. как в тексте* $РК_2$

Стр. 92

4 „почувствовал он приближающуюся дремоту“ *С; $РК_2$; П, Тр* — почувствовал он дремоту

5 *Вместо* „отошел прочь, лег“: он отошел прочь [и] лег $РК_2$

Стр 92

11 „заставленные картинами“ *С, РК₂, П; Тр* — заставленных картинами

15 *После* „припоминанья“ *начато*: его *РК₂*

17 *Вместо* „точно ли это был сон“: *а.* не было ли это даже [просто] виденье, был скорее бред и бе⟨ссоница?⟩ *в. как в тексте РК₂*

18 *Вместо* „Сдернувши простыню ~ страшный портрет“: *а.* Он, сдернув простыню, стал его рассматривать внимательнее *б.* Сдернувши простыню ~ странный портрет *РК₂*

20 *Вместо* „необыкновенной живостью“: *а.* странной *б. как в тексте РК₂*

21 *Вместо* „ничего ~ особенно страшного“: *а.* ничего в них не было страшного *б.* ничего [теперь] он не находил особенно страшного *РК₂*

22 *Вместо* „неизъяснимое неприятное чувство“: неизъяснимо-неприятное чувство *РК₂*

23 *Вместо* „он всё-таки не мог“: *а.* он не мог *б. как в тексте РК₂*

24 *Вместо* „это был сон“: *а.* это был решительный сон *б. как в тексте РК₂*

25 *Вместо* „страшный отрывок“: странный отрывок *РК₂*

27 *Вместо* „как будто что-то говорило“: *а.* было что-то написано *б. как в тексте РК₂*

23 „был у него эту ночь“ *С, РК₂, П; Тр* — был у него в эту ночь

28 *Вместо* „рука его ~ тяжесть“: *а.* и рука его чувствовала как будто бы в ней только что была какая-то тяжесть *б. как в тексте РК₂*

28 „только что лежавшую“ *С, РК₂; П, Тр* — только лежавшую

29 „в себе тяжесть“ *С, РК₂, П; Тр* — в ней тяжесть

29 *Вместо* „как будто бы кто-то за одну только минуту пред сим“: *а.* как будто сию минуту кто-то *б. как в тексте РК₂*

30 *Вместо* „её выхватил у него“: *а.* выхватил у него что-то из рук *б. как в тексте РК₂*

32 *Вместо* „он верно остался бы“: *а.* то он верно остался бы *б. как в тексте РК₂*

32 *Вместо* „и после пробуждения“: *а.* и по пробуждении *б. как в тексте РК₂*

Стр. 93

7 *Вместо* „нежели для богатых“: чем для богатых *РК₂*

9 *Вместо* „одно из творений“: одно из тех творений *РК₂*

14 *Вместо* „был капитан“: был и капитан *РК₂*

26 „он запрятывался“ *С, РК₂; П, Тр* — тот запрятывался

26 *Вместо* „человек в отставке“: был человек в отставке *РК₂*

27 *Вместо* „тряски на перекладных“: тряски на перекладной *РК₂*

36 *Вместо* „конюшню нанимает“: *а.* конюшню снимает *б. как в тексте РК₂*

Стр. 94

1 *После* „жильцы“ *было:* не вам чета $РК_2$

3 *Вместо* „сейчас же заплатить“: сей же час заплатить $РК_2$

12 *Вместо* „Добро бы были картины ~ какой-нибудь генерал“: *а.* Добро были бы такие, чтобы можно было на стену повесить, с благородным содержанием, был бы какой-нибудь генерал *б. как в тексте* $РК_2$

18 „гвозди из задвижек повыдергивал“ *С,* $РК_2$; *П, Тр* — гвозди из задвижек повыдергэл

21 *После* „какой ни валялся“ *было:* в комнате $РК_2$

29 *Вместо* „и тут же показал“: *а.* и показал тот же час *б. как в тексте* $РК_2$

30 *Вместо* „душа живее хозяйской“: *а.* душа была и живее хозяйской *б. как в тексте* $РК_2$

30 *Вместо* „и даже была не чужда“: *а.* и не была вовсе чужда *б. как в тексте* $РК_2$

36 *Вместо* „не обращая на него глаз“: *а.* не обращая на это вниманья *б. как в тексте* $РК_2$

Стр. 95

1 *Вместо* „в другое место отнести“: *а.* в другое место поместить *б. как в тексте* $РК_2$

2 *Вместо* „под носом слишком видное место“: *а.* под носом-то слишком видное место *б. как в тексте* $РК_2$

3 *Вместо* „подходя к портрету старика“: *а.* подходя к странному портрету *б. как в тексте* $РК_2$

10 *Вместо* „одна упала на пол“: *а.* половина ее упала на пол *б. как в тексте* $РК_2$

13 *Вместо* „бросился он поднять“: *а.* бросился он подымать *б. как в тексте* $РК_2$

14 „в руке, опустившейся вниз“ $РК_2$; *С, П, Тр* — в руке, спустившейся вниз

18 *Вместо* „бросился Чартков прибрать“: бросился Чартков прибрать его $РК_2$

25 *Вместо* „не хотели заплатить прежде: *а.* не хотели заплатить до сих пор *б. как в тексте* $РК_2$

Стр. 96

5 „с ~ трепетаньем“ *С,* $РК_2$; *П, Тр* — с ~ трепетом

9 *Вместо* „ В свертке было ровно их тысяча“: *а.* В свертке было ровно тысяча червонных *б. как в тексте* $РК_2$

14 *Вместо* „ящиками, оставляемых предками“: *а.* ящиками, которые *б. как в тексте* $РК_2$

16 *Вместо* „Он мыслил“: *а.* Он ду⟨мал⟩ *б. как в тексте* $РК_2$

29 *После* „высокой работе“ *было:* живость глаз была также изумительна, как и прежде, но уже не казалась ему страшною $РК_2$

Стр. 96.

29 *После* „отделке глаз“ *начато*: хотя они $РК_2$

30 *После* „страшными“ *было*: Он всматривался в них без всякого страха, хотя всё $РК_2$

31 *Вместо* „оставалось всякой раз невольно неприятное чувство“: *а.* оставалось невольно неприятное всякой раз *б. как в тексте* $РК_2$

32 „сказал он сам в себе“ *С*, $РК_2$; *П*, *Тр* — сказал он сам себе

33 *После* „золотые рамки“ *начато*: Он $РК_2$

35 *Вместо* „и сердце забилось“: сердце забилось $РК_2$

36 „Что с ним сделать“ *С*, $РК_2$; *П*, *Тр* — Что с ними сделать

36 *Вместо* „уставив на них глаза: *а.* уставив на них очи *б. как в тексте* $РК_2$

Стр. 97

3 *После* „никто не станет“ *было*: велю отлить себе гипсовый торсик $РК_2$

10 *Вместо* „раздавался другой голос“: *а.* раздавался какой-то голос *б. как в тексте* $РК_2$

13 „всё то, на что“ *С*, $РК_2$; *П*, *Тр* — всё, на что

16 *Вместо* „разговеться после долгого поста“: *а.* войти в свет *б. как в тексте* $РК_2$

19 *Вместо*: „зашел к портному“: *а.* отправился к портному *б. как в тексте* $РК_2$

20 „стал обсматривать“ *С*, $РК_2$; *П*, *Тр* — стал осматривать

21 „накупил духов, помад“ *С*, $РК_2$; *П*, *Тр* — накупил духов, помады

25 „более, чем было“ $РК_2$; *П*, *Тр* — более нежели сколько было

28 „объелся без меры конфектов“ *С*, $РК_2$, *П*; *Тр* — объелся без меры конфект

32 *Вместо* „завитые локоны“: *а.* завитые во⟨лосы⟩ *б. как в тексте* $РК_2$

Стр. 98

5 *Вместо* „холст“: холсты $РК_2$

7 „расставил что“ $РК_2$, *П*, *Тр*; *С* — расставил то, что

10 *Вместо* „возродилось желанье“: *а.* оказалось желанье *б. как в тексте* $РК_2$

11 *Вместо* „показать себя свету“: *а.* показать себя в свете *б. как в тексте* $РК_2$

11 *Вместо* „Уже чудились ему крики“: [В голове его] уже чудились [всякие] крики [как везде говорят] $РК_2$

14 *Вместо* „Он ходил ~ ни весть куда“: *а.* Он ерошил себе волоса и борзо ходил по комнате *б. как в тексте* $РК_2$

16 *Вместо* „взявши десяток червонцев отправился он“: *а.* взявши десяток червонцев немедленно отправился он *б. как в тексте* $РК_2$

16 *Вместо* „к одному издателю“: к одному [продажному] издателю $РК_2$

Стр. 98

17 *Вместо* „прося великодушной помощи“: прося о великодушной помощи PK_2

20 *Вместо* „об имени, отчестве“: об имени, отечестве PK_2

23 *Вместо* „Спешим обрадовать“: Спешим уведомить PK_2

24 *Вместо* „прекрасным ~ приобретением“: с прекрасным ~ приобретением PK_2

30 „соединяющий в себе, что нужно“ *С, PK_2; П, Тр* — соединяющий в себе всё, что нужно

32 *Вместо* „красоты ~ очаровательной чудесной“: красоты ~ очаровательной приятной чудесной PK_2

33 *Вместо* „подобной мотылькам“: *а.* подобной весеннему мотыльку *б. как в тексте* PK_2

35 *Вместо* „своей семьей“: всей своей семьей PK_2

Стр. 99

4 *Вместо* „достойной Вандиков“: *а.* достойной Гвидо Рени *б. как в тексте* PK_2

8 *Вместо* „счастливый билет“: счастливейший билет PK_2

15 *Вместо* „лицо его просияло“: *а.* лицо его заметно просияло *б. как в тексте* PK_2

15 *Вместо* „это было для него новостию“: это была для него новость PK_2

17 *Вместо* „Сравнение с Вандиком“: *а.* Сравнение с Гвидо *б. как в тексте* PK_2

20 *Вместо* „и по отчеству“: и по отечеству PK_2

22 „садился на кресла“ *С, PK_2; П, Тр* — садился в кресла

27 „дама, предводимая“ *С, PK_2; П, Тр* — дама, сопровождаемая

28 *Вместо* „в ливрейной шинели на меху“: *а.* в ливрейной шинели с меховым воротником *б. как в тексте* PK_2

29 *Вместо* „вошла ~ девочка“: взошла ~ девица PK_2

32 *Вместо* „наставила на глаз лорнет“: наставила на глаз свой лорнет PK_2

36 „я только что переехал еще“ *С, PK_2; П, Тр* — я только что переехал

Стр. 100

9 *Вместо* „программы, перспективы“: *а.* программы и карто⟨ны⟩ *б. как в тексте* PK_2

24 *Вместо* „у него даже больше выраженья“: *а.* у него дальше *б. как в тексте* PK_2

29 „Нужно чтобы вы непременно“ *С, PK_2; П, Тр* — Надо чтобы вы непременно

35 *Вместо* „вперил глаз“: *а.* и взглянул и вперил глаз PK_2

Стр. 101

2 „в новом платье“ *РК₂; С, П, Тр* — в одном платье

12 *Вместо* „Он уже представлял себе“: *а.* Он уже видел *б. как в тексте* $РК_2$

18 „и сидела бы“ *нет* $РК_2$

22 *Вместо:* „простоты, простоты“: простоты, понимаете $РК_2$

25 *После* „чуть не восковыми“ *было:* фигурами $РК_2$

32 *Вместо* „начал даже выказывать“: *а.* и начал уже выказывать *б. как в тексте* $РК_2$

34 *Вместо* „произнося вслух“: *а.* произнося иногда вслух *б. как в тексте* $РК_2$

34 *Вместо* „временами подпевая“: *а.* и даже временами подпевая *б. как в тексте* $РК_2$

34 *Вместо* „как случается с художником“: *а.* как случается с тем, который занят *б. как в тексте* $РК_2$

37 *Вместо* „который наконец начал сильно вертеться“: *а.* наконец так сильно стал вертеться *б. как в тексте* $РК_2$

Стр. 102

12 *Вместо* „вместо того просидеть“: *а.* вместо того приехать *б. как в тексте* $РК_2$

12 *Вместо* „в другой раз долее“: *а.* в другой присест долее *б. как в тексте* $РК_2$

14 „что его никто не перебивал“ *П, Тр; С,* $РК_2$ — что ему никто не перебивал

17 *Вместо* „пиши с него, сколько угодно“: пиши с него [бывало] сколько угодно $РК_2$

24 *Вместо* „с веселым видом“: *а.* с просветлевшим видом *б. как в тексте* $РК_2$

32 *Вместо* „вошло к нему в комнату“: *а.* вошло в его комнату *б. как в тексте* $РК_2$

Стр. 103.

6 *Вместо* „много помогли ему“: *а.* уже много помогли ему *б. как в тексте* $РК_2$

7 *Вместо* „много такого, что, быв уловлено“: много такого, которое быв уловлено $РК_2$

8 *Вместо* „могло придать“: *а.* может придать *б. как в тексте* $РК_2$

9 *Вместо* „увидел“: *а.* он увидел *б. как в тексте* $РК_2$

9 *Вместо* „если выполнить всё“: *а.* если прида⟨ть?⟩ *б. как в тексте* $РК_2$

10 *Вместо* „в такой окончательности“: *а.* с такой окончательностью *б. как в тексте* $РК_2$

10 „в такой окончательности“ *С;* $РК_2$; *П, Тр* — в такой оконченности

10 *Вместо* „представлялась ему натура“: представилась ему натура $РК_2$

Стр. 103

12 *Вместо* „когда он почувствовал“: *а.* при мысли *б. как в тексте* PK_2

13 *Вместо* „Работа заняла его всего“: *а.* Работа вдруг заняла его всего *б. как в тексте* PK_2

14 *Вместо* „позабыв опять“: *а.* позабыв вовсе *б. как в тексте* PK_2

17 *Вместо* „прозрачное тело“: прозрачное нежное тело PK_2

22 „говорила дама“ *нет П, Тр*

24 *Вместо* „Художник стал изъяснять“: *а.* Художник начал изъяснять *б. как в тексте* PK_2

25 *Вместо* „именно разыгрываются“: именно [и] разыгрываются PK_2

27 *Вместо* „не составят никаких тонов“: *а.* не составят совсе⟨м⟩ *б.* не составят никаких вовсе тонов PK_2

30 *После* „художник“ *было:* Но тут-то ему и запретили употреблять желтенькую краску PK_2

32 *Вместо* „немножко не расположена“: *а.* немножко больна *б. как в тексте* PK_2

33 *Вместо* „желтизны в ней никакой не бывает“: желтизны в ней никакой не бывает [вовсе] PK_2

„лицо поражает“ *С,* PK_2*; П; Тр* — лицо ее поражает PK_2

37 *Вместо* „сообщать ему ~ даже лица“: *а.* сообщать ему даемый⟨?⟩ наизусть колорит, образующий даже лица *б. как в тексте* PK_2

Стр. 104

5 „Она изъявила“ *С,* PK_2*; П; Тр* — Она изъявляла

6 *Вместо* „будто он в два сеанса“: *а.* будто бы он в два сеанса *б. как в тексте* PK_2

7 *Вместо* „оканчивает совершенно портрет“: *а.* оканчивает совершенно свой урок *б. как в тексте* PK_2

7 „ничего не нашелся на это отвечать“ *С,* PK_2*, П; Тр* — ничего не нашел на это отвечать

8 *Вместо* „Дамы поднялись и собирались выйти“: *а.* Дамы стали оправляться и собираться выйти *б. как в тексте* PK_2

16 *Вместо* „головку ~ набросал на полотно“: *а.* головку Психеи, котор⟨ая⟩ создалась когда-то идеально в голове его и которую он эскизно набросал на полотно *б. как в тексте* PK_2

18 *Вместо* „личико, ловко написанное“: *а.* личико, ловко набросанное *б. как в тексте* PK_2

19 *Вместо* „состоявшее из одних общих черт“: *а.* состоявшее из каких то общих черт *б. как в тексте* PK_2

19 *Вместо* „не принявшее живого тела“: [и] не принявшее живого тела PK_2

26 *Вместо* „производит ей равное создание“: *а.* производит не копию, но равное ей создание *б. как в тексте* PK_2

Стр. 104

29 *Вместо* „сообщился Психее“: сообщился [его] Психее *РК*$_2$

30 *Вместо* „право на название истинно оригинального произведения“: *а.* право на название прямо оригинального произведения *б. как в тексте РК*$_2$

31 *Вместо* „воспользовался ~ вместе всем“: воспользовался ~ вкупе всем *РК*$_2$

35 *Вместо* „приезд знакомых дам“: *а.* приход светской дамы, приехавшей по обыкновению со своей дочерью *б. как в тексте РК*$_2$

35 *Вместо* „Он не успел снять“: *а.* Он даже позабыл снять *б. как в тексте РК*$_2$

Стр. 105

12 *Вместо* „написать также“: написать тоже *РК*$_2$

13 *Вместо* „хотелось также“: хотелось тоже *РК*$_2$

„за то, что им хочется“ *С, РК*$_2$*; П, Тр* — за то, чего им хочется

18 *Вместо* „я кое-что немножко трону“: *а.* я кое-что с вас трону *б. как в тексте РК*$_2$

29 *Вместо* „уж чересчур близко“: *а.* уже слишком близко *б. как в тексте РК*$_2$

30 *Вместо* „деньгами, комплиментом“: *а.* деньгами, комплиментами *б. как в тексте РК*$_2$

Стр. 106

4 *Вместо* „разнообразием, множеством лиц“: *а.* разнообразнейших лиц *б.* разнообразием и множеством лиц *РК*$_2$

7 *Вместо* „более занятой, нежели всякой другой“: более занятой, чем всякой другой *РК*$_2$

14 „природу в ее окончательности“ *С, РК*$_2$*; П, Тр* — природу в ее оконченности

19 *Вместо* „иногда вовсе ~ все углы“: *а.* иногда нечего удерживать, все углы окру⟨глить?⟩ *б. как в тексте РК*$_2$

23 *Вместо* „они принимали ~ в изумленье художника“: *а.* они принимали выраженье часто вовсе несвойственное лицу *б. как в тексте РК*$_2$

24 *Вместо* „та старалась изобразить ~ хотела“: *а.* та старалась изобразить в лице своем задумчивость, меланхолию, или желая *б. как в тексте РК*$_2$

28 *Вместо* „в одну точку, не больше“: в одну точку [никак] не больше *РК*$_2$

28 *Вместо* „И не смотря на всё это“: *а.* И при всем том *б. как в тексте РК*$_2$

34 „гражданский сановник“ *РК*$_2$*; С, П, Тр* — гражданский чиновник

35 *Вместо* „побольше было прямоты, благородства в лице“: *а.* побольше прямого благородства было в лице *б.* побольше было прямоты и благородства в лице *РК*$_2$

Стр. 107

3 *Вместо* „Наконец он добрался, в чем было дело“: *а.* Он добрался наконец, в чем было дело *б. как в тексте* $РК_2$

6 *Вместо* „Кто хотел Марса“: *а.* Кто хотел быть *б. как в тексте* $РК_2$

6 *Вместо* „он в лицо совал“: он ему в лицо совал $РК_2$

8 *После* „желали быть дамы“ *было:* или же просто собранием всех прелестей $РК_2$

20 *Вместо* „его званье“: это званье $РК_2$

24 *Вместо* „определил ~ лакеев“: *а.* завел ~ лакеев *б. как в тексте* $РК_2$

27 *Вместо* „принимать посетителей, занялся украшением“: *а.* принимать посетителей и украшением *б. как в тексте* $РК_2$

33 „он изъяснялся теперь резко“ $РК_2$, *П, Тр; С* — он изъяснялся теперь редко

36 *Вместо* „что существует только в воображении“: *а.* что это существует более только в воображении *б. как в тексте* $РК_2$

37 *Вместо* „будто бы видно в них присутствие“: *а.* будто бы видно в них чувство *б. как в тексте* $РК_2$

Стр. 108

5 *Вместо* „что грациозности в нем нет никакой“: [но] что грациозности в нем нет [вовсе] никакой $РК_2$

6 „настоящий блеск, силу кисти и колорит“ *С,* $РК_2$, *П; Тр* — настоящего блеска, силы кисти и колорита

6 *Вместо* „блеск, силу кисти“: блеск [и] силу кисти $РК_2$

10 „Этот человек“ *С,* $РК_2$*; П, Тр* — Человек

10 *Вместо* „человек, который копается“: *а.* человек, скорее труженик, который копается *б. как в тексте* $РК_2$

12 *Вместо* „Я не поверю“: *а.* Уж в нем я не поверю *б. как в тексте* $РК_2$

12 *Вместо* „Гений творит смело“: *а.* Художник творит смело *б. как в тексте* $РК_2$

17 *Вместо* „что лепится строчка за строчкой“: *а.* что делается долго и лепится строчка за строчкой *б. как в тексте* $РК_2$

21 *Вместо* „Это талант, истинный талант“: Это талант, это истинный талант $РК_2$

25 *Вместо* „слышать о себе“: слышать об себе $РК_2$

28 *Вместо* „печатный лист“: печатный листок $РК_2$

31 *Вместо* „стали ему надоедать“: стали ему [отчасти] надоедать $РК_2$

32 *Вместо* „положенье и обороты“: положенья и обороты $РК_2$

37 *Вместо* „поразить силою, эффектом“: поразить силою [как-нибудь] эффектом $РК_2$

Стр. 109

7 *Вместо* „Однообразные ~ лица чиновников“: *а.* Однообразные лица, застегнутые лица тех же чиновников *б. как в тексте* $РК_2$

9 „она позабывала“ *С,* $РК_2$*; П, Тр* — она позабыла

Стр. 109

11 *Вместо* „о художественной драме“: *а.* об исторических созданьях *б. как в тексте* $РК_2$

13 *Вместо* „чувствует холод художник“: чувствует холод [истинный] художник $РК_2$

16 *Вместо* „они всё еще пользовались“: они всё еще расходились, всё еще пользовались $РК_2$

19 *Вместо* „знавшие Чарткова прежде“: знавшие Чарткова [лично] прежде $РК_2$

20 *Вместо* „которого признаки“: которого [яркие] признаки $РК_2$

23 *Вместо* „тогда как он“: *а.* вместо *б. как в тексте* $РК_2$

31 *После* „на экзамены, в комитеты“ *было:* Уже он начинал верить, что всё на свете делается просто без всякого вдохновенья $РК_2$

34 „но потому, чтобы колоть“ *С,* $РК_2$; *П, Тр* — но затем, чтобы колоть

36 „укорять без изъятья молодежь“ *С,* $РК_2$; *П, Тр* — укорять без изъятья всю молодежь

Стр. 110

13 *Вместо* „тому, кто украл ее“: тому, который украл ее $РК_2$

18 *Вместо* „кому достается“: которому достается $РК_2$

19 *Вместо* „недоступным ко всему, кроме золота“: недоступным ко всему, равнодушным ко всему, кроме золота $РК_2$

22 *Вместо* „в нашем бесчувственном свете“: *а.* в нашем холодном мире *б. как в тексте* $РК_2$

25 *Вместо* „движущимися каменными гробами с мертвецом внутри на место сердца“: *а.* движущимися окаменелостями, а не людьми *б. как в тексте* $РК_2$

26 „на место сердца“ *С,* $РК_2$; *П, Тр* — вместо сердца

26 *Вместо* „разбудило весь его жизненный состав“: *а.* разбудило вдруг *б.* разбудило ужасно *в. как в тексте* $РК_2$

37 *Вместо* „спеет величавый рассадник искусств“: *а.* спеет великий рассадник искусств *б. как в тексте* $РК_2$

Стр. 111

1 *Вместо* „так полно и сильно“: *а.* так сильно и полно *б. как в тексте* $РК_2$

2 *Вместо* „Там как отшельник“: *а.* Там весь *б. как в тексте* $РК_2$

3 *Вместо* „в труд и ~ занятья“: *а.* в труд и занятья *б. как в тексте* $РК_2$

8 *Вместо* „Ему не было нужды“: *а.* Ни до чего *б. как в тексте* $РК_2$

9 *Вместо* „Всем пренебрегал он“: Всем пренебрег он $РК_2$

24 „что нет того, что бы не отразилось“ — *С;* $РК_2$; *П, Тр* — и нет ничего, что бы не отразилось

Стр. 111

26 *Вместо* „величавую идею созданья“: *а.* чудную красоту совершения *б. как в тексте* PK_2

27 *Вместо* „высокую прелесть“: [и] высокую прелесть PK_2

32 *Вместо* „царствовало всюду“: *а.* царствовало повсюду *б. как в тексте* PK_2

32 *Вместо* „Он поспешил принять“: *а.* Чартков приняв *б. как в тексте* PK_2

37 *После* „оно над всем“ *было:* и с изумленьем толпа знатоков созерцала прекрасные до изумления его фигуры[1] PK_2

Стр. 112

2 *Вместо* „стыдливо опустили прекрасные ресницы“: *а.* казалось стыдливо опустили свои прекрасные ресницы *б. как в тексте* PK_2

5 *Вместо* „изученье Рафаэля, отраженное“: [глубокое] изученье Рафаэля видно было PK_2

8 *Вместо* „заключенная в душе“: заключенная в [самой] душе PK_2

9 *Вместо* „Последний предмет“: *а.* Самый мелкий предмет *б. как в тексте* PK_2

10 *Вместо* „во всём постигнут закон“: всего был постигнут закон PK_2

13 *Вместо* „выходит углами у копииста“: выходит углами у [простого] копииста PK_2

15 *Вместо* „из душевного родника“: из душевного родника [своего] PK_2

17 *Вместо* „И стало ясно даже непосвященным“: И стало ясно [всем], даже непосвященным PK_2

19 *После* „копией с природы“ *было:* Чем более смотрели на картину, тем выше и выше отделялась она от всего PK_2

20 *Вместо* „той необыкновенной тишины“: *а.* той благоговейной тишины *б. как в тексте* PK_2

23 *Вместо* „отделялась от всего и вся превратилась“: *а.* отделялась ото всего и казалось *б.* отделялась ото всего и вся превратилась PK_2

24 *Вместо* „плод налетевшей с небес на художника мысли“: *а.* в быстрый плод налетевшей с небес на художника мысли *б. как в тексте* PK_2

Стр. 113

35 *Вместо* „Запер ся ~ в работу“: Остался один, запер дверь и весь погрузился в работу PK_2

37 *Вместо* „сидел он за своим трудом“: *а.* сидел он над своей картиной *б. как в тексте* PK_2

---

[1] его группы

Стр. 114

1 „было всё то, что“ *С, РК₂; П, Тр* — было всё, что

10 *Вместо* „на незнакомом положении“: в незнакомом положении $РК_2$

12 *Вместо* „сказал он наконец“: сказал он наконец сам в себе $РК_2$

13 *Вместо* „произнесши эти слова“: сказавши эти слова $РК_2$

13 „эти слова“ $РК_2$, *П, Тр; С* — сии слова

17 *Вместо* „стал внимательно рассматривать их все“: стал [теперь] внимательно рассматривать их всех $РК_2$

26 *Вместо* „вышел у него из мыслей“: вышел из его мыслей $РК_2$

31 *Вместо* „как вспомнил, что некоторым образом“: как вспомнил [он], что некоторым образом $РК_2$

33 *Вместо* „родил в нём все суетные побужденья“: *а.* погубил *б.* произвел *в.* возродил в нем все побужденья *г.* возродил в нем все суетные побужденья $РК_2$

35 „Он в ту ж минуту“ *С,* $РК_2$; *П, Тр* — Он в ту же минуту

37 *Вместо* „волненье от того не умирилось“: волненье [в нем] от того не умирилось $РК_2$

Стр. 115

30 *Вместо* „Хула на мир и отрицание“: Хула на мир и [вечное] отрицание $РК_2$

31 *Вместо* „Казалось в нем олицетворился“: *а.* Это казалось *б. как в тексте* $РК_2$

34 *Вместо* „ничего не произносили“: ничего [др⟨угого⟩] не произносили $РК_2$

35 „все его даже знакомые“ *С;* $РК_2$; *П, Тр* — все даже знакомые

Стр. 116

13 „Он двоился“ *С;* $РК_2$, *П, Тр* — Портрет двоился

ЧАСТЬ II.

Стр. 117

2 „которые невинно прослыли“ *С,* $РК_2$; *П, Тр* — невинно прослыли

12 *Вместо* „Вид их и выраженье лиц“: *а.* Вид их и физиогномия *б. как в тексте* $РК_2$

15 *Вместо* „видна в русском купце, когда он у себя в лавке“: *а.* видна в русском купце, в его лавке *б. как в тексте* $РК_2$

17 „в этой же зале“ $РК_2$, *П, Тр; С* — в сей же зале

24 „бывать в нем“ *С;* $РК_2$; *П, Тр* — бывать на нем

Стр. 118

4 *Вместо* „чувство ~ страшно“: чувство ~ странно $РК_2$

5 *Вместо* „чем-то похожим“: что-то похожим $РК_2$

11 *Вместо* „Всё это, кажется, усиливает“: Всё это, казалось, усиливало $РК_2$

15 *Вместо* „хлопотала о чем-то наперерыв“: на перерыв о чем-то хлопотала $РК_2$

Стр. 118

17 *Вместо* „повторять надбавляемую цену“: *а.* повторять настоящую цену *б. как в тексте* $РК_2$

21 *Вместо* „выказывалась в нем очевидно“: *а.* видна была сильно *б.* видна была явно $РК_2$

22 *Вместо* „Портрет, повидимому“: Он как видно $РК_2$

25 *Вместо* „более всего обступившие были“: более всего, казалось, все [равномерно] обступившие были $РК_2$

27 *Вместо* „казалось, устремлялись во внутрь“; *а.* казалось, углублялись каждому в душу, поселяя невольно неприятное впечатление *б. как в тексте* $РК_2$

28 *Вместо* „Эта странность ~ заняли вниманье почти всех“: *а.* Это странное явленье заняло всех *б.* Эта странность ~ заняли почти всех $РК_2$

30 „Много уже ~ отступились“ *С, $РК_2$; П, Тр* — Много уже ~ отступилось

33 *Вместо* „такого приобретенья“: необыкновенного портрета $РК_2$

35 *Вместо* „один из тут же рассматривавших“: один из тут рассматривавших $РК_2$

35 *Вместо* „Позвольте мне прекратить на время ваш спор“: *а.* Одно слово прекратит ваш спор *б. как в тексте* $РК_2$

36 *Вместо* „более, нежели всякой другой“: более, чем всякой другой $РК_2$

37 *После* „на этот портрет“ *было:* Все как будто бы пробужденные какою ⟨то⟩ электрической искрой обратили глаза на произнесшего сии слова $РК_2$

37 *Вместо* „Слова эти вмиг“: Слова эти в один миг $РК_2$

Стр. 119

1 *Вместо* „обратили на него внимание всех“: обратили внимание на произнесшего их $РК_2$

3 *Вместо* „Приятное лицо, исполненное какой-то светлой беззаботности“: *а.* Приятное беззаботное светлое лицо его *б. как в тексте* $РК_2$

4 *Вместо* „душу, чуждую всех томящих светских потрясений“: душу, чуждую всяких томящих светских потрясений $РК_2$

8 *Вместо* „Как ни странны вам покажутся слова мои, ~ произнесть их“: *а.* Как ни странны вам покажутся слова мои, сказал он, окинув разом[1] всех устремивших с некоторого рода изумленьем на него свои взоры. Как ни странны буд⟨ут⟩ мои слова, но вы верно согласитесь со мною, когда я расскажу вам его странную историю *б. как в тексте* $РК_2$

---

[1] сказал он, видя

Стр. 119

9 *Вместо* „если вы решитесь“: *а.* если вы согласитесь *б. как в тексте* PK_2

12 *Вместо* „Весьма естественное любопытство“: Сильное любопытство PK_2

13 *Вместо* „и самый аукционист“: *а.* и самый *б.* и сам аукционист PK_2

14 *Вместо* „разинув рот, остановился“: разинув рот остановился и PK_2

15 *Вместо* „приготовляясь слушать“: *а.* остановился слушать *б.* [и] приготовляясь слушать PK_2

15 *После* „приготовляясь слушать“ *было: а.* Сначала еще, когда художник начал рассказ свой, некоторые обращали невольно глаза на портрет, но потом вперили⟨сь⟩ и глазами чувствовали *б.* Сперва еще PK_2

16 *Вместо* „обращались невольно глазами“: обращались [еще] невольно глазами PK_2

20 *Вместо* „Так он начал“: *а.* Таким образом начал он *б. как в тексте* PK_2

20 *Вместо* „всё непохоже на другие части Петербурга“: всё непохоже на другие PK_2

22 *Вместо* „перейдя в Коломенские улицы“: *а.* [как] перейдя в эту сторону *б. как в тексте* PK_2

24 *Вместо* „от столичного движенья“: *а.* от движенья столицы *б. как в тексте* PK_2

26 *Вместо* „имеющие знакомство с сенатом“: *а.* осудившие себя на приятное знакомство с сенатом *б.* имеющие приятное знакомство с сенатом PK_2

30 *Вместо* „на 5 копеек кофею да на четыре сахару“: на 5 копеек кофию и четыре сахару PK_2; *П, Тр* — на 5 копеек кофе да на четыре сахару

31 *Вместо* „разряд людей, который можно назвать“: разряд которого [одним сло⟨вом⟩] можно назвать PK_2

33 *Вместо* „имеют ~ наружность“: [и совсем] имеют ~ наружность PK_2

35 „ни сё, ни то“ *С,* PK_2; *П, Тр* — ни то, ни сё

Стр. 120

6 *Вместо* „сильного прилива“: смелого прилива PK_2

9 *Вместо* „удалец Мещанской улицы“: студент Мещанской улицы PK_2

18 *Вместо* „метут часто“: метут чисто PK_2

27 *Вместо* „вещицы полезные для дома“: вещицы полезные дома PK_2

29 „После сих тузов“ *С,* PK_2; *П, Тр* — После этих тузов

33 *Вместо* „Тут есть“: *а.* Тут были *б. как в тексте* PK_2

Стр. 120

33 „старухи, которые молятся; старухи, которые пьянствуют; старухи, которые и молятся и пьянствуют вместе; старухи, которые перебиваются“ — *РК*$_2$; *С, П, Тр* — старухи, которые пьянствуют, старухи которые перебиваются

36 *Вместо* „старое тряпье“: старые тряпья *РК*$_2$

Стр. 121

1 „часто самый несчастный осадок“ *С, РК*$_2$; *П, Тр* — чисто самый несчастный осадок

4 *Вместо* „Я для того привел их“: *а.* Я для того исчислил *б. как в тексте РК*$_2$

5 *Вместо* „этот народ находится“: *а.* этот народ должен *б. как в тексте РК*$_2$

10 *Вместо* „бесчувственней всяких больших“: бесчувственней всяких больших [ростовщиков] *РК*$_2$

12 *Вместо* „нищенских лохмотьев“: *а.* нищенских пла⟨тьев?⟩ *б. как в тексте РК*$_2$

13 *Вместо* „И потому ~ в душах“: *а.* И потому заранее теряют *б.* И потому уже слишком рано умирает в душе *в. как в тексте РК*$_2$

15 *После* „чувство человечества“ *было:* Не помешает сказать Вам, что время *РК*$_2$

17 *Вместо* „относится к прошедшему веку“: *а.* относится ко времени несравненно позднейшему *б.* относится к прошедшему [уже] веку *РК*$_2$

21 *После* „между ростовщиками“ *было:* не только теми, которые были в Коломне *РК*$_2$

21 „существо ~ необыкновенное“ *П, Тр; С* — существо ~ обыкновенное; *РК*$_2$ — существо необыкновенное

22 „в сей части города“ *С, РК*$_2$; *П, Тр* — в этой части города

24 *Вместо* „указывала на южное его происхождение“: указывала его южное происхождение *РК*$_2$

25 *Вместо* „какой именно был он нации“: какой именно был нации *РК*$_2$

26 *Вместо* „не мог сказать наверно“: не мог сказать наверно ничего. *РК*$_2$

28 *Вместо* „непостижимо-страшный цвет его“: *а.* непостижимо-страшный цвет лица его *б. как в тексте РК*$_2$

30 *Вместо* „жилище его не похоже было на прочие“: *а.* жилище его не похоже было на другие *б. как в тексте РК*$_2$

33 „когда-то настроили вдоволь“ *РК*$_2$, *Тр; С, П* — когда-то построили вдоволь

33 *Вместо* „Генуэзские купцы“: Генуэжские купцы *РК*$_2$

35 *Вместо* „Этот ростовщик отличался“: *а.* Он отличался *б. как в тексте РК*$_2$

Стр. 122

1 *Вместо* „Пред домом его“: *а.* Молва *б.* Пред домом точно *в. как в тексте* $РК_2$

1 *Вместо* „показывались часто“: *а.* показывались иногда *б. как в тексте* $РК_2$

2 *После* „блестящие экипажи“ *было:* Иногда из кареты высовывала голову блистательная светская дама $РК_2$

2 *Вместо* „иногда глядела голова роскошной светской дамы“: *а.* выглядывала оттуда из окон даже голова *б.* глядела иногда голова роскошной светской дамы $РК_2$

3 *Вместо* „Молва по обыкновению разнесла, что железные сундуки“: *а.* Молва по обыкновению разнесла всюду, что у него железные сундуки *б. как в тексте* $РК_2$

9 „арифметическими странными выкладками“ *С, $РК_2$; П, Тр* — странными арифметическими выкладками

9 *Вместо* „выкладками“: *а.* правилами *б. как в тексте* $РК_2$

11 *Вместо* „и что не могло ~ несчастным образом “: *а.* и что скоро не могло не поразить непонятным ужасом многих было ⟨то, что⟩ все деньги, которые давал он, никому не служили в прок и занимавшие все почти оканчивали жизнь их несчастным образом *б. как в тексте* $РК_2$

17 *Вместо* „в непродолжительное время пред глазами всех“: *а.* в непродолжительное время в глазах всех *б. как в тексте* $РК_2$

18 *Вместо* „были живы и разительны“: *а.* были слишком живы [в всеобщей памяти и разительны] *б. как в тексте* $РК_2$

19 *Вместо* „обратил на себя глаза юноша“: обратил на себя глаза [один] юноша $РК_2$

25 *Вместо* „согласное с собственными его требованиями место“: согласное с собственными его требованиями [души] место $РК_2$

26 *Вместо* „мог много произвести для наук и вообще для добра“: *а.* мог быть точно покровителем всего прекрасного *б.* мог произвести много[1] для наук и вообще для добра[2] $РК_2$

27 *Вместо* „Молодой вельможа“: *а.* Молодой художник *б. как в тексте* $РК_2$

28 „хотелось всему дать работу“ *С, $РК_2$, П; Тр* — хотелось всем дать работу

30 *Вместо* „надавал множество заказов“: *а.* произвел множество заказов *б. как в тексте* $РК_2$

35 *Вместо* „этот человек ~ изменился совершенно“: этот человек [вдруг] в непродолжительное время изменился совершенно[3] $РК_2$

Стр. 123

2 *Вместо* „на-беду случилась“: на беду [всего мира] случилась $РК_2$

4 *Вместо* „стал видеть“: стал [он] видеть $РК_2$

---

[1] точно [2] и общего добра [3] изменился страшно

Стр. 123

4 „гадостей“ *РК₂; С, П, Тр* — подозрений

7 *Вместо* „стал сочинять“: *а.* начал сочинять *б. как в тексте РК₂*

8 *Вместо* „Само собой разумеется“: *а.* Вы можете сами видеть *б. как в тексте РК₂*

11 *Вместо* „благородства души, украшающего“: благородства души, [так] украшающего *РК₂*

13 *Вместо* „но глубокий смысл их“: *а.* но по крайней мысли их *б.* но смысл *в. как в тексте РК₂*

13 *Вместо* „впечатлелся в сердцах многих“: *а.* впечатлелись [глубоко] в сердцах стариков *б. как в тексте РК₂*

14 *Вместо* „не под монархическим правлением“: *а.* не под монархическим угнетен⟨ием?⟩ *б. как в тексте РК₂*

16 *Вместо* „движенья души“: движенья души [и все] *РК₂*

18 *Вместо* „процветали под их великодушной защитой“: *а.* процветали под владычеством монархов, *б.* процветали под их великодушным покровительством *в. как в тексте РК₂*

24 *Вместо* „нужно отличать поэтов-художников“: нужно отличать от крикунов высоких писателей, глубоких художников в душе *РК₂*

26 *Вместо* „что ученые, поэты“: *а.* что художники ученые и поэты *б. как в тексте РК₂*

30 „сии слова“ *С, РК₂; П, Тр* — эти слова

31 *Вместо* „Я помню ~ без слез“: *а.* Я помню еще, как не могли об этом пересказывать без слез сих слов. Надобно знать что *б. как в тексте РК₂*

32 *Вместо* „В деле все приняли участие“: *а.* В деле этом много тогда, почти все приняли участие *б. как в тексте РК₂*

33 *Вместо* „надобно заметить, что в русском сердце всегда“: *а.* нужно заметить, что всегда в русском сердце *б. как в тексте РК₂*

36 *Вместо* „наказание гораздо ужаснейшее“: *а.* наказание гораздо ужаснее всех прочих *б. как в тексте РК₂*

Стр. 124

1 *Вместо* „всеобщее презрение“: всеобщее [к нему] презрение *РК₂*

1 *Вместо* „Нельзя рассказать как ~ соединилось вместе“: *а.* Нельзя рассказать, как мучился он в последние дни своей жизни. Гордость, обманутые надежды и все возможные терзания души, казалось, как будто соединились вместе с тем, чтобы начертать ему заране весь ад, о котором существует неясное понятие в человеке *б.* Нельзя рассказать, как страдала [честолюбивая] тщеславная душа ~ соединилось вместе *РК₂*

5 *Вместо* „прервалась его жизнь“: *а.* прервалась нить его жизни *б. как в тексте РК₂*

16 *Вместо* „и рыцарскими, великодушными порывами“: и [почти] рыцарскими великодушными порывами *РК₂*

Стр. 124

17 „Грандинсон“ *С, РК₂, П; Тр* — Грандисон.

21 „фамилия была в опале“ *РК₂; С, П, Тр* — фамилия была в немилости

32 *Вместо* „но свадьба заняла“: *а.* но свадьба как можете заключить заняла *б. как в тексте РК₂*

37 *Вместо* „блаженство, которым будут наслаждаться молодые супруги“: *а.* блаженство, которым они вдруг будут наслаждаться *б. как в тексте РК₂*

Стр. 125

3 *Вместо* „отравился дотоле благородный и прекрасный характер“: отравился его дотоле благородный и [спокойный] прекрасный характер *РК₂*

6 *Вместо* „к самым бесчеловечным поступкам, даже побоям“: к самым [уже] бесчеловечным поступкам [и] даже побоям *РК₂*

7 *Вместо* „В один год никто не мог узнать“: В один год [уже] никто [бы] не мог узнать *РК₂*

11 *Вместо* „Муж пришел в бешенство“: *а.* Узнавши об этом *б. как в тексте РК₂*

13 *Вместо* „если бы его не схватили и не удержали“: если бы его не схватили [тут же] и не удержали *РК₂*

14 *Вместо* „В порыве исступленья и отчаянья он обратил нож“: *а.* В порыве отчаянья и бешенства он обратил нож *б. как в тексте РК₂*

16 „сих двух примеров“ *С, РК₂; П, Тр* — этих двух примеров

17 *Вместо* „рассказывали множество ~ ужасный конец“: *а.* рассказывали множество других совершившихся в разных классах общества и которые почти все имели ужасный конец, как будто уже страшная печать отвержения была напечатлена на всяком взявшем у него деньги[1] *б. как в тексте РК₂*

19 *Вместо* „приказчик обворовал“: приказчик обворовывал *РК₂*

21 *Вместо* „Нельзя чтобы ~ нечистой силы“: *а.* и все эти перемены совершались так неожиданно что [и] навели наконец невольный ужас, стали подозревать присутствие нечистой силы *б. как в тексте РК₂*

28 *Вместо* „что деньги ~ нелепых толков“: *а.* словом он был творцом всеобщего страха, обнявшего Коломну. Говорили, что его нужно предать огню, что подкупленная полиция держит его руку *б.* что деньги его имеют прожигающее свойство [и] раскаляются сами собою и носят какие то странные значки... словом много было о нём всяких нелепых толков *РК₂*

31 *Вместо* „И замечательно то, что всё это“: *а.* И все это *б. как в тексте РК₂*

---

[1] на том человеке, который взял

Стр. 125

31 „И замечательно то, что всё это“ *С; РК₂; П; Тр* — И замечательно, что всё это

35 *Вместо* „нежели обратиться“: чем обратиться $РК_2$

36 *Вместо* „умерших от голода старух“: околевших от голода старух $РК_2$

37 *Вместо* „нежели погубить душу“: чем погубить душу $РК_2$

Стр. 126

1 *Вместо* „невольно чувствовали“: *а.* всякой невольно *б. как в тексте* $РК_2$

2 *Вместо* „долго еще озирался“: *а.* долго еще оборачивался *б. как в тексте* $РК_2$

19 „одно из тех ~ Русь“ $РК_2$; *С, П, Тр — нет*

24 *Вместо* „только указанною из души дорогою“: только [своей] указанной из души дорогою $РК_2$

27 *Вместо* „не охлаждаются от охулений“: не охлаждаясь от охулений $РК_2$

30 „титло невежи“ *С; РК₂; П, Тр* — титло невеж

30 *Вместо* „почуял он присутствие мысли“: почуял он [в живописи] присутствие мысли $РК_2$

33 *Вместо* „простую головку“: простая головка $РК_2$

37 *Вместо* „несмотря на все притязанья“: не смотря на [свои] все притязанья $РК_2$

Стр. 127

1 *Вместо* „И внутреннее чувство: *а.* Нечего говорить, что внутреннее чувство *б. как о тексте* $РК_2$

3 *Вместо* „последней ступени высокого“: последней ступени высокого [в мире] $РК_2$

4 „так неотлучной“ *С, РК₂; П; Тр* — столь неотлучной

5 *Вместо* „от характера многих художников“: с характером многих художников $РК_2$

7 *Вместо* „не без некоторой гордости в душе, отзывавшийся о людях“: *а.* отзывавшийся о людях *б.* [даже] не без некоторой гордости в душе отзывавшийся о людях $РК_2$

11 „их поставят в церковь“ $РК_2$; *С, П, Тр — нет.*

12 „не поймет, все-таки помолится богу“ $РК_2$; *С; П; Тр — нет.*

19 *Вместо* „нежели тот“: чем тот $РК_2$

22 *Вместо* „за небольшую плату, то-есть, за плату, которая“: за небольшую плату [словом] т. е. за плату, которая $РК_2$

30 *Вместо* „неуклонностью начертанного себе пути“: неуклонностью [от] начертанного себе пути $РК_2$

33 *Вместо* „Ему давали беспрестанно заказы“: Ему давали беспрестанные заказы $РК_2$

Стр. 127

37 „образ“ *РК₂; С, П, Тр* — оборот

Стр. 128

4 *Вместо* „мне следовало написать“: *а.* мне нужно написать *б. как в тексте* $РК_2$

17 „вошел к нему“ *РК₂ П, Тр; С* — взошел к нему

30 *Вместо* „повторил он“: повторял он $РК_2$

32 „он убьет всех моих святых и ангелов: они побледнеют пред ним. Какая дьявольская сила“ *РК₂; С, П, Тр* — он убьет всю мою прежнюю работу.

36 *Вместо* „повторял он“: *а.* Словом он усугубил *б. как в тексте* $РК_2$

Стр. 129

1 *Вместо* „тем более чувствовал“: тем более он чувствовал $РК_2$

7 *Вместо* „нельзя было и помыслить“: *а.* нельзя бы и подумать *б. как в тексте* $РК_2$

7 *Вместо* „передать их точно“: *а.* передать в таком *б.* передать их так $РК_2$

8 *Вместо* „Однако же, во что бы то ни стало“: *а.* Но во что бы то ни стало *б. как в тексте* $РК_2$

10 *Вместо* „Но как только начал он“: *а.* Но чем более *б. как в тексте* $РК_2$

12 *Вместо* „странное отвращение“: странное отвращение [от работы] $РК_2$

13 *Вместо* „бросить кисть“: бросать кисть $РК_2$

15 „глаза вонзались“ *С, РК₂; П, Тр* — глаза вонзились

16 *Вместо* „тревогу непостижимую“ *а.* тревогу необыкновенную *б. как в тексте* $РК_2$

20 „странный ростовщик“ *С, РК₂; П, Тр* — страшный ростовщик

21 „от сего зависит“ *С; П, Тр* — от этого зависит; $РК_2$ — *а.* от этого зависит *б.* от сего зависит

30 *Вместо* „он получил“: *а.* принесли ему *б. как в тексте* $РК_2$

32 *Вместо* „бывшее у него в услугах“: *а.* бывшее в услугах у ростовщика *б. как в тексте* $РК_2$

33 *Вместо* „объявившая тут же“: объявившая тут же [ему] $РК_2$

33 *Вместо* „не дает за него ничего“: не дает [ему] за него ничего $РК_2$

34 *Вместо* „присылает назад“: присылает [его] назад $РК_2$

34 „Ввечеру того же дни“ *С, РК₂; П, Тр* — Ввечеру в тот же день

34 „произвел он“ *С, РК₂; П, Тр* — сделал он

Стр. 130

18 *Вместо* „добился наконец“: [и] добился наконец $РК_2$

32 „в истине сих слов“ *С, РК₂; П, Тр* — в истине этих слов

Стр. 131

2 „того бешенства, с которым“ *С, РК₂; П, Тр* — того бешенства, с каким

Стр. 131

4 *Вместо* „разогнал детей“: разогнал [всех] детей PK_2

5 *Вместо* „потребовал ножа и велел разложить огонь в камине“: *а.* потребовал ножа и огня *б. как в тексте* PK_2

14 Вместо „который недавно умер“: *а.* который месяц *б. как в тексте* PK_2

16 *Вместо* „Так в жизнь“: Так [еще] в жизнь PK_2
„швырнуть его“ *С,* PK_2; *П, Тр* — швырнуть портрет

21 *Вместо* „если он тебе до такой степени колет глаз“: *а.* если он тебе так колет глаза *б. как в тексте* PK_2

29 *Вместо* „Рассмотревши поступок свой“: *а.* Рассмотревши всё это *б. как в тексте* PK_2

37 *Вместо* „попрежнему безмятежно“: попрежнему безмятежно [и покойно] PK_2

Стр. 132

1 *Вместо* „но задумчивость стала показываться“: *а.* но чувство *б. как в тексте* PK_2

8 *Вместо* „После нескольких слов“: *а.* После немногих слов *б. как в тексте* PK_2

10 *Вместо* „в нем есть что-то странное“: в нем есть что-то такое странное PK_2; *П, Тр* — в нем есть что-то страшное

11 „Я ведьмам не верю, но, воля твоя“ PK_2, *С, П; Тр* — Я ведьмам не верю, воля твоя

17 *Вместо* „теперь испытал“: *а.* теперь пришлось испытать *б. как в тексте* PK_2

17 *Вместо* „но сны такие“: *а.* сны такие, которых *б. как в тексте* PK_2

21 *Вместо* „Подобного со мной“: *а.* Я почти *б.* Этого со мной *в. как в тексте* PK_2

22 *Вместо* „Я бродил как шальной все эти дни“: *а.* Я бродил как шальной *б. как в тексте* PK_2

22 *Вместо* „чувствовал какую-то боязнь“: *а.* боязнь какая-то *б. как в тексте* PK_2

23 *Вместо* „Чувствую, что не могу сказать никому веселого и искреннего слова“: *а.* Слова не могу сказать *б. как в тексте* PK_2

28 *Вместо* „веселым, как видишь“: *а.* веселым, как вот *б. как в тексте* PK_2

30 *Вместо* „Во время этого рассказа“: Все время этого рассказа PK_2

31 *После* „с неразвлекаемым вниманием“ *было:* слова приятеля PK_2

34 *Вместо* „знать, душа“: знать видно душа PK_2

37 *Вместо* „не испытал сам“: *а.* не испытал кое-чего на себе самом *б. как в тексте* PK_2

Стр. 133

12 *Вместо* „почел он небесною казнью“: *а.* всё это почел он небесною казнью *б. как в тексте* $РК_2$

31 *Вместо* „от восхода до заката“: от восхода до захода $РК_2$

32 *Вместо* „с поднятыми к небу руками“: с подъятыми к небу руками $РК_2$

32 *Вместо* „читая беспрерывно молитвы“: читая беспрерывные молитвы $РК_2$

35 *Вместо* „в одних житиях святых“: в одних только житиях святых $РК_2$

Стр. 134

5 *Вместо* „едва питая себя“: *а.* едва подкрепляя *б. как в тексте* $РК_2$

13 *Вместо* „торжественное молчанье ~ царей“: *а.* пораженные божественным чудом цари, пастыри у ног *б. как в тексте* $РК_2$

16 *Вместо* „силе и могуществе красоты“: силе и [величии], могуществе [высокой] красоты $РК_2$

27 „уже 12 лет я расстался“ *С; П, Тр* — уже двенадцать лет как расстался; $РК_2$ — уже 12 лет [протекло] как я расстался [и]

28 *Вместо* „Я уже несколько наслышался“: *а.* Я уже слышал *б. как в тексте* $РК_2$

29 *Вместо* „и заранее воображал“: и [уже] заранее воображал $РК_2$

36 *Вместо* „Белая, как снег борода“: *а.* Белые, как снег серебристые волосы *б. как в тексте* $РК_2$

37 *Вместо* „рассыпались картинно“: *а.* рассыпались живописно *б. как в тексте* $РК_2$

Стр. 135

2 *Вместо* „которым опоясывалась“: *а.* которым была уб⟨огая?⟩ *б. как в тексте* $РК_2$

8 *Вместо* „Тебе предстоит ~ жизнь твоя“: *а.* Теперь предстоит тебе путь, с которого ты уже не должен совратиться во всю жизнь *б. как в тексте* $РК_2$

13 *Вместо* „и пуще всего старайся“: *а.* и больше всего старайся *б. как в тексте* $РК_2$

14 *Вместо* „Блажен избранник ~ стремится вечно к богу“: Но велик тот избранник, кто владеет тайной создания. Ближе всех слышит он чувства божии и может сделать многих причастниками сего чувства.[1] Огнем и пламенем отрекись от страсти и будешь властелином над всеми страстями. — Нет предмета низкого в природе. Всё созданн⟨ое⟩ богом, всё прекрасно. В самом ничтожном[2] художник создатель также велик.[3] И в презренном предмете изображенном ничего нет презренного, ибо сквозит сквозь

---

[1] *Было начато*: и может достичь [2] В самом мелочном [3] художник может быть равно велик

его прекрасная душа, хотя он нигде ничего не сказал о ней.[1] И презренное уж получает высокое выражение, ибо протекло сквозь чистилище его души.[2] И потому все невольно, несмотря ни на кого, становятся причастниками святого чувства, невольно чувствуют покой.[3] Нет ничего в мире выше высокого созданья искусства. Не истлевают в сердцах одни только возвышенные впечатления. Всё что ни ⟨*1 нрзб*⟩ он, верой доступно ему. Как высокий покой выше всякого волнения, как создание выше разрушения, так ангел с одной только чистой невинност⟨ью⟩ души выше всех мятежных сил и мятежных страстей.[4] В присутствии бога веет ⟨?⟩ согласием, торжественным покоем,[5] подобно как нечистые силы в жизни ⟨?⟩ разрушенной. Создание как ангел,[6] как выше чистый ангел, уже только одной высокой невинной младенческой души надо всею ужасною[7] силою гордого великана ⟨*1 нрзб*⟩ и гордыми страстями века. Так выше создание нас разрушением. Так выше высок⟨ий⟩ покой всех мятежных волнений века. Так венец высоко⟨го⟩ есть ⟨?⟩ высокое творенье искусства. Всё что ни есть в мире это первая самая чистая молитва к богу. — Люби его и предайся ему одному. Всё отдай за него. Люби больше других страстей. Но не принимайся за труд, в который не влюбился. Не шепчи устами молитвы, когда не разделяет ее твое сердце. То, что не перешло сквозь чистую душу, то выдет безобразно и мятежно и такое мятежное впечатление произведет в других. — Всё, что без любви произведено, то не прошло сквозь душу. — Всегда природу изучай, но изучай и великий внутренний смысл всего, умей постигнуть тайну. *РЛ*$_4$

22 *Вместо* „И во сколько раз“: *а.* Как высокий *б. как в тексте* *РК*$_2$

23 *Вместо* „во сколько раз творенье“: *а.* как созданье *б. как в тексте* *РК*$_2$

24 *Вместо* „во сколько раз ангел“: *а.* как ангел *б. как в тексте* *РК*$_2$

26 *Вместо* „во столько раз выше всего“: *а.* так выше всего *б. как в тексте* *РК*$_2$

29 *Вместо* „но тихой небесной страстью“: но бесстрастной небесной страстью *РК*$_2$

---

[1] хотя он ни слова не сказал о своей душе. Но ничтожное произв⟨едение⟩ явилось таким потому, что явилась пропущенною его ⟨?⟩ душа. Картина старика уже сквоз⟨ила?⟩ [2] *Далее было:* Но если без душевной любви принимается он за предмет, не будет [3] *Далее было: а.* Один вчера *б.* От него его произведенья *в.* его душа превратилась в ⟨*1 нрзб*⟩ алтарь богу. Ему ⟨*8 нрзб*⟩ предметов ему доступ⟨ных?⟩ *г.* мятежных впечатлений [не в силах] не может проивести ⟨*4 нрзб*⟩ образ ⟨*1 нрзб*⟩ в груди человека, а ⟨*1 нрзб*⟩ бог делает [4] сил и страстей [5] торжественным чудным покоем. *Далее начато:* так же как присутствие нечистого [6] *Было начато:* Как ангел [7] страшною

Стр. 135

33 *Вместо* „не может поселить ропота в душе“: не может поселить ропота в душу PK_2

34 *Вместо* „стремится вечно к богу“: *а.* стремит его *б.* стремит ее вечно к богу PK_2

37 *Вместо* „набежало какое-то мгновенное облако“: набежало [вдруг] какое-то мгновенное облако“ PK_2

37 *Вместо* „Есть одно происшествие ~ оставались в недоумении“: „Одно произведение, сказал он со вздохом, мучит меня поныне.[1] Оно было произв⟨едено⟩ без любви[2] и до сих пор я не могу позабыть того отвращения, с каким я писал. Я хотел его так оставить[3] у себя как образчик, чтобы изобразить потом всё тягостное мятежное чувство, обнимающее человека. Я рабски и бездушно следовал натуре. До сих пор не могу понять, кто был этот человек, с которого писал я портрет, как будто бы сам демон посланный к нам ⟨*1 нрзб*⟩ и разрушать порядок. Это был мятеж и смущение, и списанный с него образ так же как он ⟨*2 нрзб*⟩ возмущает душу и тревожит художника завистью. Может быть тебе случится встретить этот портрет, ты его узнаешь, узнаешь ⟨по⟩ необыкновенной неестественной живости и странному[4] томлению, которое остается ⟨?⟩ на душе, после того как глядишь ⟨?⟩ Если ты встретишь ⟨его⟩ возьми и уничтожь, как ⟨*1 нрзб*⟩... „Вы можете судить сами, что я дал ему клятву истребить непременно этот портрет, если только отыщу его. В продолжение целых пятнадцати лет мне не случалось видеть ничего, что бы могло походить на описание сделанное моим ⟨отцом⟩ и вдруг теперь... Художник не договорил и обратился на стену, чтобы взглянуть на портрет. Все гости тоже обратили вслед за ним глаза, но ко всеобщему изумлению портрета уже не было там.[5] Легкий говор пробежал по всей толпе и наконец послышались явственные слова: украден. Кто-то успел уже утащить ⟨его⟩ в то время, когда посетители заслушались рассказа художника и долго еще оставались все недоуме⟨вая?⟩ $PЛ_4$

Стр. 136

2 *Вместо* „что был тот странный образ“: кто был тот странный образ PK_2

13 *Вместо* „ходит по рукам и рассевает“: ходит по рукам и [везде] рассевает PK_2

14 *Вместо* „чувство зависти“: чувства зависти PK_2

18 *Вместо* „нежели нанести кому-либо“: чем нанести кому-либо PK_2

---

[1] *а.* Один раз я без любви, без *б.* с отвращен⟨ием⟩ принялся с дьяво⟨ла⟩ я писать портрет [2] *Далее было:* нет даже с отвращением [3] *Далее было:* как мотив для того [4] необыкновенному [5] не было на стене

Стр. 136

20 *Вместо* „тот чище всех“: *а.* тот выше всех *б. как в тексте* $РК_2$

23 „одним пятном грязи“ *С*, $РК_2$; *П*, *Тр* — одной каплей грязи

27 „не замечаются пятна“ *С*, $РК_2$; *П*, *Тр* — не заметны пятна

30 *Вместо* „более, нежели с чувством сына“: более чем с чувством сына $РК_2$

34 *Вместо* „тебе случится увидеть“: тебе случится увидать $РК_2$

Стр. 137

1 *Вместо* „мог ли я не обещать“: *а.* мог ли я не по⟨мнить?⟩ *б. как в тексте* $РК_2$

6 *Вместо* „Здесь художник“: Здесь [рассказывавший] художник $РК_2$

13 *Вместо* „воспользовавшись вниманьем слушателей“: *а.* воспользовавшись развлеченьем *б. как в тексте* $РК_2$

16 *Вместо* „или это была просто мечта“: или же это была просто мечта $РК_2$

ШИНЕЛЬ.

Стр. 141.

1 *Вместо* „но лучше ~ каком департаменте“: *а.* не хочу сказать каком. *б.* Нет лучше не называть по имени каком *в.* но лучше не называть в каком PM_5

2 *Вместо* „Ничего нет ~ одним департаментом“: *а.* ибо департаменты пресердитое сословие и назови только одного из них по имени, как названный в одну минуту обидится и будет утверждать, что над ним смеются, хотя бы просто было сказано[1], что в департаменте весьма[2] чисто и опрятно. Лучше всего говорить: в одном департаменте. *б.* Ничего нет сердитее департаментов, полков и всякого рода сословий. PM_5

16 *Вместо* „один чиновник ~ роста“: один чиновник довольно низенького роста. PM_5

21 *Вместо* „виноват петербургский климат“: *а.* Автор в этом совершенно не виноват *б. как в тексте* PM_5

21 *Вместо* „ибо у нас“: ибо [на Руси] PM_5

Стр. 142

1 *Вместо* „натрунились ~ писатели“: подтрунивали и острились разные писатели PM_5

3 *Вместо* „Фамилия чиновника“: Фамилия этого чиновника PM_5

3 *Вместо* „Башмачкин“: *а.* Башмакевич *б.* Башмаков PM_5

4 *Вместо* „когда-то ~ от башмака“: конечно, происходит от башмака PM_5

5 *Вместо* „но когда ~ подметки“: но в какое время и когда неизвестно: и сам Башмакевич и отец Башмакевича всегда ходили в сапо-

---

[1] хотя бы просто автор сказал [2] очень

гах и переменяли только разумеется раза три в год[1] подметки PM_5

9 *Вместо* „Имя его ~ вот как": *а.* Имя его было Акакий Акакиевич. Конечно, оно покажется несколько странным. Но без ⟨него⟩ никак нельзя было обойтись. Это случилось совершенно вследствие необходимости. Читатель сию минуту увидит, как произошло всё это дело. *б.* Имя он носил такое, которое, может быть, с первого раза покажется читателям немного странным, именно звали его Акакий Акакиевич. Конечно, можно было некоторым образом избежать частого сближения[2] буквы *к*, но обстоятельства были такого рода, что никак нельзя было этого сделать и вот именно как это произошло: PM_5

14 *Вместо* „родился ~ марта": Родился Акакий Акакиевич против ночи на 23, кажется, марта[3] PM_5

16 *Вместо* „расположилась, как следует, окрестить ребенка": послала, как следует, за приходским священником чтобы окрестить ребенка PM_5.

17 *Вместо* „еще лежала": лежала еще PM_5

20 *Вместо* „в сенате": *а.* в департаменте *б.* в 3 департаменте сената PM_5

21 *Вместо* „женщина редких добродетелей": женщина добродетелей редких PM_5

21 *Вместо* „Арина": Ирина PM_5

22 *Вместо* „Родильнице ~ выбрать": Священник открыл святцы и так как обыкновенно водится[4] давать мальчику имя несколькими днями вперед, то он предоставил родильнице на выбор любое из трех, которые на ту пору вышли PM_5

23 *Вместо* „Моккия, Соссия ~ Хоздазата": Моккий, Соссий и мученик Хуздазат. PM_5

24 *Вместо* „Нет, подумала ~ Варахасий": Нет, батюшка, святые-то такие... Уж переверни-ка листочик да поищи, нет ли там каких других. Священник переворотил и вышли Трифилий, Дула и Варахасий. PM_5

27 *Вместо* „Вот это наказание": Вот это наказание божие! PM_5

28 *Вместо* „и не слыхивала таких": не слышала таких PM_5

30 *Вместо* „Еще переворотили ~ вышли": Священник желая угодить покойнице переворотил еще страницу — вышли PM_5

31 *Вместо* „Ну уж я вижу ~ отец его": „Ну уж коли так", сказала старуха, „так пусть будет он называться так, как и отец". PM_5

34 *Вместо* „пусть и сын будет": пусть будет и сын PM_5

---

[1] по нескольку раз на ⟨год⟩ [2] можно было избежать такого сбл⟨ижения⟩ [3] Родился Акакий Акакиевич февра⟨ля⟩ [4] водится, что

„Шинель“, отрывок.

Рукопись Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (Ленинград).

Стр. 142

34 *Вместо* „Таким образом и произошел“: Таким образом составился *РМ*$_5$

35 *Вместо* „Ребенка окрестили“: Ребенка тут же окрестили *РМ*$_5$

36 *Вместо* „сделал такую гримасу“: *а.* состроил такую гримасу *б. как в тексте РМ*$_5$

37 *Вместо* „Итак, вот каким образом произошло всё это“: Итак, вот как произошло это наименование.[1] *РМ*$_5$

Стр. 143

1 *Вместо* „Мы привели ~ видеть“: *а.* и все могут видеть *б.* Мы привели его потому сюда, чтобы читатель мог сам[2] видеть *РМ*$_5$

2 *Вместо* „это случилось“: это произошло *РМ*$_5$

2 *Вместо* „по необходимости“: *а.* по необходимости а не почему либо другому *б. как в тексте РМ*$_5$

3 *Вместо* „и другого ~ невозможно“: *а.* и [что] другого имени дать никак было невозможно. *б.* и что никак нельзя было дать ему другого имени *в. как в тексте РМ*$_5$

4 *Вместо* „он поступил“: *а.* он определился *б. как в тексте РЛ*$_4$

5 *Вместо* „этого никто не мог припомнить“: этого никто не запомнил. *РЛ*$_4$

6 *Вместо* „директоров и всяких начальников“: *а.* директоров и начальников *б.* дирѐкторов *РЛ*$_4$

6 *Вместо* „его видели ~ с лысиной на голове“: его видели в одном и том ⟨же положении⟩ и почти одних и тех же лет, физиогномия его заключала в себе что-то такое неизменяющее⟨ся⟩, так что странно было даже вообразить,[3] чтобы когда-нибудь малолетним или ребенком казался не такой, будто бы так и родился на свет в полинявшем[4] ⟨вицмундире⟩ с лысинкой на голове“. *РЛ*$_4$

34 *Вместо* „И что-то странное заключалось в словах и в голосе ~ что-то такое преклоняющее на жалость“: В этом голосе его что-то странное слышалось: что⟨-то⟩ такое заключалось умоляющее, такое преклоняющее на жалость *РЛ*$_4$

36 *Вместо* „недавно определившийся“: не так давно определившийся *РЛ*$_4$

37 *Вместо* „который, по примеру других“: и который тоже, по примеру других *РЛ*$_4$

37 *Вместо* „позволил-было себе“: позволил себе *РЛ*$_4$

Стр. 144

1 *Вместо* „остановился как будто пронзенный, и с тех пор как будто всё“: остано⟨вился⟩ так как будто пронзенный чем-нибудь и ему показались ничтожными, низкими[5] департаментские и с тех пор[6] всё *РЛ*$_4$

---

[1] это дело [2] чтобы все могли [3] странно даже и вообразить себе [4] в том же самом виц⟨мундире⟩ [5] и ему низкими показались [6] и долго с тех пор

3 *Вместо* „показалось в другом виде“: показалось в другом ⟨виде⟩ и ему виделось в благоприятной наружности молодых чиновников что-то бесчеловечно⟨е⟩] $РЛ_4$

8 *Вместо:* „Какая-то ~ сила оттолкнула“: и какая-то ~ сила вдруг оттолкнула $РЛ_4$

4 *Вместо* „он познакомился“: он только что познакомился $РЛ_4$

5 *Вместо* „приняв их за приличных, светских людей“: и которые показались ему за приличных молодых чиновников $РЛ_4$

5 *Вместо* „И долго потом“: *а. как в тексте б.* И часто потом $РЛ_4$

6 *Вместо* „среди самых веселых минут, представлялся ему ∽ я брат твой“: ему слышался этот голос, и вдруг среди многих веселых своих минут он повергался в задумчивость — и что-то говорило в уши: ведь это человеческий, ведь это доступный[1] все⟨м⟩ сколько есть, родной голос. И представлялся ему он сам, этот низенькой чиновник с лысинкой на лбу, и как будто говорил:[2] Оставьте меня, зачем вы меня обижаете, и в отклике пронзительно звенели другие слова: Я брат твой.[3] $РЛ_4$

10 *Вместо* „закрывал себя рукою“: закрывал себе глаза рукою $РЛ_4$

11 *Вместо* „содрогался он потом на веку своем“: содрогался он на веку своем $РЛ_4$

12 *Вместо* „как много в человеке бесчеловечья“: как много бесчеловечия в человеке $РЛ_4$

12 *Вместо* „как много скрыто свирепой грубости ~ которого свет признает благородным и честным“: и как много в самой утонченной и образованной и просла⟨вленной⟩ светскости коренной свирепой грубости. $РЛ_4$

16 *Вместо* „человека, который так жил бы в своей должности“: человека, который бы так весь жил в своей должности $РЛ_4$

17 *Вместо* „Мало сказать ~ нет, он служил с любовью“: *а.* Он не то что служил, не⟨т⟩ *б.* Мало сказать[4] чтобы он сохранял должность ревностно, нет он занимался с любовью $РЛ_4$

18 *Вместо* „в этом переписываньи“: в переписываньи $РЛ_4$

19 *Вместо* „ему виделся“: был для него $РЛ_4$

19 „какой-то“ $РЛ_4$; *П, Тр* — как-то

19 *Вместо* „свой ~ мир“: *а.* какой то ему одному знакомый мир *б.* какой то особенный мир $РЛ_4$

20 *Вместо* „выражалось на лице“: выражалось в лице $РЛ_4$

21 *Вместо* „до которых если он добирался, то был сам не свой“: *а.* до которых ~ был просто сам не свой *б.* до которых он добираясь был сам не свой $РЛ_4$

22 „подсмеивался“ $РЛ_4$; *П, Тр* — подсмеивал

---

[1] ведь это должен быть доступной [2] *Далее начато:* Зачем вы меня [3] Я такой же, я брат [4] Нельзя сказать

Стр. 144

23 *Вместо* „казалось, можно было прочесть“: можно казалось прочесть *РЛ*$_4$

25 *Вместо* „давали ему награды“: давали ему чины и награду *РЛ*$_4$

25 *Вместо* „он, к изумлению своему ~ попал бы в статские советники“: он бы может быть залетел очень далеко *РЛ*$_4$

27 *Вместо* „но выслужил он“: но выслужил он всего *РЛ*$_4$

27 *Вместо* „остряки, его товарищи“: остряки его же товарищи *Тр*

28 „да нажил геморой в поясницу“ *П*; *Тр* — нажив геморой; *РЛ*$_4$ — да геморой в поясницу, как выражались некоторые чиновники[1] остряки.

29 *Вместо* „нельзя сказать, чтобы не было к нему никакого внимания“: нельзя сказать, чтобы его совсем позабыли или не оказывали внимания. *РЛ*$_4$

Стр. 145

2 *Вместо* „Вне этого переписыванья“: *а.* Кроме этого *б. как в тексте* *РЛ*$_4$

3 *Вместо* „для него ничего“: ничего для него *РЛ*$_4$

4 *Вместо* „Он не думал вовсе о своем платье“: *а.* одевал⟨ся⟩ *б.* о костюме дав⟨но?⟩ *в.* о платье он не думал вовсе *РЛ*$_4$

5 *Вместо* „а какого-то рыжевато-мучного цвета“: *а.* а какого-то особенного цвета *б.* а какой-то особенный, скорее цвету коровьей коврижки *РЛ*$_4$

5 *Вместо* „Воротничек на нем был узинькой ~ так что шея ~ казалась необыкновенно длинною“: воротничек какой⟨-то⟩ низенькой, узинькой и очень длинный, так что шея выходила очень высоко обвязанная белым платком *РЛ*$_4$

8 „как у тех гипсовых котенков ~ русские иностранцы“ *нет* *РЛ*$_4$

10 *Вместо* „И всегда что-нибудь да прилипало ~ или какая-нибудь ниточка“: на в⟨иц⟩мундире[2] была и пыль и кусочки сенца и т. п.[3] *РЛ*$_4$

13 *Вместо* „поспевать под окно именно в то самое время“: поспевать под окно в то самое время *РЛ*$_4$

14 *Вместо* „и оттого вечно уносил“: и потому вечно уносил *РЛ*$_4$

16 *Вместо* „Ни один раз ~ что̀ делается ~ на улице“: *а.* Он никогда не замечал, что делалось вокруг него *б.* Он никогда никакого не обращал[4] внимания на всё, что ни было на улице или вокруг его вдали *РЛ*$_4$

18 *Вместо* „на что̀ ~ стремешка“: на что его же брат, молодой чиновник, всегда взглянет даже самым таким замечательным глазом, простирающимся до того, что даже заметит, у кого отпоролась стреме⟨шка⟩. *РЛ*$_4$

---

[1] некоторые товари⟨щи⟩ [2] на фраке [3] пыль и т. п. пустяки
[4] Он никогда не обращал

Стр. 145

24 *Вместо* „Но Акакий Акакиевич если и глядел на что̀, то видел ~ ровным почерко́м выписанные строки“: Он видел всё свои же чистым ровным почерком выписанные строки $PЛ_4$

26 *Вместо* „и только разве если“: и только если вдруг $PЛ_4$

27 *Вместо* „лошадиная морда помещалась ему на плечо ~ ветер в щеку“: *а.* лошадиная морда находилась на его плече и ветер из ноздрей *б.* лошадиная морда помещалась ему на плечи, фыркнув ветром из ноздрей в щеку ему $PЛ_4$

29 „на середине строки“ *П*, $PЛ_4$; *Тр* — на средине строки

29 *Вместо* „а скорее на средине“: а на середине $PЛ_4$

Стр. 149

31 „заламливать“ *П*; *Тр* — заламывать

32 *Вместо* „такими частицами, которые решительно не имеют никакого значения“: *а.* частицами совершенно не имеющими значения *б. как в тексте* PM_5

33 *Вместо* „Если же ~ выговорил“: Притом[1] редко случалось чтоб он оканчивал[2] фразу, особливо если дело было[3] несколько затруднительно.[4] Начиная речь, он[5] еще проговаривал: Это право, совершенно того ..., а уж что было после слова того, то редко кто-нибудь услышивал, потому что следовала такая длинная пауза, во время которой можно было выбриться и сходить за многими делами и много кой-чего можно было сделать и потому что[6] иногда он и сам позабывал,[7] что нужно еще кое-что прибавить, был уверен,[8] что словом: того, сказал почти всё. PM_5

Стр. 150

1 „обсмотрел“ *П*; *Тр* — осмотрел

7 *Вместо* „А я ~ Петрович“: *а.* Я вот того, Петрович *б.* Я вот пришел к тебе, того Петрович PM_5

7 *Вместо* „сукно ~ везде в других местах“: сукно в других местах везде PM_5

8 *Вместо* „оно немножко запылилось“: только[9] немножко запылилось PM_5

9 *Вместо* „и кажется, как будто старое“: так кажет будто совсем старое PM_5

9 *Вместо* „а оно новое“: а оно вот видишь, и здесь и вот здесь, везде еще того... PM_5

10 *Вместо* „немного того .... на спине“: да вот только в одном месте на спине [немного] поистерлось PM_5

---

[1] Да и то [2] чтоб он их оканчивал [3] *а.* особливо если это было *б.* особливо в случаях [4] *Далее начато*: Это право [5] Сначала он [6] при том [7] И потому что он позабывал [8] и дума⟨л⟩ [9] Это только

Стр. 151

11 *Вместо* „да еще вот на плече одном немного попротерлось“: да на плече, да немножко еще вот и на этом плече ... PM_5

12 *Вместо* „вот и всё“: вот и всего PM_5

14 *Вместо* „разложил“: и разложил PM_5

15 *Вместо* „рассматривал долго“: долго рассматривал PM_5

15 *Вместо* „полез ~ за круглой табакеркой“: полез ~ за табаком, который хранился в круглой табакерке PM_5

16 *Вместо* „генерала, какого именно“: генерала, которого именно PM_5

18 „и потом заклеено“ *ред*; *П*, *Тр* — и потом наклеено; PM_5 — которое впрочем Петрович заклеил

19 *Вместо* „четвероугольным лоскуточком бумажки“: бумажкой. PM_5

19 *Вместо* „Понюхав табаку, Петрович“: Понюхав табаку он PM_5

20 *Вместо* „растопырил капот на руках“: поднял[1] капот и растопырив на руках PM_5

20 *Вместо* „и рассмотрел его против света“: стал рассматривать его против света PM_5

21 *Вместо* „и опять покачал головою“: *а.* но покачал *б. как в тексте* PM_5

21 *Вместо* „обратил его подкладкой вверх“: положил он подкладкою вверх PM_5

22 *Вместо* „вновь снял крышку ~ и натащивши в нос табаку“: натащил себе в нос с горсть табаку PM_5

Стр. 152

3 *Вместо* „Вышед ~ как во сне“: Так и оторопел Акакий Акакиевич когда услышал такую историю и вышел от Петровича так, как будто[2] бы что-то позабыл или потерял [или проигрался] или прокрался или заспался, в положении чрезвычайно смущенном и неопределенном остановился и с час стоял на улице и долго не мог даже дать запрос, что он где теперь находится и зачем остановился.[3] Словом в таком [положении], какого сам никак не мог истолковать и в каком еще никогда не был... PM_5

4 *Вместо* „Этаково-то ~ вышло того“: Экаково дело-то экакое! говорил он сам себе. [Этакого дела] Этого я право и не думал, чтоб это было вот этакое. PM_5

6 *Вместо* „наконец вот что̀ вышло“: Наконец-таки вот [что] вышло PM_5

7 *Вместо* „а я право совсем“: *а. как в тексте б.* а я совсем право. PM_5

7 *Вместо* „и предполагать не мог“: *а.* и не думал *б.* никак не мог предположить PM_5

---

[1] взял [2] от Петровича он как будто бы [3] *На полях написано: а.* Потом уже несколько минут спустя *б.* Словом так, как ⟨будто⟩ произошло что-то очень нехорошее или как б⟨удто⟩

8 *Вместо* „За сим последовало“: [Да] Это право так вышло, что уж я это никак не мог[1] того предвариться об этом. За сим последовало *РМ*$_5$

8 *Вместо* „долгое“: очень долгое *РМ*$_5$

10 *Вместо* „неожиданное, того ~ обстоятельство!“: неожиданное, того, событие. Право я бы этого никак не мог ... Эдакое-то обстоятельство... *РМ*$_5$

11 *Вместо* „он вместо того, чтобы итти домой, пошел ~ не подозревая“: *а.* он пошел тихими[2] шагами к себе домой что было на Песках. *б.* он пошел вместо того чтобы домой совершенно в противную сторону вовсе не подозревая этого. *РМ*$_5$

13 *Вместо* „задел его“: его задел *РМ*$_5$

13 *Вместо* „всем нечистым своим боком“: нечистым всем боком своим *РМ*$_5$

14 *Вместо* „вычернил всё плечо ему“: вычернил[3] половину его фрака хоть брось *РМ*$_5$

15 *Вместо* „с верхушки строившегося дома“: сверху из строившего ⟨-ся⟩ дома *РМ*$_5$

17 *Вместо* „когда натолкнулся на будочника“: *а.* когда поровнялся с будочником и чуть *б. как в тексте РМ*$_5$

17 *Вместо* „который, поставя ~ алебарду“: который поставил ~ алебарду *РМ*$_5$

18 *Вместо* „натряхивал из рожка на мозолистый кулак“: *а.* натряхивал себе на ку⟨лак⟩ *б.* натряхивал из рожка на мозолистый кулак свой *РМ*$_5$

19 *Вместо* „и то потому“: да и то потому *РМ*$_5$

22 *Вместо* „поворотить домой“: поворотить в переулок, который бы он[4] непременно пропустил.[5] *РМ*$_5$

22 „собирать мысли ~ свое положение“ *нет РМ*$_5$

23 *Вместо* „стал разговаривать ~ о деле самом сердечном и близком“: начал с собою разговаривать совершенно рассудительно и откровенно так, как бы с порядочным[6] и знающим[7] человеком и притом приятелем, с которым бы можно посоветоваться. Что ж это говорит Петрович, чтобы шить новую шинель. Ведь[8] *РМ*$_5$

27 *Вместо* „Ну нет, сказал Акакий Акакиевич“: Ну нет, подумал Акакий Акакиевич *РЛ*$_4$

28 *Вместо* „жена, видно, как-нибудь поколотила его“: *а.* совсем не в духе *б.* да и жена[9] может быть как-нибудь |его| того... поколотила *РЛ*$_4$

---

[1] не мог прежде [2] скоры⟨ми⟩ [3] *Перед этим начато:* вся половина *Далее начато:* таким образом его бок [4] который он без того [5] *Сверху написано:* Тут только слова его приняли настоящий смысл [6] ⟨с⟩ самым близ⟨ким⟩ [7] и умным [8] *Не дописано.* [9] да и жена ему

Стр. 152

29 *Вместо* „А вот я лучше приду к нему в воскресный день утром“: [А вот лучше[1]] вот он совсем того... А я приду лучше к нему пораньше в воскресенье. *РЛ*$_4$

30 *Вместо* „он после канунешной субботы“: хоть он после субботы *РЛ*$_4$

31 *Вместо* „будет косить“: и будет косить *РЛ*$_4$

31 *Вместо* „так ему нужно будет ~ он и будет сговорчивее“: да я ему всё-таки того. Ему ведь нужно будет опохмелить⟨ся⟩[2] да к тому ж он всё-таки не пропустит кутнуть в воскресенье, а я ему дам вперед гривенничек, так он будет сговорчивее. *РЛ*$_4$

34 *Вместо* „Так рассудил сам с собою“: Сказавши так себе *РЛ*$_4$

35 *Вместо* „дождался“: дождавшись *РЛ*$_4$

36 *Вместо* „и увидев издали, что жена Петровича куда-то выходила из дому“: и выгадав как жена его отправилась на рынок *РЛ*$_4$

37 *Вместо* „он прямо к нему“: отправился к Петровичу *РЛ*$_4$

Стр. 153

1 *Вместо* „сильно косил глазом, голову держал“: косил сильно глазом и голову держал *РЛ*$_4$

2 *Вместо* „но при всем том, как только узнал“: но как только узнал *РЛ*$_4$

3 *Вместо* „точно как будто его чорт толкнул. „Нельзя“, сказал ~ новую“: не хотел и шинели рассматривать и сказал, что совсем нельзя[3] ничего сделать и что нужно новую шинель делать. *РЛ*$_4$

4 *Вместо* „тут-то и всунул ему“: здесь ему и всунул *РЛ*$_4$

5 *Вместо* „Благодарствую“: *а.* Благодарствуйте *б.* Благодарствуем *РЛ*$_4$

5 *Вместо* „судырь“: сударь *РЛ*$_4$

6 *Вместо* „маленечко“: маненечко *РЛ*$_4$

7 *Вместо* „она ~ не годится“: *а.* она ни в какой ход не пойдет *б. как в тексте РЛ*$_4$

8 *Вместо* „Новую шинель ~ на этом постоим“: *а.* а уж я вам новую шинель беспременно сошью[4] так *б. как в тексте РЛ*$_4$

10 *Вместо* „Акакий Акакиевич еще-было насчет починки, но Петрович ~ старание приложим“: Ну, да Петрович постарайся[5] хоть бы годик.[6] Да уж донашивайте годик, теперь же скоро лето[7], а там авось не будет так холодно. А уж новую шинель, уж я вам беспременно сошью, уж пойдете ⟨?⟩ покойны, приложу старанье *РЛ*$_4$

13 *Вместо* „Можно будет даже так, как пошла мода“: а так, как теперь мода *РЛ*$_4$

---

[1] *Сверху написано*: так гора⟨здо⟩ [2] Тогда он будет веселее, потому что будет думать, как бы |пове⟨селее?⟩| потчуя [3] никак нельзя [4] я вам сошью [5] постарайся как-нибудь [6] Пусть хоть недельки три [7] теперь же лето

Стр. 153

13 *Вместо* „воротник будет застегиваться“: по шее будет застегиваться $PЛ_4$

15 *Вместо* „Тут-то увидел Акакий Акакиевич“: Здесь Акакий Акакиевич увидел[1] ясно $PЛ_4$

15 *Вместо* „что без новой шинели нельзя обойтись“: *а.* Новая шинель точно нужна *б.* без новой шинели точно никак нельзя обойтись и хотя что хочешь делай, а новую шинель нужно состроить $PЛ_4$

16 *Вместо* „Как же ~ на какие деньги ее делать?“: *а.* Ну, откуд⟨а⟩ *б.* Но на что ее сделать, на какие деньги. Это, точно, было трудно придумать. $PЛ_4$

17 *Вместо* „Конечно, можно бы отчасти положиться“: Конечно, можно положиться отчасти $PЛ_4$

18 *Вместо* „на будущее награждение к празднику“: на награждение, которое будет ⟨к⟩ празднику $PЛ_4$

19 *Вместо* „деньги давно уже размещены“: деньги давно уже расчитаны $PЛ_4$

20 *Вместо* „Требовалось завести новые панталоны, заплатить сапожнику“: на пошивку новых панталон[2] да заплатить сапожнику $PЛ_4$

21 *Вместо* „старый долг за приставку новых головок к старым голенищам“: за приставление двух сапожных голов к прежним голенищам $PЛ_4$

22 *Вместо* „да следовало заказать швее три рубахи“: да швее необходимо нужно было заказать хотя три[3] рубахи $PЛ_4$

23 *Вместо* „да штуки две того белья, которое неприлично называть в печатном слоге“: *а.* и за две штуки *б.* и того белья, которое не так прилично называть в печатном слоге, тоже штуки ⟨две⟩ $PЛ_4$

24 *Вместо* „совершенно должны“: должны $PЛ_4$

25 *Вместо* „и если бы даже директор“: и если же например и начальник $PЛ_4$

26 *Вместо* „определил бы“: дал бы $PЛ_4$

28 *Вместо* „какой-нибудь самый вздор“: самый вздор $PЛ_4$

28 *Вместо* „который в шинельном капитале будет капля в море“: а шинель вещь такого рода, которая требует большого капитала. $PЛ_4$

29 *Вместо* „знал, что за Петровичем водилась блажь заломить“: знал про Петровича, что за ним водилось иногда заломить[4] $PЛ_4$

30 *Вместо* „чорт знает какую непомерную цену“: такую сумму $PЛ_4$

31 *Вместо* „так что уж, бывало, сама жена не могла“: что жена даже не могла[5] $PЛ_4$

---

[1] Здесь Акакий Акакиевич решился [2] на оде⟨жду⟩. *Далее начато:* на пр⟨иставление?⟩ [3] хотя три четыре [4] сказ⟨ать⟩ [5] что жена даже вск⟨рикнет?⟩

Стр. 153

32 *Вместо* „чтобы не вскрикнуть“: чтобы не прикрикнуть $PЛ_4$

32 *Вместо* „что ты ~ дурак такой!“: что ты, перекрестись,[1] с ума свихнулся, дурак[2] $PЛ_4$

34 *Вместо* „а теперь разнесла его нелегкая запросить такую цену“: *а.* а теперь вот что *б.* а разнесет его нелегкая, заправил такую цену $PЛ_4$

35 *Вместо* „он знал, что Петрович и за восемьдесят рублей возьмется“: знал,[3] что тот же Петрович возьмется ее и за 80 $PЛ_4$

36 *Вместо* „однако всё же, откуда взять эти восемьдесят“: Но откуда взять и 80 $PЛ_4$

37 *Вместо* „Еще половину можно бы найти ~ где взять другую половину“?: Еще бы половину можно достать, но остальную половину... $PЛ_4$

Стр. 154

3 *Вместо* „читателю должно узнать, где взялась первая половина“: читателям нужно знать, каким образом первая половина отыскалась. $PЛ_4$

5 *Вместо* „со всякого истрачиваемого рубля“: со всякого рубля, который случалось ему издерживать на свои необходимейшие потребности $PЛ_4$

5 *Вместо* „откладывать по грошу“: откладывать одну копейку $PЛ_4$

6 *Вместо* „запертый на ключ“: запертой на замок $PЛ_4$

6 *Вместо* „с ~ дырочкой для бросания туда денег“: с ~ дырочкой для впущения туда грошей $PЛ_4$

7 *Вместо* „По истечении всякого полугода“: *а.* По истечении месяца *б.* По истечении полгода $PЛ_4$

8 *Вместо* „он ревизовал накопившуюся ~ серебром“: *а.* он брал *б.* он ревизовал пущен⟨ые?⟩ гроши и на место их клал серебро $PЛ_4$

9 *Вместо* „Так продолжал ~ сорок рублей“: и потом шло вновь обычным чередом своим, в продолжение нескольких лет оказалось у него более 40 рублей с лишком. $PЛ_4$

12 *Вместо* „Итак половина была“: Итак вот та половина, которая была $PЛ_4$

12 *Вместо* „где же взять другую половину ~ сорок рублей“: где взять другую $PЛ_4$

13 *Вместо* „Акакий Акакиевич думал, думал и решил“: Акакий Акакиевич решился $PЛ_4$

14 *Вместо* „что нужно будет уменьшить ~ в продолжение одного года“: в продолжении хоть одного года уменьшить все издержки свои. $PЛ_4$

---

[1] перекрестись, дурак [2] *а.* идио⟨т?⟩ *б.* дурак-то [3] *Перед этим начато*: шинель даже за 8⟨0⟩

16 *Вместо* „изгнать употребление чаю по вечерам“: Отменил[1] даже чай по вечерам $PЛ_4$

17 *Вместо* „не зажигать по вечерам свечи“: *а.* жечь поменьше свечи *б.* не зажигать даже по вечерам свечи $PЛ_4$

17 *Вместо* „а если что̀ ~ итти в комнату к хозяйке и работать при ее свечке“: а если что ~ так итти в комнатку к хозяйке. $PЛ_4$

19 *Вместо* „ходя ~ ступать как можно легче и осторожнее по камням и плитам“: ступать как можно легко и осторожно по улицам $PЛ_4$

20 *Вместо* „чтобы таким образом не истереть скоровременно подметок“: чтобы не истерлись подметки. $PЛ_4$

21 *Вместо* „как можно реже ~ мыть белье“: и реже ~ мыть рубашки $PЛ_4$

22 *Вместо* „чтобы не занашивалось“: *а.* чтобы не заса⟨лились⟩ *б.* чтобы не заносились $PЛ_4$

23 *Вместо* „то всякой раз ~ скидать его“: дома скидать $PЛ_4$

24 *Вместо* „в одном только демикотоновом халате, очень давнем и щадимом даже самым временем“: в демикотоновом халате ~ временем. Может быть он приобрел такую грязноватую поверхность, о которую притуплялось лезвие косы его. $PЛ_4$

25 *Вместо* „Надобно сказать правду, что сначала“: Словом, решился Акакий Акакиевич на все пожертвованья. Сначала $PЛ_4$

26 *Вместо* „ему было несколько трудно привыкать к таким ограничениям“: было ему несколько трудно и тяжело $PЛ_4$

27 *Вместо* „но потом ~ и пошло на-лад“: но после начал привыкать $PЛ_4$

28 *Вместо* „даже он ~ голодать по вечерам“: начал привыкать даже голодать. $PЛ_4$

29 *Вместо* „питался духовно“: питался *так сказать* духовно $PЛ_4$

29 *Вместо* „нося в мыслях своих вечную идею будущей шинели“: *а.* представля⟨я⟩ *б.* нося беспрестанно в мыслях своих будущую шинель. $PЛ_4$

30 *Вместо* „как будто самое существование его сделалось как-то полнее“: как-то существование его сделалось полнее $PЛ_4$

32 *Вместо* „какой-то другой человек присутствовал“: *а.* кто-то другой присутствовал *б. как в тексте* $PЛ_4$

33 „как-будто он был не один“ *нет* $PЛ_4$

33 *Вместо* „а какая-то приятная подруга“: какая-то подруга $PЛ_4$

34 *Вместо* „согласилась ~ дорогу“: пришла [усладить судьбу] $PЛ_4$

35 *Вместо* „и подруга ~ без износу“: Эта подруга была теплая на вате шинель. $PЛ_4$

37 *Вместо* „Он сделался как-то“: Он[2] сделался как будто $PЛ_4$

---

[1] Отменил пи⟨ть?⟩ [2] *Перед этим начато*: Какая

Стр. 154

37 *Вместо* „даже тверже характером, как человек, который уже определил“: говорил как человек, который уже познал $PЛ_4$

Стр. 155

1 *Вместо* „поставил себе цель“: заключил в себе цель $PЛ_4$

2 „С лица ~ черты“ *нет* $PЛ_4$

4 *Вместо* „Огонь“: Какой-то огонь $PЛ_4$

5 *Вместо* „в голове даже мелькали ~ мысли“: а в голове его весьма часто появлялась [весьма] дерзкая мысль $PЛ_4$

6 *Вместо* „не положить ли точно куницу на воротник“: не положить ли в самом деле на воротнике[1] куницу $PЛ_4$

6 *Вместо* „Размышления ~ рассеянности“: всё это сообщало даже некоторое расположение к рассеянности $PЛ_4$

7 *Вместо* „переписывая бумагу“: *а.* переписывая на бумаге какое-то важное *б.* переписывая донесение к важному лицу на лист первого сорта бумаги PM_5

8 *Вместо* „чуть-было даже“: *а.* даже чуть-было *б. как в тексте* PM_5

9 *Вместо* „вскрикнул“: прокричал PM_5

10 *Вместо* „В продолжение каждого месяца ~ наведывался“: *а.* Через две ⟨недели он наведывался⟩ *б.* Каждые почти две ⟨недели он наведывался⟩ *в.* Каждый почти месяц он наведывался PM_5

11 *Вместо* „где лучше купить су́кна ~ будет сделана“: как и где лучше купить для нее материи и уж примеривался ⟨?⟩ к ценам PM_5

17 *Вместо* „Дело пошло даже скорее, чем он ожидал“: *а.* Наконец *б.* Дело пошло против ожидания живо PM_5

17 *Вместо* „Противу всякого чаяния, директор назначил Акакию Акакиевичу“: Самое первое то, что директор вздумал расщедриться и Акакий Акакиевич получил PM_5

18 *Вместо* „не сорок ~ лишних двадцать рублей“: вместо ожидаемых 40 рублей 60 рублей награждения. Это был для него решительно никак неожидаемый подарок[2] PM_5

22 *Вместо* „Это обстоятельство ускорило ход дела“: Это ускорило значительно составление требуемой суммы PM_5

22 *Вместо* „Еще каких-нибудь два-три месяца небольшого голодания“: Месяца два каких-нибудь голоданья PM_5

23 *Вместо* „набралось точно“: *а.* точно набралось *б. как в тексте* PM_5

24 *Вместо* „Сердце его ~ начало биться“: Сердце, которое у Акакия Акакиевича всегда почти пребывало безо всякого биения, начало биться сильнее. PM_5

27 *Вместо* „и не мудрено ~ лучше сукна и не бывает“: за крепость Петрович ручался PM_5

---

[1] не положить ли на ⟨воротнике⟩ [2] *Далее начато:* у него изумило⟨?⟩

Стр. 155

30 *Вместо* „На подкладку выбрали коленкору“: *а.* на подкладку не взял⟨и⟩ *б.* на подкладку взяли *в. как в тексте* PM_5

33 *Вместо* „казистей и глянцевитей“: казистей PM_5

34 *Вместо* „была точно дорога́“: была слишком дорога́ PM_5

34 *Вместо* „выбрали“: *а.* нашли *б.* выбрали PM_5

36 *Вместо* „принять за куницу“: признать за куницу PM_5

36 *Вместо* „провозился за шинелью всего две недели, потому что“: [всего] провозился[1] за шинелью[2] две недели и взял за одну работу двенадцать рублей потому что PM_5

Стр. 156

1 *Вместо* „За работу Петрович взял двенадцать рублей“: и взял за одну работу двенадцать рублей PM_5

2 *Вместо* „меньше никак нельзя было: всё было“: потому что всё было PM_5

3 *Вместо* „и по всякому шву Петрович потом проходил“: *а.* и к тому же Петрович всякой потом шов прожимал *б.* и к тому же Петрович потом по всякому почти шву проходил PM_5

5 *Вместо* „вытесняя ~ фигуры“: и даже вытиснул ими разные фигуры PM_5

5 *Вместо* „Это было... трудно сказать в который именно день“: Это было[3] не припомним, в какой день, но вероятно это день был PM_5

6 *Вместо* „самый торжественнейший“: торжественнейший PM_5

7 *Вместо* „когда Петрович принес наконец шинель“: по крайней мере, никогда так[4] не был сильно потрясен весь его мир, как мы увидим после. PM_5

8 *Вместо* „Он принес“: Петрович принес PM_5

9 *Вместо* „перед самым тем временем“: именно пред тем временем PM_5

9 *Вместо* „как нужно было итти“: как итти PM_5

10 *Вместо* „не пришлась так кстати“: не пришлась бы так в пору PM_3

11 *Вместо* „потому что начинались уже ~ морозы“: потому уже начались сильные морозы PM_5

12 *Вместо* „грозили ~ усилиться“: готовы были увеличиться PM_5

13 *Вместо* „явился“: *а.* принес *б.* явился PM_5

14 *Вместо* „В лице его показалось выражение“: *а.* В лице его выражалось *б. как в тексте* PM_5

14 *Вместо* „такое значительное“: самое значительное PM_5

15 *Вместо* „какого Акакий Акакиевич никогда еще не видал“: какого Акакию Акакиевичу еще никогда не случалось видеть PM_5

---

[1] провозился не более [2] за шинелью не более [3] *Далее начато:* трудно [4] так никогда

Стр. 156

16 *Вместо* „Казалось, он чувствовал ∽ которые шьют за-ново“: Казалось, силу чувствовал в это время. PM_5

19 *Вместо* „Он вынул шинель ∽ набросил“: Он[1] расставивши шинель накинул PM_5

24 *Вместо* „весьма ловко“: очень верно PM_5

24 *Вместо* „потянул и осадил ее сзади рукой книзу“: потянул ее рукою снизу PM_5

25 *Вместо* „потом драпировал ею ∽ на-распашку“: потом несколько драпировал ее Акакию Акакиевичу сначала так небрежно[2] PM_5

26 *Вместо* „Акакий Акакиевич ∽ попробовать в рукава“: Потом ⟨Акакий⟩ Акакиевич надел ее в рукава PM_5

28 *Вместо* „вышло, что и в рукава была хороша“: и в рукава вышло хорошо PM_5

29 *Вместо* „оказалось, что шинель была совершенно и как-раз в пору“: оказалось, что шинель как-раз в пору PM_5

30 *Вместо* „Петрович не упустил при сем случае сказать ∽ Он расплатился с ним“: Акакий ⟨Акакиевич⟩ расплатился с Петровичем PM_5

Стр. 157

2 *Вместо* „Петрович вышел“: *а.* ⟨Акакий⟩ Акакиевич вышел *б. как в тексте* PM_5

3 *Вместо* „оставаясь на улице, долго еще смотрел издали на шинель“: остановился[3] на улице, долго еще смотрел на шинель PM_5

4 *Вместо* „чтобы, обогнувши“: чтобы обогнуть PM_5

5 *Вместо* „забежать вновь на улицу“: и потом забежать с улицы PM_5

5 *Вместо* „посмотреть еще раз ∽ с другой стороны“: *а.* посмотреть вновь ∽ уже в лицо *б. как в тексте* PM_5

8 *Вместо* „всякой миг минуты“: всякое мгновение минут PM_5

10 *Вместо* „от внутреннего удовольствия“: от удовольствия PM_5

11 *Вместо* „а другое, что хорошо“: *а.* а другое и уд⟨обно⟩ *б.* а другое, что вместе с тем и хорошо PM_5

12 *Вместо* „Дороги он не приметил вовсе“: *а.* Дороги он совер⟨шенно не приметил⟩ *б.* Несмотря на то, что шел тихо, он почти не приметил дороги PM_5

13 *Вместо* „скинул шинель“: скинул свою шинель PM_5

13 *Вместо* „осмотрел ее кругом“: и обсмотрев ее всю PM_5

14 *Вместо* „и поручил ∼ швейцару“: поручил ее особенно покровительству швейцара PM_5

14 *Вместо* „Неизвестно, каким образом в департаменте все вдруг узнали“: Не знаем каким образом в департаменте узнали, что PM_5

16 *Вместо* „что уже капота ∼ не существует“: что уже нет капота PM_5

---

[1] *Далее начато:* придержал [2] *Далее начато:* Застегнувши вверху воротник [3] *Перед этим начато:* дол⟨го⟩

Стр. 157

17 *Вместо* „В е в ту же минуту выбежали“: Все выбежали PM_5

18 *Вместо* „смотреть новую шинель Акакия Акакиевича“: смотреть новую шинель PM_5

18 *Вместо* „Начали поздравлять его“: Потом принялись поздравлять Акакия Акакиевича PM_5

20 *Вместо* „ему даже стыдно“: ему стыдно PM_5

21 *Вместо* „приступив“: приступили PM_5

22 *Вместо* „и что по крайней мере“: и по крайней мере PM_5

22 *Вместо* „должен задать ~ вечер“: должен вечер PM_5

23 *Вместо* „Акакий Акакиевич потерялся совершенно“: тут Акакий Акакиевич совершенно потерялся PM_5

24 *Вместо* „не знал“: и не знал совершенно PM_5

24 *Вместо* „что̀ такое отвечать и как отговориться“: точно ли это нужно и как от ⟨этого⟩ отговориться и что такое сказать PM_5

25 „Он уже минут через несколько ~ что это старая шинель“ *нет* PM_5

28 *Вместо* „Наконец один из чиновников, какой-то ∽ и знается даже с низшими себя, сказал“: *а.* Наконец один из чиновников сказал *б* Наконец один из чиновников (какой-то даже помощник столоначальника, захотевший показать свою популярность и что он, несмотря на чин свой, вот дескать какой человек, совсем не гордец и знается с людьми, которые ниже чином) сказал PM_5

31 *Вместо* „так и быть, я вместо“: так уж и быть, я наместо PM_5

32 *Вместо* „прошу ко мне сегодня на чай“: *а.* прошу ко мне сегодня всех *б. как в тексте* PM_5

32 *Вместо* „я же, как нарочно“: я же к тому PM_5

33 *Вместо* „натурально, тут же ∽ и приняли“: натурально приняли PM_5

35 *Вместо* „начал-было отговариваться“: начал-было отказываться PM_5

36 *Вместо* „что неучтиво ∽ срам“: что стыд и страм PM_5

37 *Вместо* „и он уж никак не мог отказаться“: и уж никак нельзя было Акакию Акакиевичу отказаться PM_5

Стр. 158

1 *Вместо* „потом сделалось приятно“: отчасти ⟨сделалось⟩ приятно PM_5

1 *Вместо* „когда вспомнил“: вспомнив PM_5

2 *Вместо* „даже и ввечеру“: и ввечеру еще PM_5

3 *Вместо* „был для Акакия Акакиевича ∽ праздник“: был точный праздник PM_5

4 *Вместо* „возвратился“: пришел PM_5

5 *Вместо* „в самом счастливом“: в самом веселом и приятном PM_5

6 *Вместо* „и повесил ее бережно на стене, налюбовавшись еще раз“: и тотчас повесил ее на стене полюбовавшись PM_5

8 *Вместо* „для сравненья“: *а.* для ⟨сравненья⟩ *б.* чтобы сравнить PM_7

9 *Вместо* „Он взглянул на него, и сам даже засмеялся“: и взглянувши сам даже усмехнулся PM_5

10 *Вместо* „далекая разница“: разница PM_5

10 *Вместо* „И долго еще потом за обедом он всё усмехался, как только приходило ∽ капот“: И потом долго еще усмехался даже за обедом PM_5

12 *Вместо* „весело“: очень весело PM_5

13 *Вместо* „уж ничего не писал“: уж не писал PM_5

13 *Вместо* „а так немножко“: а немножко так PM_5

14 *Вместо* „посибаритствовал на постели, пока не потемнело“: посибаритствовал на кровате PM_5

15 *Вместо* „Потом ∽ и вышел на улицу“: *а.* И как только уже слишком потемнело, он вышел ⟨на улицу⟩ *б.* И как только совершенно потемнело, он приоделся, т. е. надел тот же вицмундир на другую жилетку негербовую *в.* И как только совершенно потемнело, он приоделся, надел на плечи шинель и вышел на улицу PM_5

16 *Вместо* „Где именно жил“: В какой улице жил PM_5

17 *Вместо* „к сожалению, не можем сказать“: наверное не помним PM_5

18 *Вместо* „и всё, что̀ ни есть ∽ улицы и домы“: и улицы петербургские PM_5

19 *Вместо* „в голове“: в голове нашей PM_5

20 *Вместо* „весьма трудно достать оттуда“: трудно выкопать оттуда PM_5

20 *Вместо* „в порядочном виде“: в несбивчивом виде PM_5

21 *Вместо* „но верно по крайней мере то“: *а.* только верно то *б.* но верно то PM_5

22 *Вместо* „жил в лучшей части города ∽ не близко от Акакия Акакиевича“: жил не близко от квартиры ⟨Акакия⟩ Акакиевича PM_5

26 *Вместо* „живее ∽ сильнее освещены“: населеннее[1] и живее, лучше освещены PM_5

23 *Вместо* „начали попадаться“: начали показываться PM_5

28 *Вместо* „и дамы красиво одетые“: и дамы PM_5

28 *Вместо* „на мужчинах ∽ воротники“: и мужчины в бобровых воротниках PM_5

29 *Вместо* „реже встречались ваньки ∽ напротив“: реже спешили⟨?⟩ ваньки в деревню ⟨с⟩ решеточными своими санками и старым ковриком, посыпанным овсом PM_5

31 *Вместо* „всё попадались лихачи в малиновых бархатных шапках, с лакированными санками ∼ с убранными козлами“: попадались извозчики лихачи с лакированными санками и медвежьими одеялами, кареты и форейторами PM_5

---

[1] *Перед этим начато:* лучше

Стр. 159

1 *Вместо* „картину“: картинку PM_5

1 *Вместо* „изображена была“: была изображена PM_5

2 *Вместо* „красивая женщина, которая скидала с себя башмак“: *а.* полная красивая женщина *б.* полная и граци⟨озная⟩ женщина, скидающая с ноги своей башмак PM_5

2 *Вместо* „обнаживши ∽ ногу очень недурную“: потом посмотрел на другую,[1] которая казалось служила[2] продолжением первой, где изображена была такая же красивая женщина, уже раздевшись в постеле[3] PM_5

3 *Вместо* „а за спиной ее, из дверей другой комнаты“: а из дверей PM_5

4 *Вместо* „выставил голову“: *а.* выглядывал *б. как в тексте* PM_5

5 „испаньолкой“ *П; Тр* — эспаньолкой; PM_5 — шпанкой

7 *Вместо* „Почему он усмехнулся ∽ и узнать всё, что̀ он ни думает“: и вновь почувст⟨вовал⟩ не без удов⟨ольствия⟩

15 *Вместо* „Наконец достигнул он дома“: Прошедши ⟨?⟩ улицу он наконец остановился перед домом PM_5

15 *Вместо* „квартировал помощник столоначальника“: *а.* квартировал пригласивший чиновник *б. как в тексте* PM_5

17 *Вместо* „на лестнице светил фонарь“: *а.* прот⟨ив⟩ лестницы ⟨?⟩ *б.* на лестнице висел фонарь *в.* на лестнице был фонарь PM_5

18 *Вместо* „Вошедши в переднюю, Акакий Акакиевич увидел на полу целые ряды калош ∽ На стенах“: Взошедши в переднюю он увидел на полу целые ряды калошей, а по стене[4] PM_5

21 *Вместо* „висели всё шинели ∽ с бархатными отворотами“: множество висевших плащей и шинелей. Большой самовар стоял на полу посылая клубами пар PM_5

23 *Вместо* „За стеной был слышен“: Сквозь дверь слышен был PM_5

23 *Вместо* „шум и говор, которые вдруг сделались ясными и звонкими“: глухой шум и говор, который вдруг сделался ясным и звонким[5]

25 *Вместо* „когда отворилась дверь“: *а.* как отворилась дверь *б. как в тексте* PM_5

25 *Вместо* „с подносом, уставленным“: *а.* с подносом, на котором стоял *б.* с подносом установленным PM_5

26 *Вместо* „опорожненными стаканами, сливочником и корзиною сухарей“: выпитыми ⟨?⟩ стаканами и корзинкой[6] с сухарями PM_5

27 *Вместо* „Видно ∽ собрались“: Знать чиновники уже давно собрались и уселись ⟨?⟩ в вист PM_5

---

[1] на другую, где уже [2] казалось была [3] уже лежащая в постели [4] и на сте⟨не⟩ раз⟨вешены⟩ [5] ясным и ярким [6] стаканами и бокалами ⟨?⟩

Стр. 159

28 *Вместо* „и выпили по первому стакану чаю“: и по первому стакану чая было уже выпито PM_5

29 *Вместо* „повесивши ∽ вошел в комнату“: вошел в дверь PM_5

30 *Вместо* „мелькнули в одно время“: вдруг мелькнули PM_5

31 *Вместо* „смутно поразили слух ∽ разговор“: зашумел в уши смех, разговор PM_5

32 *Вместо* „шум передвигаемых стульев“: шум подвигаемых стульев PM_5

33 *Вместо* „Он остановился ∽ его уже заметили, приняли“: Бо-ш⟨едшего⟩ Акакия Акакиевича приняли PM_5

35 *Вместо* „все пошли тот же час“: пошли вновь PM_5

36 *Вместо* „и вновь осмотрели“: и обсмотрели вновь PM_5

36 *Вместо* „Акакий Акакиевич хотя было отчасти и сконфузился“: *а.* Хотя Акакий Акакиевич ⟨и сконфузился⟩ *б.* Акакий Акакиевич хоть и сконфузился PM_5

37 *Вместо* „но будучи ∽ не мог не порадоваться“: но внутренно не мог[1] чтобы несколько не порадоваться PM_5

Стр. 160

1 *Вместо* „видя, как все похвалили шинель“: *а.* видя ⟨как⟩ ей дивились *б.* видя как похваливали ее. PM_5

2 *Вместо* „Потом, разумеется, все бросили и его и шинель“: Потом все бросили его PM_5

3 *Вместо* „обратились ∽ для виста“: засели за столы с вистом PM_5

4 *Вместо* „Всё это ∽ было как-то чудно Акакию Акакиевичу“: Акакию Акакиевичу всё это было как-то чудно PM_5

5 *Вместо* „Он, просто, не знал“: и он просто не знал PM_5

6 *Вместо* „куда деть ∽ всю фигуру свою“: как выйти вон PM_5

7 *Вместо* „наконец подсел он“: Он подсел PM_5

7 *Вместо* „смотрел в карты, засматривал тому и другому в лица“: смотрел в карты тому и другому, [потом] засматривал также им в лица PM_5

10 *Вместо* „уж давно наступило то время“: приходило то время PM_5

10 *Вместо* „он, по обыкновению“: он обыкновенно PM_5

12 *Вместо* „что непременно надо“: что он непременно должен PM_5

13 *Вместо* „в честь обновки, по бокалу шампанского“: бокал шампанского в честь обновки PM_5

13 *Вместо* „Через час“: Нечего бы⟨ло⟩ делать, Акакий Акакиевич дождался шампанского. Через час PM_5

14 *Вместо* „телятины, паштета“: телятины и паштета PM_5

16 *Вместо* „после ∽ почувствовал“: так что тот даже почувствовал PM_5

---

[1] отчасти не мог

Стр. 160.

17 *Вместо* „сделалось веселее“: сделалось как-то веселее *РМ*$_5$

18 *Вместо* „что давно пора домой“: и весьма поздно *РМ*$_5$

19 *Вместо* „удерживать хозяин“: удерживать еще хозяин *РМ*$_5$

20 *Вместо* „отыскал ∽ снял с нее всякую пушинку“: нашел свою шинель *РМ*$_5$

23 *Вместо* „надел на плеча“: надел ее *РМ*$_5$

23 *Вместо* „опустился по лестнице на улицу“: вышел с лестницы на улицу *РМ*$_5$

23 *Вместо* „На улице всё еще было светло“: *а.* По улице он шел *б.* По улице было всё[1] еще светло *РМ*$_5$

24 *Вместо* „лавчонки“: лавочки *РМ*$_5$

25 „эти бессменные клубы ∽ отперты“ *нет* *РМ*$_5$

26 *Вместо* „другие же“: в иных же *РМ*$_5$

26 *Вместо* „показывали ∽ во всю дверную щель“: сквозь щель во всю длину дверей виден был свет *РМ*$_5$

28 *Вместо* „означавшую ∽ местопребывания“: вероятно составилось там что-нибудь вроде раута Амальи Павловны и Семена приказчика учтиво прислуживающего с потряхиванием[2] *РМ*$_5$

32 *Вместо* „в веселом расположении духа“: в очень хорошем расположении духа то закрыва⟨ясь?⟩ *РМ*$_5$

32 „подбежал-б лo“ *П; Тр* — побежал-было

32 *Вместо* „даже подбежал-было ∽ за какою-то дамою, которая как молния“: и даже вдруг пошел-было[3] очень скоро[4], когда мимо его прошла как молния какая-то дама в шляпке *РМ*$_5$

34 *Вместо* „и у которой всякая часть тела ∽ движения“: смело[5] вертевшаяся[6] всем своим телом *РМ*$_5$

35 *Вместо* „Но однакож он“: Но он *РМ*$_5$

36 *Вместо* „остановился и пошел ∽ тихо“: принял обычный свой шаг *РМ*$_5$

Стр. 161

1 *Вместо* „Скоро потянулись ∽ те пустынные улицы“: Пошел. Но скоро людные улицы[7] ⟨кончились⟩, начались те *РМ*$_5$

2 *Вместо* „которые даже и днем не так веселы, а тем более вечером“: которые и днем-то не весьма кипят народом *РМ*$_5$

3 *Вместо* „Теперь они сделались ∽ уединеннее“: Теперь стали они еще пустыннее *РМ*$_5$

3 *Вместо* „фонари стали мелькать ∽ масла, как видно, уже меньше отпускалось“: Фонари мелькали кое-где *РМ*$_5$

5 *Вместо* „пошли ∽ заборы“: стали попадаться заборы, деревянные домы *РМ*$_5$

---

[1] всё было [2] поско⟨рее⟩ [3] *Не дописано.* [4] *а.* даже чуть было не побежал *б.* даже пошел-было неизвестно почему [5] *Перед этим начато:* кот⟨орая⟩ [6] вертевшаяся вдали [7] скоро улицы

Стр. 161

6 *Вместо* „один снег“: снег PM_5

6 *Вместо* „да печально чернели“: и чернели PM_5

7 *Вместо* „с закрытыми ставнями заснувшие низенькие лачужки“: заснувшие с закрытыми ставнями домы PM_5

8 *Вместо* „Он приблизился ∽ где перерезывалась улица бесконечною площадью ∽ которая глядела страшною пустынею“: Потом перерезывалась площадь,[1] глядевшая страшным пустырем PM_5

12 *Вместо* „в какой-то будке, ∽ на краю света“: в какой-то будке PM_5

13 *Вместо* „Веселость ∽ значительно уменьшилась“: Веселость ∽ вдруг уменьшилась PM_5

17 *Вместо* „Он оглянулся назад и по сторонам: точное море ∽ увидел вдруг“: Он оглянулся назад и по сторонам: и ⟨для⟩ высматриванья мест оборотился, чтобы итти своей дорогой, вдруг увидел PM_5

20 *Вместо* „стоят почти перед носом“: стояли PM_5

21 *Вместо* „какие-то люди ∽ не мог даже различить“: какие-то предюжие ⟨?⟩ солдаты или что-то похожее, уж никак не мог различить этого PM_5

22 *Вместо* „У него затуманило в глазах и забилось в груди“: Сердце у него замерло PM_5

24 *Вместо* „схвативши“: ухвативши PM_5

25 *Вместо* „хотел-было уже закричать“: хотел закричать PM_5

26 *Вместо* „к самому рту кулак, величиною с чиновничью голову, примолвив“: кулак в самые губы и закричал PM_5

27 *Вместо* „а вот только крикни!“: вот только крикни! PM_5

28 *Вместо* „чувствовал только, как сняли с него“: слышал только, как сорвали с него PM_5

29 *Вместо* „дали ему пинка коленом“: толкну⟨ли⟩ ему сначала пинка, а потом коленом PM_5

29 *Вместо* „в снег и ничего уж больше не чувствовал“: в снег почти без чувств PM_5

30 *Вместо* „Чрез несколько минут ∽ поднялся на ноги“: Когда он очувствовался и приподнялся с земли PM_5

31 *Вместо* „но уж никого не было“: никого уже не было PM_5

32 *Вместо* „Он чувствовал ∽ шинели нет“: Он слышал по холоду, проникавшему его в спину и плечи, что на нем нет ⟨шинели⟩ PM_5

32 *Вместо* „стал кричать“: стал в отчаянии кричать он PM_5

33 *Вместо* „но голос ∽ до концов площади“: всё бесполезно: ни души не было ⟨на⟩ площади PM_5

34 *Вместо* „Отчаянный ∽ прямо к будке“: В отчаянии он пустился бежать к будке, которая была шагах в двести PM_5

35 *Вместо* „подле которой стоял будочник и ∽ глядел ∽ какого

---

[1] площадь с пустырем

чорта бежит к нему издали и кричит человек“: *а.* Будошник, казалось, ожидал видя бегущего человека *б.* Будошник, пораженный крик⟨ами⟩, остановился и рассматривал с любопытством бегущего к нему человека PM_5

Стр. 162

1 *Вместо* „Акакий Акакиевич ∽ начал задыхающимся голосом кричать, что он спит ∽ не видит, как грабят человека. Будочник отвечал“: *а.* Акакий Акакиевич принялся укорять будошника[1], что он ни за чем не смотрит, что возле грабят человека. На всё ответ его был *б.* Акакий Акакиевич принялся укорять будошника, что он спит и ни за чем не смотрит, не видит, как грабят человека. ⟨Будочник⟩ отвечал PM_5

4 *Вместо* „не видал ничего“: ничего не видал PM_5

4 „ничего“ PM_5; *П, Тр* — никого

4 *Вместо* „что видел“: что он видел PM_5

5 *Вместо* „остановили его среди площади“: остановили на площади PM_5

5 *Вместо* „какие-то два“: два какие-то PM_5

5 *Вместо* „да думал, что то были его приятели“: да подумал что его приятели PM_5

6 *Вместо* „пусть он вместо того ∽ сходит завтра к надзирателю“: пусть лучше он завтра сходит в часть к квартальному PM_5

8 *Вместо* „так надзиратель“: так квартальный PM_5

9 *Вместо* „прибежал домой“: прибежал к себе домой PM_5

9 *Вместо* „в совершенном беспорядке“: *а.* в таком беспорядке *б. как в тексте* PM_5

10 *Вместо* „которые еще водились ∽ на висках и затылке“: которые у него водились еще на висках и на затылке PM_5

11 *Вместо* „совершенно растрепались“: растрепались PM_5

12 *Вместо* „бок и грудь и все панталоны“: спина и бок PM_5

12 *Вместо* „хозяйка квартиры его“: хозяйка PM_5

13 *Вместо* „услыша“: *а.* испугалась когда увидела *б.* услыша PM_5

13 *Вместо* „стук в дверь“: стук в двери PM_5

14 *Вместо* „с башмаком на одной только ноге“: *а.* без баш⟨мака⟩ *б.* в одном башмаке PM_5

15 *Вместо* „побежала отворять дверь“: вышла отворить PM_5

15 *Вместо* „придерживая ∽ отступила“: и отступила PM_5

17 *Вместо* „увидя ∽ Акакия Акакиевича“: когда его увидела PM_5

17 *Вместо* „Когда же рассказал он“: А когда услышала PM_5

18 *Вместо* „она всплеснула руками“: перекрестилась и всплеснула руками PM_5

20 *Вместо* „и станет водить“: да и станет водить PM_5

20 *Вместо* „лучше всего итти прямо к частному“: лучше всего прямо к частному PM_5

---

[1] *Сверху написано:* На всё ответ его был

Стр. 162

21 *Вместо* „что он даже ей знаком“: что она даже знает его PM_5

22 *Вместо* „служившая прежде у нее в кухарках“: которая прежде служила у нее PM_5

24 *Вместо* „мимо их дома“: по улицам мимо ее окон PM_5

25 *Вместо* „и что он бывает ∽ смотрит на всех“: и что в церкви бывает, на всё смотрит и молится в то же время PM_5

26 *Вместо* „и что, стало быть, по всему видно“: и что по всему видно PM_5

27 *Вместо* „должен быть добрый“: что он добрый PM_5

28 *Вместо* „Выслушав такое решение“: Выслушав такое определение PM_5

28 *Вместо* „Акакий Акакиевич печальный побрел в свою комнату, и как он провел там ночь ∽ представить себе положение другого“: Акакий Акакиевич однакоже провел ночь весьма[1] плохо PM_5

31 *Вместо* „Поутру рано отправился он“: а поутру рано отправился PM_5

32 *Вместо* „в десять“: в десять часов PM_5

35 *Вместо* „пустить его“: его пустить PM_5

37 *Вместо* „Так-что наконец“: Наконец PM_5

Стр. 163

1 *Вместо* „показать характер“: показать твердый характер PM_5

2 *Вместо* „сказал на-отрез“: сказал PM_5

4 *Вместо* „пришел из департамента за казенным делом“: пришел де из департамента PM_5

4 *Вместо* „а что“: и что PM_5

6 *Вместо* „ничего не посмели“: не посмели ничего PM_5

7 *Вместо* „пошел вызвать частного“: пошел вызвать PM_5

7 *Вместо* „принял как-то чрезвычайно странно“: как-то странно принял PM_5

9 *Вместо* „обратить внимание“: преимущественно обратить внимание PM_5

11 *Вместо* „так поздно возвращался“: так поздно возвращался как никто ⟨?⟩ не ходит и[2] PM_5

11 *Вместо* „не заходил ли он и не был ли“: не был ли PM_5

12 *Вместо* „в каком непорядочном“: в непотребном PM_5

12 *Вместо* „Акакий Акакиевич сконфузился“: бедный Акакий Акакиевич даже сконфузился PM_5

13 *Вместо* „сам не зная“: никак не зная PM_5

14 *Вместо* „возымеет ли надлежащий ход“: возымеет ли ход PM_5

15 *Вместо* „не был в присутствии ∽ На другой день он явился“: не был в присутствии и явился только на другой день PM_5

---

[1] совершенно [2] *Не дописано.*

Стр. 163

17 *Вместо* „в старом капоте своем, который сделался еще плачевнее“: в старом своем капоте, который был еще плачевнее прежнего PM_5

18 *Вместо* „о грабеже шинели“: *а.* о похи⟨щении шинели⟩ *б.* о ночном грабительстве шинели PM_5

19 *Вместо* „нашлись такие чиновники, которые не пропустили даже и тут“: многие чиновники не пропустили и тут PM_5

22 *Вместо* „чиновники и без того уже много истратились“: чиновники все почти и без этого уже поистратились PM_5

23 *Вместо* „подписавшись“: будучи обязаны подписом PM_5

25 *Вместо* „начальника ∽ который был приятелем сочинителю“: *а.* начальника ∽ большого приятеля сочинителя *б. как в тексте* PM_5

27 *Вместо* „Один кто-то ∽ решился“: Один кто-то ∽ решил PM_5

28 *Вместо* „сказавши“: сказав PM_5

29 *Вместо* „хоть и может случиться, что квартальный, желая“: квартальный, хотя конечно ⟨?⟩ может случиться, что желая PM_5

30 *Вместо* „заслужить одобрение начальства“: показать себя и получить одобрение PM_5

31 *Вместо* „отыщет каким-нибудь образом“: и отыщет PM_5

32 „если он не представит законных доказательств, что она принадлежит ему“ *нет* PM_5

33 *Вместо* „а лучше всего, чтобы он обратился“: а лучше всего чтобы он обратился[1] прямо PM_5

35 *Вместо* „спишась“: списавшись PM_5

36 *Вместо* „Нечего делать, Акакий Акакиевич решился“: Акакий Акакиевич решился PM_5

Стр. 164

1 „Какая именно и в чем состояла должность значительного лица, это осталось до сих пор неизвестным“ *нет* PM_5

3 *Вместо* „одно значительное лицо“: это значительное лицо PM_5

3 *Вместо* „недавно“: *а.* еще не так давно *б.* еще недавно PM_5

3 *Вместо* „сделался“: сделалось PM_5

4 *Вместо* „он был“: оно было PM_5

5 *Вместо* „Впрочем место его и теперь ∽ в глазах прочих есть уже значительное“: Впрочем надобно сказать, что и теперешнее место[2] не было[3] так высшее ⟨?⟩ между значущими людьми, но оно было очень важно в глазах многих пониже[4] и потому он приобрел название значительного лица PM_5

9 *Вместо* „усилить значительность“: усилить значительность свою PM_5

9 *Вместо* „другими средствами“: вспомоществующими средствами PM_5

---

[1] *Далее начато:* возврати⟨лся?⟩ [2] что место [3] еще не было [4] в глазах многих неважных людей

Стр. 164

10 *Вместо* „именно“: а именно PM_5

11 *Вместо* „когда он приходил в должность“: когда приходит на должность PM_5

12 *Вместо* „чтобы к нему“: *а.* чтобы пред комнатой его *б. как в тексте* PM_5

12 *Вместо* „чтоб шло всё порядком строжайшим“: чтобы по порядку PM_5

13 *Вместо* „докладывал бы“: докладывал PM_5

14 *Вместо* „губернскому секретарю“: губернскому регистратору PM_5

14 *Вместо* „губернский секретарь — титулярному ∽ и чтобы уже таким образом доходило дело до него“: и так уже чтобы доходило до его PM_5

16 *Вместо* „Так уж ∽ заражено подражанием“: Что ж, увы, делать. Известно, русской обычай: у нас всё заражено подражанием PM_5

17 *Вместо* „всякой дразнит ∽ начальника“: всякой подражает один другому PM_5

18 *Вместо* „какой-то“: что один какой-то PM_5

19 *Вместо* „сделали его“: его сделали PM_5

20 *Вместо* „отдельной небольшой канцелярии“: особенной небольшой канцелярии PM_5

20 *Вместо* „тотчас же“: тотчас PM_5

21 *Вместо* „особенную комнату“: особенную комнатку PM_5

22 *Вместо* „капельдинеров ∽ в галунах“: капельдинеров ∽ с галунами PM_5

23 *Вместо* „которые брались“: *а.* которые отворяли *б. как в тексте* PM_5

23 *Вместо* „за ручку дверей“: за ручку у дверей PM_5

24 *Вместо* „отворяли ее“: *а.* прежде провозглашали имя *б.* отворяли PM_5

25 *Вместо* „насилу мог уставиться обыкновенный письменный стол“: не мог даже поместиться большой письменный стол PM_5

26 *Вместо* „Приемы и обычаи“: Приемы и обычай PM_5

27 *Вместо* „были солидны ∽ но не многосложны“: были не многосложны PM_5

27 *Вместо* „Главным основанием его системы ∽ в лицо тому, которому говорил“: *а.* Прежде всего он почитал необходим⟨ым⟩ *б.* Главным [1] порядком вещей он почитал надлежащую строгость и что ⟨следует держать?⟩ чиновников в величайшем страхе PM_5

31 *Вместо* „Хотя впрочем этому“: хотя и для этого PM_5

31 *Вместо* „не было никакой причины“: не было законной причины PM_5

32 *Вместо* „десяток чиновников“: *а.* чиновники *б. как в тексте* PM_5

33 *Вместо* „весь правительственный механизм канцелярии“: его присутствие PM_5

34 *Вместо* „был в надлежащем страхе“: дрожали ⟨?⟩ совершенно PM_5

34 *Вместо* „завидя“: и уж завидя PM_5

35 *Вместо* „оставлял уже дело и ожидал“: оставляли дела и ожидали PM_5

---

[1] *Перед этим начато:* подле

Стр. 164

35 *Вместо* „стоя в вытяжку“: в вытяжку PM_5

35 *Вместо* „пока начальник пройдет через комнату“: пока он пройдет комнату PM_5

36 *Вместо* „Обыкновенный разговор его с низшими отзывался строгостью и состоял почти из трех фраз“: С низшими чиновниками у него обыкновенно разговор состоял из двух или трех фраз PM_5

Стр. 165

1 *Вместо* „знаете ли вы“: и знаете ли вы PM_5

1 „понимаете ли, кто стоит перед вами“ *нет* PM_5

4 *Вместо* „но генеральский чин совершенно сбил его с толку“: один[1] генераль⟨ский⟩ чин как-то его немножко сбил с пути PM_5

5 *Вместо* „спутался“: несколько спутался PM_5

5 *Вместо* „сбился ∽ не знал, как ему быть“: никак не знал как ему ⟨быть⟩ PM_5

6 *Вместо* „Если ему случалось быть“: Если ему попадалось быть PM_5

7 *Вместо* „он был еще человек, как следует, человек очень порядочный“: он был как следует, очень порядочный PM_5

8 *Вместо* „во многих отношениях даже не глупый“: и во многих отношениях не глупый PM_5

9 *Вместо* „как только случалось“: как только попадалось PM_5

10 *Вместо* „где были люди“: где были все PM_5

10 *Вместо* „там он был просто хоть из рук вон“: он был хоть из рук вон PM_5

11 *Вместо* „молчал, и положение его возбуждало“: и положение его точно возбуждало PM_5

13 *Вместо* „мог бы провести время несравненно лучше“: он мог бы провесть время очень весело PM_5

13 *Вместо* „В глазах его иногда ∽ сильное желание“: *а.* Хотел очень *б.* В глазах его было видно желание PM_5

14 *Вместо* „присоединиться к ∽ разговору и кружку“: присоединиться к ∽ разговору PM_5

15 *Вместо* „но останавливала его мысль“: но останавливало его во⟨просом?⟩ PM_5

16 *Вместо* „не будет ли ∽ с его стороны“: не слишком ли уж много будет со стороны его PM_5

17 *Вместо* „не будет ли фамилиарно, и не уронит ли ∽ значения“: не уронит ли он как-нибудь своего веса PM_5

19 *Вместо* „И вследствие таких рассуждений он оставался вечно в ∽ молчаливом состоянии“: и он оставался почти вечно в молчащем состоянии PM_5

---

[1] *Перед этим начато:* пока

Стр. 165

21 *Вместо* „произнося ∽ звуки“: изредка произнося только односложные[1] ⟨звуки⟩ PM_5

22 *Вместо* „приобрел ∽ „титул“: получил ∽ завидный титул PM_5

23 *Вместо* „значительному лицу“: значительному человеку PM_5

24 *Вместо* „явился во время самое неблагоприятное, весьма некстати для себя“: *а.* весьма некстати для ⟨себя⟩ *б. как в тексте* PM_5

25 *Вместо* „хотя впрочем кстати“: но очень кстати PM_5

26 *Вместо* „в своем кабинете“: в то время в своем кабинете PM_5

26 *Вместо* „разговорился очень-очень весело“: разговаривал очень весело PM_5

26 *Вместо* „с одним“: с одним своим PM_5

23 *Вместо* „доложили ему“: ему доложили PM_5

29 *Вместо* „Башмачкин“: Башмак⟨евич?⟩ PM_5

29 *Вместо* „спросил отрывисто“: спросил PM_5

30 *Вместо* „какой-то чиновник“: чиновник PM_5

31 „сказал значительный человек“ *нет* PM_5

32 *Вместо* „Здесь надобно сказать ∽ прилгнул“: Хотя значительный человек немножко и прилгнул PM_5

33 *Вместо* „они давно“: потому что они давно PM_5

34 *Вместо* „с приятелем переговорили обо всем“: обо всем переговорили с приятелем PM_5

34 *Вместо* „и уже давно ∽ приговаривая“: и уж только изредка между длинными паузами поговаривали друг другу PM_5

35 *Вместо* „этак-то“: да этак-то PM_5

37 *Вместо* „Но при всем том однакоже“: но однакоже PM_5

Стр. 166

1 *Вместо* „велел он чиновнику подождать“: он приказал слуге обождать PM_5

2 *Вместо* „показать приятелю, человеку давно не служившему ∽ сколько времени“: показать приятелю, сколько времени PM_5

3 *Вместо* „чиновники дожидаются у него в передней“: у него ждут чиновники в передней PM_5

4 *Вместо* „Наконец наговорившись, а еще более намолчавшись вдоволь и выкуривши“: Наконец наговорившись и намолчавшись, выкуривши PM_5

5 *Вместо* „сигарку“: по цигарке PM_5

6 *Вместо* „в весьма покойных креслах“: на покойных и удобных креслах PM_5

7 *Вместо* „как будто вдруг вспомнил и сказал секретарю ∽ для доклада“: как будто вспомнил PM_5

---

[1] одни самые односложные

Стр. 166

8 *Вместо* „да, ведь ∽ чиновник“: а да ведь там, кажется, стоит чиновник PM_5

9 *Вместо* „скажите ему“: скажи ему PM_5

9 *Вместо* „что он может“: что может PM_5

11 *Вместо* „старенькой вицмундир“: *а.* изн⟨ошенный⟩ вицмундир *б. как в тексте* PM_5

11 *Вместо* „он оборотился ∽ сказал“: он спросил PM_5

12 *Вместо* „голосом отрывистым и твердым“: голосом ровным, твердым PM_5

13 *Вместо* „которому нарочно учился заране ∽ перед зеркалом“: которому он учился у себя в кабинете и перед зеркалом PM_5

14 *Вместо* „еще за неделю до получения ∽ чина“: цел⟨ых⟩ три или четыре дня как только получил свое место PM_5

16 *Вместо* „Акакий Акакиевич уже заблаговременно почувствовал ∽ и как мог“: Акакий Акакиевич как мог PM_5

17 *Вместо* „сколько могла позволить ему свобода языка, изъяснил“: по-своему изложил PM_5

18 *Вместо* „с прибавлением ∽ что была-де“: что вот была-де PM_5

20 *Вместо* „бесчеловечным“: самым бесчеловечным PM_5

21 *Вместо* „и что он обращается к нему ∽ такое обхождение фамилиарным“ *нет* PM_5

25 *Вместо* „Что вы, милостивый государь ∽ Об этом вы бы должны“: Что ж, вы разве не знаете порядка дела, сказало значительное лицо. Об этом вы должны бы PM_5

28 *Вместо* „прежде ∽ в канцелярию“: подать просьбу мне в канцелярию мою PM_5

29 *Вместо* „к столоначальнику ∽ доставил бы ее уже мне“: к столоначальнику, столоначальник бы потом доложил моему секретарю, а секретарь уже мне PM_5

32 *Вместо* „Но, ваше превосходительство, ∽ я ваше превосходительство осмелился утрудить потому“: Но, ваше превосходительство, я осмелился потому PM_5

Стр. 167

1 *Вместо* „Что, что, что? ∽ кому уже было семьдесят лет“: — Как вы смеете мне это говорить. — Я ничего, ваше превосходительство... я только того... говорил Акакий Акакиевич и дальше никак не мог повор⟨от⟩ить языком, он оробел совершенно. PM_5

9 *Вместо* „Знаете ли вы, кому это говорите“: Да кому вы это говорите, знаете ли [вы], с кем вы говорите PM_5

9 *Вместо* „понимаете ли вы, кто стоит перед вами“: понимаете ли, кто перед вами PM_5

10 *Вместо* „понимаете ∽ понимаете ли это“: понимаете ли вы это PM_5

Стр. 167

11 *Вместо* „я вас спрашиваю ~ сделалось бы страшно“: Здесь значительный человек для произ⟨ве⟩д⟨ения⟩ большего эффекта даже топнул ногою *РМ*$_5$

14 *Вместо* „так и обмер“: так и обомлел

15 *Вместо* „и никак не мог стоять“: и уж никак не мог устоять на ногах *РМ*$_5$

15 *Вместо* „если бы не подбежали тут же сторожа ~ шлепнулся на пол“: Тут же подхватили его сторожа, иначе он бы был на полу. *РМ*$_5$

16 *Вместо* „его вынесли почти без движения“: Его вывели совершенно *РМ*$_5$

17 *Вместо* „А значительное лицо, довольный тем“: А значительный ⟨человек⟩ тем довольный *РМ*$_5$

18 *Вместо* „эффект превзошел ~ упоенный мыслью“: эффект произошел сильнее даже нежели он ожидал *РМ*$_5$

19 *Вместо* „что слово его“: и что слова его *РМ*$_5$

19 *Вместо* „может лишить даже чувств“: *а.* могут такой ⟨?⟩ *б.* могут лишить чувств *РМ*$_5$

20 *Вместо* „искоса взглянул“: *а.* не без удовольствия взглянул *б.* взглянул искоса *РМ*$_5$

20 *Вместо* „как он на это смотрит“: что он на это *РМ*$_5$

21 *Вместо* „и не без удовольствия увидел“: и увидел не без удовольствия *РМ*$_5$

21 *Вместо* „что приятель его находился“: что приятель находится *РМ*$_5$

22 *Вместо* „в самом неопределенном“: в каком-то самом неопределенном *РМ*$_5$

23 *Вместо* „и начинал даже с своей стороны сам“: и начинал даже сам *РМ*$_5$

23 *Вместо* „чувствовать страх“: чувствовать некоторый страх *РМ*$_5$

Стр. 168

18 „то спрашивал“ *Тр; П* — то спрашивая

Стр. 169

13 „как обрушивалось на царей и повелителей мира“ *РМ*$_5$; *П, Тр* — как обрушивается оно на главы сильных мира сего!

Стр. 170

7 „в то даже самих тайных советников“ *РМ*$_5$; *П, Тр* — но даже и надворных советников

9 „ночного сдергивания“ *РМ*$_5$; *П, Тр* — частого сдергивания

34 „*одно значительное лицо,* который“ *Тр; П* — *одно значительное лицо,* которое

Стр. 172

7 „сел в сани“ *ред; П, Тр* — стал в сани; *РМ*$_5$ — сел в санки.

КОЛЯСКА

Стр. 177

1 „Городок Б.“ *РМ*$_6$, *С; П, Тр* — город Б.

8 „Глина на них обвалилась“ *РМ*$_6$, *С; П, Тр* — Глина на домах обвалилась

Стр. 178

1 „выглядывая из мучных наваленных мешков“ *С; П, Тр* — выглядывая из-за наваленных мучных мешков

2 „бежит“ *Тр; С, П* — бежал

7 „забор“ *РМ*$_6$*; С, П, Тр* — двор

17 „около дверей“ *С; П, Тр* — у дверей

23 „поставить на карточку дрожки *РМ*$_6$, *П, Тр; С* — поставить тихомолком от генерала на карточку дрожки

25 „катался в них“ *РМ*$_6$, *С; П, Тр* — катался на них

27 „деньщик подмазывал“ *РМ*$_6$, *С; П, Тр* — деньщик подмазывает

34 „На лобном месте ~ выпуча глаза вверх“ *ЦД; С, П, Тр — нет; РМ*$_6$ — На лобном месте уж верно солдат усатый мылил бороду мужика,[1] который сидя молчаливо, рассуждал об остроте бритвы служивого.

Стр. 179

6 „Окружные помещики, о которых существовании“ *РМ*$_6$, *С; П, Тр* — Окружные помещики, о существовании которых

14 „поваренных ножей“ *С; П, Тр* — поварских ножей

16 „Весь рынок был забран совершенно“ *С; П, Тр* — Весь совершенно рынок был забран

---

[1] брил мужика

Стр. 179

26 „был один из числа“ *РМ₆, С; П, Тр* — был одним из числа

29 „Тамбовской и Симбирской губернии“ *С; П, Тр* — Тамбовской и Симбирской губерний

Стр. 180

10 „соскакивал перед ними“ *РМ₆, С; П, Тр* — выскакивал перед ними

10 „с своей легонькой колясочки“ *РМ₆, С; П, Тр* — из своей легонькой колясочки

34 „фрикасеи и желеи“ *РМ₆, С; П, Тр* — фрикасе и желе

37 „отстегнутая последняя пуговица у господ офицеров“ *РМ₆, ЦД; С, П, Тр* — *нет*

Стр. 181

1 „укладистого фрака“ *С; П, Тр* — окладистого фрака

6 „кофию“ *РМ₆, С; П, Тр* — кофе

7 „У генерала, полковника и даже у маиора мундиры были вовсе расстегнуты ∽ трех последних пуговиц“ *РМ₆; С, П, Тр* — *нет*; *ЦД* — У генерала, полковника и даже у майора мундир был вовсе расстегнут *и т. д. как в тексте*

27 „весь исчезнул в дыме“ *С; П, Тр* — весь исчез в дыме

Стр. 182

13 „фершел“ *РМ₆, С; П, Тр* — фельдшер

Стр. 183

6 „два чубука ∽ такие длинные, как с позволения сказать солитер“ *ЦД; С, П, Тр* — два чубука ∽ самые длинные

Стр. 184

3 „Чертокуцкий выступал“ *Тр; С, П* — Чертокуцкий выступает; *РМ₆* — Крапушкин выступал

11 „взял уже было и шляпу“ *С; П, Тр* — взял было уже и шляпу

14 „всё общество ∽ рассеялось в разных углах“ *С; П, Тр* — всё общество ∽ рассеялось по разным углам; *РМ₆* всё общество ∽ порассело⟨сь⟩ по всей комнате

22 „роберта“ *РМ₆, С; П, Тр* — робера

27 „Играющие“ *С, П; Тр* — Игравшие

Стр. 185

2 „баталионном“ *С; П, Тр* — эскадронном

15 „направо и налево стояла у него бутылка“ *С, П; Тр* — направо и налево стояли у него бутылки

18 „Один помещик“ *С; П, Тр* — Один полковник

21 „пробку из графина“ *С; П, Тр* — пробку от графина

22 „то уже было три часа“ *С; П, Тр* — уже было три часа

30 „Чертокуцкий ∽ уложился“ *С; П, Тр* — Чертокуцкий ∽ улегся

30 „возле ∽ жены“ *С, П, Тр* — подле ∽ жены

Стр. 186

21 „уже 12 часов, и супруг ее спит“ *С; П, Тр* — уже 12 часов, а супруг ее спит

Стр. 187

33 „далеко они?“ *С; П, Тр* — далеко ли они?

Стр. 188

6 „его как-нибудь увидеть“ *С; П, Тр* — его как-нибудь видеть

19 „сказал, выходя на крыльцо, лакей“ *П, Тр; С* — сказал, входя на крыльцо, лакей; *РМ*$_6$ — сказал вышедший на крыльцо ~ дворецкий

22 „Они уехали на весь день. Завтра ~ будет“ *С; П, Тр* — Они уехали на весь день. Завтра ~ будут

Стр. 189

6 „Чего изволите?“ *РМ*$_6$, *П, Тр; С* — Что изволите?

ЗАПИСКИ СУМАСШЕДШЕГО.[1]

Стр. 193

1 „Октября 3“ *нет*

5 *Вместо* „давно било десять“: било давно десять

6 *Вместо* „я бы совсем не пошел в департамент“: я бы вовсе не пошел в тот день в департамент

7 *Вместо* „зная заранее“: я знал заранее

8 *Вместо* „уже давно мне говорит“: *а.* что это братец *б.* уже давно говорит он мне [2]

9 „метаешься“ *РМ*$_4$, *Ар; П* — мечешься

10 *Вместо* „подчас“: *а.* иной раз *б.* иногда

12 *Вместо* „не выставишь“: никогда не выставишь

12 *Вместо* „Проклятая цапля! он верно завидует“: Чорт возьми! он верно завидует

14 *Вместо* „очинивэю“: подчиниваю

15 *Вместо* „надежда видеться“: надежда, что буду видеться

16 *Вместо* „авось-либо выпросить“: авось-либо как-нибудь успею выпросить

17 *Вместо* „Чтобы он выдал ∽ за месяц деньги — господи, боже мой, да скорее страшный суд придет“: Чтобы он выдал ∽ за месяц [3] часть денег — никогда

21 *Вместо* „собственная кухарка бьет его по щекам“: его собственная кухарка бьет по щекам

21 *Вместо* „всему свету известно“: всякому известно

22 *Вместо* „не понимаю выгод“: не понимаю выгоды

24 *Вместо* „гражданских и казенных“: в гражданских или казенных

---

[1] *Варианты, при которых шифр не указан,— из рукописи РМ*$_4$

[2] говорит он мне часто, у тебя

[3] *Перед этим начато:* часть

Стр. 194

2 *Вместо* „Фрачишка на нем“: Фрачишка у него

5 *Вместо* „давай пару рысаков“: *а.* или пару рысаков *б.* неси бобер рублей в триста *в.* давай или пару рыжих

5 „рысаков“ *РМ*$_4$; *Ар, П* — рыжаков

6 „бобер“ *Ар; П* — бобра.

6 *Вместо* „С виду такой тихенькой“: Посмотришь тихонькой такой

7 *Вместо* „говорит так деликатно“: *а.* говорит одол⟨жите⟩ *б. как в тексте*

7 *Вместо* „починить перышко“: подчинить перышко

9 *Вместо* „Правда, у нас зато служба“: Оно правда, у нас служба

14 *Вместо* „надел старую“: надел на себя старую

14 *Вместо* „шел проливной дождик“: *а.* дожжик шел не умолкая *б. как в тексте*

15 *Вместо* „На улицах“: По улицам

16 *Вместо* „накрывшись полами“: накрывшись полами платьев

17 *Вместо* „да кучера“: да курьеры

18 *Вместо* „чиновник плелся“: чиновник попался мне

20 *Вместо* „не в департамент идешь, ты спешишь вон за тою“: не в департамент, спешишь вон за тою

20 *Вместо* „что бежит впереди, и глядишь на ее ножки“: что приподняла немного свое платье и показала в мгнове⟨ние?⟩ икры свои

21 *Вместо* „Что это за бестия“: То есть что это за бестия

23 *Вместо* „пройди какая-нибудь“: пройди только какая-нибудь

26 *Вместо* „Но ему незачем ∽ это его дочка“: Но чего бы ему по утру в магазин. Верно это его дочка[1]

28 *Вместо* „Как взглянула она направо и налево“: Повернула направо и налево головой из-под шляпы

29 *Вместо* „как мелькнула ∽ пропал я, пропал совсем“: мелькнула бровями, глянула[2] как огонь и ушла. Довольно. Довольно, пропал я совсем. Сокрушила.

31 *Вместо* „И зачем ей выезжать в такую дождевую пору“: И чего бы ей в этакую дождевую ⟨пору⟩

31 *Вместо* „Утверждай ∽ не велика страсть до всех этих тряпок“: Велика страсть у женщин до этих всех тряпок. Хоть ты ей снег сыпли на самую ⟨голову⟩, а в магазин поедет.

32 „до всех этих тряпок“ *Ар; П* — ко всем этим тряпкам.

33 *Вместо* „нарочно старался“: старался нарочно

35 *Вместо* „и притом старого“: да притом и старого

37 „дегатированное“ *П; Ар* — дигатированное

37 *Вместо* „Собачонка“: Я остался подождать. Собачонка.

---

[1] *Далее начато:* Лакей отвор⟨ил⟩ [2] и блеснула глазами

Стр. 195

1 *Вместо* „не успевши вскочить ∽ осталась на улице“: осталась[1] на улице не успевши вскочить в дверь магазина[2]

2 *Вместо* „Не успел я пробыть“: Только не успел я пробыть

3 *Вместо* „тоненький голосок“: голос тоненький

4 „обсмотрелся“ *РМ₄, Ар; П* — осмотрелся

5 *Вместо* „под зонтиком шедших“: шедших под зонтиком

7 *Вместо* „Грех тебе“: Хрех тебе

9 *Вместо* „Эге ∽ не пьян ли я?“: Эхе, хе! да полно не пьян ли[3] я?

11 *Вместо* „я видел сам, что произнесла Меджи“: произнесла, я видел сам, что произнесла Меджи

12 *Вместо* „я была ав! ав! я была ав, ав, ав! очень больна“: Я была вав! вав! вав! Я была вав, вав, вав! Я была очень больна

13 *Вместо* „услышав“: когда услышал

14 „говорящею по-человечески“ *РМ₄; Ар, П* — говорящую по-человечески

15 „то тогда же перестал“ *Ар; П* — то перестал; *РМ₄* — тогда же почти я перестал

16 *Вместо* „на свете уже случилось множество подобных примеров“: на свете случается множество подобных случаев

18 *Вместо* „на таком странном языке“: *а.* на таком языке странном *б.* на таком непонятном языке

18 *Вместо* „ученые уже три года стараются“: ученые до сих пор стараются

24 *Вместо* „Да чтоб я не получил жалованья!“: Чорт возьми

24 „не слыхивал“ *Ар; П* — не слыхал; *РМ₄* — не слышивал

25 „Правильно писать ∽ Это меня удивило“ *РМ₄; Ар, П* — Это меня удивило.

30 *Вместо* „Признаюсь, с недавнего времени“: Я должен признаться, что с недавнего времени

32 *После* „не слыхивал“ *было:* Тут одчакоже *<1 нрзб>*

33 „сам в себе“ *РМ₄; Ар, П* — сам себе[4]

33 *Вместо* „что̀ она и что̀ такое думает“: что она такое думает

35 *Вместо* „наконец, к Кукушкину мосту ∽ Это дом Зверкова“: остановились у дома Зверкова

Стр. 196

1 *Вместо* „Эка машина! Какого в нем народа не живет“: Что это за дом, какого народу там не живет.

2 „сколько поляков“ *РМ₄; Ар, П* — сколько приезжих

3 *Вместо* „один на другом сидит“: один на другом сидит, а третьим погоняет

---

[1] *Далее начато:* потому что [2] в дверь в магазане [3] нет, ну-ка не пьян ли [4] *И везде ниже* сам в себе *из РМ₄ взято в основной текст.*

Стр. 196

4 *Вместо* „хорошо играет на трубе“: хорошо на трубе играет

6 *Вместо* „теперь не пойду“: теперь я еще не пойду к вам

6 *Вместо* „и при первом случае не премину“: После не премину

8 „Октября 4“ *нет*

10 *Вместо* „засевши“: забравшись один

15 *Вместо* „А посмотреть в лицо ему: фу“: Посмотришь в лицо ему, фу ты

16 *Вместо* „Я еще никогда“: Никогда я еще

17 *Вместо* „сказал лишнее слово“: сказал когда-нибудь лишнее слово

17 *Вместо* „Только разве“: Только иногда

20 *Вместо* „Я замечаю, однакоже“: Я однакож замечаю

20 *Вместо* „любит“: любит и благоволит

21 *Вместо* „Если бы и дочка“: *а.* Если бы та ⟨?⟩ *б. как в тексте*

22 „Ну, чего хотят они? Взял бы“ *РМ₄; Ар, П* — Взял бы

26 *Вместо* „После этого заметил ∽ а наш не выходил из своей спальни“: *а.* Его п-во к удивле⟨нию⟩ долго не ⟨выходил⟩. *б.* После этого заметил ∽ а его п-во *и т. д. как в тексте*

29 *Вместо* „я думал, что директор, и вскочил со стула“: Я думал, что наш ⟨?⟩ и схватился со стула

31 *Вместо* „Святители, как она была одета!“: Боже ты мой, как была одета!

32 *Вместо* „фу, какое пышное!“: фу ты, какое пышное платье

32 *Вместо* „ей богу, солнце! Она поклонилась и сказала: Папà здесь не было?“: ей богу, солнце. „Папà здесь не было“, сказала она.

34 *Вместо* „какой голос“: какой голосок

34 *После* „Канарейка, право, канарейка!“ *было:* Она поглядела на меня и на стены и уронила платок

Стр. 197

1 *Вместо* „а если уже хотите“: *а.* а хоти⟨те⟩ *б.* а если хотите

6 *Вместо* „однакож удержался“: но однакож удержался

6 „достал платок“ *Ар; П* — поднял платок

8 *Вместо* „Она поблагодарила“: Она слегка поклонилась

9 *Вместо* „губки ее почти не тронулись“: *а.* губки ее только что тр⟨онулись⟩ *б. как в тексте*

10 *Вместо* „ушла“: и ушла

11 *Вместо* „как вдруг пришел“: *а.* как пришел вдруг *б.* как пришел

11 *Вместо* „лакей“: слуга

12 *Вместо* „барин“: *а.* его ⟨превосходительство⟩ *б.* барин

12 *Вместо* „Я терпеть не могу лакейского круга“: Чорт возьми, я терпеть не люблю этого лакейского[1] круга

---

[1] этого холопь⟨его⟩

Стр. 197

14 *Вместо* „Этого мало: один раз одна из этих бестий вздумала меня, не вставая с места, потчивать“: Один раз один из ⟨них⟩ вздумал попот⟨чивать⟩

16 *Вместо* „Да знаешь ли ты, глупый холоп, что я чиновник“: Да, я дворянин, глупой ты холоп. Я чиновник

18 *Вместо* „взял шляпу и надел“: взял шляпу, надел

20 „лежал на кровати“ *П; Ар* — лежал на кровате; *РМ*$_4$ — *а.* лежал в постеле *б. как в тексте*

20 *Вместо* „переписал ∽ стишки: Душеньки часок не видя ∽ Льзя ли жить мне, я сказал“: переписал хороший стишок: На то ль чтобы в печали нам время проводить нам боги сердце дали[1]

24 *Вместо* „ходил к подъезду ее пр-ва“: ходил к подъезду его п-ва

24 *Вместо* „поджидал долго“: поджидал долго ее

27 „Ноября 6“ *нет*

29 *Вместо* „начал мне говорить так“: начал мне говорить

31 *Вместо* „Ну, размысли ∽ Ведь ты волочишься“: Ну посмотри на себя, ведь уж за сорок лет, скоро может быть 50 будет. Ведь пора бы ⟨ума⟩ набраться. Ну, что ты думаешь себе. Ведь будто я не знаю проказ твоих. Ведь ты волочишься

35 *Вместо* „Ну, посмотри“: Но посмотри

35 *Вместо* „ведь ты нуль, более ничего“: ведь ты нуль. Ты — титулярный советник

Стр. 198

2 *Вместо* „Взгляни ∽ на свое лицо, куды тебе думать о том!“: Взгляни[2] на свою образину, на свое платье, на свой костюм

3 *Вместо* „лицо похоже“: мордашка похожа

4 *Вместо* „клочок волос“: кусочик волос

5 *Вместо* „да держит ее кверху“: *а.* да держит голову вверх *б.* да всё держит ее вверх

5 *Вместо* „да примазывает ее“: да помазывает

6 *Вместо* „так уже думает“: так уж и думает

6 *Вместо* „ему только одному“: только одному ему

7 *Вместо* „Понимаю, понимаю, отчего он злится на меня“: Понимаю, понимаю, приятель, отчего это

---

[1] *Примеч. Н. С. Тихонравова:* „В «Полном новейшем песеннике», собранном И. Гурьяновым, начало этой песни напечатано так:

На то ль, чтобы печали
В любви нам находить,
Нам боги сердце дали,
Способное любить? (VII, 8)

См. Соч., 10 изд., V, стр. 613.

[2] Посмотри

Стр. 198

8 *Вместо* „Ему завидно“: Ему завидно: он сам приволакивается

8 *Вместо* „мне оказываемые знаки“: оказываемые мне знаки

9 *Вместо* „Да я плюю ∽ да чорт его побери!“: Да что он надворный советник, ему Петерс фрак делает, да что вывесил цепочку золотую к часам, да заказывает сапоги по тридцати рублей, так уж задумал себе чорт знает что... Чорт бы его побрал

12 *Вместо* „Я разве из каких-нибудь разночинцев“: Да я разве из разночинцев каких-нибудь

15 *Вместо* „время такое, в которое“: время такое, с которого

17 „то чем-нибудь“ *РМ₄, Др; П* — чем-нибудь

18 *Вместо* „Заведем ∽ репутацию“: Заведем ∽ квартиру

18 *Вместо* „еще и получше“: и еще может быть получше

18 *Вместо* „Что ж ты себе забрал в голову ∽ нет вовсе порядочного человека“: Что ж, конечно, может быть я собою кажусь не так теперь виден

20 *Вместо* „Дай-ка мне ручевской фрак“: Дай-ка мне ты ⟨?⟩ ручев⟨ской⟩ фрак[1]

21 *Вместо* „такой же, как ты, галстук, — тебе тогда не стать мне и в подметки“: такой же галстук, да надень лакированные сапоги. —

24 „Ноября 8“ *нет*

27 *Вместо* „особенно на одного коллежского“: и на одного коллежского

29 *Вместо* „а о купцах прямо говорят“: А о купцах так прямо и говорят

32 *Вместо* „любят всё бранить“: любят бранить всё

33 *Вместо* „Очень забавные пиесы“: Какие смешные пиесы

33 *Вместо* „сочинители“: авторы

34 *Вместо* „Я люблю бывать в театре“: Я люблю бывать иногда в театре. Это услаждает душу

34 *Вместо* „Как только грош заведется в кармане — никак не утерпишь не пойти“: Никак не утерпишь, шельмовство, чтобы не пойти, — как только лишний грош в кармане, — в театр. Это однакож услаждает душу.

35 *Вместо* „А вот из нашей братьи чиновников есть такие свиньи“: А есть из нашей братьи чиновников такие свиньи

Стр. 199

1 *Вместо* „решительно“: из которых иной решительно

2 *Вместо* „Пела“: В театре пела

5 „Ноября 9“ *нет*

7 *Вместо* „не заметил моего прихода“: не заметил, как я вошел

11 *Вместо* „но никого не было“: никого не было

---

[1] *Далее начато:* да подвяжи

Стр. 199

13 „Ноября 11“ *нет*

14 *Вместо* „починил“: подчинил

15 „и для её ∽ четыре пера“ *нет*

20 *Вместо* „рассмотреть поближе жизнь“: рассмотреть жизнь

21 *Вместо* „все эти экивоки“: всю эту жизнь, все эти экивоки

23 *Вместо* „Я думал ∽ завести разговор“: Я хотел ∽ завести разговор

28 *Вместо* „Эх, какое богатое убранство!“: богатое убранство!

29 *Вместо* „Хотелось бы заглянуть туда ∽ в будуар“: Хотелось бы мне заглянуть, что там она делает. Хотелось бы заглянуть в будуар этот где... Эх канальство...

31 *Вместо* „цветы такие“: *а.* фл⟨ёр?⟩ не платье *б. как в тексте*

32 *Вместо* „и дохнуть на них страшно“: и дохнуть страшно

32 *Вместо* „лежит там ∽ воздух“: лежит это платье, которое она надевает, что похоже больше на воздух

Стр. 200

1 *Вместо* „Хотелось бы заглянуть в спальню“: Хотелось бы заглянуть в спальню... Ай! Ай! Ай!

2 „рай, какого и на небесах нет“ *РМ₄; Ар, П* — рай!

3 *Вместо* „становит ∽ ножку, как надевается на эту ножку белый как снег чулочек“: ставит ∽ ножку, на которую надевает как снег белый чулочек

4 *Вместо* „на эту ножку“: на нее

7 *Вместо* „Сегодня ∽ озарило“: Однакож меня вдруг как откровением осенило

9 *Вместо* „Хорошо, подумал я“: Эге, думал я

9 „подумал я сам в себе“ *Ар; П* — подумал я сам себе; *РМ₄* — думал я в себе

10 *Вместо* „узнаю всё“: узнаю всё, что и как

12 *Вместо* „я даже подозвал было к себе один раз“: я даже было один раз подозвал к себе

15 *Вместо* „что̀ она и как“: что она, как

16 *Вместо* „никому не открою“: никому не расскажу

17 *Вместо* „съёжилась вдвое“: свернулась в три погибели

Вместо „вышла тихо в дверь“: вышла тихо в двери

18 „так, как будто бы“ *Ар; П* — как будто бы

20 *Вместо* „но что в ней есть только какое-то упрямство“: да только есть какое-то упрямство

26 „Ноября 12“ *нет*

28 „Я терпеть не люблю“ *Ар; П* — Я терпеть не могу; *РМ₄* — Чорт возьми, я терпеть не люблю

29 *Вместо* „мелочных лавок“: мелочных лавочек

30 *Вместо* „из-под ворот“: в добавку из-под ворот

31 *Вместо* „заткнув нос, бежал“: заткнул нос и бежал

Стр. 200

32 *Вместо* „напускают копоти и дыму из своих мастерских такое множество“: пускают такую копоть и едкой дым из своих мастерских

33 „что человеку благородному решительно“ *РМ*$_4$; *Ар, П* — что решительно

Стр. 201

1 *Вместо* „девчонка“: молоденькая девчонка

5 *Вместо* „с вашей собачонкой“: с собачонкой вашей Фиделькой

6 *Вместо* „Девчонка была глупа!“: Она посмотрела мне в глаза, глупая

8 *Вместо* „Я увидал однакоже“: Я однакож увидел

9 „вот этого мне и нужно!“ *Ар; П* — вот этого-то мне и нужно; *РМ*$_4$ — вот это мне и нужно

12 *Вместо* „Скверная собачонка“: Дрянная собачонка

13 *Вместо* „увидевши это“: как увидела это

13 *Вместо* „а потом когда пронюхала“: а после увидевши

15 „но я сказал“ *нет*

15 *Вместо* „Нет, голубушка, прощай“: Нет, голубушка, поздно ⟨?⟩

16 *Вместо* „девчонка“: девчонка-то

17 *Вместо* „испугалась чрезвычайно“: *а.* ужасно испугалась *б. как в тексте*

23 *Вместо* „все дела, помышления, все эти пружины“: все дела[1] и все эти пружины

24 *Вместо* „и доберусь“: Я доберусь

26 *Вместо* „там будет всё: портрет“: там будет всё про нашего

27 *Вместо* „что-нибудь и о той“: верно и про ту

30 „Ноября 13“ *нет*

31 *Вместо* „письмо довольно четкое“: *а.* пер⟨о довольно четкое⟩ *б. как в тексте*[2]

31 *Вместо* „Однакоже в почерке ~ что-то собачье“: Однакож всё есть как будто что-то собачье в подчерке. —

33 *Вместо* „я всё не могу“: я всё однакоже не могу

34 *Вместо* „Как будто бы уже не могли дать тебе лучшего“: Будто не могли тебе дать лучшего имени

34 „Фидель, Роза ~ это в сторону“ *нет*

35 *Вместо* „мы вздумали“: *а.* мы положили *б. как в тексте*

36 *После* „друг к другу“ *начато:* Эта дрянная со⟨бачонка⟩

Стр. 202

1 *Вместо* „Пунктуация и даже буква ѣ везде на своем месте“: И пунктуация и да⟨же⟩ ѣ на своем месте

2 *Вместо* „Да эдак просто не напишет и наш начальник отделения“: Да эдак не написать и нашему начальнику

---

[1] всё что [2] *Далее начато:* Строки

Стр. 202

4 *Вместо* „учился в университете“: в университете учился

7 *Вместо* „переведенного с немецкого. Названия не припомню“: *а.* переведенного с немецкого Лабзиным, напечатанного не помню в котором году *б.* переведенного с немецкого Лабзиным. Заглавия не могу припомнить.

9 *Вместо* „далее ворот нашего дома“: *а.* далее нашей улицы *б. как в тексте.*[1]

10 *Вместо* „не протекает в удовольствии“: не протекает в довольстве

10 *Вместо* „Моя барышня ∽ без памяти“: Барышня София Ивановна меня любит до без памяти

12 „ничего, ничего“ *Ар; П* — ничего! . .

14 *Вместо* „не вижу удовольствия“: не нахожу вкусу

16 *Вместо* „Кости хороши“: Никакого совершенно вкусу. Кости хороши

16 „из дичи“ *РМ*$_4$, *Ар; П* — от дичи

16 *Вместо* „и притом тогда, когда еще никто не высосал из них мозга“: и тогда, когда еще не высох в них мозг. Я никак не могу[2] довольствоваться грубым вкусом.

18 *Вместо* „но я не знаю ничего хуже“: А вот в этом, что иногда[3] возьмут тарелку супу и накрошат туда хлеба, то признаюсь, я в этом совсем не вижу вкусу.[4] Чорт знает что такое. Я даже никогда не притрагиваюсь. Кстати когда уже пришлось к слову я не знаю кэк ты, но я не знаю ничего хуже

24 *Вместо* „Чорт знает, что такое“: Чорт знает что

24 *Вместо* „Экой вздор!“: какая дрянь

25 *Вместо* „Посмотрим на другой“: *а.* Посмотрим далее *б. как в тексте*

27 „Я с большою охотою готова ∽ о главном господине, которого Софи называет папа“ *нет*

29 *Вместо* „Это очень странный“: Папа чрезвычайно странный

30 *Вместо* „у них политической взгляд на все предметы“: у них политической взгляд, они всё высмотрят

32 *Вместо* „. . . очень странный“: Папа чрезвычайно странный

32 *Вместо* „больше молчит“: больше всё молчит

32 *Вместо* „Говорит очень редко“: Очень редко говорит

33 *Вместо* „беспрестанно говорил сам с собою“: очень часто говорил сам с собою

38 *Вместо* „пришел в большой радости“: пришел в большом удовольствии

38 *Вместо* „Всё утро“: *а.* Весь день *б. как в тексте*

---

[1] *Далее начато:* Возьм⟨и?⟩ [2] Я никак не нахожу [3] А вот что иногда делают [4] не вижу толку

Стр. 203

1 „папа был так весел“ *РМ₄; Ар, П* — он был так весел

1 „отпускал анекдоты, а после обеда поднял меня к своей шее и сказал ∽ чтобы ее не высекли!“ *РМ₄; Ар, П нет*

7 *Вместо* „А! так он честолюбец!“: Э![1] так он выходит честолюбец

9 *Вместо* „окончу письмо“: окончу свое письмо

10 „Ну, здравствуй! я теперь снова с тобою“ *нет*

12 *Вместо* „А! ну, посмотрим, что Софи“: А, а! посмотрим...

14 *Вместо* „...барышня“: Сегодня барышня

14 *Вместо* „Она собиралась на бал“: Она собиралась на бал и на нее надели целую кучу

15 *Вместо* „я обрадовалась“: я очень обрадовалась

17 *Вместо* „Я никак не понимаю ∽ ехать на бал“: я не могу понять, отчего люди одеваются, почему не ходят так, например, как мы: и хорошо и покойно. — Гм. Дура! Тотчас видно собачий ум. А кто бы тогда узнал, какой чин на нем? — Я никак не понимаю ∽ ехать на бал

18 *Вместо* „приезжает с балу“: приезжает всегда с балу

19 *Вместо* „и я всегда почти угадываю по ее бледному и тощему виду, что ей, бедняжке“: Я тотчас по ее бледному и тощему виду угадываю[2] что ей, бедняжке

20 *Вместо* „Я, признаюсь, никогда бы не могла так жить“: Я, ma chère, никак не могу таким образом жить

21 *Вместо* „Если бы мне не дали соуса с рябчиком, или жаркого куриных крылышек, то... я не знаю, что бы со мною было“: и если бы мне не дали кофий со сливками или соуса с рябчиком или петушьими крылышками, то признаюсь я бы, не знаю, что со мною ⟨было⟩

22 *Вместо* „соус с кашкою“: соус с кашкою, только нужно класть побольше масла

23 *Вместо* „артишоки никогда не будут хороши“: артишоки, как ни жарь их, никогда не будут хороши.

25 *Вместо* „а кончит собачиною“: а окончит собачиною

26 *Вместо* „Помотрим-ка еще в одно письмецо“: Посмотрим [какое] это письмецо

27 *Вместо* „числа́ не выставлено“: числа не выставлены

29 *Вместо* „В ушах у меня вечный шум“: Мне всё слышится какой-нибудь шум

31 *Вместо* „Я тебе открою, что у меня много куртизанов. Я часто, сидя на окне, рассматриваю их“: Как только выйду я на двор, как уже за мною целая стая бежит кавалеров. Признаюсь, ma chère, их учтивство мне уже надоедает.

---

[1] *Далее начато:* Да ⟨*1 нрзб*⟩ [2] дог⟨адываюсь?⟩

Стр. 203

32 *Вместо* „Ах, если б ты знала“: Ах, если бы ты видела

33 *Вместо* „Иной преаляповатый“: *а.* Иной бежит *б. как в тексте*

34 *Вместо* „преважно идет ∽ А какой страшный дога останавливается перед моим окном“: а и тот машет хвостом и бежит за мною. Ах, ma chère, какой страшилище дога ухаживает за мною

38 *Вместо* „чего, грубьян, он верно не умеет“: чего верно он, грубьян, не умеет

38 *Вместо* „он бы был“: он был бы

40 „должно быть“ *нет*

40 *Вместо* „Я поворчала на него“: Я наконец оборотившись укусила его за ногу

41 „но ему и нуждочки мало“ *РМ*$_4$, *Ар*; *П* — но ему и нуждушки мало

Стр. 204

1 *Вместо* „и глядит в окно“: и плетется следом

3 *Вместо* „кавалера, перелезающего через забор соседнего дома“: кавалера с соседнего дома

6 *Вместо* „И как можно наполнять письма эдакими глупостями“: И как можно писать такую глупость

7 „письма“ *П*; *Ар нет*

8 *Вместо* „требую пищи“: требую духовной пищи

9 *Вместо* „а вместо того эдакие пустяки“: а не эдакие глупости

11 *Вместо* „Софи сидела“: Софи .... Софи сидела

15 *Вместо* „черные и светлые, как огонь“: черные, как агат

15 *Вместо* „И Софи убежала“: *а.* Я увидела *б.* Софи убежала

20 *Вместо* „продолжала глядеть“: *а.* сидела *б. как в тексте*

20 *Вместо* „голову наклонила“: голову поворотила

21 *Вместо* „о каком вздоре они говорили“: *а.* ты не можешь себе вообразить, что они[1] гов⟨орили⟩ *б. как в тексте*

22 *Вместо* „одна дама в танцах“: одна дама

23 *Вместо* „сделала другую“: *а.* сделала фигуру *б. как в тексте*

24 *Вместо* похож ∽ на аиста“: *а.* похож ∽ на журавля *б. как в тексте*

26 *Вместо* „они зеленые“: у нее зеленые

26 „Куда ж, подумала я сама в себе ∽ какая разница!“ *РМ*$_4$; *Ар*, *П нет*

32 „Я не знаю, что она нашла в своем камер-юнкере“ *РМ*$_4$; *Ар*, *П* — Я не знаю, ma chère, что она нашла в своем Теплове.

34 *Вместо* „Мне самому кажется, здесь что-нибудь да не так“: Мне кажется однакоже, что здесь что-нибудь да не так.

35 *Вместо* „чтобы ее мог так обворожить“: *а.* чтобы она была ⟨влюблена⟩ *б. как в тексте*

---

[1] о чем они

Стр. 204

35 камер-юнкер *РМ*$_4$; *Ар*, *П* — Теплов

37 „если камер-юнкер“ *РМ*$_4$; *Ар*, *П* — если этот камер-юнкер

41 *Вместо* „Какой же бы это чиновник“: Гм... какой же бы это чиновник, кажется никакого нет другого чиновника

Стр. 205

2 *Перед* „Волоса“ *было:* А фрачи⟨шко⟩

2 *Вместо* „очень похожи“: *а.* реш⟨ительно похожи⟩ *б. как в тексте*

2 *Вместо* „всегда посылает“: иногда посылает

9 *Вместо* „чьи здесь штуки“: чьи штуки здесь

11 *Вместо* „и вот вредит да и вредит“: и вот вредит

12 *Вместо* „Посмотрим однакоже еще одно письмо“: Посмотрим однакоже далее

12 *Вместо* „Там, может быть“: Там

18 *Вместо* „Софи влюблена“: *а.* Барышня ⟨влюблена⟩ *б. как в тексте*

18 *Вместо* „Папа очень весел. Я даже слышала“: Папа очень весел и я даже слышала

20 *После* „будет свадьба“ *было:* я сомневаюсь только, чтобы они были счастливы. У людей чувства, кажется, гораздо слабее наших

21 *Вместо* „видеть Софи или за генералом“: *а.* видеть ⟨?⟩ Софи на свете *б. как в тексте*

21 „или за военным полковником“ *нет*

24 „Всё, что есть лучшего на свете ∾ Чорт побери!“ *РМ*$_4$; *Ар*, *П* — *нет*

25 *Перед* „Найдешь себе бедное богатство“ *было:* Золото красит

26 *Вместо* „срывает у тебя“: *а.* его *б.* срывает у тебя

28 *Вместо* „получить руку и прочее“: достигнуть и получить руку

29 *Вместо* „для того только, чтобы увидеть“: *а.* чтобы сказать: плюю я на вас обоих *б.* чтобы увидеть

31 *Вместо* „как они будут увиваться ∾ и потом сказать им, что я плюю“: как они будут подличать и сказать им, я плюю

35 „Декабря 3“ *нет*

36 *Вместо* „Не может быть“: Гм. Эту статью непременно нужно обсудить хорошенько. Не может быть

36 *Вместо* „Что ж из того, что он камер-юнкер“: Что ж что камер-юнкер

37 „больше ничего кроме“ *РМ*$_4$, *Ар*; *П* — больше ничего, как

Стр. 206

1 *Вместо* „не какая-нибудь вещь видимая“: ведь не видимая какая-нибудь вещь

2 „можно взять“ *РМ*$_4$, *Ар*; *П* — можно было взять

2 *Вместо* „в руки“: в руку

4 *Вместо* „как и у меня, как и у всякого“: как и у всякого, как и у меня

Стр. 206

5 *Вместо* „ведь он им нюхает, а не ест, чихает, а не кашляет“: ведь он тоже должен нюхать табак, чихать

6 *Вместо* „отчего происходят все эти разности“: отчего это эти все разности происходят

8 *Вместо* „Может быть я какой-нибудь“: Может быть я совсем не титулярный советник. Может быть я какой-нибудь

12 „просто какой-нибудь мещанин“ *Ар*; *П* — простой какой-нибудь мещанин; *РМ*$_4$ — какой-нибудь мещанин

14 „а иногда даже и государь“ *РМ*$_4$; *Ар*, *П* — или барон или как его

15 *Вместо* „может выйти“: должно выйти

16 *Вместо* „Вдруг, например, я вхожу“: Вдруг я вхожу к нашему

19 *Вместо* „сам папа“: и самый твой папа

21 *Вместо* „прикидывается таким и эдаким“: прикидывается мартинистом

21 „но я тотчас“ *РМ*$_4$, *Ар*; *П* — однако я тотчас

22 *Вместо* „если даст кому руку“: *а.* если подаст кому руку *б.* *как в тексте*

22 *Вместо* „высовывает только“: высовывает всегда

23 *Вместо* „Да разве я не могу“: Разве я не могу

28 „Декабря 5“ *нет*

29 *Вместо* „Странные дела ∽ разобрать их“: Странные дела ∽ разобрать

31 „чины находятся“ *нет*

Стр. 207

2 *Вместо* „Да, говорят, нет короля“: Говорят нет

2 *Вместо* „Не может статься“: Не может быть

3 *Вместо* „Государство“: Государство всякое ⟨?⟩

4 *Вместо* „да только он где-нибудь“: да только [может] он верно где-нибудь

5 *Вместо* „Он, статься может, находится там же“: Он может быть и там же находится

6 *Вместо* „опасения со стороны соседственных держав, как-то: Франции“: *а.* опасения чтобы *б.* опасения соседственных держав, Франции

8 *Вместо* „или есть какие-нибудь другие причины“: иначе же не может быть никаким образом.

16 „наш государь“ *РМ*$_4$; *Ар*, *П* — *нет*

20 *Вместо* „был чрезвычайно развлечен“: чрезвычайно был рассеян

21 „И точно, я две тарелки ∽ которые тут же расшиблись“ *РМ*$_4$, *Ар*; *П* — И точно, я, кажется, в рассеянности бросил на пол две тарелки, которые тут же разбились.

23 *Вместо* „Ничего поучительного“: Никакой цели и ничего поучительного

Стр. 207

24 „на кровати“ *РМ₄, П; Ар* — на кровате

28 *Вместо* „есть король“: король есть

29 *Вместо* „Именно только сегодня об этом узнал я“: Я именно узнал это только сегодня

29 *Вместо* „Признаюсь, меня вдруг как будто“: Меня так вдруг как будто

32 „взойти мне в голову“ *РМ₄, Ар, П* — войти мне в голову

32 *Вместо* „сумасбродная мысль“: сумасбродная сумасшедшая мысль

33 *Вместо* „Хорошо, что еще не догадался никто посадить меня тогда в сумасшедший дом“: Хорошо что меня не догадался тогда посадить

Стр. 208

1 *Вместо* „всё как на ладоне“: *а.* всё совершенно так ясно *б.* всё совершенно как на ладоне

2 *Вместо* „всё было передо мною в каком-то тумане“: всё было в тумане

2 *Вместо* „И это всё происходит, думаю“: И это всё, я думаю, происходит

5 *Вместо* „Сначала я объявил“: Прежде всего [ясно] объявил

9 „и в милостивых словах старался ее уверить[1] в благосклонности“ *РМ₄; Ар, П — нет*

10 „и что“ *РМ₄; Ар, П* — сказавши, что

11 *Вместо* „не сержусь за то“: не сержусь на то

11 *Вместо* „она мне иногда“: она иногда мне

13 *Вместо* „Она испугалась“: *а.* Она, я знаю, думает, что в ⟨Испании⟩ *б.* Она уверена *в. как в тексте*

15 *Вместо* „я растолковал ей“: я растолковал

16 *Вместо* „нет никакого сходства“: никакого нет сходства

16 „и что у меня нет ни одного капуцина“ *РМ₄; Ар, П — нет*

17 *Вместо* „В департамент не ходил. Чорт с ним!“: В департамент я не ходил. Чорт с ним! и не намерен ходить.

20 *Вместо* „Мартобря 86 числа“: Мартобря 86

22 *Вместо* „наш экзекутор“: экзекутор из департамента

23 *Вместо* „что уже более трех недель“: *а.* что три недели *б.* что более трех недель

23 *Вместо* „не хожу на должность“: не хожу в департамент

24 *Вместо* „Я для штуки пошел в департамент“: Но люди несправедливо ведут счет неделями. Это жиды ввели, потому что раввины их в это время моются. — Я однакоже для штуки пошел в департамент.

26 *Вместо* „не слишком гневно и не слишком благосклонно“: ни гневно, ни благосклонно

---

[1] уверить ее

Стр. 208

27 „и сел на свое место“ *РМ*$_4$, *П*; *Ар* — сел на свое место

28 *Вместо* „как будто никого не замечая“: как бы никого не замечая

30 *Вместо* „Господи боже! какую бы вы ералашь“: *а.* Я думаю *б. как в тексте.*

30 какую бы вы ералашь *Ар*; *П* — какой бы вы ералаш

31 *Вместо* „начал бы мне так же кланяться в пояс, как он теперь кланяется перед директором“: начал бы перед мною кланяться в пояс так, как он обыкновенно кланяется перед нашим директором.

33 *Вместо* „какие-то бумаги, чтобы я сделал из них экстракт“: *а.* какие-то бумаги пере⟨писать⟩ *б.* что-то извлечь

Стр. 209

1 *Вместо* „побежали наперерыв, чтобы показать себя перед ним“: побежали наперерыв в швейцарскую скидывать с него шинель

4 *Вместо* „но я совершенно ничего!“: но я ни с места

4 *Вместо* „Что за директор“: Что за директор, [какой] директор

5 *Вместо* „Какой он директор? Он пробка“: Он совсем не директор. Он пробка

8 „Мне больше всего было забавно“ *Ар; П* — Мне забавнее всего было; *РМ*$_4$ — Но больше всего мне было забавно

8 *Вместо* „когда подсунули“: как подсунули

9 *Вместо* „что я напишу“: что я по обыкновению подпишу

9 *Вместо* „на самом кончике листа“: на самом кончике бумаги

14 „кивнул только рукою“ *РМ*$_4$, *Ар*; *П* — махнул только рукою

14 *Вместо* „сказав“: *а.* говор⟨я?⟩ *б.* сказал

16 „хотел меня не впустить“ *Ар*; *П* — не хотел меня впустить; *РМ*$_4$ — меня хотел не впустить

18 *Вместо* „Она сидела“: *а.* Она встрев⟨ожилась⟩ *б. как в тексте*

19 *Вместо* „вскочила“: встревожилась

20 *Вместо* „сказал только“: сказал ей только

20 *Вместо* „что счастие ее ожидает такое, какого“: что ее такое счастье ожидает, какого [1]

21 *Вместо* „вообразить себе не может“: вообразить не может

24 *Вместо* „теперь только постигнул“: теперь только то постигнул

25 *Вместо* „До сих пор никто еще не узнал“: Еще никто до сих пор не знает [2]

26 *Вместо* „я первый открыл это“: Это я первый открыл.

27 *Вместо* „Да, не шутя“: *а.* Да, это не шутя, она влюблена в чорта *б. как в тексте*

27 *Вместо* „Физики пишут глупости“: [Это] физики [всё] глупости пишут

28 *Вместо* „она любит только одного чорта“: Она влюблена в чорта

---

[1] о каком [2] не узнал

Стр. 209

31 *Вместо* „у него стоит за спиною“: у него за спиною

32 *Вместо* „Вон он спрятался к нему“: *а.* Вон он спрятался у него за спиною *б. как в тексте*

32 „в звезду“ *РМ₄; Ар, П* — во фрак

32 „кивает ∽ к ней“ *Ар; П* — кивает ∽ ей

34 „А вот эти все, чиновные ~ христопродавцы!“ *РМ₄; Ар, П — нет*

Стр. 210

1 *Вместо* „Всё это честолюбие и честолюбие оттого“: И отчего всё происходит? оттого

3 „какой-то цирюльник ∽ как его зовут. Но главная пружина ∽ магометанство“ *РМ₄; Ар, П* — какой-то цирюльник ∽ как его зовут, но достоверно известно, что он вместе с одною повивальною бабкою хочет по всему свету распространить магометанство и оттого

12 „Проезжал государь ~ и я также“ *РМ₄; Ар, П — нет*

13 „однакоже я не подал“ *РМ₄; Ар, П* — однакоже не подал

15 *Вместо* „Почел“: Я почел

15 *Вместо* „открыться тут же при всех“: тут же при всех открыться

15 *Вместо* „потому, что прежде всего нужно представиться ко двору“: Потому что высокой собрат мой верно бы спросил, отчего же испанский король[1] до сих пор не представился ко двору. И в самом деле, прежде нужно представиться ко двору

16 *Вместо* „Меня останавливало только то“: Меня[2] останавливало только

17 *Вместо* „я до сих пор“: до сих пор я

17 „королевского костюма“ *РМ₄; Ар, П* — испанского национального костюма

18 *Вместо* „достать мантию“: достать порфиру

20 *Вместо* „ударились“: они ударились

21 *Вместо* „большею частию“: и почти все теперь большею частию

21 *Вместо* „Я решился сделать мантию“: *а.* Я однакож вспомнил перед⟨елать?⟩ *б.* Я решился сшить себе порфиру

22 *Вместо* „который надевал“: который надевал я

23 „Но чтобы ∽ испортить, то я сам“ *РМ₄, Ар; П* — Но чтобы ~ испортить, я сам

25 *Вместо* „Я изрезал ножницами его весь, потому что покрой должен быть совершенно другой“: Я весь совершенно изрезал ножницами, нужно было вовсе[3] переделать и дать всему сукну вид горностаевых хвостиков

29 *Вместо* „Мантия ∽ готова“: Порфира ∽ готова

30 *Вместо* „Однакоже я еще не решаюсь“: Но однакож я всё не решаюсь

---

[1] отчего же я [2] *Перед этим начато:* Когда [3] нужно совершенно было

Стр. 210

31 *После* „нет депутации из Испании“ *было:* Меня удивля⟨ет⟩

33 *Вместо* „Я ожидаю их с часа на час“: Я ожидаю с часа на час прибытия

Стр. 211

9 *Вместо* „Письма пишут аптекари“: Письма пишут аптекари, да и то прежде смочивши уксусом язык, потому что без этого всё лицо было бы в лишаях.

13 *Вместо* „депутаты испанские и я вместе с ними сел в карету“: *а.* депутаты и потащили меня в карету *б.* депутаты и я сел в карету

14 „Мне показалась странною необыкновенная скорость“ *ред.; Ар, П* — Мне показалось *и т. д. как в тексте; РМ*$_4$ — Мне только странно показалось, что мы ехали чрезвычайно скоро

15 *Вместо* „Мы ехали так шибко, что“: Так что

18 *Вместо* „ездят чрезвычайно скоро“: чрезвычайно скоро ездят

19 *Вместо* „в первую комнату“: *а.* в первую залу *б. как в тексте*

21 „доминиканы или капуцины“ *РМ*$_4$; *Ар, П* — гранды или солдаты

22 *Вместо* „показалось чрезвычайно странным“: показалось чрезвычайно странно

24 *Вместо* „вел меня за руку“: вел меня

25 *Вместо* „если ты будешь ∽ то я из тебя выбью эту охоту“: если ты будешь ∽ то я тебя

27 „это было больше ничего кроме“ *РМ*$_4$, *Ар; П* — это было больше ничего, как

28 *Вместо* „ударил меня“: меня ударил

29 *Вместо* „два раза палкою по спине так больно“: так больно палкою два раза

29 *Вместо* „чуть было не вскрикнул, но удержался“: чуть не вскрикнул и удержался

31 *Вместо* „в высокое звание“: в звание

34 *Вместо* „Китай и Испания совершенно одна“: Китай и Испания это совершенно одна

35 *Вместо* „считают их за разные“: считают за разные

Стр. 212

1 *Вместо* „Я советую всем нарочно“: Вот, попробуйте нарочно

3 „событие, имеющее быть“ *П; РМ*$_4$, *Ар* — событие, имеющееся быть

10 *Вместо* „Делает ее“: Делал ее

11 *Вместо* „понятия не имеет“: понятия не имел

12 *Вместо* „и часть деревянного масла“: и деревянное масло

13 *Вместо* „вонь страшная, так что нужно затыкать нос“: *а.* вонь такая, что нельзя показать *б.* вонь страшная

15 *Вместо* „одни носы“: одни носы. Да, всё носы

Стр. 212

16 *Вместо* „И потому-то самому мы не можем ∽ ибо они“: И мы не можем сами оттого ∽ что они

22 „Капуцины, которых я застал“ *РМ₄; Ар; П* — Бритые гранды, которых я застал

26 *Вместо* „исполнять мое монаршее“: исполнять мое монаршеское

27 „с тем, чтобы достать луну“ *нет*

28 *Вместо* „великий канцлер“: с палкою канцлер

28 *Вместо* „Увидевши его, все разбежались“: Все, увидевши его, разбежались

29 *Вместо* „Я, как король, остался один“: Я один только как король ⟨остался⟩

32 *Вместо* „Январь“: Януарий

33 *Вместо* „после февраля“: после февруария

35 *Вместо* „совершенно необыкновенны“: совершенно для меня непонятны

Стр. 213

3 *Вместо* „о нежелании быть монахом“: что не хочу быть папой

3 *Вместо* „Но я уже не могу и вспомнить, что было со мною тогда“: Но я не знаю, что было со мною

5 *Вместо* „на голову капать“: сверху капать

5 „Такого ада я еще никогда не чувствовал“ *нет*

6 *Вместо* „Я готов был впасть в бешенство“: *а.* Я впал *б.* Я готов был впасть в такое бешенство

7 *Вместо* „Я не понимаю вовсе“: Я ровно не понимаю

9 *Вместо* „Для меня непостижима безрассудность королей, которые до сих пор не уничтожают его“: и я не понимаю безрассудности королей, которые до сих пор не выведут его. Я целый час думал: для чего он? Но не мог, никак не мог надумать, совершенно потерялся в догадках

10 *Вместо* „Судя по всем вероятиям ∽ в руки инквизиции“: Я думаю, что я, по всем вероятиям, попал в руки инквизиции. Но как же может король по⟨двергнуться?⟩

12 *Вместо* „и тот“: и что тот

12 *Вместо* „не есть ли сам“: есть никто другой, как сам

14 *Вместо* „Оно, правда, могло со стороны Франции и особенно Полиньяк“: Мне кажется, что здесь мешается Франция и что всё это штуки Талейрана

15 *Вместо* „О, это бестия Полиньяк ∽ водит англичанин“: а если сказать по правде, то тайною пружиною здесь англича⟨нин⟩

21 *Вместо* „Число 25“: Числа 25

24 *Вместо* „начал звать“: *а.* начал кричать *б. как в тексте*

24 „Сначала закричал“ *нет*

25 „я ни слова. Потом“ *нет*

Стр. 213

27 *Вместо* „Фердинанд VIII“: Фердинанд II

28 *Вместо* „но после подумал: нет, брат, не надуешь!“: но после думаю, нет брат!

29 *Вместо* „лить ∽ на голову“: лить ∽ на темя

30 *Вместо* „Однакоже“: Но однакоже

30 *Вместо* „увидел“: [опять] увидел

31 *Вместо* „больно бьется ∽ палка“: больно бьет ∽ палка

33 *Вместо* „у него находится“: находится у него

34 *Вместо* „под перьями“: *а.* под перьями не так далеко от хвоста *б.* под перьями возле хвоста

Стр. 214

1 *Вместо* „я совершенно пренебрег“: я совершенно пренебрегаю

2 *Вместо* „орудие англичанина“: орудие Испании

4 „ꝗvəʤəФ 349“ *нет*

5 „Нет, я больше не имею сил терпеть“ *нет*

6 *Вместо* „Они льют“: Они всё льют

6 *Вместо* „мне на голову“: на самое темя мое

6 *Вместо* „холодную воду“: *а.* воду. Льдом и вод⟨ой⟩ *б.* страшную воду. Она как стрела расщеливает череп мой

7 „не внемлют, не видят“ *нет*

7 *Вместо* „Что я сделал им“: Что сделал я им

9 *Вместо* „Что могу дать я им“: Что получат от меня

10 „голова горит моя ∽ возьмите меня“ *нет*

12 *Вместо* „дайте мне тройку“: давайте мне тройку

12 *Вместо* „быстрых как вихорь“: *а.* быстрых как тройку *б.* *как в тексте*

13 *Вместо* „и несите меня“: несите меня

14 „Далее ∽ ничего, ничего“ *нет*

17 „Струна звенит в тумане“ *нет*

19 *Вместо* „Дом ли то мой“: Дом ли мой

20 *Вместо* „Матушка ∽ как мучат они его“: *а.* Матушка ∽ как мучат они меня! *б.* Матушка моя, за что они мучат меня! Голова[1] моя светлая. Ты видишь,[2] как жестоко поступают со мною за любовь. Ты видишь ли,[3] как обижают меня.

24 „А знаете ли, что у французского ∽ носом?“ *РМ₄*; *Ар* — А знаете ли что: у алжирского дея под самым носом шишка?; *П* — А знаете ли, что у алжирского дея под самым носом шишка?

---

[1] *Перед этим начато:* Царица [2] Взгляни [3] Ты знаешь ли

РИМ.

Стр. 217

10 „благородством дивным“ *Мск; П* — дивным благородством

16 „Никакой гибкой пантере не сравниться“ *Мск; П* — Никакой гибкий пантер не сравнится

Стр. 218

23 „непроникаемом макинтоше“ *Мск; П* — непромокаемом макинтоше

Стр. 220

37 „в черствых схоластических образах“ *Мск; П* — в черствых схоластических формах

Стр. 221

5 *Вместо* „необузданной французской музы“: необдуманной французской музы *Мск*

Стр. 223

8 „шумевших шагов“ *Мск; П* — стучавших шагов

25 „схватившись с постели“ *Мск; П* — вскочивши с постели

Стр. 224

10 „читая, их думая“ *Мск; П* — читая их и думая

Стр. 225

3 *Вместо* „руки в карманы“: руки в карман *Мск*

Стр. 226

31 „двадцатилетнего юноши“ *Мск; П* — двадцатипятилетнего юноши

37 „казалась ~ заплеснелым углом“ *Мск; П* — казалась ~ заплесневелым углом

Стр. 227

12 „странная недеятельность“ *Мск; П* — страшная недеятельность

22 „супротивников“ *Мск; П* — противников

Стр. 227

37 *Вместо* „непотребная женщина, ловящая“: непотребная женщина, что ловит *П*

Стр. 228

3 *Вместо* „В самой науке“: В самых науках *Мск*

Стр. 229

20 „Несколько раз на неделю“ *Мск; П* — Несколько раз на неделе

Стр. 230

15 „и того же вечера“ *Мск; П* — и в тот же вечер

Стр. 231

19 „не знал и не мог передать их“ *Мск; П* — не умел *и т. д. как в тексте*

Стр. 232

5 „старинные ∽ залы“ *Мск; П* — странные ∽ залы

5 „овладело им“ *Мск; П* — овладело князем

31 „слушал ∽ рассеянный“ *Мск; П* — слушал ∽ рассеянно

Стр. 234

28 „тишины, обнимавшей человека“ *Мск; П* — тишины, обнимающей человека

Стр. 235

25 „в сей плодотворный век“ *Мск; П* — в этот плодотворный век

Стр. 236

12 „придая благородство и красоту чудную“ *Мск; П* — придавая благородство и чудную красоту

22 „сей равнодушный хлад“ *Мск, П* — этот равнодушный хлад

28 „сия необыкновенная плодотворность“ *Мск; П* — эта необыкновенная плодотворность

Стр. 237

10 „Ему неприятно бы было“ *Мск; П* — Ему бы неприятно было

11 „в модную улицу“ *Мск; П* — на модную улицу

Стр. 238

10 „противоположны или не похожи“ *Мск; П* — противоположны и не похожи

14 „о достоинстве кистей великих мастеров“ *Мск; П* — о достоинстве кисти великих мастеров

17 „частные разговоры ∽ вытесненные“ *Мск; П* — частные разговоры ∽ и которые вытеснены

24 „с невыразимым спокойством“ *Мск; П* — с невыразимым спокойствием

Стр. 239

10 „мглу ∽ рощ“ *Мск; П* — мглу ∽ рощей

16 „остающийся ∽ один“ *Мск; П* — остающийся ∽ одним

16 „на всем полгоризонте“ *Мск; П* — на всем полугоризонте

Стр. 240

8 „Среди сей жизни“ *Мск, П* — Среди этой жизни

Стр. 242

24 *Вместо* „и к нему охладели“: и для него охладели *Мск*

Стр. 243

2 „вырывала бы его оттуда“ *Мск; П* — вырвала бы его оттуда

Стр. 244

4 „всех от сорокалетнего до ребятишки“ *Мск; П* — всех от сорокалетнего до мальчишки

36 „наезды иностранцев развратителей недействующих наций порождающие по трактирам“ *Мск; П* — наезды иностранцев развратителей пребывающих в бездействии наций, наезды, порождающие по трактирам

Стр. 245

15 „пересит всё“ *П; Мск* — переносит

26 „не слышалось что-то умершее“ *Мск; П* — не слышалось чего-то умершего

31 *Вместо* „торжественное спокойство“: торжественное спокойствие *Мск*

Стр. 246

28 „насылавшими свежительную дрожь“ *Мск; П* — насылающими свежительную дрожь

Стр. 247

30 „на ходулях вравне с домами“ *Мск; П* — на ходулях наравне с домами

32 „не было забот“ *Мск; П* — не было заботы

Стр. 248

27 „сойтиться“ *Мск; П* — сойтися

Стр. 249

6 „у близ стоявших около себя“ *Мск, П* — у стоявших подле него

10 „утаив дыханье“ *Мск; П* — притаив дыханье

17 „обсыпан“ *Мск; П* — усыпан

Стр. 250

8 „вышиною в колокольню“ *Мск; П* — вышиною с колокольню

25 „сохранял навечно“ *Мск; П* — сохранял вечно

Стр. 251

18 „потом из другого окна“ *Мск; П* — потом из другого

37 „под нос себе“ *Мск; П* — себе под нос

Стр. 252

7 „где продавался хлеб и веревки“ *Мск; П* — где продаются хлеб и веревки

8 „находившегося“ *Мск; П* — находящегося

10 „разносивший“ *Мск; П* — разносящий

Стр. 253

31 „куды“ *Мск; П* — куда

36 „надевая ∽ серьгу“ *Мск; П* — вдевая ∽ серьгу

Стр. 255

7 „пергаментные книги“ *Мск; П* — пергаминные книги

35 „того же утра“ *Мск; П* — в то же утро

Стр. 258

12 „но, если обязать его“ *Мск, П* — однако, если обязать его

23 „Но здесь князь взглянул“ *Мск; П* — Но тут князь взглянул

Стр. 259

1 „над всей сверкающей сей массой“ *Мск; П* — над всей сверкающей массой

14 „всё вызначалось“ *Мск; П* — всё означалось

20 „еще голубее и фосфорнее“ *Мск; П* — голубее и фосфорнее

ГЕТЬМАН.

<I> НЕСКОЛЬКО ГЛАВ ИЗ НЕОКОНЧЕННОЙ ПОВЕСТИ[1]

Стр. 278

21 *После* „на лице каждого выходившего дрогнули скулы“: Правительство, — или, лучше сказать, деспотические магнаты мимо правительства, — с народом, имевшим [2] собственные постановления, поступало безрассудно. Но величайшая ошибка [3] его состояла в том, что ⟨оно⟩ решилось унижать веру соплеменного народа, который оказывал почти изумительную покорность при этой ширине разгульной жизни, но который, вместе с тем, будучи доведен до крайности, мог показать весь вихорь самых сильных и порывных страстей.[4] Не одевая своей власти нетерпимостью, Польша в соединении этой земли воинственных козаков[5] *Т*

Стр. 279

27 „расстлался“ *Тр; К* — разостлался

Стр. 280

2 „Что ты начал драку?“ *ред.; Тр, К* — Что ты драку начал, драку?

3 „Басе мазенята“ *ред.; Тр, К* — Пасе мазепято

Стр. 283

16 „Боже ты мой!“ *ред.; Тр; К* — Боже-то мой!

Стр. 286

25 „В другом месте — как рука красавицы, ствола“ *Т; Тр, К нет*

32 *Вместо* „терновник и дикий глод оградивши их колючею стеною“: терновник и дикий глод задвин⟨увши?⟩

---

[1] *Текст, изданный Трушковским, — Тр; текст, изданный Кулишем, — К; приписки, изданные Тихонравовым, — Т.* [2] с страною, имевшею [3] Но величайшие заблуждения [4] *Далее начато:* Не употребляй [5] *Не дописано*

Стр. 288

5 *Вместо* „Шелковая плахта ~ трепетали молодые перси“: „Одежда ее была так фантастически пестра, что, казалось, она принесла [1] с собою кучу самых разнообразных цветов, которые, казалось, шевелились и волновались между деревьями по мере того, как она шла. Самая яркая шелковая плахта, почти скрытая под кашемировою с турецким узором запаскою, сладострастно льнула и вызначала всю роскошную выпуклую ⟨форму⟩ выступавшей ноги. Только до пояса простиралась вся эта пестрота богатого убора; на груди и на руках трепетала белая, как снег, сорочка, как будто ничто, кроме тонкого чистого [2] полотна, не должно прикрывать девических персей. Складки сорочки падали каскадом — молодые груди дрожали. [3] Нигде так не хороши девические груди [4] как под полотном. Он видел, как молодые груди [5] подымали свои дышавшие негою куполоподобные перси [6] и тотчас [7] опускали их, после чего они упруго дрожали под своим покровом. *Т*

Стр. 290

17 „упав на колени“ *ред.; Тр, К* — упав на коленях

31 „Что делает отец твой?“ *ред.; Тр, К* — Что делает отец твой? Отец твой?

Стр. 291

25 *Вместо* „Кто такой?..“ Наконец ворота отворились“: Низенькие, решетчатые ворота отворились. *Тр, К*

Стр. 293

15 „Очень замечательная достопамятность ~ общежительность“ *Т; Тр, К нет*

⟨II⟩ „КРОВАВЫЙ БАНДУРИСТ“. [8]

Стр. 301

19 *Вместо* „прежде одно появление“: [Одно уже] появление *АК*, одно уже появление *Ар*

20 *Вместо* „буйства и грабительства“: буйства и грабительств *Ар*

Стр. 302

19 *Вместо* „почерневшими“: почернелыми *Ар*

25 „карниз“ *нет Ар*

Стр. 303

10 *Вместо* „изыде, диаволе“: изыди, диавол *Ар*

---

[1] она нанесла [2] ничто нейдет так, как белое [3] падали каскадом на упругодышавшие молодые груди [4] перси [5] как упругие молодые груди [6] куполообразные вершины [7] и ежеминутно [8] *По „Арабескам“ (Ар) и авторской корректуре (АК).*

Стр. 303

11 *Вместо* „поганый собака“: поганый *Ар*

17 „произнес настоятель“ *нет Ар*

18 *Вместо* „Дай нам ключи“: Давай нам ключи *Ар*

21 *Вместо* „Але ты хочешь“: А если ты хочешь *Ар*

22 „нех ~ из под“ *нет Ар*

27 *Вместо* „хочут пить“: хотят пить *Ар*

28 *Вместо* „же ты“: если ты *Ар*

29 *Вместо* „в костел ваш поставлю их“: их в костел ваш поставлю *Ар*

35 *Вместо* „Отворотившись от него, он“: Он отворотился от него и *Ар*

Стр 304

13 *Вместо* „бросал в лицо ему“: [бросил] в лицо ему *АК*

19 *Вместо* „рай там, где всё дребезжит“: блаженство там, где всё дребезжит *Ар*

Стр. 305

3 *Вместо* „от брови“: от его волосистой брови *Ар*

4 *Вместо* „не без труда отвалили“: не без труда отваливали *Ар*

5 *Вместо* „какое обиталище“: какое ужасное обиталище *Ар*

10 *Вместо* „под всеми цветущими городами“: под всеми цветущими весями и городами *Ар*

18 *Вместо* „это была четырехугольная“: это была почти четырехугольная *АК*

19 *Вместо* „толстыми клоками“: темными клоками *Ар*

23 *Вместо* „Сова или летучая мышь была бы здесь красавицею“: Сова или летучая мышь были бы здесь красавицами. *Ар*

26 „Терем-те-те! ~ в кашу“ *нет Ар*

31 *Вместо* „страшно, беззвучно“: страшно-беззвучно *Ар*

33 *Вместо* „втолкнут на средину“: столкнут на середину *Ар*

34 *Вместо* „заскрыпела за ним дверь“: захрипела за ним дверь *Ар*

37 *Вместо* „захлопнулась крышка гроба“: захлопнула крышка гроба *Ар*

37 *Вместо* „а стук ~ казался“: и стук показался *Ар*

Стр. 306

8 *Вместо* „и вместо“: но вместо *Ар*

20 *Вместо* „рисует и представляет цвета“: рисует и представляет цветы *Ар*

24 *Вместо* „рассматриваем в микроскоп“: рассматриваем в микроскопе *Ар*

Стр. 307

6 *Вместо* „от радости“: радуясь *Ар*

8 *Вместо* „Попался“: *а.* Попала *б.* Попался *АК*

24 *Вместо* „твою морду“: твою рожу *АК*

25 *Вместо* „разорвали верхнюю эпанчу“: разорвали верхний кобеняк *АК*

Стр. 308

3 *Вместо* „как ты смела“: *а.* как ты терем-те-те баса мазенята! смела обмануть *б. как в тексте АК*

18 *После* „где он?“ *было:* „О, не говори! Не говори!“ простонал неизъяснимо ужасный голос из одного угла пещеры *АК*

Стр. 309

8 *Вместо* „вытерпеть адские мучения“: вытерпеть страшные мучения *АК*

12 *После* „стены темницы“ *было:* Для сердца, в котором бы даже закалились чувства *АК*

14 *Вместо* „Страшно внимать хрипению“: Страшно видеть хрипение *АК*

15 *После* „повержена сила“ *начато:* сердце *АК*

15 *Вместо* „может вынести“: может перенесть *АК*

16 *Вместо* „Когда же врывается в слух стон“: Когда слышится стон *АК*

18 *Вместо* „нет сердца, *которого бы ~ не ужалила*“: нет сердца, которого бы не уязвила хотя несколько *АК*

23 *Вместо* „Говори, я тебя!“: Говори терем-те-те *АК*

28 *Вместо* „голос так же явственно“: голос довольно явственно *АК*

28 *Вместо* „раздался и так же невыносимо жалобно произнес“: Не говори, Ганулечка!“: раздался и произнес снова медленно: „Не говори!“ *АК*

<III> ГЛАВА ИЗ ИСТОРИЧЕСКОГО РОМАНА.[1]

Стр. 310

14 *Вместо* „границу *отделяющую*“: границу *разграничивающую*

17 *Вместо* „какая-нибудь проселочная“: какая-нибудь особенная

22 *Вместо* „только выехать ~ чтобы выучиться не разбирать“: ввалиться в лес или на безлюдное поле, чтобы заставить странствующего рыцаря не разбирать

25 *Вместо* „на расстоянии 25 или 50“: на расстоянии 50 или 100

Стр. 311

2 *Вместо* „думы обычным ожерельем“: думы разноцветным ожерельем

13 *Вместо* „досадовал он“: досадовал путешественник

17 *Вместо* „облака ~ разрываясь, летели“: облака, разрываясь, будто чудные тени волшебного фонаря летели

Стр. 312

1 *Вместо* „из небольших карих глаз“: из больших карих глаз

19 *Вместо* „Помогай боже“: Помогай боже, земляк

35 *Вместо* „Надобно знать, что козаки“: Знаете, козаки

37 *Вместо* „Спохватились“: Ну, спохватились

---

[1] *Варианты из „Сев. Цветов“ за 1831 г.*

Стр. 313

7 *Вместо* „сами, добродию, если бывали“: сами, добродию, бывали

35 *Вместо* „Как не знать этой старой собаки“: Как не знать этой старой собаки, которая ни себе, ни другим добра на полшеляга не сделает.

Стр. 314

18 *Вместо* „Что вы говорите ~ в словах“: — Понимаю! где уже нам, темным людям, разжевать как следует!

24 *Вместо* „Он ~ ехал“: Гость ~ ехал

36 *Вместо* „про таковое диво“: про такое диво

Стр. 315

15 *Вместо* „что-то похожее на жизнь“: тень, одну только тень жизни из челюстей разрушения

16 *Вместо* „Это еще небольшое диво“: То еще не диво

20 *Вместо* „не умею“: не могу

20 *Вместо* „не нашей веры“: не нашей православной веры

23 *Вместо* „крещеного человека“: христианина

25 *Вместо* „по хуторам“: по окрестностям

27 *Вместо* „и такое делали ~ было, может с полторы сотни“: так что христианам приходилось жутко. Что станешь делать! их горсть, а дворни-то, может быть, с полторы сотни

34 *Вместо* „и не засыпало“: да не засыпано

35 *Вместо* „останки“: остатки

37 *Вместо* „Дьякон ~ толкнулся“: У дьякона вещее застучало, как на заре дятел. Скрепившись, сколько доставало духу, толкнулся он

Стр. 316

4 *Вместо* „Как только ~ закричали“: Едва только увидели дьякона, так и закаркали

12 *Вместо* „подгоняемые“: понуждаемые

13 *Вместо* „ты еще и проповедь читаешь“: ты еще и проповедь читать

14 *Вместо* „чтоб не застудил“: чтоб не простудил

22 *Вместо* „Что за нечистый ~ глядит“: Дрожь проняла его, метнулся как полоумный с постели, смотрит

Стр. 317

27 *Вместо* „умолкшего“: умолкнувшего

29 *Вместо* „Круто пришлось пану“: Жизнь не в жизнь стала пану

Стр. 318

1 *Вместо* „Лапчинский увидел ~ вышла отворить ворота“: Тут принялся он стучать в низенькие ворота.

31 *Вместо* „и давал знать, что он нимало не последнее из творений“: и, казалось, давал знать, что и его голос участвует в общей разноголосице

Стр. 319

5 *Вместо* „близ него“: близ ружья

6 *Вместо* „для подчинки“: для починки

Стр. 320

3 *Вместо* „А ты ~ реветь?“: Э — э! да ты долго у меня будешь реветь, негодный плакса?

6 *Вместо* „сказал ~ хозяину“: обратился гость наш с вопросом к своему хлопотливому хозяину

11 *Вместо* „кроме полыни и бурьяну“: кроме волчца и бурьяну

15 *Вместо* „еду на ярмарку. Возьми“: еду на ярмарку так возьми

<IV> „МНЕ НУЖНО ВИДЕТЬ ПОЛКОВНИКА“

Стр. 321

13 *После* „Трубка ~ в зубах“ *было:* но он еще не набивал ее, рассматривая ее с чувством человека, в первый раз увидевшего эту диковину

14 *Перед* „При этом ⟨он⟩ взглянул“ *было:* поглядел

16 *Вместо* „уже с мужественными чертами“: с довольно мужественными чертами

Стр. 322

9 *Вместо* „Молодой человек ударил поклон“: Молодой человек повалился

12 *Вместо* „с тем безграничным повиновением“: *а.* с тем деспотизмом *б.* с тем безграничным повиновением, [1] которым так отличались козацкие войска

15 *Вместо* „Ему казалось на вид“: С виду

17 *Вместо* „рубец ~ тянулся по его почти бронзовому лицу“: рубец придавал какое-то

24 *Вместо* „Несколько пистолетов“: Ку⟨ча?⟩ пистолетов

Стр. 323

1 *Вместо* „как следует“: как следует не так, как

2 *Вместо* „козак кланялся“: козак приклонялся

3 *После* „⟨на⟩ коне“ *было:* Смотрите ⟨*1 нрзб*⟩

10 *Вместо* „в темном длинном кунтуше“: В темном длинном кунтуше придавав⟨шем⟩

12 *Вместо* „я устал“: я уже устал

22 *Вместо* „полковник теперь спит“: полковник спит

23 *Вместо* „Лжет он, я не сплю“: Лжет он пан полковник не спит

---

[1] *Далее начато:* представлялись совершенно

НОЧИ НА ВИЛЛЕ.[1]

Стр. 324

17 *Вместо* „глазами души“: глазами души моей

Стр. 325

2 *Вместо* „вознагражден ~ за страдания“: вознагражден ~ за мою глупую

11 *Вместо* „Ты поймешь, как“: Ты поймешь, когда

15 *Вместо* „за это куплю усмешку“: это будет ценою его ⟨усмешки⟩

19 *Вместо* „ветер, срывавший“: ветер, отр⟨ывавший⟩

23 *Вместо* „доставить какое-нибудь разнообразие“: приготовить ему какое-нибудь разнообразие

33 *Перед заглавием* „Ночь 8“ *начато:* Я весь день был

Стр. 326

15 *Вместо* „ко мне возвратился летучий свежий отрывок“: ко мне возвратились вр⟨емена?⟩

16 *Вместо* „молодая душа“: юношеск⟨ая⟩ душа

18 *Вместо* „милых ~ мелочей“: *а.* любезных милых ~ мелочей

20 *Вместо* „когда весь готов на пожертвования, часто даже вовсе ненужные“: когда даже ищешь почти ненужных пожертвований

26 *Вместо* „я погрузился“: я кинул⟨ся?⟩

27 *Вместо* „в бо́льшую мертвящую остылость чувств“: в бо́льшую ветхость жизни

27 „остылость“ *ред.; в рукописи* — остылось

---

[1] *Варианты из автографа Института Литературы (Пушкинского Дома) Академии Наук СССР.*

МЕЛКИЕ ОТРЫВКИ

СТРАШНАЯ РУКА.

Стр. 329

4 *Вместо* „фонарь только озарял“: в конце улицы едва озарял

5 *Вместо* „блеск на каменные домы и оставлял во мраке деревянные“: блеск на каменные домы[1] тогда как деревянные казал

<ФОНАРЬ УМИРАЛ>

10 *Перед* „Одни“ *было:* Низенькие домики то каменные

10 *Вместо* „белые каменные“: белые то черные

Стр. 330

3 *Вместо* „Он был“: Э<то?> был

7 *Вместо* „готовый“: при<годный?>

8 *Вместо* „но еще покамест ничего, кроме студент“: но еще не занявший

14 *Вместо* „Наконец, подходя“: Наконец, один

15 *Вместо* „остановил внимание“: остановил его внимание

20 *Вместо* „разбросанными штуками материй“: разбросанными материями

21 *Вместо* „Газ почти невидимый“: Газ самый воздушный

23 *Вместо* „Палевые цветы“: Оранжевые цветы

29 *Вместо* „женская фигура“: женская фигура[2]. Что может более[3] иметь для студента

30 *Вместо* „в ~ платье“: в ~ костюме

31 *Вместо* „в самом прекраснейшем“: *а.* в самом прекрасном *б.* в самом прекраснейшем, в прост<ом> белом

32 *Вместо* „Сколько поэзии“: Какая поэзия

33 *Вместо* „Но белый цвет“: Белый цвет что может быть жарче, пронзительнее белого цвета.

33 *Вместо* „Женщина ~ в белом“: Женщина ~ в белом платье.

34 *Вместо* „царица, видение“: царица, видение, мечта всё.

36 *Вместо* „в отдельные <?> минуты“: невсегда и на минуты

---

[1] *Далее начато:* Такой бле<ск> [2] *Далее начато:* Женская [3] Что может быть более

Стр. 331

2 *Перед* „Все чувства“ *было:* Всё тогда

3 *Вместо* „едва слышимый“: неслышимый

4 *Вместо* „самое высшее и самое сладострастнейшее сладострастие“: самое высшее сладострастие

7 *Вместо* „чудесное видение“: чудесное платье

8 Вместо „стоя с наклоненною на сторону головою“: *а.* стоя в ⟨поворот⟩ *б.* стоя поворотив голову в сторону

12 *Вместо* „с бездною души под ~ поднятым бархатом бровей“: с бездною души под [стройными] поднятыми ⟨бровями⟩

13 *Вместо* „невыносимы“: нестерпимы

20 *Вместо* „выдвинулась далее“: выдвинулась еще далее

⟨ДОЖДЬ БЫЛ ПРОДОЛЖИТЕЛЬНЫЙ⟩

Стр. 331

28 *Вместо* „сеть дождя задернула ~ сквозь тонкий газ“: сеть дождя задернула даль [1] непроницаемым полотном ⟨?⟩ между тем как передние домы обвиты были газом

29 *Вместо* „только одни передние домы“: только маков⟨ки?⟩ до⟨мов?⟩.

31 *После* „вывеска над ⟨вы⟩веской“ *было:* выше их ба⟨лкон?⟩

32 *Вместо* „выше его еще“: еще выше его

Стр. 332

4 *Вместо* „из тех господ, которые останавливаются“: *а.* из тех господ, которых *б.* из тех господ, которые остановившись

10 *Вместо* „этот любезный молодой“: этот длинный франт

10 *Вместо* „с личиком, которое можно упрятать в дамский ридикюль“: с личиком меньше порядочного яблока

15 *Вместо* „поднявши платье, далее чего нельзя“: поднявши платье до тех пор как

25 *Вместо* „как его канцелярский порядок“: как его вицмундир

25 *После* „порядок“ *было начато: а.* и ловок *б.* Но боже!

26 *Вместо* „С какою купеческою ловкостью“: Как ловко

35 *Вместо* „за наглое бесстыдство плутовской бороды“: за мошенничество бесстыдной бороды

Стр. 333

2 *Вместо* „что же может“: где же может

3 *Вместо* „Он увеличился“: Он стал ⟨прямой⟩

5 *Вместо* „⟨с⟩ шумом“: с ужасной силою

5 *Вместо* „хлынул в крыши“: хлынул в крышу

7 *Вместо* „Головы ~ долее всех глядевшие, спрятались“: головы ~ спрятались

---

[1] задернула муть газом

<РУДОКОПОВ>

Стр. 333

12 *Вместо* „Фамилия его была Рудокопов и, действительно, отвечала": *а.* Назову его *б.* Фамилия его была Рудокопов и самая фамилия чрезвычайно

<СЕМЕН СЕМЕНОВИЧ БАТЮШЕК>

Стр. 333

21 *Вместо* „весьма полное ~ лицо": весьма гладкое и очень приличное лицо без одной рябины

22 *Вместо* „цветом несколько похожее на ~ подошву": цвету свежей еще неношенной подошвы.

25 *Вместо* „Он завел обыкновение глядеть": *а.* Он всегда глядит *б.* Он завел обыкновение всегда глядеть

26 *Вместо* „на всё, что ни есть": на всё, что ни делается

Стр. 334

1 *Вместо* „какой-нибудь дворянин, может быть тоже ~ секретарь": какой-нибудь тоже дворянин и губернский секретарь

3 *Вместо* „из которой смотрят хлеб, няньки": из которой смотрят дети<?>

6 *Вместо* „одетые в военные и партикулярные платья": одетые в приличные <?> платья

15 *Вместо* „Если один из очень быстрых его глаз": Если глаз его

17 *Вместо* „пачкает углем": рисует углем

18 *Вместо* „велит потом": потом велит

20 *Вместо* „отдерет это бедное <ухо> таким образом": отдерет его таким образом за ухо

31 *Вместо* „Но и тут": *а.* Но впрочем *б.* Это впрочем

31 *Вместо* „случись только какое-нибудь": случись какое-<нибудь>

34 *Вместо* „и уже так знакомое ~ лицо": и уже знакомое лицо

35 *Вместо* „цвету еще неношенной подошвы": *а.* цвету св<ежей?> *б.* цвету новой подошвы

<ДЕВИЦЫ ЧАБЛОВЫ>

Стр. 335

2 *Вместо* „дочери бедных": дочери небогатых

4 *Вместо* „среди света": среди большого света

8 *Вместо* „извлечь крупицы": извлечь эти крупицы

14 *Вместо* „правила, в законах которых": *а.* правила, как *б.* правила, кото<рые>

ПОРТРЕТ.

<РЕДАКЦИЯ „АРАБЕСОК“.>

§ I.

Стр. 401

5 *Вместо* „перед картинною лавочкою“: перед картинною лавкою

6 *Вместо* „на Щукином дворе“: в Щукином дворе

6 *Вместо* „Эта лавочка ~ в темножелтых мишурных рамах“: Для меня до сих пор загадка кто поставляет сюда свои произведения, какие люди, какою ценою.[1] Много зевак толпилось рассматривать картины. Они большею частию были все писаны маслен⟨ыми⟩ красками, покрыты темнозеленым лаком ⟨?⟩, в темножелтых мишурных рамах

10 *Вместо* „Зима с белыми деревьями“: С белыми деревьями зима

10 *Вместо* „совершенно красный вечер“: красный совершенно вечер

11 *Вместо* „похожий на зарево пожара“: похожий на зарево пожаров

11 *Вместо* „мужик с трубкою и выломанною рукою“: мужик с трубкою, с выломанною рукою

12 *Вместо* „похожий более на индейского петуха в манжетах“: похожий более на индейского петуха

13 „вот ~ сюжеты“ *нет*

14 *Вместо* „К этому ~ кривыми носами“: Портреты Забалканского и Эриванского с красными лицами и пачечками⟨?⟩ в руках и тому подобные предметы занимали проходящих. Между тем толпа сменялась другою. Из числа зрителей нельзя было не заметить одно лицо выставившееся далее всех вперед. Судорожный смех еще трепетал на губах его, между тем как глаза, совершенно выразившие задумчивость, были уже бессмысленно и не глядя устремлены на картину

---

[1] *Далее начато:* но перед ⟨лавкою?⟩

Стр. 401

17 *Вместо* „Двери ~ тех картин“: Эта лавка точно представляла самое разнородное собрание диковинок и наконец на дверях лавки висели связками те гравированные на лубках картины

20 *Вместо* „На одной ~ Кирбитьевна“: Они все почти были раскрашены но только одною красною краскою потому что народ[1] очень уважает этот цвет.[2] Эстамп представлял Миликтри⟨су⟩ Кирбитьевну

21 *Вместо* „на другой“: другой

21 *Вместо* „по домам и церквям которого“: по домам которого

23 *Вместо* „захватившая часть земли“: захвативши землю

24 *Вместо* „Покупателей ~ горячий“: *а.* Посе⟨тители⟩ *б.* Немуд⟨рено⟩ *в.* Посетители были с *г.* Немудрено, что возле их всегда кто-нибудь. Забулдыга лакей уже верно зевает перед ними, неся в руках судки с обедом из трактира для своего барина, который без сомнения не слишком горячий хлебать будет суп

Стр. 402

4 *Вместо* „Перед ними ~ ножика“: солдат продающий два перочинных ножика

7 „Всякой восхищается по-своему“ *нет*

8 *Вместо* „кавалеры рассматривают сурьезно“: *а.* солдаты *б.* кавалеры смотрят сурьезно⟨?⟩

11 *Вместо* „смотрят“: нюхают табак и смотрят

12 „а торговки ~ смотрит“ *нет*

16 *Вместо* „молодой художник Чертков“: молодой художник

17 *Вместо* „Старая шинель ~ своему труду“: которого старая шинель[3] и нещегольское платье казалось показывало того человека, который с самоотвержением предан был труду своему

19 *Вместо* „и не имел ~ молодежи“: и так был занят им, что не думал о своем костюме, [предмете] имеющем всегда какую-то прелесть для юности, прелесть, которую заставит[4] совершенно позабыть разве только слишком сильная страсть

21 *Вместо* „Он остановился“: *а.* Он *б.* Остановившись

22 *Вместо* „и сперва внутренно смеялся“: он сначала[5] впрочем смеялся

23 *Вместо* „невольно ~ о том“: невольно какая-то грусть овладела им, он стал[6] разм⟨ышлять⟩ о том

26 *Вместо* „это ему не казалось удивительным“: это ему не казалось странно

27 *Вместо* „изображенные предметы ~ народу“: предметы изображены были очень доступно и понятно народу

---

[1] русский ⟨народ⟩ [2] *Далее начато:* На одном из них [3] потертая шинель, [4] которая разве может заставить [5] в начале [6] он начинал

Стр. 402

29 *Вместо* „малеваний“: картин

31 *Вместо* „которые показывают ~ унижение“: которые показывают уже какое⟨-то⟩ притязание на высший шаг искусства, но в которых выразилось все глубокое унижение

34 *Вместо* „покоряющегося ~ желанию“: покоряющегося невольному желанию

35 *Вместо* „не сохраняли даже первых условий“: *а.* не имели *б.* не сохраняли *и т. д. — как в тексте*

Стр. 403

1 *Вместо* „просвечивалось ~ старание“: просвечивалось какое-нибудь желание

2 *Вместо* „произвести подобное природе“: сделать подобное природе

3 *Вместо* „но ничего ~ в них“: но в них ничего этого нельзя было отыскать

6 *Вместо* „И трудился ~ принадлежавшая скорее“: И трудилась без сомнения одна и та же рука, потому, что те же краски, та же манера, та же набившаяся красками рука, принадлежавшая скорее[1]

9 *Вместо* „Он все так же стоял“: Он ⟨без⟩ внимания стоял

10 „перед этими грязными картинами“ *нет*

11 *Вместо* „но уже совершенно не глядя“: уже совершенно не глядя

14 *Вместо* „рассказывал ему“: рассказал ему

16 *Вместо* „и в рамки не вставлены“: и рамки не вставлены

17 *Вместо* „честью уверяю“: я вас уверяю

18 *Вместо* „заманчивые речи“: заманчивые слова

18 *Вместо* „мимо ушей Черткова“: мимо ушей художника

19 „чтобы немного ободрить хозяина“ *нет*

20 *Вместо* „запылившихся картин“: *а.* запылившихся портретов *б. как в тексте*

20 *Вместо* „Это ~ портреты“: Это были или старые фамильные портреты

21 *Вместо* „которых ~ отыскались“: *а.* которых верно бы непри⟨искались?⟩ *б.* которых вряд ли бы нашлись потомки

23 *Вместо* „на лице его“: на лице художника

23 *Вместо* „краска ~ тайное удовольствие“: *а.* така⟨я⟩ *б.* та краска,[2] которая означает удовольствие

25 *Вместо* „Он стал ~ и скоро“: Он начал ее старательно и нетерпеливо стирать⟨?⟩ рукой и пл⟨атьем?⟩ и скоро

27 *Вместо* „хотя краски казались мутными и почерневшими“: хотя краски его были мутны и почернели

28 *Вместо* „и даже злобным выражением“: *а.* и хитрым *б.* и озверелым, даже злым выражением

---

[1] казалось совершенно [2] *После* „краска“ *начато:* от ⟨которой?⟩

Стр. 403

29 *Вместо* „в устах его была улыбка резкая, язвительная": в устах была и улыбка резкая, язвительная[1]

30 *Вместо* „какой-то страх": какой-то страх дрожал на губах

31 *Вместо* „тонко разлит по лицу, исковерканному морщинами": живописно разлит по его лицу, изрезанному темными морщинами

31 *Вместо:* „глаза его ~ тусклы": глаза были тусклы

33 *Вместо* „была заметна": была видна

34 *Вместо:* „портрет изображал какого-нибудь скрягу": портрет изображал какого-нибудь ростовщика или скрягу

35 *Вместо* „или одного из тех ~ северных губерний": манжеты хотя не были совершенно окончены, но чувствовали прикосновение руки искусного художника

Стр. 404

2 *Вместо:* „Во всем портрете была видна": Во всем была видна

5 *Вместо* „то знаток ~ очутилось в России": *а.* то может быть его бы долго при⟨писывали⟩ или Вандику или др⟨угому⟩ *б.* знатоки не могли бы разрешить каким образом неизвестное творение Вандика очутилось в России

7 *Вместо* „на Щукин двор": на Щукином дворе

8 *Вместо* „отложивши ~ перебирать другие": поставил его в сторону и начал перебирать другие

9 *Вместо* „не найдется ли еще чего": не найдет ли еще чего

9 *Вместо* „но всё прочее составляло": *а.* но всё было *б. как в тексте*

10 *Вместо* „и показывало только": и показывало

11 *Вместо* „попал между них": попал между ними

12 *Вместо* „Наконец, Чертков": Художник наконец

13 *Вместо* „заметив по его вниманию": заметив по вниманию его

13 *Вместо* „что портрет чего-нибудь стоит": что он должен чего-нибудь стоить

14 *Вместо* „почесал за ухом ~ маловато": возвысил голос и сказал [десять рублей], я с вас возьму десять рублей

15 *Вместо* „Чертков протянул руку": художник протянул руку

18 *Вместо* „народу собралась куча": народу собралась целая куча

19 *Вместо* „господин в плаще ~ перед картиною": человек, подобно ему, долго смотрел на портрет

20 *Вместо* „Сердце у него сильно забилось": Сердце у него сильнее забилось

22 *Вместо* „предмет его исканий": предмет его исканиям

22 *Вместо* „Осмотревши внимательно": Обсмотревши внимательно

23 *Вместо* „он несколько утешился": Корчин несколько утешился

---

[1] ядовитая

Стр. 404

24 *Вместо* „заметив на нем костюм“: увидев на нем костюм

28 *Вместо* „произнес покупщик“: произнес противник

29 *Вместо* „Лицо Черткова ~ вздрогнуло“: Лицо молодого художника горело

30 *Вместо* „и он ~ двадцать рублей“: *а.* и неволь⟨но⟩ *б.* и почти невольно выговорил[1] он: двадцать рублей

32 *Вместо* „Народ ~ услышав носом“: Народ гуще обступил покупщиков, увидев

33 *Вместо* „продажа превратилась ~ для посторонних“: продажа обратилась в аукцион, всегда имеющий[2] в себе сильный интерес даже не для участвующих[3]

35 *Вместо* „набили до пятидесяти рублей“: набили до 50

36 *Вместо* „закричал ~ пятьдесят“: закричал Корчинков⟨?⟩ 50 рублей и остановился

37 *Вместо* „вся сумма в 50 рублях“: вся сумма из 50 рублей

37 *Вместо* „из которых ~ заплатить за квартиру“: из которых половину он должен был заплатить за квартиру

Стр. 405

1 *Вместо* „и кроме того купить красок“: а также купить красок

2 *Вместо* „и еще кое-каких необходимых вещей“: и несколько необходимых вещей

3 *Вместо* „Противник в это время отступился“: *а.* Противник его в это время остановился и казалось плата ⟨?⟩ *б.* Противник его в это время отступился

3 *Вместо* „превосходила также его состояние“: превосходила его состояние

4 *Вместо* „за Чертковым“: за Корчевым

5 *Вместо* „он бросил ее в лицо“: бросил он в глаза

6 *Вместо* „но вдруг ~ страхом“: *а.* но впер⟨ив?⟩ *б.* но вдруг отскочил от нее с чувством испуга *в. как в тексте*

7 *Вместо* „Темные глаза“: *а.* Серые глядели *б.* Серые мутные глаза

8 *Вместо* „глядели так ~ мертвенно“: так глядели живо и вместе мертво, явственно горели⟨?⟩

9 *Вместо* „нельзя было не ощутить испуга“: нельзя было не испугаться

9 *Вместо* „Казалось ~ часть жизни“: В них неизъяснимо странно была, казалось, удержана часть жизни

11 *Вместо* „Это были не нарисованные“: Это не были нарисованные

12 *Вместо* „но ~ ужасны“: *а.* но кажется по горению *б.* но кажется они верно не были бы так ужасны

13 *Вместо* „Какое-то ~ ощущение“: Какое дикое чувство, не страх, но то[4] неизъяснимое чувство

---

[1] произнес [2] име⟨ющий⟩ всегда [3] сильный интерес для участвующих [4] но то чув⟨ство?⟩

Стр. 405

15 *Вместо* „при появлении странности“: при появлении необыкнов⟨енно?⟩ странной

18 *Вместо* „провел Чертков“: провел художник

20 *Вместо* „отхлынул от лавки“: отступился от лавки

21 *Вместо* „покупщик вошедший в соперничество“: *а.* покупщик состязавшийся *б.* покупщик вступивший в спор

22 *Вместо* „боязливо удалился“: ушел боязливо

22 *Вместо* „Сумерки в это время сгустились“: Сумерки в это время сгустившиеся [1]

23 *Вместо* „чтобы сделать еще более“: чтобы более сделать

24 *Вместо* „Чертков не в силах был оставаться ~ на улицу“: [Леон] Художник не в силах был оставаться более и вынести хоть минуту этот неиз⟨ъяснимый?⟩ взгляд, не смея и думать о том, чтобы взять его, он выбежал на улицу

26 *Вместо* „Свежий воздух ~ народа“: Воздух, гром мостовой и говор народа

29 *Вместо* „Сколько ни обращал ~ явлением“: И сколько он ни обращал глаз по сторонам, они не могли заняться окружающими предметами. Мысли рисовали перед ним другой предмет и этот предмет был живые глаза. — Мысли его были заняты этим необыкновенным явлением

31 *Вместо* „думал он сам про себя“: думал он сам в себе

34 *После* „задача“ *начато:* И человек

35 *Вместо* „высшее познание“: высшее познание искусства

36 *Вместо* „он уже похищает несоздаваемое трудом человека“: он уже похищает несоздаваемое деревянным трудом человека

36 *Вместо* „вырывает что-то ~ оригинал“: вырывает что-то живое из жизни, одушевляющей самый оригинал [2]

Стр. 406

1 *Вместо* „Отчего же ~ так ужасен“: Но отчего же этот переход за эту черту, положенного границею воображения человека, так ужасен

2 *Вместо* „или за воображением“: *а.* Или наконец за воображением *б. как в тексте*

3 *Вместо* „следует наконец действительность, та ужасная действительность“: наконец следует действительность, та ужасная действительность [3]

4 *Вместо* „соскакивает воображение с своей оси“: соскакивает воображение

7 *Вместо* „желая постигнуть“: желая рассмотреть [4] и постигнуть

10 *Вместо* „или чересчур близкое подражание“: или совершенно близкое подражание

---

[1] более сгустившиеся [2] самый предмет [3] *а.* или и человек *б.* Так человек, желающий ис⟨пытать?⟩ [4] желая глубже рассмотреть

Стр. 406

13 „в небольшом ~ в которой“ *нет*

15 *Вместо* „лежали ~ его начатки“: [С т⟨акими?⟩] где лежали разбросанными во всех углах ученические начатки его

16 *Вместо* „показывавшие в художнике старание“: показывавшие в художнике[1] сильное старание

18 *Вместо* „и внутренний ~ природы“: *а.* и размер *б.* и внутренний размер всей природы

19 *Вместо* „мысли его потянулись одна за другою“: мысли его разом хлынули одна за другими

20 *Вместо* „так живо чувствовал он“: так живо он чувствовал

22 *Вместо* „И вот год“: *а.* И вот четыре года *б. как в тексте*

24 *Вместо* „плодом минутного быстрого вдохновения“: плодом минутного быстрого воображения

25 *Вместо* „Только тронут они кистью“: *а.* Быстро *б.* Как только размахнулась быстрая их кисть на полотне

25 *Вместо* „уже является у них человек вольный“: уже является человек вольный

26 *Вместо* „каким он создан природою“: каким создан природою

27 *Вместо* „движения его живы, непринужденны“: движения его живы и непринужденны

28 *Вместо* „Им это ~ всю жизнь“: *а.* а кажется они *б.* а они означены вдруг за одним мэхом кисти. Оно, кажется, вдруг дается, а между тем, чтобы достигнуть его[2], должно трудиться всю жизнь

32 *Вместо* „выйдет совсем не то“: совсем не то выйдет

33 *Вместо* „нога не станет так верно“: *а.* нога не станет так свободно *б. как в тексте*

35 *Вместо* „а мысль ~ великим художником“: чорт возьми, я не буду верно никогда хорошим художником

Стр. 407

1 *Вместо* „прерваны ~ рыжими волосами“: прервал вошедший мальчик лет 14 в русской рубашке с розовым лицом, рыжими волосами

3 *Вместо* „Он без церемонии ~ натурщик“: и начал без церемонии стягивать сапоги с нашего ⟨?⟩ художника. Он был [вместе] его такой натурщик

7 *Вместо* „и пачкал грязными ногами его пол“: и марал своими грязными ногами пол его комнаты

8 *Вместо* „Взявши сапоги“: Снявши сапоги

8 *Вместо* „выходил уже“: *а.* выходил из своей *б. как в тексте*

9 *Вместо* „оборотил голову“: *а.* оборотил назад *б. как в тексте*

9 *Вместо* „произнес громко“: сказэл не гр⟨омко⟩

---

[1] в нем [2] а между тем для этого нужно

Стр. 407

11 *Вместо* „Чертков“: Коблев

12 *Вместо* „следуя похвальному обычаю ~ и сказал“: по похвальному обычаю всех этих людей о том, что поважнее, упоминать в post scriptum: хозяин приходил и сказал

18 *Вместо* „Чертков“: Коблин

18 *Вместо* „я достал деньги“: я сегодня достал

18 *Вместо* „он обратился“: *а.* он по какому-то невольному чувству *б. как в тексте*

19 *Вместо:* „но вдруг вспомнил“: и наконец вспомнил

22 *Вместо* „и не взял“: *а.* и оста⟨вил⟩ *б. как в тексте*

25 *Вместо* „отказаться от такой покупки“: отказаться от портрета

27 *Вместо* „лишней издержки“: покупки

28 *Вместо* „ложился на его пол, захватывая“: ложился на его полу, захватывал

29 *Вместо* „оканчиваясь ~ в его комнате“: оканчивался на стене и поневоле увлек его музыкою своего сияния за собою. Все картины[1] в его комнате

32 *Вместо* „вечно-прекрасного сияния“: музыкального сияния

33 *Вместо* „он взглянул“: взглянул

33 *Вместо* „тот же самый странный портрет“: тот самый ужасный портрет

34 *Вместо* „так поразивший его“: поразивший его

34 *Вместо* „Легкая дрожь ~ по его телу“: Мгновенный холод пробежал по его жилам

36 *Вместо* „камердинера и натурщика“: камердинера, натурщика

37 *Вместо* „каким образом и кто принес к нему портрет“: каким образом зашел сюда портрет и кто принес его

Стр. 408

2 *Вместо* „который был еще поутру“: *а.* который приходил тол⟨ько?⟩ *б.* который был поутру

3 *Вместо* „Чертков ~ на голове“: Невольная дрожь пробежала по его жилам

4 *Вместо* „он силился“: он старался

5 *Вместо* „здесь не могло ничего быть“: здесь не могло быть ничего

6 *Вместо* „мог в это время“: в это время мог

8 *Вместо* „Короче“: И вообще

9 *Вместо* „те плоские изъяснения ~ когда хотим“: *а.* те назидательные *б.* те плоские изъяснения сделавшиеся общим местом, которые мы всегда употребляем [чтобы случившиеся], когда хотим

11 *Вместо* „Он положил себе“: Он положил

---

[1] Все предметы

Стр. 408

12 *Вместо* „к нему обращалась“: обращалась к нему

13 *Вместо* „взгляд, казалось, прикипал“: взгляд, казалось, примеряся ⟨?⟩

15 *Вместо* „лунный свет“: свет

16 „Чертков невольно закрыл свои глаза рукою“ *нет*

17 *Вместо* „Казалось слеза“: что даже [казалось] видна была даже влажность и слезэ [1]

18 *Вместо* „на ресницах старика“: на ресницах картины ⟨?⟩

20 *Вместо* „страшное лицо“: ужасное лицо

25 *Вместо* „около которой копался его лакей“: возле которой копался его лакей [2]

27 *Вместо* „лунный свет“: *а.* лунный свет, соединившись со светом огня *б.* лунное сияние

27 *Вместо* „с сиянием свечи“: с сиянием от свечи

23 *Вместо* „более непостижимой“: *а.* более неизъяснимой *б. как в тексте*

29 *Вместо* „он начал закрывать“: он начал закутывать

33 *Вместо* „получили ~ сноровку“: сохраняли слишком живое воспоминание

34 *Вместо* „взор старика сверкал“: взор старика сверкает

37 *Вместо* „Напрасно ожидал“: *а.* Сон долго *б. как в тексте*

Стр. 409

1 *Вместо* „мысли самые неутешительные прогоняли“: *а.* мечтания самые *б.* мысли неутешительные [раздавали тот]

3 *Вместо* „недоконченные картины, создания“: *а.* картина, рисуньки *б.* недоконченные картины, за которые никто не дает гроша *в. как в тексте*

5 „и сменялось одно другим“ *нет*

6 *Вместо* „прогнать их“: *а.* прогнать эти мысли *б. как в тексте*

6 *Вместо* „портрет властительно втеснялся“: *а.* портрет являлся *б. как в тексте*

10 *Вместо* „когда вторгается в одинокую спальню поэта“: *а.* когда врывается *б.* когда вторгается в спальню *в.* когда вторгается в одинокую спальню поэту

11 *Вместо* „и проносит младенчески очаровательные полусны“: *а.* и шлет поэту *б.* и проносит младенческие очаровательно несвязные ⟨?⟩ сны

13 *Вместо* „не наводил на него“: не наносил ему

14 *Вместо* „впал он“: он впал

15 *Вместо* „когда одним ~ предметы“: когда вместе видишь [3] в не-

---

[1] даже влажность была на них видна [2] камердинер [3] когдэ вид⟨ишь?⟩

Стр. 409

ясном облике [дейст⟨вительные?⟩] окружающие предметы, а вместе и видишь предметы, принадлежащие к миру сновидения

18 *Вместо* „поверхность старика отделялась“: поверхность старика отделяется

18 *Вместо* „и сходила ~ с кипящей жидкости“: от портрета [так] как снимается с кипящей[1] жидкости

20 *Вместо* „подымалась на воздух“: выходила на воздух

21 *Вместо* „Чертков чувствовал“: *а.* Дыхание зах⟨ватило?⟩ *б.* Коблев чувствовал

23 *Вместо* „но руки его“: но члены его

23 *Вместо* „мутно горели и вперились в него“: *а.* мутно горели и находились перед ним *б.* мутно горели и вперились всею

25 *Вместо* „Чертков заметил“: *а.* Коблев увидел улыбку *б.* Коблев заметил

26 *Вместо* „жалила его“: *а.* жалила своим движением и *б.* жалила

27 *Вместо* „и яркою живостью осветила“: *а.* и вдруг подерну⟨лась?⟩ *б.* и вдруг тронула яркою живостью

28 *Вместо* „морщины его лица“: морщины всего лица

28 *Вместо* „Не бойся меня“: *а.* Не бойся, ведь я теперь твой. Ты купил меня *б. как в тексте*

29 *Вместо* „мы с тобою“: *а.* мы теперь с тобою *б. как в тексте*

30 *Вместо* „целые веки корпеть за азбукою“: корпеть целые веки над азбукой

31 *Вместо* „читать по верхам“: читать

32 *Вместо* „можно постигнуть искусство“: постигнуть искусство

33 *Вместо* „что ты выиграешь“: ты выиграешь

34 *Вместо* „лицо его“: лицо

36 *Вместо* „ты получишь завидное право“: Ты получишь на шею веревку и завидное право

Стр. 410

2 *Вместо* „накупивши“: купивший

3 *Вместо* „чтобы нарисовать ~ рожу“: *а.* и нарисует какую-ни⟨будь⟩ *б.* и нарисует свои красные лица и синие платья *в.* и нарисует свои красные фигуры

4 *Вместо* „в свете“: теперь⟨?⟩

6 *Вместо* „бери всё“: бери всё, всё

8 *Вместо* „жизнь не останавливается“: жизнь⟨?⟩ не остановишь

8 *Вместо* „Чем более смастеришь“: Чем больше отхватаешь

9 *Вместо* „будет у тебя денег“: у тебя будет денег

10 *Вместо* „и найми богатую квартиру“: *а.* и нанимай *б.* и найми себе богатую квартиру

---

[1] с накипевшей

Стр. 410

15 *Вместо* „дрожь проняла Черткова“: *а.* и холод *б.* тоска проняла Коблева

16 *Вместо* „на его лице“: на лице его

16 *Вместо* „свои усилия“: усилия свои

17 *Вместо* „привстал с кровати“: привстал на кровате

18 *Вместо* „он только заметил“: он заметил

19 *Вместо* „Чертков встал с беспокойством“: Коблев встал с постели в сильном беспокойстве

19 *После* „ходить по комнате“ *было начато:* Луна гля⟨дела?⟩

20 *Вместо* „он приближился“: приближился

21 *Вместо* „лежало всё еще“: лежало

22 „хотя небольшие тучи ~ по небу“ *нет*

23 *Вместо* „изредка долетало до слуха“: долетало до слуха

24 *Вместо* „отдаленное дребезжание“: отдаленное медленное дребезжание

25 *Вместо* „ленивою клячею“: спокойною клячею

26 *Вместо* „поджидая“: ожидая

26 *Вместо* „Чертков уверился“: *а.* Осенний хо⟨лод?⟩ *б.* Коблев уверился

28 *Вместо* „представило ему во сне“: представляет ему во сне творение [1]

30 *Вместо* „маленькая искра ~ сквозь нее“: небольшая искра сквозила [2] только сквозь нее [3]

33 *Вместо* „Проснувшись, он долго“: Проспавши

34 *Вместо* „овладевает человеком“: *а.* овладевает человеком *б.* остается в человеке

35 *Вместо* „было тускло“: *а.* было темно *б. как в тексте*

35 *Вместо* „неприятная мокрота“: *а.* что только⟨?⟩ такая, либо⟨?⟩ *б. как в тексте*

37 *Вместо* „щели его окон, заставленных картинами“: окна, заставленные его картинами

Стр. 411

3 *Вместо* „умильное лицо просителя“: рожа просителя

4 *Вместо* „жил Чертков“: жил Коблев

5 *Вместо* „одно из тех ~ каких очень много“: одно из творений божиих, которых очень много

10 *Вместо* „В молодости своей“: *а.* Он был уже вдов *б. как в тексте*

10 *Вместо* „и капитан ~ мастер был“: *а.* и капитан, и стряпчий *б.* и капитан и штатский *в.* и капитан был и штатский, мастер был

12 *Вместо* „был и расторопен“: был и крикун и расторопен

13 *Вместо* „в старости своей он слил“: впитавши

---

[1] порож⟨дение?⟩ [2] мелькала [3] сквозь полотно

Стр. 411

14 *Вместо* „был уже вдов, был уже в отставке“: был уже вдов[1] был в отставке

16 *Вместо* „не задирался; любил только“: не задирался, одним словом был человек в отставке, любил только

17 *Вместо* „ходил по своей комнате“: *а.* но хороший *б.* одним словом был человек *в. как в тексте*

18 *Вместо* „аккуратно по истечении каждого месяца наведывался“: выходил аккуратно по истечении каждого месяца наведываться

21 *Вместо* „дворника из его конуры“: *а.* дворника забиравшегося *б. как в тексте*

23 *Вместо* „которому ~ одни пошлые привычки“: которому остаются пошлые привычки

26 *Вместо* „Извольте сами глядеть“: Вот извольте видеть

26 *Вместо* „обращаясь к квартальному и расставляя руки“: *а.* обращаясь к почтенному лицу *б.* обращаясь к полицейскому

29 *Вместо* „Я должен вэм объявить“: *а.* Позвольте спросить *б.* Позвольте вам объявить

30 *Вместо* „заложивши ~ мундира“: заложивши палец[2] за мундир

32 *Вместо* „квартирные деньги“: за квартиру

33 *Вместо* „когда нечем“: *а.* когда никто *б. как в тексте*

34 *Вместо* „сказал хладнокровно Чертков“: отвечал с равнодушной досадой Коблев

Стр. 412

1 *Вместо* „Берите всё что хотите“: Берите всё

1 *Вместо* „отвечал почти бесчувственно Чертков“: отвечал Коблев

4 *Вместо* „перебирая из них некоторые“: *а.* рассматр⟨ивая⟩ *б.* перебирая некоторые

5 *Вместо* „и краски то не так живы“: *а.* и незаметно живости *б.* и не заметно хороших красок

5 *Вместо* „недостаток в деньгах“: *а.* у вас было *б. как в тексте*

7 *Вместо* „При этом квартальный“: продолжал квартальный

8 *Вместо* „подошедши к картине ~ простыню“: подошедши к портрету и сдернувши с него простыню

10 *Вместо* „маленькую вольность“: маленькие вольности

11 *Вместо* „изумил его“: поразил его

13 *После* „равное действие“: даже на вовсе ⟨?⟩ непосвященных в тайны искусства

15 *Вместо* „отзываются топорной работою“: отзываются железом

16 *Вместо* „то рамка вдруг ~ червонцев“: то рамка лопнула: маленькая дощечка отскочила и разорвала сверток червонцев, брякнув⟨ших⟩ на землю. Несколько золотых кружков покатилось по полу. Коблев с жадностью бросился подбирать и

---

[1] *Далее начато:* Через каждые две недели [2] руку

Стр. 412

вырвал из полицейских рук поднятые ⟨?⟩ им с полу червонцы

22 „заметил, квартальный, приятно улыбаясь“ *нет*

24 *Вместо* „Эти деньги“: *а.* Эти монеты *б. как в тексте*

24 *Вместо* „вскричал Чертков“: Я их не должен тратить, вскричал Коблев

25 *Вместо* „искусных рук полицейского“: хищных рук

29 *Вместо* „Физиономия и приемы в одну минуту“: *а.* Но спрашива⟨вшее?⟩ лицо *б.* Физиономия и манеры всё в одну минуту

30 *Вместо* „блюстителя за нравами пьяных извозчиков“: блюстителя нравов за пьяными извозчиками

31 *Вместо* „Полицейский стал извиняться и уверять“: *а.* Хозяин *б.* Полицейский стал извиняться

33 „а чтобы более в этом уверить Черткова“ *нет*

34 *Вместо* „он предложил ему приз табаку“: причем предложил приз табаку

35 *Вместо* „с такою божбою ~ в гостином дворе“: так сурьезно, как только может уверять русской купец

Стр. 413

1 *Вместо* „Но Чертков выбежал“: Но Корчин выбежал

2 *Вместо* „на прежней квартире“: в своем жилище

2 *Вместо* „Он не имел ~ происшествия“: по дороге он думал о странности происшествия

3 *Вместо* „Осмотревши сверток“: Обсмотревши сверток

4 *Вместо* „более сотни“: около 10

6 *Вместо* „как нарочно для него приготовлена“: очень хороша

7 *Вместо* „высокие комнаты“: высоких комнаты

7 *Вместо* „все выгоды“: *а.* все принадлежности *б. как в тексте*

8 *Вместо* „Лежа на турецком диване“: *а.* Казалось, как будто нарочно были соединены ⟨?⟩ *б.* Казалось, как будто нарочно вся она была сделана для него. Лежа на [своем] турецком диване

11 *Вместо* „дивился сам своей судьбе“: дивился сам быстрой перемене судьбы своей

13 *Вместо* „по стройным колоссальным стенам“: по высоким стенам его

14 „который достался ему таким единственным образом“ *нет*

15 *Вместо* „Он опять стал думать“: Коблев опять стал думать

16 *Вместо* „необыкновенной живости“: странной живости

17 *Вместо* „к видимому им“: к виденному им

17 *Вместо* „к чудному кладу“: к чудесному кладу

18 *Вместо* „в его рамках“: в рамках портрета

19 *Вместо* „какая-нибудь история соединена“: *а.* какая-нибудь история сопровождала *б. как в тексте*

20 *Вместо* „и что даже может быть“: *а.* Чего бы не дал, чтобы разрешить *б. как в тексте*

Стр. 413

20 *Вместо* „его собственное бытие связано“: *а.* его собственное бытие *б.* его собственная жизнь [должна быть] каким-нибудь таинственным образом связана

21 *Вместо* „с этим портретом“: с [его] портретом

21 *Вместо* „Он вскочил“: *а.* Странно *б. как в тексте*

22 *Вместо* „рассматривать“: осматривать

24 *Вместо* „заглаженной“: сглаженной

25 *Вместо* „никто бы не мог“: никогда бы не мог

25 *Вместо* „узнать о его существовании“: узнать о существовании

26 *Вместо* „не продавил дощечки“: не продавил ее

27 *Вместо* „и еще раз на него посмотрел“: *а.* и начал *б.* и еще раз посмотрел на него

28 *Вместо* „среди яркого света“: среди бело⟨го⟩ света

29 *Вместо* „сквозь огромные окна“: чрез огромные окна

30 *Вместо* „его слух“: слух его

31 *Вместо* „что-то неприятное“: что-то невыразимо неприятное

31 *Вместо* „постарался скорее от него отворотиться“: невольно отвлек свои глаза

33 *Вместо* „у дверей“: зазвучал у его дверей.

34 *Вместо* „в сопровождении молоденькой лет осьмнадцати“: с молоденькою девушкою лет 18

37 *Вместо* „Я к вам с просьбою“: *а.* Я слышавши *б.* Узнавши *в.* Я слышавши, что вы недавно приехали *г. как в тексте*

37 *Вместо* „произнесла дама ласковым тоном“: произнесла ласковым тоном дама

Стр. 414

1 *Вместо* „с художниками, французскими парикмахерами“: с артистами [немецкими ремесленниками], французскими парикмахерами

2 *Вместо* „и прочими людьми ~ других“: *а.* и другими *б.* и прочими, рожденными для удовольствия других, людьми [1]

4 *Вмеесто* „Чертков удивился“: Коблев удивился

5 *Вместо* „При этом бледное личико“: Бледниннькое личико

6 *Вместо* „обратилось к художнику“: обратилось при этом к художнику

7 *Вместо* „был знаток сердца“: был большой знаток души

7 *Вместо* „то вдруг бы ~ и скука“: то верно прочел бы на нем всю [2] немноготомную историю [молодой] его хозяйки: ребяческая страсть [3] к балам, к щегольскому наряду, тоска и скука

10 *Вместо* „на многолюдном гуляньи“: на многолюдном собрании

11 *Вместо* „нетерпеливость увидеть“: нетерпеливое желание

---

[1] *Далее было начато*: Мне хочется нарисовать портрет [2] всё, что [3] ребяческая страстишка

Стр. 414

13 *Вместо* „какую мадам Сихлер ~ княгини Б...“: как недавно мадам Сихлер убрала жакой⟨?⟩ княгине Б...

15 *Вместо* „бледное ~ желтизны“: *а.* бледное с какой-то болезненной желтизною *б.* бледное почти без выражения, с какой-то болезненной желтизной

17 *Вместо* „Я бы желала“: Если Вам можно, то мне хотелось

17 *Вместо* „принялись за работу“: занялись

18 „продолжала дама“ *нет*

18 *Вместо* „Чертков бросился“: Коблев бросился

19 *Вместо* „к краскам и кистям“: к краскам, к кистям

21 *Вместо* „предуведомить ~ Анет“: предуведомить несколько насчет моей Анет

22 *Вместо* „и этим облегчить несколько“: и можно сказать облегчить

23 *Вместо* „во всех чертах лица“: и чертах лица

24 *Вместо* „и признаюсь, я никогда не даю ей читать“: и я признаюсь ей никогда не даю читать

27 *Вместо* „вы изобразили ее“: ее изобразили

29 *Вместо* „будто она едет“: чтобы она ехала

32 *Вместо* „и даже самой почтенной дамы“: и самой почтенной дамы

35 *Вместо* „Чертков был“: *а.* Художн⟨ик⟩ *б.* Наш Коблев был

36 *Вместо* „решился избрать благоразумную средину“: решился потом благоразумного правила, повелев⟨авшего?⟩[1] избрать благоразумную средину

37 *Вместо* „его прельщало“: его льстило

Стр. 415

1 *Вместо* „восторжествовать искусством“: восторжествовать над искусством

2 *Вместо* „двусмысленное выражение“: точное двусмысленное выражение

2 *Вместо* „Кисть бросила на полотно“: Кисть бросила

3 *Вместо* „художнический хаос“: художнический хаос на полотно

5 *Вместо* „и уже начал“: *а.* казалось следов⟨ал?⟩ *б. как в тексте*

7 *Вместо* „в правдивой копии“: в снимке

9 *Вместо* „он чувствовал“: он видел

9 *Вместо* „что наконец подметил“: что наконец подметит

11 *Вместо* „наслаждение неизъяснимое и прогрессивно возвышающееся“: *а.* наслаждение нетерпеливое, возвышающее *б. как в тексте*

12 *Вместо* „известно только таланту“: *а.* дыхание только *б.* известно только чувствующему в себе искру таланта

12 *Вместо* „Под кистью его лицо портрета“: Лицо его начало

13 *Вместо* „невольно приобретало“: невольно приобретать

14 *Вместо* „который был для него самого“: какой был для него самого

---

[1] не изб⟨ежать⟩

Стр. 415

16 *Вместо* „что художнику ~ мгновениями“: *а.* что кисти очень трудно было *б.* что кисти еще не совсем опытной[1] было трудно ловить урывками, мгновениями

20 *Вместо* „почтенная дама“: *а.* подн⟨еся?⟩ *б. как в тексте*

21 *Вместо* „как это ужасно“: как это досадно

21 *Вместо* „А душа ~ разгуляться“: *а.* А кисть только начинала достигать желания *б.* А кисть только начинала быть художественной

22 *Вместо* „бросивши палитру стоял он“: бросивши кисть стоял художник

23 *Вместо* „перед своею картиною“: *а.* перед своею палитрой *б. как в тексте*

24 *Вместо* „оканчиваете совершенно портрет“: оканчиваете совершенно портрет свой

26 *Вместо* „а у вас ~ абрис“: *а.* а у вас только *б.* а у вас до сих ⟨пор⟩ еще почти один только абрис

27 *Вместо* „Мы приедем“: Я приеду

27 *Вместо* „в это же время“: в такое же время

30 *Вместо* „незаказною работою“: своею работою и чувствовал жажду порыва

31 *Вместо* „отодвинул он“: бросил он

33 *Вместо* „проникнувшие ~ новыми“: проникшие до самой души[2] вытеснить новыми

36 *Вместо* „бежит множество“: тысячи бегут

Стр. 416

1 *Вместо* „и потому Чертков“: и потому наш Копьев

2 *Вместо* „Несколько червонцев в кармане ~ юности“: Несколько червонцев в кармане [боже!] и что̀ не во власти свежей исполненной силы юности

4 *Вместо* „странное свойство“: то странное свойство

5 *Вместо* „как только завелся“: что как только завелся

7 *Вместо* „за квартиру ~ он спустил“: за квартиру и мебель двадцать червонцев, и все эти двадцать червонцев он спустил

10 *Вместо* „обед отличнейший“: отличнейший обед

10 *Вместо* „и не захотел взять сдачи, нанял“: *а.* и не хотел взять сдачи *б.* и не хотел взять потом при расплате сдачи, [отправился в театр], нанял

11 *Вместо* „чтобы только съездить“: чтобы съ̀ездить

13 *Вместо* „в кондитерской“: в кондитерских

14 *Вместо* „возвратился домой без копейки в кармане“: возвратился домой усталый без копейки в кармане [и заснул крепким сном]

15 *Вместо* „Бросившись в кровать ~ из его рук“: Бросившись в кровать он уснул крепким сном и проспал⟨?⟩ бы сам⟨?⟩ очень

---

[1] утвердившейся [2] глубины души

долго, если бы не скатился⟨?⟩ с кровати.[1] Боль, причиненная ему падением, ⟨на⟩ несколько времени прогнала сон. Он начал размышлять.[2] Ему очень показалась⟨?⟩ жизнь минувшего[3] дня, но в кармане у него не оставалось ни копейки. Это было ему неприятно. При этом чувства все его были как-то странно стеснены, он чувствовал на душе какую⟨то⟩ тяжесть,[4] которая, казалось, поселилась в него со времени приобретения[5] того странного портрета. Мысль о нем вдруг предстала его уму и он зaворотился крепче своим одеялом, чтобы не встре⟨тить⟩ его пронзительных глаз. Едва только[6] дремота начала овладева⟨ть⟩ им, как слух его был поражен каким-то неприятным царапаньем. Он видел сквозь щелку своих ширм, что изображенный ⟨на⟩ портрете старик с беспокойством отделился от полотна и второпях пересчитывал деньги,[7] кучи золота сыпались из его рук

21 *Вместо* „Глаза Черткова ~ понятна“: *а.* Как только *б.* Глаза его загорелись и казалось все чувства[8] находили⟨?⟩ в золоте ту неизъяснимую прелесть, которая еще никогда не была им до того понятна и которой не может противиться человек переш⟨едший?⟩ за 50-летний возраст.

24 *Вместо* „целую гору червонцев“: кучу денег

24 *Вместо* „Чертков судорожно протянул руку“: Копьев судорожно и с какой-то боязнью протянул руку

26 *Вместо* „тряс его ~ но нигде“: тряс его рамы, изрезал их ножом, но нигде

27 *Вместо* „не находил“: не нашел

29 *Вместо* „заманчивою кистью“: запальчивою кистью

30 *Вместо* „бледною Анетою“: *а.* бледною Леною *б.* бледною Анет

30 *Вместо* „поставил на станок ~ опять напряжением“: поставил начатый портрет.[9] В это⟨т⟩ раз кисть его быстрее касалась, быстрее работалось. Солнечный день и ясное освещение дали какое-то особенное выражение[10] его оригиналу, ⟨и⟩ ему открылось множество таких тонкостей и тайн, которых тогда в первый раз он совсем не заметил. Душа загорелась опять напряжением

35 *Вместо* „мельчайшую точку или черту“: *а.* последнюю *б.* мельчайшую точку и черту

36 *Вместо* „даже самую желтизну“: всю имеющую⟨ся⟩ желтизну

36 *Вместо* „неровное изменение колорита“: тонкое изменение колорита

---

[1] потому только проснулся, что упал, скатился ⟨с⟩ кровати на пол [2] *Далее было:* и между прочим ему пр шло на ум, что у него нет ни копейки [3] одного [4] *Далее было:* с⟨о⟩ в⟨ремени?⟩ [5] *Далее было:* чудного [6] Как только [7] монеты [8] *Далее было:* почувствовали ту [9] *Далее начато:* В это время он скорее [10] какой-то особенный эфект

Стр. 416

37 *Вместо* „в лице ~ красавицы : лица его зевавшей и изнуренной перед ним ⟨красавицы⟩

Стр. 417

1 *Вместо* „с которою позволяют себе“: которую позволяют себе

2 *Вместо* „*может нравиться* ~ *им самим*“: *будет нравиться другим так же* ⟨*как*⟩ *им самим*[1]

4 *Вместо* „одно общее выражение всего целого“: самое эфектное и восторжествовать над трудность⟨ю⟩

7 *Вместо* „вскрикнула она с досадою“: вскрикнула с досады

10 *Вместо* „это совсем не ее лицо“: это совсем не лицо

12 *Вместо* „Чертков с досадою“: Художник с досадою

12 *Вместо* „проклинал и себя, и палитру“: проклинал и себя, и искусство ⟨?⟩

16 *Вместо* „он схватил первую попавшуюся ~ Псишея“: он схватил первую попавшую ему картину, на которой была начата[2] Псишея

18 *Вместо* „вошла вчерашняя дама“: взошла вчерашняя дама

21 „прелесть ~ и брови!“ *нет*

22 *Вместо* „прекрасный сюрприз“: *приятный сюрприз*

23 „Как это мило ~ приподнята“ *нет*

24 *Вместо* „вы точно тот великий художник, о котором мне говорили“: вы велики

26 *Вместо* „Чертков стоял“: Художник, о котором они⟨?⟩ говорили, Копьев стоял

27 *Вместо* „приняла его Псишею“: *а.* приняла портрет *б.* приняла Псишею

27 *Вместо* „портрет своей дочери“: портрет ее дочери

28 *Вместо* „что этим слабым эскизом хотел изобразить Псишею“: слабым эскизом он хотел представить Псишею

32 *Вместо* „и он решился этим воспользоваться“: и внушило смелость

34 *Вместо* „немного подолее“: немного поболее

35 *Вместо* „произнес он“: отвечал он

36 *Вместо* „Вы видите ~ не делал вовсе“: Вы видите я платья совершенно не делал без вас

37 *Вместо* „с большею точностью“: с самой точностью

Стр. 413

1 *Вместо* „он одел“: одел он

2 *Вместо* „просветлил слегка волосы“: светлым покрыл волоса

6 *Вместо* „им овладела“: *а.* к этому *б. как в тексте*

6 *Вместо* „мнительная боязнь“: тонкая⟨?⟩ боязнь

8 *Вместо* „которая заставляет ~ произведения“: *а.* ему прид⟨ется?⟩

---

[1] *Далее было начато: Но досадное слово д⟨овольно⟩* [2] была изображена

Стр. 418

б. которая заставляет его истреблять и по крайней мере скрыть⟨?⟩ те произведения

10 *Вместо* „в которых он сам видит“: которых он сам видит

11 *Вместо* „которая заставляет скорее вытерпеть“: и которая заставит его скорее вытерпеть

14 *Вместо* „качая головою“: качая голову

15 *Вместо* „чтоб возвратить только ее назад“: чтоб возвратить ее назад

16 *Вместо* „за дамою“: за уше⟨дшею⟩ дамою

16 *Вместо* „вырвать портрет из рук ее“: вырвать из рук ее

17 *Вместо* „разорвать и растоптать его ногами“: и разорвать, растоптать

17 *Вместо* „но как это сделать“: но как сделать

18 „Куда итти?“ *нет*

18 *Вместо* „Он не знал даже фамилии“: Он не знал даже имени

20 *Вместо* „С этого времени ~ перемена“: Между тем с нашим художником, с ⟨его⟩ судьбой, произошла счастливая перемена

23 *Вместо* „рассказала с восторгом“: рассказывала с восторгом

25 *Вместо* „и если можно удесятерить“: и даже если можно удесятерить

27 *Вместо* „недостойным себя“: всю недостойность свою

27 *Вместо* „такого подвига“: великого подвига

28 *Вместо* „Чертков ~ свое преступление“: Чертков решился чтобы сколько-нибудь загладить и искупить свое преступление

29 *Вместо* „со всевозможным старанием своею работою“: со всевозможным стара⟨нием⟩ и тщанием

30 *Вместо* „решился удвоить“: решился усилить

31 *Вместо* „своих сил“: своих желаний

35 *Вместо* „кисть ~ не совсем обыкновенное“: кисть начинала что-нибудь творить не совсем обыкновенное

37 *Вместо* „горя желанием“: желая

Стр. 419

1 *Вместо* „художник спешил“: *а.* художник старался *б. как в тексте*

3 *Вместо* „что он ни на одну минуту“: что ни одну минуту

3 *Вместо* „не мог предаться размышлению, и вдохновение беспрестанно истребляемое“: не мог предаться вдохновению, и вдохновение беспрестанно истребляемое

4 *Вместо* „при самом рождении своем“: *а.* при самом начале *б. как в тексте*

6 *Вместо* „чтобы ускорять свою работу“: *а.* чтобы живее облег ⟨чить⟩ *б.* чтобы живее ускорять свою работу

7 *Вместо* „однообразные, давно изношенные формы“: одинаковые давно изношенные формы

Стр. 419

9 *Вместо* „изображения старых художников“: *а.* изображения тех художников *б. как в тексте*

9 *Вместо* „так часто можно встретить“: *а.* так часто встр⟨ечаются?⟩ *б. как в тексте*

10 *Вместо* „во всех краях Европы и даже во всех углах мира“: во всех углах мира и краях Европы

11 *Вместо* „с сложенными на груди руками“: с сложенными накрест руками

12 *Вместо* „и держащими цветок в руке“: или с цветком в руке

13 *Вместо* „желал он“: хотелось ему

13 *Вместо* „дать новое еще не избитое положение, отличавшееся“: дать новую форму и положение ⟨*2 нрзб*⟩ отличавшееся

15 *Вместо* „и непринужденностью“: *а.* и свобо⟨дой?⟩ *б.* и непринужденною ⟨?⟩ свободою

17 *Вместо* „плод великих усилий“: ⟨плод⟩ ужасных усилий

18 *Вместо* „дать новое смелое выражение“: дать своему ⟨*1 нрзб*⟩ смелое новое выражение, [найти]

18 *Вместо* „тайну в живописи“: тайну музыки и живописи

19 *Вместо* „отвративши глаза“: закрыв глаза

20 *Вместо* „от всего окружающего“: для всего окружающего

20 *Вместо* „унесшись от всего мирского“: *а.* унесшись разом от мира *б.* унесшись разом от всего мирского

21 *Вместо* „Но на это ~ вдохновение“: Но для этого ему не оставалось[1] времени и минуты, он был слишком изнурен для вдохновения от своей дневной работы

25 *Вместо* „чтобы вызвать“: вызвать

27 *Вместо* „красивое ~ и множество других“: [или] красивое лицо лейб-уланского ротмистра, бледное изнуренное натянутое[2] улыбкою петербургской красавицы[3], к этому присовокупить множество лиц

31 *Вместо* „приобрела наконец“: наконец приобрела

32 *Вместо* „которою означались его оригиналы“: которая означала его оригиналы

34 *Вместо* „мелькавшие перед ним ассигнации и золото“: мелькавшее перед ним золото и ассигнации

37 *Вместо* „к их изображениям“: к их изображению

Стр. 420

1 *Вместо* „все недостатки“: все его недостатки

4 *Вместо* „Вся столица“: *а.* Весь Петербург *б. как в тексте*

5 *Вместо* „во всех кабинетах“: *а.* во всех гост⟨иных⟩ *б. как в тексте*

---

[1] не было [2] *Далее было:* лицо [3] *Далее было:* наконец множество еще

Стр. 420

8 *Вместо* „черту верной истины, брошенную жарким вдохновением“: черту верной истины природы, брошенную жарко брошенным вдохновением

10 *Вместо* „почти всегда ~ понятие красоты“: *а.* иногда довольно хоро⟨шенькие?⟩ *б.* почти всегда хорошенькие собою, потому что понятие[1] красоты

12 *Вместо* „страстей или хотя привычек человека“: *а.* страстей и дви⟨жений?⟩ *б.* страстей и привычек

14 *Вместо* „тонкого вкуса“: тонкого вкуса художника[2]

17 *Вместо* „непостижимую загадку“: эту непостижимую загадку

18 *Вместо* „угаснуть ~ чтобы развиться“: угаснуть в цвете сил человека, когда оно по верным законам природы должно развиться

20 *Вместо* „этих толков не слышал“: этого не слышал

21 *Вместо* „величался всеобщею славою“: величался своею всеобщею славою

21 *Вместо* „потряхивая червонцами своими“: гордо потряхивая своими червонцами

23 *Вместо* „что откровения свыше“: вдохновения и высшего⟨?⟩ откровения

24 *Вместо* „под строгий порядок“: *а.* под строгий однообразный *б. как в тексте*

25 *Вместо* „коснулось тех лет“: коснулось тридцати лет, тех лет

27 *Вместо* „доходит до души“: *а.* доходит до сердца *б. как в тексте*

28 *Вместо* „и не обвивается“: *а.* и замирает в сладких живых ярких конвульсиях, но встрепенувшись нервом *б. как в тексте*

29 *Вместо* „прикосновение красоты“: *а.* прикосновение пр⟨евращает?⟩ *б.* прикосновение пылающей *в. как в тексте*

30 *Вместо* „девственных сил“: *а.* свежих *б. как в тексте*

30 *Вместо* „отгоревшие чувства“: оставшиеся чувства

33 *Вместо* „совершенно усыпить себя“: усыпить себя

34 *Вместо* „дать наслаждения ~ не заслужил“: дать наслаждение обыкновенному человеку

Стр. 421

1 *Вместо* „целию“: целью жизни

3 *Вместо* „страшный дар“: *а.* страшчый подарок *б. как в тексте*

4 *Вместо* „и равнодушным ко всему“: равнодушным ко всему

5 *Вместо* „готов был превратиться“: готов был обратиться

6 *Вместо* „иногда попадаются“: иногда часто попадаются

7 *Вместо* „исполненный ~ в себе мертвеца“: *а.* открытая душа живущего человека *б.* исполненный страсти и жизни человек.[3] Ха-

---

[1] чувство [2] *Далее начато:* Мн⟨огие⟩ [3] *Далее было начато:* *а.* Она ей *б.* Ему положим опя⟨ть⟩

Стр. 421

рактер их определяется ему в странном: и как будто[1] их живое заключает в себе мертвеца

9 *Вместо* „Но однакоже ~ его жизни“: Но одно необыкновенное событие сильно потрясло его и произвело совершенно другое направление характера

13 *Вместо* „как достойного ее члена, приехать“: как достойного члена приехать[2]

18 *Вместо* „с пламенною силою“: *а.* с пламенною жаждою *б. как в тексте*

22 *Вместо* „но с редким самоотвержением“: *а.* и решившись⟨?⟩ сам *б.* и пробившись ⟨?⟩ *в.* презревши *г.* с редким самоотвержением

23 *Вместо* „своего милого искусства“: *а.* своего верного *б. как в тексте*

25 *Вместо* „Вошедши в залу, нашел он толпу посетителей“: *а.* Когда художник наш вошел в залу, толпа посетителей *б. как в тексте*

27 *Вместо* „между многолюдными ценителями“: между многолюдными знатоками

27 *Вместо* „на этот раз царствовало“: царствовало на этот раз

29 *Вместо* „физиогномию“: физиономию

31 *После* „Чистое“ *было:* прекрасное

32 *Вместо* „произведение художника“: *а.* изображение *б. как в тексте*

32 *Вместо* „И хоть бы какое-нибудь“: *а.* Никакого желания блеснуть *б. как в тексте*

32 „какое-нибудь видно было в нем“ *нет*

33 *Вместо* „хотя бы даже ~ никакой, никаких!“: никакого даже извинительного тщеславия, никакой мысли о том, чтобы угодить многолюдной черни, — никакой.

37 *Вместо* „Изумительно прекрасные фигуры“: Неизобразимо прекрасные фигуры

37 *Вместо* „группировались непринужденно“: *а.* стояли так легко, как *б.* стояли непринужденно

Стр. 422

1 *Вместо* „не касаясь полотна“: не касаясь и полот⟨на⟩

2 *Вместо* „изумленные“: *а.* оглушенные *б. как в тексте*

2 *Вместо* „казалось стыдливо опустили“: они казалось к⟨ак⟩ будто стыдливо опустили

5 *Вместо* „пересказать ~ на них“: *а.* душа *б.* пересказать другому; на них было[3] брошено невыразимо выразимое[4]

7 *Вместо* „так скромно-свободно“: *а.* так непринужденно, так смело *б. как в тексте*

9 *Вместо* „но то мгновение“: *а.* но это *б. как в тексте*

---

[1] *Далее было:* в живом теле, человеческом теле, носится мертвец
[2] пожаловать [3] на них сияло [4] брошено невы⟨разимое⟩

Стр. 422

10 *Вместо* „есть одно приготовление“: есть только приготовление

11 *Вместо* „слезы готовы были покатиться“: слезы текли

13 *Вместо* „уклонения вкуса“: уклонения вкусов

17 *Вместо* „начали рассуждать“: *а.* начали шуметь *б. как в тексте*

21 *Вместо* „суждение зачерствелых художников“: суждение старых художников

23 *Вместо* „лучше была выполнена“: была лучше выполнена

27 *Вместо* „С минуту неподвижный“: *а.* Заперш⟨ись⟩ *б.* В расстройстве *в. как в тексте*

27 *Вместо* „стоял он“: стоял

28 *Вместо* „вся жизнь его“: вся жизнь

29 „как будто ~ вспыхнули снова“ *нет*

31 *Вместо* „погубить так безжалостно“: *а.* погубить таким *б. как в тексте*

32 *Вместо* „истребить ~ в груди“: зарыть[1] истребить талант[2], может быть, тепливший в груди

33 *Вместо* „может быть развившегося бы теперь в величии и красоте“: развившийся бы теперь в величии и ослепительно

36 *Вместо* „И погубить всё это, погубить без всякой жалости“: О как нестерпимо это жгучее ядовитое безотрадное бесприютное состояние, эта горесть[3] об утрате богатства души, которая так сильно чувствуется отпадшим ангелом

37 *Вместо* „ожили в душе его“: *а.* ожили, загорелись *б.* ожили в душе

Стр. 423

2 *Вместо* „Он схватил кисть“: *а.* Как будто посту⟨пил?⟩ *б. как в тексте*

2 *Вместо* „приблизился к холсту“: приближился к полотну

3 *Вместо* „весь обратился он в одно желание“: весь впился он

5 *Вместо* „Эта идея была более всего согласна“: Это положение было более согласно

6 *Вместо* „с состоянием его души“: с состоянием души, как будто потухшие искры таланта вспыхнули!

6 *Вместо* „Но увы, фигуры его ~ принужденно“: Но увы![4] фигуры его, положения и все⟨?⟩ установки⟨?⟩ ложились принужденно

9 *Вместо* „бессильный порыв“: малый порыв

10 *Вместо* „границы и оковы“: границы

14 *Вместо* „все труды свои“: все свои картины

18 *Вместо* „самых первоначальных стихий“: самых первоначальных фундаментов

20 *Вместо* „Иногда осенял его“: *а.* рука у него невольно охладевала *б.* иногда его осенял

---

[1] *а.* изгнать *б.* разрушить [2] истребить тот талант [3] эта необычайная горесть отпадшего ангела [4] *Далее было:* его останавливали

Стр. 423

23 *Вместо* „можно было сделать“: можно бы сделать

24 *Вместо* „и вместе доступным“: и вместе с этим доступным

25 *Вместо* „в неясном тумане его мыслей“: в его мыслях

25 *Вместо* „потому что он точно носил“: потому что [он] все-таки ⟨?⟩ точно имел[1]

26 *Вместо* „призрак таланта“: талант

27 *Вместо* „какое-нибудь незначущее условие“: *а.* всякой взмах кисти дышал нестройность⟨ю⟩ и обращал к стар⟨ым?⟩ *б.* какое-нибудь незначущее условие[2]

27 *Вместо* „анатомическое ~ неизображенный“: анатомическая мертвая⟨?⟩ мелкость и к⟨исть?⟩[3] останавливалась, порыв бессильного воображения цепенел без видимого выражения

30 *Вместо* „к затверженным формам“: к затверженн⟨ому?⟩

31 *Вместо* „руки складывались“: *а.* руки ложились *б. как в тексте*

33 *Вместо* „самые складки платья“: складки самой одежды

33 *Вместо* „отзывались вытверженным“: отзывались заученной формой

35 *Вместо* „и видел это сам“: он видел это сам

Стр. 424

1 *Вместо* „он принимался снова“: он снова принимался

1 *Вместо* „в тридцать слишком лет“: в тридцать лет

2 *Вместо* „труднее изучать“: уже труднее изучать

2 *Вместо* „скучную лестницу“: тяжкую лестницу

2 *Вместо* „трудных правил и анатомии“: трудных правил, условий и анатомии

5 *Вместо* „ту ужасную муку, которая“: то ужасное мучение, которое [и прежде⟨?⟩]

6 *Вместо* „поразительное исключение“: странное исключение

6 *Вместо* „является иногда в природе“: является в природе

9 *Вместо* „ту муку, которая“: то мучение, которое

10 *Вместо* „бесплодную жажду“: *а.* бесплодную сухую *б. как в тексте*

11 *Вместо* „ту страшную муку“: то ужасное мучение

12 *Вместо* „ужасная зависть“: страшная зависть

13 *Вместо* „у него на лице“: у него на лицо

14 *Вместо* „он видел“: *а.* он увидал *б. как в тексте*

14 *Вместо* „произведение, носившее печать“: произведение, носящее на себе печать

17 *Вместо* „с бешеною силою“: со всем пылом

18 *Вместо* „бросился он приводить его“: *а.* бросился его выполнять *б.* бросился приводить его

---

[1] точно было когда-то подозрение [2] незначущее правило [3] *Далее было*: застывала в воздухе, цепенела

Стр. 424

18 *Вместо* „в исполнение“: в действо

19 *Вместо* „что только производило“: *а.* прямо *б. как в тексте*

20 „Купивши картину дорогою ценою“ *нет*

20 *Вместо* „приносил в свою комнату“: приносил их в свою мастерскую

21 *Вместо* „на нее кидался“: кидался на них

22 *Вместо* „разрывал ее“: разрывал

22 „и топтал ногами“ *нет*

23 *Вместо* „сопровождая ~ наслаждения“: сопровождая это адским смехом ужасного наслаждения

24 *Вместо* „произведение, дышущее огнем“: произведение, дышущее скромным огнем

25 *Вместо* „нового таланта“: *а.* нового худож⟨ника⟩ *б. как в тексте*

26 „Бесчисленные собранные им богатства ~ желанию“: *нет*

28 *Вместо* „золотые мешки“: *а.* обширные *б. как в тексте*

29 *Вместо* „раскрыл сундуки“: раскрыл сундуки своего бесчисленного богатства, богатства для этого адского проекта

29 *Вместо* „Никогда ни одно чудовище“: Ни одно чудовище

31 *Вместо* „сколько истребил“: *а.* как *б. как в тексте*

31 *Вместо* „свирепый мститель“: ужасный свирепый мститель

32 *Вместо* „носившие в себе искру божественного познания, жадные одного великого“: носившие в сердце искру божественного познания и исполнения[1]

34 *Вместо* „тех святых прекрасных произведений“: *а.* тех произведений *б. как в тексте*

34 *Вместо* „в которых великое искусство“: где божественное искусство

35 *Вместо* „и показало“: *а.* и дало *б. как в тексте*

37 *Вместо* „Нигде ~ никакой пощады“: *а.* Все золото, которое он собирал *б.* Бесчисленные его богатства давали возможность удов⟨ле⟩твор⟨ять⟩ своей адской страсти

Стр. 425

2 *Вместо* „Его зоркий, огненный глаз“: Его зоркие огненные глаза

3 *Вместо* „даже в заброшенной пыли“: *а.* на дне *б. как в тексте*

3 *Вместо* „след художественной кисти“: в неизвестности произведения искусства

4 *Вместо* „всякой заранее отчаивался“: *а.* всякой поэ⟨тому⟩ *б.* всякой заранее был уверен, что ему не удастся приобрести *в. как в тексте*

5 *Вместо* „художественного создания“: хороших произведений

7 *Вместо* „отнять у него всю его гармонию“: отнять [у него всю] гармонию, [которую прид⟨эл?⟩]

---

[1] *Далее было: а.* прекрасного вкуса. *б.* прекрасной *в.* знаний⟨?⟩ и потребност⟨ей⟩

Стр. 425

9 *Вместо* „на нем всегда почти была разлита“: на лице всегда почти разлита была

11 *Вместо* „перерезанный морщинами лоб“: перерезанный морщинами размышлений лоб

11 *Вместо* „придавали ему“: придавали

12 *Вместо* „дикое выражение“: хищно дикое выражение

13 *Вместо* „обитателей земли“: обитателей мира

16 *Вместо* „неправилен и колоссален“: *а.* неправилен и велик *б. как в тексте*

17 *Вместо* „начали оказываться чаще“: *а.* начали чаще *б.* начали оказываться всё чаще

18 *Вместо* „всё это обратилось в самую ужасную болезнь“: всё это обратилось в самое ужасное сумасшествие [1]

20 *Вместо* „овладели им так свирепо“: *а.* им *б.* овладели им в одно время так свирепо

21 *Вместо* „оставалась от него одна тень только“: от него уже одна тень только оставалась

22 *Вместо* „безнадежного сумасшествия“: ужасного сумасшествия

23 *Вместо* „удержать его“: держать ⟨его⟩

24 *Вместо* „глаза необыкновенного портрета“: глаза ужасного портрета

27 *Вместо* „наконец ему чудилось“: ему наконец казалось

28 *Вместо* „были увешаны“: *а.* глядели на *б. как в тексте*

29 *Вместо* „свои неподвижные, живые глаза“: неподвижные, живые глаза

31 *Вместо* „вдобавок ~ глаз“: вдобавок комната ему представлялась по новому расширявшеюся для того, чтобы более вместить этих живых [2] неподвижно смотрящих на него глаз

34 *Вместо* „наслышавшийся о странной его истории“: наслышав об жизни Черткова [3]

36 *Вместо* „грезившимися ему привидениями“: этими грезившимися ему привидениями

Стр. 426

2 *Вместо* „*терзаний*“: ужасных терзаний

2 *Вместо* „невыразимо раздирающим голосом“: невыносимо раздирающим голосом

3 *Вместо* „неотразимый портрет“: этот неотразимый [4] портрет

4 *Вместо* „место он описывал с странными для безумного подробностями“: место он описывал с странною для безумного подробностию

---

[1] *Далее было: а.* в начале *б. которое сначала было порывно и ⟨1 нрзб⟩ в.* между тем сим изнеможеньем и усиленным порывом *г.* все составы его уже были почти разрушены и переломаны ⟨от⟩ собственного же его порыва. [2] непод⟨вижных⟩ [3] *Далее было: а.* всем стар⟨ался?⟩ *б.* и старался и [4] ужасн⟨ый⟩

Стр. 426

5 *Вместо* „Напрасно употребляли“: *а.* Но дсктора *б. как в тексте*

7 *Вместо* „Всё было перерыто в доме“: Всё было пересовано ⟨в⟩ доме

8 *Вместо* „с беспокойством“: с бешенством

9 *Вместо* „с такою точностью“: *а.* с такою необыкновенной *б.* с такою подробностью

10 *Вместо* „ясного и проницательного ума“: самого ясного и проницательного ума

13 *Вместо* „Скоро жизнь его“: Наконец жизнь его

15 *Вместо* „тоже не могли найти“: не могли тоже найти

15 *Вместо* „от огромных его богатств“: от огромных богатств

16 *Вместо* „тех высоких произведений“: *а.* миллионных *б. как в тексте*

18 *Вместо* „ужасное их употребление“: *а.* ужасное употребление этих богатств *б. как в тексте*

§ II.

20 *Вместо* „перед подъездом дома“: *а.* перед д⟨омом⟩ *б. как в тексте*

23 *Вместо* „сладко продремали“: *а.* всю жизнь *б. как в тексте*

25 *Вместо* „издержали для этого“: издержали

26 *Вместо* „даже собственными прежними трудами“: *а.* ими ⟨?⟩ *б. как в тексте*

27 *Вместо* „наполнена самою пестрою толпою“: ⟨на⟩полнена самою пестрою[1] толпою

29 *Вместо* „на неприбранное тело“: на неприбранный труп

30 *Вместо* „в синих немецких сюрутках“: *а.* в нем⟨ецких⟩ син⟨их⟩ *б. как в тексте*

31 *Вместо* „Вид их и физиогномия“: Вид их, их физиономия

32 *Вместо* „тверже, вольнее“: тверже и вольнее

Стр. 427

2 *Вместо* „готовы были“: *а.* поклонами своими *б. как в тексте*

3 *Вместо* „своими же сапогами“: их же сапогами

5 *Вместо* „книги и картины“: книги, картины

6 *Вместо* „графами-знатоками“: знатоком графом

7 *Вместо* „Здесь были многие“: Здесь были так же многие

8 *Вместо* „постановившие ~ завтрака“: положившие посещать его каждый день вместо завтрака

9 *Вместо* „почитающие обязанностью“: почитавшие обязанностью

11 *Вместо* „занятия от 12“: *а.* занятия после *б. как в тексте*

13 *Вместо* „являются ежедневно“: являются всегда совершенно

16 *Вместо* „Множество картин разбросано“: Множество картин разбросано, развешено

---

[1] ра⟨знообразною?⟩

Стр. 427

17 *Вместо* „были перемешаны“: *а.* вместе *б. как в тексте*

18 *Вместо* „книги с вензелями прежнего владетеля“: *а.* книги с вензелями влад⟨етеля⟩ *б. как в тексте*

18 *Вместо* „который, верно, не имел“: который однакоже не имел

20 *Вместо* „новые и старинные мебели“: *а.* стар⟨инные⟩ *б. как в тексте*

25 *Вместо* „Вообще ~ странно“: *а.* На меня страшное влияние производит аукцион *б.* Вообще аукцион страшное влияние производит на людей с сильными чувствами

26 *Вместо* „всё отзывается“: *а.* что *б. как в тексте*

27 *Вместо* „зал ~ мрачен“: зала ~ мрачна

30 *Вместо* „голоса: сто рублей“: *а.* голоса протяжно *б. как в тексте*

30 *Вместо* „рубль и двадцать ~ вырывающиеся из уст“: рубль и двадцать четыреста рублей и пятьдесят копеек[1] протяжно вырывающиеся из уст

32 *Вместо* „как-то дики“: как-то странны

32 *Вместо* „Но еще более производит впечатления“: *а.* но еще более всего *б. как в тексте*

33 *Вместо* „голос аукциониста“: голос оценщика

35 *Вместо* „встретившимся здесь искусствам“: встретившим⟨ся⟩ произведениям искусства

36 *Вместо* „посетители рассматривали“: посетители между тем рассматривали

Стр. 428

1 *Вместо* „толпа остановилась“: *а.* толпа остановилась внимательное *б. как в тексте*

2 *Вместо* „старик ~ внимание“: старик, странная живость глаз которого приковала совершенно их внимание

6 *Вместо* „резкий признак“: знаки

9 *Вместо* „что изобразить ее“: *а.* для изоб⟨ражения?⟩ *б. как в тексте*

10 *Вместо* „уже слишком дерзко“: слишком уж дерзко

12 *Вместо* „одного, уже несколько пожилых лет посетителя“: молодого

16 *Вместо* „и некоторые ~ к нему: „Вам, верно, известно“: *а.* на их губах готова казалось невольно была слететь убедительная просьба *б.* И один из рассматривавших, чрезвычайно любопытный человек, не мог не утерпеть, чтобы не спросить: а вам, верно, известно

20 *Вместо* „более нежели кому другому“: более нежели кому-нибудь другому

21 *Вместо* „Всё уверяет меня“: Я по всем признакам сужу

---

[1] *Далее было: а.* всегда почти как-то *б.* всегда почти странно для слуха

Стр. 428

22 *Вместо* „о котором я хочу говорить“: о котором я знаю

23 *Вместо* „вас всех интересует“: *а.* все очень интере⟨суются?⟩ *б.* все очень интересуетесь

23 *Вместо* „о нем узнать“: о нем знать

23 *Вместо* „я теперь же готов несколько удовлетворить вас“: с моей стороны я почту для себя удовольствием удовлетворить вас

27 *Вместо* „известна хорошо“: хорошо известна

29 *Вместо* „Характеристика ее отличается“: Характеристика совершенно отличается

31 *Вместо* „отличны от прочих“: особенны от других

31 *Вместо* „Здесь ничто не похоже“: Тут всё не похоже

33 *Вместо* „на провинциальный городок“: на провинциальный город

35 *Вместо* „в таких тонких мелочах“: *а.* в мелочах *б. как в тексте*

36 *Вместо* „Тут совершенно ~ слышите“: Тут совершенно другой отд⟨ельный?⟩ мир и[1] въехавши в него[2] вы кажется слышите[3]

Стр. 429

2 *Вместо* „Сюда не заглядывает“: *а.* Тут *б.* Сюда кажется уже не заглядывает

6 *Вместо* „вдовы, жившие прежде“: а. отст⟨авные?⟩ *б. как в тексте*

7 *Вместо* „мужними трудами“: *а.* бедными *б. как в тексте*

7 *Вместо* „имеющие приятное знакомство“: *а.* имеющие сообщение *б. как в тексте*

10 *Вместо* „болтающие вздор с мужиком“: беседующие с мужиком

11 *Вместо* „в мелочной лавке“: в мелочной лавочке

13 *Вместо* „я назову пепельным“: *а.* я назову одним сл⟨овом⟩ *б. как в тексте*

14 *Вместо* „тусклую пепельную наружность“: *а.* серенькую *б. как в тексте*

16 *Вместо* „своим ярким блеском“: *а.* своим острым *б. как в тексте*

17 *Вместо* „сопровождаемая громом“: *а.* и не бунтует *б. как в тексте*

18 *Вместо* „и отнимает всю резкость у предметов“: *а.* и облекает все предметы в однообразную мутность *б.* и отнимает от строений всю их резкость

19 *Вместо* „Лица этих людей“: *а.* Их *б. как в тексте*

19 *Вместо* „бывают как-то искрасна-рыжеватые“: бывают какие-то изрыжа-красноватые

22 *Вместо* „тот мутный ~ когда смешаешь“: тот цвет непременно мутный⟨?⟩, если смешаешь

24 *Вместо* „и вообще ~ матовая“: и вообще[4] их самих[5] можно назвать матовыми

---

[1] *Далее было:* *а.* въехавши в него *б.* как только ступишь [2] *Далее было:* чувств⟨уете?⟩ порывы [3] чувствуете [4] *Далее было:* они [5] *Далее было:* совершенно

Стр. 429

26 *Вместо* „уволенных пятидесятилетних титулярных советников“: отставных вечных титулярных советников

27 *Вместо* „с 200-рублевым пенсионом“: с трехсотрублевым пенсионом

28 *Вместо* „выколотым глазом“: с выколотым глазом

28 *Вместо* „Эти люди вовсе бесстрастны“: *а.* Эти люди совершенно *б.* Эти люди бесстрастны

32 *Вместо* „которую они однообразно сосут“: *а.* которую одн⟨ообразно⟩ *б. как в тексте*

33 *Вместо* „смелого прилива в голове“: *а.* смелого прилива пьянства *б. как в тексте*

36 *Вместо* „студент Мещанской улицы“: студент Мещанской улицы и кандидат [1] в привиллегирован⟨ные?⟩ сапожники [2]

Стр. 430

1 *Вместо* „Жизнь в Коломне“: *а.* Оттого на их лицах всегда почти *б.* Никогда почти *в. как в тексте*

2 *Вместо* „в мирных улицах“: на ее мирных улицах

2 *Вместо* „кроме разве той“: *а.* выключая *б. как в тексте*

5 *Вместо* „Извозчик“: Извозчики

6 *Вместо* „для своей скромной клячи“: *а.* для своих пожил⟨ых⟩ *б.* для своих рассудительных *в.* для своих старых кляч

7 *Вместо* „Цена квартир редко достигает тысячи рублей“: Дороговатые квартиры редко доходят [3] до 1000 рублей

9 *Вместо* „отдаются с отоплением“: *а.* отдаются помесячно *б. как в тексте*

10 *Вместо* „Вдовы чиновницы“: *а.* Квартиры *б. как в тексте*

11 *Вместо* „солидные обитательницы“: солидные обитатели

12 *Вместо* „свою комнату“: свои комнаты

13 *Вместо* „и говорят“: говорят

15 *Вместо* „молоденькая дочь“: молоденькая дочка

16 *Вместо* „существо, впрочем, иногда довольно миловидное“: существо иногда довольно миловидное

17 *Вместо* „при них находится“: *а.* довольно *б. как в тексте*

19 *Вместо* „Эти-то чиновницы“: *а.* Эти-то владетель⟨ницы⟩ *б. как в тексте*

20 *Вместо* „иногда и до сорока рублей“: иногда даже и до 40 рублей

21 *Вместо* „актеры, которым жалованье не позволяет“: *а.* актеры, театральные музыканты и подобны⟨е?⟩ типы⟨?⟩ *б.* актеры которых жалованье

23 *Вместо* „Они, сидя в своих халатах“: *а.* От занятий⟨?⟩ дома *б. как в тексте*

---

[1] *Далее было:* в первые⟨?⟩ [2] *Далее было:* затягивающий с [3] переходят

Стр. 430

24 *Вместо* „безделки“: безделушки

24 *Вместо* „починивают пистолет“: подчинивают пистолет

25 *Вместо* „клеят из картона“: вырезывают из картона

28 *Вместо* „примешивая к этому часто пунш“: *а.* см⟨ешивая?⟩ *б. как в тексте*

28 *Вместо* „После этих тузов, этого аристократства Коломны“: После этих тузов Коломны

32 *Вместо* „закоулки одной комнаты“: *а.* закоулки часто *б. как в тексте*

32 *Вместо* „поименовать ~ уксусе“: перечесть по именам удельных князей наполняющих Русскую историю.

34 *Вместо* „Какого народа“: *а.* Здесь ⟨?⟩ *б. как в тексте*

34 *Вместо* „вы там не встретите“: вы не встретите [там]

35 *Вместо* „старухи, которые пьянствуют“: старухи, которые и пьянствуют

37 *Вместо* „как муравьи таскают“: таскают

Стр. 431

1 *Вместо* „старые тряпья“: старое тряпье

5 *Вместо* „большой недостаток“: *а.* страшный *б. как в тексте*

6 *Вместо* „не дающий возможности“: *а.* даже против своей бедной жизни *б.* иногда он должен *в.* который даже не дает возможности

7 *Вместо* „должны часто делать“: должны иногда делать

7 *Вместо* „экстренные займы“: *а.* займы *б. как в тексте*

11 *Вместо* „суммою от двадцати до ста рублей“: иногда даже[1] до ста рублей

13 *Вместо* „позволяет завестись иногда“: позволяет им иногда даже завестись

13 *Вместо* „собственным домиком“: собственным домом

14 *Вместо* „Но на этих ~ Петромихали“: *а.* Но тот, о котором я хочу вам теперь сказать, вовсе не похож был на таких *б.* Из этих ростовщиков более всего был замечателен Пердомихали[2]

16 *Вместо* „Был ли ~ не знал, но“: Грек или армянин решить было нельзя этого

18 *Вместо* „Ходил он всегда“: *а.* Он был высокого росту *б.* ходил всегда

18 *Вместо* „в широком азиатском платье“: *а.* в широком платье *б. как в тексте*

19 „был высокого роста“ *нет*

21 *Вместо* „и такие же усы“: *а.* черные с проседью *б. как в тексте*

23 *Вместо* „представляло странный колорит“ *а.* Пертомихали вовсе не принад⟨лежал⟩ *б. как в тексте*

25 *Вместо* „Петромихали вовсе не был похож на помянутых ростов-

---

[1] почти [2] Попендуло

Стр. 431

щиков“: Пертомихали вовсе не был похож на вышеназванных ⟨?⟩ ростовщиков

28 *Вместо* „за то и проценты“: за это и проценты

29 *Вместо* „были тоже необыкновенны“: тоже были необыкновенные

29 *Вместо* „Ветхий дом его со множеством пристроек“: *а.* Ветхий дом его находился *б. как в тексте*

30 *Вместо* „Он был бы не так дряхл“: *а.* Он был уж *б. как в тексте*

31 *Вместо* „если бы владелец его сколько-нибудь“: *а.* если бы его владелец жалел когда-нибудь *б.* если бы его владелец сколько-нибудь

31 *Вместо* „разорился на починку“: разорился на его починку

32 *Вместо* „Петромихали“: Пертомихали

35 *Вместо* „кучами были набросаны“: кучами были наброшены

36 *Вместо* „всякой хлам“: *а.* и все *б. как в тексте*

37 *Вместо* „разных чинов и званий должники“: *а.* бедные *б. как в тексте*

37 *Вместо* „потому что Петромихали не пренебрегал ничем“: Между ними находился иногда самый негодный хлам, потому что Петромихали не пренебрегал ничем

Стр. 432

1 *Вместо* „и несмотря на то, что давал“: несмотря на то, что он даже отпускал

2 *Вместо* „он также готов был“: *а.* не отказывался выдавать суммы не превышающие *б. как в тексте*

2 *Вместо* „служить суммою“: служить и суммою

5 *Вместо* „и нищий смело адресовался“: *а.* нищие *б.* и все очень ⟨?⟩ нуждавшиеся в его копейках смело адресовались

7 *Вместо* „заключались в его грязном железном сундуке“: были заключены в его грязном железном сундуке

8 „вместе с старинною табакеркою пятидесятилетней дамы“ *нет*

13 *Вместо* „только слишком крайняя нужда“: *а.* бол⟨ьшая⟩ нужда *б. как в тексте*

13 *Вместо* „заставляла обращаться к нему“: заставляла к нему обращаться

14 *Вместо* „Его условия были так тягостны“: условия его так были тягостны

15 *Вместо* „отбивали всякое желание“: отбивали про⟨сителей?⟩ во век

16 *Вместо* „проценты казались“: проценты его казались

16 *Вместо* „не очень велики“: очень не велики

17 *Вместо* „посредством своих странных и необыкновенных выкладок“: посредством неискусных и странных выкладок

18 *Вместо* „расположил таким непонятным образом“: располагал таким необыкновенным образом

Стр. 432

18 *Вместо* „росли у него страшною прогрессией“: росли страшной прогрессией

19 *Вместо* „контрольные чиновники“: *а.* закоснелые *б. как в тексте*

20 *Вместо* „не могли проникнуть этого непостижимого правила“: *а.* не могли проникнуть этой тайны *б. как в тексте*

21 *Вместо* „оно казалось основанным на законах“: оно казалось совершенно основано на всех законах

22 *Вместо* „они видели явно“: *а.* они чувствовали явно *б. как в тексте*

22 *Вместо* „преувеличение итога“: несправедливые итоги

23 *Вместо* „что в этих вычетах“: *а.* что всё это *б. как в тексте*

27 *Вместо* „находили у дверей его“: нашли у дверей его

28 *Вместо* „окостеневших от холода“: околевших от холода

28 *Вместо* „посиневшие лица, замерзнувшие члены“: посинелые лица, замерзнувшие лица

30 *Вместо* „по смерти еще молили“: *а.* по смерти просили *б. как в тексте*

31 *Вместо* „полиция несколько раз хотела“: *а.* полиция несколько раз делала мер⟨ы?⟩ *б.* полиция несколько раз замечала *в. как в тексте*

34 *Вместо* „всегда умели под какими-нибудь предлогами уклонить и представить дело“: *а.* всегда умели представить ей совершенно *б.* всегда умели это под каким-нибудь предлогом отклонить и представить всё

36 *Вместо* „не получали от него“: не получали от Пертомихали

36 *Вместо* „богатство имеет такую странную силу“: богатство такую имеет странную силу

Стр. 433

1 *Вместо* „Оно, не показываясь, может“: Оно, не показывая⟨сь⟩, само⟨?⟩ может

5 *Вместо* „не можно было от него услышать лишнего или постороннего“: *а.* не сказало лишнего *б.* не можно было от него услышать лишнего и постороннего

7 *Вместо* „будто бы он“: будто он

7 *Вместо* „иногда давал ~ предлагал условие“: давал иногда[1] даже даром деньги, но только такие предлагая условия

9 *Вместо* „все бежали от него“: *а.* большая часть людей *б. как в тексте*

9 „даже самые болтливые хозяйки“ *нет*

10 *Вместо* „чтобы пересказать их другим“: чтобы объяснить[2] их другим

---

[1] *Далее было:* такие [2] рассказать

Стр. 433

11 „даваемые им деньги“ *нет*

14 *Вместо* „небольшой домик“: скромный домик

14 *Вместо* „художник, славившийся“: художник, который очень славился

17 *Вместо* „несколько работ его“: некоторые его работы

17 *Вместо* „выказывающих решительный талант“: которые выказывают решительный талант

18 „Жизнь его была самая безмятежная“ *нет*

19 *Вместо* „набожный живописец, какие только жили“: *а.* религиозный живописец, каких можно только отыскать *б. как в тексте*

21 *Вместо* „Он мог бы иметь ~ состояние“: он мог бы иметь большую известность и большие деньги

22 *Вместо* „если бы решился заняться“: если бы занялся

22 *Вместо* „множеством работ“: *а.* множеством предлагаемых *б. как в тексте*

23 *Вместо* „предлагали ему со всех сторон“: ему предлагали со всех сторон

23 *Вместо* „но он любил“: но он почти всегда любил

25 *Вместо* „взялся расписать“: взялся расписывать

25 *Вместо* „приходской церкви“: приходской его церкви

26 *Вместо* „случалось ему нуждаться“: случалось, что он нуждался

27 *Вместо* „никогда не решался он“: никогда не решался

28 *Вместо* „имел всегда впереди возможность уплатить долг“: имел всегда впереди возможность ему уплатить

29 *Вместо* „ему стоило только присесть“: ему только стоило присесть

30 *Вместо* „были бы в его кармане“: были бы всегда в его кармане

31 *Вместо* „жалко было оторваться“: жаль было оторваться

31 *Вместо* „от своих занятий“: от своей работы

31 „так грустно было разлучиться, хотя на время, с любимою мыслью“ *нет*

33 *Вместо* „просидеть голодным в своей комнате“: не есть

35 *Вместо* „если бы не имел страстно любимой жены“: если бы у него не было любимой им жены

37 *Вместо* „Однакоже, один раз“: Наконец один раз

Стр. 434

1 *Вместо* „он готов уже был“: он уже готов был

3 *Вместо* „его поразило“: его остановило⟨?⟩

4 *Вместо* „готов был приписать его“: *а.* готов был его приписать *б.* готов был его признать

4 *Вместо* „нарочно посланным свыше ~ намерению“: *а.* нарочно посланным свыше принять *б.* нарочно посланным свыше, чтобы воспрепятствовать ему в его намерении

Стр. 434

6 *Вместо* „старуху, исправлявшую при ростовщике“: *а.* старуху, служившую *б.* старуху, бывшую при этом ужасном *в. как в тексте*

7 *Вместо* „три разные должности: кухарки, дворника и камердинера“: должность кухарки ⟨и⟩ дворника вместе [1]

8 *Вместо* „Старуха, совершенно отвыкшая говорить“: *а.* Старуха в немногих отрыв⟨истых?⟩ *б. как в тексте*

9 *Вместо* „глухо ~ отрывистых слов“: в отрывистых словах пробормотала какие-то несвязные речи

10 *Вместо* „отец мой мог только узнать“: мой отец мог только узнать

12 *Вместо* „Отец мой не мог придумать“: Мой отец не мог придумать

13 *Вместо* „на что бы он мог быть ему нужен“: на что бы он мог ему быть нужен

14 „в такое время“ *нет*

14 *Вместо* „и притом еще с красками и кистями“: и еще с красками и кистями

17 *Вместо* „Он насилу мог продраться“: *а.* Подошедши к дому он увид⟨ел⟩ *б.* Он едва мог пробраться

17 *Вместо* „сквозь толпу нищих, обступивших жилище“: сквозь кучу нищих, обступивших жилище [2]

19 *Вместо* „что авось-либо наконец перед смертию“: авось-либо перед смертью наконец

20 *Вместо* „и раздаст малую часть“: *а.* раздаст им хоть *б. как в тексте*

22 *Вместо* „тело азиатца“: *а.* тело индейца *б.* тело грека

23 *Вместо* „он принял было“: он принял сначала

23 *Вместо* „за умершее“: за умершего

25 *Вместо* „глаза его так страшно устремились“: глаза так страшно устремились

26 *Вместо* „Петромихали“: Пертомихали

29 *Вместо* „не время об этом думать“: не время этим заниматься

30 *Вместо* „уже не много минут осталось жить ему“: времени ему немного осталось жить

31 *Вместо* „потому пора помыслить“: *а.* потому надо *б.* потому пора подумать

32 *Вместо* „принести покаяние всевышнему“: принести покаяние

34 *Вместо* „Петромихали“: Пертомихали

34 *Вместо* „лицо его покрылось“: лицо его вдруг покрылось

35 *Вместо* „отец мой верно бы ушел“: *а.* отец мой готов *б. как в тексте*

36 *Вместо* „чувство весьма извинительное в художнике, пораженном необыкновенным предметом“: чувство художника, пораженного необыкновенным оригиналом.

37 *Вместо* „для кисти“: для его кисти

---

[1] и прислужника вместе [2] обступивших его жилище

Стр. 435

1 *Вместо* „не остановило его“: не остановило

1 *Вместо* „Лицо ростовщика“: потому что лицо ростовщика

1 *Вместо* „было одно из тех“: *а.* было та⟨ково?⟩ *б. как в тексте*

2 *Вместо* „клад для артиста“: *а.* клад для художника *б. как в тексте*

3 *Вместо* „поставил он холст“: *а.* расставил он станок свой *б.* положил *в.* поставил он вместо ст⟨анка⟩ *г. как в тексте*

4 *Вместо* „к себе на колени“: себе на колени

5 *Вместо* „Мысль употребить после это лицо“: *а.* Его побудила ревностно этим заняться *б.* Мысль употребить это *кв. ак в тексте*

6 *Вместо* „которых изгоняет могущественное слово спасителя“: *а.* исцелимо⟨го⟩ *б.* изгнанными могущественным словом спасителя

8 *Вместо* „С поспешностию набросал он абрис“: Он с поспешностию набрасывал

9 *Вместо* „опасаясь каждую минуту“: *а.* чт⟨о⟩ *б. как в тексте*

9 *Вместо* „жизнь ростовщика вдруг перервется“: жизнь ростовщика вдруг прервется

10 *Вместо* „смерть уже, казалось, носилась на устах его“: *а.* все вмещало в нем *б.* смерть уже касалась к устам его

12 *Вместо* „страшный взгляд“: страшный потухающий взгляд

15 *Вместо* „Опасаясь ежеминутно“: Опасаясь

16 *Вместо* „решился заняться окончательною отделкою глаз“: *а.* совершенно *б. как в тексте*

17 *Вместо* „потому что чувство в них изображавшееся“: потому чувство в них изображавшееся

19 *Вместо* „трудился он возле них“: трудился он около них

20 *Вместо* „схватил тот огонь“: *а.* схватил тот потухающий *б. как в тексте*

20 *Вместо* „который уже потухал“: который, казалось, уже потухал

21 *Вместо* „в его оригинале“: в оригинале

21 *Вместо* „он отошел немного подалее“: *а.* он встал *б.* отошел он немного подалее

22 *Вместо* „чтобы лучше рассмотреть ее“: *а.* чтобы лучше увидеть действие *б. как в тексте*

23 *Вместо* „отскочил от нее“: отступил еще далее от нее

25 *Вместо* „он швырнул палитру и краски“: *а.* он бросил, оставивши кр⟨аски⟩ *б.* он швырнувши палитру и краски

26 *Вместо* „почти полумертвое тело“: казалось уже полумертвое тело

28 *Вместо* „Отец мой клялся“: Отец клялся

29 *Вместо* „что не станет продолжать“: что не будет продолжать

29 *Вместо* „Тогда это ужасное существо“: *а.* Тогда ростовщик *б. как в тексте*

31 *Вместо* „собрало все свои силы“: собрало все силы свои

33 *Вместо* „полы его платья“: его полы

Стр. 435

33 *Вместо* „и умолял дорисовать портрет“: прося дорисовать его портрет

34 *Вместо* „Но отец был неумолим“: Дед⟨?⟩ мой был неумолим

34 *Вместо* „дивился только силе его воли, перемогшей самое приближение смерти“: дивился только силе его воли, которая ⟨*1 нрзб*⟩ столько собрать сил, чтобы пересилить напор смерти

36 *Вместо* „из-под кровати“: из кровати

Стр. 436

1 *Вместо* „видя и тут его“: видя его

3 *Вместо* „из его молчаливых дотоле уст“: из его молчаливых доселе уст

6 *Вместо* „говорил с выражением отчаяния“: *а.* говорил это *б. как в тексте*

8 *Вместо* „прекрасною женою“: *а.* твоею *б. как в тексте*

9 *Вместо* „кончи портрет“: окончи портрет

9 *Вместо* „еще один час только посиди“: *а.* еще минуту *б.* еще один часок *в.* еще только один час посиди

11 *Вместо* „бледность начала сильнее проступать“: *а.* бледность начала живее *б. как в тексте*

12 *Вместо* „никому не объявляй“: никому не дов⟨еряй?⟩, ⟨не⟩ объявляй

13 *Вместо* „все вы будете“: все будете

14 *Вместо* „если ты теперь не сжалишься“: *а.* ста⟨нешь⟩ *б.* если ты и теперь не сжалишься

15 *Вместо* „больше не стану просить“: больше не буду просить

15 *Вместо* „я должен итти к тому“: я должен итти

16 *Вместо* „Там я должен“: так как я должен

19 *Вместо* „если ты только докончишь“: если ты докончишь

20 *Вместо* „перейдет в мой портрет“: перейдет неприметно в мой портрет

21 „если только он будет сделан искусным живописцем“ *нет*

22 *Вместо* „Ты видишь, что уже в глазах“: *а.* Ты ув⟨идишь?⟩ *б.* Ты видишь уже в глазах

23 *Вместо* „когда ты докончишь“: *а.* как ты *б. как в тексте*

23 *Вместо* „И хотя тело ~ от мук“: И хотя тела моего не будет[1], но[2] половина жизни моей будет на земле и я[3] долго еще избегну от мук

27 *Вместо* „Ужас еще более овладел моим отцом“: Невольный ужас овладел отцом моим

28 *Вместо* „от этой ужасной тайны“: *а.* от ст⟨раха?⟩ *б. как в тексте*

---

[1] *Далее было:* на земле [2] *Далее было:* я буду жить [3] *Далее было:* не буду мучиться

Стр. 436

30 *Вместо* „тронутый его мольбами“: тронутый страшными мольбами

31 *Вместо* „Петромихали“: Пердомихали

33 *Вместо* „что-то вроде страшного смеха“: что-то вроде смеха

33 *Вместо* „выразилось на устах его“: выразилось на устах

34 *Вместо* „блеснула в его чертах“: блеснула в чертах его

36 *Вместо* „Отец не хотел притронуться“: *а.* Отец мой не хотел[1] оставить *б.* Отец мой не хотел притронуться

36 *Вместо* „рисовавшим эти богоотступные черты“: которые рисовали эти богоотступные черты

Стр. 437

1 *Вместо* „Чтобы развлечь неприятные мысли, нанесенные этим происшествием“: Чтобы развлечь эти неприятные мысли

2 *Вместо* „он долго ходил по городу“: отец мой долго ходил по городу

3 *Вместо* „в мастерской его“: в мастерской

4 *Вместо* „писанный им портрет“: *а.* рисованный *б. как в тексте*

5 *Вместо* „прислуживавшей на кухне“: которая за ними ухаживала

6 *Вместо* „никто не приносил портрета“: *а.* никто не был в *б. как в тексте*

7 *Вместо* „во время его отсутствия“: в его отсутствие

8 *Вместо* „Он приблизился“: *а.* Приблизившись *б. как в тексте*

11 *Вместо* „но при всем том чувствовал какую-то странную тягость“: *а.* но с этого времени *б.* однакож при всем том чувствовал какую-то странную тягость

12 *Вместо* „присутствие таких мыслей, которых сам пугался“: чувствовал присутствие таких мыслей, что сам даже пугался их

13 *Вместо* „более всего поразило его“: более всего поразило

14 *Вместо* „он лег в постелю“: он лег в постель

16 *Вместо* „Петромихали“: образ Мавромихала

17 *Вместо* „глядел он на него“: глядел на него

17 *Вместо* „своими живыми глазами“: ужасными своими глазами

20 *Вместо* „проникнутый холодным потом“: *а.* проникнутый потом *б. как в тексте*

22 *Вместо* „самым пламенным негодованием“: пламенным негодованием

23 *Вместо* „Петромихали“: грека

23 *Вместо* „ушло в раму“: ушло в рамы

25 *Вместо* „в тот же день“: на другой же день

30 *Вместо* „И когда начала она улетать“: Когда и она начала улетать

32 *Вместо* „улетел вместе с нею“: *а.* образов⟨ался?⟩ *б. как в тексте*

---

[1] не мог оставить

Стр. 437

33 *Вместо* „Он почувствовал“: Отец почувствовал

34 *Вместо* „от продолжительной болезни“: от болезни

34 *Вместо* „оборотился он“: он обратился

35 *Вместо* „писанный им образ“: им писанный образ[1]

36 *Вместо* „принесть чистое покаяние“: *а.* принесть покаяние *б. как в тексте*

37 *Вместо* „стоял ~ глаза“: стоял тот же[2] самый им писанный портрет Мавромихала,[3] которого глаза

Стр. 438

2 *Вместо* „дети испустили“: *а.* дети разом *б. как в тексте*

2 *Вместо* „Это чрезвычайно поразило“: Это очень поразило

3 *Вместо* „моего отца“: отца моего

3 *Вместо* „Он решился открыться“: Он не знал на что решиться и решился открыться

4 *Вместо* „просить у него совета“: просить его совета

5 „как поступить в этом необыкновенном деле“ *нет*

5 *Вместо* „Священник был рассудительный человек“: Этот священник был рассудительный

6 *Вместо* „кроме того ~ должности“: кроме того с какою-то трогательною любовью преданный своей священной[4] должности

8 *Вместо* „как достойнейшего прихожанина“: как достойнейшего его прихожанина

9 *Вместо* „Отец не считал“: Он не считал

10 *Вместо* „отводить его в сторону“: *а.* говорить *б. как в тексте*

12 *Вместо* „произнес он первое слово“: *а.* сказал он *б.* произнес первое слово

13 *Вместо* „Лицо ее покрылось“: *а.* Губы *б. как в тексте*

15 *Вместо* „все черты ее исковеркались“: всё прекрасное лицо ее исковеркалось

16 *Вместо* „с ужасом увидели“: увидели с ужасом

17 *Вместо* „что она нечаянно“: ⟨что⟩ мать моя нечаянно

17 *Вместо* „проглотила десяток иголок“: *а.* проглотила целу⟨ю⟩ бум⟨ажку?⟩ *б.* проглотила целый десяток иголок

18 *Вместо* „Пришедший доктор“: *а.* Ско⟨ро⟩ *б. как в тексте*

18 *Вместо* „это было неизлечимо“: это неизлечимо

20 *Вместо* „во внутренность“: во внутренности

23 *Вместо* „С этого времени какая-то мрачность“: Какая-то мрачность

24 *Вместо* „Редко он чем-нибудь занимался“: Мысли его редко чем-нибудь занимались

---

[1] *Далее было:* девы и начал молиться [2] уж⟨асный⟩ [3] *Далее было:* получивший такую живо⟨сть⟩ [4] великой

Стр 438.

24 *Вместо* „всегда почти оставался“: он всегда оставался

27 *Вместо* „стал преследовать его неотлучнее“: стал неотлучно преследовать его

27 *Вместо* „отец мой чувствовал прилив“: *а.* отец мой чувствовал привал *б. как в тексте*

28 *Вместо* „мыслей, которых невольно содрогался сам“: *а.* мыслей, что невольно *б.* мыслей, от которых невольно содрогался сам

29 *Вместо* „что улегается ~ истребляется“: что улегается или⟨?⟩[1] в человеке истребляется

32 *Вместо* „он чувствовал возмущавшимся“: он чувствовал в себе возмущавшимся

34 *Вместо* „во всем своем порочном“: во всем порочном своем

35 *Вместо* „чтобы заставить его ухватиться“: чтобы воспитать и ухватиться

Стр. 439

1 *Вместо* „власть ~ была непостижима“: власть, которую он принимал⟨?⟩ над собою и над страстями непостижима

3 *Вместо* „рвался противуставить ему“: рвался противопоставить

5 *Вместо* „он решился излить“: он решился во что бы ни стало излить

6 *Вместо* „обнажить всего себя“: *а.* обнажить все свои *б. как в тексте*

6 *Вместо* „в изображении всей повести“: *а.* представителю *б. как в тексте*

7 *Вместо* „тому же священнику“: тому же священнику, ревностному блюстителю веры

7 *Вместо* „доставлял ему исцеление“: доставлял ему целение

9 *Вместо* „Это было в начале осени“: *а.* Это было в начале, я так⟨?⟩ помню этот день, он *б.* Это было в начале, я помню этот день

9 *Вместо* „был прекрасный“: был прекрасен

11 *Вместо* „с достойным священником“: с добрым⟨?⟩ священником

14 *Вместо* „антресоли нашего маленького дома“: *а.* антресоли это⟨го⟩ *б.* антресоли нашего дома

15 *Вместо* „Дверь в мастерской“: *а.* Мастерская *б. как в тексте*

16 *Вместо* „нечаянно заглянул“: невольно заглянул

16 *Вместо* „увидел, что отец мой“: и увидел, что отец мой

17 *Вместо* „и услышал даже, как он сказал ему“: и сказал ему тихо, но с твердостью

19 *Вместо* „крик заставил“: крик и стук заставил

20 *Вместо* „я никогда не могу“: *а.* что *б. как в тексте*

22 *Вместо* „он, верно, как-нибудь“: *а.* он как-то *б. как в тексте*

---

[1] *Далее было:* покор⟨яется?⟩

Стр. 439

23 *Вместо* „перегнулся через окошко и упал без сомнения“: перегнулся и грянулся на мостовую,[1] упал и без сомнения

24 *Вместо* „она вся была размозжена“: она была вся размозжена

27 *Вместо* „был проникнут страхом“: был проникнут ужасом

29 *Вместо* „требовал от отца“: *а.* требовал чтобы *б. как в тексте*

30 *Вместо* „эту ужасную тайну“: эту страшную тайну

31 *Вместо* „После этого“: Скоро после этого

33 „окруженного пустыней“ *нет*

34 *Вместо* „бедный север“: бледный север

34 *Вместо* „уже представлял“: у нас⟨?⟩ представлял

35 *Вместо* „сан монашеский“: обряд монашеский

36 *Вместо* „с такою покорностью и смирением“: с таким же желанием и волею

Стр. 440

2 *Вместо* „повидимому преступное не имело воли“: *а.* казалось бы *б.* повидимому ничто преступное не имело воли

4 *Вместо* „преследовал его“: *а.* стоял пе⟨ред?⟩ *б. как в тексте*

8 *Вместо* „трудился он“: *а.* сидел *б. как в тексте*

9 *Вместо* „в глубоком размышлении“: *а.* готовился *б. как в тексте*

9 *Вместо* „уединении души“: умилении души

10 *Вместо* „приуготовлялся он“: приготовлялся он

10 *Вместо* „Неотлучно проводил ночи“: и неотлучно проводил ночи

11 *Вместо* „и оттого может быть ~ чувств и мыслей“: *а.* и оттого редко вы найдете произведений даже древних значительных художников, на которых *б.* значительных художников, которые носили бы на себе печать таких христианских чувств и мыслей

14 *Вместо* „В его праведниках было такое небесное спокойствие“: В его праведниках такое было небесное спокойствие

15 *Вместо* „в его кающихся“: в его кающихся грешниках

17 *Вместо* „известных художников“: замечательных художников

18 *Вместо* „все мысли и желание его“: *а.* все его *б.* все мысли и желания

21 *Вместо* „и с таким забвением“: с таким забвением

22 *Вместо* „и всего мира“: всего мира

22 *Вместо* „часть спокойствия“: *а.* спокойст⟨вие⟩ *б. как в тексте*

22 *Вместо* „разлитого его кистью“: разлитого кистью

27 *Вместо* „воспитание мое в корпусе окончилось“: воспитание мое в корпусе кончилось

28 *Вместо* „но к величайшему сожалению“: но ⟨к⟩ величайшему моему сожалению

29 *Вместо* „не позволили мне“: мне не позволили

---

[1] *Далее было:* *а.* голова его была *б.* удар без сомнения

Стр. 440

31 *Вместо* „объявленной войны турками“: объявленной турками войны

31 *Вместо* „Не буду надоедать вам“: *а.* Я не стал *б.* Я не буду ничего говорить вам о моей жизни *в.* Я не буду надоедать

33 *Вместо* „среди походов, бивак и жарких схваток“: *а.* среди походов и трудностей *б.* среди походов, бивак и жарких сражений

33 *Вместо* „довольно сказать ~ климат“: довольно[1] сказать, что трудности походов[2] и жаркий климат

35 *Вместо* „так что знавшие меня прежде не узнавали вовсе“: *а.* так что знавшие меня ⟨*1 нрзб*⟩ прапорщиком никак не могли бы узнать меня за почерневшее лицо с *б.* знавшие меня тотчас по выпуске не могли ⟨*2 нрзб*⟩ узнать[3] в тогдашнем

35 *Вместо* „огромные усы и хриплый крикливый голос“: огромные усы, изменившиеся черты и голос

37 *Вместо* „придали мне совершенно другую физиогномию“: всё придало мне совсем другую физиогномию

Стр. 441

1 *Вместо* „Я был весельчак, не думал о завтрашнем“: *а.* По окончании войны *б.* Я был всегда весельчак, мало думал о завтрашнем

2 *Вместо* „с смазливенькими девчонками“: *а.* с молодыми таки⟨ми⟩ *б. как в тексте*

3 *Вместо* „отпустить спроста глупость“: отпустить спроста, иногда и свысока, глупость

4 *Вместо* „как только окончилась кампания“: *а.* по окончании войны *б. как в тексте*

5 *Вместо* „навестить отца“: навестить моего отца

6 *Вместо* „подъехал я“: я подъехал

7 *Вместо* „прежде я никогда не испытывал“: я прежде никогда не испытывал

8 *Вместо* „я чувствовал“: я видел

8 *Вместо* „что я еще связан с одним существом, что есть что-то неполное“: что я связан с одним существом и что есть что-то неполное

11 *Вместо* „пиитическое забвение ~ моим мыслям“: поэтическое забвение всего и странное[4] неопределенное направление мыслей

13 *Вместо* „мы чувствуем в глубокую осень“: *а.* мы чувствуем когда обнесено и обнажено *б.* мы чувствуем грустно *в.* мы чувствуем пу⟨стынно?⟩ *г.* мы чувствуем осенью *д. как в тексте*

14 *Вместо* „ни листа ~ редкою сетью“: ни листа, черные ветви[5] так сквозят

---

[1] довольно вам [2] что трудности войны [3] не могли совершенно узнать [4] *Далее было:* устр⟨емление⟩ [5] тонкие ветви

Стр. 441

16 *Вместо* „в далекой вышине, и мы невольно ускоряем“: *а.* в далекой вышине и закутавшись *б.* в далекой вышине и невольно ускоряем

17 *Вместо* „стараясь собрать рассеявшиеся мысли“: желая собрать рассеевающиеся мысли

18 *Вместо* „каменное строение“: каменное здание

19 *Вместо* „местами прогнившие“: *а.* местами согн⟨ившие?⟩ *б. как в тексте*

20 *Вместо* „находившиеся вокруг келий“: идущие вокруг келий

24 *Вместо* „на бледном изнуренном лице“: *а.* на лице напи⟨сано?⟩ *б.* на бледном изнуренном ⟨от⟩ тягостных трудов лице *в. как в тексте*

25 *Вместо* „не присутствовало, казалось, ни одной черты, ни одной мысли о земном“: казалось, ни одной черты, ни одной мысли не присутствовало о земном

28 *Вместо* „проникнутый нездешним огнем вид“: проникнутый напряженным свет⟨ом? вид⟩

29 *Вместо* „в минуту“: в минуты

31 *Вместо* „на которое перенесла его рука художника“: на которое перенесла его идея⟨?⟩ художника

32 *Вместо* „вовсе не заметил“: *а.* вовсе не видел *б. как в тексте*

33 *Вместо* „я вошел к нему“: я предстал ему

34 *Вместо* „Я не хотел еще открыться“: Я не хотел еще открываться

35 *Вместо* „как путешествующий молельщик“: *а.* заехавший на *б.* как заезжий молельщик

36 *Вместо* „Здравствуй, сын мой, Леон!“: Здравствуй, сын мой

37 *Вместо* „я десяти лет еще расстался“: я десяти лет расстался

Стр. 442

1 *Вместо* „меня не узнавали“: не узнавали

2 *Вместо* „меня видели не так давно“: *а.* видели меня не больше⟨?⟩ как за *б.* меня видели назад четыре года

2 *Вместо* „ты ко мне прибудешь! продолжал он“: *а.* ты пр⟨ибудешь⟩ *б.* ты будешь ко мне

4 *Вместо* „св. угодника“: угодника

7 *Вместо* „Мы вошли“: Мы вышли

9 *Вместо* „Я был поражен глубоким выражением божественности в ее лице“: Я никогда не видел такого[1] глубокого неб⟨есного лица⟩

10 „Долго лежал он ~ вместе со мною“ *нет*

13 *Вместо* „рассказал мне всё то“: *а.* рассказал мне эту самую *б. как в тексте*

14 *Вместо* „В истину его я верил“: В истину[2] всего этого я верил

---

[1] такого бож⟨ественного?⟩ [2] В истину это⟨го⟩

Стр. 442

16 *Вместо* „Теперь ~ прибавил он“: *а.* Слушай сын *б.* Теперь прибавил

17 *Вместо* „после этой истории; то“: *а.* после этого отец *б.* после этого, сын мой, к тому

18 *Вместо* „святой, не узнанный среди многолюдного народа никем“: *а.* святой среди *б.* святой, не узнанный никем среди многолюдной толпы

19 *Вместо* „кроме меня“: *а.* кроме меня грешного *б. как в тексте*

19 *Вместо* „сподобил такой неизглаголанной своей благости“: сподобил быть ясновидящим зрителем [1]

23 *Вместо* „Вы не должны ~ он находился“: Но прежде я должен предуведомить, что отец мой, как я увидел, находился

25 *Вместо* „в том состоянии души“: *а.* в том бес⟨покойном?⟩ *б. как в тексте*

26 *Вместо* „сильные, нестерпимые несчастия“: сильные [2] невыносимые [3] несчастия

28 *Вместо* „не находя ее довольно мощною“: *а.* не находя необ⟨ходимо?⟩ *б. как в тексте*

31 *Вместо* „как к желанной пристани причалил“: *а.* пристал *б.* как к желанной пристани пристал

32 *Вместо* „с желанием отдохнуть от жизни и с христианским смирением“: *а.* движ⟨имый?⟩ *б.* ⟨*2 нрзб*⟩ чтобы отдохнуть от бурь жизни и с тихим христианским смирением

34 *Вместо* „он стал ближе“: он уже стал ближе

Стр. 443

1 *Вместо* „Его голова вечно наполнена“: Его голова вечно исполнена

2 *Вместо* „Он видит на каждом шагу видения и слышит откровения“: Он бесконечно⟨?⟩ видит и слышит на каждом шагу видения и откровения

3 *Вместо* „не видит ничего, принадлежащего земле“: не видит ничего земного

4 *Вместо* „следствия ~ исполнены энтузиазма“: следствия [4] вечно напряженного энтузиазма

6 *Вместо* „заметил в нем это состояние и упоминаю о нем потому“: заметил такое его расположение и говорю об ⟨этом⟩ для того

7 *Вместо* „не казались слишком удивительными те речи“: не казались удивительными те речи

9 *Вместо* „устремления глаз своих“: устремления очей своих

10 *Вместо* „скоро приблизится то время“: скоро приближается то время

---

[1] *Далее было*: послан⟨ным?⟩ [2] ужасные [3] невыразимые [4] следствия исп⟨олненные?⟩

Стр. 443

11 *Вместо* „искуситель рода человеческого“: великий искуситель рода человеческого

11 *Вместо* „народится в мир“: народится в мире

12 *Вместо* „Ужасно будет это время“: Ужасное, ужасное будет это время

13 *Вместо* „Он промчится на коне-гиганте“: Он [проедет] в последний раз, промчится по миру на [белом] коне-гиганте

13 *Вместо* „потерпят муки те, которые“: *потерпят муки все те,* которые

14 *Вместо* „останутся верными Христу“: *а* лю⟨бят?⟩ *б.* останутся верны Христу

15 *Вместо* „хочет народиться ~ должен“: *а.* народиться этот антихрист, в мире, но его уд⟨ерживает?⟩ *б.* народиться этот антихрист, но он не в силах еще народиться, потому[1] что должен

17 *Вместо* „всё устроено“: *а.* всё так *б. как в тексте*

18 *Вместо* „совершается всё в естественном порядке“: совершается в естественном порядке

18 *Вместо* „потому ему никакие силы“: *а.* потому ему очень *б. как в тексте*

20 *Вместо* „Но земля наша прах“: *а.* Но земля наша по муд⟨рости⟩ природы⟨?⟩ *б. как в тексте*

22 *Вместо* „от того границы, удерживающие сверхъестественное, приступнее“: от того границы, удерживающие его, приступнее

24 *Вместо* „но только некоторая часть его порывается“: но не весь, только некоторая часть его порывается[2]

25 *Вместо* „Он избирает для себя жилищем“: *а.* Он для себя избирает ⟨*1 нрзб*⟩ *б.* Он избирает для себя ⟨*1 нрзб*⟩ жилищем

28 *Вместо* „что есть создание творца“: что только есть создание благости[3] всевышнего[4]

29 *Вместо* „Таков-то был тот дивный ростовщик“: Таков-то был и тот дивный ростовщик[5]

30 *Вместо* „преступною своею кистью“: преступною своею рукою

31 *Вместо* „моя преступная рука“: моя преступная кисть

32 *Вместо* „он бы удалился и исчезнул“: *а.* он бы должен *б.* он бы удалился и исчезнул, в который удалось попасть⟨?⟩

33 *Вместо* „что не мог жить долее“: что он не может жить долее

34 *Вместо* „В этих отвратительных живых глазах“: Да, сын мой, в этих отвратительных живых глазах[6]

35 *Вместо* „Дивись, сын мой“: *а.* И поя⟨вляется?⟩ *б.* только побудет этот портрет *в.* Дивись сын

---

[1] *Далее было:* что он не мо⟨жет⟩ [2] стремит⟨ся⟩ [3] создание руки⟨?⟩ [4] *Далее было:* кот⟨орый⟩ [5] страш⟨ный⟩ ростовщик [6] в этих глазах

Стр. 444

1 *Вместо* „жертвы этого адского духа“: жертвы этого адского дивного духа

2 *Вместо* „живущего невидимо без образа“: *а.* живущего без образа *б. как в тексте*

3 *Вместо* „который врывается ~ святых помышлений“: который врывается в минуту даже самых чистых и святых помышлений

4 *Вместо* „О если бы моя кисть ~ наделал зла“: И моя преступная кисть продлила его мерзкое существование. Но еще более нанес бы он бедствий, если бы она докончила свою адскую работу. И это кому только ни попадется[1] в мире этот портрет, тот уже простится на веки с миром души своей, всё что только скрывалось когда или было⟨?⟩ порочное на дне души его, всё то вдруг станет рости и разростется так, что заглушит и пересилит всё благое в человеческой душе

9 *Вместо* „что мне открыла ~ божия матерь“: что мне в час святого от⟨кровения⟩ открыла сама божия матерь, представ мне возле в самое ⟨*1 нрэб*⟩

11 *Вместо* „слезы покаяния“: слезы раскаяния

11 *Вместо* „о моей протекшей жизни“: о моей жизни

13 *Вместо* „божественные черты ее“: божественные черты его

13 *Вместо* „я был посещен“: я был прон⟨икнут⟩

14 *Вместо* „я чувствовал, что высшая сила осенила меня“: и это было неизъяснимое вдохновение, я чувствовал, что сама высшая сила слилась с ним

16 *Вместо* „я чувствовал ~ душа вся трепетала“: волоса поднялись на мне и душа [до дна] вся треп⟨етала⟩

17 *Вместо* „за эту минуту я бы тысячи взял“: за эту жизнь высокую, ⟨что⟩ я провел в эту минуту вдохн⟨овения⟩ нет мук, каких бы я не захотел взять на себя

18 *Вместо* „И я сам дивился“: *а.* и почти *б. как в тексте*

19 *Вместо* „Тогда же предстал мне ~ моих трудов“: Тогда же во сне предстал мне пречистый лик девы и святой угодник, котор⟨ых⟩ ты видел во храме и я знал, что в награду моих безъим⟨янных?⟩ трудов[2]

23 *Вместо* „по истечении пятидесяти лет“: *а.* после *б. как в тексте*

24 *Вместо* „рассеется яко прах“: рассеется как прах

25 *Вместо* „тебе передать это“: *а.* тебе об эт⟨ом⟩ *б. как в тексте*

25 *Вместо* „Уже тридцать лет, как он с того времени живет“: Уже тридцать лет протекло⟨?⟩ времени, как он живет

28 *Вместо* „я внутренно все эти слова приписывал распаленному его воображению, воздвигнутому беспрестанным постом“: *а.* я внутренно отвергал с каким-то насмешливым⟨?⟩ *б.* я внутренно

---

[1] кому только будет ⟨*1нрэб*⟩ этот [2] гре⟨шных⟩ трудов

Стр. 444

отвергал все эти слова, приписывая их распаленному его воображению, возбужденному ⟨?⟩ беспрестанным постом

31 *Вместо* „не хотел ~ соображения“: *а.* не хотел возражать, *б.* хотел отвечать⟨?⟩ благоговейно⟨?⟩, не делать какого-нибудь своего замечания

33 *Вместо* „иссохшие свои руки“: *а.* свои *б.* иссохшие руки

34 *Вместо* „молчал он“: *а.* молился *б. как в тексте*

34 *Вместо* „с каким невыразимым умилением“: *а.* когда я увидел *б. как в тексте*

37 „с какою пламенною скорбию простерся он“ *нет*

Стр. 445

2 *Вместо* „во всех чертах его выразилось“: *а.* во всех чертах его с какою пламенною скорбью *б. как в тексте*

3 *Вместо* „тогда я не в силах“: *а.* тогда я сам *б. как в тексте*

4 *Вместо* „разбирать слова его“: разобрать слова

6 *Вместо* „никогда не мог“: *а.* не знал *б. как в тексте*

7 *Вместо* „но только ~ удерживавшее меня от этого“: но я чувствовал,[1] что меня всегда как будто что-то удерживало от того

8 *Вместо* „Сегодня без всякой цели зашел я“: *а.* Теп⟨ерь⟩ *б.* Сегодня без всякой почти цели случайно зашел я

9 *Вместо* „рассказал историю“: *а.* рассказал всю *б. как в тексте*

11 *Вместо* „не сегодня ли то новолуние“: что только⟨?⟩[2] сегодня новолуние

12 *Вместо* „действительно с того времени прошло уже 20 лет“: сегодня действительно прошло с того времени двадцать лет

14 *Вместо* „слушатели, внимавшие ему“: слушатели его, внимавшие ему

16 *Вместо* „к удивлению своему заметили“: к удивлению своему увидели

19 *Вместо* „черты странного изображения ~ дыхание“: сами черты странного изображения начали исчезать так же, как исчезает дыхание

21 *Вместо* „Что-то мутное осталось“: *а.* Что-то низкое *б.* Что-то тусклое⟨?⟩ осталось

23 *Вместо* „посетители, уже уходя, долго недоумевали“: *а.* посидетели *б.* посетители в недоумении думали [о том], во всё время дороги своей

24 *Вместо* „действительно ли они видели ~ глазам“: действительно ли они видели таинственный портрет или это было[3] в мечта⟨х⟩ и представилось[4] мгновенно глазам

---

[1] всегда чувствовал [2] что только ⟨?⟩ теперь [3] или пускай только [4] и представилось утружденным

КОММЕНТАРИИ

ВВЕДЕНИЕ

Семь повестей, образующих основное содержание данного тома: „Невский проспект“, „Нос“, „Портрет“, „Шинель“, „Коляска“, „Записки сумасшедшего“, „Рим“, объединил и расположил в указанной последовательности сам Гоголь — в третьем томе своего первого собрания сочинений (1842 г.), придав им, таким образом, тот же характер цикла, что „Вечерам“ и „Миргороду“. И в самом деле, семь перечисленных повестей цикличны как с точки зрения жанрово-тематической, так и в хронологическом отношении, по времени и обстоятельствам своего возникновения.

Из семи повестей, включенных в третий том, три („Невский проспект“, „Портрет“ и „Записки сумасшедшего“) были ранее напечатаны в „Арабесках“ 1835 г.; две — в пушкинском „Современнике“ 1836 г. („Нос“ и „Коляска“). По сравнению с „Арабесками“ „Портрет“ заменен был новой редакцией, незадолго до выхода в свет собрания сочинений напечатанной в „Современнике“ 1842, кн. 3; „Рим“ был впервые напечатан в „Москвитянине“ 1842, № 3; „Шинель“ в третьем томе появилась впервые.

„Невский проспект“, „Портрет“ (первая редакция) и „Записки сумасшедшего“ попали в „Арабески“ со страниц одной и той же рукописной тетради, именно — второй аксаковской тетради (PA_2, согласно номенклатуре Тихонравова), ныне принадлежащей Публичной библиотеке СССР им. В. И. Ленина; здесь эта тетрадь обозначается PM_4. С нее-то и начинается литературная история интересующего нас цикла. Из содержания этой тетради[1] видно, что „Портрет“, непосредственно пред-

[1] Описание ее, сделанное В. И. Шенроком (см. Соч. Гоголя, 10 изд., VII, стр. 900—905), мало удовлетворительно: гоголевские записи часто не отличаются от не-гоголевских, в цитатах ряд ошибочных чтений и т. п.

варяя началом своим весь текст „Невского проспекта“, начат, во всяком случае, раньше, чем последний: мало вероятно, чтобы такая большая повесть, как „Портрет“, была начата за две страницы перед вписанной в тетрадь другой повестью. Очевидно, начав одну повесть („Портрет“), Гоголь на второй же странице ее оставил и приступил к другой („Невскому проспекту“). Начало „Портрета“ близко к началу „Невского проспекта“ не только по месту в тетради, но и по времени: это доказывается полной тожественностью чернил и почерка (основного) там и тут.

Прерванная на стр. 50-ой работа над первой повестью („Портретом“) возобновлена была и закончена на стр. 165—172 и 182—199; отсутствие сколько-нибудь длительных перерывов в этом периоде работы доказывается, кроме тожественности чернил и почерка, еще тем, что переход со стр. 172-ой на стр. 182-ую несомненно обусловлен был, при непрерывности текста, чисто внешней причиной: десять промежуточных страниц уже были заполнены более ранними записями, частью гоголевскими („Гетьманом“), частью не-гоголевскими.

К прерванной работе над „Портретом“ Гоголь вернулся еще до того, как „Невский проспект“ был закончен. Вглядываясь в текст „Невского проспекта“, нетрудно заметить, что весь заключительный эпизод с Пироговым (начиная со слов на стр. 64-ой: „Мы, кажется, оставили поручика Пирогова“, ср. выше факсимиле), как и эпилог, по сравнению с предшествующей историей Пискарева-Палитрина, вписаны другим (или вновь очиненным) пером; тут и мог, следовательно, быть какой-то перерыв в работе; что он, действительно, был, доказывает одна многознаменательная описка: на стр. 66-й Пирогов назван *Чертковым* („Черткову очень неприятно было“), один лишь раз, с переходом в смежной же фразе снова к нигде больше не варьирующейся настоящей фамилии; этим доказывается неумышленный характер замены. А в таком случае та часть второй повести („Невского проспекта“), где эта ошибка допущена, была вписана в тетрадь позже той части первой повести („Портрета“), где герой ее впервые и получил имя Черткова. Но герой „Портрета“, — Корчев, Коблин, Коблев, Копьев в начале рукописного текста,— впервые назван Чертковым лишь на стр. 182-ой, оставаясь затем с этим именем до конца. Ясно, что возобновление и завершение работы над „Портретом“ предшествовало окончанию „Невского проспекта“. Доведя вторую свою повесть до развязки эпизода с Палитриным-Пискаревым (стр. 64) и прежде чем перейти к комическому его антиподу (Пирогову), Гоголь вернулся к трагической судьбе другого своего героя-художника и, назвав его теперь Чертковым, всю первую повесть довел до конца (стр. 165—172, 182—199). Лишь после этого он снова обратился ко второй повести, с окончанием которой (стр. 64—70) и кончена была вся вообще перемежающаяся эта работа над двумя повестями сразу.

Конец этой работы в целом, поскольку на него приходится эпило. „Невского проспекта“, датируется упоминаниями в нем „лютеранской

Отрывок повести „Портрет“ между набросками статей: „Несколько слов о Пушкине“ и „Скульптура, живопись и музыка“.

Рукопись Публичной библиотеки им. В. И. Ленина (Москва), л. 64.

кирки"[1] и вождя французской республиканской партии Лафайета: упоминание о „главной ошибке" Лафайета (умершего в мае 1834 г., тотчас после подавления в Лионе восстания рабочих против признанной им июльской монархии) могло быть сделано не ранее мая 1834 г. В августе того же года был составлен перечень содержания „Арабесок", куда включен и „Невский проспект".[2] Следовательно, эпилог „Невского проспекта", а вместе с ним и обе повести в целом, были завершены между маем и августом 1834 г.

Труднее установить дату начала работы. Данные творческой истории „Портрета" не позволяют отодвигать его далее 1833 года назад (см. комментарий к „Портрету"). Последовательность текстов в тетради указывает, что „Портрет" был начат в ней (стр. 49—50) после окончания „Скульптуры, живописи и музыки" на предыдущей стр. 48-ой, а это, в свою очередь, произошло по окончании статьи о Пушкине (стр. 47—48). Оказывается, что статья, датированная в „Арабесках" 1831-м годом („Скульптура, живопись и музыка"), написана позже, чем статья, датированная там же 1832-м годом („Несколько слов о Пушкине"). Это дает право отказаться от обеих дат, признав их, подобно гоголевским датам под статьями „Жизнь" и „Об архитектуре", вымышленными, самые же статьи, судя по почерку, отнести, по крайней мере, к 1833-му г. Тогда к этому же году (к концу) надо будет, в самом деле, отнести и первые страницы „Портрета", поправки к которым (на стр. 48-ой) вписаны между строками „Скульптуры". Не раньше как к концу 1833 г. относим начало „Портрета" еще и потому, что весь текст обеих повестей, судя по почерку, писался без больших перерывов и, следовательно, не так уж долго: вероятно, не больше полугода.

Наконец, третья повесть („Записки сумасшедшего") вписана в ту же тетрадь PM_4 в сентябре-октябре 1834 г. (см. комментарий).

Три повести из „Арабесок" одинаково выдержаны в новом для Гоголя городском колорите, все они — *петербургские* в самом точном смысле этого слова. Петербургская улица служит местом действия не только в „Невском проспекте": подобно Пискареву, и Чарткова подстерегает судьба на улице,— „Портрет" тоже начат уличной сценой; с случайной встречи на Невском (с генеральской дочкой) начинается и неудачный роман Поприщина. Затем в каждой из трех повестей видна та же склонность к изображению не только типических лиц,

---

[1] Заложенной (по проекту Брюллова) в мае 1833 года и доступной поэтому суждениям „об ее архитектуре" не ранее 1834 г. См. Соч. Гоголя, 10 изд., V, стр. 586, 591.

[2] См. Соч. Гоголя, 10 изд., V, стр. 558.

а и целых социальных слоев или групп: это — и немцы-мастеровые с Мещанской в „Невском проспекте“, и „дробь и мелочь“ обитателей Коломны в „Портрете“, и „наш брат чиновник“ в „Записках сумасшедшего“. Да и фабула каждой из трех повестей одинаково коренится в социальном расслоении николаевского Петербурга. Ежедневной сменой — по часам дня — сословий охарактеризован Невский проспект в одноименной повести, эта „главная коммуникация Петербурга“, главный виновник гибели Пискарева; нужда городских подонков и соблазны коломенского ростовщика создают тот же фон для Чарткова; в атмосфере социального неравенства рождается, наконец, и безумная мечта „испанского короля“. Характерно, что судьбы всех трех героев оканчиваются безумием, а все три безумца — и Пискарев, и Чартков, и Поприщин — изображены „вне гражданства столицы“, которое или заведомо исключает их из своей среды как служителей ненужного ему искусства (Пискарев и Чартков до приобретения портрета), или губит, втягивая в свой омут (Чартков после приобретения портрета), или доводит, наконец, своим гнетом до бунта (Поприщин). Одинаково трагичен исход всех этих трех приключений. Одинаково присущ всем им трем еще один, в высшей степени характерный, признак — тема „столкновения мечты с существенностью“.

При таком единстве во всех трех повестях исходной художественной точки зрения не удивительна их родственность между собой и в смысле историко-литературной их биографии.

Повести размещены были в „Арабесках“ так: в первой части — „Портрет“, во второй — „Невский проспект“ (на третьем месте) и „Записки сумасшедшего“ (на последнем). Цензурное разрешение обеих частей датировано 10 ноября 1834 г. При прохождении через предварительную цензуру урезкам подвергся „Невский проспект“, что предвидел ознакомившийся с ним еще по рукописи Пушкин (ср. его письмо к Гоголю осенью 1834 г.). Перед выпуском книги цензура потребовала новых изменений, — на этот раз в „Записках сумасшедшего“, о чем сам Гоголь писал Пушкину в недатированном письме („Вышла вчера довольно неприятная зацепа по цензуре“ и т. д.). Вышли в свет „Арабески“ не позднее 22 января 1835 г., когда Гоголь извещал Максимовича о посылке ему их в Киев. Во всех критических отзывах, как бы враждебны Гоголю они ни были в целом, три петербургские повести служат критикам (Булгарину, Сенковскому) предлогом для сочувственных оговорок. Известная же статья Белинского („О русской повести и повестях Гоголя“) уделяет им всем трем большое внимание, наряду, правда, и вперемежку с повестями „Миргорода“, т. е. не выделяя особо как новый цикл.

Почти одновременно с тремя повестями для „Арабесок“ писался и „Нос“, близкий трем повестям „Арабесок“ своим петербургским колоритом; а борьба с Гофманом, начатая в „Невском проспекте“, тут доведена уже до пределов пародии (см. ниже комментарий). Отличает „Нос“

от трех основных повестей анекдотичность его сюжета. Зато как раз этот признак сближает с ним, а через него и с циклом вообще, несколько особняком стоящую „Коляску“.

Две последние повести из семи — „Шинель“ и „Рим“ — писались значительно позже предыдущих. Но замечательна и тут одновременность работы над ними (ср. ниже комментарий к этим повестям) с переработкой „Портрета“ и „Носа“. Вторые редакции этих двух ранних повестей создавались несомненно тогда же, когда писалась „Шинель“: этим, вероятно, и объясняются совпадения „Шинели“ с двумя эпизодами „Носа“ (о посещении героем частного пристава и о разглядывании в окне магазина картинки) и с одной мелкой, правда, но характерной деталью в „Портрете“ как раз второй редакции (в описании „черной лестницы“ Петровича и Чарткова). В „Шинели“ поэтому и приходится видеть синтез бытоописательных и обличительных тенденций предыдущих повестей. Что касается „Рима“, то и его нельзя совершенно обособить от петербургского цикла: историко-литературный анализ и в нем вскрывает, в виде первоосновы, романтическую новеллу о художнике, т. е. жанр, к которому принадлежат „Портрет“ и „Невский проспект“, не говоря уж о теме большого города, перекликающейся в „Риме“ с тем же „Невским проспектом“.

Весь цикл из семи повестей, частью в первоначальном издании, частью — в рукописях, передан был Прокоповичу (редактору первого издания Сочинений), видимо, самим Гоголем при заезде на несколько дней в Петербург, летом 1842 г., перед отправлением за границу. Через два дня после отъезда Гоголя (6 июня) Прокопович уже сообщал Шевыреву: „С будущей недели приступаю к печатанию сочинений Гоголя“; и указывал затем тут же: „в 3-м (томе) — повести“; а в следующем письме к Шевыреву же (от 6 августа) жаловался: „Беда мне... с рукописными сочинениями: в них, чего не разобрал и пропустил переписчик, так приятель наш (т. е. Гоголь) и оставил, а я должен пополнять по догадкам“ (см. Вас. Гиппиус. „Н. В. Гоголь в письмах и воспоминаниях“. М., 1931, стр. 249). — В числе этих „рукописных сочинений“, пополнявшихся Прокоповичем „по догадкам“, была, конечно, „Шинель“ (печатавшаяся впервые) и, вероятно, „Нос“ (в исправленной редакции печатавшийся тоже впервые). „Портрет“ в новой редакции перепечатывался из „Современника“ 1842 г., „Коляска“ — из „Современника“ 1836 г., „Рим“ — из „Москвитянина“ 1842 г., „Невский проспект“ и „Записки сумасшедшего“ — из „Арабесок“. Исправления, на которые Прокоповича уполномочил сам Гоголь (см. Письма, т. II. стр. 197), в третьем томе в общем немногочисленны, по качеству же не отличаются от его поправок в других томах (например, во втором, где печатался „Миргород“).

Прохождение через цензуру и на этот раз не обошлось без затруднений: как раз третий том чуть не навлек запрещение на всё издание

в целом. После предварительной цензуры в сентябре — декабре 1842 г., „новое издание сочинений Гоголя“, по словам цензуровавшего его Никитенко, „решено было напечатать“[1] (см. его „Записки и дневник“, I, СПб., 1905, стр. 332—333). Это свое решение цензурный комитет признал, однакоже, нужным пересмотреть перед самым выпуском отпечатанного издания в продажу, — так как был напуган арестом цензоров Никитенко и Куторги (см. об этом в статье М. И. Сухомлинова: „Появление в печати сочинений Гоголя“, в „Исследованиях и статьях“, т. II, стр. 319—320).

Критические отзывы о Сочинениях (вышли в свет в конце января 1843 г.) были немногочисленны: внимание критики было сосредоточено на незадолго перед тем вышедшем первом томе „Мертвых душ“. Да и дальнейшие отзывы Белинского о повестях петербургского цикла затрагивали их лишь вскользь (напр., в статье „Петербургская литература“).

Вторичному авторскому пересмотру текст петербургских повестей подвергся в 1851 г., когда подготовлялось второе издание Сочинений. Гоголевские корректурные поправки к третьему тому (того же состава, что в издании 1842 г.) использованы были лишь после смерти Гоголя, в первом посмертном издании его Сочинений под редакцией Трушковского (1855 г.). Правка Гоголя в 1851 г. оборвалась, по свидетельству Трушковского, в третьем томе „на тринадцатом листе“, т. е. на 316-ой его странице, оканчивающейся следующими словами „Записок сумасшедшего“: „Фарфоровой вызолоченной чаш⟨ки⟩“. Ни продолжение „Записок сумасшедшего“, ни „Рим“ Гоголем в 1851 г. прочитаны не были. В предшествующих же пяти повестях исправления 1851 г. не однородны: в „Невском проспекте“ и „Коляске“ они часто совпадают с рукописными вариантами повести и поэтому принадлежность их Гоголю — вне сомнения; в „Портрете“ же, например, мелочный — грамматический и даже орфографический — характер исправлений заставляет приписывать их скорее Шевыреву или М. Н. Лихонину, читавшим первые корректуры, до Гоголя. — См. Соч., 10 изд., т. I, стр. XIII.

В согласии с принципами настоящего издания, для каждой из семи повестей за основу взят текст первопечатный, как свободный от посторонних поправок, если только он не претерпел потом (как в „Портрете“ и в „Носе“) существенных редакционных изменений, — в последнем случае берется за основной опять-таки первопечатный текст окончательной редакции данной вещи. Поправки Прокоповича (из издания 1842 г.) в наш основной текст, как правило, не включаются, кроме лишь исправлений явных опечаток или описок. Поправки же из издания Трушковского, в контексте свободном от исправлений Прокоповича, и, вместе с тем, тожественные (или сходные) с соответствующим вари-

---

[1] Цензурное разрешение 3-го тома датировано 15-м сентября 1842 г. и подписано цензором А. Никитенко.

антом рукописи, вводятся в основной текст в тех случаях, когда соответствующее чтение первопечатного текста есть основание признать дефектным. Но и эти случаи — единичны. Равно и из рукописей то или иное чтение берется в основной текст лишь в исключительных случаях, когда явная описка или опечатка удержана, по недосмотру, во всех печатных текстах. Цензурные же купюры, напротив, как правило, восстанавливаются по рукописям. Если купюра сделана в набранном уже тексте (как в „Записках сумасшедшего") и легко восстанавливается по рукописи, где при этом сохранился одинаковый с печатным контекст,— купюра из рукописи переносится в текст прямо без изменений. Если же цензурный вычерк имел место до поступления рукописи в набор и заменен был в ней самим автором чем-то новым, с иным, чем в сохранившейся рукописи, контекстом (как в „Носе"), — рукописный вариант цензурного вычерка при восстановлении выверяется по принятой для него автором цензурной замене. Наконец, в тех случаях, где отличие печатного контекста от рукописного совершенно препятствует восстановлению цензурных пропусков (как в эпилоге „Шинели"), рукопись, хотя бы той же редакции, что и печатный текст, но свободная от цензурной правки, печатается особо, как „другая редакция".

Варианты к основному тексту из других авторизованных изданий и из рукописей, не печатающихся отдельно, собраны в разделе „Варианты". При этом опущены варианты чисто орфографические (типа „красный — красной") и две слишком часто встречающиеся (в изд. Прокоповича и Трушковского) стилистические поправки: „надо" вм. гоголевского „нужно" и „перед" вм. „пред".

Гораздо разнохарактернее, чем самые повести, печатающиеся вслед за ними „Отрывки". Только часть отрывков примыкает к повестям в качестве их первоначальных редакций. Таковы два отрывка из повести „Страшная рука", отрывки „Дождь был продолжительный" и „Семен Семенович Батюшек", представляющие из себя ранние наброски будущих „Невского проспекта", „Записок сумасшедшего" и „Коляски". Остальные же, при всей их фрагментарности, носят самостоятельный характер, т. е. фиксируют замыслы, которые начали было воплощаться, но потом были оставлены. Но и эти отрывки сильно, в свою очередь, отличаются друг от друга степенью завершенности: тут и рукописные наброски в несколько строк (об „одном чрезвычайно замечательном человеке" или „девицах Чабловых"); тут, с другой стороны, и вполне законченные главы, оставшиеся лишь без продолжения, в виде ли беловой рукописи („Ночи на вилле"), в виде ли появившегося в печати отрывка („Учитель"); или, наконец, в виде цикла как рукописных (беловых и черновых), так и печатных фрагментов одного и того же большого замысла („Гетьман"). Такие фрагменты от отрывков-набросков отличены тем, что печатаются перед ними. В отличие же от семи основных повестей, и те и другие расположены в порядке хронологическом, поскольку его

можно установить; исключение сделано только для отрывков к роману „Гетьман“, которые объединены вместе. Датой для романа в целом взят 1834 год, позже которого отрывки из „Гетьмана“ при жизни Гоголя в печати не появлялись.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ СПРАВКА

Ниже указаны работы, специально посвященные петербургским повестям как циклу или уделяющие этому циклу значительное место; библиография работ об отдельных повестях или замыслах (напр. „Гетьмана“) указана в конце соответствующих комментариев, как равно и современные Гоголю рецензии или критические статьи.

1. В И. Шенрок. „Материалы для биографии Гоголя“, т. II, М , 1893 г. главы: „Гоголь в период Арабесок и Миргорода“ и „Петербургские повести Гоголя“.
2. Н Котляревский. „Гоголь“, I изд., 1903; 4 изд., 1915; О повестях „Арабесок“ —глава VI.
3. Ad. Stender-Petersen. Gogol und die deutsche Romantik, „Euphorion“, B. 24, H, 3. Leipzig und Wien, 1922; о петербургских повестях — главы III, IV, V.
4. Василий Гиппиус. „Гоголь“, изд. „Мысль“, Л.,1924; о петербургских повестях — главы III, VI, VII и VIII.
5. И. Кубиков. „Гоголь и Петербург“, „Русский язык в советской школе“, М. 1929, кн. 2, стр. 5 — 23.
6. Л. П. Гроссман „Гоголь-урбанист“, „Н В. Гоголь. Повести“, Гослитиздат 1935. Вступительная статья.
7. М. Храпченко. „Н В. Гоголь“, ГИХЛ, М., 1936, о петербургских повестях — гл. III, IX.

НЕВСКИЙ ПРОСПЕКТ.

I.

ИСТОЧНИКИ ТЕКСТА.

а) Печатные

Ар — Арабески. Разные сочинения Н. Гоголя. Часть вторая. СПб., 1835.
П — Сочинения Николая Гоголя. Том третий. СПб., 1842.
Тр — Сочинения Гоголя. Том третий. 1855.

б) Рукописные

РМ$_4$ — Записная книга Гоголя, из числа принадлежавших Аксакову (*РА*$_2$). Публичная Библиотека СССР им. В. И. Ленина, № 3231, стр. 51—70.

В настоящем издании печатается по „Арабескам", с поправками по изданиям 1842 г. (*П*) и 1855 г. (*Тр*), а также (при восстановлении цензурных купюр) по рукописи (*РМ*$_4$), которая, кроме того, воспроизводится и полностью (в отделе „Другие редакции").

II.

Рукопись „Невского проспекта" (описание см. Соч. 10 изд., VII, стр. 903; „Отчет московского Публичного и Румянцевского музеев за 1896 год", стр. 16), сохранившаяся в *РМ*$_4$, занимает там стр. 51—70 включительно, между началом повести „Портрет" (стр. 49—50) и реестром тетрадей и пр. на стр. 71.

Текст рукописи в значительной степени испещрен поправками обычного для Гоголя характера. Все они не имеют характера позднейших исправлений по законченному тексту, делались в процессе работы и тесно связаны с последующими фазами текста. Таким образом выделить позднейшие наслоения на первоначальный текст невозможно.

Впрочем, среди исправлений черновой редакции одно должно быть отмечено особо. Первоначально повесть начиналась словами: „Невский проспект единственная улица в Петербурге, где сколько-нибудь показывается наше таинственное общество". Позднее эта фраза была почти целиком вычеркнута и над нею, начиная с самого верха страницы, были тесно вписаны фразы: „Нет ничего лучше Невского проспекта, по крайней мере в Петербурге ~ и тот в восторге тоже от Невского проспекта". Так как зачеркнутая фраза не была заменена никакой другой (что не редко в черновых рукописях Гоголя), то нам пришлось при воспроизведении первой редакции оставить ее в тексте во избежание смыслового разрыва. Общий характер этой поправки, как уже было указано, заставляет предположить, что она была сделана не непосредственно в процессе работы, а несколько позже, быть может, уже по окончании всей повести.

Текст тетради PM_4 значительно отличается от текста „Арабесок". Помимо целого ряда творческих изменений, имеющих тематико-сюжетное значение (о них будет сказано ниже), текст „Арабесок", сравнительно с текстом черновой редакции, имеет целый ряд и менее существенных отличий. Все эти исправления можно разбить на следующие группы: 1) поправки цензурного характера; 2) композиционные исправления, выражающиеся в перестановке целых абзацев и отрывков, в целях прояснения или ускорения развития действия. Таких исправлений особенно много в рассказе о снах Пискарева; 3) исправления синтаксического характера, направленные к прояснению и облегчению синтаксического строения фразы, 4) поправки, относящиеся к работе над эпитетом в широком смысле этого слова, типа: „щегольской" вм. „щегольской, яркой", „светлый" вм. „зеркальный" и пр.

В настоящем издании в текст „Арабесок", принятый за основу, внесены некоторые, в общем незначительные, поправки: 1) по изданию 1842 г. (*П*), исправляющие явные орфографические погрешности текста, описки и т. п.; 2) по изданию 1855 г. (*Тр*) те поправки, которые соответствуют тексту черновой редакции и потому с большой долей вероятия могут быть отнесены за счет самого Гоголя; 3) вставки — из черновой редакции — мест, пропущенных в окончательном тексте по соображениям явно цензурного порядка. Здесь, прежде всего, нужно отметить знаменитую сцену „секуции" и упоминание в эпилоге о „главной ошибке Лафайета". Несмотря на то, что между печатным текстом „Арабесок" и сохранившейся черновой редакцией явно имелась еще одна переработка повести самим Гоголем, давшая утраченный беловой автограф, с которого повесть печаталась, мы решились перенести оба эти места — чрезвычайно важные для сюжетно-тематического развития повести — в печатный текст непосредственно из черновой редакции, так как включение это можно было произвести без всякой ломки или изменения основного текста.

Кроме этих основных групп исправлений, в тексте имеется и целый ряд других, не поддающихся точной классификации. В целом они все направлены на уточнение и улучшение образной стороны рассказа и имеют, прежде всего, стилистическое значение.

Точная датировка повести представляет значительные затруднения. Цензурное разрешение „Арабесок" последовало 10 ноября 1834 г. Но еще до отправления „Арабесок" в цензуру Гоголь давал „Невский проспект" на прочтение Пушкину, — как это видно из ответной записки последнего: „Прочел с удовольствием. Кажется, всё может быть пропущено. Секуцию жаль выпустить: она мне кажется необходима для эффекта вечерней мазурки. Авось бог вынесет. С богом".[1] Из этой записки видно, что Пушкин располагал той редакцией повести, где сцена „секуции" была сохранена. К сожалению, записка не датирована; во всяком случае, она должна быть отнесена к концу октября или первым числам ноября, и мы можем определенно утверждать, что именно к этому сроку у Гоголя имелся уже беловой автограф повести, и при том со сценой „секуции", так как трудно предположить, чтобы Пушкин прочел ее по черновику.

При печатании черновой редакции оказалось необходимым ввести пропущенные слова, руководясь по возможности текстом „Арабесок".

III.

„Невский проспект" имеет сложную творческую историю, будучи связан с другой, только намеченной повестью Гоголя „Страшная рука". Для изучения этой истории мы располагаем следующими материалами: 1) отрывком неоконченной повести „Страшная рука"; 2) вторым отрывком той же повести: „Фонарь умирал"; 3) черновой редакцией „Невского проспекта"; 4) его печатным текстом в „Арабесках". Связь этих отрывков и редакций не подлежит сомнению. Что касается первых двух отрывков, то здесь мы имеем дело с простым вариантом одного и того же начала; связь же этих отрывков с „Невским проспектом" устанавливается простым сопоставлением характеристики главных героев обеих повестей — студента и художника. Первый отрывок датируется 1831—1833 гг.; отрывок второй —1832—33 гг.; черновая же редакция 1833—34 гг. Таким образом, мы имеем здесь дело с замыслом, разрабатывавшимся на протяжении более четырех лет. Первый отрывок, правда, дает только заглавие и несколько начальных строк. Однако, уже само это заглавие представляет значительный интерес: „Страшная рука. Повесть из книги под названием: Лунный свет

---

[1] Пушкин. Переписка, изд. Академии Наук, т. III, СПб., 1911, стр. 168—169.

в разбитом окошке чердака на Васильевском острове в 16 линии". Название повести „Страшная рука" восходит к традициям повести и романа „ужасов". Однако, уже подзаголовок разрушает эти ожидания. Взятый сам по себе, он несколько напоминает „Уединенный домик на Васильевском" Титова — Пушкина. Гоголь, без сомнения, знал эту повесть, появившуюся в „Северных Цветах" за 1829 г., знал, вероятно, и ее историю. Возможно, что и самый выбор места действия повести — Васильевского острова — был произведен не без влияния „Уединенного домика" и пушкинского художественного осмысления этой окраины столицы. Возможно, что и фигура в черном фраке (в отрывке втором) — какая-то параллель к Варфоломею пушкинского замысла, как третья сторона „треугольника": героиня, герой и враждебная сила.

Второй отрывок дает уже завязку повести: приезжий студент, красавица и таинственная фигура в черном фраке. Можно думать, что тема Невского проспекта, т. е. Петербурга как такового, не играла еще здесь особо выдающейся роли.

Установить, как далеко удалось Гоголю развить этот первоначальный вариант повести, нельзя. От него ничего не сохранилось, кроме двух указанных отрывков. Но, с другой стороны, нет никаких оснований утверждать, будто всё дело и ограничилось этими первоначальными строками. Ясно лишь, что повесть в первоначальном варианте не была закончена, а при вторичном обращении Гоголя к теме о бедном мечтателе он обработал ее уже по-иному. Фантастический элемент был устранен; повествованию придан строго реалистический характер; выступила на передний план проблема изображения города, как фона и рамки для повествования о бедном художнике и его веселом приятеле. Такая коренная переработка первоначального замысла определялась, прежде всего, внутренним развитием самого Гоголя.

Пробуя свои силы в различных жанрах, молодой Гоголь намечает путь к реалистической трактовке действительности на основе своей собственной, совершенно оригинальной литературной системы. Но именно в этот период исканий он особенно доступен различным литературным влияниям.

Гоголь дебютировал и завоевал себе литературную известность как „сказочник". Но фантастический элемент, который играет такую роль в „Вечерах", не имеет ничего общего с субъективно-идеалистической фантастикой популярного в те годы в России Гофмана; Гоголь никогда не признавал за фантастическим хотя бы субъективно значимой реальности; для него это был либо сон, обоснованный психологически, либо фольклор, т. е. система фантастического, объективно данная автору в совокупности народных верований, либо, наконец, чисто литературный, композиционный прием. Но, тем не менее, перешагнуть от насыщенной фантастикой сказки к реалистической повести, еще мало развитой в русской литературе, представляло, конечно, значительные трудности,

И здесь ему оказали помощь молодые французы, — так называемая „неистовая школа“ и, прежде всего, Ж. Жанен.

Нет никаких сомнений, что Гоголь был знаком с произведениями „неистовых“. Помимо того, что русские журналы того времени пестрели их именами, ими чрезвычайно интересовался Пушкин, с которым Гоголь в эти годы находился в тесном общении. Среди лозунгов, выдвигаемых „неистовыми“, Гоголю должен был быть особенно близок лозунг о „фантастическом в действительности“, наиболее резко и отчетливо формулированный Ж. Жаненом. Действительность — неоднократно возглашает этот писатель — сама по себе дает художнику столько необычайного и фантастического, что ему нечего гоняться за фантастикой в тесном смысле этого слова. В самой природе, в реальной жизни есть много такого, что, будучи подано в известной манере, в определенной композиционной связи, может образовать самое причудливое, самое фантастическое произведение, где, однако, не будет ничего сверхъестественного. Для Гоголя в период после „Вечеров“ этот тезис был очень плодотворен; он мог послужить ему как бы мостом к чисто реалистической трактовке сюжета. И вот, используя некоторые приемы Жанена, он переключает замысел повести о бедном мечтателе из плана гофмановской фантастики в план изображения „необычайного в действительности“, мотивируя всё действие „Невского проспекта“ бытовыми „диковинками“ большого города.

Из произведений Жюля Жанена на „Невском проспекте“ сказалось влияние: во-первых, нашумевшего в свое время романа „Мертвый осел и гильотинированная женщина“ (L'Ane mort et la femme guillotinée. Paris, 1829), а во-вторых, ряда очерков в пятнадцатитомном сборнике „Париж или книга ста одного“ (Paris ou le livre de cent et un. Paris et Bruxelle, 1832), посвященном описанию Парижа. Первый роман, трактующий ту же, что и у Гоголя, тему любви мечтательного юноши к падшей женщине, помог Гоголю перенести в реалистический план историю Пискарева.[1] Что касается сборника „Paris ou le livre de cent et un“, то в предисловии к нему и в очерках „Асмодей“ (Asmodée) и „Мелкие профессии“ (Les petits métiers)[2] Жанен за обыденным образом Парижа стремится вскрыть его таинственную внутреннюю жизнь, то есть изобразить его по принципу необычайного и фантастического в обычном и бытовом. И нет никакого сомнения, что Гоголем использован ряд приемов Жанена для описания Петербурга в „Невском проспекте“.

Таким образом тема любви бедного мечтателя к легкомысленной женщине дважды обрабатывалась Гоголем. Первоначально она была

---

[1] См. В. Виноградов. Эволюция русского натурализма, стр. 178 — 186 и сл.

[2] Две последние статьи появились в „Моск. Телеграфе“ 1832, кн. I, рецензия Полевого на весь сборник там же, ч. 50 (1833 г.), стр. 127 — 141, 248 — 269.

задумана в плане гофмановской фантастической повести, что видно из отрывка „Фонарь умирал“. Но эта установка оказалась для молодого Гоголя, стремившегося к реалистической трактовке действительности, неприемлемой. Тогда, используя приемы французской неистовой школы, он развернул ее в плане реалистического изображения „необычайного в обыденном“. Недаром в последней редакции „Невского проспекта“ (в „Арабесках“), в отличие от черновой, усилен реалистический тон снов Пискарева (подробностью об испачканном сюртуке), развита естественная мотивировка этих снов (введен эпизод с покупкой опиума у персиянина) и, наконец, исключен эпизод с офицером в последнем свидании с красавицей, живо напоминающий соответствующее место в гофмановской повести о бедном студенте („Повелитель блох“). Эти поправки явно свидетельствуют о стремлении Гоголя к освобождению от гофмановского влияния и к усилению реалистических моментов в повести.

Наконец, в изображении Пирогова и в юмористических и реалистических сценах в квартире немца-ремесленника Гоголь свободен от всех романтических воздействий. Эти элементы „Невского проспекта“ являются существенным этапом в эволюции Гоголя от романтизма ранних произведений к критическому реализму „Ревизора“ и „Мертвых душ“.

Критика сразу же оценила повесть именно с этой стороны. За несколько дней до первого представления „Ревизора“, в анонимной рецензии „Современника“ на второе издание „Вечеров на хуторе“, „Невский проспект“ выделен был из всех появившихся к тому времени повестей Гоголя как „самое полное из его произведений“. Автором столь дальновидного замечания был Пушкин. Но и раньше, тотчас по выходе „Арабесок“, не менее высокую оценку „Невскому проспекту“ дал в „Молве“ (1835 г. № 15) Белинский: „две его (Гоголя) пьесы в „Арабесках“ („Невский проспект“ и „Записки сумасшедшего“) доказывают, что его талант не упадает, но постепенно возвышается“. Эту мысль развивает затем Белинский в статье „О русской повести и повестях Гоголя“ как раз применительно к Пирогову, образ которого Белинский восторженно оценивает как „тип из типов, первообраз из первообразов“ (соч. Белинского, т. II стр. 95, 225).

НОС.

I.

ИСТОЧНИКИ ТЕКСТА.

а) Печатные

С — „Современник“ 1836 г., том третий, стр. 54—90.
П — Сочинения Николая Гоголя. Том третий, СПб., 1842.
Тр — Сочинения Гоголя. Том третий. 1855.

б) Рукописные

РЛ$_1$ — Черновой набросок начала повести из записной тетради, принадлежавшей И. С. Аксакову (*РА*$_3$), Публичная библиотека им. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде.
РЛ$_2$ — Автограф из древлехранилища Погодина („Нос“. Автограф Н. В. Гоголя) на семи страницах листового формата. Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде.
РЛ$_3$ — Беловой автограф начала повести, переплетенный вместе с предыдущим автографом. Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде. Занимает первый лист в переплете.

В настоящем издании печатается по Сочинениям 1842 г. с поправками по „Современнику“, Сочинениям 1855 г. и по рукописи *РЛ*$_2$.

Повесть „Нос“, впервые напечатанная в журнале „Современник“ 1836 г., т. III (цензурное разрешенье от сентября 1836 г.) за подписью „Н. Гоголь“, снабжена там следующим примечанием от редакции, принадлежащим Пушкину: „Н. В. Гоголь долго не соглашался на напечатание этой шутки, но мы нашли в ней так много неожиданного, фантастического, веселого, оригинального, что уговорили его позволить нам

поделиться с публикою удовольствием, которое доставила нам его рукопись. Изд.“ („Современник“ 1836, т. III, стр. 54). Но к тому моменту, когда Пушкин писал это примечание, „рукопись“ Гоголя имела уже свою длительную историю.

II.

Самый ранний набросок начала повести записан Гоголем в б. аксаковской тетради $РЛ_1$, на 6-ой странице, в верхней ее половине.[1] Записи „Носа“ предшествует черновик статьи „Взгляд на составление Малороссии“, занимающей первые 4 страницы тетради. После начала „Носа“ следует чистая страница, вслед за которой, на 9-ой странице,— запись отрывка „Мне нужно видеть полковника“ с вариантом („Мне нужно к полковнику“) на обороте. „Взгляд на составление Малороссии“ датирован был Гоголем в „Арабесках“ 1832-м г., отрывки, следующие за началом „Носа“, относятся к роману „Гетьман“, над которым Гоголь работал в 1832—1833 г.; таким образом этот первоначальный набросок „Носа“, судя по его местоположению в тетради, скорее всего может быть отнесен к концу 1832 г. или к началу 1833 г. Следует отметить, что характер почерка и чернила в записи „Носа“ отличаются от смежных набросков. Чистые страницы, оставленные после наброска „Носа“, говорят о том, что Гоголь, записав начало повести, предполагал вскоре вернуться к продолжению ее, но в течение ближайшего промежутка времени этого не сделал.

Помимо местоположения наброска в тетради, отнесение начала работы Гоголя над повестью к 1832 г., по мнению Н. Тихонравова, подтверждается указанием на этот год в самом тексте наброска: „23 числа 1832 года случилось в Петербурге необыкновенно странное происшествие“ (см. Соч. 10 изд., II, стр. 566). Косвенным соображением в пользу отнесения замысла „Носа“ к 1832 г. является и то обстоятельство, что как раз в 1831—1832 гг. появляются в журналах „носологические“ сюжеты, и мотивы близкие к повести Гоголя, а также текст вывески, помещенный в „Молве“ за 1831 г. (ч. VI, стр. 8—9), к которому восходит вывеска Ивана Яковлевича.

Первоначальный набросок начала повести ($РЛ_1$) во многом близок ко всем последующим редакциям, отличаясь от них лишь значительной недоработанностью и рядом стилистических вариантов. Так, начальные фразы повести совпадают везде почти буквально, исключая указания на время действия. Недоработанность этого наброска видна также и из внешних признаков рукописи, с рядом помарок. Имя и отчество цырюльника Ивана Яковлевича еще окончательно не установлено, и он называется то Иваном Ивановичем, то Иваном Федоровичем. Основная сюжетная

---

[1] См. Соч. 10 изд., VII, стр. 906.

ситуация — нахождение носа майора Ковалева запеченным в горячем хлебе — ясна уже в этой первоначальной редакции и остается неизменной во всех дальнейших.

Первая дошедшая до нас полная черновая редакция повести (автограф Погодинского древлехранилища $РЛ_2$)[1] может быть отнесена к 1833—1834 г. Предельной датой окончания этой редакции следует считать конец августа 1834 г., поскольку в ней отсутствует полемическая концовка от автора, появившаяся, несомненно, лишь после рецензии „Северной Пчелы“ на повести Пушкина в номере от 27 августа 1834 г. (о чем см. ниже). С другой стороны, за исходную дату (post quem) надо принять 21—23 сентября 1833 г., когда в той же „Северной Пчеле“ появился другой фельетон Булгарина, отразившийся уже в рукописном тексте (о чем тоже ниже).

Черновая редакция „Носа“ настолько отличается от первопечатной редакции (в „Современнике“), что заставляет предположить значительный промежуток времени между написанием той и другой. Это полностью и подтверждается приводимыми ниже фактами. Редакция $РЛ_2$ (Погодинского древлехранилища) воспроизводится в настоящем издании в отделе других редакций.

Самая рукопись ($РЛ_2$) представляет из себя небольшую тетрадь, переплетенную уже позже и заполненную целиком рукой Гоголя, почерком начала 30-х годов; в ней семь полулистов плотной серой бумаги, из них 5-й и 7-ой пустые; фабричный знак с датой 1832 г. на 4-ом и 5-ом полулистах: Ф. К. Н. Г. 1832; формат рукописи листовой, — такой же, как и во всех записных книгах Гоголя. Судя по характеру почерка и чернилам, рукопись писана в несколько приемов (4—5), но в течение непродолжительного промежутка времени между ними. Помарки и поправки в тексте по своему виду и характеру позволяют полагать, что они делались почти одновременно с написанием повести. Нумерация страниц позднейшая. Вверху первой страницы, на месте заглавия, написано с большими промежутками между словами: „сего нос сего“. Повидимому, заглавие „Нос“, уже тогда данное повести, было окаймлено Гоголем в процессе работы случайными словами из текста повести.

К рукописи этой полной редакции „Носа“ впоследствии приплетен отдельный лист, с беловым текстом начала повести, написанным крупным, каллиграфическим почерком Гоголя 30-х годов, оканчивающийся словами: „Он засунул палец и вытащил довольно крепкой, нельзя сказать чтобы горбатый, нельзя сказать чтобы и курносый, чело⟨веческий⟩“. Этот лист имеет фабричный знак „Б. У. 1835“, позволяющий установить, что это, возможно, начало не дошедшей до нас полной беловой редакции повести; относится, скорее всего, к марту 1835 г., т. е. ко

[1] См. Соч. 10 изд., VII, стр. 873.

времени отправки рукописи „Носа“ в Москву Погодину. Однако, не исключена возможность и того, что переписка этой первой страницы предназначалась для „Современника“, и тогда ее следует отнести к началу 1836 г.

Текст $РЛ_3$ представляет промежуточную редакцию между рукописью из погодинского древлехранилища ($РЛ_2$) и редакцией, напечатанной в „Современнике“, сохраняя, с одной стороны, дату „сего 23 февраля“, имеющуюся в $РЛ_2$, с другой уже окончательно устанавливая имя и отчество цырюльника „Иван Яковлевич“, до того колебавшееся как в наброске начала повести (в тетради $РЛ_1$), так и в рукописи $РЛ_2$.

К окончательной обработке повести Гоголь вернулся повидимому лишь после завершения работы над подготовкой к изданию „Арабесок“ и „Миргорода“, в начале 1835 г. К этому времени в Москве затевался друзьями Гоголя новый журнал — „Московский Наблюдатель“. Гоголь собирался принять в нем активное участие. 31 января 1835 г. он писал М. Погодину о начатой для журнала повести, которую соглашался прислать „к 3-ей книжке“. Дату этого письма и следует скорее всего считать возвращением Гоголя к работе над „Носом“, так как в следующем письме, от 9 февраля того же года, Гоголь опять сообщает Погодину, что пишет для „Московского Наблюдателя“ „особенную повесть“. Этой „особенной повестью“ мог быть только „Нос“, что́ подтверждается всей дальнейшей перепиской.

18 марта 1835 г. повесть была отправлена в Москву с сопроводительным письмом, где Гоголь предупреждал Погодина о возможных придирках цензуры: „Если в случае ваша глупая цензура привяжется к тому, что Нос не может быть в Казанской церкви, то, пожалуй, можно его перевести в католическую. Впрочем я не думаю, чтобы она до такой степени уже выжила из ума“. Таким образом, работа над окончанием „Носа“, вернее, над написанием его второй редакции (поскольку Гоголь писал ее наново) определяется промежутком времени с конца января по середину марта 1835 г.

Рукопись ($РЛ_2$), повидимому, непосредственно предшествовала тексту, посланному Гоголем 18 марта 1835 г. в „Московский Наблюдатель“, являясь скорее всего тем черновиком, с которого сделан был беловой список для журнала. В пользу этого говорит и цитированное письмо Гоголя, свидетельствующее, что эпизод с Казанским собором имелся, подобно редакции $РЛ_2$, также в редакции, посланной в „Московский Наблюдатель“.

Под влиянием слуха о том, что „Московский Наблюдатель“ не осуществится, Гоголь через несколько дней после посылки повести, в письме от 23 марта, требует, чтоб Погодин прислал ее назад. Хотя слух о провале журнала оказался неверным, но повесть не была напечатана в „Московском Наблюдателе“, так как редакция его, по позднейшему

свидетельству Белинского, отказалась от печатания повести по причине ее „пошлости и тривиальности“.[1]

Летом 1835 г., проездом из Петербурга через Москву на родину и обратно в Петербург, Гоголь виделся с Погодиным, но не взял у него своей повести, возможно не потеряв еще надежды на ее напечатание в „Московском Наблюдателе“. Лишь в январе 1836 г. вновь понадобился ему текст „Носа“ и 18 января 1836 г. он затребовал его от Погодина под предлогом подготовки „небольшого собрания“. Объяснение это вряд ли соответствовало действительности: Гоголь занят был в это время печатанием и постановкою „Ревизора“, а повесть понадобилась ему в связи с началом издания пушкинского „Современника“, в 3-м номере которого, вышедшем в сентябре 1836 г., и был напечатан „Нос“.

Этим творческая история „Носа“, однако, не завершается. Для первого издания сочинений (1842 г.) Гоголь радикально перерабатывает финал повести. Эту новую переработку „Носа“ скорее всего следует отнести ко времени непосредственного осуществления издания Сочинений, к 1841—1842 гг.

Беловая рукопись, посланная Гоголем в „Московский Наблюдатель“, не сохранилась. Единственным полным автографом повести является рукопись *РЛ*$_2$. Различие между первоначальной редакцией *РЛ*$_2$ (Погодинского древлехранилища) и редакцией, напечатанной в „Современнике“, сводится в основном к следующему:

1) В *РЛ*$_2$ более кратко изложены события и отсутствует целый ряд эпизодов и ситуаций, подробно развитых в печатном тексте.

2) Совершенно отличается от рукописного окончание повести. Ее финальная часть подверглась не только сюжетной переработке, но — что́ еще более существенно — в печатной редакции изменена самая мотивировка „совершенно невероятного происшествия“.

Рукопись Погодинского древлехранилища примерно до середины повести близка к редакции, напечатанной в „Современнике“, кончая репликой квартального надзирателя: „...очень умный мальчишка, но средств для воспитания совершенно нет никаких...“ В дальнейшем же текст рукописи и текст первопечатной редакции почти не совпадает.

„Нос“ уже в силу сатирической направленности сюжета пострадал от цензурного вмешательства, пожалуй, больше всех остальных повестей Гоголя. Еще до прохождения повести через цензуру, при посылке ее М. П. Погодину, Гоголь сомневался, пропустит ли цензура эпизод о встрече майора Ковалева с носом в Казанском соборе, предлагая вариант с перенесением места действия в католическую церковь (см. выше, ср. письмо от 18 марта 1835 г.). Но цензурные требования превзошли его ожидания. Место встречи майора Ковалева с носом пришлось перенести из Казанского собора даже не в католическую церковь, а в Гостиный

---

[1] „Отечественные Записки“ 1842, т. XXV, „Смесь“, стр. 107.

двор и сделать целый ряд других купюр и изменений. О цензурных затруднениях и вычерках свидетельствуют так же и письма цензора А. Л. Крылова к Пушкину, относящиеся ко времени прохождения третьего тома „Современника“ через Цензурный комитет. В письме от 27 июля 1836 года А. Л. Крылов сообщает Пушкину, — повидимому в ответ на не дошедшее до нас ходатайство последнего об оставлении в повести Гоголя ряда вычеркнутых цензурой мест, — о повторном обсуждении некоторых купюр на заседании Цензурного комитета. Сообщая, что может быть он в состоянии будет „удержать и в статье г. Гоголя намеки о сахаре и ассигнациях“, — Крылов просит Пушкина прислать ему „эту часть статьи ⟨т. е. повести Гоголя⟩; завтра вечером я буду иметь честь возвратить ее с окончательным заключением“. На следующий день, в письме от 28 июля, извещая о решении Цензурного комитета, Крылов писал Пушкину: „Возвращая находившиеся у меня статьи, имею честь известить, что в сочинении г. Гоголя Комитет согласился допустить шутку на предпочтение *Ассигнаций*, оставив однако исключенным другое место о *Сахаре*“. [1]

Из этих писем А. Крылова к Пушкину можно заключить, что целый ряд других резких сатирических мест, направленных против полицейско-бюрократического строя и недопустимых с цензурной точки зрения (имеющихся в черновой рукописи, *РЛ*$_2$, и не появившихся в первопечатном тексте), вроде сцены в Казанском соборе, или упоминания о взятке, данной Ковалевым квартальному, были сразу и безоговорочно исключены цензурой, так что Пушкин о них и не считал возможным просить.

Даже перерабатывая повесть для издания 1842 г. Гоголь всё по тем же цензурным причинам не имел возможности восстановить ранее запрещенные места. Впрочем, — за одним исключением: воспользовавшись переделкой финала, Гоголь восстанавливает следующее место, имеющееся в рукописи *РЛ*$_2$, но выпущенное в „Современнике“, несомненно, по требованию цензуры: „Этот господин был один из числа тех людей, которые бы желали впутать правительство даже в их домашние ссоры с своей супругой“. Цензурные купюры нами восстановлены по черновой рукописи Погодинского древнехранилища (*РЛ*$_2$).

Вот эти восстановленные по черновой рукописи подцензурные купюры и изменения печатного текста.

1. „разные полицейские обязанности“ — *вместо чтения всех прижизненных изданий:* „разные обязанности“ (см. в настоящем томе стр. 53 и варианты стр. 485).

2. Весь эпизод встречи Ковалева с Носом в Казанском соборе вместо Гостиного двора (см. стр. 55 и стр. 486). [2]

---

[1] Пушкин, Переписка. Изд. Академии Наук, т. III, стр. 353.

[2] Впервые подцензурный Гостиный двор устранен в издании ГИЗа 1928 г. под ред. Б. М. Эйхенбаума.

3. „но имея в виду получить губернаторское место“ *вместо* „но имея в виду получить...“ (см. стр. 56 и стр. 486).

4. „вы должны служить в сенате или, по крайней мере, по юстиции“ *вместо* „вы должны служить по другому ведомству“ (см. стр. 56 и стр. 486).

5. „Ярыжкин, столоначальник в сенате“ *вместо* „Ярыгин“ (см. стр. 57 и стр. 486).

6. „чрезвычайному охотнику до сахару ~ удовольствия мира“ — *в печатном тексте нет* (см, стр. 63 и стр. 487).

7. „И не знаю ~ слишком радушно“ *в печатном тексте нет* (см. стр. 63 и стр. 487).

8 „и что много есть на свете всяких майоров ~ непристойным местам“ *в печатном тексте нет* (см. стр. 63 и стр. 487).

9. „Кавалев догадался ~ как раз на бульвар“ *в печатном тексте нет* (см. стр. 67 и стр. 488).

Восстановление цензурных купюр (даже в тех случаях, когда они сделаны самим Гоголем из боязни перед цензурными затруднениями) на основе черновой редакции, вводимой в более поздний окончательный текст, — делается нами лишь в тех случаях, когда весь окружающий контекст обеих редакций совпадает, или когда восстановление купюр диктуется смысловым разрывом в печатном контексте. То обстоятельство, что текст, непосредственно примыкающий к цензурным купюрам, совпадает в „Современнике“ и в изд. 1842 г. с рукописью $РЛ_2$, отличаясь лишь незначительными стилистическими изменениями, позволяет восстановить эти места, не нарушая стилистического и композиционного единства повести, и этим максимально приблизить текст повести к авторскому замыслу.

Текст „Носа“, напечатанный в „Современнике“, отличается от первоначальной редакции как большей краткостью и другим финалом повести, так и рядом стилистических изменений. В первоначальной редакции ($РЛ_2$) фантастичность событий („необыкновенно странное происшествие“) была мотивирована сном Ковалева. В редакции „Современника“ не только совершенно изменяется окончание повести и приписывается пародийно-ироническое послесловие, но и отменяется самая мотивировка сном.

Эта коренная переделка, как и полемическая авторская концовка, является, скорее всего, откликом Гоголя на рецензию о повестях Пушкина, помещенную в „Северной Пчеле“, № 192 от 27 августа 1834 года, за подписью „Р. М.“, где имелись нападки на „неправдоподобие“ *Повестей Белкина*, в особенности на неправдоподобие „Гробовщика“, по поводу которого рецензент писал: „Развязывать повесть пробуждением от сна героя — верное средство усыпить читателя. Сон — что это за завязка? Пробуждение — что это за развязка? Притом такого рода сны так часто встречались в повестях, что этот способ чрезвычайно как

устарел". При переделке „Носа" Гоголь присоединил к повести полемическое послесловие (см. стр. 399), являющееся, повидимому, замаскированной пародией на рецензию „Северной Пчелы". Гоголь здесь не только пародирует стиль рецензии и иронизирует над упреками в непонятности, но и насмешливо полемизирует с требованием морализующей установки (при переиздании „Носа" в 1842 г. Гоголь снял свое послесловие).

Изменив традиционно-правдоподобную мотивировку, Гоголь учел указание критики на ее „устарелость" и вместе с тем еще больше заострил полемический характер повести, умышленно подчеркнув ее сатирическую гротескность.

Печатая повесть в изд. Сочинений 1842 г., Гоголь вновь переделал и детально расширил финал, выделив его в особую третью главу. Повидимому, финал, данный в „Современнике" в виде краткого авторского послесловия, Гоголю показался недостаточно убедительным С другой стороны, значительно сокращено было полемическое авторское послесловие, к этому времени естественно потерявшее свою актуальность.

В издание Трушковского внесены были незначительные и случайные разночтения, повидимому Гоголю не принадлежащие.

В настоящем издании в текст третьего тома „Сочинений Н. Гоголя" изд. 1842 г., помимо особо оговариваемых вставок цензурного характера из рукописи $РЛ_2$, вносится еще ряд стилистических уточнений по первопечатному тексту „Современника" (1836 г.) — во всех тех случаях, когда есть основания считать, что стилистическая и грамматическая правка в издании 1842 г. принадлежит издателю Н. Я. Прокоповичу.

Набросок начала повести в записной тетради ($РЛ_1$), первоначальная черновая редакция ($РЛ_2$) и финал „Носа" в редакции „Современника" — приводятся в разделе „Другие редакции" (стр. 380 — 400). Разночтения белового автографа начала повести ($РЛ_3$), в виду его близости к печатному тексту, приводятся, наряду с печатными разночтениями, в разделе „Варианты".

III.

Замысел „Носа" тесно связан с теми мотивами, которые были широко распространены в журналистике начала 30-х годов, т. е. как раз в то время, когда Гоголем была начата его повесть.[1] Это — заметки, анекдоты и даже целые рассказы об исчезнувших, отрезанных, восстановленных или вообще диковинных носах.

---

[1] См. В. В. Виноградов. „Эволюция русского натурализма", Л., 1929, стр. 7-88. На эту связь указывал еще Н. Г. Чернышевский в „Очерках Гоголевского периода русской литературы" (изд. Пб. 1892, стр. 141—142).

Следует особо указать переводный „французский анекдот“ — „Нос“ в „Литературных прибавлениях к Русскому Инвалиду“ (1831, № 72 от 9 сентября), где передается траги-комическая исповедь человека, вызывавшего гонения и насмешки одним лишь видом своего лица, все черты которого „заслонены были чудовищно-большим носом“. Лицо, превратившееся в один большой нос, встречается у Гоголя в незаконченном отрывке 1832 г. „Фонарь умирал“.

Однако, наибольшее значение для Гоголя, несомненно, должна была иметь повесть Г. Цшокке „Похвала носу“, напечатанная в „Молве“.[1] В повести Цшокке в шуточной форме подчеркивалось значение носа для „всякого человека“ и намечался уже траги-комический эффект его потери. „В самом деле, отнимите нос у самого приятного милого личика, и что останется? Совершенный кочан капусты“.

Подражанием „Похвале носу“ Цшокке явился шуточный рассказ Карлгофа „Панегирик носу“, напечатанный в 1832 г. в „Литературных прибавлениях к Русскому Инвалиду“ и свидетельствующий о том, что повесть Цшокке не прошла незамеченной. В рассказе Карлгофа упоминалось о том, что „с потерею носа теряется благородство человека, что нос есть олицетворенная честь, прикрепленная к человеку“.

„Похвала носу“ Цшокке и „Панегирик носу“ Карлгофа могли быть известным импульсом для сатирического замысла Гоголя, подсказывая близкую гоголевскому „Носу“ тему о потере „олицетворенной чести“ и последствиях этой потери, — тему, развитую Гоголем, конечно, с гораздо большей остротой и глубиной.

Следует также указать и на черты сходства „Носа“ Гоголя с „Тристрамом Шанди“ Стерна,[2] такой же как и „Нос“ немотивированной сатирой-гротеском.

Ситуация с носом, запеченным в хлеб, скорее всего, явилась у Гоголя пародийным использованием эпизода с „печеной головой“ из популярного тогда романа Морьера „Мирза Хаджи Баба“, вышедшего в начале 30-х годов в двух переводах.[3] Кроме подбрасывания „печеной головы“ к цирюльнику, можно отметить и в других деталях романа некоторое сходство с „Носом“.

Сюжет „Носа“ не стоит особняком и в творчестве самого Гоголя. Связанные с носом мотивы и образы встречаются и в других его произ-

---

[1] „Молва“ 1831 г., №№ 37 и 39. Отдел анекдотов. На связь „Похвалы носу“ Цшокке с сюжетом „Носа“ было указано Г. Чудаковым — „Отношение творчества Гоголя к западно-европейским литературам“, „Университетские известия“, Киев, 1908, № 8, стр. 167.

[2] Л. Стерн. „Жизнь и мнения Тристрама Шанди“. СПб., 1804—1807, ч. III, стр. 86—113.

[3] „Мирза Хаджи Баба Исфагани в Лондоне“, 4 части, СПб., 1830; Морьер. „Похождения Мирзы Хаджи Бабы Исфагани в Персии и Турции или Персидский Жилблаз“. Перевод с английского, 4 части. СПб., 1831.

изведениях и даже в переписке: ср. эпизод в „Невском проспекте“ с носом „жестяных дел мастера“ Шиллера, которому сапожник Гофман собирался отрезать его. Этот эпизод представляет вариацию того же мотива, что образы и гиперболы, связанные с носом в „Заколдованном месте“, в „Повести о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем“, в „Риме“, в заметке в альбоме Е. Г. Чертковой и, наконец, в письмах Гоголя (в особенности в письмах к М. П. Балабиной от 15 марта и от апреля 1838 г.).

В цикле петербургских повестей Гоголя „Нос“ занимает особое место не только по своеобразию своего сюжетного замысла, но и по своей литературной направленности.

Фантастическая невероятность сюжета, необычность его для традиций русской повествовательной литературы в известной мере сближают повесть Гоголя с фантастикой Гофмана и русского „гофманианства“ конца 20-х — начала 30-х годов. Можно привести и ряд отдельных мотивов, общих у „Носа“ Гоголя с „Двойником“ А. Погорельского и „Пестрыми сказками“ В. Ф. Одоевского.[1]

Наиболее существенным является совпадение „Носа“ со „Сказкой о мертвом теле, неизвестно кому принадлежащем“ В. Одоевского, где расказывается о явлении владельца мертвого тела к приказному Севастьянычу. Потерпевший, подобно Ковалеву, диктует заявление о пропаже своего собственного тела (сравнить объяснение майора Ковалева с чиновником газетной экспедиции, которого он просит дать объявление о пропаже своего носа). При этом вопрос ничего не понимающего приказного: „Что же покойник крепостной что ли ваш был?“, совпадает с репликой чиновника у Гоголя: „А сбежавший был ваш дворовый человек?“

Неоднократно указывалось на связь „Носа“ с „Приключениями в ночь св. Сильвестра“, с „Историей о потерянном отражении в зеркале“ Гофмана[2] и „Петером Шлемилем“ Шамиссо. Однако эти связи очень отдаленны и не позволяют говорить о каком бы то ни было заимствовании. Гораздо правильнее будет сопоставление „Носа“ со всей гротескно-сатирической манерой Гофмана, с его игрой на неожиданном превращении вещей („золотой горшок“, „Королевская невеста“ и др.).

Но исследователи (Стендер-Петерсен и др.) уже отмечали, что „Нос“ Гоголя не фантастическая повесть романтического типа, а „ироническая пародия на романтику“.

---

[1] „Пестрые сказки с красным словцом, собранные Иринеем Модестовичем Гомозейкою, магистром философии и членом разных ученых обществ“, изданные В. Безгласным. СПб., 1833, цензурн. разр. от 19 февр. 1833 г.

[2] См. например И. И. Замотин „Три романтических мотива в произведениях Гоголя,“ Варшава, 1902, стр. 3.

Гоголь, совпадая с Гофманом в фантастичности сюжета, реализует этот сюжет не на фольклорном материале, а на материале реалистически показанной действительности. Но хотя Гоголь дает известную параллель романтическому мотиву о потере тени или отражения, — как символу потери полноценности личности, — однако самый выбор столь „тривиальной“ и комически-подчеркнутой ситуации, как исчезновение носа, являлся прямым снижением романтической символики. Недаром в своем редакционном примечании Пушкин назвал „Нос“ Гоголя „шуткой“, подчеркивая этим его „фарсовый“ характер.

Если юмор Гофмана абстрактен, основан на символической двуплановости его повестей, то юмор Гоголя конкретен, социально направлен, реалистичен. Сцены домашнего быта цирюльника Ивана Яковлевича являются дальнейшим развитием мотивов пушкинского „Гробовщика“; образ же майора Ковалева и весь обличительный материал повести непосредственно связан с неоконченным „Владимиром 3-ей степени“, „Записками сумасшедшего“, наконец с „Ревизором“.

Реалистический, пародирующий принципы романтической эстетики, характер повести нагляднее всего подтверждается тем отрицательным к себе отношением, которое она встретила в лагере русских шеллингианцев, приверженцев немецкого романтизма. По свидетельству Белинского „один журнал (т. е. „Московский Наблюдатель“) отказался напечатать у себя повесть Гоголя „Нос“, находя ее грязною“. „Из существовавших прежде журналов“, говорит Белинский в другом месте, „первый оценил Гоголя „Телескоп“, а совсем не тот, другой московский журнал, который отказался принять в себя повесть Гоголя „Нос“, по причине ее пошлости и тривиальности“.[1] При всей своей необычности и полемической заостренности повесть „Нос“ не была отмечена критикой. В этом едва ли, однако, надо видеть сознательное замалчивание: отсутствие высказываний скорее объясняется случайными причинами. Появление повести в 1836 г. могло остаться незамеченным, так как критика только что исчерпывающе высказалась о „Миргороде“ и „Арабесках“, а выход в марте 1836 г. „Ревизора“, возбудившего оживленные споры, окончательно заслонил повесть, появившуюся несколькими месяцами позже. Перепечатка повести в собрании сочинений в 1842 г. также не обратила на себя внимания, так как критика была целиком занята появлением „Мертвых душ“. Чаще всего „Нос“ зачислялся современной ему критикой в разряд „фарсов“ и „анекдотов“ Гоголя, рассматриваясь не иначе как со всей совокупностью других его произведений. Шевырев в своей статье о „Мертвых душах“ говорит о „Носе“ даже как о неудаче Гоголя.[2]

О. Сенковский, следуя своему упрощенному и враждебному истолкованию гоголевских произведений как фарсов, в статье 1842 г. о „Мерт-

---

[1] „Отечественные Записки“ 1842.
[2] „Москвитянин“ 1842, № 8, стр. 373.

вых душах“ полемизируя с Шевыревым, о „Носе“ отзывается однако так же как он.[1]

Единственно значительным и принципиальным был отзыв Белинского в его рецензии на 11 и 12 тома „Современника“ 1838 г. Белинский подчеркивает как сатирическую направленность повести, так и социальную обобщенность и типичность образа майора Ковалева: „Вы знакомы с майором Ковалевым? — писал Белинский: отчего он так заинтересовал вас, отчего так смешит он вас несбыточным происшествием со своим злополучным носом? Оттого, что он есть не майор Ковалев, а *майоры Ковалевы*, так что после знакомства с ним, хотя бы вы зараз встретили целую сотню Ковалевых, — тотчас узнаете их, отличите среди тысячей“.[2]

---

[1] „Библ. для чтения“ 1842, август, Литературн. летопись, стр. 24—52.

[2] „Московский Наблюдатель“ 1839 г., ч. 1, № 2; Полн. собр. соч. Белинского, т. IV, стр. 73.

ПОРТРЕТ.

I.

ИСТОЧНИКИ ТЕКСТА.

а) Печатные

Ар — Арабески. Разные сочинения Н. Гоголя. Часть первая. СПб. 1835. Первая редакция повести.

С — „Современник“ 1842, XXVII, № 3, отд. IV, стр. 1—92. Гоголь.

П — Сочинения Николая Гоголя. Том третий. Спб., 1842.

Тр — Сочинения Гоголя. Том третий. Москва, 1855.

б) Рукописные

РМ$_4$ — Записная книга Гоголя, из числа принадлежавших Аксакову (*РЛ*$_2$). Публичная библиотека СССР им. В. И. Ленина в Москве. № 3231, стр. 49—50, 165—172, 182—199. Черновик первой редакции повести.

РЛ$_4$ — Отрывки из бумаг А. А. Иванова. Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде. Черновые наброски двух мест последней части второй редакции повести.

РК$_2$ — Беловой автограф второй редакции повести. Библиотека Украинской Академии Наук в Киеве.

В настоящем издании печатается по тексту „Современника“ с поправками по рукописи *РК*$_2$; в отделе „Других редакций“ печатается текст „Арабесок“.

II.

Никаких свидетельств ни самого Гоголя, ни его современников о творческой истории „Портрета“ до нас не дошло. О датировке рукописи

PM_4 см. выше (во вступительной статье). Самый же замысел „Портрета“ вообще вряд ли может быть отнесен ранее чем к 1832 г.

Косвенные данные для датировки замысла „Портрета“ можно извлечь из некоторых деталей в самом тексте повести. Так, по упоминанию о „портрете Хозрева-Мирзы“ в картинной лавке начало действия первой части повести не может быть отнесено ранее чем к концу 1829 — началу 1830 г., ибо персидское посольство, возглавлявшееся Хозревом-Мирзой, прибыло в Петербург 4 августа 1829 г. и выехало из столицы 6 октября того же года („Отечественные Записки“ 1829, ч. 40, стр. 118 и 138; ср. Записки П. А. Каратыгина, т. I, Л., 1929, стр. 283). На тот же период времени, т. е. на конец 1829 — начало 1830 г., указывает и упоминание в черновой редакции о „портретах Забалканского и Эриванского“, исключенное из печатного текста. Ассоциация имен генерал-фельдмаршалов гр. И. И. Дибича-Забалканского и гр. И. Ф. Паскевича-Эриванского могла быть естественной после Адрианопольского мира, заключенного 14 сентября 1829 г.

По ходу действия в первой части повести история Чарткова занимает не менее 2—3 лет. Время действия второй части самим Гоголем указано очень точно и в полном соответствии с первой. Во второй части старик-художник говорит своему сыну, что сверхъестественная сила портрета не вечна, что она погаснет „по истечении пятидесяти лет“, „если кто торжественно объявит его историю“. Свидание художника с сыном происходит в тот момент, когда уже 30 лет прошло со времени написания портрета, вскоре после окончания русско-турецкой кампании, участником которой был Леон. Очевидно, в повести имеется в виду русско-турецкая кампания 1806—1812 гг. История ростовщика относится, следовательно, к екатерининской эпохе, а смерть ростовщика и написание его портрета датируется 1782 г. Никаких исторических черт в сценах с ростовщиком, указывающих на екатерининскую эпоху, в тексте не дано (екатерининская эпоха раскрыта лишь во второй редакции повести), так же как не дано и прямых датировок. Но что эти датировки Гоголем обдуманы и сознательно предусмотрены — в этом не может быть сомнений. Завуалированная, но точная хронология является одной из существеннейших особенностей всей композиционной структуры „Портрета“.

Сын художника был отдан в кадетский корпус и расстался с отцом „десяти лет“; во время свидания с отцом ему было 40 лет, а когда он присутствовал на аукционе, то был уже 60-летним стариком. Насколько автор заботился о хронологической увязке действия повести, видно хотя бы из того, что Леон, появляющийся на аукционе, в черновике назван еще „молодым“, а в печатном тексте охарактеризован как человек „уже несколько пожилых лет“. Если по данным самой повести время написания портрета ростовщика относится к 1782 г., то теми же данными определяется и время его исчезновения на аукционе, через пятьдесят лет, т. е. в 1832 г.

Поскольку финал повести датируется 1832 г., постольку, следовательно, и время работы Гоголя над „Портретом“ не может быть отодвинуто ранее 1832 г.

Черновик повести (PM_4) написан убористым густым почерком, без всяких абзацев, с большим количеством зачеркиваний, поправок и помарок. Многие слова не дописаны, в конце некоторых страниц — вставки к написанному на данной странице. Отдельные места текста с трудом поддаются прочтению. Заглавие повести в рукописи отсутствует, ее текст прямо начинается словами: „Нигде столько не останавливалось народа...“ и обрывается в самом конце стр. 50 фразой: „Мысли рисовали перед ним другой предмет, и этот предмет были живые глаза“.

Написав это начало повести (на стр. 49 и 50) и возвратясь к ней в другом месте тетради, на стр. 165, Гоголь не позаботился о полной согласованности текста. Страница 165 начинается фразой, которая варьирует концовку уже ранее написанного им куска: „Мысли его были заняты этим необыкновенным явлением“. Обрываясь на стр. 172 словами: „он не знал даже имени его посетительницы“, повесть возобновляется на стр. 182 фразой: „Между тем с нашим художником“ — и в начале стр. 199 заканчивается. Одно место текста повести свидетельствует о том, что Гоголь прерывал свою работу даже на полуслове, — конец стр. 196 оборван незаконченной фразой: „я никогда не видел такого глубокого неб⟨есного?⟩“; следующая 197 страница написана уже, очевидно, после перерыва в работе — она начинается фразой: „После того отец мой рассказал мне“. В печатном тексте повести этой последней фразе предшествует целых две фразы, которых мы в черновом тексте не находим.

По своей сюжетной и композиционной схеме черновой текст „Портрета“ не имеет никаких расхождений с первопечатным текстом. Эти расхождения, и при том в громадном количестве, мы имеем только в стиле повести и в смысловых частностях. Так, в черновом тексте PM_4 художник еще носит несколько фамилий: Корчев, Коблин, Коблев, Копьев; фамилия Черткова появляется впервые лишь на стр. 182, когда художник, написавший портрет дамы, делается уже знаменитостью. Ростовщик в черновом тексте также носит несколько имен: Пердомихали, Пертомихали, Мавромихал. Сын художника, написавшего портрет ростовщика, в черновом тексте вовсе не имеет имени; в печатном тексте он назван Леоном, при чем это имя упоминается всего один раз. В черновом тексте отсутствует характеристика живописных деталей и красок необыкновенного портрета, нет еще никаких упоминаний о „небольшом деревянном доме, на Васильевском острове, в 15 линии“, — адрес молодого художника вообще не указан. Камердинер художника — в черновом тексте — еще „мальчик лет 14“; описания его колоритного костюма не дано.

Подготовляя текст повести к печати, Гоголь ввел целый ряд новых описательных деталей, уточнил эпитеты, разработал и обогатил образную и ритмическую систему языка.

Следует отметить одну фразу черновика, которая в печатном тексте „Портрета“ была заменена, может быть, из-за цензурных опасений, притом несомненно самим Гоголем. Во второй части повести, характеризуя „необыкновенную дробь и мелочь“ Коломны, людей, населяющих этот район, — Гоголь писал, что „для наблюдателя так же трудно сделать перечень всем лицам, занимающим разные углы и закоулки одной комнаты, как *перечесть по именам удельных князей, наполняющих Русскую историю*“. В печатном тексте последние слова заменены следующими: „как поименовать всё то множество насекомых, которое зарождается в старом уксусе“.

Сопоставление черновика „Портрета“ с печатным текстом позволяет заключить, что отмеченное место — единственный пункт, где возможно подозревать цензурные опасения Гоголя. Случаев цензурных извращений или купюр в печатном тексте повести, по крайней мере по сравнению с черновиком, установить невозможно.

Беловая рукопись первой редакции повести, а также ее писарская копия, с которой производился типографский набор, — до нас не дошли. Н. С. Тихонравов в своих комментариях к первой редакции „Портрета“ (Соч. Гоголя, 10 изд., т. V, стр. 569—576) делает глухую ссылку, будто „неисправная копия писца (служившая оригиналом для „Арабесок“?) сохранилась в бумагах наследников“. Описания этой копии Н. С. Тихонравов, однако, не дает и в своих комментариях ею не пользуется. Сопоставление черновика „Портрета“ с печатным текстом не оставляет никаких сомнений в том, что существовала недошедшая до нас беловая рукопись, принадлежавшая перу самого Гоголя. Во-первых, текст черновика настолько труден и по почерку, и по характерным для Гоголя особенностям письма (условные сокращения слов, незаконченные фразы и пр.), что допущение, будто писец мог сделать копию по такому оригиналу, — невероятно. Во-вторых, то огромное количество стилистических дополнений и исправлений, которое мы имеем в печатном тексте „Портрета“ по сравнению с черновиком, технически очень трудно было бы сделать на каком-либо готовом тексте вообще, а значит — и на писарской копии в корректуре. Если и предположить, что всё же Гоголь сделал свои исправления на писарской копии или в корректуре, всё равно такая копия или корректура непригодны были бы для типографии и их пришлось бы заново переписывать.

Установить факт недошедшей до нас беловой рукописи, принадлежавшей самому Гоголю, важно потому, что ошибочно и совершенно недопустимо вносить, как это сделано Н. С. Тихонравовым, без особых причин в печатный текст „Портрета“ варианты из его черновика.

В настоящем издании текст первой редакции „Портрета“ воспроизводится по тексту „Арабесок“ с исправлением (без оговорок) лишь явных опечаток и извращений типографского порядка.

III.

История опубликования второй редакции „Портрета“ в третьем номере „Современника“ за 1842 г. [1] (том XXVII, № 3, цензурное разрешение от 30 июня) уясняется на основании писем Гоголя к редактору журнала П. А. Плетневу и при учете общественно-литературной обстановки первых месяцев 1842 г.

С 18 октября 1841 г. Гоголь, возвратившийся из вторичной поездки за границу, жил в Москве и был занят хлопотами по продвижению в печать первого тома „Мертвых душ“. В это время Гоголь был уже близок к московским славянофильским кругам, к редакции „Москвитянина“ и поддерживал дружеское общение с С. П. Шевыревым, с которым особенно сошелся за границей. В статье Шевырева, напечатанной в первой книжке „Москвитянина“ 1842 г. — „Взгляд на современное направление русской литературы“, автор подчеркивал, что по сравнению с 1835 г. (имелась в виду статья Шевырева „Словесность и торговля“) его взгляды на „современное направление русской литературы“ не только не изменились, но что якобы истекшие годы еще более утвердили всю правоту выставленных им тогда тезисов. „Назад тому ровно семь лет“ — писал Шевырев — „я осмелился против этого промышленного направления современной русской литературы сказать прямое слово и встретил много противоречий. Не странно было мне, что слова мои возбудили против меня главных героев этого промышленного мира; но, конечно, странно было встретить противоречие даже и в тех, которые не могли сочувствовать сим последним“. Указывая на тех, кто не мог сочувствовать „Библиотеке для чтения“ и Сенковскому и от кого „странно было встретить противоречие“, Шевырев имел в виду, конечно, Гоголя, как автора статьи „О движении журнальной литературы“, где были сформулированы возражения Шевыреву.

Если статья в „Москвитянине“ задевала Гоголя, оживляя старые споры и имея в виду журнальную позицию Гоголя 30-х годов, то и одновременное выступление Белинского так же касалось автора „Ревизора“. В статье „Русская литература в 1841 году“, в первой книжке „Отечественных Записок“ 1842 г., Белинский давал обозрение всей русской литературы послепетровского периода и заново аргументировал свои положения, приводившие в такое негодование Шевырева — об отсутствии русской литературы. Белинский еще сильнее и резче обосновывал свои старые взгляды и уже из списка „бессмертных“, „гениальных“ писателей вычеркивал теперь имя Державина, поэзию которого расценивал как „исполинское, но бесплодное проявление поэтической силы“.

---

[1] С следующим примечанием редакции „Современника“: „Повесть эта была напечатана в „Арабесках“. Но вследствие справедливых замечаний была вскоре после того переделана вся и здесь помещается совершенно в новом виде“.

Зато в фонд „капитальных сокровищ“ Белинский вводил новые имена и среди них имя Гоголя, давая характеристику его творчества.

Вряд ли можно сомневаться в том, что и статья Шевырева, и статья Белинского, каждая по-своему, побуждали Гоголя реагировать на них. Так, известно, что Гоголь отрицательно высказался о тезисах Белинского по поводу Державина, о чем В. П. Боткин из Москвы тотчас же сообщил Белинскому.[1] Вскоре вышла мартовская книжка „Отечественных Записок“ с знаменитым памфлетом Белинского против Шевырева. Как известно, „Педант“ произвел потрясающее впечатление на литературную общественность и явился последней причиной разрыва между западниками и славянофилами. Началась ожесточенная идейная борьба. Только при учете напряженности и остроты литературно-общественных отношений, определившихся в связи с памфлетом Белинского, становятся понятными и настроения Гоголя, отраженные в письмах к П. А. Плетневу от 6 и 17 февраля 1842 г. — с обещаниями статьи „около семи печатных листов“ — и от 17 марта 1842 г. к нему же. „Я силился написать для «Современника» статью, во многих отношениях современную“, писал Гоголь: „мучил себя, терзал всякий день и не мог ничего написать, кроме тех беспутных страниц, которые тотчас же истребил. Но как бы то ни было, вы не скажете, что я не сдержал своего слова. Посылаю вам повесть мою «Портрет». Она была напечатана в «Арабесках», но вы этого не пугайтесь. Прочитайте ее: вы увидите, что осталась одна только канва прежней повести, что всё вышито по ней вновь“. Думается, что нет никаких оснований не доверять самому Гоголю и соглашаться с Н. С. Тихонравовым, будто под „статьей около семи печатных листов“ Гоголь разумел именно новую редакцию „Портрета“ (Соч. 10 изд. т. II, стр. 598). — Для журнальной статьи „во многих отношениях современной“ Гоголь имел серьезные причины. К этой статье, несомненно, побуждали Гоголя выступления Белинского и Шевырева. С другой стороны, исключительное обострение их борьбы по всей вероятности, и вызвало отказ Гоголя от написания этой статьи. Однако переработанная редакция „Портрета“ находится в несомненной связи с неосуществленной статьей.

Место работы Гоголя над второй редакцией „Портрета“ указано им самим в цитированном письме к П. А. Плетневу. Гоголь упоминал что он „в Риме переделал «Портрет» вовсе или лучше написал вновь вследствие сделанных еще в Петербурге замечаний“. Со времени отъезда Гоголя за границу — 6 июня 1836 г. — до его вторичного приезда в Россию — в начале октября 1841 г. — Гоголь посещал Рим неодно-

---

[1] „Неуважение к Державину возмутило мою душу чувством болезненного отвращения к Гоголю“ — отвечал Белинский В. П. Боткину 31 марта 1842 г.: „ты прав: в этом кружке он как раз сделается органом „Москвитянина“. (Белинский. Письма, II, СПб., 1914, стр. 291)

кратно. Впервые он побывал там весной 1837 г. Очевидно, не ранее чем к этому сроку и может относиться начало работы Гоголя над второй редакцией „Портрета"; завершение же работы и окончательная отделка повести происходили, вероятно, уже в Москве, перед отправкой рукописи в „Современник", т. е. в конце февраля — начале марта 1842 г. Н. С. Тихонравов допускал, что вторая часть „Портрета" писалась одновременно с началом 7-й главы „Мертвых душ" и с „Театральным разъездом"; Н. С. Тихонравов справедливо указывает на единство эстетических концепций, развернутых Гоголем и во второй части „Портрета", и в начале 7-й главы „Мертвых душ" первоначальной редакции, и в „Театральном разъезде". Однако, из этого еще не следует, что и работа Гоголя над всеми этими вещами проходила одновременно. Тихонравов, тем не менее, полагал, что „новая редакция „Портрета" вчерне *была окончена* (курсив Н. С. Тихонравова) в начале 1841 года" (Соч. Гоголя, 10 изд., т. II, стр. 597). Более убедительно другое допущение Н. С. Тихонравова, что окончательная обработка второй редакции „Портрета" происходила уже в Москве „в первые месяцы 1842 г." Надо полагать, что выяснившаяся для Гоголя невозможность написать журнальную статью побудила его обратиться к своей повести, публикация которой могла казаться ему своевременной. Вероятно, черновики и заготовки новой редакции „Портрета", сделанные еще за границей, были спешно мобилизованы в конце февраля — начале марта 1842 г. и в это время повесть была закончена и оформлена.

Из черновиков второй редакции „Портрета" до нас дошли только наброски двух мест самого конца повести *РЛ*$_4$.[1] Эти наброски сделаны на полулисте почтовой бумаги в восьмушку с двух сторон, черными чернилами, очень убористым почерком, с большим количеством зачеркиваний. При переплете лист с набросками, вместе с другими бумагами Гоголя, оказался неверно подклеенным в общий корешок: первая страница листа сделалась последней. На первой странице листа набросан черновик наставления старого художника сыну, начиная со слов: „Но велик тот избранник, кто владеет тайной созданья"; страница оканчивается фразой: „Всегда природу изучай, но *изучай и великий внутренний* смысл всего, умей постигнуть тайну". На второй (оборотной) странице листа набросан черновик самого конца повести, начиная со слов: „Одно *произведение*, сказал он со вздохом, мучит меня поныне"; страница обрывается незаконченной фразой: „Кто-то уже успел утащить его в то время, как посетители заслушались рассказа художника, и долго еще оставались все недоуме⟨вая?⟩".

Некоторые слова обоих набросков, особенно зачеркнутые, настолько неразборчивы, что совершенно не поддаются прочтению. Оба наброска в соответствующих местах беловой рукописи (*РК*$_2$) были Гоголем

---

[1] Описание см. в Соч. 10 изд., т. VII, стр. 872.

изменены: первый значительно сокращен в сторону ослабления лиризма, второй — стилистически выправлен.

Беловая рукопись второй редакции ($РК_2$) написана очень четко, рыжеватыми чернилами, в двух тетрадях из бумаги в четвертку, с клеймом „Знаменской фабрики". Очевидно, впоследствии обе тетради были заключены в один переплет. Первая часть повести занимает листы 1—33, причем последняя страница оставлена незаполненной. Текст предшествующей страницы обрывается словами: „и вся превратилась наконец в один миг, плод налетевшей с небес на художника мысли, — миг, к которому вся жизнь человеческая есть одно только приготовление".

Конец первой части „Портрета", следовательно, оставлен недописанным; Гоголь ориентировался на текст первой редакции повести и предполагал заключение первой части „Портрета" дать по тексту „Арабесок".

Действительно, печатный текст, начиная со слов: „Невольные слезы готовы были покатиться по лицам посетителей" и до самого конца первой части совпадает с текстом первой редакции и отличается от него только исключением нескольких фраз о чудесном исчезновении портрета, да тремя дополнительными вставками. Лист 34-й в $РК_2$ и содержит эти три вставки, занумерованные самим Гоголем для включения их в текст. Вставки эти, написанные черными чернилами, как и некоторые стилистические поправки в тексте, сделанные, очевидно, уже после изготовления всей рукописи, — следующие: первая вставка, состоящая из пяти фраз, начинается словами: „Досада его проникла" и кончается: „Но как беспощадно-неблагодарно было всё то, что выходило из-под его кисти"; вторая вставка, более обширная и состоящая из двух абзацев, начинается словами: „Но точно ли был у меня талант?" и кончается: „все чувства и весь состав были потрясены до дна"; наконец, третья вставка с упоминанием о Пушкинском демоне, состоящая из пяти фраз, начинается словами: „вечная желчь присутствовала на лице его" и кончается: „что она достаточна отравить потом весь день".

Вторая часть „Портрета" занимает листы 35—54, при чем последний 55 лист тетради оставлен незаполненным. Рукопись снабжена заглавием и, несмотря на большое количество зачеркнутых фраз и отдельных слов, читается она совершенно четко. Несомненно, что именно $РК_2$ послужила оригиналом для переписчика, ибо, конечно, в редакцию „Современника" была послана Гоголем недошедшая до нас копия, с которой и производился набор. Что касается до поправок и зачеркиваний в $РК_2$, то нужно отметить три слоя: первый слой — рыжеватыми чернилами, несколько отличающимися от чернил, которыми написана вся рукопись; второй слой — карандашные поправки и зачеркивания; и, наконец, третий слой — поправки и зачеркивания черными чернилами,

теми самыми, которыми написаны три вставки в текст первой части. Все эти зачеркивания и поправки — стилистического порядка и никаких выводов для истории создания „Портрета“ извлечь из них невозможно. По своему характеру эти три слоя поправок друг от друга принципиально не отличаются.

Сопоставление текста *РК*$_2$ с текстом „Портрета“ в „Современнике“ позволяет заключать, что, во-первых, недошедшая до нас писарская копия повести, с которой производился набор, перед отправкой ее в Петербург была выправлена самим Гоголем; во-вторых, повесть подверглась правке редакции „Современника“ (в цитированном выше письме к П. А. Плетневу от 17 марта 1842 г. Гоголь, между прочим, просил: „Если встретите погрешности в слоге, исправьте“); наконец, в-третьих, при печатании повести в тексте ее были сделаны купюры и извращения цензурного порядка.

Читая рукопись по писарской копии и нанося в ней поправки, Гоголь, разумеется, не проделывал работы по сверке этой копии с беловой рукописью. Поэтому в тексте копии остался, вероятно, какой-то процент ошибок или пропусков переписчика, которые Гоголь не заметил, но которые перешли и в печатный текст. О подобных ошибках или пропусках мы можем высказываться только предположительно, не имея возможности точно их выделить и разграничить с поправками самого Гоголя.

При жизни Гоголя вторая редакция „Портрета“ была перепечатана в Сочинениях Н. В. Гоголя 1842 г., а текст повести в этом последнем издании был принят за основной в Сочинениях Н. В. Гоголя, изданных Н. П. Трушковским и вышедших в свет уже в 1855 г. Если текст второй редакции „Портрета“ в изд. 1842 г. не может считаться авторитетным, поскольку правка всех текстов сочинений Гоголя в этом издании, осуществленная Прокоповичем, вызвала недовольство Гоголя, — то текст повести в изд. 1855 г. находится в несколько особом положении. „Портрет“ оказался в числе тех произведений Гоголя, которые были просмотрены им самим по корректурным листам 1851 г. Однако, отделить поправки самого Гоголя от не принадлежащих ему поправок издания Трушковского, принявшего к тому же в себя и все поправки Прокоповича, — не представляется возможным.

Совокупность всех отступлений текста *Тр* от *П* свидетельствует о небольшом количестве мелких стилистических поправок, большинство которых при этом принципиально не отличается от поправок Прокоповича. Совершенно несомненно, что никакой серьезной, хотя бы и стилистической, работы над текстом „Портрета“ Гоголь при просмотре повести не произвел.

Н. С. Тихонравов в текст второй редакции „Портрета“ без всяких мотивировок десятками вносил поправки и по тексту *РК*$_2$, и по тексту *П*, и по тексту *Тр*.

В настоящем издании за основной принят текст „Современника", в который, кроме не требующих оговорок нескольких мелких исправлений из *П*, внесено тринадцать следующих поправок по тексту *РК*$_2$:

1. *Стр. 90, строка 37:* гипсовую руку (*С*, *П*: готовую руку).

2. *Стр. 101, строка 2:* в новом платье (*С*, *П*: в одном платье).

3. *Стр. 106, строка 34:* гражданский сановник (*С*, *П*: гражданский чиновник).

4. *Стр. 107, строка 33:* изъяснялся теперь резко (*С*, *П*: изъяснялся теперь редко).

5. *Стр. 120, строка 33:* Тут есть старухи, которые молятся; старухи, которые пьянствуют; старухи, которые и молятся и пьянствуют вместе; старухи, которые перебиваются (*С*, *П*: Тут есть старухи, которые пьянствуют, старухи которые перебиваются).

6. *Стр. 121, строка 21:* существо ~ необыкновенное (*С*, *П*: существо ~ обыкновенное).

7. *Стр. 121, строка 32:* каменное строение вроде тех, которых когда-то настроили вдоволь (*С*, *П*: каменное строение вроде тех, которых когда-то построили вдоволь).

8. *Стр. 123, строка 3:* орудием для всех возможных гадостей (*С*, *П*: орудием для всех возможных подозрений).

9. *Стр. 124, строка 21:* фамилия была в опале (*С*, *П*: фамилия была в немилости).

10. *Стр. 126, строка 18:* Это был художник, каких мало, одно из тех чуд, которых извергает из непочатого лона своего только одна Русь, художник-самоучка (*С*, *П*: Это был художник, каких мало, художник-самоучка).

11. *Стр. 127, строка 10:* Не в гостиную понесу я мои картины, их поставят в церковь. Кто поймет меня, поблагодарит, не поймет — всё-таки помолится богу. (*С*, *П*: Не в гостиную понесу я мои картины. Кто поймет меня, поблагодарит).

12. *Стр. 127, строка 37:* какой дать ему образ (*С*, *П*: какой дать ему оборот).

13. *Стр. 128, строка 32:* он убьет всех моих святых и ангелов; они побледнеют пред ним. Какая дьявольская сила! (*С*, *П*: он убьет всю мою прежнюю работу).

Мы полагаем, что расхождения текста *С* с текстом *РК*$_2$ в пяти случаях (1, 2, 4, 6 и 7) объясняются ошибками переписчика или опечатками; в семи случаях (3, 5, 8, 9, 11, 12 и 13) — вмешательством цензуры и в одном случае (10) — вмешательством редакции „Современника". Все случаи расхождения текста „Современника" с рукописью *РК*$_2$ и с текстом Сочинений 1842 и 1855 гг. приводятся в отделе Вариантов.

IV.

По времени написания, по идейным заданиям и по общему характеру „Портрет“ ближе всего стоит к „Невскому проспекту“. Как в „Невский проспект“, так и в „Портрет“ перешла часть материала из неосуществленного Гоголем замысла „Страшная рука“. Как и „Невский проспект“, „Портрет“ — повесть о „миражном“, „фантастическом“ Петербурге.

В повести, несомненно, отразились идеи и образы знаменитых фрагментов Ваккенродера („Об искусстве и художниках. Размышления отшельника, любителя изящного, изданные Л. Тиком“), переведенных на русский язык в 1826 г. и, конечно, известных Гоголю. Композиционная структура „Портрета“ находится в очевидной зависимости от поэтики Гофмана. Как на пример аналогичных принципов композиции можно указать на такие вещи Гофмана, как „Der Sandmann“, „Der unheimliche Gast“ и пр.

Однако в „Портрете“ нет „игры“ планами, реальным и фантастическим, нет гофмановских масок, — обе части повести выдержаны в напряженном трагическом раккурсе.

Центральный мотив повести Гоголя — необыкновенный портрет с живыми глазами, обладающий сверхъестественной силой — стоит ближе всего к основному мотиву знаменитого романа Р. Метюрина (Матюрена) „Мельмот-скиталец“, русский перевод которого (с французского) в шести частях был издан в Петербурге в 1833 г. Не только основной мотив, но и некоторые сюжетные ситуации романа Метюрина близки „Портрету“ (см. об этом этюд И. А. Шляпкина в „Литературном Вестнике“, т. III, кн. I, 1902 г., стр. 66—68).[1]

Следует подчеркнуть, что роман Метюрина в литературе 30-х гг. воспринимался в кругу эстетических норм „кошмарного жанра“ юной Франции. Имя английского романиста стояло в ряду имен Виктора Гюго, Жюль Жанена, Бальзака и др. представителей „неистовой“ школы, к которой Гоголь относился с напряженным вниманием и с которой вел идейно-художественную борьбу. Можно предполагать, что самый образ ростовщика, как носителя дьявольского начала, был подсказан Гоголю Бальзаком. Повесть Бальзака о ростовщике, вошедшая в состав „Scènes de la vie privèe (1830), должна была быть известна Гоголю. Что касается до реальных прототипов гоголевского ростовщика, то еще Н. И. Коробка указал на свидетельство Каратыгина о ростовщике индейце, известном в 20-х годах в Петербурге (см. П. А. Каратыгин. Записки, т. I, Л., 1929, стр. 264; ср. Н. Коробка „Оригинал ростовщика в Гоголевском „Портрете“ — „Литературный Вестник“ 1904, т. I, стр. 20—23).

---

[1] Б. В. Томашевский указал повесть Сарразена „Фамильный портрет“ („Вестник Европы“ 1817, ч. 92, март, № 6, стр. 88—89), где герой, так же как и Чартков, находит сверток золота в рамках портрета.

Следуя за Бальзаком в постановке социальных и эстетических проблем, используя и „Мельмота-скитальца“ в направлении, вероятно, подсказанном бальзаковской „фантастикой обыденного“, Гоголь оставался связанным в то же время с романтическими традициями. Если провиденциалистические и апокалиптические мотивы повести свидетельствуют о всей силе этих традиций, то, с другой стороны, в „Портрете“ налицо и бальзаковская полемика (в фантастических формах) против „эгоизма“, против „раздробленности“ и внутренней иррациональности наступавших буржуазных отношений. Постановкой социальной проблемы, основной для „Портрета“, — проблемы обогащения — Гоголь серьезно расходился с романтическими традициями Гофмана.

Идеологическая противоречивость „Портрета“ констатирована была Белинским. В статье „И мое мнение об игре г. Каратыгина“ Белинский упомянул повесть Гоголя в качестве примера того, как падает „талант природный“, когда „хватается не за свое дело“; Белинский отметил, что „г. Гоголь вздумал написать фантастическую повесть à la Hoffmann („Портрет“), и эта повесть решительно никуда не годится“ („Молва“ 1835, № 17; ср. Соч. Белинского, II, стр. 101). Критик имел в виду, главным образом, вторую часть „Портрета“, где романтические традиции выступали особенно резко. Именно вторую часть „Портрета“ особенно порицал и осуждал Белинский в своей статье „О русской повести и повестях г. Гоголя“, где к „Портрету“ он возвращался вновь. Указав, что „Портрет“ „есть неудачная попытка г. Гоголя в фантастическом роде“, Белинский, тем не менее, очень сочувственно оценил первую часть повести. „Но вторая ее часть — заключал Белинский — решительно ничего не стоит, в ней совсем не видно г. Гоголя. Это явная приделка, в которой работал ум, а фантазия не принимала никакого участия“ („Телескоп“ 1835, кн. 10; ср. Соч. Белинского, II, стр. 232).

Причины радикальной переработки „Портрета“, которая осуществлена была Гоголем, указаны им самим: в письме к П. А. Плетневу от 17 марта 1842 г. Гоголь замечал, что „Портрет“ он „переделал вовсе или лучше написал вновь, вследствие сделанных еще в Петербурге замечаний“. Печатных отзывов о „Портрете“ принципиального характера, которые указывали бы направление „для переделки“, ни в петербургской, ни в московской прессе не было, за исключением отмеченного выше отзыва В. Г. Белинского. Весьма вероятно, что новая редакция „Портрета“ и была написана под воздействием критики Белинского, а указание Гоголя на Петербург следует понимать в том смысле, что в 1835 г. Гоголь жил в Петербурге и в Петербурге познакомился со статьей Белинского, на которую, по свидетельству П. В. Анненкова, он так сочувственно реагировал. Белинский подчеркивал, что „фантастическое как-то не совсем дается г. Гоголю“, а в „Портрете“ порицал, главным образом, вторую часть. Действительно в новой редакции „Порт-

рета“ почти все фантастическое было устранено и особенно радикально, была переработана вторая часть.

Гоголь посылал новую редакцию „Портрета“ в „Современник“ как уже отмечено было выше, вместо неосуществленной большой журнальной статьи. Накануне выхода в свет „Мертвых душ“ и в пору ожесточенной полемики Белинского с Шевыревым опубликование „Портрета“ имело для Гоголя, конечно, особое декларативное значение. С. П. Шевырев в своей полемической статье поднимал старый спор о „словесности и торговле“. „Портрет“ ставил аналогичные вопросы о „вдохновении“ художника и развращающей силе золота. В. Г. Белинский в статье „Русская литература в 1841 г.“ выступал с апологией творчества Гоголя, что было как нельзя более актуально для Гоголя накануне выхода в свет „Мертвых душ“. Гоголю памятен был глубоко его потрясший прием „Ревизора“ в 1836 г., обвинения в „карикатурности“, „грязности“ и „цинизме“, аналогичные тем, которые были предъявлены „Ревизору“, могли повториться и по поводу „Мертвых душ“. Если „зажигателем“ и „бунтовщиком“ сочли Гоголя в 1836 г., то и в 1842 г. Гоголь имел все основания предвидеть то же самое. Вопрос о защите и обосновании методов собственного художественного творчества в эту пору приобретал для Гоголя совершенно исключительное значение. Новая редакция „Портрета“ и заместила неосуществленную журнальную статью, так как фабульный материал „Портрета“ такую замену делал возможной.

В новой редакции „Портрета“, по сравнению с прежней, была изменена вся идейная концепция, а в связи с этим переработан и сюжет. Если в первой редакции эстетическая тема была подчинена социальной, — в новой редакции центр тяжести был перенесен именно на эстетическую проблематику, на самую методологию искусства. Вопросы о „презренном и ничтожном“ в искусстве, о назначении художественного творчества и о необходимых качествах „художника-создателя“ — таковы основные темы новой редакции „Портрета“. Н. С. Тихонравов справедливо указал на связь эстетических концепций новой редакции „Портрета“ с высказываниями Гоголя о сущности художественного творчества, которые были формулированы в первой редакции знаменитого начала 7-ой главы „Мертвых душ“ и в „Театральном разъезде“.

В новой редакции „Портрета“ Гоголь отошел от прежнего мифологизма и апокалиптических образов. В эстетическом плане, в плане разработки и совершенствования собственного творческого метода, Гоголь, по сравнению с его позициями 30-х годов, прошел большой путь вместе с демократической мыслью, вместе с критикой Белинского. Но на ряду с тем новая редакция „Портрета“ свидетельствует и об углублении противоречий в мировоззрении Гоголя.

Единственный критический отзыв, который мы имеем по поводу новой редакции „Портрета“, принадлежит тоже Белинскому. В полеми-

ческой статье „Объяснение на объяснение“ 1842 г., направленной против К. Аксакова, по поводу его критики „Мертвых душ“, Белинский подчеркнул, „что непосредственность творчества у Гоголя имеет свои границы и что она иногда изменяет ему, особенно там, где в нем поэт сталкивается с мыслителем, т. е. где дело преимущественно касается идей“. Переходя далее к новой редакции „Портрета“, Белинский писал: „Первая часть повести, за немногими исключениями, стала несравненно лучше, именно там, где дело идет об изображении действительности (одна сцена квартального, рассуждающего о картинах Чарткова, сама по себе, отдельно взятая, есть уже гениальный эскиз); но вся остальная половина повести невыносимо дурна и со стороны главной мысли, и со стороны подробностей“. Детально проанализировав вторую часть „Портрета“, Белинский заключал: „А мысль повести была бы прекрасна, если б поэт понял ее в *современном* духе: в Чарткове он хотел изобразить даровитого художника, погубившего свой талант, а следовательно и самого себя, жадностию к деньгам и обаянием мелкой известности. И выполнение этой мысли должно было быть просто, без фантастических затей, на почве ежедневной действительности: тогда Гоголь, своим талантом, создал бы нечто великое. Не нужно было бы приплетать тут и страшного портрета... не нужно было бы ни ростовщика, ни аукциона, ни многого, что поэт почел столь нужным, именно оттого, что отдалился от современного взгляда на жизнь и искусство“. („Отечественные Записки“ 1842, кн. II; ср. Соч. Белинского, VII, стр. 439—440).

ШИНЕЛЬ.

I.

ИСТОЧНИКИ ТЕКСТА

а) Печатные

П — Сочинения Николая Гоголя. Том третий. СПб., 1842.
Тр — Сочинения Н. В. Гоголя. Том третий. Москва, 1855.

б) Рукописные

РМ$_3$ — „Повесть о чиновнике крадущем шинели" (почерком М. П. Погодина с поправками Гоголя), из бумаг А. А. Иванова. Публичная библиотека СССР им. В. И. Ленина в Москве, картон № 2205.
РМ$_5$ — Десять отрывков (автографы) из бумаг А. А. Иванова. Публичная библиотека СССР им. В. И. Ленина в Москве, картон № 2205. Черновики к отдельным местам повести, разных редакций.
РЛ$_4$ — Четыре отрывка (автографы) из бумаг А. А. Иванова. Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде. Черновики к отдельным местам повести в редакции близкой к печатной.

В настоящем издании печатается по Сочинениям 1842 г. с поправками по Сочинениям 1855 г. и рукописям *РМ*$_3$ и *РЛ*$_4$.

II.

Самый ранний из рукописных отрывков „Шинели" *РМ*$_3$ [1], еще носящий другое заглавие — „Повесть о чиновнике крадущем шинели", — в основной части написан, по верному определению Тихонравова, почерком М. П. Погодина; тот же почерк находим в тех письмах Погодина, где, как в данном случае, он старался писать возможно четче (ср. его письмо к гр. Уварову 1838 г., архив Пушкинского Дома, 21. 220. CXVI6).

[1] См. Отчет московского Публичного и Румянцевского музеев за 1879—1882 гг., стр. 46—47; Соч., 10 изд., VII, стр. 867.

Из немногочисленных поправок Погодина (они все сохранены в самом тексте отрывка) можно усмотреть, что текст не списывался им с другой рукописи, а записан под диктовку (как предполагал уж и Тихонравов); очевидно, всё написанное Погодиным ему продиктовал сам Гоголь, подобно тому как, например, диктовал он Анненкову „Мертвые души". Как указал Тихонравов, эта диктовка могла иметь место только в 1839 г., в Мариенбаде, куда Погодин прибыл, согласно его „Дневнику", 8 июля и, застав уж там Гоголя, провел вместе с ним, в одной комнате, целый месяц (до 8 августа), — „месяц спокойствия и праздности", по собственным его словам.[1] Тут-то и мог быть им записан, под диктовку Гоголя, первый набросок „Шинели" („Повесть о чиновнике"). Этому есть подтверждения и в „Дорожном дневнике" Погодина, и в содержании самого наброска. В Мариенбаде, как явствует из „Дневника", Погодин и Гоголь застали множество русских, среди которых немало было как-раз чиновников. Потому-то тип чиновника в мариенбадских записях дневника Погодина и отмечен несколько раз. Таким образом, чиновничья русская среда, окружавшая Гоголя и Погодина в Мариенбаде и освежавшая воспоминания Гоголя о России, как нельзя ближе соответствовала среде, изображенной в „Шинели", вплоть до совпадения самых мест службы: упоминаемый Погодиным горный корпус — едва ли не тот „департамент горных и соляных дел", который упомянут в одном из ранних набросков повести. Надо еще прибавить, что оба, и Погодин, и Гоголь, особенно сблизились там тогда с некиим Бенардаки (прототипом, как думают, Костонжогло), занимательные рассказы которого Погодин называет „лекциями о состоянии России" и отмечает чисто художественный интерес к ним со стороны Гоголя. Из рассказов Бенардаки „об разных исках" мог быть почерпнут, между прочим, и материал для гоголевской повести, тем более что Погодину запомнился одновременно анекдотический характер этих рассказов. В самом содержании погодинской записи можно тоже отметить одну подробность, свидетельствующую о возникновении ее за границей, не раньше знакомства Гоголя с Римом. Имеем в виду „особенное искусство" безименного пока героя-чиновника „идя по улице, поспевать под окно в то самое время, когда из него выбрасывали какую-нибудь дрянь", — мотив, перешедший потом и во все дальнейшие редакции „Шинели", но возникновеньем своим, несомненно, обязанный римским впечатлениям Гоголя, на что тоже есть прямое указание в „Дневнике" Погодина. „Нет города в Европе столько нечистого как Рим", замечает Погодин, и затем продолжает: „Г.⟨оголь⟩, как я в первый раз пришел к нему, выплеснул воду из какой-то огромной чаши за окошко. Помилуй, что ты делаешь это? Ничего, отвечал он, на

---

[1] См. „Год в чужих краях (1839). Дорожный дневник М. Погодина" III, М., 1844, стр. 75—79.

счастливого!“ Погодин прибавляет: „Я, впрочем, старался ходить по средине улицы, чтоб не ороситься таким счастьем“ (op. cit., II, стр. 33). Использовать эту черту римской уличной жизни как карикатуру на счастье „довольного своим состояньем“ петербургского чиновника Гоголь едва ли бы мог по возвращении в Россию (осенью 1839 г.); она тоже, значит, указывает на возникновенье погодинской записи вскоре после отъезда из Рима, т. е. опять-таки в Мариенбаде.

Разительное отличие продиктованного в Мариенбаде начала повести в том, что герой именем не наделен пока вовсе, почему отсутствует и связанный с именем эпизод о рождении героя. Внешний вид рукописи таков: текст, продиктованный Погодину и оканчивающийся словами: „всяких других панталон и фраков“ (см. настоящего тома стр. 449), заполняет собой тонкий лист почтовой бумаги, перегнутый пополам в виде двух осьмушек, первая из которых почерком Погодина заполнена вся с обеих сторон, вторая же — только с одной стороны и то не вполне: низ и оборотная ее сторона заполнены уже почерком Гоголя (начиная со слов: „Об этом портном нечего и говорить“, до конца); поправки Гоголя есть и выше (чтоб отличить их от поправок Погодина, они все отнесены в подстрочные примечания). Что касается времени возникновения этих собственноручных поправок и приписок Гоголя, то, чтоб определить его, надо предварительно разобраться в остальных рукописных отрывках повести.

Их, кроме рассмотренного, согласно подразделению Тихонравова, дошло до нас еще 14; но особо он выделил из них только один (содержащий начало), отнеся его ко „2-ой редакции“; а остальные 13 по редакциям не распределил вовсе, оставив за ними неопределенное название „разных редакций“ и опубликовав в простой последовательности соответствующих мест печатного текста. Однако, и они, при ближайшем рассмотрении, поддаются хронологической классификации.

Из сличения четырех отрывков ленинградской коллекции (2-ой, 3-й, 4-ый и 10-ый, согласно нумерации Тихонравова [1]) между собой и с отрывками Ленинской библиотеки в Москве [2] выясняется следующее.

Первые 3 отрывка (2-ой, 3-й и 4-ый) заполняют собой один и тот же лист белой, плотной, без всяких водяных знаков бумаги in 4°, в таком порядке: 2-ой отрывок (от слов: „Когда и в какое время“, до слов: „с лысинкой на голове“) заполняет верх лицевой стороны листка, отделяясь от дальнейшего чертой, ниже которой читается вторая половина отрывка 3-го (от слов: „Вряд ли где можно было найти человека“, до слов: „не оказывали внимания“) и далее — весь отрывок 4-ый (от слов: „Вне этого переписыванья“, до слов: „на середине

---

[1] См. Отчет имп. Публ. библиотеки за 1862 г., СПб., 1863, стр. 48; Соч., 10 изд., VII, стр. 868.

[2] См. Отчет и т. д. за 1879 — 1882 гг., стр. 46-47; Соч., 10 изд., VII, стр. 867.

улицы"); оборотная же сторона листка заполнена только до середины началом отрывка 3-го (от слов: „В этом голосе его", до слов: „коренной свирепой грубости"). Почерк и чернила везде одинаковы. Напротив, последний 10-ый (от слов: „Ну, нет, подумал Акакий Акакиевич", до слов: „расположение к рассеянности") заполняет собой обе стороны особого листа, того же впрочем размера и той же бумаги, что предыдущий; одинаков тут и там почерк, одинаковы и чернила; однако, подклейка, соединяющая оба листка вместе, Гоголю не принадлежит, как не принадлежит ему и их пагинация (52, 53), чему соответствует также отсутствие прямой связи в тексте второго листка с текстом первого.

Из этого видно, что, во-первых, оба листка Ленинградской коллекции заполнялись Гоголем в один и тот же период работы и что, во-вторых, отсутствие прямой связи между их текстом предполагает другие листки той же редакции, соединявшие содержание первого с содержанием второго. Обращаясь, в поисках этих промежуточных звеньев, к отрывкам московской коллекции, мы находим ту же, что с ленинградских отрывках, бумагу, того же размера (22 см. $\times$ 17 см.) лишь у двух из них, — как раз у тех, которые по содержанию примыкают к началу и к концу отрывка 10-го; эти, согласно нумерации Тихонравова, отрывки 9-ый (от слов: „Так и оторопел", до слов: „Что ж это говорит Петрович, чтобы шить новую шинель. Ведь") и начало 11-го (от слов: „Один раз переписывая", до слов: „какого Акакию Акакиевичу еще никогда") заполняют собой перегнутый пополам, в виде двух указанного размера четверток, лист знакомой уже нам бумаги в следующей последовательности: отрывок 9-ый — большую часть лицевой стороны первой четвертки, низ и оборотная сторона которой оставлены пустыми; отрывок 11-ый — лицевую сторону второй четвертки. Очевидно, вслед за отрывком 9-м, как прямое его продолженье, записан был не отрывок 11 (на том же листке), а на особом листе (той же однако бумаги) отрывок 10-ый, сходный с 9-м отрывком и по почерку, тогда как почерк отрывка 11-го иной, более мелкий; значит, только закончив отрывок 10-ый, после известного перерыва, начал Гоголь записывать его продолжение, отрывок 11-ый, на оставленной было половине того листа, где отрывок 9. Не переходя затем на оборотную страницу этой четвертки, так как она ранее была уже заполнена отрывком о косноязычии Акакия Акакиевича (см. о нем ниже), отрывок 11-ый обрывается тут на половине фразы („в лице его показалось выражение самое значительное, какого Акакию Акакиевичу еще никогда"), конец которой („не случалось видеть") перенесен на другой уже лист голубой бумаги, перегнутый тоже в виде двух четверток и содержащий окончанье отрывка 11-го (до слов: „пошел вызвать") тем же почерком, что и его начало. Несмотря на несходство бумаги, непрерывность текста вынуждает и этот конец отрывка 11-го отнести к наметившемуся выше циклу следовавших друг за другом

записей одной и той же редакции. Нельзя не присоединить к нему и два последних отрывка (12-ый и 13-ый): 12-й (от слов: „частный как-то странно“, до слов: „некоторый страх“, на двух четвертках, перегнутых не обычным способом, а в виде столбца, причем вторая заполнена только с одной стороны, вверху) непосредственно продолжает отрывок 11-ый и записан одинаковым с ним почерком и чернилами, хоть и на другой (белой) бумаге; 13-ый же (от слов: „Акакий Акакиевич уже и не слышал“, до слов: „к Семеновским казармам“, на перегнутом в две больших четвертки листе белой плотной бумаги, с соколом на скале и литерами „F“ „G“ в филиграни) непосредственно продолжает отрывок предыдущий, будучи с ним сходен и почерком.

Особой оговорки требует отрывок 11-й. Лист, на котором записывалось его начало, еще раньше был заполнен (по одной стороне) описанием косноязычной речи героя (Соч., 10 изд., II, стр. 630-631). Это было распространение первоначальной более краткой редакции соответствующего эпизода (о первом посещеньи героем портного) в том виде, как передает его отрывок 5-й (от слов „Всходя по черной лестнице“, до слов: „колинкорца вставить“, на обеих сторонах первой четвертки перегнутого пополам листа голубой почтовой бумаги): описания косноязычья героя тут нет еще вовсе, а самая речь Акакия Акакиевича к Петровичу сильно разнится от окончательного ее вида; но замечательно, что на том же листе, где записан отрывок 5-ый, на второй четвертке его, другим более четким почерком (и, следовательно, едва ли одновременно с отрывком 5-м) записана речь к Петровичу, в редакции уже приближающейся к печатному тексту (Тихонравовские отрывки 6-ой и 7-ой). Таким же распространением отрывка 5-го (тоже с приближеньем к печатному тексту) надо признать и ту запись о косноязычии, которая предшествовала отрывку 11-му. Переработка ранней, более краткой редакции (засвидетельствованной пока-что лишь отрывком 5-м), начинала собой таким образом ту, к которой мы выше отнесли отрывки 2 — 4,9 — 13 и к которой надо теперь добавить, в качестве дополнительных распространений более ранних записей, Тихонравовские отрывки 6, 7 и особый отрывок о косноязычии героя.

Что касается отрывка 5-го, то он примыкает вплотную к упомянутым выше припискам Гоголя в мариенбадской рукописи Погодина. Чтоб убедиться в этом, достаточно как приписки эти, так самый отрывок сличить с соответствующим местом печатного текста. При сличении оказывается, что отрывок 5-ый начинается там, где на полуфразе обрывается одна из последних приписок в мариенбадской рукописи („испустивши потом что-то подобное на рычание сквозь“). С несомненностью вытекает отсюда близость отрывка 5-го, и в редакционном и в хронологическом отношении, к припискам Гоголя в мариенбадской рукописи. Ту же близость к ним усматриваем в отрывке 8-м (на лицевой стороне листа in 8°, плотной с глянцем

белой бумаги, с клеймом „Bath“ в левом нижнем углу, с двумя вверху рисунками, — карандашом и чернилами, — изображающими кусты, и с записанными отдельно карандашом словами: „на благорассуждение“). Содержание его (от слов: „А ты, Петрович, заплаточку!“, до слов: „нужно новую делать“) непосредственно продолжает собой последнюю из приписок в мариенбадской рукописи, начинаясь репликой Акакия Акакиевича на заканчивающие приписку слова Петровича („посмотрите только сукно не выдержит“, см. выше стр. 450). Почерк и чернила при этом как в приписках мариенбадской рукописи, так и в отрывках 8-м и 5-м одинаковые. Итак, два отрывка более ранней, чем остальные, редакции непосредственно примыкают к припискам в мариенбадской рукописи или как их продолжение (отрывок 8-ой), или как дополнение к ним (отрывок 5-ый). В таком же отношении к указанным припискам стоит и тот набросок начала повести (на обеих сторонах листа голубой бумаги in 4°), который, под названием „2-ой редакции“, выделен был Тихонравовым особо. Начинается он с тех же слов, что и мариенбадская рукопись („В департаменте податей и сборов“), т. е. в основе своей является простой ее копией (чему соответствует и четкий сперва почерк), переходящей, однако, тут же в самостоятельную переработку. Та же связь с мариенбадским текстом (включая Гоголевские в нем приписки) видна в этом отрывке и дальше: внесши в основной текст то, что в мариенбадской рукописи приписано было им на полях („был он то, что называют вечный титулярный советник“), Гоголь теперь место это распространяет указанием фамилии и имени чиновника (Акакий Акакиевич Тишкевич), присоединяя затем, в пояснение, новый особый эпизод (о рождении героя).

Мариенбадская рукопись с приписками Гоголя одинаково служит, таким образом, первоосновой для дальнейших распространений как в отрывках 5-м и 8-м, так и в отрывке с началом повести; наглядное чему подтверждение — в том, что имя героя (Акакий Акакиевич), незнакомое основной погодинской записи, появляется, однако, сразу же не только в рассмотренном варианте начала и в отрывке 5-м, но и в гоголевских припискаx к погодинской записи (ср. „Акакий Акакиевич очень понимал этот жест“, настоящего тома стр. 449, примечания). Приписка эта в конце мариенбадской рукописи предполагает уж, следовательно, в начале не погодинскую запись о безыменном чиновнике, а то ее видоизменение, которое мы только что рассмотрели. Одновременность его с приписками мариенбадской рукописи и с отрывками 8-м и 5-м может, поэтому, считаться доказанной.

Эту группу рукописного материала назовем, вслед за Тихонравовым, второю редакцией (считая, что первая — „Повесть о чиновнике“ без гоголевских приписок). И если первая записана была, как мы знаем, между 8 июля и 8 августа 1839 г. (в Мариенбаде), то вторая возникла в Вене, в августе-сентябре того же года, как можно

заключить из имеющейся на последней (пустой) странице отрывка 5-го записи в четыре строки (карандашом): „Народ кипит и толкётся на площади“ и т. д. Запись эта, как установлено, имеет прямое отношение к наброскам драмы из украинской истории, сделанным в Вене в августе — сентябре 1839 года. — См. Соч., 10 изд., II, 629; V, 677, 680. Она и сама поэтому едва ли могла быть сделана в другое время; а вместе с тем сделана она не раньше того, как первые две страницы листка заполнены были нашим отрывком 5-м. Его текст записан был, следовательно, тоже в Вене, тогда же, когда и самый набросок. А отсюда вытекает, что и одновременные остальные наброски и отрывки 2-ой редакции „Шинели“ следует отнести к тому же периоду.

Итак, перебравшись в конце августа 1839 г. из Мариенбада в Вену и сразу же почувствовав „посещение“ вдохновения, Гоголь в течение месяца (до отъезда с Погодиным из Вены в Москву 22 сентября), кроме набросков к задуманной тогда драме, продолжил начатую в Мариенбаде работу над повестью о чиновнике. И всё сделанное в этот венский период 1839 г., опираясь на более ранний погодинский текст, сводится, во-первых, к его продолжению (на 3 и 4 страницах погодинского листка и далее, в отрывках 5-м и 8-м) и, во-вторых, к поправкам и дополнениям собственно первой редакции (в новом вступительном отрывке и в приписках на полях к тексту Погодина). Поправки эти, в свою очередь, сводятся к следующему. Узко-анекдотический и вместе каламбурно-юмористический характер, приданный было сперва повести (в мариенбадском тексте), расширяется теперь до пределов художественного обобщения — путем ссылки на „сочиненья разных писателей“, острящих над чиновниками и тут же отвергаемых Гоголем, — писателей, которые имеют „похвальное обыкновение налегать на тех, которые не могут кусаться“. Таково разительное отличие второй (венской) редакции от первой (мариенбадской).

Но, как сказано, отрывок 5-ый хронологически предшествовал тем рукописным отрывкам, связь между которыми установлена выше. Предшествовала им, следовательно, и 2-ая редакция в целом. Назовем поэтому эти отрывки (2, 3, 4, 6, 7, 9, 10, 11, 12 и 13) третьей редакцией. Время возникновения ее определяется неупомянутой у Тихонравова записью белья вверху первой страницы отрывка 10-го. Приводим ее целиком:

Рубах —	Рубах 9
простынь	панталон [3]
юбки по 10	чулок $10^1/_2$
	фуфайки 3
	полотенец 10.

„Юбки“ в хозяйственном инвентаре одинокого Гоголя появились, конечно, только в тот сравнительно короткий период совместной его

жизни с сестрами, когда, по приезде в Петербург (30 октября 1839 г.), взявши их из института, он поместил их сперва у княгини Репниной (18 ноября), а потом, в конце декабря, перевезя в Москву, сам поселился с ними у Погодина в мезонине, дожидаясь приезда матери, явившейся из Васильевки в первой половине апреля (1840 г.). Письма Гоголя за указанный период не раз касаются этой необычной для него темы — белья и платьев, „обмундировки сестер". В воспоминаниях Аксакова отмечены также „записки нужных покупок", которые сестры давали Гоголю и которые он „нередко терял". [1]

Одна из таких или сходных по назначению записок и попала, очевидно, на тот листок, где записан отрывок „Шинели" (10-ый). Записан он тем же почерком и чернилами, что и перечень, к тому же непосредственно под ним, следовательно, и одновременно с ним, т. е. между 18 ноября (когда Гоголь перевез сестер из института к Репниной) и двадцатыми числами декабря, когда он и сестры, вместе с Аксаковыми, выехали из Петербурга. Около того же времени записывались, значит, и связанные с отрывком 10-м отрывки 2-ой, 3-й 4-ый и 9-ый. Отметим кстати, что описанная выше общая им всем бумага — выделки, несомненно, русской. Что касается до того, писал ли вообще что-нибудь Гоголь в Петербурге в 1839 году, то как раз к концу ноября в воспоминаниях Аксакова приурочен рассказ о литературных занятиях Гоголя в гостях у Жуковского. Почти наверное можно сказать, что писалась тогда как раз „Шинель".

В Петербурге возобновилась, значит, прерванная-было в Вене работа. И судя по тому, что с отрывками 9-м и 10-м бумагой и вместе почерком сходны только еще отрывки 2-й, 3-й, 4-й и особый отрывок о косноязычии, отрывок же 11-ый, хоть и начат на том же листе, что и 9-ый, но другим уже почерком, да и продолжен на другой уж бумаге, — в петербургский период из отрывков третьей редакции написаны были лишь отрывки 2-ой, 3-й, 4-ый, 9-ый (с отрывком о косноязычии) и 10-ый; 11-ый же и дальнейшие отделены от них, видимо, каким-то новым перерывом в работе.

Что внесли нового в ранее сделанное эти шесть отрывков третьей редакции петербургской записи?

Подобно второй редакции, и третья, продолжив ход рассказа далее от того места, на котором его застала, внесла одновременно ряд дополнений в то, что написано было раньше. Продолжением ранее написанного служат отрывки 9-ый и 10-ый, дополнением же к нему являются отрывки 2-ой, 3-й, 4-ый и отрывок о косноязычии. И наметившаяся еще во второй редакции тенденция к филантропической переоценке комических повестей о чиновниках здесь, в дополнениях третьей редакции, как бы нарастает и углубляется: имеем в виду отрывок 3-й, содержа-

[1] См. С. Т. Аксаков, „История моего знакомства с Гоголем". М., 1890, стр. 20, 27, 30.

щий, в виде дополнения к ранее наметившемуся комическому рассказу (о службе чиновника), знаменитую патетическую тираду о сострадании к обиженному.[1] Но вместе с тем каламбурно-юмористический элемент не только не ослаблен, а, напротив, усилен и заострен рядом новых анекдотических и стилистических „издевательств" (в отрывке 4-ом). Окончательно, таким образом, выяснилось теперь контрастное, патетически-юмористическое построение повести.[2]

Отъезд из Петербурга с Аксаковыми в конце декабря 1839 г. помешал Гоголю продолжить работу дальше: с переездом в Москву он всецело отдается „Мертвым душам" (см. Аксаков, op. cit., стр. 34—37).

Принято думать, что „Шинелью" Гоголь был затем занят в Вене, летом 1840 г. Прямых об этом свидетельств, однако, нет, а косвенное, приводимое Тихонравовым (сходство бумаги в 13-м отрывке с бумагой одного из отрывков „новой редакции" „Тараса Бульбы", см. Соч., 10 изд., II, стр. 619—620) едва ли надежно; напротив, непрерывность текста и сходство почерка в отрывке 13-м с предшествующими отрывками 12-м и 11-м не позволяют составление его отделять от этих последних.

„Шинель" была закончена, повидимому, не в Вене, а уже в Риме и должно быть ранее конца апреля 1841 г. (когда прибыл в Рим Анненков и застал Гоголя всецело опять поглощенного „Мертвыми душами"). Последние отрывки третьей редакции — 11-ый, 12-ый и 13-ый, написанные один вслед за другим, — мы и датируем предположительно началом 1841 г. Косвенное этому подтверждение видим в том, что̀ известно из переписки Гоголя о его литературных занятиях указанного периода. Еще в конце декабря предыдущего 1840 г. он извещал Погодина о каких-то побочных, кроме „Мертвых душ", литературных планах на ближайшее будущее. Денежный долг вынуждал тогда Гоголя всё же считаться с просьбами Погодина о присылке ему чего-нибудь для журнала. И несмотря на нежелание отвлекаться от „Мертвых душ", Гоголь 13 марта 1841 г. писал московским друзьям (Аксакову), что отыщет „какой-нибудь старый лоскуток" и просидит „над переправкой и окончательной отделкой его, может быть, две-три недели". Очень вероятно, что, говоря о „старом лоскутке", Гоголь имел в виду написанные к тому времени отрывки „Шинели". Да и сам Погодин в это как раз время от Гоголя для своего журнала ожидал, повидимому, скорей известную ему по

---

[1] Этим, кстати, опровергается утверждение В. Розанова, будто этот „плач" Гоголя над своим героем — только „какая-то приписка сбоку", появившаяся в повести „когда собственно рисующая работа была уже окончена". См. В. Розанова. „Как произошел тип Акакия Акакиевича" в приложении к книге „Легенда о великом инквизиторе Достоевского", изд. 3, СПб., 1906, стр. 279.

[2] Впервые отмеченное Б. М. Эйхенбаумом в его статье „Как сделана „Шинель" Гоголя", см. „Поэтика", I, Пгр., 1919, или книги назв. автора: „Сквозь литературу", Лгр., 1924, стр. 171—176, и „Литература", Лгр., 1927, стр. 149—165.

началу „Повесть о чиновнике“, чем то, что мог из себя представлять тогда будущий „Рим“. Во 2-ой книге „Москвитянина“ (1841 г.), в отделе „Смесь“ (стр. 616), в статье „Литературные новости“, анонсированы имевшие появиться в печати новые произведения Гоголя, где, между прочим, читаем: „Есть несколько готовых повестей: О чиновнике укравшем шинель, Мадонна del fiori и пр“. Наконец, самая бумага, употребленная для отрывка 11-го (для второй его половины) — „голубоватая большого формата“, — та самая, по определению Тихонравова, которою Гоголь „пользовался в Риме“. — См. Соч., 10 изд., II, стр. 631.

Доведя повесть до конца в первые месяцы 1841 г., Гоголь тогда же, очевидно, приступил к переписке черновика набело. Свидетельство этому — последний из 15 дошедших до нас отрывков, согласно нумерации Тихонравова — 1-й. Это, несомненно, отрывок беловой рукописи (на двух половинках разрезанного полулиста белой бумаги), содержащий то самое начало (от слов: „В департаменте“, до слов: „дать никак было невозможно“), которое дошло до нас и в первой, и во второй редакции повести. Переписанное теперь в третий раз, оно впервые лишь тут наделено окончательным заглавьем: „Шинель“; но переписано было, несомненно, с известного уже нам вступительного отрывка второй редакции; первая не доведенная до конца фраза выписана оттуда: „В департаменте... не хочу сказать“ — ср. начало второй редакции, настоящего тома, стр. 451. — Зачеркнув не удовлетворивший его теперь конец фразы, Гоголь не удовлетворился и первой найденной ему заменой; лишь вторая замена удовлетворила его настолько, что почти без изменений перешла затем и в печатный текст, — ср. в отделе „Варианты“, настоящего тома, стр. 521. — Такая правка вступительной фразы в этом отрывке беловой рукописи позволяет и его датировать теми же первыми месяцами 1841 года, что и последние три отрывка черновика. Дело в том, что отрывок 13-й, в отличие от печатного текста, содержит следующую, неуместную в конце большой повести ссылку на самое ее начало и свидетельствующую поэтому лишь о том, что начало это возникло одновременно со ссылкой (т. е. с отрывком 13-м): „Чиновник того департамента, которого не смею назвать по имени по сказанным выше причинам“ — см. в отделе „Другие редакции“, настоящего тома стр. 457. — Разъяснению этих „причин“ и посвящены как раз вступительные фразы отрывка 1-го.

Дальнейшие листы римской беловой копии 1841 г. до нас не дошли — потому, вероятно, что не подвергались уж такой правке, как первый, и, значит, поступили со временем прямо в распоряжение писца.

Писарскую (тоже не дошедшую до нас) копию „Шинели“ Гоголь передал Прокоповичу, видимо, сам, при заезде на несколько дней в Петербург летом 1842 г., перед отправлением за границу, когда решен был вопрос о составе третьего тома задуманного тогда издания Сочинений (см. выше в Введении). Рукопись эта, как видно из письма Про-

коповича к Шевыреву от 6 августа 1842 г. (см. там же), имела пропуски, которые заполнил „по догадкам“ сам Прокопович.

Далее понадобились-было и иного сорта „поправки“ — цензурные.

21 октября 1842 г. Прокопович писал самому уже Гоголю: „Никитенко... в „Шинели“, хотя не коснулся ничего существенного, но вычеркнул некоторые весьма интересные места. Впрочем Краевский взялся и хлопочет об этом сильно, а Никитенко обнадежил меня, что всё сделает, что будет можно. В эту самую минуту, как пишу к тебе, судьба этих мест решается.... Сообщу тебе, что совсем не будет пропущено, и надеюсь, что в этом же письме“ (см. В. Шенрок „Материалы“, IV, стр. 56). — Обещанного сообщения Прокоповичу сделать, однако, не удалось, и вопрос о том, было ли в самом деле что-нибудь выпущено цензурой в рукописи „Шинели“ или хлопоты Краевского увенчались успехом, остается открытым. Сам Никитенко в своем Дневнике отметил лишь (под 24 декабря 1842 г.): „Я рассматривал новое издание сочинений Гоголя, где между старыми его вещами помещено несколько новых, например „Шинель“ повесть.... Пьесы эти я представлял комитету и решено было их напечатать“.— См. А. В. Никитенко, „Записки и дневник“, I, СПб., 1905, стр. 332—333.— Прокоповичу, как известно, вторично пришлось иметь дело с цензурой, — когда 3-й том был уже отпечатан, а выпуск его в продажу был задержан. До нас дошло „отношение“ попечителя петербургского учебного округа (кн. Г. Волконского) на имя министра народного просвещения, от 4 января 1843 г., по поводу сомнений, возбуждаемых у цензора (Никитенко) сочинениями Гоголя, „нигде еще не напечатанными“, причем приведено несколько мест из „Шинели“, „представленных на особенное внимание цензурного комитета“ (см. „Литературный музеум. Цензурные материалы“, I, СПб., стр. 51—52). Только в 20-х числах января 1843 г. 3-й том, содержащий „Шинель“, был, наконец, разрешен и стал достоянием тогдашней читающей России.

Итак, за „Шинель“ Гоголь принимался четыре раза и только в последний раз довел ее до конца. В Мариенбаде, в июле-августе 1839 г., он продиктовал Погодину вступительный отрывок первой ее редакции („Повести о чиновнике крадущем шинели“), отличающейся от дальнейших своим ничем несмягченным комизмом. В августе — сентябре тогоже 1839 г., в Вене, продолжив и покрыв исправлениями погодинский текст, дополнив его одновременно отрывками 5-м, 8-м и переписав заново, с включением нового эпизода (о рождении чиновника), его начало, Гоголь создал вторую редакцию будущей повести, где имя и фамилия чиновника — Акакий Акакиевич Тишкевич. Третья редакция начала складываться в ноябре—декабре 1839 г. в Петербурге, — опять-таки из дополнительных приписок к ранее сделанному (таковы отрывки 2-ой, 3-й, 4-ый, отрывок о косноязычии и, вероятно, тогда же написанные отрывки 6-ой и 7-ой) и из продолжения (отрывки 9-ый и 10-ый); отличительная черта как второй, так и третьей редакций — в постепенном

усилении сентиментально-патетического элемента за счет комического. С отъездом Гоголя из Петербурга (в конце декабря 1839 г.) работа прекращается до его возвращенья в Рим, когда он, под давленьем Погодина, в феврале—апреле 1841 г. дописывает повесть в один присест, начав с того, на чем остановился год тому назад в Петербурге и доведя теперь в первый раз работу до конца (отрывки 11-ый, 12-ый и 13-ый). Фамилия чиновника тут — *Башмакевич* (или, может быть, *Башмаков*, ср. стр. 547).

Как сразу видно, при таком ходе работы подразделение рукописей на редакции условно: ни одна из них полностью не заменяла собой более раннюю, так как была собственно ее продолжением с попутными исправлениями. По отношению же к печатному тексту существенные отличия есть только в двух первых редакциях, которые и воспроизводятся поэтому в настоящем издании отдельно — в разделе „Другие редакции“: „I — Повесть о чиновнике крадущем шинели“ (с отнесением приписок Гоголя, как сказано, под строку); II — Отрывки второй редакции: 1. — вступительный отрывок тихонравовской „второй редакции“; 2. — тихонравовский отрывок 5-й; 3. — тихонравовский отрывок 8-ой. Что же касается отрывков третьей редакции, то по отношению к печатному тексту их надо признать просто его черновиком; редакционных отличий здесь указать нельзя, за исключением отрывка 13-го, содержащего эпилог; в нем, напротив, мы наталкиваемся на ряд таких отличий от печатного текста, которые свидетельствуют, с одной стороны, о позднейшем внесении в отрывок целого ряда новых подробностей, а с дургой — и о некоторых, тоже позднейших, заменах и сокращениях, проще всего объясняемых требованиями цензуры. Например, предсмертный бред Акакия Акакиевича в рукописном отрывке не только резче охарактеризован („выражаясь совершенно извозчичьим слогом или тем, которым производят порядки на улицах“), но и сопровожден тут особым монологом протестующего характера: „Я не посмотрю, что ты генерал“. Несомненно, цензурного происхождения и замена в печатном тексте „Семеновских казарм“ (к которым в рукописи направилось усатое „привиденье“) не имеющим отношения к военной службе „Обуховым мостом“, — недаром и в таком даже виде, за одни уцелевшие от цензорской правки усы — тогдашний признак военного — место это еще раз вынесено было перепуганным Никитенко на обсуждение цензурного комитета.

Исчезновение этих и других им подобных подробностей из печатного текста может поэтому объясняться или прямым вмешательством цензуры (о котором писал Гоголю Прокопович), или предусмотрительностью самого Гоголя, исключившего их заранее при переписывании рукописи набело, в предвидении цензурных придирок. И в том, и в другом случае рукописные варианты указанного типа должны бы, казалось, в основном тексте „Шинели“ занять место первопечатных. Этому, однако, препятствует или отсутствие в них даже чисто внешней законченности (как в первом примере), или слишком заметное расхождение

соответствующего варианту контекста с контекстом печатным (как во втором). Словом, по всему судя, рукопись эпилога тем и отличается от остальных отрывков третьей редакции, что при переписываньи набело подверглась еще раз новым, довольно существенным дополнениям и сокращениям, что и мешает, при отсутствии беловика, большинство цензурных замен просто выправить, как это сделано в других повестях, по имеющейся черновой рукописи. Только в двух совершенно бесспорных случаях, при полном почти тожестве контекста в рукописи с контекстом издания 1842 г., цензурная правка заменена в нашем основном тексте рукописным подлинником: это, во-первых, заключительные слова авторского монолога об умершем Акакие Акакиевиче: „как обрушивалось на царей и повелителей мира", вместо продиктованного, несомненно, цензурой (в издании 1842 г.): „как обрушивается оно на главы сильных мира сего!" (ср. настоящего тома стр. 169); и, во-вторых, там где речь идет о сдергивании мертвецом шинелей: „пусть бы еще титулярных, а то даже самих тайных советников" (см. стр. 179) вместо „но даже и надворных советников" (изд. 1842 г.), — предельного чина, упоминания о котором в шутливом тоне допускались николаевской цензурой. [1]

Самый же отрывок 13-ый, в виду указанных его отличий от остальных отрывков третьей редакции, печатается самостоятельно — в отделе „Другие редакции". Все остальные (вместе с сохранившимся началом беловика) подводятся к основному тексту в отделе „Вариантов".

После 1842 г. „Шинель" при жизни Гоголя больше не переиздавалась. Но в корректурных листах подготовлявшегося Гоголем в 1851 г. второго издания Сочинений „Шинель" всё же подверглась, несомненно, авторским поправкам; впрочем, самая из них в этом смысле бесспорная (о выслуге чиновником гемороя) в основной текст введена быть не может, так как, касаясь одного из тех мест повести, которые в 1842 г. отмечены были цензором (см. выше), рассчитана явно на то, чтоб и со вторым изданием не повторилось того же, что было с первым. — Ср. в отделе „Варианты" настоящего тома стр. 526. Остальные же поправки — или орфографические, — и в этом случае принадлежность их самому Гоголю сомнительна (они большей частью отнесены в „Варианты"), или (в трех случаях) исправляют опечатки издания 1842 г. и поэтому, кому бы ни принадлежали, приняты в наш основной текст, не требуя особых оговорок.

Оговориться надо о нескольких исправлениях по рукописям. В виду засвидетельствованной Прокоповичем неисправности окончательной писарской копии, легшей в основу издания 1842 г., в нескольких случаях его текст пришлось исправить по сохранившимся черновикам; таких

[1] Ср. в письме Гоголя Прокоповичу от 25 января 1837 г. по поводу присылки Анненковым канцелярского анекдота: „Если действующие лица выше надворных советников, то, пожалуй, он может поставить вымышленные названья, или господин N. N."

случаев, кроме указанных выше и связанных с цензурой, можно указать еще шесть:

стр. 144, строка 19: какой-то свой разнообразный и приятный мир (*П, Тр:* как-то свой разнообразный и приятный мир);

стр. 144, строка 22; и подсмеивался и подмигивал (*П, Тр:* и подсмеивал и подмигивал);

стр. 150, строка 17: место, где находилось лицо, было проткнуто пальцем и потом заклеено четвероугольным лоскуточком бумажки (*П, Тр:* наклеено);

стр. 162, строка 4: Будочник отвечал, что он не видал ничего (*П, Тр:* Будочник отвечал, что он не видал никого);

стр. 170, строка 8: по причине ночного сдергивания шинелей (*П, Тр:* по причине частого сдергивания);

стр. 172, строка 7: сошел с лестницы, сел в сани (*П, Тр:* сошел с лестницы, стал в сани).

III.

Сюжет „Шинели" возводят обычно к рассказанному в воспоминаньях П. В. Анненкова анекдоту о чиновнике, потерявшем ружье. — См. П. В. Анненков. „Литературные Воспоминанья", изд. Academia 1928, стр. 61—62. — Впечатление, произведенное, по словам Анненкова, на Гоголя анекдотом, надо отнести к 1833—36 гг., когда Гоголь, действительно, „жил на Малой Морской в доме Лепена". Но заключать отсюда, что „Шинель" и начата в те же годы, нет оснований: история сохранившихся рукописей „Шинели" не дает ни малейшего на то права (см. выше). Анекдот Анненкова — устный образец популярного в литературе 30-х годов жанра повестей о бедном чиновнике, с их двумя разновидностями: сатирическою (или комически-гротескною) и сентиментальною (или элегическою). Такая дифференциация внутри жанра началась еще до вмешательства Гоголя в его судьбу (у Булгарина и Ушакова). Но как та, так и другая его разновидности сразу же использовали: одна — комически-сказовый стиль „Повести о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем", другая — тематику и стиль личных признаний Поприщина в „Записках сумасшедшего". Под знаком такого двустороннего воздействия Гоголя и оказывается повесть о бедном чиновнике во второй половине 30-х годов, когда живо начинает ощущаться потребность в демократизации литературных форм, в „очеловечении", в поднятии на более серьезный и впечатляющий уровень наличных тогда в литературе жанров. По отношению к повестям о чиновнике решающая роль как раз и выпала на долю „Шинели". Из других повестей того же жанра (комической разновидности) „Шинель" своею тематикой частично совпадает с „Гражданственным грибом" Булгарина (в „Северной Пчеле" 1833, № 213), „Лукою Прохоровичем" Гребенки (1838 г.), „Дочерью чиновного человека"

И. Панаева (1839), „Демоном“ Павлова (1839) и повестью „За стеной“ Ничипора Кулеша (Лит. прибавл. к Русскому Инвалиду 1839, № 21). Сентиментальная разновидность жанра тоже представлена в „Шинели“ отдельными чертами, сходными с „Записками гробовщика“ В. Ф. Одоевского (в „Альманахе на 1838 г.“), его же „Живым мертвецом“ (1838 г.), а также „Перстнем“ Гребенки (1841 г.). Приемы комически-гротескного сказа, сложившиеся в законченную стилистическую систему еще в „Повести о том как поссорился“, претерпевают в „Шинели“ существенное видоизменение в смысле сочетания с ними совершенно иных приемов повествования, восходящих в прошлом к „Старосветским помещикам“, прочней же всего связанных с „Мертвыми душами“. Для данной повести характерно постепенное высвобождение образа чиновника из-под власти сказового комического стиля, а также последовательно вторгающиеся в нее авторские патетические монологи. Но, по мере такого высвобождения, комизм по контрасту сгущается на окружении героя: на будочнике, кухарке, квартальном, на других департаментских чиновниках и, наконец, на „одном значительном лице“.

Комически изобразив „безчеловечье“ среды, Гоголь тем самым „очеловечил“ ее жертву (традиционного героя — чиновника), разрешив таким образом ту задачу, которая стояла тогда не перед ним одним, а перед всей русской литературой.

Идея социальной среды приобретала как раз в те годы особое значение в мировоззрении Белинского. Ее же выдвигала одновременно „Шинель“ как новый объект художественно-сатирического изображения современного города. Отсюда вся исключительность роли этой повести, наравне с литературными манифестами Белинского, в образовании и развитии „натуральной школы“ 40-х годов.

Критические отзывы современников Гоголя о „Шинели“ немногочисленны. Белинскому не удалось сколько-нибудь подробно высказаться о „Шинели“. Впрочем, он первый отметил в ней, еще до выхода ее в свет, „одно из глубочайших созданий Гоголя“ (в статье 1842 г. „Библиографическое известие“; см. Соч. Белинского, VII, стр. 325, 606). В другой его статье (в рецензии на „Сочинения Николая Гоголя“ в „Отечественных Записках“ 1843 г.) сказано, что „Шинель“ есть новое произведение, отличающееся глубиною идеи и чувства, зрелостью художественного резца“ (т. VIII, стр. 90). Говорится о „Сочинениях Николая Гоголя“ и в обзоре литературы за 1843 год, но опять лишь вскользь: более подробный разбор их Белинский и здесь откладывает до „особой статьи“, которая не была, однако, написана. И дальнейшие его отзывы о „Шинели“ совершенно поэтому случайны. (См. соч. Белинского, т. IX, стр. 238—239 и др.)

Отзыв Шевырева (в рецензии на „Петербургский сборник“ Некрасова) любопытен только указанием на возможность зависимости „Шинели“ от „Демона“ Павлова: „Павлов, в порыве раздраженной са-

тиры... изобразил в своем „Демоне“ всё нравственное униженье, до которого могла дойти эта жертва общественных условий... Может быть „Демон“ вызвал гоголеву „Шинель“. — См. „Москвитянин“ 1846, кн. I.]

К 1847 г. относится первый из отзывов о „Шинели“ Аполлона Григорьева: „В образе Акакия Акакиевича поэт начертал последнюю грань обмеленья божьего создания до той степени, что вещь, и вещь самая ничтожная, становится для человека источником беспредельной радости и уничтожающего горя..., волос становится дыбом от злобно-холодного юмора, с которым следится это обмеление“. — См. Собрание сочинений Аполлона Григорьева под ред. В. Ф. Саводника, вып. 8-й, М., 1916 стр. 9. — Позже Ап. Григорьев не раз сближал именно с „Шинелью“ односторонность „школы сентиментального натурализма“, — так он называл Достоевского и его последователей. — См. указанное изд., стр. 26—27; см. также Полное собрание сочинений Ап. Григорьева, I, Пгр., 1918, стр. 151—152; Ап. Григорьев „Воспоминания“, изд. Academia, 1930, стр. 318; „Н. В. Гоголь. Материалы и исследования“, под ред. В. В. Гиппиуса, 1936, стр. 252—253.

Чернышевский посвятил „Шинели“ особый экскурс в статье „Не начало ли перемены?“ (1861 г.), посвященной „Рассказам Н. В. Успенского“ и трактующей о реалистическом изображении „народа“, „без всяких прикрас“.

„Упоминает ли Гоголь о каких-нибудь недостатках Акакия Акакиевича?“ спрашивает Чернышевский: „Нет, Акакий Акакиевич бесусловно прав и хорош; вся беда его приписывается бесчувствию, пошлости, грубости людей, от которых зависит его судьба. Как пошлы, отвратительны сослуживцы Акакия Акакиевича, глумящиеся над его беспомощностью! Как преступно невнимательны его начальники, не вникающие в его бедственное положение, не заботящиеся пособить ему! Акакий Акакиевич страдает и погибает от человеческого жестокосердия. Так подлецом почел бы себя Гоголь, если бы рассказал нам о нем другим тоном“. „Но Акакий Акакиевич имел множество недостатков... Он был круглый невежда и совершенный идиот, ни к чему неспособный. Это видно из рассказа о нем, хотя рассказ написан не с той целью. Зачем же Гоголь прямо не налегает на эту часть правды об Акакие Акакиевиче?.. Мы знаем, отчего. Говорить всю правду об Акакие Акакиевиче бесполезно и бессовестно, если не может эта правда принести пользы ему, заслуживающему сострадания по своей убогости. Можно говорить об нем только то, что нужно для возбуждения симпатии к нему. Будем же молчать о его недостатках... Таково было отношение прежних наших писателей к народу. Он являлся перед нами в виде Акакия Акакиевича, о котором можно только сожалеть, который может получать себе пользу только от нашего сострадания... Читайте повести из народного быта г. Григоровича и г. Тургенева со всеми их подражателями — всё это насквозь пропитано запахом „шинели Акакия Акакиевича“. — См. Соч. Чернышевского, VIII, Пгр., 1918.

КОЛЯСКА.

I.

ИСТОЧНИКИ ТЕКСТА.

а) Печатные

С — „Современник“ 1836, том первый, стр. 170—190. Гоголь.

П — Сочинения Николая Гоголя. Том третий. СПб., 1842.

Тр — Сочинения Гоголя. Том третий. М., 1855.

ЦД — Цензурное дело о „Коляске“ с перечнем измененных цензурою мест. Архив Пушкинского Дома (Института литературы) Академии Наук СССР.

б) Рукописные

РМ$_6$ — Записная книга Гоголя. Публичная библиотека СССР им. В. И. Ленина в Москве, листы 7, 8 и часть 9-го. Черновая редакция повести.

В настоящем издании печатается по „Современнику“ с поправками по *РМ*$_6$, *П*, *Тр* и *ЦД*.

II.

„Коляска“ впервые была напечатана в первой книге пушкинского „Современника“, вышедшей в апреле 1836 г. (цензурное разрешение от 31 марта). Рукопись, с которой печаталась повесть в „Современнике“, до нас не дошла. Сохранилась лишь первоначальная черновая редакция (*РМ*$_6$).[1]

---

[1] См. „Сборник общества любителей российской словесности за 1891 г.“, М., 1891, стр. 55; Соч., 10 изд., VI, стр. 367.

В третьем томе Сочинений Гоголя изд. 1842 г. „Коляска“ перепечатана с небольшими стилистическими изменениями; текст „Современника“ почти в точности повторен и в издании Сочинений Гоголя 1855 г.

Время написания „Коляски“ определяется положением ее первоначальной редакции в *РМ*$_6$, куда Гоголь начал вносить свои записи с 1835 г. Непосредственно за „Коляской“ следует текст наброска исторической драмы „Альфред“, а несколько дальше (на листе 16) — рецензия на пьесу Загоскина „Недовольные“, вышедшую в начале 1836 г. Поскольку, таким образом, основной материал тетради относится к концу 1835 и началу 1836 гг., следует и первоначальную редакцию „Коляски“ отнести не ранее чем к середине 1835 г. В начале октября 1835 г. повесть была Гоголем закончена и передана Пушкину — для проектировавшегося, но не осуществленного альманаха. Так, уже в письме от первой половины октября Пушкин сообщал П. А. Плетневу из Михайловского: „Спасибо, великое спасибо Гоголю за его *Коляску*, в ней альманах далеко может уехать, но мое мнение: даром Коляски не брать, а установить ей цену: Гоголю нужны деньги“. [1]

Самое обращение Пушкина по поводу „Коляски“ к Плетневу вызывает предположение, что рукопись ее была переслана в Михайловское Плетневым и прочтена Пушкиным непосредственно перед написанием письма. Гоголь 1 сентября 1835 г., т. е. за несколько дней до отъезда Пушкина в Михайловское, вернулся в Петербург из своей поездки на юг. Вероятнее всего, что вписанная раньше, в черновой редакции, в тетрадь *РМ*$_6$, повесть была закончена и переписана для печати в течение сентября 1835 г., после возвращения Гоголя в Петербург, и в начале октября передана, для помещения в альманахе, Пушкину. Так как предполагавшийся альманах не состоялся, то „Коляску“ Пушкин и напечатал в „Современнике“.

В виду значительного различия между первоначальной редакцией „Коляски“ и текстом, напечатанным в „Современнике“, текст *РМ*$_6$ помещается в настоящем издании в разделе „Другие редакции“. (См. стр. 462). Ссылки на эту редакцию в Вариантах даются лишь в тех случаях, когда они необходимы для обоснования принятого в основном тексте чтения.

Первоначальная редакция „Коляски“ занимает в *РМ*$_6$ четыре страницы: листы 7 и 8 и верхнюю половину лицевой страницы 9-го листа. Текст „Коляски“ не озаглавлен, написан убористым почерком с рядом помарок и поправок, в несколько приемов (вероятнее всего, в 3 — 4). После 9-го листа — следы вырезанных страниц; нижняя лицевая сторона 9-го листа и оборот его остались незаполненными. На обороте 6-го листа записаны две строчки, относящиеся к тексту 7-го листа: „да какой-нибудь помещик в нанковом сюртуке тащился вместе ⟨с⟩ своими

---

[1] Пушкин, „Переписка“, изд. Академии Наук, т. III, с. 238.

мешками в какой-⟨то⟩ полубрычке и полуповозке на гнедой кобыле с бегущим лошаком". Эта фраза должна, судя по соответствующему месту первопечатного текста, предварять следующее место черновой редакции: „Самая рыночная площадь имеет немного печальный вид" (см. стр. 462); однако, включение ее в текст не представляется возможным, в виду явной бессвязности, которая получилась бы в этом случае.

Несмотря на то, что черновая редакция „Коляски" дважды публиковалась — Н. Тихонравовым в „Сборнике общества любителей российской словесности на 1891 год", М., 1891, и В. Шенроком (Соч., 10 изд., VI), текст обеих публикаций страдает неточностями; кроме того в них не учтены зачеркнутые Гоголем варианты.

Черновой характер рукописи PM_6 выражается между прочим и в тем, что имя главного героя повести здесь еще не установлено, и он называется то Кропотовым в начале повести, то Крапушкиным — во второй ее половине. Сравнение первоначальной редакции с текстом, напечатанным в „Современнике", свидетельствует о большой работе, проделанной Гоголем при подготовке повести для печати. Эта переработка выразилась главным образом в стилистической отделке; ни сюжет, ни даже отдельные ситуации почти совершенно не изменены.

2 марта 1836 г. повесть, предназначавшаяся для первой книги „Современника", была направлена в цензуру, о чем писал Гоголь Пушкину, советуя сцену „Утро чиновника" отправить „если можно, сегодня же или завтра поутру к цензору, потому что он может ее взять в цензурный комитет вместе с „Коляскою", ибо завтра утром заседание".

Прохождение повести через цензуру встретило значительные затруднения. На заседании петербургского Цензурного комитета от 3 марта 1836 г. в присутствии председателя комитета, попечителя петербургского учебного округа кн. М. А. Дондукова-Корсакова, и цензоров П. И. Гаевского, В. Н. Семенова, А. Л. Крылова, А. В. Никитенко, П. А. Корсакова и С. С. Куторги было вынесено постановление об изменении четырех мест в повести, „признанных неприличными".[1]

Данные этого цензурного дела (ссылка на которое была сделана еще во „Временнике Пушкинского Дома", СПб., 1914, стр. 30) не были использованы ни в одном из изданий „Коляски", в то время как они дают возможность восстановить подлинный текст повести без цензурных купюр.

Приводим эти цензурные купюры, восстановленные нами в основном тексте на основании цензурного дела и черновой рукописи.

1. „На лобном месте ~ выпуча глаза вверх" — *в печатных прижизненных текстах нет* (см. в настоящем томе стр. 178 и стр. 550).

---

[1] „Н. В. Гоголь. Материалы и исследования", I, 1936 г., стр. 306—308. Публикация В. В. Гиппиуса.

2. „отстегнутая последняя пуговица у гг. офицеров“ — *в печатном тексте нет* (см. стр. 180 и стр. 551).

3. „У генерала, полковника и даже у майора ~ выключая трех последних пуговиц“ — *в печатных текстах нет* (см. стр. 181 и стр. 551).

4. „два чубука ~ такие длинные, как с позволения сказать солитер“ — *вместо* два чубука ~ самые длинные *печатного текста* (см. стр. 183 и стр. 551).

Печатая „Коляску“ по тексту „Современника“ с отдельными уточнениями по рукописи *РМ*$_6$ и по изданиям 1842 г. (*П*) и 1855 г. (*Тр*), мы в ряде случаев сохраняем текст „Современника“ и тогда, когда последующие редакторы гоголевских текстов отступали от него. Так, например, сохраняем: „Один помещик, служивший еще в кампании 1812 года“, — место, измененное в издании 1842 г. на „один полковник“ совершенно неправомерно, так как в повести несколько раз указывается, что на обеде всего был один полковник и „общество состояло из мужчин: офицеров и некоторых окружных помещиков“. Эта произвольная поправка Прокоповича перешла затем и во все последующие издания. Точно также сохраняем текст „Современника“ в фразе: „Скоро всё общество разделилось на четверные партии в вист и рассеялось в разных углах генеральских комнат“, так как не видим оснований для конъектуры Н. Тихонравова „расселось“.

От текста „Современника“ мы отступаем в тех случаях, когда исправления в изданиях 1842 или 1855 гг. совпадают с рукописью, или когда касаются явных опечаток. Так, например, вместо: „поставить тихомолком от генерала на карточку дрожки“, как читаем в „Современнике“, даем по изд. 1842 и 1855 гг. „поставить на карточку дрожки“, что совпадает с рукописной редакцией, полагая что в „Современнике“ слова „тихомолком от генерала“ вставлены Гоголем из цензурных опасений. В сцене обеда у генерала принимаем „выступал“, как в изд. Трушковского и в первоначальной рукописной редакции, вместо „выступает“ „Современника“ и изд. 1842 года, поскольку смысл и грамматическое согласование контекста требуют именно этой формы.

III.

„Коляску“ принято рассматривать как повесть, стоящую особняком среди произведений Гоголя первой половины 30-х годов. Тематически она выпадает из цикла „петербургских повестей“ и, в то же время, по своей стилистической манере значительно отличается от ранних украинских повестей Гоголя, хотя в бытовой ее основе можно усмотреть черты украинской обстановки.[1]

---

[1] См. об этом Н. К. Пиксанов. Украинские повести Гоголя. „О классиках“, М., 1933, стр. 118 — 119.

Сюжет „Коляски“ восходит, скорее всего, к тому анекдотическому происшествию с гр. М. Ю. Виельгорским, о котором рассказывает в своих воспоминаниях В. А. Сологуб: „Он был рассеянности баснословной; однажды, пригласив к себе на огромный обед весь находившийся в то время в Петербурге дипломатический корпус, он совершенно позабыл об этом и отправился обедать в клуб; возвратясь, по обыкновению, очень поздно домой, он узнал о своей оплошности и на другой день отправился, разумеется, извиняться перед своими озадаченными гостями, которые накануне, в звездах и лентах, явились в назначенный час и никого не застали дома. Все знали его рассеянность, все любили его и потому со смехом ему простили; один баварский посланник не мог переварить неумышленной обиды; и с тех пор к Виельгорскому ни ногой.“ [1]

Как личное сближение Гоголя с В. Сологубом в тот период, так и то обстоятельство, что Гоголь вообще охотно пользовался в своих замыслах анекдотами, — делают весьма убедительным предположение о зависимости сюжета „Коляски“ от приведенного рассказа. Возможно, конечно, что этот анекдот мог стать известным Гоголю и помимо Сологуба, поскольку рассеянность гр. Виельгорского служила темой многочисленных анекдотов, распространенных в том бытовом и литературном кругу, в котором вращался Гоголь. [2]

Существенно, что „Коляска“ писалась непосредственно перед началом работы над „Мертвыми душами“, или даже параллельно с написанием трех первых глав „Мертвых душ“, о которых Гоголь сообщал Пушкину от 7 октября 1835 г. всё в том же письме. Переход к новой манере, осуществленный в „Мертвых душах“, намечается уже в „Коляске“; но и помимо этого можно найти общие мотивы в „Коляске“ и „Мертвых душах“. В характере Чертокуцкого уже намечена обходительность Чичикова и хвастливость Ноздрева. Сходство повествовательной манеры особенно заметно в близких между собой ситуациях: например, при описании обеда у генерала в „Коляске“ и завтрака у полицмейстера в „Мертвых душах“ (в седьмой главе); близки подробности возвращения Чертокуцкого и Чичикова домой после попойки или описание обстановки уездного городка Б. и города NN в начале первого тома „Мертвых душ“. Можно сопоставить и ряд отдельных деталей, вроде упоминания о Ноздреве в „Мертвых душах“, где говорится: „чуткий нос его слышал за несколько десятков верст“, и о Чертокуцком, который тоже „пронюхивал носом, где стоял кавалерийский полк“ и т. д. Следует указать также на сходство начала „Коляски“ с описанием городишка Погара, в начале неоконченной

---

[1] См. В. А. Сологуб, „Воспоминания“ М.—Л., 1931, стр. 297.

[2] Так, например, П. А. Вяземский в своей „Записной книжке“ сообщает: „В наше время отличается рассеяниями своими граф М. Виельгорский“ (Собр. сочинений, т. VIII, стр. 92).

повести „Семен Семенович Батюшек“ (см. ниже, комментарий к отрывку). Переходное положение „Коляски“ между ранними повестями и „Мертвыми душами“ и определяет ее место в творческом развитии Гоголя.

Современная Гоголю критика почти не отметила „Коляску“ по тем же причинам, что и „Нос“. Внимание критики было в начале 1836 года всецело занято „Ревизором“. Откликнулся на появление „Коляски“ лишь Белинский в своем отзыве о первой книге „Современника“. Белинский определил ее как „мастерскую шутку“, в которой „выразилось всё умение Гоголя схватывать эти резкие черты общества и уловлять эти оттенки, которые всякий видит каждую минуту около себя и которые доступны только для одного г. Гоголя“. [1]

Дальнейшая критика ограничивалась лишь беглыми указаниями на „анекдотичность“ и „шуточность“ повестей Гоголя, не выделяя „Коляски“, а чаще всего вовсе умалчивая о ней.

---

[1] „Несколько слов о «Современнике»“, „Телескоп“, 1836. См. Соч. Белинского, III, стр. 3.

ЗАПИСКИ СУМАСШЕДШЕГО

I.

ИСТОЧНИКИ ТЕКСТА.

а) Печатные

Ар — Арабески. Разные сочинения Н. Гоголя. Часть вторая. СПб., 1835.

П — Сочинения Николая Гоголя. Том третий. СПб., 1842.

б) Рукописные

РМ$_4$ — Записная книга Гоголя, из числа принадлежавших Аксакову (*РА*$_2$). Публичная Библиотека СССР им. В. И. Ленина в Москве, № 3231, стр. 408-220, 160. Черновик всей повести.

В настоящем издании печатается по тексту „Арабесок" с поправками по *РМ*$_4$ и *П*.

II.

Единственная сохранившаяся рукопись „Записок сумасшедшего", *РМ*$_4'$ в б. аксаковской тетради № 2, занимает там место между статьями „Арабесок": „Последний день Помпеи. Картина Брюллова" (стр. 202—207) и „Ал-Мамун" (стр. 223—227); не имея собственного заглавия, текст „Записок" начинается непосредственно (на стр. 208) под выписанным-было на эту же страницу заглавием статьи „Несколько слов о Пушкине": буквы „ОП", стоящие вверху этой страницы перед текстом „Записок", находим и на странице 136-ой, где за ними, действительно, следует один из последних набросков статьи о Пушкине; в левом верхнем углу страницы 208-й — цифры: 30, 18, 30. Самый же текст „Записок" писан всплошную, одним почерком, довольно разбор-

чиво, с малым сравнительно количеством вычерков и надстрочных приписок и перебит в одном только месте, на стр. 215-ой, вставкой, которая читается выше, на нижней части стр. 209-ой („Чорт возьми я не могу ~ письма глупой собаченки"); кроме того, на пустой стр. 160-ой, вверху, отдельно записан на четырех строках один из вариантов эпилога: „Боже, что они делают ~ как обижают меня", см. настоящего тома стр. 571. [1]

Время, когда описанный текст внесен в аксаковскую тетрадь, с известной точностью определяется из следующих данных.

Перечень содержания „Арабесок", вписанный в ту же тетрадь, что и „Записки сумасшедшего", на стр. 3, не раньше августа 1834 г. (см. Соч., 10 изд., V, стр. 558), отводит „Запискам", в порядке статей, самое последнее место, и, что особенно важно, называет не „Записками сумасшедшего", а „Записками сумасшедшего музыканта", откуда и вытекает, что к моменту составления перечня, т. е. к августу 1834 г., „Записки сумасшедшего" в нынешнем виде еще не существовали и в аксаковскую тетрадь вписаны позже чем перечень. Если для них, таким образом, август 1834 г. является датой исходной (terminus post quem), то дата цензурного разрешения „Арабесок", 10 ноября 1834 года, — их предельная дата (terminus ante quem); и, следовательно, дошедшая до нас рукопись „Записок сумасшедшего" датируется сентябрем — октябрем 1834 г., чему соответствует и местоположение „Записок" в аксаковской тетради: предшествующая им там статья о Брюллове написана в конце августа 1834 г. (см. Соч., 10 изд., V, стр. 604-605), а следующая за ними статья „Ал-Мамун"—в октябре того же 1834 г. (см. там же, стр. 587).

По содержанию рукописный текст „Записок сумасшедшего" весьма близок к печатному тексту „Арабесок".[2]

Отличия там и тут не таковы, чтобы можно было говорить об особой редакции повести, в том виде, как она представлена рукописью; ее отличия вовсе не затрагивают сюжета, ограничиваясь лишь стилистическими вариантами, да отсутствием дат перед отделами „Записок", на которые они разбиты в печатном тексте.[3]

---

[1] См. Соч., 10 изд., VII, стр. 904; „Отчет московского Публичного и Румянцевского музеев" за 1896 г., стр. 16.

[2] Впрочем в „Арабесках", кроме заглавия на шмуцтитуле „Записки сумасшедшего", повесть имеет перед текстом заглавие несколько измененное: „Клочки из записок сумасшедшего".

[3] Это лишает силы наблюдения В. В. Каллаша (в подтверждение более раннего происхождения „Записок сумасшедшего") над совпадением этих дат с действительными календарными датами 1833 г. — см. Сочинения Н. В. Гоголя под ред. В. В. Каллаша, т. 3, изд. Брокгауз-Ефрон, 1915 г., стр. 336. Даты эти, внесенные лишь в окончательную несохранившуюся беловую рукопись, сами по себе ничего не говорят о возникновении черновика; если же и свидетельствуют о времени возникновения замысла, то лишь косвенно и не больше чем остальное содержание „Записок", строго приуроченное к европейским политическим событиям последних месяцев 1833 г. (о чем см. ниже).

Скрипка Паганини и Музыка 1.
О Средних веках. 2.
Письмо из Петербурга.
О Преподавании Всеобщей Ист... 5
О Пушкине. 6
Об Архитектуре Будущего и Молодых 7
Об Архитектуре 9
Женщины 10.
Мелькор Шелиц и Гердер
О Мелькоре Кренеке
Новая Проповедь
О Преподавании Географии.
Учитель Отрывок о Правде.
Картины Грюнов
Учитель О переселении народов
О Трусости и Разговоры
Учитель
Записки сумасшедшего Мерзкого

Перечень содержания „Арабесок“.

Рукопись Публичной библиотеки им. В. И. Ленина (Москва) л. 3.

Существенное отличие рукописного текста от текста „Арабесок“— в отсутствии цензурных вычерков и замен, имеющихся в последнем. О них сам Гоголь писал Пушкину в декабре 1834 г.: „Вышла вчера довольно неприятная зацепа по цензуре по поводу „Записок сумасшедшего“; но, слава богу, сегодня немного лучше; по крайней мере я должен ограничиться выкидкою лучших мест.... Если бы не эта задержка, книга моя, может быть, завтра вышла“. Последние слова (о выходе книги) не оставляют сомнения, что речь идет тут не о предварительной цензуре рукописи „Арабесок“, а о цензурном просмотре отпечатанного текста, из которого, следовательно, и произведена была Гоголем упомянутая в письме „выкидка лучших мест“. След ее есть в тексте самих „Арабесок“: тот отрывок из переписки собачек, где говорится о получении ордена генералом, оканчивается в „Арабесках“ не точкой и не многоточием (как другие подобные же отрывки), а неуместной тут запятой („За столом он был так весел, как я еще никогда не видала,“), попавшей сюда однакоже не в качестве опечатки, а несомненно уцелевшей от фразы в том виде, как она набрана была до цензурной „выкидки“ ее окончания („За столом он был так весел, как я еще никогда не видала, отпускал анекдоты“). Но, кроме таких механических „выкидок“, могли быть проведены тогда же (или раньше, при цензуровании рукописи) и авторские замены того, что не пропустил цензор.

Некоторые из цензурных „выкидок“ восстановил уже Тихонравов, внеся, впрочем, заодно в текст „Записок“ не мало и простых разночтений черновика; а с другой стороны, он оставил без исправления несколько явных искажений текста цензурой. Издание Коробки к исправлениям Тихонравова добавило еще лишь одно; последующие издания не добавили ничего.

Наше издание к ранее сделанным исправлениям добавляет еще 8 новых, что вместе с предыдущими составляет всего 20 исправлений (по рукописи) испорченных цензурой мест. Это, во-первых, следующие 12 купюр или вычерков, восстановленных еще Тихонравовым и Коробкой: „Правильно писать ~ ни слога“ (см. настоящего тома стр. 195); „Ну, чего хотят они?“ (стр. 196); „какого и на небесах нет“ (стр. 200); „человеку благородному решительно невозможно“ (вм. „решительно невозможно“, стр. 200); „отпускал анекдоты ~ соленое немного“ (стр. 203); „Куда ж, подумала ~ нашла в своем камер-юнкере“ (стр. 204); „Все что есть лучшего ~ Чорт побери!“ (стр. 205); „наш государь“ (стр. 207); „и в милостивых словах ~ в благосклонности“ (стр. 208); „и что у меня нет ни одного капуцина“ (стр. 208); „А вот эти все, чиновные отцы ~ христопродавцы!“ (стр. 209) „Проезжал государь император ~ и я также“ (стр. 210). А затем следующие восемь заимствований из рукописи вместо соответствующих мест в „Арабесках“, признаваемых нами за продиктованные цензурой:

стр. 196, строка 2: „сколько кухарок, сколько поляков! (*Ар, П:* сколько кухарок, сколько приезжих!);

стр. 206, строка 13: „открывается, что он какой-нибудь вельможа, а иногда даже и государь“ (*Ар, П:* вельможа или барон или как его);

стр. 209, строка 32: „Вон он спрятался к нему в звезду“ (*Ар, П:* к нему во фрак);

стр. 210, строка 5: „Но главная пружина всего этого турецкий султан, который подкупает цирюльника ~ магометанство“ (*Ар, П:* но достоверно известно, что он вместе с одною повивальною бабкою ~ и оттого);

стр. 210, строка 17: „до сих пор не имею королевского костюма“ (*Ар, П:* испанского национального костюма);

стр. 211, строка 21: „это должны быть или доминиканы или капуцины“ (*Ар, П:* гранды или солдаты);

стр. 212, строка 22: Капуцины (*Ар, П:* Бритые гранды);

стр. 214, строка 24: „у французского короля шишка под самым носом“ (*Ар, П:* у алжирского дея под самым носом шишка).

„Поляков“ (вместо „приезжих“) признаем более подлинным чтением ввиду цензурных гонений на всё, что связано было с Польшей после 1831 года. „Государь“ (вместо „барон или как его“) предписывается двумя другими аналогичными случаями, где слово „государь“ было цензурой просто исключено (см. выше); „в звезду“, а не „во фрак“ подсказывает соответствующий контекст, — в „Арабесках“ и в рукописи одинаковый, — где приманкой для „влюбленной в чорта женщины“ служит „толстяк“ именно „со звездою“. Перенесение магометанства с „турецкого султана“ на „повивальную бабку“ могло быть сделано, скорей всего, тоже под давлением цензуры; такого же происхождения замена „королевского костюма“ „испанским национальным“: контекст как в рукописи, так и в „Арабесках“ предполагает несомненно „королевский“, потому что покрой именно „королевского костюма“, а не „испанского национального“ предписывал Поприщину то, что он проделал над своим вицмундиром: „изрезал ножницами его весь“, чтобы (как читается в рукописи) „дать всему сукну вид горностаевых хвостиков“. Неорганична с точки зрения контекста и замена в „Арабесках“ „доминиканов или капуцинов“ „грандами или солдатами“ (и дальше „капуцинов“ — „бритыми грандами“): признак, по которому опознаются они героем: „потому что они бреют головы“, применим полностью конечно лишь к первым, тем более, что замена бритых монахов грандами даже не доведена в повести до конца. Ср.: „Сегодня выбрили мне голову несмотря на то, что я кричал изо всей силы о нежелании быть монахом“. — И наконец, подобно „государю“ или „турецкому султану“: неприемлем был, конечно, не для Гоголя,

а лишь для цензора и „французский король“, шишка которого поэтому передана была „алжирскому дею“.[1]

Вторично при жизни Гоголя „Записки сумасшедшего“ изданы были в 3-м томе Сочинений, в 1842 году. Текст „Арабесок“ подвергся тут со стороны Прокоповича довольно значительному количеству исправлений не только орфографических и грамматических, но даже и стилистических. Из них лишь три-четыре приняты в основной текст— в тех случаях, когда соответствующий вариант „Арабесок“ явно носит характер опечатки или удержанной в печати описки. Все остальные отнесены в варианты.

Несколько раз с той же целью (исправления ошибок первопечатного текста) приходилось обращаться и к рукописи.

В издании Трушковского „Записки сумасшедшего“ авторских исправлений 1851 года не имеют совсем: чтение корректуры Гоголь прекратил тогда на их первой странице. — См. Соч., 10 изд., I, стр. XIV.—

III.

Сюжет „Записок сумасшедшего“ восходит к двум различным замыслам Гоголя начала 30-х годов: к „Запискам сумасшедшего музыканта“, упоминаемым в известном перечне содержания „Арабесок“ (см. Соч., 10 изд., V, 610—611), и к неосуществленной комедии „Владимир 3-ей степени“. Из письма Гоголя И. И. Дмитриеву от 30 ноября 1832 г., а также из письма Плетнева Жуковскому от 8 декабря 1832 г. (см. Соч. и переписка Плетнева, III, стр. 522) можно усмотреть, что в ту пору Гоголь был увлечен повестями кн. В. Ф. Одоевского из цикла „Дом сумасшедших“, вошедших позже в цикл „Русских ночей“ и, действительно, посвященных разработке темы мнимого или действительного безумия у высокоодаренных („гениальных“) натур: у отрешенного от всего, что не музыка, Баха („Себастьян Бах“), у страдающего манией грандиозных построек чудака Пиранези („Opera del Cavaliere Giambatista Piranesi“), у наделенного аналитической способностью „все видеть“ импровизатора („Импровизатор“), у настоящего, наконец, безумца Бетховена („Последний квартет Бетховена“). Причастность собственных замыслов Гоголя в 1833—34 гг. к этим повестям В. Одоевского видна из несомненного сходства одной из них — „Импровизатора“ — с „Портретом“. Из того же увлечения романтическими сюжетами Одоевского возник, очевидно, и неосуществленный замысел „Записок сумасшедшего музыканта“; непосредственно связанные с ним „Записки сумасшедшего“ тем самым связаны, через „Дом сумасшедших“ Одоевского, с романтической традицией повестей о худож-

[1] В связи с завоеванием Алжира французами в 1830-34 гг. алжирский дей (и именно дей, а не бей) часто упоминался в те годы на страницах „Северной Пчелы“.

никах и искусстве („Kunstnovellen“), усердно культивировавшихся в русской литературе 30-х годов и охотно разрабатывавших как раз тему безумия в освещении, приданном ей у Гофмана. Есть основания думать, что „Записки сумасшедшего музыканта“, их по крайней мере начало, сохранились в виде отрывка „Дождь был продолжительный“ (см. настоящего тома стр. 331), текстуальные совпадения которого с „Записками сумасшедшего“ сразу же видны и который можно поэтому рассматривать как вступительный набросок первоначальной редакции этих „Записок“. Герой отрывка, приветствующий расправу дождя над лицемерным благообразием „гражданства столицы“, несомненно, сродни Пискареву или Чарткову, — может быть, такой же, как они и как Крейслер у Гофмана, служитель искусства.

„Владимир 3-ей степени“, будь он закончен, тоже имел бы героем безумца, существенно отличного, однако, от безумцев Гофмана и русских гофманианцев тем, что это был бы, по свидетельству современников, человек, поставивший себе прозаическую цель получить крест Владимира 3-ей степени; не получивши его, он „в конце пьесы... сходил с ума и воображал, что он сам и есть“ этот орден. — См. Соч., 10 изд., II, стр. 743. — Такова новая трактовка темы безумия, тоже приближающаяся, в известном смысле, к безумию Поприщина.

Из замысла комедии о чиновниках, оставленного Гоголем в 1834 г., ряд бытовых, стилистических и сюжетных деталей перешел в слагавшиеся тогда „Записки“. Генерал, мечтающий получить орден и поверяющий свои честолюбивые мечты комнатной собачке, дан уже в „Утре чиновника“, т. е. в уцелевшем отрывке начала комедии, относящемся к 1832 году. — См. Соч., 10 изд., II, стр. 448, 453, 744. — В уцелевших дальнейших сценах комедии (переделанных позже в „Лакейскую“) без труда отыскиваются комедийные прообразы самого Поприщина и его среды — в выведенных там мелких чиновниках Шнейдере, Каплунове и Петрушевиче. Отзыв Поприщина о чиновниках, которые не любят посещать театр, прямо восходит к диалогу Шнейдера и Каплунова о немецком театре. Особо при этом подчеркнутая в Каплунове грубость еще сильней убеждает в том, что в него-то и метит Поприщин, называя не любящего театр чиновника „мужиком“ и „свиньей“. В Петрушевиче, напротив, надо признать первую у Гоголя попытку той идеализации бедного чиновника, которая нашла себе воплощение в самом Поприщине. „Служил, служил и что же выслужил“, говорит „с горькой улыбкою“ Петрушевич, предвосхищая подобное же заявление Поприщина в самом начале его записок. Отказ затем Петрушевича и от бала и от „бостончика“ намечает тот разрыв со средой, который приводит Поприщина к безумию. И Каплунов, и Петрушевич — оба поставлены затем в те же унизительные для них отношения с лакеем начальника, что и Поприщин. От Закатищева (позже Собачкина) протягиваются, с другой стороны, нити к тому взяточнику „Записок“, которому „давай

пару рысаков или дрожки"; Закатищев в предвкушении взятки мечтает о том же самом: „Эх, куплю славных рысаков... Хотелось бы и колясчонку". Сравним также канцелярские диалектизмы комедии (напр., слова Каплунова: „И врет, *расподлец*") с подобными же элементами в языке Поприщина: „Хоть будь в *разнужде*"; ср. еще канцелярское прозвище Шнейдера: „проклятая немчура" и „проклятая цапля" в „Записках".

Связанная, таким образом, с первым комедийным замыслом Гоголя, картина департаментской жизни и нравов в „Записках" восходит к личным наблюдениям самого Гоголя в пору его собственной службы, из которых замысел „Владимира 3-й степени" вырос. Даже на свои собственные биографические подробности не поскупился в „Записках" Гоголь. „Дом Зверкова" у Кукушкина моста, куда ведет Поприщина след распутываемой интриги и который он, как оказывается, хорошо знает потому, что у него есть там „один приятель", — это тот дом, в котором в 30-ых годах был приятель у самого Гоголя и где, кроме того, жил одно время и сам он.[1] *Запах*, которым встречает Поприщина этот дом, упомянут в письме Гоголя к матери от 13 августа 1829 года. О *„ручевском фраке"* — мечте Поприщина — говорится в письмах Гоголя 1832 г. к А. С. Данилевскому (кстати, тому самому „приятелю", который жил в доме Зверкова). Прическу начальника отделения, раздражающую Поприщина, отмечает Гоголь и в „Петербургских Записках", как черту, почерпнутую, видимо, из личных наблюдений.

„Испанские дела" 1833 г., за которыми следит Поприщин по „Северной Пчеле", доведены Гоголем до провозглашения королевой малолетней дочери Фердинанда VII („какая-то дона должна взойти на престол") и, следовательно, лишь до первой вспышки вызванного этим движения карлистов, сторонников Дон-Карлоса, брата Фердинанда VII; право на престол племянницы Дон-Карлос оспаривал, опираясь на закон, возбранявший женщинам вступать на престол и отмененный перед смертью Фердинандом. Дон-Карлосу прямо и вторит Поприщин, говоря, что „не может взойти дона на престол. Никак не может".[2] Возможно, что

---

[1] См. А. Яцевич, „Пушкинский Петербург", 1935, стр. 261—263.

[2] Об отмене указанного закона Фердинандом „Северная Пчела" сообщила еще в январе 1833 г. (в № 14, в отд. „Разные известия"); смерть Фердинанда отмечена в № 229 от 10 октября, где приведен и первый декрет королевы-регентши, называющий в качестве будущей королевы малолетнюю „дону Изабеллу", откуда — упоминанье Поприщина о „какой-то доне"; в том же выпуске газеты (от 10-го октября) еще раз излагается отмененный Фердинандом „закон салический, по коему женский пол не может наследовать престола", и говорится, что в силу его отмены „чины королевства" (тоже упоминаемые Поприщиным) признали принцессу Изабеллу наследницей, а „брат короля, инфант Дон-Карлос, удалился из Испании", чему тоже соответствует уверенность Поприщина, что испанский король „где-нибудь находится в неизвестности"; дальнейшая информация „Северной Пчелы" этому

по замыслу Гоголя Дон-Карлос 1833 года сливается в фантазии Поприщина с героем Шиллера, и что именно поэтому, попав в сумасшедший дом, Поприщин принимает его обитателей за доминиканских монахов, а больничного надзирателя — за великого инквизитора (Карлос у Шиллера отдан Филиппом в руки великого инквизитора).

„Записки сумасшедшего" именно как *записки*, т. е. рассказ о себе героя, не имеют в творчестве Гоголя ни прецедентов, ни аналогий. И недаром: культивировавшиеся Гоголем и до „Записок", и позже формы повествования к данному замыслу были неприложимы. Тема безумия во всех трех одновременно аспектах (социальном, эстетическом и лично-биографическом), которые находил в ней Гоголь, естественнее всего могла быть развернута прямой речью героя; именно, однако, героя со всей выразительностью социальной его физиономии, с установкой на речевую характеристику, с подбором острых диалектизмов ведущего свои записки чиновника. С другой стороны, эстетический иллюзионизм, подсказавший Гоголю первую мысль подобных записок, сделал возможным включение в них элементов фантастического гротеска (заимствованной у Гофмана переписки собак); естественна была при этом известная причастность героя к миру искусства. Однако, предназначавшаяся сперва для этого музыка не мирилась с определившимся окончательно типом героя, и место музыки в записках чиновника занял театр, — вид искусства, с которым одинаково удачно сочетались все три аспекта темы сразу. Александринская сцена и занесена поэтому в „Записки сумасшедшего", как одно из главных мест развертывающейся в них социальной драмы.[1] Но иллюзорный мир театрального эстетизма у Гоголя совсем иной, чем у Гофмана. Там он утверждается как высшая реальность; у Гоголя, напротив, он чисто реалистически низводится до сумасшествия в прямом, клиническом смысле слова.

Гофману, при всей своей зависимости от него, Гоголь противопоставляет, таким образом, собственное разрешение темы — с отказом от эстетизма в пользу реалистического изображения человеческого страдания, за незнание которого упрекал Гофмана Жюль Жанен.

Гофманианская форма „новеллы об искусстве", присущая „Запискам"

Дон-Карлосу уделяет с каждым днем все больше внимания, колеблясь при этом в оценке поднятого им движения: по существу реакционное, оно в освещении николаевской официозной печати принимало временами чуть ли не революционный оттенок, поскольку имело целью низложение вступившей уже на престол королевы. Ср. „Северную Пчелу" 1833, №№ 237, 239, 242, 245, 247, 249, 253, 257, 259, 261 и др.

[1] Упоминаемый Поприщиным „русский дурак Филатка" — водевиль Григорьева „Филатка и Мирошка — соперники", игранный в первый раз на Александринской сцене в сезон 1831—1832 г. См. Вольф „Хроника Петербургских театров", ч. 1, стр. 28. „Дон-Карлос" Шиллера игран был в первый раз в 1829 году и затем не сходил с Александринской сцены все 30-ые годы. См. там же.

еще в ранней редакции, сохранилась, как видим, и в законченной их редакции. Но абстрактный (особенно в русской передаче) герой-фантаст Гофмана вырос в живого представителя нарождающегося „сословия среднего“;[1] его конфликт с „существенностью“ тоже конкретизировался, приняв черты социально-политического протеста и подготовив, наряду с эстетическими, и чисто бунтарские мотивы в его безумии; а так как за всем этим, несомненно, скрывается личный и социальный опыт самого Гоголя, — то, надо думать, субъективен был и исходный творческий импульс этих „Записок“; и таким образом новое социальное осмысление, приданное Гоголем теме безумия, — как теме повестей о чиновнике, — ознаменовало в его творчестве наиболее протестующий момент, момент первого сатирического выступления против бездушной системы николаевского бюрократизма.

В современной „Арабескам“ критике о „Записках сумасшедшего“ высказаны были следующие суждения.

„В клочках из записок сумасшедшего“, по отзыву „Северной Пчелы“ (1835, № 73), „есть.... много остроумного, смешного и жалкого. Быт и характер некоторых петербургских чиновников схвачен и набросан живо и оригинально“.

Сочувственно отозвался и враждебный „Арабескам“ Сенковский, усмотревший в „Записках сумасшедшего“ те же достоинства, что и в „забавной истории“ поручика Пирогова; „Записки“, по мнению Сенковского, „были бы лучше, если бы соединялись какою-нибудь идеею“ („Библиотека для чтения“ 1835, февраль).

Несоизмеримо дальновидней отзыв Белинского (в статье „О русской повести и повестях Гоголя“): „Возьмите «Записки сумасшедшего», этот уродливый гротеск, эту странную, прихотливую грезу художника, эту добродушную насмешку над жизнию и человеком, жалкою жизнию, жалким человеком, эту карикатуру, в которой такая бездна поэзии, такая бездна философии, эту психическую *историю болезни*, изложенную в поэтической форме, удивительную по своей истине и глубокости, достойную кисти Шекспира: вы еще смеетесь над простаком, но уже ваш смех растворен горечью; это смех над сумасшедшим, которого бред и смешит, и возбуждает сострадание“. — См. Соч. Белинского, II, стр. 226. — Повторил этот свой отзыв Белинский и в рецензии (1843 года) на „Сочинения Николая Гоголя“: «Записки сумасшедшего» — одно из глубочайших произведений...“ — См. там же, VIII, стр. 90.

---

[1] О „сословии среднем“ и, между прочим, о роли театра в жизни этого сословия см. в статье Гоголя „Петербургская сцена в 1835—1836 г.“

РИМ.

I.

ИСТОЧНИКИ ТЕКСТА.

а) Печатные

Мск — „Москвитянин на 1842 год“, № 3, стр. 22—67. Гоголь.
П — Сочинения Николая Гоголя. Том третий. СПб., 1842.

б) Рукописные

РМ$_7$ — Автограф, с началом черновой редакции „Рима“ (так называемой „Аннунциаты“). Публичная библ—ка СССР им. Ленина в Москве. Полулист почтовой бумаги in 8°.

В настоящем издании печатается по тексту „Москвитянина“, с поправками из *П*.

II.

Текст „Москвитянина“ был дважды прокорректирован самим Гоголем, о чем свидетельствует ряд его записок к Погодину, относящихся к зиме 1841—1842 г.[1]

Из этих записок видно, что хотя повесть прошла через руки С. П. Шевырева, но вслед за тем Гоголь держал две ее корректуры: первую „с важными поправками“ и вторую „на сверку“. Это обстоя-

[1] См. Е. П. Казанович. „К истории сношений Гоголя с Погодиным“, Временник Пушкинского Дома 1914, стр. 69—87.

тельство в сущности и решает вопрос о преимуществе текста „Москвитянина“ перед текстом „Собрания сочинений“ (*П*).

Отсутствие рукописей делает затруднительной точную датировку повести. Предельная дата устанавливается легко на основании этих же записок и авторитетного свидетельства С. Т. Аксакова, что повесть была окончена в начале февраля 1842 г., когда Гоголь „прочел ее предварительно у нас (Аксаковых), а потом на литературном вечере у кн. Дм. Вл. Голицина“;[1] наконец, дата цензурного разрешения третьего выпуска „Москвитянина“ — 11-го марта того же 1842 года. Все эти данные ведут нас к началу февраля 1842 г. Гораздо труднее определить дату исходную. Первоначальный набросок ранней редакции повести, называвшейся „Аннунциата“, Гоголь привез с собой из Рима в свой предшествующий приезд в Россию (с 26 сентября 1839 г. по июнь 1840 г.). В начале февраля 1840 г. он читал первые главы этой повести у тех же Аксаковых. Предположить, что Гоголь еще в Москве, весной 1840 г., занялся переделкой „Аннунциаты“ в „Рим“, трудно. Возможно, что он приступил к этой работе зимой 1840—41 г. в Риме, куда Погодин слал ему отчаянные требования „поддержать «Москвитянин»“, подкрепленные просьбой об этом же С. Т. Аксакова.[2] Однако, всего вероятнее, что к этой переработке он приступил уже по возвращении в Россию, зимой 1841—1842 г., во время пребывания у Погодина.

Гоголь сам назвал свою повесть „отрывком“, что должно было указывать на замысел гораздо более сложный и развитый, нежели тот, что дан в „Риме“. С другой стороны, Аксаков, слышавший начало „Аннунциаты“, категорически утверждает, что „«Рим» является переделкой этой чудной повести“. Сопоставляя эти данные, мы смело можем сказать, что „Рим“ восходит к „Аннунциате“: к ней и должно обращаться при изучении творческой истории „Рима“. К сожалению, об этой ранней редакции повести мы знаем очень мало, да и то, главным образом, из вторых рук, из свидетельств современников. Нет точных и более или менее подробных указаний на нее и в переписке Гоголя. Нам известно только, что Гоголь, приехав осенью 1839 г. в Россию, привез с собою первые главы повести из итальянской жизни, что в январе — феврале 1840 г. он читал их у Аксаковых и других знакомых, что до марта 1841 г. (в Риме) он, по всем вероятиям, к ней больше не прикасался, а зимой 1841—1842 г. переделал ее в отрывок „Рим“. Сопоставление же „Рима“ с итальянскими письмами Гоголя (см. ниже) заставляет предполагать, что впервые взяться за эту повесть Гоголь мог никак не раньше апреля — мая 1838 г. Таким образом, время написания „Аннунциаты“ определяется приблизительно двумя датами: весна 1838 г. или

---

[1] С. Т. Аксаков. „История моего знакомства с Гоголем“.

[2] Во 2-й книге „Москвитянина“ 1841 г., в отд. „Смесь“, стр. 616, Погодин анонсировал, в числе новых произведений Гоголя, повесть „Мадонна del fiore“ — следующее звено от „Аннунциаты“ к „Риму“.

осень 1839-го. Точно также предположительно можно говорить и о самом замысле „Аннунциаты.“ Судя по тому, что уже гораздо позднее, по напечатании „Рима“, Гоголь в письме к С. П. Шевыреву [1] называет это свое произведение романом, и что то же выражение применяет к нему и Т. Н. Грановский, слышавший чтение первых глав, можно заключить, что оно было задумано в форме обширного эпического повествования, с широко развитой сюжетной схемой, многочисленными персонажами и т. д. С другой стороны, некоторые указания в письмах Гоголя к друзьям из Рима дают основания предполагать, что и „Аннунциата“ должна была быть „самой романической историей“ о „взявшейся, один бог знает откуда, красавице“. Если это предположение верно, то тогда в „Аннунциате“ мы имеем дело с повестью, так сказать, традиционного типа: с романической интригой на первом плане, с красавицей, влюбленным в нее князем, плутоватым посредником — слугой Пеппе и т. д.

Это всё, что можно сказать об „Аннунциате“; роман оборвался на первых главах, и Гоголь позже использовал написанное для „отрывка“ „Рим“.

III.

Повесть эта является одним из наиболее автобиографических произведений Гоголя. Если Италия сыграла огромную роль в жизни и творчестве Гоголя, то „Рим“ как бы суммирует и обобщает все его впечатления от этой страны. Но, само собой разумеется, что глубокая субъективность „Рима“ отнюдь не исключает близости Гоголя к известным литературным традициям. Известно, что Гоголь довольно усердно изучал литературу об Италии: и первоисточники, и современных ему авторов. Из этих последних один мог оказать особое влияние на его оценку Италии: это — Стендаль. Среди книг, подаренных Гоголем своему другу Данилевскому, имеются Promenades dans Rome Стендаля; но Гоголю, конечно, была известна и другая итальянская книга Стендаля: „Рим, Неаполь, Флоренция“. Сопоставление „Рима“ с этими произведениями Стендаля неопровержимо свидетельствует, что целый ряд суждений Гоголя об Италии и итальянцах, более того — самая антитеза француза и итальянца, Парижа и Рима — восходят к Стендалю. [2] Но, заимствуя от него отдельные суждения, оценки и антитезы, Гоголь давал им совершенно иную мотивировку, по-своему переосмысляя данный в произведениях Стендаля образ Италии и итальянца.

---

[1] От 1 сентября 1843 г. из Дюссельдорфа.

[2] См. В. А. Десницкий, „Задачи изучения жизни и творчества Гоголя“ — в сборнике: „Н. В. Гоголь. Материалы и исследования“, II, 1936, стр. 58—59; или в книге „На литературные темы“, кн. 2, 1936, стр. 365—366.

Критикой „Рим“ был воспринят как нечто уже устаревшее, отсталое по своей форме и стилю, хотя и не лишенное элементов гоголевского реализма. Белинский не мог к тому же отнестись сочувственно к идеологии, которую он угадывал за тематикой „Рима“. „В статье „Рим“, говорит он, „есть удивительно яркие и верные картины действительности“, но „есть и косые взгляды на Париж, и близорукие взгляды на Рим, и — что всего непостижимее в Гоголе — есть фразы, напоминающие своею вычурною изысканностию язык Марлинского“.[1]

В статье „Русская литература в 1842 году“ свою оценку „Рима“ Белинский еще раз формулировал так: „В «Москвитянине» было напечатано начало новой повести Гоголя «Рим», равно изумляющее и своими достоинствами, и своими недостатками“.[2]

Иначе отнесся к „Риму“ В. П. Боткин: его восторженный о нем отзыв сохранился в письме к Краевскому (от 16 марта 1842 г.).[3]

Отзывов о „Риме“ вообще было немного. Вышедшие в свет в мае того же 1842 года „Мертвые души“ сразу поглотили всё внимание читателей и критиков, отодвинув на задний план всё остальное.

---

[1] Белинский. Полное собр. соч., VIII, 440.

[2] Белинский. Полное собр. соч., VIII, стр. 22.

[3] См. Отчет Публичной библиотеки за 1889 г., 46—47. Ср. еще отклик на „Рим“ П. А. Плетнева в письме к Я. К. Гроту от 1 апреля 1842 г. („Переписка Грота с Плетневым“, I, стр. 512).

СТРАШНЫЙ КАБАН.

При жизни Гоголя отрывок напечатан единственный раз — в „Литературной Газете“ 1831 г.: глава 1-я „Учитель“ — в № 1, от 1 января, стр. 1—4, за подписью *П. Глечик;* глава 2-я — „Успех посольства“ — в № 17, от 22 марта, стр. 133—135, без подписи. Рукопись повести не сохранилась. Первый отрывок предполагался ко включению в „Арабески“ и фигурирует в обоих сохранившихся планах;[1] однако, в печатный текст „Арабесок“ не вошел.

О замысле повести, равно как и о времени ее написания, а также о том, была ли она закончена, не сохранилось никаких известий. В. И. Шенрок предполагает — не приводя никаких доказательств, — что повесть писалась еще в Нежине (Соч., 10 изд., т VII, стр. 952). С бо́льшим правом можно отнести этот замысел к 1830 году, когда осуществлялись уже „Вечера на хуторе близь Диканьки“ и намечалась, параллельно фантастическому характеру большинства повестей, также вторая линия интересов Гоголя — комическое бытописание на основе современного украинского материала. Впоследствии эта линия нашла свое выражение в повестях „Иван Феодорович Шпонька и его тетушка“, „Старосветские помещики“, „Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем“ и „Коляска“.

Повидимому замысел „Страшного кабана“ не был доведен до конца: Гоголь, занятый работой над „Вечерами“, отошел от мысли о большой бытовой повести, и ее материал растворился в отдельных повестях и рассказах „Вечеров“. Так, объяснение кухмистера Ониська с красавицей Катериной почти дословно повторено в объяснениях кузнеца Вакулы с Оксаною („Ночь перед Рождеством“); Симониха является прототипом Хиври в „Сорочинской ярмарке“, образ семинариста Ивана Осиповича отчасти повторен в долговязом поповиче Афанасии Ивановиче („Сорочинская ярмарка“).

---

[1] См. „Н. В. Гоголь. Материалы и исследования“, I, Лгр., 1936, стр. 5, 22; Соч., 10 изд., V, стр. 558.

ГЕТЬМАН.

I.

ИСТОЧНИКИ ТЕКСТА.

Замысел исторического романа „Гетьман" мы связываем со следующими текстами, которые самим Гоголем объединены не были.

1. „*Несколько глав из неоконченной повести*", найденные в посмертных бумагах Гоголя и опубликованные Н. П. Трушковским в издании 1855 г. (т. V, стр. 367—411). Н. П. Трушковский сообщал: „Этот черновой отрывок сохранился в числе бумаг, оставленных Гоголем у В. А. Жуковского, и доставлен нам его супругою. Текст его был разбираем многими, но, несмотря на все старания, некоторые слова остались не разобраны, — добавленные же нами, как необходимые для полноты смысла, поставлены в скобках" (т. V, стр. 367). Эта текстологическая работа, произведенная в основном О. М. Бодянским, не могла быть проверена последующими редакторами, так как самая рукопись была затем утрачена. Есть основание предполагать, что рукопись эта, как и другие черновые рукописи Гоголя, содержала много описок, неувязок, недосказанностей и т. п. В главе VI, напр., прозвище старого Пудька оказывается Кузубия, хотя, при первом своем свидании с Остраницею в главе I, сам же он спрашивает: „И Кузубия потонул?" В разговоре с Галей Остраница спрашивает: „Что делает отец твой? Отец твой?" — очевидная фиксация обычной у Гоголя описки, повторения отдельных слов и словосочетаний. Необходимые редакторские конъектуры отсутствуют в ряде случаев; встречаются и явно неверно прочитанные слова и т. д. Н. С. Тихонравов обнаружил (на листах, вырезанных из тетради PM_4) несколько приписок, несомненно относящихся к тексту „нескольких глав" (Соч., 10 изд., V, стр. 550—551), однако привел их лишь в примечаниях, хотя точная локализация большей их части в тексте

указана им же и не вызывает возражений. Эти приписки частично включены нами в текст „Нескольких глав“, частично приведены в разделе Вариантов.

2. „*Кровавый бандурист. Глава из романа*“. — Предназначалась для помещения в „Библиотеке для Чтения“ (1834, II, отд. I) с подписью „Гоголь“ и датой 1832 г., но была запрещена цензурой. Начало главы под заглавием: „*Пленник. Отрывок из исторического романа*“ — было затем напечатано во второй части „Арабесок“, с измененной датой: 1830.[1] Запрещенное окончание впервые опубликовано (по сохранившейся в цензурном деле, ныне — в ЛОЦИА, авторской корректуре) в „Ниве“ (1917, № 1, стр. 3—6), а вся глава в первоначальном виде — в книге „Литературный Музеум“ (Пгр., 1921, стр 27—39).

3. „*Глава из исторического романа*“ — напечатана впервые в „Северных Цветах“ на 1831 г., стр. 226—256 (цензурное разрешение 18 декабря 1830 г.), с подписью „ОООО“; отсюда включена с рядом вариантов в первую часть „Арабесок“ стр. 41—64; дата — 1830. В „Арабесках“ же автором сделано примечание: „Из романа под заглавием «Гетьман»; первая часть его была написана и сожжена, потому что сам автор не был ею доволен; две главы, напечатанные в периодических изданиях, помещаются в этом собрании“.

4. „*Мне нужно видеть полковника*“ — отрывок (в двух вариантах), находящийся в *РЛ*$_1$, л. 6—6об.; см. Соч., 10 изд., V, стр. 99—100, 554—555.

Все четыре описанные отрывка печатаются в данном издании полностью, в порядке перечисления: 1-ый, 2-ой, 3-ий и 4-ый, с приведением вариантов ко 2-му из „Пленника“ и к 3-му из „Северных Цветов“.

II.

Ни в рукописях самого Гоголя, ни в переписке его, ни в воспоминаниях современников мы не найдем каких-либо определенных и достоверных сведений о работе над „Гетьманом“. Единственным авторским свидетельством об этом замысле является приведенное выше подстрочное примечание в „Арабесках“. Решение вопроса о датировке отрывков, т. е. о времени работы Гоголя над его историческим романом, наталкивается на ряд трудностей. Как указано выше, сам Гоголь датировал „Главу из исторического романа“ и „Пленника“ 1830-м годом. Между тем „Кровавый бандурист“, частью которого является „Пленник“, имеет дату 1832 г. С другой стороны, посылая матери

[1] По первоначальному плану „Арабесок“, в них должен был войти „Кровавый бандурист“ целиком (см. публикацию в сборнике „Н. В. Гоголь. Материалы и исследования“, I. Лгр., 1936, стр. 5) и лишь впоследствии был заменен „Отрывком из романа“, т. е. „Пленником“ (см. план „Арабесок“ в рукописи *РМ*$_4$; Соч., 10 изд., V, стр. 358).

„Северные Цветы“ с „Главой из исторического романа“, Гоголь замечал (в письме от 21 августа 1831 г.), что „книжка вам будет приятна, потому что в ней вы найдете мою статью, которую я писал, бывши еще в Нежинской гимназии“. Продолжение этой цитаты — „как она попала сюда, я никак не могу понять“ и т. д. — наводит на мысль о мистификации со стороны Гоголя, тем более вероятной, что Гоголь нередко датировал только что написанное произведение более ранним временем.

Рукопись „Нескольких глав“, как сказано, не сохранилась; текст ее по свидетельству П. А. Кулиша, был вырезан из записной книги Гоголя PM_4, где она, судя по следам вырезанных страниц (между стр. 172-ой и 173-й), перемежала собой наброски первой редакции „Портрета“. Это дает право согласиться с Тихонравовым, датировавшим их 1831—1832 гг. (Соч., 10 изд., V, стр. 549). К 1832 же году можно отнести и набросок „Мне нужно видеть полковника“, находящийся в $PЛ_1$ рядом с набросками „Носа“ и „Рудокопова“. Сводя воедино все эти разрозненные даты, мы можем заключить о работе Гоголя над замыслом „Гетьмана“ в течение 1830—1832 гг.; к этой работе можем мы отнести и отдельные намеки на какое-то крупное художественное произведение, обдумывавшееся и даже оформлявшееся Гоголем в это время (ср. заявление в предисловии ко второй части „Вечеров на хуторе близь Диканьки“: „Я, помнится, обещал вам, что в этой книжке будет и моя сказка. И точно хотел было это сделать, но увидел, что для сказки моей нужно, по крайней мере, три таких книжки. Думал было особо напечатать ее, но передумал“).

К сожалению, сохранившиеся отрывки „Гетьмана“ не дают возможности целиком расшифровать авторский замысел. Сравнительно просто дело обстоит лишь с „Кровавым бандуристом“ („Пленником“), который, очевидно, продолжает собою линию действия, намеченную в „Нескольких главах“; оба отрывка легко объединяются единым сюжетом о борьбе казаков с Польшею и о походе Степана Остраницы, которого некоторые исторические источники называли гетманом.

Что касается „Главы из исторического романа“ и отрывка „Мне нужно видеть полковника“, то их отношение к замыслу „Гетьман“ остается неясным. Возможно, что „Главу“ следует рассматривать как один из подготовительных этюдов к „Гетьману“. Отрывок же „Мне нужно видеть полковника“ можно осмыслить, предположивши в „отроке, почти юноше“, стремящемся попасть к полковнику, переодетую Галю, возлюбленную Остраницы, которую он в „Нескольких главах“ зовет с собою в поход и которая затем в „Кровавом бандуристе“, действительно, оказывается переодетой в мужской костюм — пленником, захваченным поляками и обреченным на пытки. В таком случае, набросок этот объяснял бы, каким образом Галя попала в Польшу после предшествовавших отказов следовать за возлюбленным. Никаких документальных

подтверждений этому предположению мы, однако, привести не можем и потому, высказывая его здесь, самый набросок печатаем после всех отрывков, а не перед „Кровавым бандуристом", как следовало бы при таком его осмыслении.

Выше уже упоминалось о цензурном запрещении „Кровавого бандуриста". В заседании С.-Петербургского цензурного комитета 27 февраля 1834 г. было заслушано „мнение" цензора А. В. Никитенко, усматривавшего в „Кровавом бандуристе" „картину страданий и уничижения человеческого, написанную совершенно в духе новейшей французской школы, отвратительную, возбуждающую не сострадание и даже не ужас эстетический, а просто омерзение". Комитет, согласившись с мнением цензора, определил: „удержать статью сию при делах и о запрещении оной уведомить прочие цензурные комитеты".

III.

Неоконченный роман Гоголя „Гетьман" был первым его опытом исторического повествования из эпохи, привлекавшей его творческое внимание с первых шагов литературной деятельности вплоть до 1842 г., — именно из эпохи героической борьбы украинского народа с польскими захватчиками за национальную независимость.

Приступая к работе над „Гетьманом", Гоголь не располагал сколько-нибудь значительными познаниями в области истории Украины. Поэтому ранний отрывок „Гетьмана" — т. е. „Глава из исторического романа" — характеризуется скудостью собственно исторических деталей: интерес ее для самого автора сосредоточивается на фигуре полковника Глечика. Фигура второго действующего лица отрывка, шляхтича Лапчинского, равно как и хронология событий, остаются непоказанными, неосвещенными.

Возобновив работу над романом, Гоголь уже стал придерживаться определенных хронологических рамок (середины XVII столетия), даже определенных исторических событий; основным героем романа становится историческая личность — нежинский полковник Степан Остраница. В своем изложении автор стремится возможно ближе держаться определенных исторических источников. Из этих источников наиболее существенным, если не единственным, определяющим весь новый замысел романа, становится „История Русов",[1] в которой об Остранице и его походе на Польшу рассказывалось под 1638 годом, сообщалось о победе над поляками при реке Старице, об осаде замка в Полонном, где укрылся от казаков Лянскоронский, о подписании там мирного договора, вероломно нарушенного затем Лянскоронским, о захвате Остраницы в Каневском монастыре и, наконец, о его казни в Варшаве.

[1] Об „Истории Русов" см. т. II настоящего издания, стр. 718—720.

С „Историей Русов“ Гоголь познакомился, повидимому, в 1831 году, возможно через А. С. Пушкина, который имел у себя экземпляр этого любопытного рукописного памятника, обнаруженного в самом конце 20-х годов и позднее получившего значительное распространение в списках.

Кроме „Истории Русов“, мы не встретим в „Гетьмане“ следов исторических изучений Гоголя; отсюда — ограниченность и даже скудость исторических и историко-бытовых деталей. Позднее, в „Тарасе Бульбе“, писатель восполняет эти пробелы широким использованием фольклорного материала.

Несомненно фольклорную основу имеет и рассказ полковника Глечика в „Главе из исторического романа“ о заклятой сосне. Вероятно, в данном случае Гоголь обработал слышанные им в детстве и искаженные памятью легенды о проклятом дереве, о кающемся грешнике и т. д.

Сосна, на которой был повешен дьякон, соответствует осине легенд; мотив о покаянии пана имеет ряд аналогий в рассказе о покаянии разбойника, восходящих, как указано А. Н. Веселовским („Разыскания в области русского духовного стиха“, ч. X; ср. также Н. Ф. Сумцов, „Очерк истории южнорусских апокрифических сказаний и песен“, Киев, 1881), к апокрифам о крестном древе.

Восходит к фольклорной основе и мотив девушки-воина, девушки, переодевающейся в мужское платье для того, чтобы следовать за возлюбленным на войну, мотив, впрочем, широко распространенный и в литературном преломлении.

К фольклорным впечатлениям Гоголя до некоторой степени должна быть отнесена, наконец, и типология „Гетьмана“ — образы казаков, поляков и евреев. Источники этих впечатлений весьма разнообразны: здесь могла быть и случайно виденная в детстве картина, — одна из тех, которые упоминаются в „Гетьмане“, — и читанные в разное время старинные вирши или документы, из которых кое-что занесено Гоголем в свою „Книгу всякой всячины“ (Соч., 10 изд., VII, стр. 874—875), и, наконец, — отдельные образцы староукраинской вертепной драмы, бытовавшей в украинской провинции вплоть до 30-х годов XIX в. Последняя в ряде случаев подкрепляла некоторые эпизоды „Истории Русов“ новыми иллюстрациями, наглядно демонстрируя (напр., в интермедиях к „Комическому действу“ Довгалевского) и запрягание хлопов-подданных в ярмо, и отдачу церквей в аренду евреям.

Если „Гетьман“ в целом представляет собою опыт исторического романа „вальтер-скоттовского“ типа и является зерном для вполне самостоятельной разработки этого типа романа в „Тарасе Бульбе“, то в эпизоде о кровавом бандуристе отзываются и некоторые мотивы „неистовой школы“ — той „новейшей французской школы“, о которой писал в своем отзыве А. В. Никитенко и которая привлекала Гоголя, прежде всего, своей социальной проблематикой.

Мы не знаем в точности причин, заставивших Гоголя оставить начатый роман. Впоследствии, возвратившись к замыслу большой исторической повести, подкрепив этот замысел тщательным изучением наличного исторического и фольклорного материала, Гоголь использовал всё им ранее собранное при работе над „Тарасом Бульбой". Атаман в „Нескольких главах", полковник в отрывке „Мне нужно видеть полковника", отчасти Глечик в „Главе из исторического романа" являются портретными прообразами самого Тараса. Образ старухи-матери Андрия и Остапа возник из намеченного в последней из „Нескольких глав" образа жены казака Пудька, „иссохнувшего, едва живущего существа", „несчастного остатка человека", „олицетворенного страдания". „Трехъярусный усач", гайдук, сторожившій Остапа, напоминает предводителя польского отряда в „Кровавом бандуристе", усы которого описываются Гоголем так же тщательно, как и в „Тарасе Бульбе". Наоборот, сцена расправы с евреями, едва намеченная в „Гетьмане", позднее в „Тарасе Бульбе" развита в значительный эпизод. Встреча Остраницы со старым казаком Пудьком и взаимные расспросы о соратниках также повторены в „Тарасе Бульбе" (приезд Бульбы на Сечь). Отдельные моменты „Гетьмана" отразились и в некоторых других произведениях Гоголя, в совершенно ином, иногда неожиданном контексте. Так, „черный голос, который слышит человек перед смертью", является в „Старосветских помещиках", а поговорка-ругательство усача: „терем-те-те", вкладывается Гоголем в уста Утешительного-Швохнева („Игроки", явление XVIII).

НОЧИ НА ВИЛЛЕ.

I.

ИСТОЧНИКИ ТЕКСТА.

Автограф Пушкинского Дома (Института Литературы) Академии Наук СССР.

II.

Отрывок „Ночи на вилле“ в первый раз напечатан Кулишом, в первом томе „Записок о жизни Гоголя“ (стр. 227—230), по тому же, вероятно, (единственному) автографу, которым располагаем сейчас и мы. Автограф из собрания Ефремова (куда поступил от Погодина)-на двух листках желтовато-белой почтовой бумаги in 8°, без знаков, четким почерком. „Гоголь вел“ — читаем в „Записках“ — „род дневника, которого сохранилось две осьмушки. Существовало ли продолжение — неизвестно; но в этих листках недостает средины, как видно из того, что на одном листке написано: «Ночь 1-ая», а на другом: «Ночь 8-ая»“. В этом описании лишь под один признак не подойдет наша рукопись Пушкинского Дома: заголовка „Ночь 1-ая“ в ней не находим (см. выше факсимиле). Не во всем соответстствует ей и самый текст „Ночей“, как он дан Кулишом: кроме подновления орфографии и языка, есть у Кулиша и более разительные отклонения от сохранившегося подлинника: вм. „сокровищей“ — „сокровищ“; вм. „называемых“ — „названных“; вм. „за стеклами“ — „по стеклам“; вм. „томление скуки выражалось“ — „томление, скука выражались“ вм. „мгновенья“ — „мановенья“; вм. „целыми десятками“ — „целым десятком“; сделан, наконец, и один явно цензурный пропуск, — отсутствуют слова: „что сыплется от могущего скиптра

полночного царя". Прочие отступления от гоголевского автографа проще всего объяснять небрежностью; лишь заголовок „Ночь 1-ая" дает, может быть, право заподозрить, не пользовался ли Кулиш другой рукописью, — черновиком сохранившейся, — что объяснило бы и наличность у него ошибочных чтений. Заголовок „Ночь 1-ая" сохранил, впрочем, и Тихонравов, уже несомненно располагавший нашей рукописью. — См. Соч. Гоголя, 10 изд., т. V, стр. 530, 673. — При бесспорном тожестве „листков", которыми располагал Тихонравов, с нашим автографом, совершенно необъяснимо иначе как небрежностью наличие у него не только заголовка „Ночь первая", но и нескольких ошибочных чтений Кулиша, из числа приведенных выше („целым десятком", „названных" и др.). Ошибки эти из 10 изд. (Тихонравова) перешли в следовавшие за ним другие, и таким образом подлинный гоголевский текст отрывка в данном издании воспроизводится впервые.

III.

„Род дневника", по определению Кулиша, „Ночи на вилле" насквозь автобиографичны: под „виллой" подразумевается римская загородная вилла княг. З. Волконской, где в апреле — мае 1839 г. умирал от чахотки двадцатитрехлетний граф Иосиф Михайлович Вьельгорский, незадолго перед тем прибывший в Рим, в свите наследника (будущего Александра II), вместе с Алексеем Толстым и Жуковским. Иосиф Вьельгорский, сын известного музыкального деятеля и мецената Михаила Юрьевича Вьельгорского, и есть то лицо, о котором, не называя его по имени, говорят „Ночи на вилле". Его умирание, привлекательный характер и предсмертная дружба с ухаживавшим за ним Гоголем нашли себе отклик как в мемуарной литературе, так и в эпистолярной, — в письмах, в том числе, самого Гоголя: см. „Год в чужих краях (1839). Дорожный дневник М. Погодина", ч. II, М., 1844, стр. 29, 52; „Русский Архив" 1890, кн. 19, стр. 229; письма Гоголя в мае — июне 1839 г. Погодину, Шевыреву, Балабиной и др. — В первых числах июня Вьельгорский умер; 5-м июня датировано последнее из посвященных ему писем Гоголя (к А. С. Данилевскому).

Близость указанных эпистолярных отзывов к отрывку „Ночи на вилле" заставляет относить возникновение „Ночей" к тому же периоду времени, что и самые письма, — с одной, впрочем, оговоркой: отрывок написан, несомненно, после смерти Вьельгорского, а не в период бдений Гоголя над больным, как полагали Кулиш и Тихонравов. Что в отрывке речь идет об умершем уж человеке, явствует из неизменно повторяющегося всюду прошедшего времени, из частого употребления таких слов, как: „тогда", „доныне" („Его слова были тогда"; „Что бы я дал тогда"; „Они еще доныне раздаются в ушах моих, эти слова"),

из элегически-мемуарного, наконец, тона некоторых описаний, который, при хронологической близости описываемого, понятен лишь по отношению к умершему. Датировка „Ночей на вилле“, предложенная Кулишом („во время болезни графа Иосифа Вьельгорского“) и принятая Тихонравовым („в конце мая 1839 года“) нуждается поэтому в исправлении: „Ночи“ написаны не раньше смерти Вьельгорского, т. е. не раньше первых чисел июня 1839 года. Они имеют таким образом характер не дневника (как думали Кулиш и Тихонравов), а скорее мемуаров. Отсюда — и некоторая литературность отрывка, расчет на впечатление читателя. В избранный круг читателей, на которых рассчитаны были (только в виде, разумеется, рукописи) „Ночи“, могли входить, в первую очередь, родители покойного, особенно — мать, не присутствовавшая (как и отец) при кончине сына и нуждавшаяся поэтому в каком-то рассказе о ней. Роль вестника взял на себя как-раз Гоголь: он выехал навстречу графине Л. К. Вьельгорской и первый объявил ей о смерти сына. В этот период посредничества между умершим другом и его родителями, когда Гоголю, несомненно, приходилось и припоминать и пересказывать много раз мельчайшие подробности об умершем, он и мог попытаться облечь свой рассказ в литературную форму.

Кроме родителей, этого могли ожидать от него друзья умершего, а в числе их — Жуковский, в Рим прибывший одновременно с Вьельгорским, при его смерти однако же не присутствовавший (из-за отъезда с наследником в Неаполь). Общением с Жуковским в Риме, в январе — феврале 1839 г., могла быть подсказана Гоголю самая форма „Ночей“ — форма поэтической эпитафии. Не говоря уже о стихотворных опытах Жуковского в этом юнговском жанре, к моменту встречи его с Гоголем в Риме относится его выступление также в роли друга-некрологиста. Имеем в виду известное письмо Жуковского к отцу Пушкина. Не знать его в 1839-м году Гоголь, конечно, не мог. При встрече с Жуковским в Риме „первое имя, произнесенное нами“, писал Гоголь, „было — Пушкин“. И отзвук рассказов Жуковского о кончине Пушкина слышится уже прямо в майских письмах Гоголя, где идет речь о Вьельгорском. Сближая преждевременную смерть Вьельгорского с смертью Пушкина, свои личные впечатления и чувства — с чувствами, которыми успел с ним поделиться при встрече Жуковский, Гоголь и самую мысль написать некролог мог позаимствовать у Жуковского же.

Однако, „Ночи на вилле“ не были доведены до конца. Это не уменьшает их значения для биографии Гоголя. Замечательно, что ощущение возврата уходящей молодости в эпизоде, нашедшем себе отражение в „Ночах“, явилось для Гоголя как бы лишь ответом на соответствующий с его стороны запрос: еще в феврале 1839 г., т. е. до сближения с Вьельгорским, Гоголь писал Данилевскому о том же

самом — и о „деревянеющих силах“ старящейся души, и о боязни, „чтобы кора, нас облекающая, не окрепла и не обратилась наконец в такую толщу, сквозь которую в самом деле никак нельзя будет пробиться“ ни „живым впечатлениям“ юности, ни „прежним чувствам“. Испытав затем желанное „дуновение молодости“, но в трагическом контрасте со смертью, Гоголь заканчивает некрологический свой отрывок эпитафией этой самой, своей собственной молодости; и хоть и обрывает ее тут на полуслове, но впоследствии не раз возвращается к ней в лирических отступлениях „Мертвых душ“.

МЕЛКИЕ ОТРЫВКИ.

СТРАШНАЯ РУКА.

Печатается по автографу, на стр. 45 тетради *РМ*$_4$. Впервые отрывок опубликован Кулишом. См. „Записки о жизни Гоголя“, т. I, стр. 167-168. — Комментарий к отрывку см. выше, в комментарии к „Невскому проспекту“.

<ФОНАРЬ УМИРАЛ>.

Печатается по автографу Публ. библ-ки СССР им. В. И. Ленина в Москве. Впервые отрывок опубликован Кулишом. См. „Записки о жизни Гоголя“, т. I, стр. 173-175. — Комментарий к отрывку см. выше в комментарии к „Невскому проспекту“.

<ДОЖДЬ БЫЛ ПРОДОЛЖИТЕЛЬНЫЙ>.

Печатается по автографу Публ. библ-ки СССР им. В. И. Ленина в Москве в виде листка in 4° плотной, вержированной, без водяных знаков бумаги, — той самой, из которой составлена тетрадь *РЛ*$_1$, содержащая „Миргород“; на принадлежность когда-то к этой самой тетради описываемого листка указывают отмеченные в нем еще Тихонравовым „ясные следы“, что он вырезан „из переплетеной

тетради". — См. Соч., 10 изд., т. V, стр. 553. — Есть, с другой стороны, многочисленные следы в самой тетради $РЛ_1$ вырезанных из нее листов (напр. между лл. 3 об. и 4, 15 об. и 16 и т. д.). Вторая (оборотная) страница листка заполнена текстом только вверху; ниже — рисунки Гоголя: готический портал, здание с башней, стена. Тетрадью $РЛ_1$ Гоголь, как известно, пользовался в 1833-34 гг. См. введение к комментариям во 2-м томе настоящего издания. — Это дает право и описываемый отрывок относить не ранее как к 1833 году, вопреки более ранней датировке его в изд. Тихонравова. Ср. Соч., 10 изд., т. V, стр. 554. — Впервые отрывок опубликован Кулишом. См. „Записки о жизни Гоголя", т. I, стр. 171-173. — Комментарий к отрывку см. выше, в комментарии к „Запискам сумасшедшего".

<РУДОКОПОВ>.

Печатается по автографу в 5 строк на л. 7 об. тетради Публ. библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде, содержащей „Миргород" *($РЛ_1$)*. Судя по местонахождению, отрывок вписан в тетрадь одновременно с остальным ее содержанием, т. е. в 1833 году.

<СЕМЕН СЕМЕНОВИЧ БАТЮШЕК>.

Печатается по автографу Публ. библиотеки СССР им. В. И. Ленина в Москве, в виде листка желтоватой бумаги in 4°, с львом, держащим щит в филиграни, с надписью под лапой: „Concorde" и литерами: „F. W.". Отрывок впервые был опубликован Тихонравовым в „Царе-Колоколе" (1892 г., т. III, стр. 107), откуда перепечатан (В. Шенроком) в 10 издании. Там же указано на сходство отрывка с „Коляской", с одной стороны, с эпизодами о Митяе и Миняе и о въезде Коробочки в город N. в 5-ой и 8-ой главах первого тома „Мертвых душ", с другой стороны. — См. Соч. Гоголя, 10 изд., VI, стр. 745, 798. — Одновременное сходство с двумя вещами, одна из которых в 1835 г. была начата, а другая в том же году написана целиком, позволяет, с некоторой долей вероятности, к тому же году (обновившему, как известно, украинские впечатления Гоголя) отнести и самый отрывок.

<ДЕВИЦЫ ЧАБЛОВЫ>.

Печатается по автографу Публ. библиотеки СССР им. В. И. Ленина в Москве в виде листка in 4° с клеймом: „<I. Wha>tmann Turkey Mill 1838“, оборотная сторона которого содержит отрывок, начинающийся: „вражды, войны, битвы и замировки“ и стоящий в связи с занятиями Гоголя украинской историей в Вене, в августе—сентябре 1839 г. — См. Соч. Гоголя, 10 изд., V, стр. 675, VI, стр. 793, 797. — К тому же, очевидно, периоду относится и набросок повести о „девицах Чабловых“, которых можно отожествить с кончавшими в том году Патриотический институт в Петербурге сестрами самого Гоголя (Анной Васильевной и Елизаветой Васильевной). Вопросу о будущности сестер в конце 1839 г., когда написан отрывок, немало уделено вниманья в письмах Гоголя, причем все его высказыванья там на эту тему весьма близки к содержанью наброска. Программа светского воспитания для небогатой девушки, продумывавшаяся Гоголем на пути в Россию в 1839 г. ради применения ее к собственным сестрам, возможно, и послужила темой сделанного одновременно наброска повести.

ПЕРЕВОДЫ ИНОСТРАННЫХ ВЫРАЖЕНИЙ И ТЕКСТОВ.

Стр. 40 — Моя жена!
„ „ — Что вам угодно?
„ „ — Ступайте на кухню!
Стр. 100 — Это очаровательно, Лиза, Лиза, пойдите сюда!
„ „ — Какое красивое лицо!
Стр. 105 — Великолепно, великолепно!
„ „ — Это очаровательно!
„ „ — Какая восхитительная мысль!
Стр. 108 — Есть что-то необыкновенное во всей его внешности.
Стр. 126 — Жанровая картина.
Стр. 171 — Добрый день, папа!
Стр. 219 — Дворецкий.
„ „ — Боже, какая божественная вещь!
„ „ — Чорт возьми, какая божественная вещь!
Стр. 220 — Касторовое масло.
Стр. 223 — Но что это за божественная вещь!
„ „ — Римский ежедневник, Пират.
Стр. 228 — Всё делают, ничего не знают, всё знают, ничего не делают. Французы — вертопрахи: чем больше им отвешиваешь, тем меньше они тебе дают за это.
Стр. 232 — ⟨поддержать⟩ с честью обязанности супруга.
Стр. 244 — Народ
Стр. 246 — Веселиться
Стр. 247 — О, какое веселье!
„ „ — Одно свинство!
Стр. 248 — О, красавица!
Стр. 251 — Какое животное!
Стр. 254 — Князь
„ „ — Сиятельство
Стр. 255 — Три разбойника
„ „ — Улица печатников
„ „ — Троица
Стр. 256 — Кто знает
Стр. 257 — Вот и я, ваше сиятельство
„ „ — Истинный римлянин.

ПЕРЕЧЕНЬ ИЛЛЮСТРАЦИЙ.

Н. В. Гоголь. Карандаш Э. А. Дмитриева-Мамонова (1839). Институт Литературы (Ленинград) . . . . . 4—5

„Ночи на вилле“, первая страница. Рукопись Пушкинского дома (института Литературы) Академии Наук СССР . . . . . 324—325

„Невский проспект“, первая страница эпизода о Пирогове. Рукопись Публичной библ-ки им. В. И. Ленина (Москва), стр. 64 . . . . . 366—367

„Повесть о чиновнике, крадущем шинели“, первая страница. Рукопись Публичной библ-ки им. В. И. Ленина (Москва) . . . . . 446—447

„Шинель“, отрывок. Рукопись Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (Ленинград) . . . . . 522—523

Отрывок повести „Портрет“ (между набросками статей: „Несколько слов о Пушкине“ и „Скульптура, живопись и музыка“). Рукопись Публичной библиотеки им. В. И. Ленина (Москва), стр. 48 636—637

Перечень содержания „Арабесок“. Рукопись Публичной библиотеки им. В. И. Ленина (Москва), стр. 3 . 698—699

СОДЕРЖАНИЕ.

ПОВЕСТИ.

Невский проспект 7
Нос 47
Портрет 77
Шинель 139
Коляска 175
Записки сумасшедшего 191
Рим 215

ОТРЫВКИ.

Две главы повести „Страшный кабан“ 263
Гетьман 277
Ночи на вилле 324

МЕЛКИЕ ОТРЫВКИ.

Страшная рука 329
Фонарь умирал 329
Дождь был продолжительный 331
Рудокопов 333
Семен Семенович Батюшек 333
Девицы Чабловы 335

ДРУГИЕ РЕДАКЦИИ.

Невский проспект 339
Нос I. Первоначальный набросок 380
II. Первая полная редакция 381
III. Эпилог в „Современнике“ 399
Портрет (редакция „Арабесок“) 401

Шинель 446
I. Повесть о чиновнике крадущем шинели 446
II. Отрывки второй редакции 450
III. Первоначальная редакция эпилога 455
Коляска 462
Рим 476

ВАРИАНТЫ.

Варианты к „Невскому проспекту“ 479
Варианты к „Носу“ 484
Варианты к „Портрету“ 489
Варианты к „Шинели“ 521
Варианты к „Коляске“ 550
Варианты к „Запискам сумасшедшего“ 553
Варианты к „Риму“ 572
Варианты к отрывкам: „Страшный кабан“, „Гетьман“, „Ночи на вилле“ 576
Варианты к Мелким отрывкам 583
Варианты к „Портрету“ (редакции „Арабесок“) 586

КОММЕНТАРИИ.

Введение 635
Комментарий к „Невскому проспекту“ 643
Комментарий к „Носу“ 649
Комментарий к „Портрету“ 661
Комментарий к „Шинели“ 675
Комментарий к „Коляске“ 691
Комментарий к „Запискам сумасшедшего“ 697
Комментарий к „Риму“ 706
Комментарий к отрывкам:
„Страшный кабан“ 710
„Гетьман“ 711
„Ночи на вилле“ 717
Комментарий к Мелким отрывкам 721
Переводы иностранных выражений и текстов 724
Перечень иллюстраций 725

Переплет, титул и контр-титул, графические украшения издания и силуэт Н. В. Гоголя на форзаце художника *Н. В. ИЛЬИНА*

Художественная редакция *И. И. ЛАЗАРЕВСКОГО*
Редактор издательства *М. А. АФАНАСЬЕВ*
Техническая редакция *О. Н. ПЕРСИЯНИНОВОЙ*
Корректура *В. Г. БОГОСЛОВСКОГО*

Сдано в набор 20 III 1938 г. Подписано к печати 29 I—1939 г. Уполномоченный Главлита № Б-50417. Тираж 15175 экз. Объем 45½ печ. л., 7 вклеек. В 1 печ. листе 34 000 тип. зн. Учетно-авт. л. 38.3. АНИ № 353. Бума а 62 X 94 в 1/16 долю листа. Заказ № 1338.

1-я Образцовая типография Огиза РСФСР треста „Полиграфкнига". Москва. Валовая, 28.

Отпечатано с матриц в типо-литографии Издательства Академии Наук СССР. Ленинград, В. О. 9 линия, д. 12.

ИСПРАВЛЕНИЯ И ОПЕЧАТКИ

Стр.	*Строка*	*Напечатано*	*Следует*
492	43	от ‹го?›	от то‹го?›
500	42	*а.* и взглянул и вперил глаз	*а.* и взглянул *б.* и вперил глаз
658	34	„золотой горшок“	„Золотой горшок“
661	11	$PЛ_2$	PA_2
696	15	„Телескоп“	„Молва“